Р. Н. НАБИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ

Р. Н. НАБИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

(ФЕОДАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ХУДОЯР-ХАНА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ · 1973

9(С5)
Н 13

Работа представляет собой исследование архивных документов и рукописных источников, освещающих социально-экономические отношения и политическую историю Кокандского ханства 40-х—70-х годов XIX в. В работе раскрывается процесс концентрации движимого и недвижимого имущества в руках хана и его двора, формы и методы эксплуатации трудового дехканства, структура и система управления ханским хозяйством.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также лиц, интересующихся историей народов Средней Азии.

Ответственный редактор
акад. АН УзССР *М. Ю. ЮЛДАШЕВ*

Н 0164—039 03—72
355(06)—73

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5
Глава I. Политические события во времена правления Худояр-хана. . . 29
Правление Шерали-хана и возвышение кипчаков. . . . . —
Основные политические события при первом самостоятельном правлении Худояр-хана (1852—1858). 48
Правление Малла-хана (1275/ конец 1858 г. — 1278/ февраль 1862 г.). . 55
Второе правление Худояр-хана (1278/1862—1280/1863). 61
Правление Султана Саида (1280/1863 — 1282/1865). 67
Политические события в третье правление Худояр-хана (1282/1865—1292/1875) 70
Ханский дом. 86
Глава II. Основные доходы государства Худояр-хана. 96
Глава III. Ханский курук. 133
Эксплуатация целинных земель, лесных и камышовых зарослей края. . —
Охотничьи заповедники хана и царская охота. 156
Глава IV. Личные сельскохозяйственные владения Худояр-хана. . . . 163
Удельные земельные владения Худояра. . . . . —
О скотоводческом хозяйстве Худояра. 188
Глава V. Городские предприятия и строительные мероприятия ханского дома 197
Торговые и ремесленные предприятия. . . . . —
Ханское строительство. 218
Глава VI. Управление ханским хозяйством. 228
Глава VII. Принудительный труд в ханском хозяйстве. 248
Глава VIII. Расходы ханской казны. 259
Вместо заключения. 274
Примечания. 277
Приложения. . . . . .

Рашид Набиевич
Набиев

ИЗ ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

(феодальное хозяйство Худояр-хана)

Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения,
Отделением истории, языкознания и литературоведения
АН УзССР

Редактор *И. Я. Шапиро*
Художник *П. Н. Хапилин*
Техн. редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *О. В. Шпинда*

Р06251. Сдано в набор 23/XI-72 г. Подписано к печати 7/II-73 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип. № 1 Бум. л. 12,125. Печ. л. 33,95. Уч. изд. л. 32,8. Изд. № 179. Тираж 2000. Цена 3 р. 63 к. Заказ 270.

Типография изд-ва „Фан" УзССР г. Ташкент, ул. Черданцева, 21.
Адрес изд-ва: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

«В государстве изящного Коканда наступил полный упадок. Вот уже в течение 27 лет происходят год за годом вражда, из месяца в месяц, день и ночь убийства. Не осталось ни одного смелого мужа, чтобы противостоять врагу».

Мулла Аваз Мухаммад

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о хозяйстве главного феодала в стране — хана или эмира — до настоящего времени остается неизученным, за исключением некоторых исторических периодов, когда в социально-экономической жизни государства ведущую роль играли крупнейшие духовные или светские феодалы. В работах ряда советских ученых затронуты лишь отдельные стороны этого большого вопроса (об удельных землях, куруках и т. д.), однако исследований, в которых была бы дана всеобъемлющая характеристика ханского или эмирского хозяйства, еще нет.

В связи с этим перед нами стояла задача определить место ханского хозяйства в социально-экономической структуре феодального общества Кокандского ханства на примере хозяйства Худояр-хана. Необходимо было установить по мере возможности его доходы по основным обложениям, масштаб сельскохозяйственных и городских (торгово-ремесленных) владений, характер управления хозяйством, большим для того периода ирригационным строительством. На фоне всего этого мы попытались раскрыть формы, методы и степень эксплуатации разоренного, обездоленного, бесправного населения городов и деревень Ферганской долины. Ведь недовольство масс, бурные, потрясающие основы власти народные волнения в Фергане в 70-х годах XIX в. против правящей верхушки, прежде всего самого хана, имели глубокие социально-экономические причины.

Думается, что данный труд поможет понять историческую обстановку, сложившуюся в Фергане перед ликвидацией ханства и превращением его в колониальную окраину царской России. Мы посчитали необходимым посвятить одну из глав основным политическим событиям, происходившим в ханстве в рассматриваемое время, ибо без этих почти не исследованных данных трудно понять причины тяжелого экономического состояния страны. Не останавливаясь подробно на вопросах присоединения ханства к России, объективно сыгравших огромную роль в судьбах народов Средней Азии, мы затрагиваем их лишь для того, чтобы показать, какой значительный урон экономике ханства нанесла многолетняя война с царской армией, наряду с другими беспрерывными войнами, происходившими в период господства кокандских ханов. Разумеется, для правильного понимания роли присоединения Средней Азии к России необходимо указать на длительные плодотворные связи народов Средней Азии со своим великим соседом — Россией.

Однако характер настоящей работы не позволяет остановиться подробно на этом вопросе.

При освещении вопросов политической истории мы оперировали в основном данными малоиспользованных или совершенно не использованных местных источников.

Низкий уровень культуры и господство фанатизма среди правящей верхушки Кокандского ханства мешали широкому развитию историографии. Нам пока неизвестно ни одно историческое сочинение, написанное в Кокандском ханстве в течение почти всего XVIII в. Возможно, они были, но до нас не дошли, если не считать названий отдельных рукописей, время написания которых еще не установлено. Очевидно, кокандские ханы не были заинтересованы в составлении хронологии событий своих правлений.

Нельзя не согласиться с мнением одного из очевидцев событий и серьезного исследователя истории Ферганы В. Наливкина, который писал: «До сих пор эта отрасль науки (историческая. — *Р. Н.*) находится в совершенном почти пренебрежении между сартами, видящими науку всех наук в одном лишь мусульманском богословии и в мусульманском праве. Видя у меня книги исторического содержания, даже и образованные по-своему туземцы не раз высказывали убеждение в том, что книги эти читаются мною с той целью, чтобы по ним определять впоследствии места кладов»[1].

Фергана, как и Хорезм XVII—XVIII вв., была беднее в этом отношении даже современной им Бухары. Однако уже в XIX в. здесь было написано немало исторических сочинений.

По истории Кокандского ханства имеется ряд нарративных источников, созданных главным образом в последний период его существования. Но в них освещаются и события, предшествующие образованию Кокандского ханства. Данные источники, начиная от официальной придворной хроники и кончая трудами любителей-очевидцев, написаны на таджикском и узбекском языках. Принадлежность авторов этих работ к различным социальным слоям общества нашла отражение и в стиле изложения, и в языке источников, и в авторской оценке происходивших событий. События ранних периодов, заимствованные из других источников, изображены в подобных трудах схематично, отрывочно, но чем ближе к своему времени автор вел рассказ, тем изложение становилось полнее и детальнее.

Многие из местных авторов являлись очевидцами описываемых событий, а иногда и непосредственными их участниками, в том числе крупных принципиально важных актов политического и социально-экономического характера, однако главное внимание они уделяли изложению военных эпизодов, описанию деятельности ханов и беков. Поэтому на основании только подобного рода нарративных источников нельзя создать полноценное историческое исследование, освещающее в целом все этапы развития ханства.

Остановимся на характеристике использованных нами местных рукописных источников[2].

В 1822 г. Мирзой Каландаром Муширифа Исфараги было написано сочинение «Шах-наме». Это, пожалуй, самый ранний из сохранившихся и пока известных трудов по истории Кокандского ханства.

Другим относительно ранним трудом по истории Кокандского ханства является «Мунтахаб-ат таварих» («Изложение из летописей») Ходжи Мухаммада Хаким-хана туры Хуканди, сына Сейида Масум-хана туры, виднейшего потомка одного из крупнейших наставников среднеазиатского дервишизма XVI в. Махдуми Аъзама (Ходжаи Касани).

Масум-хан тура был женат на дочери кокандского хана — Нарбута-хана. От этого брака в 1221 (1806—1807) г. родился Хаким-хан[3]. Масум-хан тура занимал высокое положение (должность шейхулислама) в государстве во время правления сыновей Нарбуты — Алим-хана (1799—1810) и Умар-хана (1810—1822) и являлся их придворным советником.

Мухаммад Хаким-хан еще в молодости принимал участие в военных походах и охоте своих дядей Алим-хана и Умар-хана. Вращаясь среди представителей правящих кругов общества, Хаким-хан посещал придворных поэтов, принимал участие в их сборах и собраниях. Он был одним из знатоков истории и литературы. Еще в молодости он в совершенстве овладел родным узбекским и таджикским литературными языками и, видимо, увлекался сочинением небольших стихотворений.

В первые годы правления Умар-хана им было отправлено в Бухару к эмиру Хайдару посольство во главе с престарелым Тура Ходжой (дядей Масум-хана со стороны отца), в составе которого находился еще очень юный Хаким-хан. Ему была пожалована в 1234 (1818—1819) г. в Ташкенте Умар-ханом должность накиба столицы.

После смерти Умар-хана вошедший на престол Мухаммадали-хан (Мадали) на восьмой день своего правления назначил Хаким-хана правителем Наманганской (Тюра-курганской) области. Однако вскоре после высылки[4] его отца Мадали-хан освободил Хаким-хана от этой должности, арестовал на четыре месяца, а затем выслал его из ханства в направлении России. Доехав до средней Волги (до Самары), он отправился в Мекку и Медину через Кубань, Кавказ и Анатолию. Возвратился в Бухарское ханство он через Ирак и Иран. Семилетнее странствие обогатило его знаниями, расширило его кругозор, и благодаря своим способностям он изучил русский, турецкий, арабский и греческий языки. Последние годы жизни он провел в Шахрисабзе, и в это время, видимо, завершил свой труд.

«Мунтахаб-ат таварих», написанный, видимо, на узбекском языке[5] и сразу же переведенный на таджикский, носит автобиографический характер. Как и во многих других восточных исторических трудах, в начале его изложен общий взгляд автора на прошлое, затем освещается история Средней Азии со времени правления Шейбанидов (XVI в.) до периода правления Мангитов (начало 40-х годов XIX в.). Самая же ценная часть этого труда — изложение более чем столетней истории Кокандского ханства (до событий 1258/1843 г.). В заключении Хаким-хан описывает в сжатой форме все вынужденные, по его словам, паломничества и путешествия, сопровождаемые различными приключениями.

В своем труде он использовал как исторические источники, так и сведения, собранные в результате подробного опроса очевидцев и непосредственных участников событий. В ряде случаев Хаким-хан называет имена своих информаторов. Например, освещая сражение, происходившее между бухарским эмиром и правителем Ура-тюбе в местности Кураи-балик («قرغ بـلـيـق») на четвертом фарсахе от Самарканда, он ссылается на неоднократные рассказы Султан-хана Ходжи Ахрари и Ядгара-диванбеги.

Труд был завершен в 1843 г., т. е. когда автору было около 40 лет, поэтому он хорошо помнил жизнь ханского двора при Алим-хане и Умар-хане, военные походы этого периода. Он описал многочисленные события политического и социально-экономического характера в качестве их очевидца, а в отдельных случаях и участника.

Кроме событий, происходивших внутри страны, Хаким-хан довольно подробно осветил взаимоотношения Кокандского ханства с Бухарой и Кашгаром, а также некоторые события в Афганистане. Он приводит отдельные факты, характеризующие взаимоотношения Коканда с Хорезмом и Турцией при Умар-хане. В этом труде имеются интересные географические данные, сведения о культурной жизни ханства, эпизоды, свидетельствующие о злоупотреблении представителей правящих кругов своей властью.

Встречаются в труде данные и о самом авторе, о принадлежавших ему селениях, землях, постройках и т. д., что, несомненно, дает материал для характеристики хозяйств лиц, близких к ханскому дому.

Хаким-хан приводит сведения по истории восточных губерний России, Турции, Ирана и Ирака первой половины XIX в. Он описал жизнь многих восточных городов России — Оренбурга, Самары, Астрахани, Ирбита и др., привел данные о населении этих городов, торговых отношениях и участии в торговле среднеазиатских купцов, писал о значительном развитии русских рынков и ярмарок, а также о русском войске, городских учреждениях, высоком культурном уровне России. Появление подобных сведений местных авторов в литературе еще в начале 40-х годов XIX в., несомненно, оказало большое влияние на умы некоторой части населения крайне отсталой страны.

При использовании труда Хаким-хана следует особо критически подходить к тем его разделам, которые посвящены правлению Мадали-хана, ибо вражда между ними наложила определенный отпечаток на это сочинение.

Подробный анализ труда Хаким-хана, который не относится непосредственно к исследуемому нами периоду, объясняется тем, что все последующие авторы в той или иной мере использовали его сведения, а некоторые полностью позаимствовали ряд разделов его работы. Без глубокого понимания событий, отраженных в этом труде, разобраться в явлениях, рассматриваемых в нашей работе, невозможно.

Истории Кокандского ханства посвящен также труд Муллы Нияз Мухаммада бин Ашур Мухаммада Хуканди «Тарихи Шахрухи» («История Шахруха»), написанный в 1288 (1871—1872) г., в конце жизни автора. По словам самого автора, его предки всегда были верными слугами династии Минг, а со времени правления Ирдана-хана (1164/1761—1188/1774) до периода правления Умар-хана (1810—1822) все его родственники, защищая честь кокандских ханов от их врагов, пали на поле битвы.

Сам Мулла Нияз Мухаммад был одним из образованнейших людей своего времени, учеником Домуллы Махдума — сына Домуллы Казы-и аълама, приближенного ханского двора. Русский автор, прибывший в Коканд в составе царской армии в начале 1876 г., Н. Н. Пантусов, познакомившись с Муллой Нияз Мухаммадом, уже глубоким стариком, писал: «По массе знаний и учености своей, конечно, мусульманской, этот человек заслуживает того, чтобы местные ориенталисты и исследователи обратили на него внимание с целью извлечь для исторической науки все возможное, пользуясь в настоящее время жизнью автора «Теварихи Шахрухие»[6].

Со времени правления Шерали-хана почти до конца правления Худояра Нияз Мухаммад сам принимал непосредственное участие в политической жизни ханства. Так, он участвовал в сражении, происходившем на берегу р. Сыра между Шерали-ханом и кипчаками, был пленен ими и с трудом освободился. Он принимал также участие как проповедник ислама в походе кокандских войск в 1277 (1860—1861) г.

против царской армии, находившейся в Казахстане. «Этот ничтожный автор настоящего сочинения, — писал он,—под победоносным знаменем..., произнося такбир (формулу «бог велик») и читая стих Корана, призывал мусульман на войну»[7].

Путем личных наблюдений, сбора устных данных и непосредственным активным участием в событиях им были собраны интереснейшие сведения по исследуемому нами периоду. Книга была написана по поручению Худояр-хана, поэтому, как и все подобные труды, имеет панегирический характер. Вот как писал о создании своего труда сам автор: «Этот несовершенный, недогадливый покорный слуга со стремительной смелостью и смелой энергией [изучал] положения и известия о правителях этой красивой страны, события, происшедшие в их времена, особенно семидесятичетырехлетней давности, происходившие со времени правления Нарбута-хана[8] до настоящего дня, т. е. 1288 г., который является счастливым временем правления Худояр-хана. Обобщил я повествование, увиденное зоркими глазами, услышанное чувствительными ушами, на страницах этой книги»[9].

До ликвидации ханства русским ученым, видимо, не были известны местные (ферганские) исторические труды и хроники. Опубликовав в 1875 г., за год до ликвидации ханства, статью «Очерк Кокандского ханства», Н. О. Петровский писал: «Никаких записей, летописей, а тем более исторических сочинений в ханстве этом, сколько мне известно, не существовало и не существует»[10]. Однако сразу после присоединения Ферганы становятся известными отдельные местные авторы и их труды, так как задача сбора подобных материалов была поставлена тотчас же на повестку дня. Это можно утверждать, исходя из сведений о том, что А. Кун в качестве специального «коллектора научных сведений и собирателя восточных рукописей»[11] находился в составе главной квартиры командующего войсками, действующими в Коканде.

Обращает на себя внимание замечание автора уже названной статьи, напечатанной на страницах «Туркестанских ведомостей» в 1876 г., о том, что труд «Тарихи Шахрухи» является переделкой самим автором первоначального варианта, «написанного с точки зрения совершенно объективной», так как Мулла Нияз Мухаммад принадлежал «к враждебной Худояр-хану партии» и первоначальный вариант его труда «не понравился кокандскому деспоту», поэтому он заставил его переделать. Первоначальный экземпляр, хранившийся в дворцовой библиотеке Худояра, будто бы был похищен.

Подобная версия вполне возможна. Нам известны факты, когда составлялись разные варианты одного и того же труда под одинаковым названием. По воле государя, один из них предоставлялся ему. Возникает лишь сомнение относительно принадлежности автора к враждебной хану партии, т. е. к кипчакской группировке, так как в труде нет на это ни одного намека и по содержанию работы это незаметно. Вполне возможно, что в самом конце правления Худояра Мулла Нияз Мухаммад откровенно выразил свое к нему отношение.

«Тарихи Шахрухи» — первое местное сочинение по истории Ферганы, попавшее в руки русских ученых после подчинения Коканда России и оцененное Н. Н. Пантусовым «как важнейший вклад в историческую литературу относительно прошлой Ферганы». Н. Н. Пантусов обнаружил два экземпляра этой рукописи. Из них древнейший и полнейший он оставил себе, а другой, менее ценный, но красиво оформленный он передал генерал-лейтенанту Колпаковскому. Оба экземпляра были посланы в Санкт-Петербург на III сессию конгресса ориенталистов, состоявшуюся в августе 1876 г. Видимо, экземпляр «Тарихи

Шахрухи», оставленный Н. Н. Пантусовым у себя, был издан им в Казани в типографии императорского университета в 1885 г.

Одним из важных рукописных источников по истории Кокандского ханства, особенно рассматриваемых нами последних десятилетий, является «Тарихи джахан-намаи» («Летопись зеркала мира»)[12]. Труд написан на таджикском языке, автор его кокандец Джунайд Мулла Аваз Мухаммад — сын Муллы Рузи Мухаммад Суфи-аттара. Принадлежал он к сословию мелких торговцев и занимался торговлей галантереей и парфюмерией в Коканде. Мулла Аваз Мухаммад не был придворным историком и создал свое сочинение по собственной инициативе, писал его он в течение 15 лет[13].

Первоначально он предполагал написать исторический труд в одном томе, охватывающий период, принятый на Востоке, — от сотворения Адама до 1283 г. х. Однако в процессе составления труда автор убедился в громоздкости материала и неудобстве пользования этой книгой, поэтому распределил материал на два тома[14]. В первом томе, по сообщению самого автора, излагалась история Адама, пророков, святых, халифов и правителей до конца XV в. Второй том начинался кратким изложением событий времени Бабура, затем описывалась история правителей Ферганы до 1284 (1867—1868) г. Однако сведения, относящиеся к XVI—XVII вв. и даже к XVIII в., коротки, схематичны, отрывочны. Подробные данные о внутренних и внешних событиях Кокандского ханства приводятся только с начала XIX в., т. е. с периода правления Алим-хана. По существу, если не считать незначительной части книги, то довольно объемистый второй том целиком посвящен истории кокандских ханов XIX в.

Для написания предшествующих периоду своей жизни глав автор использовал ряд исторических сочинений. Он ссылается на «Акбар-наме», «Муфтад-ат таварих», «Равзат-ас сафо», «Тарихи тазкираи ханани Фаргона», «Солнамаи Абдул Карим-бий ибн Мухаммад Раджаб Мунши», «Шахнамаи Мавлови Фазли Фаргони», «Тарихи амир Умар-хани», «Мунтахаб-ат таварих», «Тарихи Шахрухи»[15] и др. Особенно широко он использовал два последних труда, полностью переписав ряд первых разделов или изложив их содержание в своей редакции.

Наиболее ценную часть его сочинения представляют разделы, посвященные последним кокандским ханам. По словам автора, он видел собственными глазами одиннадцать правителей[16]. Являясь очевидцем, а в некоторых случаях и участником многих событий в Фергане, Аваз Мухаммад изложил их, естественно, объективнее, чем придворные историки.

Имеющийся в Ташкенте в рукописехранилище Института востоковедения АН УзССР единственный, видимо, автографический экземпляр дефектный, почерк в нем довольно не стабильный. Возможно, составленный в разное время пятнадцатилетнего периода труд исправлялся самим автором или по его поручению, однако он не успел переписать его[17]. Есть и стертые места, которые заполнены новыми отрывками, причем разными людьми.

В изучении истории Кокандского ханства и первых лет колониальной Ферганы среди специально посвященных истории Кокандского ханства работ имеет немалое значение важный труд Муллы Мирзы Алима ибн Домуллы Мирзы Рахима Ташканди «Ансаб-ас салатин ва таварих-ал хавокин» («Генеалогия султанов и история ханов»)[18].

Мирза Алим жил в период правления кокандских ханов Шералихана, Малла-хана и Худояр-хана, а также в первые годы господства царизма в Узбекистане. История Ферганы указанного перио-

да составляет наиболее ценную часть его труда. Автор, живя при дворе Худояр-хана, видимо, служил библиотекарем в ханской библиотеке[19], о чем свидетельствует приведенный Мирза Алимом в конце сочинения случай о том, как царские власти требовали от него выдачи 50 книг, якобы оставшихся от кокандских правителей, а он дал лишь десять[20]. В другом месте он пишет, что «был определенное время секретарем султана»[21]. О своей службе Худояру Мирза Алим писал следующее: «Пищущий эти строки этот ничтожный Мулла Мирза Алим — доброжелатель и обязанный хлебу и соли благоденствующего хана...» и т. д.

Накануне завоевания Ферганской долины царскими войсками он попадает в плен к киргизам. После освобождения из плена в связи с наступлением царских войск Мирза Алим поступает на службу к Насриддин-хану, который правил Кокандом всего лишь несколько месяцев. Затем он отправился в Кунград, где служил имамом. Здесь в 1319 (1901—1902) г. он завершил свой труд.

Труд Мирзы Алима написан на литературном узбекском языке. Автор хорошо владел таджикско-персидским и арабским языками и был знаком с богатой литературой на таджикско-персидском языке, на котором писал даже стихи. Сочинение Мирзы Алима, как и многие другие труды по истории Кокандского ханства, в целях «обоснования» прихода к власти династии Минг в начале XVIII в., начинается с истории потомков Тимура, правивших Ферганой, и заканчивается изложением событий первых лет после присоединения Ферганы к России.

Однако период, предшествовавший воцарению Шерали-хана, т. е. до начала 40-х годов XIX в., освещен отрывочно и занимает всего 10—12 процентов общего объема труда. Основная же его часть посвящена событиям, очевидцем которых он был. Для изложения событий предшествующего да и частично своего периода он использовал исторические труды.

В частности, в его работе имеются ссылки на труды Бабура, Мирхонда, Аваз Мухаммада-аттара и исторические сочинения «Насб-наман узбеки», «Тарихи ракими» и т. д.

Даже при весьма кратком изложении событий предшествующих эпох Мирза Алим допускает много неточностей, но вместе с тем он приводит ряд фактов, отсутствующих в известных нам трудах, освещающих этот период. Например, переселение некоторых племен из Самарканда в Коканд вследствие голода в Самаркандской области в 1130 (1717—1718) г.[22] Начиная с правления Шерали, события описаны более подробно. В частности, освещая период правления этого хана, автор писал о некоторых податях и повинностях. Например, о посылке во все вилайяты ханства ханских грамот о сборе вооружения; о приказании хана о сборе по махаллям военных налогов — улов-пули, милтик-пули; постройке крепостной стены вокруг Коканда, мобилизации населения на эти работы, способах и методах проведения этой стройки. Все эти сведения, несомненно, весьма важны. Описание автором кокандского восстания 1268 (1851—1852) г., во главе которого стояли Иса-бек и Абдулла-бек, редко встречается в других источниках.

В сочинении он писал о Малла-хане, враге Худояра; ряд данных о жестокости Малла-хана и о военной подготовке в ханстве во многом проливают свет на социально-экономическую и военно-политическую жизнь ханства. В рукописи изложены и важные подробности событий первой половины 60-х годов.

Сведения о событиях, происходивших после 1870 г., особенно ценны прежде всего потому, что их нет в таких специальных трудах, как «Тарихи Шахрухи» и «Тарихи джахан-намаи». Данные нашего автора о

движениях под предводительством Абдурахмана Афтобачи и Пулатхана, о внутренних и внешних отношениях Ферганы после присоединения ее к России, о колониальных порядках, его личное мнение как представителя средних слоев местного духовенства об этих событиях достойны серьезного внимания.

Не понимая сущности классовых отношений, Мирза Алим только после разгрома его хозяйства кипчаками и царскими войсками, попав в нищету, начал задумываться над существующей в мире несправедливостью[23]. Видя факты социального неравенства, он писал: «О друзья! Царские чиновники проявляли сочувствие к сословию баев, и сословие баев составило им постоянную компанию. Крестьянская масса пострадала от его податей и погибала она, глотая яд»[24].

Труд «Ансаб-ас салатин» привлекал внимание ученых еще до революции. Так, А. З. Валидов, прибывший в 1913 г. в Фергану по заданию проф. Катанова для сбора материалов с целью пополнения фонда восточных рукописей Казанского университета, оставил краткое описание этого труда.

Ценным источником по истории Кокандского ханства XIX в. является недавно ставший известным автобиографический труд ташкентца Абу Убайдуллы Мухаммада — сына Султана Ходжи (псевдоним его Ишан Ходжа Кары Ташканди) «Хуласатул-ахвол» («Краткая биография»), написанный на таджикском языке.

Автор его, родившийся в самом начале века[25] и проживший долгую жизнь — почти до конца правления кокандских ханов, оставил весьма важные сведения почти по полувековой истории Кокандского ханства. Труд прежде всего ценен тем, что перед глазами читателя проходит жизненный путь рядового ханского чиновника — мирзы, а затем сборщика закята (закятчи). События, связанные с жизнью самого автора, описание окружающей его среды дали ценный материал, который во многих случаях не только пополнил данные уже известных исторических сочинений, но и раскрыл всю глубину и сущность многих исторических фактов. Сведения, по существу относящиеся к классовым отношениям, а также отношениям между самими феодалами, тяжелый, порой совершенно невыносимый налоговый гнет, дикий произвол господствующих классов, широкое распространение взяточничества среди чиновничества, разоблачение некоторых царивших в стране порядков (например, тяжести повинности мардикар и способов взимания закята), могли найти отражение в труде ханского чиновника только тогда, когда он описывал действия своих противников.

«Хуласатул-ахвол» — труд, написанный и завершенный еще до ликвидации Кокандского ханства, но после присоединения Ташкента к России, естественно, мог отличаться от трудов, написанных во время полного господства ханского строя. Автор считал себя более свободным при освещении отрицательных явлений социально-экономической и общественно-политической жизни ханства[26].

Истории Кокандского ханства посвящен ценный анонимный источник «Миротул-фтух» («Зерцало побед»). В нашем распоряжении недолго находился один экземпляр этой рукописи, хранившийся в библиотеке ныне покойного А. А. Семенова, который в 40-х годах любезно предоставил нам его для ознакомления. С его разрешения нами были тогда сделаны некоторые выписки, намного облегчившие освещение многих вопросов при написании как предыдущих работ, так и настоящего труда. Поскольку мы не располагаем этим источником, у нас нет возможности остановиться на нем более подробно, поэтому остается лишь порекомендовать читателям статью Л. Зимина, посвя-

щенную этой рукописи[27]. Хочется лишь подчеркнуть, что, независимо от предположения В. В. Бартольда и Л. Зимина относительно ее автора, последний, кто бы он ни был, смотрел на кипчакские события, несомненно, с объективных позиций, вследствие чего, видимо, не мог поставить свое имя.

В нашем распоряжении имеется историческое сочинение под названием «Ануджум-ат таварих». Автор не оставил нам своего имени в рукописи, однако в двух ее местах имеются записи, из которых ясно, что он принадлежал к кокандскому ханскому дому. Еще в середине XVIII в. кокандский хан Эрдана послал в Бухару посольство во главе со своим племянником Хан-ходжи, сыном Юсуфали-ходжи, которого автор этого произведения считает своим дедом со стороны матери. И почти в конце рукописи автор ее написал фразу: «В конце периода правления нашего отца, т. е. отца пишущего строки этого сочинения, Худояр-хана»[28], не оставляющую сомнения в принадлежности труда перу одного из сыновей или внуков Худояр-хана[29].

Рукопись, являющаяся авторским черновиком, написанная то чернилами, то простым карандашом на больших листах бумаги русского производства, была передана нам в конце 40-х годов сотрудником Музея истории народов Узбекистана Турды Миргиязовым. В таком виде ее нельзя было ввести в научный обиход, поэтому по нашей просьбе она была переписана научным сотрудником Института востоковедения АН УзССР Абдулкадыром Мурадовым, за что приносим ему глубокую благодарность. Рукопись переплетена и находится в фондах указанного института.

К сожалению, труд остался далеко не завершенным. «Ануджум-ат таварих», по словам автора, должен был состоять из двух книг (двух дафтаров). Первая книга охватывала историю правителей Ферганы и Мавераннахра и их известных предков до правления Худояр-хана. Вторая книга должна была быть посвящена правлению Худояра и истории Туркестана до 1318 (1900—1901) г., однако она, к сожалению, пока не обнаружена. Быть может, замысел автора и не был осуществлен.

«Пишущий эти строки, обнаружив исторические труды, некоторые вакуфные документы и ярлыки, фирманы о тарханских бератах и документы по наследству, разыскав древние и старые указы и распоряжения правителей, находившиеся в руках некоторых людей и в библиотеке ханов и царей этого края, и изучив их, изложил в этой книге. Старые фельсы и дирхемы, обнаруженные под землей, которые свидетельствуют о генеалогии предков правителей Ферганы и Мавераннахра и показывают время правления этих правителей, автор этого воспоминания, затрачивая для их поиска много стараний и усилий и безграничный труд, приобретая их в руки, положил их в основу этого исторического произведения»[30],— писал безымянный автор этого ценного труда.

Изложение событий в первом томе начинается с периода воцарения в Фергане Бабура, а именно с 899 (1493—1494) г. В сжатой форме автор описал правление Бабура в Кабуле и Индии, а также его наследников и потомков. Данные о первых представителях династии Минг, которые, по словам автора, происходили от потомков Бабура, о появлении легендарного Алтун-бешика подлежат самому серьезному критическому изучению, что частично выполнено нами.

Следует отметить, что в связи с тем, что все события более полуторастолетнего периода излагаются отрывочно и занимают лишь 26 листов рукописного текста, автор рекомендует читателю для подробного ознакомления с этим отрезком времени «Тарихи Бобири» («Бабур-на-

ме»), «Тарихи джахан-наме», «Шах-намаи Абдулла-хани» («Абдулла-наме»), «Тарихи Муким-хани», «Гульшан-ат таварих» («Гульшан-ул мулук»), «Мунтахаб-ат таварих», «Афзал-ат таварих». Из приведенных источников последний пока нам неизвестен, и, естественно, приведенные автором «Ануджум-ат таварих» некоторые данные из этого источника (например, об орошении района Коканда) имеют первостепенное значение. Важны краткое сообщение о строительной деятельности ханов, общие сведения о выделении им вакфов, которые, несомненно, помогут розыску документального материала. Описание событий от 1066 (1655—1656) до 1121 (1709—1710) г., т. е. более полувекового периода, утеряно или они не описаны автором.

При кратком изложении событий, происходивших в период правления династии Минг, автор иногда приводит неизвестные до него факты, например, он рассказывает о намерении Рахим-хана идти в 1146 (1733—1734) г. походом на Ташкент и Туркестан[31]. Поход не был осуществлен из-за смерти хана в Ходженте. Однако сам этот факт служит явным свидетельством стремления к объединению этих областей и созданию крупного государства с центром в Фергане в восточных пределах развалившегося государства Аштарханидов.

Следует обратить внимание на освещение автором нападения калмыков, на ход борьбы против них и дату этого события — 1153 (1740—1741) г. Автор ясно говорит о том, что когда Абдукарим-хан вел войну против калмыков, тогда произошло нападение Надир-шаха на Бухару. При путанных сообщениях других местных источников об этом событии сведения данного автора, несомненно, облегчают исследование вопроса. Порой автор выходил за рамки истории кокандских ханов и обращался к событиям Восточного Туркестана, Дашти-Кипчака, Ташкента, Бухары и Хорезма, Ирана, когда они бывали связаны с событиями в Кокандском ханстве. Важными являются сведения автора о кочевых племенах Ташкентской области[32]. Обращают на себя внимание интересные данные о появлении государства Юнус-ходжи. Местная ташкентская знать, поднявшись против господства кочевой племенной аристократии, по сообщению автора, использовала существовавшие острейшие противоречия между их племенами.

В отличие от некоторых других авторов, автор данной работы дает правильную оценку деятельности Алим-хана, характеризуя ее как положительный фактор в развитии государственности в целом. Несомненно, обращают на себя внимание приводимые им данные о том, что Алим-хан способствовал развитию земледелия. Для мобилизации на принудительные работы инвалидам, слепым, сиротам, старикам и нетрудоспособным людям он назначал казенное питание, выделял одежду и строил в каждом городе здания для приготовления пищи[33]. Несмотря на то, что эти данные не встречаются в других источниках, они кажутся правдивыми, если принять во внимание проводимую Алим-ханом политику, имевшую своеобразные черты. Он дал несколько иную, более верную оценку личности и деятельности Алим-хана.

Автор этого труда пытался установить подлинный, по его мнению, смысл некоторых терминов и истинность собственных имен исторических личностей. Например, подлинное имя кокандского хана Эрдана — Абдул Каюм-хан, Эри доно (мудрый муж) — его прозвище, настоящее имя кокандского хана, известного в литературе, как Нарбута, было Абдул Хамид-бек, а Нар-батур (отважный муж) — его прозвище. Термин кушбеги он считал произошедшим от слова кушунбеги и т. д.

Отмеченные выше важные моменты первой книги, которая подлежит специальному изучению, говорят о полезности этого труда и мо-

гут быть использованы вместе с другими историческими источниками при изучении истории Кокандского ханства.

Нами использованы весьма важные данные своеобразного исторического труда по истории Кокандского ханства «Таснифи Гариб» («Сочинение Гариба»)[34]. Автор этого труда Азиз бин Риза-и Маргинани писал под псевдонимом Гариб (бесприютный). Отец его, видимо, принадлежал к знатным людям XIX в. Говоря о крупных эмирах (чиновниках) из сел. Чимион, служивших в начале века Алим-хану, автор писал, что они составляли общество его отца[35]. Отец его однажды был на приеме Мухаммадали-хана.

Сам автор на протяжении 27 лет служил секретарем уездного начальника Маргиланского уезда, не получая вознаграждения[36]. По словам Маргинани, он написал свой труд на основе фактов, полученных от разных людей. Маргинани подчеркивает, что он не подражал другим авторам, учитывая справедливость следующих слов Бедиля: «Подражание копирующим людям есть дело невежды». Труд написан на ломаном узбекском языке. В нем приведены отдельные отрывки из таджикских сочинений, в ряде случаев не переведенные[37]. В рукописи, видимо, были оставлены свободные места, заполненные потом другим почерком и другими чернилами. Рукопись на 436 крупных страницах, состоит из 5 глав и 166 подразделов.

В первых трех главах изложены многие эпизоды и события исторического, легендарного и религиозного характера по истории Востока, в частности Средней Азии, почерпнутые из других книг без соблюдения хронологического порядка. Ценной частью труда является последняя, посвященная событиям второй половины XIX в., современником которых был автор. Вот что говорит он об источниках написания этого сочинения: «Где бы я ни видел историческое сочинение и послание, конспектировал их, и еще некоторые передаваемые из уст в уста предания, которым я верил, записал их, и еще описал я некоторые другие дела, которые совершались в течение моей жизни и которые я видел и слышал. И написал я о тех событиях, которые я не видел собственными глазами, а слышал от народных масс, также о тех, которые я слышал от искренних и правдивых стариков, находившихся в гуще событий и видевших их»[38]. В ряде случаев, описывая события, он тут же указывал источник.

Всего на 21 странице (236—257) рукописи Маргинани приводил сведения о кокандских ханах, правивших до Худояр-хана. Остальная часть работы посвящена событиям, происходившим при жизни автора. Многие данные этого труда могут быть использованы для освещения как социально-экономических отношений, так и политических событий периода правления Худояр-хана.

Маргинани был очевидцем маргиланского восстания, направленного против жестокого ханского военачальника Мирзы Ахмеда. Впервые ярко описаны им конкретные факты, свидетельствующие о деспотизме хана, жесточайшем произволе правящей верхушки над бесправным, задавленным населением Ферганской долины. Эти сведения крайне ценны. Исследователь в этом труде находит данные о киргизском движении, происходившем еще до восстания Пулат-хана, мятеже Абдурахмана Афтобачи. Автор описал бегство Худояра из Коканда, вступление царских войск в глубь Ферганы.

Весьма важны для освещения социально-экономических отношений колониального периода такие факты, как, например, невыносимо тяжелый налог «лак-пули» (لك پلی), которым царские чиновники обложили население Маргилана, Андижана и Намангана[39], маргилан-

ское восстание против налоговой политики царизма, во главе которого стоял маргиланец Вали-хан тюра (зять Худояр-хана). Ценность данных об этом восстании заключается в том, что автор несколько размежевывает цели восставших народных масс и тех, кто проник в ряды восставших и к руководству восстанием из господствующего класса[40].

Следует отметить, что отдельные сведения, приведенные в этом труде, например, о владениях Худояр-хана и строительных работах в Ассаке, подтверждаются частично данными тогдашней русской литературы и документальных источников. Данные автора, рядового секретаря, простого местного наблюдателя о происходивших перед его глазами событиях и его отношение к ним, разумеется, небезынтересны для исследователя.

А. З. Валидов в 1913 г. видел рукопись «Таснифи Гариб» в библиотеке известного любителя книг Иса-хана тюры. Но он ошибочно назвал ее почему-то «Тарихи Азизи», тогда как название ее совершенно ясно указано самим автором, и изложил не совсем верно содержание рукописи[41].

Нами в известном отношении использованы два небольших сочинения в стихах, посвященные борьбе Худояр-хана против кипчаков. Первое из них, написанное на узбекском языке, называется «Джанг-намаи Худояр-хани» («Книга о сражении Худояр-хана»)[42]. Автор этого сочинения Мулла Шамси, известный под псевдонимом Мулла Шауки, принадлежал к духовенству и жил в селе Кальвак Наманганского округа. Второе сочинение, написанное на таджикском языке, называется «Зафар-намаи Худояр-хани» («Книга побед Худояр-хана»). Автор его Мулла Абулгафур тоже, видимо, выходец из среды ферганского духовенства. Оба автора — ярые противники кипчаков, написавшие свои сочинения, видимо, по поручению Худояра, поэтому они не могли объективно изложить это трагическое событие. Несмотря на это, сочинения их дают немаловажный фактический материал, например, о родовых делениях кипчакского племени, которого нет в других источниках.

Следует отметить, что А. З. Валидов в своей статье упоминал о рукописи Шауки под названием «Тарихи Шауки». По словам Валидова, труд посвящен последним дням Кокандского ханства и завоеванию Ферганы царскими войсками. Этот, видимо, совершенно другой труд Шауки пока в ташкентских фондах не обнаружен.

Использованы в данной работе лишь некоторые сведения немаловажного исторического сочинения «Тарихи джадидаи Ташканд» («Новая история Ташкента») Мухаммада Салиха Кари Ташканди. Этот источник, отразив главным образом события, происходившие в северо-восточных районах Кокандского ханства, связанные с новой историей Ташкента, дает немало фактов по истории Ферганской долины исследуемого нами периода. Однако он уже неоднократно использовался историками, поэтому нет необходимости на нем останавливаться.

Обращает на себя внимание ценный труд, дающий немалый материал по истории Кокандского ханства, известного кокандского поэта Фазли «Шах-намаи Мавлави Фазли».

Есть ряд работ по истории Кокандского ханства, названия которых известны, однако они пока не обнаружены: «Тарихи Амир Умар-хани» Мирзы Каландара, «Сол-намаи Абдул Карим-бий» Мухаммад Раджаба-мунши, «Тарихи Тазкираи ханани Фаргона», «Афзал-ат таварих».

А. З. Валидов в вышеуказанной статье называет труд поэта Муширифа «Рисолаи аскария», написанный в 1234 (1818—1819) г. по поручению Умар-хана. Он утверждает наличие экземпляра этого сочинения

в Азиатском музее Академии[43]. Он же упоминал о рукописи «Хадикатул хакоик», посвященной, по его словам, истории Кокандского ханства. Автор ее — яркентский губернатор при Якуб-беке Мулла Мухаммад Шиговул. В экземпляре, с которым познакомился А. З. Валидов в Коканде среди рукописей Юнусджан-дадхи Мухаммедова, изложение событий было доведено до правления Мухаммадали-хана и прерывалось на полуслове, хотя в предисловии труда автор обещал дать подробное освещение истории ферганских и кашгарских владетелей. В числе трудов, обнаруженных А. З. Валидовым, был «Китаб фит-тиб» известного поэта и табиба XIX в. Мавлана Джунайдулла Хазыка. Он был написан в 1817—1822 гг. в честь Умар-хана.

Несомненный интерес представляет исторический труд, посвященный истории Кокандского ханства, «Муфассал тарихи Фаргона», принадлежавший перу известного любителя книг андижанского казия Атабека. Труд компилятивный: в основу его положены главным образом сокращенные данные известного сочинения Муллы Нияз Мухаммада «Тарихи Шахрухи». Однако он не лишен и новых данных.

Одним из местных ученых-исследователей конца XIX— начала XX в. был Исхак-хан тура Джунайдулла угли Тура-кургани, у которого есть специальная работа — «История Ферганы»[44].

Имеются данные по истории Кокандского ханства еще и в трудах, посвященных Восточному Туркестану, в частности «Тарихи амние»[45].

Первоисточником при изучении истории Кокандского ханства служит хронологический труд «Таварих манзума» («Стихотворные истории») одного из культурных людей Ферганы первой половины XIX в. Имамали Кундузи. В конце экземпляра, хранящегося в Институте востоковедения АН УзССР, указана дата смерти автора — 1274/1857 г. Согласно предисловию, труд охватывает разные хронологические даты в период с 1238 (1822—1823) до 1264 (1847—1848) гг. Однако он продолжен до 1274 (1857—1858) г., вполне возможно, что уже другим лицом, упоминаемым в труде, — неким Баба-хан Ишаном[46]. На последних двух страницах приведены даты событий до 1304 (1886—1887) г., что, видимо, являлось дополнением переписчика.

В начале труда автор оставил следующую запись о характере своего произведения: «Имамали Кундузи, прославившийся своими стихами, достигающими иногда цели, [включил] некоторые крупные исторические события и явления, в том числе назначение на должность и освобождение от нее, рождение и смерть, строительство и разрушение, землетрясения и опасности, холеру и [другие] подобные этим, которые совершались в период существования этого ничтожного в течение дня и ночи, в силу необходимости переворота вращающегося неба»[47].

Труд написан на таджикском языке, но в нем помещены стихи и на узбекском языке. В текстах и стихах имеется много важных данных об описываемых событиях.

Ценнейшие сведения о Кокандском ханстве, особенно о последнем периоде его существования, оставили русские ученые, пленные, различные чиновники, купцы, специальные обозреватели, побывавшие на территории ханства как в период его существования, так и в первые годы после его ликвидации. Изучение в историческом, этнографическом, географическом отношениях Средней Азии, в том числе и Ферганы, ее естественно-природных условий, государственного строя, социально-экономических отношений, начатое в русской науке давно, усилилось в период присоединения к России. Независимо от взглядов

авторов, их идейных позиций, в ряде случаев тенденциозности, изложенный в трудах материал, добытый ими путем личного наблюдения, опроса местных жителей, участников и очевидцев событий, а также отчасти из письменных источников, в том числе документов, даже нумизматического материала, имеет важнейшее значение. Нами использованы в ряде случаев труды А. Куна, Н. Н. Пантусова, А. П. Хорошхина, В. Наливкина, А. К. Гейнса, А. П. Федченко, А. Ф. Мидендорфа, А. Соболева и других современников Худояр-хана.

Одним из малоисследованных разделов истории Узбекистана до недавнего времени оставалась история Ферганы XVIII—XIX вв., периода, когда она стала играть важную роль в политической жизни Средней Азии, являясь ядром нового политического образования — Кокандского ханства.

В послевоенное время, т. е. во второй половине 40-х годов, в связи с подготовкой к изданию «Истории народов Узбекистана» стала ощущаться острая необходимость в изучении этого вопроса. Тема «Очерки истории Кокандского ханства» была на время включена в план работы Узбекской Академии наук, согласно которому мы начали изучение литературы, имеющейся по данному вопросу. Однако другие более срочные работы, а главное отсутствие тогда документального материала, создавшее серьезное препятствие к изучению истории Кокандского ханства, заставили нас отложить работу над этой темой на 12 лет. Между тем, поиски архивного материала продолжались.

В 1958 г. мы вновь вернулись к этой теме и приступили к ознакомлению с фондами Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Казанского университета, Оренбургского, Уфимского и Астраханского архивов, а также Государственного архива УзССР и рукописного фонда ИВ АН УзССР.

В конце 50-х годов нами были получены фотокопии небольшого количества документального материала (36 документов) в фондах Казанского университета, относящегося главным образом к аграрным вопросам истории Ферганы XVI—XVII вв. Результаты исследования были изложены в двух статьях[48]. Далее была обнаружена в фондах Государственного архива УзССР часть архива карасканских ходжей (шейхов), что было доложено в специальном докладе на заседании Ученого совета Института истории и археологии АН УзССР, а некоторые документы, характеризующие крепостническую зависимость крестьян, впоследствии были опубликованы на страницах «Археографического ежегодника»[49]. В некоторых наших работах использованы материалы других архивов Советского Союза.

Еще в 40-х годах нам было известно о документальном материале по Фергане из статьи П. П. Иванова, хранящейся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина[50]. После войны от А. Ю. Якубовского и М. Ю. Юлдашева мы узнали о хранении в фондах этой библиотеки материалов на местных языках. М. Ю. Юлдашев несколько позже отметил это в одной своей работе[51]. Во время нашей поездки в 1957 г. в Ленинград для ознакомления с этим фондом мы могли познакомиться лишь с небольшой частью материала, так как готовился каталог этого архива. Эти незначительные документы, разумеется, не давали полного представления об архиве. Но, к сожалению, каталог вышел в свет лишь в 1968 г., архив же был передан в 1961 г. в Государственный исторический архив УзССР, поэтому еще до издания указанного каталога мы полностью закончили ознакомление с архивом (более 5 тыс. документов) и выбрали необходимый для настоящей работы материал. Таким образом, долгожданным каталогом так и не пришлось воспользоваться.

Однако, на наш взгляд, в работе следует остановиться на некоторых моментах этого каталога.

1. Проведена большая многолетняя работа по упорядочению материалов архива, их разбору, обработке, описанию и изданию[52], что, несомненно, помогает изучению и использованию материалов этого архива.

2. Познакомившись со всеми документами архива, мы еще в 1968 г. отмечали, что название, данное ему А. Л. Троицкой, т. е. «Архив кокандских ханов XIX в.», далеко не соответствует его содержанию. Материалы архива относятся главным образом к последнему периоду правления Худояр-хана, что вытекает из содержания каталога и не отрицается его автором. Об узости хронологических рамок архива А. Л. Троицкая писала следующее: «Основная масса документов относится к третьему правлению Худайар-хана, т. е. к 1866—1875 гг. При детальном ознакомлении с архивом выяснилось наличие в нем нескольких документов, чисто случайно относящихся к правлению Шер-Али-хана (1842—1845) — отца Худайар-хана, Малла-хана (1857—1862) — сводного брата того же Худайар-хана. Основная масса документов относится к концу 60-х — началу 70-х годов»[53].

Трудно ожидать сохранения архива семи основных кокандских ханов, правивших в XIX в., при той социально-политической борьбе, которую переживала Фергана, особенно в последние 35 лет. Кроме того, следует помнить, что после бегства Худояр-хана из Коканда его имущество и оставленный дворец были до конца разграблены. Однако материал, помещенный в каталоге, относящийся к этому периоду, благодаря наличию заинтересованных лиц, к счастью, уцелел. Нам кажется, что не все сохранившиеся материалы вошли в этот фонд[54]. Конечно, отдельные документы даже части архива этих ханов, попавшие в руки частных лиц, в другие среднеазиатские ханства, в учреждения царской России, со временем будут обнаружены. Однако содержание материалов архива, отраженное в опубликованном каталоге, ни в коем случае не дает права давать ему такое громкое, многообещающее название. Учитывая все вышеизложенное, архив следовало бы, на наш взгляд, назвать «Материалы из архива Худояр-хана».

3. В архиве много однотипных мелких документов (об отпуске вещей, незначительного количества продуктов, одежды, незначительных денежных сумм), даже однотипных документов об освобождении от налога и т. п., которые можно было бы сгруппировать (сохранив их номера) и подробно описать по группам (это сделано лишь с некоторыми документами), тогда не создавалось бы преувеличенного представления об объеме и содержании работы для тех, кто приступает к изучению истории Кокандского ханства.

4. Проанализировав описания всего нескольких десятков документов в каталоге, мы, к глубокому сожалению, установили, что отдельные документы не поняты автором каталога или не совсем правильно поняты. Остановимся на фактах. В параграфе каталога под названием «Челобитные о помощи пострадавшим от стихийных бедствий селениям»[55] приводится под номером 2384 следующее содержание важного документа: «Донесение Ариза-хану (Худайару) от неизвестного лица о челобитной жители селений Турк-калан и Турк Имамберды, прибывших в вилайет Мамахан относительно денежной субсидии, так как их селения засыпаны песком и разрушены». В действительности документ гласил следующее: «После передачи безграничного и пламенного привета моего отца, опоры богатства престола, да станет известным, что [из] местностей Турк-и Калан и Турк-и Имамберды, т. е. обоих кишлаков, подвластных мамаханскому вилайяту, приходили покорней-

шие, беднейшие, бесприютные и молящиеся [за Его Величество] старики и мне заявляли: «Да будет [Его Величество] у власти, мы молимся день и ночь за продление жизни государства, за поражение неверных. Намереваясь молиться под покровительством Его Величества, принесли налично 450 теньга в виде дара. Деньги, с трудом накопленные [жителями] Мамахан-кишлака». Я их послал отцу. Из-за [этих] бесприютных и беспомощных, надеясь на [получение] засыпавшегося песком разрушенного кишлака, я послал заявление. Да будет мир над вами»[56].

Следует отметить, что в силу недостаточной грамотности многих писарей встречаются в документах не только орфографические, но и стилистические ошибки, вследствие которых разбор содержания документов часто затрудняется. Этот документ из числа именно таких. Но, однако, совершенно ясно, что в нем речь не идет о получении населением каких-либо субсидий от ханского государства вследствие постигшего его бедствия. Как видно, в документе говорится о внесении пострадавшим населением 450 теньга за возвращение им опустевшего кишлака. Даже при трудности разбора документа можно было понять, что кто-либо не мог диктовать хану свои условия о предоставлении субсидии именно в размере 450 теньга. Видимо, один из важнейших документов архива не понят автором каталога. Все факты, содержащиеся в этом архиве, говорят об обратном: по указанию хана продавался камыш, защищавший население от движения опасных песков, и варварски истреблялся под корень, о требовании хана взимать налог пяндж-як (пятину) с пострадавших людей и т. д.

Возьмем другой факт, говорящий о том, что при разборе материала далеко не понято содержание некоторых важнейших документов. В документе под номером 2003 речь идет о том, что маргиланский бек Султан Мурад подтверждает получение письма Хаким-бая даллалбаши о пустующем ряде государственных или бекских лавок в Маргилане и необходимости «заполнения их людьми». На наш взгляд, судя по содержанию документа, бек приказывает «заполнить» эти лавки ремесленниками разных профессий и чтобы среди них не было людей, покидающих свои места в скором времени. В каталоге об этом документы читаем следующее: «Письмо Хаким-баю даллалбаши от Султан Мурад-бека с распоряжением вернуть с помощью Бахти Мухаммада-курбаши людей (арендаторов), покинувших лавки»[57].

Вот еще пример. Слово «قطئی ایربتی» переводится А. Л. Троицкой „арбатский ларец", „арбатская шкатулка"[58]. Ведь из трех случаев упоминания этого предмета[59] в двух ясно написано „кутт-и ирбити" (قطئی ایربتی), только в одном случае — «دوقطئ اربط سه کلیدی» что, однако, можно прочесть тоже как „ирбити". Возможность арбатского происхождения этих шкатулок нами никоим образом не отрицается, но они могли завозиться в Среднюю Азию через знаменитую Ирбитскую ярмарку, известность которой совпадает с рассматриваемым нами временем.

Нельзя согласиться с характеристикой ряда терминов, данных в указателях, имеющих важное значение при решении социально-экономических вопросов. Так, в частности, мы останавливаемся в нашем исследовании на месте саркаров и курукчи в хозяйстве хана, поэтому объяснение автора каталога нас не может удовлетворить. «Саркар, — пишет она в документах архива, — должностное лицо, ведавшее сбором налогов»[60], а «курукчи — сторож «заповедника», объезчик....»[61] всего-навсего. Характеристика этим должностям дана нами в соответ-

ствующей главе работы, однако еще в литературе 40-х годов говорилось о более широком месте саркара в феодальном хозяйстве средневековья. В отношении функций курукчи А. Л. Троицкая даже отступает от более правильного понимания их в своей более ранней работе[62]. Объяснение некоторых других терминов также вызывает возражение.

Мы могли бы еще остановиться на неточности характеристик и некоторых других моментах, но, думаем, и этого достаточно для того, чтобы указать на необходимость крайне осторожного использования каталога.

Неточность переводов, упущения в переводах документов важных моментов встречаются и в других работах А. Л. Троицкой, основанных на материалах этого архива. Например, последние строки одного из указов хана о мобилизации населения ряда кишлаков на перевозку топлива:

«... یك دفعه آدمان عرابه دار برامده هیزیم مذکوررا آدمان توانا توانا شیکم سیر بعرا بهٔ خود بار کرده بخشت‌خانه رسانیده بدهید بآدمان قشاق بی اسب عرابه ناندازید جمرغه کرده بیورت سالوق نکنید...»

переведены следующим образом:

«Чтобы люди, имеющие арбы в селениях (перечисляются.— *Р. Н.*), устроив хашар, вышли одновременно. Чтобы помянутые сильные, здоровые и сытые люди, погрузив топливо на свои арбы, доставили кирпичному заводу. Людей бедных, не имеющих ни арб, ни лошадей [в хашар] не включайте. Не притесняйте народ»[63].

Так слова «یك دفعه» — „один раз" переведены „одновременно", а «آدمان توانا شیکم سیر» „зажиточные, сытые люди" переведены как „сильные, здоровые и сытые люди".

Речь в тексте идет о материальном содержании людей, а не о физическом состоянии. Это подтверждается следующими словами текста: «بآدمان قشاق‌بی اسب عرابه ناندازید», т. е. „не облагайте неимущих людей, не имеющих повозок (ни арб, ни лошадей)". Самое главное, хан, испуганный гневом разоренного народа, предупреждал чиновников, чтобы они не превратили эту мобилизацию во всеобщий налог, т. е. слова «جمرغه کرده بیورت سالوق نکنید» („превращая в обязательства, не делайте налогом для всей страны"), по существу, упущены при переводе. А. Л. Троицкая перевела их: „не притесняйте народ".

До завершения настоящей работы, т. е. до 1968 г., была опубликована только одна указанная выше статья А. Л. Троицкой «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра», имеющая прямое отношение к одной из глав настоящей работы. Поскольку этот вопрос в основном освещен в указанной статье, хотя на базе далеко не полного архива, без привлечения других источников, которые использованы нами, однако при оценке всего хозяйства хана нельзя было обойти этот раздел. Мы попытались избежать особого повторения, хотя оно в силу использования тех же материалов (документов) неизбежно.

В конце 1969 г., когда был закончен наш многолетний труд, Институт востоковедения АН СССР издал новую работу А. Л. Троицкой «Материалы по истории Кокандского ханства XIX в.»[64]

Мы считаем необходимым остановиться на некоторых моментах обеих работ А. Л. Троицкой, которые совпадают с вопросами, за-

тронутыми нами, но освещаются автором, на наш взгляд, не совсем верно.

А. Л. Троицкая, говоря о ханских куруках, отмечает концентрацию курукных земель в руках Худояр-хана. По ее словам, Худояр объявлял заповедными туги побережья Сырдарьи, Междуречья, озера и заросли колючки в степях[65], превращал в курук заросли, находящиеся «прежде всего в пользовании населения»[66]. Далее она пишет, что «курукчи объезжали свои районы и выявляли пустующие земли, а также государственные земли, якобы самовольно присвоенные населением»[67]. Хан не останавливался перед явным нарушением обычного права узурпации частновладельческих земель. Наряду с этим в «заповедники отошли степные пространства, покрытые зарослями янтака»[68]. По всей вероятности, «все пустопорожние земли, заросшие янтаком, были на учете в ханской канцелярии»[69].

Несомненно, в рассматриваемое время наблюдалась концентрация и узурпация ханом необрабатываемых земель. Но, видимо, у автора нет ясного представления о том, когда этот процесс начался, какие категории земель перешли в руки хана, что из себя представляли земли, находящиеся ранее в пользовании населения, непонятно, почему автор разделяет земли на «пустующие» и «государственные». Конечно, трудно конкретно установить при отсутствии достаточного материала категории земель, определить земли, находящиеся до правления Худояра и при его правлении в собственности феодального государства, и земли, принадлежавшие общине, а также частную необусловленную собственность, которая, по нашему мнению, была в Ферганской долине. Однако и государственные земли, и общинные могли находиться во владении отдельных лиц. Поэтому одно дело обложение налогом пяндж-як всех пустопорожних государственных земель, которые раньше не облагались, другое дело захват общинных и собственных земель отдельных личностей. Приведенная А. Л. Троицкой в подтверждение выдержка из Н. Н. Пантусова о взимании четырех тысяч теньга чуп-пули за право рубить дрова, косить сено «на землях, считавшихся собственностью хана», не говорит о новом «захвате земель» ханом[70].

Говоря об обложении пяндж-яком, А. Л. Троицкая утверждает, что им «облагались не только государственные земли, но и частновладельческие»[71]. В качестве примера приводится заявление жителя сел. Какир-кишлак Эр-Мухаммада хану, в котором он писал, что имел в упомянутой местности много наследственной земли, поросшей янтаком, и что в прошлом году он вместе с населением кишлака внес в казну 7000 вязанок янтака. Эр-Мухаммад на время покинул указанную местность, переехав в Балыкчи — удел старшего сына Худояра Насриддин-бека. Когда он вернулся, амины и аксакалы Какир-кишлака, исключив Эр-Мухаммада из состава населения кишлака, обязались сдать в казну 15 000 вязанок янтака. И когда назначенный для расследования Муллой Иса Ахундом (несомненно, Иса Авлия) Сахиб Назар-махрам спросил свидетелей, последние ответили:

«Эр-Мухаммад имеет много земли в Какир-кишлаке. Ежегодно собирал он янтак со своей земли. В этом году переехал он в местность Янги-чека, и потому мы собирали янтак на земле жалобщика. Если он будет участвовать вместе с нами в расходах, то будет собирать янтак, как и в прошлые годы, мы не будем запрещать ему» (перевод А. Л. Троицкой)[72].

Автор видит в этом факте взимание пяндж-яка с частновладельческих земель, не входящих в состав государственных. Ничего не сказано

о возможности вхождения их в категорию общинных земель. Возникает вопрос, разве владетель мог бросить свою доходную собственность, а односельчане так легко, немедленно, безоговорочно могли завладеть ею? Видимо, здесь речь идет о государственных землях — янтачных зарослях, находящихся в пользовании частных лиц, с которых Худояр-хан взимал пяндж-як. Так у автора статьи нет ясности в понимании собственности и владения в земельных категориях. Если пяндж-яком равно облагались необрабатываемые земли, считавшиеся собственностью государства, общины и частной собственностью отдельных лиц, то в чем их разница?

Нам кажется, кроме обложения налогом необрабатываемых государственных земель, которые находились во власти хана, независимо от того, кто ими владел, что и являлось огромнейшей новой тяжестью для народа, Худояр узурпировал по крайней мере значительную часть общинных земель, не останавливаясь на присвоении вакуфных и даже частнособственнических земель. Отмеченная в работе политика хана в отношении вакфов говорит в пользу этого мнения.

Вопрос о присвоении всех значительных доходов, поступающих от куруков, несомненно, важен. А. Л. Троицкая, по существу, полностью отрицает поступление части дохода, прежде всего натурой, по этой статье в казну правителей областей — беков, большинство из которых в рассматриваемое время были сыновьями, братьями и другими родственниками хана. Она лишь говорит о праве взимать пяндж-як только сыновьями хана с земель, «лично им принадлежавших»[73].

Отсутствие материала, неполнота архива не позволяют, безусловно, правильно решить этот вопрос. Однако если в областях только сыновья хана взимали пяндж-як и только с земель лично им принадлежавших, то каким топливом обеспечивались дворы остальных беков. чиновничьего аппарата бекств, войска. Ведь обеспечение беков, чиновников, войска по всей стране не было централизовано.

Как известно, доход от хараджа, получаемый с обрабатываемых земель в округах ханства, оставался в основном в округе, которым распоряжался бек. Введенный позже пяндж-як с необрабатываемых земель, взыскиваемый в основном натурой, в округах, видимо, остался также в распоряжении бека, за исключением тех мест, которые считались ханскими. Топливо, отпущенное ханом для тоя Султан Мурада, единственного родного брата хана, или на нужды строительных объектов брата в Коканде, собранное в окрестностях Коканда, не может свидетельствовать о том, что Маргиланское бекство обеспечивалось топливом из ханских запасов. Однако камыш рос лишь по берегам Сырдарьи и озер, являясь ценнейшим стройматериалом, потому мог находиться в монопольном владении только самого хана.

Трудно согласиться с тем, что денежная сумма, назначаемая на покосы определенных мест, обсуждалась с представителями населения. Приведенные автором факты[74] об участии в определении ханской доли представителей населения (даже если таковыми считать аминов и аксакалов) выглядят несколько формально, декларативно. Фактически ханский курукчи (с согласия или по указанию хана) определял долю казны и сообщал аминам и аксакалам, которые должны были обеспечить благополучное взимание установленной. Когда предложенная снизу, обычно прошлогодняя, цифра удовлетворяла его, куручки соглашался с ней. Искать здесь какого-то демократического решения вопроса — участия в этом деле представителей народа — не следует.

Говоря об усилении товарно-денежных отношений, А. Л. Троицкая отмечает, что «в этот период наблюдается откупная система взимания налогов, перевод натуральных налогов на денежное обложение»[75]. Наличие откупной системы в использовании куруков кажется автору подтверждением мнения о зарождении буржуазных отношений. Мы никак не можем согласиться с этим. Во-первых, откупная система взимания налогов, господствующая в основном в докапиталистических формациях, как известно, была развита в Средней Азии и на всем протяжении средневековья. Во-вторых, она наблюдалась в Фергане не только в последнее правление Худояр-хана, но и гораздо раньше.

Вопрос об эксплуатации крестьян на ханских землях, разумеется, является центральным, главным вопросом исследований подобного характера. Как мы указали в соответствующих разделах настоящей работы, по этому вопросу имеются только некоторые, далеко не достаточные сведения среди архивных материалов. Они отчасти использованы А. Л. Троицкой[76]. Она приходит к мнению, что с удельных земель хана взималась натуральная рента за право пользования землей и рента-налог харадж, что, несомненно, верно. Но далее она путает, толкуя о двух видах хараджа. По ее словам, «с арендаторов и издольщиков харадж в ряде случаев взыскивали дважды: один с общего количества зерна, полученного после урожая, другой — с доли издольщика». Такое разделение, правда, имеется в двух документах — № 534, 545.

Согласно приведенному нами и А. Л. Троицкой документу № 545, взималось 404 чайрика неочищенного риса (шалы) „за право пользования землей" («زمین حقی»), 36 чайриков шалы под названием „крестьянский харадж" («خراج دهقانان»)[77], 65 чайриков „хараджа государева" («خراج پادشاهی»), 43 чайрика 14 чексы выдано на семена дехканам («جهت تخم شالی برست دهقانان داده شد»), 33 чайрика, взятые в прошлом дехканами на семена, возвращены в амбар,(«جهت تخم بدست [اردست] دهقانان گرفته در انبار انداخته شد»)[78]. „Государственный харадж" и „крестьянский харадж" А. Л. Троицкая считает двукратным взиманием хараджа—ренты-налога. Согласиться с этим положением нельзя. „Харадж крестьян" («خراج دهقانان»), на наш взгляд,— здесь доля крестьян, получаемая от годового урожая землевладельца. Ни незначительный размер, ни само слово, „харадж" не должны запутывать исследователя. Причем, в документе 534 совершенно: четко написано: "... Еще доля коранды (издольщика) 39 чайриков шалы, считавшейся [его] хараджем... «بازنی کارنده یکم چهل جاریك شالی خراج بوده» или («پنج سبت خراج کارنده تی»)[79]. Часто, когда речь идет о доле какого-нибудь человека, употребляются слова „харадж" или „закят" как эквивалент доли. Например, говорят: „дай мой харадж" («خراج»), („مرابده»)„дай мой закят" («ذکات مرابده»). Ведь выражение: «ذکات حسن» (плата за красоту) широко распространено как в литературе, так и в обычном разговоре. В документе слово „тани коранда" совершенно ясно говорит о доле самого издольщика. Ведь слово „тани замин", или на узбекском „ер тани" в документах приводится как плата за землю, иногда называют ее „замин хакки", „ер хакки", „пули замин" или „хакки давлат хана". Тогда почему „тани коранда" не

может быть понято, как доля издольщика? Малый размер хараджа (1/10 часть) не должен вводить в заблуждение, ибо на ханских полях главной являлась натуральная рента за право пользования землей, доходящая до 70% урожая.

В документе № 534 речь идет о распределении всего урожая в размере 548 чайриков 14 чексы: за право пользования ханскими землями, крестьянская доля хараджа и семена. Следует отметить, что во многих случаях арендаторами ханских земель были сами крестьяне — непосредственные производители, разумеется, для таких издольщиков два хараджа не существовало.

А. Л. Троицкая намекает на высокую долю издольщика по сельскохозяйственным культурам (кроме риса) — в размере 2/3 урожая, а в отношении риса на ханских удельных землях от половины до 1/5 части урожая. Судя по документу этого архива за № 14, который приводится ею как в факсимиле, так и в переводе (содержание его переведено и нами), эта земля в течение 30 лет являлась мульком жителей сел. Гургтепе, поэтому они государству платили пятину — харадж[80]. Здесь речь идет о харадже в размере 1/5 части с мульковых земель, а ранее население за эти земли платило государству 1/3 часть урожая тоже в виде хараджа, так как тогда эти земли были, несомненно, амляковыми, но находящимися во владении населения; 30 лет назад они были превращены в мульковые земли. Поэтому этот документ ни в какой степени не может охарактеризовать степень земельной ренты на собственных землях хана.

Качественные земли хана, свободно и обильно орошаемые без какого-либо труда издольщика, обеспеченные орудиями труда, на которых временами работали хашарчи, никогда не давали издольщику такой большой доли, т. е. до половины урожая, что могло иметь место совершенно в других условиях. Наконец, следует учесть, что если бы доля издольщика была бы такой значительной, то многочисленные чеки не оставались бы без арендаторов даже в начале сезона, как мы увидим далее, что наблюдалось на практике.

В статье А. Л. Троицкой не раскрыто крайне тяжелое положение насильно мобилизованных на хашар трудящихся масс, для которых работы в ханских владениях нередко заканчивались трагическим исходом, о чем имеются упоминания как в местных источниках, так и в трудах русских авторов. По утверждению А. Л. Троицкой, «во время работ хашарчи и их скот находились на довольствии хана. Выделялись специальные люди, снабжавшие их едой и кормом их скот». Однако наш автор пишет: «Материалов по довольствию хашарчи и их рабочего скота в архиве почти не сохранилось»[81]. На наш взгляд, не следовало говорить об обеспеченности питанием и необходимыми вещами этих людей, когда в руках автора не было необходимых данных. Крайне скудная и скверная пища, выдаваемая хашарчи (о чем свидетельствует приведенный автором документ № 520 о выдаче довольствия хашарчи, работавшим на военном объекте, и корма их животным), не дает права А. Л. Троицкой представлять разорительный, невыносимо тяжелый ханский принудительный хашар в таком благополучном плане. Все, конечно, было далеко не так. Гибель сотен людей, калечение бесправных бедняков, бесчеловечное отношение к ним засвидетельствованы рядом источников.

А. Л. Троицкая, по существу, сравнивает хашар, проводимый в ханском хозяйстве, с хашаром, широко распространенным среди населения, в частности даже колхозников, в настоящее время. Она полностью отрицает принудительность женского хашара в ханском доме и в домах его

многочисленных членов и родственников. А. Л. Троицкая пишет: «В архивных документах он (т. е. хашар) встречается как в значении, близком к «барщине», так и в значении «помочь». ...Наряду с этим (хашаром в значении барщины), существовали женские хашары, как, например, по шитью одежды к бекскому семейному торжеству — туй, что являлось уже «помочью». Последняя во время подготовки к туям практиковалась среди женщин в Узбекистане и Таджикистане еще в 20-х годах нашего столетия. Хашар в виде «помочи» практикуется и сейчас среди колхозников, которые помогают друг другу строить новые дома»[82].

Женский хашар проводился в домах правящей верхушки не только в связи с пиршествами. Однако главная ее ошибка не в этом. Ведь среди населения и раньше и сейчас хашар совершался и совершается именно в необходимых случаях в порядке оказания взаимной помощи. В ханском же доме и в целом его хозяйстве о хашаре в виде взаимной помощи не могло быть и речи. Ни хан, ни бек, ни айимча, разумеется, не ходили на хашар в дом трудящихся, даже в случае пиршества. Похоже на то, что автор в данном случае забыл о существовании классов и развитых классовых отношениях.

Грандиозность, разорительность, трагичность хашара при Худоярхане можно понять только при изучении всех источников по всем объектам в совокупности. Непонятно, почему автор считает, что после введения пяндж-яка хашар по сбору топлива в заповедниках прекратился[83]. Неужели не допускается возможность проведения сбора топлива и посредством более выгодного хашара?

Отличие земель особого назначения («خاص», «خاصه», «خاصه گی»), известных еще в истории средневековья Среднего Востока, которые якобы назывались эмирские, от личных имений хана и членов его семьи, по мнению А. Л. Троицкой, носивших название „чк," в науке еще не совсем ясно. Автор утверждает, что на доходы „от хассы содержались ханский дворец, двор и, возможно, конвой"[84].

Во-первых, такого четкого разграничения в источниках — содержание двора, дворца, конвоя — не было. Материалы архива свидетельствуют о том, что ханская казна была единная, расходы производились за счет и других статей ханского дохода, в том числе основного дохода государства — хараджа. В этом вопросе ссылка на В. Наливкина передана А. Л. Троицкой неточно: «На содержание, как самого хана, так равно и всего двора с придворной челядию, поступали еще (подчеркнуто нами) и другие специальные суммы...»[85]. Упущенное в работе А. Л. Троицкой слово «еще» явно говорит только о части расхода. Вообще, можно ли охарактеризовать в целом расходы ханского дома, особенно полновластного, беспощадного деспота, каким был Худояр, только по поступлениям из личных его владений, тем более только по Ер-мечети? Не раскрыт неограниченный характер расходов ханского дома. Во-вторых, правовое положение удельных владений хана, способы ведения земледелия, формы и методы эксплуатации на них были одинаковыми. Земельная рента, рента-налог целиком и полностью поступали в карман землевладельца-хана. Единственно, чем отличалась «хасса» от остальных категорий, это тем, что после смерти владетеля или лишения его трона она переходила к новому владетелю. Следует отметить, слово «хасс» или «хассаги» употребляется и в отношении ханских городских ремесленно-торговых объектов, и придворной прислуги, и рабов, рабынь, и коней, охотничьих птиц, домашнего царского имущества, т. е. всего движимого и недвижимого имущества, лично

принадлежавшего государю, в том числе и чеки. Понятие слова «чек» гораздо шире: некоторые вакуфные земли, земли отдельных владельцев, мелких чиновников и т. д. тоже назывались «чеками». После бегства Худояра в Джизак население Дангара-кишлака захватывает ханские земли в районе этого кишлака и разбивает их на чеки. При основании города Нового Маргилана (Ферганы) его территория была разделена на чеки, которые были отданы будущим жителям города. Участки, выдаваемые махрамам, также назывались чеками. Иной раз «хасса» называлась «чеком» или оба — и хасса и чек — вместе писались как название одного участка земли. Например, «چهت چيک خاصهٔ خود شان»[86]. Чеками назывались участки, проектируемой трассы каналов, городских и крепостных стен, отдаваемые на выполнение определенным группам людей — селений, городских кварталов, кочевым племенам и т. д.

Хан не только раздавал бенефиции (условные владения) членам своей семьи или высокопоставленным должностным лицам из категории «чек», т. е. из своего личного имения[87], как бы из удельных земель[88], но им широко практиковалась и раздача государственных земель. Пожалуй, из личных имений он отчуждал больше всего в пользу вакфа. Во всяком случае документ № 499, который публикуется[89], ничего не говорится о выдаче бенефиций. Там речь идет об обычных аренде и субаренде.

Нам кажется, что ханских кишлаков в районе Ер-мечети было значительно больше (это вытекает из тщательного анализа документов), чем утверждает А. Л. Троицкая.

В работе А. Л. Троицкой совершенно непонятно сказано, через какие каризные системы опускались родниковые воды и воды горных речек, орошаемых район Ер-мечети[90]. Следует отметить непосредственную аренду удельных ханских земель самими издольщиками (коранда, их называют и чекчиями или обоими терминами), что было особенно распространено. Издольщикам выдавался рабочий скот и почти весь основной сельскохозяйственный инвентарь.

Слово «дехкан» имеет широкое понятие, оно охватывает все категории земледельцев, а не только применялось для обозначения категории издольщиков, да еще получивших две пятых урожая, как утверждает А. Л. Троицкая[91].

В работах А. Л. Троицкой структура, характер управления землей, существо ее управителей остаются нераскрытыми.

А. Л. Троицкая не использовала нарративных источников, которые помогли бы ей лучше разобраться в исследуемом ею периоде, кроме одного — «Мунтахаб-ат таварих» о Ер-мечети. Притом о его авторе Мухаммаде Хаким-хане тюре, племяннике Алим-хана и Умар-хана, она сообщает неверные сведения. Он никогда не занимал должности шейхулислама, на которую назначались люди весьма почтенные, в основном находившиеся в преклонном возрасте. Когда умер Умар-хан, Хаким-хану было всего 18—19 лет, и он имел звание накиба. Пост шейхулислама занимал его отец — зять Алим-хана и Умар-хана, постоянный их советник, Масум-хан тюра.

Остались вне поля зрения автора и некоторые труды русских ученых — современников исследуемого периода. Об этом свидетельствует следующий факт. Приводя данные П. П. Иванова о продаже Умар-ханом земли на Янги-арыке, А. Л. Троицкая ссылается на незнание самого источника[92]. Ведь эти данные привел еще В. Наливкин в одной из своих ранних работ «Очерки землевладения в Наманганском уезде»[93], а позже — в большом труде «Краткая история Кокандского ханства»[94], который использован А. Л. Троицкой.

Разумеется, никто не станет требовать изучения всей большой, частью повторяемой, частью малоценной литературы того периода, написанной различными людьми, отдельные из которых не были знакомы с подлинными событиями в ханстве. Но важнейшие труды, да еще если они имеют значение первоисточника, должны быть изучены. Оговорка автора на ограничение своей работы материалами так называемого «Архива кокандских ханов XIX в.» не спасает его от упреков. А. Л. Троицкая, видимо, незнакома с работами, правда, еще немногочисленными, по вопросам истории Кокандского ханства, изданными за последние годы в Узбекистане.

Не один исследователь не гарантирован от того, что он не допустит ошибок, неточностей, особенно тогда, когда вопросы изучаются на основании новых материалов. Поэтому можно было бы и не затевать этой полемики с большим ученым, если бы речь не шла о явном снижении степени феодальной эксплуатации, ханского произвола.

В заключение следует отметить, что при освещении поставленных перед нами вопросов мы считали нужным дать большой фактический материал, даже, на первый взгляд, кажущийся мелким, без чего, однако, невозможно представить всей хозяйственной структуры, ее многоотраслевого характера, форм и методов варварской эксплуатации трудового населения Ферганы, беспредельного произвола ханских чиновников, совершаемого в интересах ханского дома и класса феодалов в целом.

В работе впервые использованы многочисленные этнические и географические термины, приведенные из рукописных источников и архивных материалов, разбор которых в ряде случаев был довольно труден. Поэтому в написании и определении места географических названий могут встречаться неточности, над выяснением которых работа будет продолжена.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность чл-корр. АН СССР, почетному академику АН УзССР С. П. Толстову, академику АН ТуркмССР М. Е. Массону, академикам АН УзССР И. К. Додонову, М. Ю. Юлдашеву и доктору истор. наук М. Г. Вахабову за ценные советы при разработке научных проблем; доктору истор. наук М. А. Абдураимову, кандидатам истор. наук Б. А. Ахмедову, Е. А. Деевой и сотруднику Исторического архива УзССР К. Убайдуллаеву за советы и помощь при подготовке к изданию настоящей работы.

«Ты смотри на мир, причиняющий беспокойство Коканду, которое длится годами между эмирами и простым населением. Интриганство в почете, мятежник в состоянии совершенства, вследствие этого казни и грабеж стали для всех мудростью и искусством».

Имамали Кундузи

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ХУДОЯР-ХАНА

ПРАВЛЕНИЕ ШЕРАЛИ-ХАНА И ВОЗВЫШЕНИЕ КИПЧАКОВ

Более чем двухмесячное правление в Коканде наместника бухарского эмира Насруллы (Батур-хана) Ибрахима-хаяла[1] сопровождалось жесточайшим разорением народных масс. Ибрахим-хаял проводил конфискацию имущества у населения, усилил налоговый гнет, что не могло не вызвать острейшего недовольства населения. Автор «Миротул-фтух» писал, что, кроме установленных налогов, прежние правители ничего не взимали с принадлежащих населению насаждений — плодовых и неплодовых, растущих по берегам каналов и в садах. Начальники и чиновники эмира Насруллы, взяв их на учет, стали требовать со всех деревьев налог в размере 1/5[2]. Еще подробнее о порядках взимания налогов в период правления бухарского эмира писал автор «Тарихи джахан-наман»: «На престол [ферганских] ханов воссел Ибрахим-хаял и начал свое господство. Утвердившись, вмешивался во все дела и, претендуя на все вещи, хотел бы сделать мельницы, принадлежавшие населению, государственными, взимая 1/5 дохода с каждого приподнявшегося из земли дерева, он притеснял людей, взыскивал налоги чахор-пули и пяндж-пули даже с засеянной в домах для пищи незначительной растительности»[3].

«От негодных его действий, — писал Хаким-хан, — от неподходящего его господства население Коканда пришло к стеснению и не знало, какими бы средствами освободиться от него»[4]. Ненависть народа к Насрулле была беспредельной. Шерали-хану, вступившему вскоре после Насруллы на кокандский престол, приписывают двустишие следующего содержания: «Обычно, когда ханы входят на путь, то идет дождь [льется благополучие]. Что ты за хан, когда на твоем пути льется из глаз народа кровь?»[5]

От разорительных нападений бухарских воинов и усиления податей страдали не только народные массы, но и значительная часть местной феодальной знати. Видимо, доходы ферганских землевладельцев, поступавшие от непосредственных производителей, были сокращены вследствие усиления налоговых доходов самого бухарского эмира. Это было одной из главных причин серьезного недовольства.

Местные чиновники, как светские, так и духовные, были сняты со своих должностей, их места заняли представители бухарского чиновничества. Были отменены вознаграждения и пособия воинам и военачальникам, каналы и кишлаки, находившиеся по бератам в их владениях, доходами от которых кормили они свои семьи и лошадей, были отняты[6]. Поэтому, писал автор «Миротул-фтух», все совершен-

нолетние и несовершеннолетние, молодые и старые, ученые-богословы и шейхи, воины и крестьяне — все ожидали изменения положения[7].

В обстановке всеобщего недовольства правлением бухарского наместника киргизская и кипчакская знать начала наступление против бухарских войск, избрав ханом Шерали-бека, сына Ходжи-бия, племянника кокандского хана Нарбуты, бежавшего в Талас[8] после казни его отца Алим-ханом[9]. Ввиду малочисленности бухарского войска, недовольства почти всех слоев населения Ферганы господством бухарского эмира Шерали-хану, носившему прозвище «туповатый», удалось легко и быстро подчинить Наманган, Тюра-курган, Чуст и переправиться на левый берег Сырдарьи[10]. Быстрый переход северных районов Ферганы под власть Шерали-хана объяснялся и тем, что, по сведениям В. Наливкина, большая часть киргизов Наманганской и Чустской областей, родственники таласских киргизов, поддерживала постоянную связь между собой и, хорошо зная на протяжении почти 35 лет Шерали-хана, одного из потомков кокандских ханов из династии Минг, ждала удобного момента для прихода его к власти. Из района Намангана была даже отправлена к Шерали депутация во главе с киргизом Юсупом из колена кырк-угул[11].

Еще до приближения Шерали-хана к Тюра-кургану во всех центральных и восточных округах ханства бывшие кокандские воины вместе с киргизскими и кипчакскими разгромили ставленников эмира Насруллы. Небольшое сражение между бухарскими войсками и Шерали на подступах к столице, в сел. Наубахар, окончилось разгромом бухарских войск. Ибрахим-хаял поспешно бежал в Бухару, по-видимому, с незначительным количеством своих людей.

Не дожидаясь вступления Шерали-хана в столицу, население ее напало на бухарские войска, оставшиеся в новой урде (цитадели) в количестве 2—3 тыс. человек, и, осадив ее, приступило к разгрому осажденных. Расправа была настолько жестокой, что, по сообщению автора «Тарихи джахан-намаи», находившегося в это время в Коканде и участвовавшего в кокандских событиях, трупы мангитов лежали всюду на улицах и базарах, а оставшихся в живых киргизские и кипчакские воины привели на базары для продажи. Однако не нашлось ни одного человека, который купил бы их хоть за один дирхем, поэтому их там же убивали[12]. Такая участь постигла бухарские войска и в других местностях[13].

Весь ход событий свидетельствует о том, что основная тяжесть борьбы с бухарскими войсками лежала на населении. По сведениям Муллы Мирзы Алима, хан распорядился на нужды самообороны собрать с населения военное снаряжение и налоги — мильтик-пули и улов-пули[14].

Шерали-хан, ожидавший наступления бухарского эмира, первым делом приступил к укреплению столицы[15]. Быстрота падения Коканда, не имевшего со дня основания стен, столь необходимых для обороны в тех условиях, остро требовала осуществления этого строительства, почему оно и было начато, как только Шерали пришел к власти. В этом прежде всего были заинтересованы сами жители города. По сведениям одного источника, сразу по восшествии Шерали на престол к нему обратились городские купцы, поставив вопрос о строительстве стен вокруг города[16].

Через 18 дней (по другим данным через 15), когда были воздвигнуты стены с трех сторон(запада, юга, севера), дошли вести о наступлении эмира Насруллы. Восточная сторона города была спешно прикрыта дерном. Наступление бухарских войск не обошлось без некото-

рой паники: часть населения покинула город и ушла в Кашгар, а часть — в восточные районы Ферганы[17].

Положение было серьезным: с запада наступали бухарские войска, а из Ташкента, по распоряжению Насруллы, — ташкентские. Шерали-хан вынужден был разделить свои силы на два фронта. Первое сражение с авангардом бухарских войск, происшедшее в Канибадаме, а также сражение с ташкентскими войсками в районе Ашты, на берегу Сырдарьи, были проиграны кокандцами. Правобережье Сырдарьи перешло в руки ташкентских правителей. Однако побежденный военачальник Шерали-хана Мухаммад Назар-бек, скрывавшийся в горных районах среди киргизов племени масрука («مسرو کها»)[18], вскоре с помощью последних снова захватил северные районы ханства. В этот же период Насрулла сосредоточил основные силы в сел. Кара-тепе, около которого произошли три главных сражения, закончившиеся полным поражением бухарского эмира. Под недостроенными стенами столицы 40 дней длились ожесточенные бои. Коканду удалось выдержать такую длительную осаду лишь потому, что некоторые эмиры поддерживали его продуктами, посылая их с правобережья Сырдарьи. Население города приняло самое активное участие в обороне[19].

В поддержку Шерали-хана активно выступило духовенство Ферганы — ходжи и ишаны. Один из известных ферганских ходжей — Азим-ходжа ишан Маргинани — обратился с письмом к духовенству всей Ферганы и собрал в Маргилане около 2000 стрелков, откуда выступил под своим белым знаменем в Коканд. Там на собрании духовенства был издан ривоят, по которому убийство любого мангита считалось богоугодным, а убийца провозглашался газием. Этот документ был оглашен среди городского населения[20].

Продолжительность осады создала известные трудности, несмотря на получение продуктов со стороны. Деньги из казны были вывезены Насруллой в Бухару. Для поощрения воинам выдавали ярлыки, содержание которых до нас не дошло. Для написания их были мобилизованы мунши и мирзы, имена которых приводит Мулла Мирза Алим, находившийся среди них[21].

Девятикратный штурм Коканда, прорывы бухарских войск на отдельных участках не сломили упорства осажденных. В это же время началось разорительное наступление хивинского хана Алла-кули на Бухарское ханство, заставившее Насруллу поспешно уйти назад[22]. По некоторым данным, нападение хивинцев на Бухарское ханство произошло с ведома кокандского хана с целью оказания ему помощи, что в значительной степени облегчило победу кокандцам[23].

Наступление эмира Насруллы было чрезвычайно трагичным для населения всех областей, в том числе и Ферганы. Ярким примером этому могут служить совершенные бесчинства над ни в чем неповинным населением Канибадама, где в то время проживало несколько тысяч человек. Здесь не только было одновременно казнено 300 пленных кокандцев, но совершались такие зверства, которые по своему характеру были присущи наиболее известным тиранам. Вот что писал об этом Хаким-хан тюра, нашедший в это время убежище у Насруллы: «По приказанию эмира Насруллы, поднялись шумные руки нечестивых войск на ограбление имущества [населения]. Благоустроенную местность предали урагану грабежа. *Эти беспощадные напали на черноглазых красивых [женщин]* и сняли с них убранства и одежды. Забрали все подстилки, обстановку [домов], имущество. Сняли украшения из ушей и носа, сапоги с ног, чалмы с голов. И эти сарбазы — гулямы без наставника, последователи секты шиитов[24] в обществе нечестивых ополченцев[25], засыпав пе-

сок подлости в глаза людей, проявляли в отношении тех угнетенных и безвинных людей наихудшие человеческие свойства... Они, эти мошенники, уводили в качестве добычи ангелоподобных красавиц на крупах своих лошадей. Окровавленные женщины и мужчины лежали на улицах, раздавленные копытами коней сарбазов...»[26].

Эти зверства резко осуждались даже придворными поэтами той эпохи. Один из крупнейших придворных поэтов Умар-хана Мавлана Хазик, живший в Кокандском и Бухарском ханствах, служивший и эмиру Насрулле, выразил резкий протест в стихах бесчинствам эмира, за который ему впоследствии пришлось сложить голову.

В ответ на произвол Насруллы Шерали истребил основную часть оставшихся в Коканде пленных из бухарских войск в количестве около трех тысяч человек вместе с их женами и детьми.

Характерно мнение об описанной выше осаде Коканда одного из авторов кокандских хроник, который писал, что в правление Мадали-хана (1822—1842 гг.), хотя и была богатая казна, однако в условиях внутренних раздоров в Кокандском ханстве бухарский эмир одержал победу над ним. «А когда он второй раз пришел, кокандские начальники соблюдали единодушие, несмотря на отсутствие казны, отсутствие пушек, вооружения, сколько ни воевал он, не смог взять [Коканда]: войска его истреблялись, уничтожались»[27].

Посланные Шерали-ханом кокандские войска во главе с его сыном Сейидом Малла-бахадуром и Юсуфом-мингбаши киргизом захватили в 1258 (1842—1843) г. с незначительными боями Ташкент[28]. Эта победа далась легко в связи с тем, что среди городской знати была значительная группировка, ориентировавшаяся на Коканд, которая воспрепятствовала стремлению правившего в Ташкенте Мухаммад-шарифа, опиравшегося главным образом на казахских ополченцев из племени санчикли, сохранить власть бухарского эмира в Ташкенте[29].

По пути в Ташкент была взята штурмом сильно укрепленная крепость Бука[30], где, по сведениям Муллы Нияз Мухаммада, Гадай-бай Кураминский и Абдурахман Бухари собрали племя тама (جماعة تمه) и упорно оборонялись[31].

Таким образом, прежние кокандские владения, включавшие и территорию Южного Казахстана, были подчинены Кокандскому ханству[32].

В том же 1258 г. без боя была возвращена Коканду Ходжентская область. В Ходженте от имени бухарского эмира правил один из видных представителей джуйбарских ходжей—Ходжа Калон Джуйбари. Он, по словам хроники, «отдал Ходжент Шерали-хану, придя с полным достоинством и умножившимся уважением на службу к Шерали-хану, достиг высочайшей и благородной степени [должности] великих сейидов и высокопоставленных ходжей»[33].

В 1259/1843 г. был подавлен мятеж Аталык-хана (Ибрагим-бека), сына Алим-хана, в сел. Етти-Купрук[34], куда он прибыл из Бухарского ханства в поисках помощи у проживавших там киргизских биев[35]. Сам Аталык-хан был казнен.

Восстановлением почти всей прежней территории Кокандского ханства, казнью кокандских мятежных эмиров и претендентов на трон не ограничились внутренние политические события этого периода. В правление Мадали-хана Кокандское ханство достигло своего расцвета. Его территория составляла тогда приблизительно 5 тыс. квадратных миль, а население—почти 2 млн. человек. Однако ожесточенная война с Бухарским ханством, продолжавшаяся в течение 40—60-х годов XIX в., привела Кокандское ханство к совершенному разорению и распаду[36]. Между тем это была не единственная причина его падения.

Основные социально-экономические причины этого упадка, нам кажется, крайне сжато, но правильно определены П. П. Ивановым. Кокандское ханство, еще не успев оправиться от удара бухарского эмира, вступило в полосу глубоких внутренних потрясений, чем, по существу, характеризовалось все дальнейшее его существование. Главная причина такого положения в ханстве заключалась в обострении аграрного кризиса, признаки которого появились еще до временной ликвидации ханства бухарским эмиром. Они выражались прежде всего в тяжелейшем положении и кабальной зависимости безземельной и малоземельной крестьянской массы, в острейшей борьбе между оседлой землевладельческой аристократией, с одной стороны, и кочевой и полукочевой — с другой, за раздел предгория (а также всего земельного фонда. — *Р. Н.*), в которую были втянуты широкие массы оседлых земледельческих районов и кочевого и полукочевого населения[37].

Еще в правление Мадали произошли значительные изменения в составе господствующего класса: части крупных и влиятельных представителей землевладельцев-феодалов (как светских, так и духовных) был нанесен сокрушительный удар в ходе борьбы феодальных группировок, и особенно в период наибольшего усиления социальных противоречий в конце 30-х — начале 40-х годов. Совершенно прав был П. П. Иванов, когда писал, что «бухарское нашествие и связанные с ним события нанесли окончательный удар остаткам той старой феодальной знати, которая составляла ядро господствующего класса при Омар-хане и продолжала еще сохранять то или иное влияние (еще значительное. — *Р. Н.*) при его преемнике»[38].

Началась острейшая борьба между узбекской и киргизской знатью, с одной стороны, и родовой узбекско-кипчакской знатью — с другой, за захват политической власти, господство в экономической жизни государства, за получение главных должностей, как в центральном правительстве, так и в областях. Автор «Миротул-фтух» описал это событие под следующим названием: «Изложение события захвата власти и господства племени кипчаков над городским сословием и киргизскими племенами»[39]. Борьба, трагическая по своему характеру, активизировавшаяся в это время и продолжавшаяся в острейшей форме в течение ряда лет, нанесла серьезный ущерб политической и экономической жизни ханства, материальному положению его населения.

Основными массивами местожительства кипчаков, по свидетельству местных исторических сочинений и русских авторов, были восточные районы Ферганской долины. Например, автор «Миротул-фтух», говоря о киргизах и кипчаках, писал, что «родина их находилась в окрестностях Андижана и Оша» и что дома кипчаков и киргизского племени джублигиш (جوبلیغیش) находились в Междуречье[40]. Такие же сведения об этом находим в «Тарихи джахан-намаи». «Междуречье явилось обиталищем племени кипчаков и киргизов»[41]. Сибирский казак Максимов ходил в Кашгар и видел, что «киргизы и кипчаки кочевали близ Оша, но за Ошем кочевых уже не было»[42]. В восточных пределах Кокандского ханства кипчаки контролировали многие пункты, в том числе и кашгарские дороги. «Все дороги на Кашгар через Уш, — писал Хорошхин, — не безопасны; их стерегут номады — кипчаки»[43]. По словам одного военного обозревателя, Ош являлся в основном «центром киргизско-кипчакского населения», который «они называют своим собственным городом, и в нем никогда не стояли сарбазы Кокандского ханства»[44]. Он же указывал на то, что местность «Икки су ораси [Междуречье], находящаяся между реками Нарыном и Кара-Дарьей, со-

ставляет центр кипчакского населения, а главным пунктом кипчакского населения в этом районе был Пайток, разгромленный царской армией при захвате Ферганской долины»[45]. Междуречье входило в состав Андижанского округа[46].

Довольно многочисленное кипчакское племя состояло из ряда родов. Автор «Джанг-наме» Мулла Шавки перечислил основные из них. Согласно его сведениям, из кипчакского рода кулон (قولان) вышел известный представитель кипчакской знати Мусульманкул, игравший большую роль в социально-экономичской и политической жизни ханства 40-х — начала 50-х годов XIX в. Другой кипчакский род — улмас (اولماس), который встречается и в кокандских документах, из него вышел на политическую арену Хотамкул. Имеется заявление представителя этого кипчакского рода Худояр-хану о незаконном двукратном взимании доходов для казны с их местожительства. В этом заявлении говорилось, что «кипчакские подданные из рода улмас живут на берегу реки [Сырдарьи] и покупают от ханских саркаров на протяжении трех лет сено из различных трав»[47]. Следующий кипчакский род назывался элатан (ايلاتا), он выдвинул в политическую жизнь ханства Утам-бая. Из кипчакского рода яшик (يشيق) вышел Мирзад. К роду ити кашка (يتى قشقه) принадлежали Мулла Халбек и Мухаммад-яр, принимавшие активное участие в кровопролитной, братоубийственной борьбе. Представители этого рода на протяжении семи лет правили Наманганом, они почти разрушили Шахрихан[48]. Известно, что Азиз-парваначи был выходцем из кипчаков. Автор «Муротул-фтух» указывал на принадлежность его к роду лулиён (لوليان)[49]. Следовательно, в составе кипчакского племени был и род лулиён.

Задолго до формирования нации, в условиях сохранения родоплеменного деления, племена, входящие в состав народностей, в том числе и узбекской, имели свои характерные особенности как в социально-экономической жизни, так и в языковом отношении. В рассматриваемое время кипчакское племя узбеков более чем другие узбекские племена обладало своими специфическими чертами.

Согласно сведениям В. Наливкина и многих других источников, кипчаки вели в рассматриваемый период полукочевой образ жизни. Наблюдается интенсивный переход к земледелию, сочетание скотоводства с земледелием, что укрепило материальную базу кипчакской феодальной верхушки. Хотя род как таковой был в стадии разложения, однако родовая связь между отдельными коленами, расселенными в разных пунктах долины, продолжалась. В данное время «кипчаки (кипчакская знать. — *Р. Н.*), — писал Наливкин, — были сравнительно с другими сильны и в материальном, и в политическом отношениях. Среди ханских войск лучшими дружинниками считались те, которые состояли из кипчаков. Кипчаки знали это и гордились своим сравнительным превосходством, что, в свою очередь, служило главнейшей помехой для слияния их с другими фракциями государства»[50].

Имеется значительное количество фактов, по которым можно судить не только об образе жизни кипчаков, но и о их характерных чертах — смелости, откровенности, решительности и др. Так, например, во время борьбы против нашествия иноземных калмыцких племен на Ферганскую долину, происходившей в первой половине XVIII в. при правлении Абдукарим-бия, молодой воин на протяжении трех дней один сражался против многочисленного вражеского отряда и героически

погиб. Он был похоронен в саду некоего Утаба-бакаула в Коканде. В честь этого земля мазара была превращена в вакф. Впоследствии этот мазар стал известен под названием «большое кладбище» (گورستان کلان)[51].

По словам автора «Миротул-фтух», кипчаки «в деле мужества и смелости, отваги и мудрости являются всемирно известными и прославившимися в свою эпоху и в обилии имущества и состояния, наличии пропитания и вьюка — известными среди населения мира»[52]. Он утверждал, что подобных качеств нет у других племен. Интересны данные о порядке ведения боев кипчаками: «На самом деле кипчаки сражаются крайне ожесточенно, сами они не убегают от врага, умирают до последнего, но не отступают. Они сражаются таким образом: вынимают свои сабли из ножен, лежат на одном боку лошади, спрятав свою голову за гривою коня. Первым долгом наступают на артиллерию противника, другая партия наступает на стрелков и истребляет, а потом нападают все на начальника войск и усердно берутся за него...»[53]. Уместно напомнить здесь, что такой порядок ведения боя, когда воин лежит на боку коня, конечно, не новый, он давно использовался в сражениях. Например, в сражениях хорезмшаха Джалалуддина с монгольским войском в районе Парвана.

Перечисленные качества кипчакского племени неоднократно отмечались и русскими авторами того периода[54].

Все эти качества способствовали тому, что военно-феодальная знать кипчаков, мобилизуя массы бесстрашных, рядовых членов кипчакского племени, нуждавшиеся в земле, смело боролась за осуществление своих интересов, как в экономической, так и в политической жизни[55].

В районе Ходжента и Нау среди посланного туда в первый год правления Шерали кокандского войска во главе с его старшим сыном Абдурахман-беком (Сарымсак-беком) восстали кипчакские войска, отказавшись следовать дальше для подчинения Ура-тюбе. Такое положение заставило царевича отказаться от дальнейшего похода и вернуться в столицу.

В самом Коканде недовольство среди кипчакской знати нарастало изо дня в день. Шерали-хан никакими умиротворительными мерами не мог исправить положения. Угроза открытого кипчакского мятежа заставила хана подумать о необходимости принятия более серьезных мер — вплоть до поголовного истребления кипчаков[56]. Последние, узнав о намерении хана, поддержанные кокандской и киргизской знатью, в течение одной ночи покинули столицу и остановились в районе Андижана и Шахрихана. Посланный Шерали-ханом Абдурахман-бек и главный везир Юсуф-мингбаши, бывший одним из влиятельных в Наманганской области киргизских феодалов, с отрядом войск приняли в Шахрихане кипчакскую знать в составе 40 человек во главе с Мусульманкулом. Очевидно, в этих переговорах, по крайней мере, часть условий кипчаков была принята представителями хана, сам хан вынужден был изменить свое отношение к кипчакской знати. Это вызвало острое недовольство других феодальных группировок. По сообщению автора «Миротул-фтух», очевидца событий (являясь писарем, он написал тогда соответствующие документы), эти группировки стали искать кандидата в ханы среди наследников Алим-хана и Умар-хана[57].

По возвращении в столицу Юсуф-мингбаши, всегда требовавший резкого отношения к кипчакам, был освобожден от должности главного везира и назначен правителем Маргилана. Его должность занял Кали Шади (Шади-дадха) из ферганских таджиков. Автор «Тарихи

джахан-намаи», характеризуя действия нового везира, писал: «Когда областные луга оставались без льва, он свои длинные руки с короткими рукавами накладывал везде, доводил до государственной вершины того, кого хотел, кого он ненавидел — того он мог уничтожить»[58]. Мулла Мирза Алим тоже писал о его самовольных действиях, об усилении им налогового гнета[59].

Власть хана уже в это время была значительно ограничена, а вскоре он потерял ее окончательно. Это объясняется тем, что Шерали в осложнившейся внутренней обстановке растерялся и вместо принятия сильных мер в отношении мятежной кипчакской знати делал ей уступку за уступкой. Он отстранил от управления страной и конфисковал имущество и все богатства многих видных представителей землевладельческой феодальной знати, игравших видную роль в социально-политической жизни ханства[60]. Новый главный везир назначил одного из сторонников кипчаков — Каримкула-мехтара — правителем Андижана, а на должность андижанского военачальника (بعمل بهادر باشیگی) Мусульманкула. Таким образом, писал историк: «Мусульманкул воссел на государственного коня, взял могущественный бич в свою правую руку, врага — убийственную ядовитую саблю привязал на пояс»[61]. Кипчаки и андижанские войска во главе с Мусульманкулом заняли Наманганскую (Тюра-курганскую) область. Ханство охватывает острейшая междоусобная братоубийственная кровопролитная борьба. В мятеже Мусульманкула, кроме кипчаков и киргизов, участвовали отдельные колена племен юз и курамы, проживавшие в Междуречье[62]. Мусульманкул обратился с посланиями к кипчакам, каракалпакам и киргизам, а также к племенам джунбагиш, тюрк, таджикам, арабам, в которых, прося о помощи, давал им разные обещания и назначил каждому из них по городу. Возможно, определенная часть их, надеясь на обещания Мусульманкула или просто насильно, принимала участие в мятеже.

В двух сражениях, происшедших в районе Чуста и на берегу Сырдарьи в 1260/1844 г., мятежники нанесли серьезное поражение ханским войскам во главе с Шади-мингбаши и малолетним Худояром. Подкрепленные прибывшими из Ташкента силами, они осадили столицу.

По сообщению автора «Миротул-фтух», Мусульманкул якобы поднял мятеж по заданию самого Шерали-хана, недовольного действиями главного везира и старшего своего сына. Мусульманкул, выступая перед населением, говорил: «Эти дела, к которым мы приступили, осуществляем все по указанию Шерали-хана. Неоднократно посылая на наше имя грамоту ,он говорил: «Освободи нас из-под рук Шади, Мухаммада Умара, даже своего сына эмир лашкара, ибо по причине их господства, узурпации мы лишились бразды правления и не располагаем ханскими церемониями и султанским званием»[63]. Суть такой политики Мусульманкула ясна: он пытался оправдать свои действия в глазах народа и привлечь на свою сторону сторонников хана. Он распространил слух о том, что кипчаки выступают только против везира и ничего не имеют против ханской власти и личности хана. Сопротивление населения осажденной кипчаками столицы не дало результатов: город был взят[64].

Осажденный в урде Шерали-хан вторично был поднят на белом войлоке мятежной кипчакской знатью и снова провозглашен ханом, но власть целиком перешла в руки Мусульманкула[65]. В областях и центральном правительстве высшие должности заняла кипчакская знать. Кипчаки Утам-бай был назначен правителем Маргилана, Кур-Сиддик

стал править в Андижане, Мирзат получил Наманган, Шер-Кироучи, Нормухаммад — Ташкент, Норбахши — Ходжент, Каримкул был назначен на должность достуркончи, Кулбаба сделался глашатаем записей и т. д. Бесчинства и произвол кипчакской верхушки во главе с Мусульманкулом перешли всякие границы. В. Наливкин, встречавшийся с людьми, в памяти которых были еще свежи трагические события 40-х годов XIX в., говорил, что «насилиям не было конца и описывать их было слишком долго...». Он упоминал о насильственном захвате кипчаками домов и земельных участков оседлого населения, об истреблении древесных насаждений, превращении сети искусственного орошения в частную собственность кипчаков, об изгнании ими из медресе учеников, унижении мулл, предании огню книг и т. д.[66]

Недовольные действиями Мусульманкула[67], в восточных пределах Кокандского ханства в районе Оша на Алайских горах подняли восстание киргизы. Они собрались в большом количестве в районе крепости Моду и напали на Ош и его окрестности[68]. Это движение возглавили Алим-бек дадха из рода барги («برغی»), Саид-бек дадха из рода касик («کسک»), Пулат-дадха из рода туйлис («تویلس») и другие представители киргизской знати[69]. Однако оно было подавлено прибывшим туда с войсками Мусульманкулом. Усиление вражды между феодальными группировками, ненадежность Шерали-хана, лишенного власти, привели к тому, что враждебные кипчакам феодальные группировки, пользуясь отсутствием в столице основной части кипчакской знати, в 1261/1845 г. возвели на престол нового хана — одного из сыновей Алим-хана Мурад-хана.

Автор «Миротул-фтух» причины возникновения такой весьма тяжелой внутренней политической обстановки видел в бездеятельности Шерали-хана. Он отмечал, что Мусульманкул не ожидал от хана и его наследников упорядочения государственных, военных и религиозных дел и только ради приличия держал их у власти. Он взял управление государственными делами в свои руки и хотел возвести на трон одного из потомков прежних ханов, способствовавших в свое время расширению и укреплению Кокандского ханства[70]. При оценке личности Шерали явно сказалась симпатия этого автора к кипчакской знати. На самом деле организация в Фергане сил на борьбу против эмира Насруллы и одержанная победа над значительными силами бухарских войск говорили как раз об энергии и активности Шерали-хана.

В. Наливкин соглашается с некоторыми кокандскими историками, обвинявшими в возникновении тяжелой внутренней обстановке в стране только Шерали, который воздержался от принятия суровых мер в отношении мятежников. Он считает, что это произошло в связи с его гуманностью. В. Наливкин обвиняет народ, который, как он писал, «привык видеть в ханах нечто близкое к палачам и не понимал гуманности»[71]. На самом же деле эта «гуманность» была проявлена не по отношению к народным массам, а к тем, кто своими действиями способствовал разорению народа.

Мы видим, что интересы мощных феодальных групп, с помощью которых был возведен на трон Шерали и одержана победа над бухарским эмиром, скоро столкнулись в борьбе за политическую власть. Однако бороться с ними крайне слабое в экономическом и военном отношении центральное государство оказалось бессильным. Оно могло лишь опираться на одни группировки, борясь с другими. В это время наиболее сильной была кипчакская феодальная знать во главе с умным и талантливым политическим деятелем Мусульманкулом, ставившая интересы кипчакской знати превыше всего. Шерали прекрасно

понимал, к чему приведет победа кипчаков, но не мог полностью отказаться от них. С приходом к власти Мурад-хана Шерали-хан был казнен.

Кипчаки, недовольные тем, что вокруг Мурад-хана сконцентрировалась киргизская знать из рода абахат, имевшая с ним родственные связи по линии матери[72], а также столичная знать, в 1261/1845 г. на престол в Андижане посадили младшего сына Шерали-хана 14-летнего Худояра, правившего тогда в Намангане. Мурад-хан через 11 дней правления после небольших боев был смещен и казнен Мусульманкулом. За очень короткое время сторонники Мурад-хана не только разгромили урду, но успели обложить население хараджем[73].

В провозглашении Мурада ханом, кроме столичной знати, большую роль играла киргизская знать, которая хотела противопоставить его Мусульманкулу[74]. Однако после этого немедленно последовали перемены на троне (приход к власти Худояра). Необходимо отметить, что эта ожесточенная борьба феодальных группировок за власть не носила характера чисто племенной борьбы. В лагере кипчаков были и некоторые представители старого чиновничества, не принадлежавшие к кипчакской знати. Попытки антикипчакских феодальных группировок взять власть в свои руки не увенчались успехом.

Видимо, в борьбе против кипчакской аристократии активную роль играло и духовенство, так как среди казненных Мусульманкулом противников, таких, как Рахматулла-дадха мингча, Сатиб Алди-дадха, Ахун-дадха[75], находились и крупнейшие муллы и шейхи. Кипчаки, придя к власти, начали истреблять виднейших представителей духовенства (улемов, шейхов, сейидов) и светских феодалов (эмиров). Например, были казнены шейхулислам Намангана Закир-ходжа, мударрис соборной мечети Хальфа Сафо, Домулла Халмухаммад-раис, Домулла Ходжам-кули алам, Сулейман-ходжа — сын шейхулислама и Мавлави Ахмад Кашшак Андижани и др. Что же касается трудового населения, то оно не принимало никакого участия в этих событиях. Столичные ремесленники, видимо, отстранились от борьбы. Так, на призыв идти на поклон к подножию урды, к новому хану Мураду, они ответили отказом, а часть населения покинула родные места.

Родовая феодальная знать «воинственных полуоседлых, полукочевых кипчаков» в результате двухлетней борьбы одержала победу над господствовавшей до сих пор землевладельческой феодальной знатью и киргизской аристократией. Кипчаки, посадив на трон несовершеннолетнего Худояра, нанесли на этот раз окончательный удар по старой правящей землевладельческой верхушке.

Согласно данным автора «Миротул-фтух», большинство чиновников Шерали-хана были «презренные, низкие и подлые люди», многие из которых пробрались на должности правителей городов. Результаты их правлений «дали такие горькие плоды, что страна опустошилась, расстроились ее благочестивые люди. У тех, кто имел в предыдущее время, т. е. при правлении прежних ханов, накопление богатства — золото и убранства, амляки, земельную собственность и другое недвижимое имущество — взяли его по какой-нибудь причине или предлогом, самих их превратили в бездомных нищих скитальцев. Многие крупные собственники и уважаемые богачи, лишившись своего имущества и состояния, высокого положения и славы предпочли покинуть свою родину»[76].

Малолетний Худояр был ханом номинально. Вся полнота власти, как в центральном государстве, так и на местах — в областях, находилась в руках кипчакской знати. По словам автора «Джанг-наме», кип-

чаки «объявили войну ханской власти»[77]. Худояр-хан, находившийся под суровой опекой Мусульманкула, назвал этот период своего правления «временем страдания под игом кипчаков»[78]. Не только сам хан, но и другие представители ханского дома были лишены права сколько-нибудь самостоятельно действовать. Например, один из сыновей Шералихана — Малла-бек — был оставлен Мусульманкулом в рядах военачальников. Под его командой находилось 200 каракалпаков. Однако к нему был приставлен кипчак Джаббар-кули, и только ему предоставлялось право на совершение любых дел.

Мусульманкул, став главным везиром, скоро подчинил себе без боя Ходжент и Ташкент. Абдурахман-бек, прибывший в Коканд для мирных переговоров, был казнен. Бесчинства и произвол кипчакской верхушки во главе с Мусульманкулом перешли всякие границы. Суммируя сведения источников, главным образом данные «Джанг-наме», В. Наливкин писал: «Насилиям не было конца и описывать их было бы слишком долго, а потому упомянем лишь о некоторых. По большей части безграмотные, далекие даже и от здешней среднеазиатской образованности, кипчаки разгоняли учеников из медресе, жгли книги и на каждому шагу старались унизить мулл, по большей части сартов». (Под словом «сарт» понимается оседлое земледельческое и городское узбекское и таджикское население равнины Туркестанского края.— *Р. Н.*)[79]. По свидетельству Шауки, кипчаки, став мутаваллиями, присваивали вакуфные доходы мазаров, медресе и мечетей[80]. В источниках об отношении кипчакской верхушки к религии и духовенству прослеживается явное противоречие. Автор «Таснифи Гариб» писал: «В пору правления Мусульманкула шариат широко был распространен, улемы, шейхи способствовали приобретению [религиозных] знаний»[81].

По свидетельству Шауки, кипчакская знать путем ограбления народных масс, крайне обогатившись, стала насить золотые сабли, драгоценные светлые чалмы, бархатные одежды, стала жить в украшенных, искусно отделанных домах, ездить на дорогостоящих конях[82]. Обирая народ, она не оставляла ни одного даже только что поднявшегося в любом саду тополя[83].

По словам В. Наливкина, масса кипчаков по обстоятельствам того времени должна была переселиться со своих хуторов в Коканд, местные жители изгонялись из своих домов, свободные участки земли отбирались у хозяев. Женясь на девушке из чужого рода, кипчак зачастую не платил ее родителям калыма, обещанного им во время заключения брачного договора[84]. Арыки сделались частной собственностью кипчакских феодалов, которые заставляли крестьян платить дань за пользование водой[85]. Даже людей, занимавшихся земледелием в пустыне, не оставляли в покое[86]. Самоуправство Мусульманкула не знало границ. Так, в 1261/1845 г. был разбит на участки и распродан один из крупных базаров Коканда (новый базар), возникший на месте Иски Урды, несмотря на находившуюся там частную собственность сотен людей[87].

Феодальные круги кипчаков, овладев большими земельными угодьями, определенную их часть отдавали в вакфы религиозным учреждениям. Например, сам Мусульманкул сделал большие вакфы в 1261, 1263, 1269 гг. в районе Андижана и Междуречья: медресе в Андижане в махалле Авушка, медресе в местности Минг-тута (в районе Янги-кишлака), отданные им вакуфные земли в селении Найман были освобождены от налогов[88]. Среди кипчаков завершался процесс оседания. Характерно наличие на карте Ферганской долины селений и мест-

ностей под названиями «موضع قپچاق قورغان»، «قشلاق قپچاق قورغان» или просто «قپچاق قشلاغی», свидетельствующими об оседлости их жителей.

Деспотизм феодальной верхушки кипчаков не мог не вызвать острого недовольства всех слоев земледельческого и городского населения. «Насилия кипчаков остро задели самую глубину души народа, а нож доходил до костей»[89], — писал Шауки.

Вскоре обнаружились резкие разногласия между самой кипчакской верхушки, перешедшие в острейшую борьбу. Главную причину этой борьбы источники видят в чрезмерном своеволии и единовластии Мусульманкула[90].

В 1263/1846 г. группой наиболее видных представителей кипчакских феодалов—Утам-бая кушбеги, Мухаммад-яра дадхи, Муллы Наримкула-дастарханчи, Кулбаба-рисалачи, Муллы Хал-бека парваначи и др.,— был низложен Мусульманкул. На должность мингбаши был назначен самый видный представитель кипчаков после Мусульманкула Мулла Хал-бек с присвоением ему звания кушбеги[91].

Вся территория ханства в период господства кипчакской знати была охвачена значительными политическими событиями. Бесконечные междоусобные войны кипчакских наместников, приводившие к усилению налогового гнета, вызывали острое недовольство населения, свидетельством которому служит крупное народное восстание в Ташкенте в 1847 г.[92]

Для смягчения создавшейся в стране обстановки Мулла Хал-бек приступил к обновлению состава высших чиновников, правителей областей (беков) и к изменению политики Мусульманкула (например, в отношении старого духовенства, не поддерживавшего Мусульманкула)[93]. Признав Худояр-хана главой государства, пришедшая к власти новая кипчакская верхушка вынуждена была пойти на создание коалиции со старой землевладельческой знатью. Однако напряженность политической обстановки, ожесточенная борьба за власть сторонников Мусульманкула продолжались.

Вскоре, в 1847 г., междоусобная борьба опять привела Мусульманкула к верховной власти — на должность мингбаши. Здесь, конечно, умелая и твердая рука Мусульманкула сыграла свою роль. Это отмечает автор «Миротул-фтух»[94].

Отношения Кокандского ханства с западным соседом — Бухарским эмиратом — по-прежнему оставались враждебными. Ура-тюбе, потерянный еще в правление Мадали-хана, не был возвращен даже после двух походов Мусульманкула.

После вторичного вступления его на должность главного везира, фактического главы государства, в 1847 г. бухарский эмир начал поход на Фергану. Осадив Ходжент, он основательно разорил окрестное население. Только после прибытия Мусульманкула бухарские войска отступили. Причину отступления Насруллы без боя Мулла Мирза Алим объясняет тем, что Мусульманкул, остановившись на берегу Сырдарьи, в сел. Джигдалик, после военного совета послал бухарскому эмиру письмо. В нем он признавал Бухарское ханство великим государством, а эмира великим государем среди государей и подчеркнул главенствующую роль Бухарского ханства и лично эмира. Он писал эмиру, что вступление в бой и победа над кипчаками, «голыми, безавторитетными пастухами и кочевниками», не будут «иметь похвалы, а если мы победим, то об этом позоре вечно будут писать в исторических сочинениях»[95]. Умелая дипломатия Мусульманкула предотвратила серьезное столкно-

вение: Насрулла, уже однажды потерпевший поражение, отступил без боя.

Кокандские войска, преследуя бухарцев, подвергли разорению всю местность Ура-тюбе, но подчинить его и на этот раз им не удалось. Еще дважды предпринимались кокандскими войсками походы на этот город, и только после основательного разрушения его крепости, поджога окрестных селений и истребления населения Ура-тюбе был вновь подчинен Коканду.

Вновь назначенный на прежнюю должность правитель Ура-тюбе Иса-бек вскоре поднял мятеж против Кокандского ханства. Для подавления его Мусульманкулу пришлось дважды предпринимать военные походы, и только полное изматывание сил племени юз привело к признанию ими власти кокандского хана.

В 1265 (1848—1849) г. вследствие усиления борьбы феодальных группировок Мусульманкул был вторично низложен и назначен правителем Чустской области. Главным везиром стал Мухаммад-яр дадха[96]. Воспользовавшись этим, население Ура-тюбе вновь восстало, но мятеж был подавлен прибывшими кокандскими войсками во главе с новым мингбаши.

Походы кокандских войск на Ура-тюбе ложились тяжелым бременем на население этих районов, да и на население самой Ферганы. Каждый новый поход уносил много человеческих жизней, сопровождался новыми крупными расходами, которые взимались любыми средствами с населения. Первоисточники при описании этих походов каждый раз подчеркивают их разорительность. «Энергичные [воины],—писал автор «Тарихи джахан-намаи»,— стремясь отличиться, разоряли и уничтожали поля и деревни [Ура-тюбе], не оставляя ни зерна, ни травы. Несчастное городское и кишлачное население переводилось из имущественного состояния в безимущественное»[97].

Описывая поход 1265 г. и победоносный исход решительного штурма крепости Ура-тюбе, автор «Тарихи джахан-намаи» приводит довольно важные факты. Так, в ура-тюбинский зиндан было брошено около двухсот воинов. От жары, царящей в нем, и загрязненного воздуха все узники погибли. Кроме того, была зверски истреблена группа пленных-уратюбинцев в количестве около 900 человек. Из их голов была сложена пирамида, которая долго напоминала об этом событии[98]. Однако ура-тюбинский бек продолжал не подчиняться кокандскому хану. По сообщению сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, находившихся в плену у кокандцев в 1849—1852 гг., в течение 1850 и 1851 гг. кокандский хан по пять раз ежегодно ходил походом на Ура-тюбе для усмирения уратюбинского бека, но каждый раз возвращался без успеха. И только зимой 1852 г. бек добровольно покорился хану[99].

Политическая обстановка в ханстве была крайне обострена. Борьба между двумя кипчакскими группировками за власть изо дня в день усиливалась. Отстраненный от власти Мусульманкул со своей группой и другая группа кипчакской знати во главе с новым везиром Мухаммад-яром и многими видными кипчаками, в частности Муллой Хал-беком, Рахман-кули дадхой, правившими тогда отдельными округами, продолжали упорную борьбу за верховную власть и должность главного везира.

Мусульманкул выступил из Чуста против Мухаммад-яра, но потерпел неудачу и по настоянию кипчакской знати был отправлен Худояром в Андижан, где продолжал борьбу за осуществление своей

главной цели. Для участия в этой борьбе Мусульманкул привлек наиболее видных дервишских руководителей.

Так, например, участвовал в этой борьбе крупнейший ишан того времени Ходжи Хальфа Сафо, являвшийся учеником известного бухарского шейха Хальфа Хусейна Бухари. Ходжи Хальфа Сафо в столице Кокандского ханства завоевал громадный авторитет, имел многочисленных мюридов из всех слоев населения, в том числе и из кипчаков. Его авторитет был настолько велик, что дом его посещали крупные чиновники и даже сам главный везир. Несколько позже в одно из таких посещений Мухаммад-яр был отравлен шейхом.

Другой крупный представитель дервишизма — Ходжа Абдуллатиф, известный в Фергане под прозвищем Мавлави Джабали. Выходец из Кара-Тегина, Ходжа Абдуллатиф получил свое суфийское звание в Индии и возвратился в Фергану, где во время правления Мухаммад-яра, действуя на его стороне, завоевал большой авторитет, и по его обвинению была произведена казнь Ходжи Хальфа Сафо.

Крупнейшие представители суфизма в свою очередь также боролись за широкое распространение своего влияния в ханстве, за превращение правящих кругов в свою опору.

Следует отметить, что отстранение Мусульманкула от должности мингбаши, как мы указали выше, усилило самостоятельность хана. Худояр пытался примирить явно враждебную сартовскую знать с кипчаками, для чего назначал на крупные должности и кипчаков и сартов.

Провал заговора, организованный сторонниками Мусульманкула в столице, заставил его вновь выступить с андижанскими войсками против нее. Овладев в 1265/1849 г. Кокандом, Мусульманкул немедленно выслал в район Междуречья оставшихся в живых своих противников.

Таким образом, Мусульманкул за время правления Худояра трижды терял власть и вновь завоевывал ее.

Несмотря на приход к власти Мусульманкула, борьба между кипчакской правящей верхушкой не ослабла. Постоянные интриги, казни, ссылки и аресты в то время были обычным явлением. Противники Мусульманкула иногда появлялись со своими людьми в столице и пытались его свергнуть. Даже в те моменты, когда внешне все обстояло благополучно, внутреннее брожение не прекращалось. Прежде всего борьба происходила за место главного везира, за верховную власть. В этом вопросе наблюдалось полное расхождение во взглядах среди самой кипчакской знати, не говоря о других группах. Так, отстранив Мусульманкула, группа правящих чиновников в лице кипчаков Мухаммад-яра Рахман-кули дадхи, Муллы Хал-бека, Джума-бая дадхи и других, а также эмиры и чиновники из сартов, находясь около Худояр-хана, договорились о том, чтобы «бразды правления страной и войсками передать во власть Худояр-хана, Мухаммад-яра попрежнему оставить на должности мингбаши и ограничить его положение прерогативой главного везира, а Мусульманкула отстранить от участия в делах центрального правительства»[100]. Другая группа кипчаков, в том числе Утам-бай кушбеги и некоторые другие, объединилась вокруг Мусульманкула и считала, что полноту власти следует передать в его руки, ограничив Худояра только номинальным званием хана, а Мухаммад-яра сделать военачальником[101].

Борьба на сей раз кончилась тем, что сторонники Мусульманкула одержали победу. Мусульманкул приступил к истреблению своих противников, в том числе виднейших представителей кипчакской знати. Так, по поручению Мусульманкула, Мухаммад-яр был отравлен и казнены Мулла Хал-бек, Джума-бай и др. Согласно сведениям автора

«Миротул-фтух», это событие привело к окончательному падению кипчаков[102], так как вражда между ними стала непримиримой.

Вскоре некоторые противники Мусульманкула приехали в Ташкент и вместе с его правителем Нормухаммадом-кушбеги подняли мятеж. В трех походах против мятежников Мусульманкул потерпел поражение, потеряв много воинов. В результате этих неудачных походов «государство кипчаков,— писал очевидец,— склонилось к упадку. Прежнее единодушие превратилось во вражду. Каждый род этого племени, выдвигая интересы своего рода, изо дня в день продолжал совершать разрушительные дела. И сколько бы ни стремились к улучшению [этого положения], удар стал явным и очевидным»[103].

Последний, третий, ташкентский поход Мусульманкула в 1268/1852 г. закончился полным разгромом кокандских войск. Мусульманкул с трудом спасся бегством в Чаткальские горы. По словам сибирского казака Максимова, ташкентцы, преследуя побежденного Мусульманкула (мусульманкульцев), загнали его оставшееся войско в р. Чирчик, которая разлилась во время половодья. Много воинов утонуло в этой быстрой реке[104].

Таким образом, противники мусульманкульской группировки одержали в Ташкенте победу, куда вернули Худояр-хана, находившегося уже на пути в Коканд. Антикипчакская коалиция — ташкентская и ферганская землевладельческая и городская знать и противники Мусульманкула из кипчакской верхушки — для того, чтобы отстранить от управления Мусульманкула и сделать Худояр-хана фактическим правителем ханства, устроила официальную торжественную церемонию возведения на престол Худояр-хана. По свидетельству Мухаммада Салиха, в этом торжестве приняло участие ташкентское духовенство, ташкентская светская знать, знать южноказахских племен и военная знать Ферганы и Ташкента[105]. Дав Худояру право самостоятельного правления, они поставили перед ним условие — окончательно ликвидировать полукочевников кипчаков, устранить их с политической арены, восстановить господство старых землевладельцев-феодалов[106].

Против кипчакского господства начали выступать отдельные, сохранившиеся представители старой городской и землевладельческой знати, основательно разгромленной кипчаками. Например, после поражения кокандских войск и прибытия Худояра с кипчакскими эмирами в Ташкент в том же 1268 г. один из приближенных Худояра — Абдуллабек, сын Худайкули-бека, с помощью собранных им людей из окрестных сел и деревень в количестве около полутора тысяч человек, вооруженных чем попало, овладел кокандской урдой[107]. По-видимому, прибывшие к нему люди были разоренными кипчакской верхушкой крестьянами.

Прибывшие из Ташкента кипчакские отряды, нанеся Абдулла-беку поражение, восстановили правление кипчакской знати. Вместе с Абдулла-беком они казнили одного из виднейших представителей старой городской знати, известного придворного поэта — Карыали Кундузи, автора ценного сочинения первой половины XIX в.

Среди землевладельческой и городской знати постепенно подготавливалась сила, крайне недовольная властью кипчакской верхушки, опираясь на которую Худояр выступил как глава государства. Этому во многом способствовало и серьезное поражение группы Мусульманкула в Ташкенте, где местной феодальной знати не был нанесен такой тяжелый удар кипчаками, как в Коканде. В своих решительных действиях против кипчаков Худояр сумел привлечь ташкентскую местную верхушку.

Автор «Тарихи джахан-намаи» сообщает, что, возвратившись в Коканд, Худояр послал людей в Ташкент, Наманган, Андижан, Маргилан с приказом подготовиться к массовому избиению кипчаков. Приказ гласил: «Стереть с лица земли всех кипчаков»[108].

По сведениям Муллы Нияз Мухаммада, ташкентская знать самостоятельно решила вопрос о выступлении против кипчаков. Худояр якобы по политическим и тактическим соображениям вначале занял нейтральную позицию[109] и лишь после разгрома кипчаков в Коканде выступил против Мусульманкула. Один из авторов так характеризует отношение Худояра к Мусульманкулу: «Пока Худояр-хан находился под регенством Мусульманкула, жизнь его текла в мирных досугах большей частью около своей матери и в гареме. Мусульманкул всячески старался охранять его от влияния лиц, к регенту не расположенных; но чем самовластнее становился Мусульманкул и чем более выдвигал он своих родичей, тем более возрастала ненависть остальных, и возмущение дошло до поголовного почти истребления кипчаков. Народ требовал казни Мусульманкула, но обязанный ему своим величием, из чувства признательности хан долго не решался выдать его. Чтобы как-нибудь успокоить волновавшийся народ и доказать, что Мусульманкул ничего уже не значит, хан подвергал его, вопреки своему желанию, разным истязаниям: заключал в зиндан, приковывал руки и ноги к доске; но эти меры не успокаивали народ, и хан, опасаясь за собственную жизнь, наконец, должен был уступить требованию большинства. Худояр-хан оплакивал гибель Мусульманкула и чтобы загладить свой грех позднее назначил его сына, Абдурахмана, афтобачи. Сколько ни предостерегали хана не доверять сыну убитого им Мусульманкула, хан оказывал афтобачи внимание, говоря, что он никогда не хотел смерти Мусульманкула и что это афтобачи известно»[110].

В этом, несомненно, есть доля истины. Разумеется, Худояру не хотелось потерять такого умного и опытного государственного деятеля. Однако номинальность положения Худояра, настоятельное требование всех кругов населения заставили его решиться на казнь Мусульманкула.

Прибыв в Коканд со значительным количеством войск (два пансата), ташкентские эмиры, убрав Нормухаммада, совместно с кокандцами внезапно окружили кипчаков, после чего начались массовые казни[111]. Те кипчаки, которые пытались скрыться, подверглись истреблению со стороны населения. Крайне недовольное население давно ожидало такого момента, когда, как писал В. Наливкин, «чертову племени» припомнились и тополя, срубленные в садах, и силою отнятые дома, и невесты, не оплаченные калымом, и вода сартовских арыков, которой приходилось пользоваться ее же хозяевам за деньги, словом все то, в чем проявлялись кипчакские насилия в течение семи последних лет.

Кипчаков стали избивать на улицах, на площадях, в домах, в мечетях, в садах, везде, где их находили сарты, поднявшиеся на мщение»[112]. Их истребляли и в других местах, в частности Малла-бек в Маргилане казнил до 30 знатных кипчаков[113].

Только незначительной части кипчаков удалось избежать этой участи. Расправа была настолько беспощадной, что, по свидетельству кокандского историка, «там, где их обнаруживали, убивали, жен, детей кипчаков продавали в рабство, какое безрассудство было возможно, совершалось»[114]. По образному выражению Шауки, бежавших кипчаков ловили, как ловят «убежавших кур».

После этого разгрома как в центре, так и на местах кипчакская знать была лишена власти. Главным везиром стал Қасым-пансат, правителем Ташкента — Мухаммад Нияз-пансат и т. д.

Худояр, собрав дополнительно большое войско[115], выступил против разгромленных остатков кипчакских отрядов, бежавших в район Междуречья (в местность Билкиллама). Здесь произошла ожесточенная битва, в которой пало с обеих сторон несколько тысяч человек[116]. Среди них оказался и один из крупнейших шейхов — Ишан Қазак-ходжи ходжакалон, выходец из джуйбарских ходжей, тесть и духовный наставник Худояра. Таким образом, на борьбу против господства кипчакской верхушки и на этот раз поднялись не только старые светские феодалы-землевладельцы, но и высшее мусульманское духовенство. По сведениям Муллы Мирзы Алима, духовенство еще до выступления против кипчаков вынесло решение обвинить их в мятеже и злоумышлении[117]. Хан одержал в этом районе трудную победу.

Борьба против кипчаков закончилась тем, что по требованию Худояра разбитые кипчаки выдали на расправу хана Мусульманкула, который был привезен в столицу. По свидетельству источника, по пути его следования от ворот города до урды, через каждые сто—двести шагов, перед ним резали по пять—десять кипчаков. «С этой ужасной церемонией, невообразимой для людей иных понятий о человечности и законности, потрясающая процессия дошла до большой площади»[118]. На три дня закованный в цепи и окруженный палачами Мусульманкул был посажен в центре городской площади на специально выстроенный помост. Через каждый час или два у подножия резали по три — пять кипчаков. Действительно, прав В. Наливкин, писавший, что «нельзя не удивляться бесчеловечности, изуверству и кровожадности тех, кто в течение целых трех дней не мог потушить огня своей мести в потоках лившейся тогда человеческой крови[119]. На четвертый день Мусульманкул был повешен на бараньем базаре[120].

«Пойманный Мусульманкул,— писал Максимов,—на стрелке Билкиллама, около Андижана, был повешен в Коканде, тело его висело 3 дня на виселице, подобно телам воров, на страх другим. Потом, перерезав кипчаков в городах, сарты бросились в волости и вырезали всех кипчаков, даже беременных матерей»[121]. Этим расправа над кипчаками не ограничилась. Оставшиеся в живых, подавленные и покоренные кипчаки, сами вынуждены были посылать по распоряжению хана по 10—15 человек на казнь. «По этим распоряжениям,— писал очевидец, —совершая над этим племенем ужасные насилия, их повсеместно истребляли столько, что число не поддавалось никакому учету. Особенно жесток был правитель Балыкчи — Абдулкахар-дадха, который столько зарезал и выбросил в реку кипчаков, что число убитых им только в течение одной ночи [из многих] равнялось более 1500 человек. Те, которые избежали истребления, заползли в разные углы, перебрались в горы и пещеры, и многие из них погибали там от голода и жажды. Таким тягостным образом, в состоянии бесчувствия проживали они. Их жены и дети скитались по улицам. Ни один человек не имел права дать этим несчастным убежище»[122].

Данные автора «Тарихи джахан-намаи» подтверждаются сведениями автора «Таснифи Гариб». По его словам, после казни Мусульманкула Худояр-хан послал Абдулкахара-дадху из Яр-мазара в Междуречье со специальным ярлыком, в котором приказывал поймать там всех оставшихся в живых кипчаков, перевезти в крепость Шахрихана и казнить. Абдулкахар-дадха, выполняя указания хана, «прибыл туда и, разыскивая, поймал всех тех, кто носил имя кипчак, как совершен-

нолетних, так и несовершеннолетних. Некоторые кипчаки тогда из страха перед смертью отказались от своей принадлежности к этому племени. Он заставлял произносить слово «бугдай» («بغدای» — пшеница). При правильном, точном произношении слова «бугдай» его освобождал, как не принадлежавшего к кипчакам. А если он произносил это слово как «будай» («بودای»), то его арестовывал, ибо кипчак никогда не мог правильно произнести слово «бугдай»[123]. Сведения местных источников созвучны данным русских наблюдателей. «Приказ Худояр-хана,— писал один из них,— о поголовном истреблении кипчаков приводился в исполнение. Резали и убивали всех, кто только попадался, ни женщинам, ни старцам, ни детям, никому не давали пощады. Три месяца продолжалось избиение кипчаков. Всего погибло до 20 000 людей»[124]. «...Во всей истории Ферганы,— писал один из авторов XIX в.,— правление каждого хана отличалось числом убийств, насилий и неистовств над противниками. Постройка так называемых «калля минаров» (пирамид из отрезанных людских голов) для устрашения населения было делом обыкновенным»[125].

Как бы ни было недовольно действиями мусульманкульской кипчакской верхушки местное земледельческое население, его потрясли бесчеловечная резня и ужаснейшее кровопролитие, осуществленные ханской властью. «Один наманганский житель, бывший в то время мальчиком, рассказывал мне,—писал В. Наливкин,—что долгое время он не решался выходить на улицу и не спал несколько ночей, ибо ему мерещились судорожные, конвульсивные движения зарезанных, вытаращенные, тусклые глаза, лужи крови, словом все то, что он случайно увидел на базарчике неподалеку от своего дома.

Ужас овладел сартами почти настолько же, насколько и самими жертвами ханского гнева»[126].

Худояр за счет конфискации земельного и иного имущества кипчаков стремился к «приумножению собственных капиталов». Он отдал распоряжение о продаже конфискованных земель сартам за половинную их стоимость, «а вырученные деньги шли в личную казну хана»[127]. Однако, по словам В. Наливкина, «несмотря на значительную дешевизну этого аукциона, большая часть сартов отказалась от приобретения кипчакских земель». После этого было издано новое распоряжение о принудительной продаже, что, конечно, не могло быть не осуществлено[128]. После такого истребления кипчаков на значительное время наступила полная тишина. «Внутренная язва этого владения [Кокандского ханства] — кипчаки не предпринимают ничего»[129],— писал генерал Перовский в своем донесении в министерство иностранных дел России 29 января 1856 г.

Таким образом, господство кипчакской верхушки в течение почти десяти лет, междоусобная борьба способствовали разорению земледельческого населения ханства. Старые землевладельцы и городская знать в этот период не только лишились политической власти, но и понесли большой экономический урон.

Кипчаки были одним из многочисленных сильных узбекских племен[130], значительно отставшим от других в экономическом и культурном отношении. Они вели полукочевой образ жизни. Однако стремление к оседлому быту, к городской жизни, к более продуктивному земледельческому труду усиливалось изо дня в день. Кипчакская феодальная знать на протяжении длительного времени вела активную

борьбу за овладение орошаемыми землями, оросительной системой во многих областях Ферганской долины.

Умар-хану (1810—1822) в известном отношении удалось приостановить на время борьбу путем некоторого удовлетворения экономических интересов кипчакской верхушки, но политические события, разыгравшиеся в начале 40-х годов XIX в., и создавшаяся в ханстве политическая обстановка способствовали активизации борьбы кипчакских феодалов и их приходу к власти. Захватывая в упорной борьбе политическую власть, кипчакская феодальная знать не только завладела орошаемыми землями с водными артериями, но и в течение этого незначительного времени пыталась расширить земельные фонды путем освоения новых земель. Примером может служить начатое по распоряжению Мусульманкула, но незаконченное рытье крупного канала на правобережье Сырдарьи, доведенное до местности Шахидманзил, где предполагалась постройка города[131]. По свидетельству Муллы Нияз Мухаммада, Мусульманкул провел канал Чин-Абад, в конце которого построил сел. Бахр-Абад[132]. Умный политический деятель[133], он, несомненно, понимал необходимость социально-экономического развития государства. Кроме оросительных работ, им было намечено, как уже было сказано, строительство городов и осуществлено строительство в столице базара (верхний новый базар), медресе и сарая для сбора пошлин (закята)[134].

Даже наиболее яркий противник Мусульманкула Мулла Шавки не мог отрицать его умения управлять народом[135]. А другой автор писал: «Среди всех [высших чиновников] Мусульманкул оказался более распорядительным и дальновидным», он назвал его «великим везиром»[136].

«Полукочевое племя выделило из своей среды двух знаменитых в новейшей истории Коканда деятелей: Мусульманкула и Алимкула»[137],— писал один из русских военных обозревателей. «Необходимо заметить,—писал другой русский наблюдатель,— что Мусульманкул... правил ханством с большим благоразумием. Сборы в ханстве были в его владении, казна была в его руках. Он не допускал роскоши при дворе. Худояр-хан не получал на руки никаких сумм. Расходы на него были самые скромные»[138].

По словам автора «Таснифи Гариб», Мусульманкул обладал огромной властью, его очень боялись враждебные соседние государства, особенно боялся его бухарский эмир. Далее автор источника пишет об усилении войск при правлении Мусульманкула[139].

Таким образом, все данные многочисленных источников, как местных, так и русских авторов, явно свидетельствуют о твердой руке Мусульманкула, о стремлении навести определенный порядок в государственных делах, о попытке создания централизованного государства с сильной армией.

Однако действия Мусульманкула были направлены только на удовлетворение социально-экономических интересов кипчакских феодалов, на которых он опирался как глава государства. Впоследствии, после раскола среди кипчаков, он действовал уже только в интересах своей группировки. Все свои положительные мероприятия он осуществлял варварскими методами, разорением народных масс при условии обеспечения полного господства только незначительной кипчакской знати, устранения и истребления правящей верхушки других племен и основного земледельческого и городского населения.

Конечно, борьба кипчаков была направлена не только на захват политической власти. Причины, порождавшие ее, были более глубокими. О них свидетельствуют социально-экономические требования кипчаков. Поэтому не только кипчакская феодальная знать, но и полукочевые кипчакские массы были заинтересованы в ней и поддерживали действия своей верхушки. Но выгодами от этой борьбы, особенно в области политической власти, пользовалась целиком кипчакская феодальная знать.

Из изложенного виден трагический характер этой борьбы. В результате ее было уничтожено большое количество людей, вытаптывались плодородные земли, разорялись народные массы, что сказывалось на развитии производительных сил.

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ПРИ ПЕРВОМ САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ПРАВЛЕНИИ ХУДОЯР-ХАНА (1852—1858)

После разгрома кипчаков к Худояр-хану окончательно перешли все права главы государства. Основные должности в центральном правительстве и в областях вновь заняли представители старой землевладельческой и городской знати, в том числе и члены ханского дома.

Разгром кипчаков и новые назначения на государственные должности не прекратили внутренней политической борьбы. Вскоре, в 1269/1853 г., восстал против Коканда только что назначенный Худояр-ханом правитель Ура-тюбе Гафар-бек, выходец из племени юз. Поднял мятеж и правитель Ташкента Малла-бек, старший брат хана, который осадил гарнизон сильно укрепленной крепости Кураучи в Кураминской области. Худояр вынужден был сперва направить свои силы против опасного Малла-бека, приостановив поход на Ура-тюбе. Ташкентский мятеж был подавлен. Малла-бек ушел в Бухару. Был подавлен мятеж и ура-тюбинского правителя. Ура-тюбе, Ем и Заамин были подчинены Коканду.

Экономические интересы феодальной знати, в том числе духовенства, стремившейся к приобретению не только средств производства, но и всякого другого богатства, еще более осложняли и без того напряженную политическую обстановку в государстве. Ярким примером тому служит следующий факт. Назначенный после разгрома кипчаков правителем Андижана Иса-бек собрал с населения области сверх обычных налогов и поборов три тысячи тилля и передал их на хранение шейху Ишану Хальфа Алтмышу — духовному наставнику Худояра. Когда он их потребовал обратно, шейх, не желая возвращать денег, через своих мюридов (придворных чиновников) оболгал Иса-бека перед ханом, обвинив его в подготовке дворцового переворота. Хан, поверив ложному доносу, казнил андижанского правителя.

Этот случай свидетельствует о степени подлости даже наиболее видных блюстителей религии, если дело касалось их экономических интересов. В. Наливкин приводит весьма любопытные данные, характеризующие казуистику высшего мусульманского духовенства. Когда Худояр был возведен на престол при наличии двух старших братьев (Сарымсака и Малла-бека) и двух младших (Суфи-хана и Султан Мурада), в целях обоснования этого акта и упрочения его власти духовники нашли в хадисе ривоят о том, что «среднее есть наилучшее», и этим объяснили правомерность возведения Худояра как среднего из братьев. Подобными действиями они усугубляли и без того тяжелую

политическую ситуацию, не говоря уже о том, что в основе многих их поступков лежало прямое ограбление народных масс.

Как известно, в конце 40-х годов началось продвижение царских войск в сторону Средней Азии в двух направлениях — со стороны Сибирской пограничной линии и Оренбурга. По данным местных источников, начиная с 1266/1850 г. обострилось положение и в северных пограничных районах Кокандского ханства. Царские войска, уже занявшие ряд районов Казахстана со стороны Сибири, появились в районе крепости Мерке, находившейся под властью кокандского хана. Приходу сюда царских войск способствовали столкновения между кочевыми племенами и управителями Нормухаммада-кушбеги[140].

Еще в конце 30-х годов в связи с резким ухудшением связей Хивинского ханства с Россией начали ухудшаться дипломатические отношения Кокандского ханства, как союзника Хивы, с Россией, особенно в период экспедиции Перовского на Хиву. Так, царское правительство не разрешило возвращение кокандского посланника в Константинополь через Россию[141].

В начале 50-х годов наблюдалось уже резкое ухудшение во взаимоотношениях Кокандского ханства с царской Россией. Главной причиной этого, несомненно, явились захватнические стремления царского правительства в отношении среднеазиатских ханств, и прежде всего Кокандского ханства, вследствие чего возникла острейшая ситуация в низовьях Сырдарьи.

Кочующие здесь в долине Айгерик (т. е. в 20—30 верстах от Аральского укрепления) племена, в частности, аулы чумеевских и чиклинских родов, прекратили выплату закята кокандским чиновникам[142]. Это вызвало в 1852 г. неоднократные нападения на них кокандских гарнизонов Ак-мечети, Юлека, Кумиш-кургана, Чим-кургана, Кош-кургана, Чурчи и хивинского укрепления Ходжи-Нияза во главе с начальником Ак-мечети Якуб-беком. По некоторым данным, наезды кокандцев происходили еще в 1851 г., кроме указанных родов, еще на аулы дюрткаринского, чиклинского, джагалбайлинского и алтынского родов[143]. Каждое нападение, сопровождавшееся почти полным разорением аулов, уводом как крупного, так и десятков тысяч голов мелкого скота, даже пленных[144], в конечном итоге кончалось ответными действиями отрядов царских войск[145].

Попытки кокандского хана Худояра улучшить отношения с царским правительством в обстановке усилившейся агрессивной политики царизма, когда на повестке дня стоял вопрос о непосредственном захвате кокандских крепостей. естественно. не могли дать никаких положительных результатов. Худояр в 1853 г. послал в Россию своего посланника с грамотой и подарками императору, который прибыл в Омск в начале июля. Цель посольства заключалась «в скреплении дружеских связей с Россией и в доведении до сведения российского правительства, что кипчаки, бывшие до сих пор виновниками всех беспорядков в Коканде, ныне изгнаны и истреблены. В стране установлено внутреннее спокойствие и прежнее правление». Наряду с этим было установлено, что при конфиденциальном разговоре посланника с генерал-губернатором Западной Сибири Госфортом посланник должен был «принести государю императору жалобу по поводу предпринятой экспедиции против кокандских укреплений на Сыр-Дарье».

Император категорически отклонил просьбу кокандского посланника о приеме, приказал генерал-губернатору Западной Сибири не допускать посла дальше Омска, «сделать посланцу внушения, какие требовала польза дел наших», принять и послать в Петербург ханскую

грамоту, однако не принимать подарков. Ханская грамота осталась без ответа[146].

В 1269 (1852—1853) г. русские войска под командованием генерала Перовского и с помощью местных племен, насчитывавших несколько тысяч человек, осадили одну из наиболее мощных северных кокандских крепостей — Ак-мечеть.

Мухаммад Салих нападение царских войск на Ак-мечеть объясняет следующим. Еще в правление Мусульманкула был назначен правителем крепости Якуб-бачча, уроженец Пскента, имевший родственные отношения с правителем Ташкента — Нормухаммадом-кушбеги. Якуб-бачча, собирая закят, основательно разорил кочевые племена, особенно племя барлас, которые обратились за помощью к царским властям Оренбурга и Самары[147]. Эти данные не расходятся по существу с данными архивов. Конечно, действия кокандских наместников вызывали острейшее недовольство разоряемого кочевого населения, что явилось одной из основных причин его выступления на стороне царских войск против ненавистных кокандских ханов.

Отряды царских войск под предлогом рыбной ловли в озере Беркazан[148] приблизились к Ак-мечети и потребовали возвращения награбленного имущества. Якуб-бачча отказал им в этом, и тогда царские власти предложили отдать рыбный промысел данного озера, определив стоимость рыбного богатства в 12 тыс. серебряных монет[149].

Все это было явным прикрытием совершенно открытого нападения царских войск на территорию среднеазиатских ханств. К. Маркс ясно указал еще тогда, когда в конце 40-х годов началось создание царским правительством Аральской флотилии, на значение этой флотилии для продвижения русских войск в глубь Средней Азии: «За последние годы русские создали флотилию на Аральском море и могут теперь подняться вверх по Аму-Дарье»[150]. Далее он обратил внимание на вторую экспедицию Перовского на Ак-мечеть[151]. Ясно, что эта военная экспедиция царского правительства была направлена против среднеазиатских ханств и, прежде всего, Кокандского. В результате экспедиции была создана Сырдарьинская военная линия, являвшаяся одним из плацдармов для последующих наступлений царизма на Среднюю Азию.

Несмотря на крайнюю трудность положения ак-мечетского гарнизона, ни хан, ни ташкентский наместник Малла-бек, враждовавшие между собой, не смогли сразу послать помощь осажденной Ак-мечети, которая в этом же году была завоевана, а гарнизон ее перебит[152].

По распоряжению хана, только что назначенный правитель Ташкента Шадман-ходжа с войсками Ташкента, Курамы и Коканда в количестве несколько тысяч человек выступили в 1270/1853 г. в направлении Ак-мечети. Однако в течение однодневного боя кокандскому войску было нанесено поражение. Несмотря на это, оставшимся в живых удалось вместе со снаряжением и артиллерией возвратится в Ташкент. Худояр и вообще правящие круги Коканда, еще ясно не представлявшие силы русских войск, не желавшие считаться со своей отсталостью во всех отношениях, постарались оправдаться перед соседними государствами и перед жителями своей страны, а также утолить свой гнев публичным наказанием всех начальников этого похода, в том числе Шадмана-ходжи, обвинив их в трусости[153].

Однако угроза прихода царских войск заставила Худояра зимой (в декабре) того же года вновь послать в Ак-мечеть войска в несколько тысяч человек с 17 артиллерийскими орудиями (по другим данным, 15 дальнобойных орудий, под названием «توپ دور انداز») и несколькими сотнями больших ханских ружей «кара кундак», под на-

чальством главного везира Қасыма-мингбаши. По дороге к ним присоединились войска Курамы и Ахангарана. Несмотря на просьбу ташкентских правящих кругов отложить поход до весны, хан решил двигаться к Ак-мечети. Пройдя трудный путь в тяжелых зимних условиях, почти не обеспеченные провиантом кокандские войска подошли на расстояние одного фарсаха к крепости и расположились на ночной отдых.

Царские войска в количестве не более одной тысячи человек внезапно на рассвете напали на кокандцев, и после непродолжительного боя ханские войска оставили поле сражения, потеряв несколько сот убитыми и ранеными, все артиллерийские орудия и другое снаряжение. Қасыму-мингбаши на обратном пути удалось собрать в г. Туркестане некоторую часть прибывших туда воинов.

В Қоканде, видимо, только теперь почувствовали огромные преимущества царских войск и оружия над местным, поэтому, несмотря на более тяжелое поражение второго похода в сравнении с первым, Худояр не только не наказал возвратившихся эмиров, но оставил их на прежних должностях и наградил драгоценными халатами и т. д.

Эксплуатация кокандскими правящими кругами всего населения ханства из года в год усиливалась. В конце 50-х годов в Қазахстане почти повсеместно происходили восстания кочевых племен против осуществляемого Қокандским государством тяжелого налогового гнета. Ярким примером тому служат события 1274/1858 г., описанные автором «Тарихи джахан-намаи». В это время «Мирза Ахмад (правитель Ташкента. — *Р. Н.*) прочно утвердился в независимом правлении Ташкентом. Он распространил и рассеял руки насилия на население города, краев и областей. Его угнетения и тирания степного населения не имели никаких пределов. Даже требуя куш-пули и кук-пули, взимал их путем продажи малолетних сыновей и дочерей. Так насилие и притеснение над теми угнетенным возрастали. Қаждое племя и род, запутываясь в своем [тяжелом] положении, обнаруживали нетерпеливость, сборщикам налогов не давали требуемого»[154].

«Сборщики закята, — писал Мухаммад Салих, — по приходе в племена и к степным народностям с целью пополнения основного закята включали в счет все то, что имелось в домашней обстановке — имущество и утварь, предметы первой необходимости и верховых животных, которых представители закона не включали в счет, подлежащий к уплате закята. Хотя лошади и пасущиеся стада этой народности и были многочисленными и бессчетными, они, однако, были освобожденными государством и властью от налога. Из-за недальновидности, ликвидируя установленные старые нормы, устраняющие беспорядки, взимали с населения закят, несмотря на то, что это не одобрялось населением.

Поэтому кочевые племена убили ночью Мирза-бия (двоюродного брата Мирза Ахмада.— *Р. Н.*) вместе с его людьми—сборщиками закята, и племена, связавшись в разных концах Дешти-Қипчака между собой, вышли из подчинения Қокандского государства и его Ташкентского владения. Они не платили ни дирхема, ни фельса закята. Территория от начала Дешти-Қипчака до пределов Туркестана была охвачена восстанием и беспорядками»[155].

Из дальнейшего изложения события видно, что все кокандские чиновники, находившиеся в районах восстания в Қазахстане, и мусульманское духовенство, постоянно посылаемое в казахские степи для осуществления религиозной пропаганды, подвергались жестокому преследованию со стороны населения.

Мирза Ахмад в 1274/1858 г., собрав войско, выступил против восставших кочевых племен. Он остановился в Алма-Ате и направил войско в количестве пяти пансатов против Суфтай-бия, находившегося в районе крепости Пишпек, однако потерпел поражение. Воодушевленные этой победой скотоводы осадили Аулие-Ата, где находился Мирза Ахмад со своим войском. Отряд, отправленный во главе с ташкентским везиром Мирза-бием в район Чимкента для взимания закята, был разбит племенами сипар-кули (видимо, сергели), кунграт и другими. Мирза-бий и многие его приближенные были убиты[156]. Общее недовольство в Казахстане дошло до такой степени, что, по сообщению кокандского источника, в окрестностях Ташкента и Туркестана, кроме местного населения, никто не решался ходить. В Казахстане, особенно в районе Аулие-Ата, для населения сложилось тяжелое экономическое положение[157]. «После прихода Мирзы Ахмада в Аулие-Ата, — писал Мухаммад Салих, — вдруг поднялось всеобщее восстание кочевников Дешти-Кипчака и Туркестана. Племена аргун, дуглат, барлас, кунград, беш-тамга, санчикли, сергели, кангли, кара-калпак и другие собрались со всех сторон обширной территории и жестоко осадили Мирзу Ахмада»[158].

Худояр-хан отправил кокандские войска во главе с Шадман-ходжой мингбаши и своим братом Малла-беком, которые, по-видимому, приняли условия казахов, и поэтому те освободили Мирзу Ахмада[159] Восстание не было подавлено силою оружия, как об этом писал П. П. Иванов[160], так как, видимо, сами кокандские военачальники, потрясенные масштабом и мощность восстания, приняли условия казахов.

Падение авторитета ханской власти, и прежде всего ташкентских правящих кругов, после двукратного поражения под Ак-мечетью, особое недовольство духовенства, ожидавшего победы над войсками «неверных», заставили Мирзу Ахмада принять некоторые меры для поддержания своего положения. С этой целью он построил в Ташкенте медресе, во дворе которого воздвиг мавзолей, объявив, что здесь якобы хранится волос пророка (муи мубарак), отчего в то время медресе было известно под этим названием.

Особенно интересно, что для удовлетворения нужд духовенства он провел канал в районе Иски Ташкента (Тошкенти кадими), расположенный между Ташкентом и Сырдарьей, с целью орошения невозделанных, мертвых земель. При этом на значительной площади по краю вдоль затянувшегося обрыва была построена дамба. Канал был проведен силами населения Ташкента и его окрестностей. Возглавил работы ташкентец Джуман-бий из квартала Тахта-Пуль. Вновь орошенные земли были пожалованы в вакф выстроенного медресе[161].

Время правления Худояр-хана было насыщено событиями, связанными с бурной политической обстановкой и социальным движением в Восточном Туркестане. Крупные народные движения, эмиграция десятков тысяч людей не могли не отразиться на социально-экономической жизни ханства, на ходе его политической истории.

В самом ханстве после разгрома кипчаков политическая обстановка была весьма напряженной, часто менялись главные везиры. Такие влиятельные слои населения, как ходжи, тюры, вели активную политическую борьбу.

«Ревностный Худояр-хан достиг казни бывшего мятежника Мусульманкула и суверенная власть Худояр-хана установилась в изящном Коканде. Потомки ханов и [привилегированного сословия] тюры этого государства на периферии продолжали свои стремления к гос-

подству. Однако вследствие господства и владычества Мусульманкула головы их были скрыты под воротником. Молодость и неопытность хана (после казни Мусульманкула. — *Р. Н.*) стали известны со всей очевидностью, и во всех уголках [страны] неожиданно появилось в их поведении рвение и энергия»[162]. Согласно В. Наливкину, острое недовольство тюры и ходжей было вызвано действиями самого Худояра, хотевшего нанести удар по этим влиятельным представителям общества[163].

В 1271 (1854—1855) г., во время нахождения Худояра в Андижане, поднял мятеж один из видных потомков Махдуми Азама — Рустам-хан тюра, происходивший со стороны матери от бывшего кокандского хана Нарбуты. Еще до мятежа он обращался через своих людей к феодальной верхушке областей, сел и городов с просьбой признать его и оказать ему помощь в приобретении верховной власти[164]. Посланные Худояр-ханом войска из Андижана во главе с мингбаши подавили мятеж. В этой обстановке против Худояр-хана восстали народные массы Коканда. Они изгнали ханских чиновников, а некоторых убили. Поводом для восстания, указывает источник, послужили беспощадные преследования чиновниками населения в связи с мятежом Рустам-хана тюры. «Военные, не различая сухое и влажное, приводили [людей для наказания]. По этой причине население города было крайне стеснено»[165]. В. Наливкин причину восстания видел в насильной распродаже ханом кипчакских земель[166]. Восстанием руководил Мирза Мунаввар, биография которого источником не освещается. Только известно, что он, избежав преследования, скрылся на значительное время, а затем вернулся в Коканд и состоял на службе у Худояра в должности мирзабаши, а впоследствии был выслан в Ташкент, где и был казнен. После жестокого подавления восстания часть населения покинула родной город. Рустам-хан тюра был выслан за пределы ханства и вернулся в Коканд лишь при правлении Малла-хана.

В 1272 (1855—1856) г. был казнен Худояр-ханом Сафар-тюра — выходец из Кара-Тегина. В конце своей жизни он проживал в Коканде в махалле Дегрез. Обманным путем собрал он свое богатство. Имея несколько поддельных ханских печатей, он посылал документы на имя правящих государственных лиц и получал от них деньги и вещи[167].

Напряженная политическая обстановка, острейшая борьба между феодалами за власть, бесконечные убийства, казни и разорение народных масс нашли достаточное отражение в источниках.

Положение трудящегося населения нисколько не улучшилось и после разгрома кипчаков. Жестокость хана и его окружения по отношению к народу, стремление к личному обогащению за счет имущества и гибели населения, непрекращающиеся внутренние бессмысленные раздоры среди правящих феодальных кругов и в самом ханском доме вызывали огромное недовольство народных масс.

«В период его [Худояр-хана] правления разврат и смуты должностных лиц усугублялись изо дня в день. Близость между царствующими [особами] и эмирами Коканда расстраивалась и разрушалась. В деле узурпации власти между эмирами и везирами государства абсолютно все принимали участие. По этой причине в делах этой страны наблюдалась неограниченная анархия. Редкостный покой и безопасность перешли сразу в укрытие, руки дремлющих подонков общества протянулись к подолам достоинства подданных. Печаль несправедливости вытекала из натуры края и огорчение из жестокости эпохи. В силу молодости хана узды правления находились в руках разных людей,

которые совершали всякие им угодные дела над населением. Его величество об этом оставалось неосведомленным»[168].

Таким образом, в конце 50-х годов XIX в. остается весьма тяжелым не только внешнеполитическое состояние Кокандского ханства, но и внутреннее положение.

Серьезное поражение кокандских войск под Ак-мечетью и их потери, угроза дальнейшего наступления царских войск на юг, в подвластную Коканду казахскую степь, способствовали мощному движению крайне недовольного ненавистной властью кокандских ханов населения. Хотя кокандскому государству внешне удалось подавить это движение, однако оно крайне встревожило северные районы ханства.

Бухарское ханство по-прежнему было настроено враждебно по отношению к Коканду и искало удобного случая для вмешательства в его дела.

Устранение от власти кипчакской верхушки и разгром кипчаков не привели внутри ханства к улучшению положения народных масс, не учтены были интересы и всех феодальных кругов. Ярким примером тому служит упомянутый выше мятеж Рустам-хана тюры. Положением в стране недовольна была не только оставшаяся кипчакская знать, но и киргизские феодалы, лишенные в это время государственных должностей.

Особенно острое недовольство вызывало поведение хана, стремившегося, несмотря на тяжелую внешнюю и внутреннюю обстановку в стране, когда государственная казна была фактически опустошена, к личному обогащению.

Все это привело к ослаблению власти Худояра. В 1274 (1857—1858) г. Рустам-хан тюра в Ура-тюбе вновь выступил против правления Худояра. Кокандские войска во главе с ханом осадили крепость, но город выдержал осаду. При отступлении по горной дороге кокандские войска были разбиты в ущелье Ак-су[169]. Только упавших в глубокое ущелье насчитывалось около тысячи человек. Назначенный перед осадой Ура-тюбе на должность мингбаши бывший дастарханчи каракалпак Фазыл-бек вместе со своими эмирами и 600 воинами попал в плен и был отправлен к бухарскому эмиру, который его казнил.

Мухаммад Салих, преувеличивая общее количество потерь Худояр-хана, определил их в 12 тыс. человек[170]. Кокандцы, попавшие в плен, впоследствии покупались родственниками у правителя Ура-тюбе за 250 тилля[171].

Худояр, оставив войско на произвол судьбы и бросив военное снаряжение, спасся бегством. Только с помощью прибывшего к нему в местность Тагояк правителя Дарваза Якуб-шаха ему удалось добраться до столицы. Положение хана было настолько непрочным, что по прибытии в Коканд он немедленно начал искать поддержки у духовенства и объявил себя мюридом ишана Хальфа Алтмыша[172].

Худояр-хан начал назначать на высшие должности людей, известных своей беспощадностью к населению: главным везиром стал бывший правитель Ташкента — Мирза Ахмад, ненавидимый населением Ташкентской области и обширных казахских степей; дастарханчи — один из приближенных Худояра — Дустмухаммад[173].

Поражение Худояра в ура-тюбинском походе было использовано эмиром Насруллой для наступления на Ура-тюбе, который он подчинил себе, а после этого осадил Ходжент. Уже испытавшее на себе власть Насруллы население Коканда и его окрестностей приступило к обороне города, мобилизуя ресурсы окрестных деревень и даже разрушая некоторые здания вокруг городской крепости[174].

В такой напряженной обстановке началась борьба между Худояр-ханом и его старшим братом — Малла-беком, который по настоянию главного везира был приговорен к казни. Однако недовольные Худояром феодалы[175], прежде всего киргизские и кипчакские, выступили в поддержку Малла-бека. Он обратился за помощью к одному из близких ему крупных киргизских феодалов, проживающему в селе Қара-су — Алим-бию ибн Хасан-бию, и тот, дав согласие, собрал феодальную знать из киргизских и кипчакских племен[176]. Малла-бек, получив серьезную поддержку, начал поход на Қоканд. К нему присоединились правители восточных областей ханства. В Ярмазаре, по сведениям Мирзы Алима, он был провозглашен духовенством, эмирами, аксакалами и биями ханом[177].

ПРАВЛЕНИЕ МАЛЛА-ХАНА (1275/КОНЕЦ 1858 г. — 1278/ФЕВРАЛЬ 1862 г.)

Сражение между Худояром и Малла-беком произошло в районе селения Рашдан[178] и было проиграно Худояром, отступившим к столице, которая через несколько дней была осаждена Малла-беком. Малла-бек немедленно обложил население военным налогом и потребовал с окрестных деревень денег и зерна для войска[179]. На 21 день осады оставленный почти всеми эмирами Худояр покинул столицу и переселился в Бухару.

В 1275/1858 г. Малла-хан стал правителем Қокандского ханства. Киргизская и кипчакская верхушка в государстве Малла-хана снова заняла административные и военные должности. Так, например, в Ходжент назначен был киргиз Саид-бек дадха, в Андижан — киргиз Алим-бек, в крепость Нау — киргиз Мулла Қасым. Среди крупных военачальников Малла-хана упоминаются кипчаки: Утам-бай кушбеги, Ирисали, Нормухаммад-кипчак, по данным источника, «один из достойных уважения высоких чиновников столицы, великий эмир».

Мулла Нияз Мухаммад, панегирист Худояр-хана, недовольный свержением его власти, обвинял Малла-хана в том, что он, придя к власти, допустил к управлению страной всяких людей. «В первый день своего правления он открыл доступ к государственной власти каждому честному и подлому человеку, отдал нить правления страны в руки каждого тупоумного вора, пропустив их в свою резиденцию, допустив к совместному правлению, сделав их доверенными в государственных тайнах, превратив их в почетных людей, подобно наследникам Али. Он дал место на постах везиров и должностях эмиров... кочевникам... Людей, знающих государственные дела, старых спутников [государства], удалил от совместного правления государственной властью и из сферы славного могущественного общества»[180]. Однако он не отрицал, что Малла был полновластным ханом и не допускал самовольных действий представителей власти[181].

Окружавшая Худояра феодальная знать обвинила его в том, что он в свое время не истребил своих братьев, потенциальных претендентов на ханский престол.

Подавленная в первый период правления Худояра феодальная верхушка кипчаков и не нашедшая своего места в политической жизни ханства киргизская знать явились той основной силой, опираясь на которую, Малла-хану удалось свергнуть Худояра.

По сведениям Муллы Нияз Мухаммада, после прибытия Малла-хана в горные районы Уч-кургана собралась вся киргизска знать, которая

«воображала неоспоримо решившимся для себя вопрос о главенстве власти, об управлении областями, о занятии должностей и овладении знаменем»[182], что свидетельствует о стремлении киргизских феодалов взять политическую власть в ханстве.

Бухарский эмир, занявший западную часть территории Кокандского ханства до Ходжента, немедленно использовал внутренние раздоры в нем[183]. Худояр с одним из своих братьев направился в Кара-тегинскую область для того, чтобы оттуда начать действия по возвращению утраченной власти. Как союзник бухарского эмира он укрепился в крепости Гарм.

В Коканде понимали, чем грозят действия бухарского эмира, и поэтому Малла-хан направил в Кара-Тегин отряд во главе с правителем Маргилана Канаат-шахом, занятым тогда строительством новой крепости в местности Лангар.

Правитель Кара-Тегина Музаффар-хан (таджик) после трех-четырехдневной обороны крепости Хаит сдался кокандцам. Канаат-шаху удалось разбить Худояра и подчинить всю область Кара-Тегина. Музаффар-хан был оставлен на занимаемом им месте. Худояр перебрался в Джизак, но и туда в 1276 (1859—1860) г. Малла-хан направил войска, которые нанесли поражение Худояр-хану и бухарскому наместнику Джизака.

В 1276 (1859—1860) г. Малла-хан специально отправил войско в количестве 3—4 тыс. человек в местности Иланлик и Кара-тепе (расположенную за Ура-тюбе). Набег был совершен с обычной для хана жестокостью. Однако на обратном пути отряд был внезапно разбит правителем Ура-тюбе. Через год правитель крепости Нау, один из потомков правителей Ура-тюбе, поднял мятеж против Малла-хана и захватил Ура-тюбе. Прибывшие сюда и остановившиеся в небольшом оборонительном сооружении, находящемся на юге Ура-тюбе, на расстоянии более 1/2 фарсаха от него, кокандские войска не могли занять крепость, несмотря на трехмесячную осаду. Как только осада была снята в связи с приближением в 1277 (1860—1861) г. бухарских войск, город был занят последними. Кокандцам пришлось дать сражение, в котором бухарцам было нанесено серьезное поражение, но Ура-тюбе осталось под властью Бухарского ханства. Правителем там стал посланный из Бухары Барат-бек. Однако он был окружен со всех сторон кокандскими отрядами, оставленными в этом районе.

Для жителей Ура-тюбе, в основом крестьян, такое положение было невыносимым, так как они не могли выйти за пределы города и заняться весенними полевыми работами. Доведенные до отчаяния разорительными и разрушительными походами кокандского хана и только что выдержанной более чем восьмидесятидневной осадой горожане выдвинули требования перед наместником бухарского эмира Барат-беком: создать условия для проведения земледельческих работ и охранить их от ожидаемых набегов; в случае нападения кокандского хана или постараться отразить его, или, если это не удастся, заключить перемирие с ним[184]. Когда кокандские войска приблизились к Ура-тюбе, население заявило своему правителю: «Зима, оружия у нас нет, охоты к войне тоже не имеется. Мирись или убирайся, не то сами выдадим тебя хану»[185].

Это был ультиматум населения, доведенного до крайней нищеты постоянно совершаемыми феодальными войнами, превращавшими города и села в развалины.

Барат-бек вынужден был послать в Коканд послов для заключения перемирия. Весть об этом восстании в феврале 1862 г. дошла

через донесения оренбургских военных властей до военного министра России[186].

После эмира Насруллы в 1277 (1860—1861) г. Шахрисабз отпал от Бухарского ханства. Наследники правителей Шахрисабза восстановили самостоятельную власть правящей верхушки племени кенегес, и это немедленно вызвало наступление эмира Музаффара (1860—1885). Шахрисабзцы, как и прежде, обратились за помощью к кокандскому хану. Малла-хан выступил и дошел до крепости Заамин. Оттуда он начал посылать отряды для традиционных набегов в окрестные районы до Самарканда. Население, проживавшее на территории от ущелья Илан-Уты вплоть до Самарканда, было беспощадно разорено этими отрядами. Вмешательство бухарского гарнизона, находившегося в крепости Саад-и-Кас («قلعهٔ سعد وقاص»), расположенной непосредственно в ущелье, было устранено кокандскими отрядами. Все это совершалось с целью отвлечь внимание Музаффара от Шахрисабза, в конце концов оставившего его.

Вскоре оказавшийся в районе Самарканда, на берегу Зарафшана, Музаффар задержал посланника кокандского хана Ишана Бабаходжу шейхулислама Канибадами, направлявшегося в Шахрисабз, и вместе с ним отправил своих послов к Малла-хану с требованием определить условия встречи — в Заамине или Джизаке. Ставился вопрос и о заключении перемирия, главным пунктом которого выдвигалось сохранение пограничной линии через местность Акрок-булак[187]. Перемирие состоялось, и оба хана разъехались в свои столицы.

После подчинения Ак-мечети царские войска, с сибирской линии выступив на юг, дошли до Алма-Аты и там ими было построено в 1854 г. укрепление[188]. Отдельные отряды совершали нападения на близлежащие кокандские крепости.

В 1277 г. Малла-хан направился в Ташкент для организации сопротивления царским войскам. Из Ташкента он отправил войска под начальством Рустам-бека и Нормухаммада-кипчака, которые добрались до расположения вражеских войск и вступили в бой с их мелкими подразделениями. Взяв несколько человек пленных, они возвратились в Ташкент[189].

Вскоре царские отряды напали на крепости Токмак и Пишпек и, разрушив их, вернулись на исходные позиции. Дальнейшее продвижение царских войск заставило Малла-хана вновь собрать войска для отправки их на север.

По сообщению Муллы Нияз Мухаммада, принимавшего участие в этом походе, из Коканда отправились войска в количестве 7 пансатов, кроме андижанского отряда. Начальником кокандских войск был назначен Алим-бек дадха — правитель Андижана. К ним по пути следования присоединились войска Курамы и Ташкента под начальством правителя Ташкента Канаат-шаха. Собранные войска в количестве 19 тыс. человек выступили под командованием двух военачальников из Ташкента против царских войск, захвативших крепости Алма-Ата, Токмак и Аштак с окрестностями. Кокандские войска дошли до окрестности Пишпека и остановились на берегу р. Чу. Отсюда Шадман-ходжа отправился с семитысячным отрядом против царских войск, расположившихся в районе Бейката (بیکت) — между Аштаком и Алма-Атой. Алим-бек двигался за этим отрядом с остальными войсками, состоявшими из 12 тыс. человек. Они окружили царские войска, в это время начались разногласия между Канаат-шахом и Алим-беком из-за командования. В результате Алим-бек предательски отступил[190].

Через час после начала сражения казахи и другие насильственно

мобилизованные кочевники «جماعة قزاقيه و ايلاتيه» оставили поле боя. Кокандцы продолжали бой до середины дня. Отряд царских войск отступил до Аштака. Канаат-шах занял крепость Пишпек. Он переселил часть населения из районов Алма-Аты и Аштака в районы Пишпека, Мерке, Аулие-Ата и возвратил основные силы обратно. Сам он оставался в течение месяца в Пишпеке с целью его укрепления.

Видимо, царские войска на этот раз из тактических соображений несколько отступили, при этом основательно измотав силы кокандцев. Мулла Нияз Мухаммад охарактеризовал положение кокандских войск следующими словами: «В царстве ревнивого, переменчивого Малла-хана на длительной трудной дороге похода подвергались беде. В пору нахождения Кал Каноата (имеется в виду Канаат-шах. — *Р. Н.*) на посту эмир лашкара (главнокомандующего) из-за его рокового злосчастия все мы превратились в нищих»[191].

В 1278 (1861—1862) г. царские войска, двигаясь со стороны Ак-мечети, построили крепость в Джулеке[192]. Авангард их дошел до Янги-кургана, который был ими уничтожен, а его население ушло в район Туркестана. В том же году Канаат-шах с находившимися под его командованием отрядами предпринял поход против царских войск в этом районе. В течение короткого времени ему дважды удалось отвоевать и восстановить разрушенную крепость Янги-курган.

Таким образом, нарастала угроза продвижения царских войск. Кокандские укрепления, расположенные на территории Казахстана, уничтожались один за другим, а борьба казахских племен за освобождение из-под власти ненавистного кокандского хана усиливалась. Примером этому может служить оказание ими серьезной поддержки русским войскам в боях против кокандского войска при движении их на юг.

Когда Канаат-шах, заняв Янги-курган, готовился к грабительскому набегу на аулы, кочующие в этом районе, к нему пришел один из руководителей казахских племен — Турсун-бай с подарками и открыто заявил: «Мы, мусульмане, из-за вашего насилия и притеснения присоединились к «неверным» — русским»[193]. Он ставит условием соблюдение всех норм шариата и размещение его племени в районе Чирчика или в другом месте Ташкентской области.

Однако рядом оказался двухтысячный отряд царских войск вместе с пятью тысячами казахов, готовых к нападению на отряд Канаат-шаха. Прибывшая во главе с Турсун-баем группа казахов с целью предотвращения набега кокандцев и отвлечения их внимания немедленно была взята в плен кокандцами, и Канаат-шах отступил.

Неблагоприятное внутреннее положение ханства препятствовало выступлению Малла-хана против царских войск, постоянно угрожавших ханству. В 1278 г. Малла-хан собрался в поход через Ходжент, где должны были быть сконцентрированы прибывшие из областей войска. Но отказ войск от тяжелого похода, мятеж правителя Ура-тюбе и оставшихся в столице эмиров заставили его отложить этот поход.

Видимо, к этому времени правящие круги областей выступили против центрального правительства. Малла-хан не мог сразу же предпринять срочных мер против них, так как вынужден был пройти по восточным областям ханства и сместить правителя Шахрихана Ходжу Мели-бая вследствие острого недовольства населения насилиями и тиранией, совершаемыми этим правителем[194]. Однако восточные районы и после этих мер не успокаиваются, и он после возвращения в Коканд вынужден был послать отряд против андижанского правителя Алим-бая (Алим-бека).

В это время против Малла-хана с запада начал действовать Худояр-хан, который занял Заамин. Враждебные действия эмиров против Малла-хана изо дня в день усиливались. Они выступали против намерения Малла-хана идти походом на север для устранения все приближающейся угрозы нападения царских войск. Мотивом для отказа послужили зимние условия, в которых невозможно было провести поход удачно. Даже уже собранные войска были распущены.

Вскоре (в феврале 1862 г.) в результате организованного эмирами заговора Малла-хан был убит[195]. Правил он 3 года и 4 месяца.

Автор «Тарихи джахан-намаи» с позиций представителя городского среднего сословия следующим образом оценивает личность Малла-хана. Каждый пятничный день он принимал участие в сборах духовенства и их диспутах, каждому из представителей духовенства он назначал жалованье. В его правление религия получила широкое развитие. Он внимательно следил за действиями правителей подчиненных областей и не разрешал чинить им насилия. Военных людей Малла-хан держал под строгим контролем[196]. В другом месте автор «Тарихи джахан-намаи» писал, что если Малла-хан был строгим в отношении военачальников и войска, то духовенство, торговцы, ремесленники и крестьяне жили при нем спокойно[197].

Говоря о времени правления Малла-хана, Мухаммад Салих писал об оказании им огромного уважения духовенству, о назначении его знатным представителям жалованья, жестоком избиении развратных людей, злоумышленников, провокаторов и т. д. Он сообщал о наказании мятежных главарей племен, правителей городов и сел, амлякдаров, аксакалов, арбабов[198].

В русской литературе в середине XIX в. отмечалась противоречивость отзывов в оценке личности Малла-хана. Вот один из них: он «был человек суровый и энергичный»[199]. Приведем характеристику другого автора:

«Деспот, фанатик до корней волос, строгий, неугомонный Маллехан (ташкентский бек) не мог снискать расположения. С провинившимися расправа у него была коротка. Требовал исполнения каждой буквы шариата. Женщинам совершенно воспрещал показываться на улицах, а мужчины без чалмы (салле) не могли выходить из дому. Пьянство наказывалось особенным способом: в назидание всем бутылка вешалась на шею провинившемуся, которого водили по городу, сопровождая всякими насмешками, и затем казнили...

Не зная отдыха, он предпринимал поход за походом на бухарские пограничные города. Однажды он только отправил посольство в Бухару для мирных переговоров, во главе с секретарем своим, ныне здравствующим в Коканде Мирза Аюбом. Каково же было положение бедных посланников, когда они узнали, что Малла-хан вслед за ними принялся разорять соседние бухарские владения; только священный долг гостеприимства спас их от неминуемой гибели. ...Изнемогавшие войска и военачальники, подстрекаемые Алимкулом, решили покончить со своим беспокойным властелином: он был зарезан ночью в орде каким-то подосланным киргизом»[200].

Согласно автору «Таснифи Гариб», Малла-хан был могучим царем, навел такой порядок среди государственных чиновников и военачальников, что не один из них не мог выйти за рамки шариата. Военные были заняты своим делом, начальники соблюдали высокое положение, улемы и шейхи занимались защитой шариата, а подданных постоянно заставляли соблюдать приличия. Он издал приказ для всего

народа, согласно шариату, о передаче детей в школу, о свободном осуществлении купцами торговли, об уважении улемов, мулл, шейхов, уважении младшими старших, необходимости обучения людей мухтасибами в мечетях обязательному религиозному предписанию, необходимости сокращения осей арб и застилке улиц гравием. Он вел энергичную борьбу с воровством. Цены на базарах снизились, земледельческие продукты были в обилии, должник «вынужден был» в свое время расплатиться. Подвергались жестокому наказнию люди, не соблюдавшие правил шариата, допускавшие злоупотребления и измену в военном деле, трусы. На службе Малла-хана состояло много видных талантливых военачальников, вроде Канаат-шаха, Муллы Алимкула-эшик-агаси, Шадман-ходжи, Хидира, Чутана, Алим-бека, Минг-бая, Якуб-бека, Утамбая кушбеги, Мирзы Ахмада, Касыма-дадхи, Уммата, Абдулкахара-дадхи, Саид-бека и других[201].

Все это говорит о стремлении Малла-хана в свое кратковременное правление в труднейших условиях навести определенный порядок в расстроенных государственных делах, в войсках, поднять авторитет шариата и духовенства в целом.

Приход к государственной власти киргизских и кипчакских феодалов, создание войска из людей, принадлежащих разным народностям и племенам (узбеки, киргизы, таджики), попытка Малла-хана осуществить деспотическую власть не могли создать нормальной политической обстановки в стране, вопреки политике Малла-хана, направленной к удовлетворению интересов феодальной верхушки всех племен.

Не найдя достаточной поддержки своим стремлениям, Малла-хана пал жертвой сложной ситуации, которую не могли отрицать даже феодальные историки: «Изо дня в день Ферганское государство клонилось к упаду и сотрясению»[202].

Долго существовавший антагонизм между оседлым и полуоседлым населением, особенно среди феодальной верхушки, ведшей ожесточенную борьбу за власть, обострился политикой Малла-хана, который, наряду с назначением на государственные должности представителей феодальной верхушки из киргизов и кипчаков, отдал распоряжение о возвращении им оседлым населением половины земли, приобретенной в свое время у кипчаков, и о принудительной продаже второй половины по требованию кипчаков по той же цене, по которой она была приобретена после разгрома кипчаков Худояром[203]. «Кипчаки, пользуясь своею близостью к новому хану, при возвращении себе своих прежних земель не упускали случая прихватить и клочок чужой, сартовской»[204]. Другая часть земли, видимо, не перешла в руки кипчакских владельцев и стала предметом споров на длительный период времени. «Какую массу самых запутанных тяжб породила эта операция, — писал В. Наливкин, — можно судить из того, что почти 20 лет спустя, по занятии Ферганы русскими, жалобы и тяжбы этого рода все еще продолжали поступать на имя новых уездных начальников и других служебных лиц русской администрации»[205].

В 1277 (1860—1861) г. после ура-тюбинского похода Малла-хан принял английских, кабульских и других иностранных послов, прибывших с ценными подарками и ожидавших хана в его столице[206]. Эти данные автора «Тарихи джахан-намаи» полностью подтверждаются данными русских источников. Купец татарин Фаттах Хидиров, бывший в Коканде, сообщал: «К хану прибывают английские и кабульские послы, о целях которых он не знает. По его словам, послы якобы привезли в подарок кусок золота, стоящий двадцать тысяч тиллей». Канаат-шах,

по приказанию хана, пользуясь случаем, просил послов дать до весны две тысячи пистолетов и три тысячи кремневых ружей, а также прислать трех специалистов[207].

ВТОРОЕ ПРАВЛЕНИЕ ХУДОЯР-ХАНА (1278/1862 — 1280/1863)

Убив Малла-хана, правящие феодальные круги возвели на престол сына Сарымсак-бека, одного из внуков Шерали-хана — Шахмурада. Это вызвало немедленную реакцию, как внутри ханства, так и за его пределами. Худояр-хан, ожидавший случая, начал действовать. Ташкентская знать, в том числе и духовенство во главе с находящимся еще в Туркестане Канаат-шахом, выступила против нового хана и пригласила Худояр-хана в Ташкент в надежде заслужить симпатии будущего верховного правителя.

Один из врагов Кокандского ханства, бывший правитель Ура-тюбе Абдулгафар-бек, правивший в это время в крепости Сангзар от имени бухарского эмира, занял Ём, Заамин и Ура-тюбе.

В такой напряженной обстановке Шахмурад выступил против самого опасного очага сопротивления — Ташкента. Через Ходжент, оставляя отряды в Нау, Куш-Тегирмане, и крепости Дальверзин (на правом берегу Сырдарьи), Каризу и Кироучи он дошел до Ташкента и разбил лагерь на развалинах Минг-Урюка, находившегося на некотором расстоянии от городской стены, и осадил город. Как всегда, осада была тяжелой для населения города: каналы были разрушены, а в связи с этим было прекращено снабжение города водой, перестали поступать продукты питания; для сбора налогов с населения области и степных районов были отправлены люди.

На помощь к Шахмураду пришли правители Туркестана, Аулие-Аты и другие, но ему не удалось взять Ташкента, несмотря на незначительность сил, оборонявших город. Произошло это, по мнению автора «Тарихи джахан-намаи», по следующим причинам: во-первых, большую роль в организации обороны сыграл Канаат-шах, сумевший умело организовать оборону города; во-вторых, разрешение ташкентского духовенства во главе с Муллой Салих-беком ахундом, подкрепленное шариатом, убивать воинов Шахмурада как убийц Малла-хана позволило мобилизовать население города и тем самым усилить оборону; наконец, выступление эмира Музаффара из Бухары, по просьбе Худояр-хана, заставило Шахмурада немедленно снять осаду и спешно возвратиться в столицу. В пути (в местности Ходжи Ягона) между ферганскими эмирами вспыхнула ссора, в результате которой ряд видных эмиров был казнен.

Из Ташкента Худояр-хан, из Ура-тюбе эмир Музаффар шли в направлении Ходжента; встретившись в местности Ак-тепе (на левом берегу Сырдарьи), они без боя заняли Ходжент. Худояр вскоре завладел Кокандом.

Как это случалось не раз, множество кипчаков[208] и киргизов при содействии кокандской знати было перебито. Некоторая часть их спаслась бегством.

Таким образом, в конце 1278 (середина 1862) г. Худояр вторично пришел к власти[209]. Однако полностью восстановить власть в восточных районах Ферганы ему не удалось.

Бухарский эмир, видимо, стремившийся хотя бы к номинальному признанию Худояром его верховной власти, пытался приехать в Коканд. Азиз бин Риза-и Маргинани приводит копию ярлыка бухарского эмира Музаффара от 1278 (1861—1862) г. о назначении двух лиц мударрисами медресе Муллы Турсун Мухаммад ахунда в Маргилане. Если копия верна, то она свидетельствует о том, что Худояр признавал верховную власть бухарского эмира. В другом месте тот же автор писал о распространении слухов среди населения о том, что Худояр обещал внести в казну бухарского эмира харадж и пошлины[210]. Несмотря на это, Музаффар готовился к походу на Кокандское ханство, однако дело до столкновения не дошло, и отношения между Бухарой и Кокандом оставались напряженными. Даже посланный к Музаффару Канаат-аталык был казнен бухарским эмиром[211].

Противники Худояра, главным образом кипчакские и киргизские эмиры, во главе которых стояли Алимкул (бывший лашкарбаши) и Шадман-ходжа (бывший мингбаши), продолжали борьбу против него. Чтобы воспрепятствовать движению Худояра, они наводнили большую территорию между Яка-Тутом и Кувой. Уже в первых боях, происшедших в районах Кувы и Ассаке, обе стороны потеряли только убитыми около 6000 человек. Потери в людской силе были так велики, что у Худояра оставалось лишь 800 человек[212]. Он вынужден был соорудить временное укрепление, используя землю, деревянный материал и подводы, в местности Кабил (под Кувой), а по другим данным — в Яка-Туте.

В Ассаке собралось более 20 тыс. кипчаков, предводители которых избрали своим ханом некоего Шахрух-хана, что подтверждается документальным материалом, сына одного из мастеров глинобитных стен Хайит Мухаммада, объявив его сыном Мухаммадали-хана[213]. Так началось возведение лжеханов[214].

Худояру удалось удержаться только благодаря многотысячному подкреплению, прибывшему из Коканда и из других областей. Оказали ему серьезную помощь Ишан-хан тюра и кокандское духовенство с многочисленными мюридами[215]. Ожесточенные кровопролитные бои в этом районе длились более трех месяцев.

Кипчаки, киргизы, андижанские и шахриханские сарты оставили внезапно поле боя и захватили оставшуюся без войска столицу. С приближением Худояра ее население под давлением антикипчакской пропаганды сторонников Худояра вступило в бой с кипчаками и киргизами. Началось новое избиение кипчаков. «Так вдруг, — пишет Мирза Алим, — люди базара, подняв шум, кричали: «Задерживай кипчака, убивай кипчака!». Находившихся в городе кипчаков убили... Несколько ям заполнили трупами, [также] убивали пойманных киргизов и кипчаков в кишлаках»[216].

После значительного кровопролития в городе часть кипчаков и киргизов со своими предводителями, взяв оружие и артиллерию в количестве 20 пушек, разграбив урду, оставила город и ушла в Ассаке, по дороге разоряя население сел и деревень[217]. Киргизские и кипчакские феодалы позже неоднократно совершали грабительские набеги на северные районы ханства — Наманган, Тюра-курган, Касан.

На западе правитель Исфары и Чахар-куха Бабо-бек вышел из подчинения Коканда. Мятеж был поднят в крепости Сох. Во всех этих событиях, по сообщению источника, кипчакская и киргизская знать играла большую роль. Она обратилась к племенам Ташкентской области с призывом взять власть в Ташкенте. В этом обращении совершенно четко проявился господствующий антагонизм меж-

ду землевладельческой знатью и знатью кочевого и полукочевого населения. «В процессе этих событий главари мятежников — Шадман-ходжа, Алим-кули и другие — послали в сторону Ташкента человека под именем Ташкаро с письмом для кочевников окрестностей Ташкента, в котором писали: все кипчаки, киргизы, казахи, каракалпаки и все другие улусы и племена [произошли] из одного семейства и являются братьями. Наш обладатель Шахрух-хан обещал, если он придет к власти, то поставит на должное уважение и должности главарей каждого кочевого племени и рода»[218]. Они просили, чтобы те, к которым они обращались с посланием, любыми средствами овладели Ташкентом и обеспечили себя путем ограбления окрестных земледельческих районов.

Кочевники осадили Ташкент. Распри, которые там продолжались, способствовали проникновению их в город. Так, начальник Бешагачской части впустил их в город, и правителю с помощью населения остальных частей Ташкента с трудом удалось удалить кипчаков за пределы города.

Кочевое и полукочевое население государства настолько было недовольно правлением Худояра, что когда ташкентская знать пригласила его в Ташкент, то в Чиназе каракалпаки выступили против его допуска в город[219].

По сведениям Мухаммада Салиха, во время войны Худояра в восточных областях Ферганы с мятежниками кочевники Ташкентского владения воспользовались этим и подняли восстание, ограбив население. Худояр, по просьбе ташкентской знати, послал Дустмухаммада бахадурбаши (каракалпак) для подавления этого движения, который с помощью населения выполнил приказ хана. Он отправил в дальние районы Казахстана группу казахской знати, имеющей огромное влияние в Ташкенте и родственные связи с его населением[220].

Однако в Ташкенте шла ожесточенная борьба между самой городской знатью за овладение политической властью. Один из влиятельных людей города Юлдаш-бек с помощью предводителей кочевых племен пытался прийти к власти в Ташкенте. Его поддержал влиятельный представитель высшего духовенства — Мулла Салих-бек ахунд[221]. Только после вооруженного столкновения Дустмухаммаду с помощью другой части городского населения удалось подавить это движение. Это событие явилось одним из многих эпизодов борьбы между знатью различных частей города.

Ташкентские события в начале второго правления Худояра подробнее описаны автором «Хуласатул-ахвол». Один из богатых и влиятельных домов ташкентских горожан[222], в лице братьев Мулла Салих-бека, Курбан-бека и Юлдаш-бека (братья ташкентского правителя Рустам-бека), в удобной для них политической ситуации — в момент усиления раздоров среди кокандской правящей верхушки и отсутствия в Ташкенте правителя — вступил в активную политическую борьбу. выдвинув Юлдаш-бека на должность правителя Ташкента. Пригласив знать племен, расположенных в окрестности города, и устроив пышный прием, на котором биям было преподнесено одних только халатов более 200, им удалось договориться о посылке письма в Коканд к Худояру и в Бухару эмиру Музаффару с просьбой утвердить Юлдаш-бека правителем Ташкента. Однако Худояр, несогласный с этим актом, немедленно послал в Ташкент Дустмухаммада-бахадурбаши. Между тем уже захватившие в Ташкенте власть братья во главе с Муллой Салих-беком, поддержанные незначительной частью городской знати и опирающиеся на 200 ополченцев (кара-калтак),

выходцев из среды ткачей, активно участвовавших уже на протяжении ряда лет в социально-политической жизни города, арестовывают Дустмухаммада.

Одновременно на политическую арену выступила другая враждебная первой группа городской знати во главе с Юсуф-бием, Гадаем-саркаром, Нарходжой-ишаном (отцом ташкентского казикалона), Абдулкасым-баем и др. Они, получив благословление от прибывшего сюда из Ферганы и находившегося в стороне от создавшейся там сложной ситуации крупнейшего ишана Сахиб-заде, объявили восстание (аламан). Вскоре вокруг них собралось 10—12 тыс. ополченцев, с которыми они предприняли наступление на урду. Юлдаш-бек отступил к Чор-су. Восставшие освободили из-под ареста Дустмухаммада и подвергли разгрому группу Юлдаш-бека[223].

Все представители ханского дома ни на один час не оставляли мысли о захвате верховной власти при помощи любой феодальной группы. В этом отношении характерен эпизод с Каландар-беком — сыном Мадали-хана. Увезенный в Хорезм, он был спасен от расправы эмира Насруллы. Мятежная кипчакская и киргизская верхушка, хотя в то время и выдвинула своим ханом Шахрух-хана, но, чувствуя отсутствие на это юридического основания, в то же время стала искать кандидатуру среди законных царевичей и остановилась на Каландар-беке. В 1279 (1862—1863) г. к нему в Хорезм была послана делегация в составе более 20 человек. Переодев Каландар-бека в одежду купца, его провезли через Туркестан; только в Кураме по перстню, на котором было высечено его имя и имя отца, сторонники Худояр-хана опознали его и вместе с делегацией убили.

Такой крайне неспокойной обстановкой были недовольны не только земледельческие слои населения, но и широкие массы самих кипчаков и ферганских киргизов. Они открыто предъявили свои условия, требуя прекращения враждебных действий и немедленного ухода мятежных главарей[224]. Описывая сражение 1279/1862 г. Худояр-хана с Алимкулом в районе между Кувой и Ассаке и его кровопролитный исход, автор «Таснифи Гариб» передал печальное высказывание одного из участников этого сражения: «Я осознал, что люди оказываются беспощадны друг к другу, и поэтому, больше не присоединяясь к кипчакам, занялся земледельческими делами»[225]. Характерно, что в ходе беспрерывных разорительных и кровопролитных междоусобиц в интересах правящей верхушки в сознании рядовых участников происходили колоссальные изменения — воинствующий кипчак прекращал кровопролитие и переходил к мирному труду.

Однако кипчакская и киргизская феодальная знать по-прежнему продолжала мятежи. Вскоре после неудачи с Каландар-беком ханом был провозглашен девятилетний сын Малла-хана Султан Саид-бек. Среди приближенных Худояра нашлись люди, оказавшие помощь кипчакам в борьбе против него. Мятежники овладели Андижаном. Им удалось собрать в течение трех месяцев значительные силы ополченцев (40 000)[226] из числа ошских, араванских и алайских киргизов и кипчаков. Мятежники насильно отнимали у населения Андижана и окрестных селений Балыкчи, Кувы, Ассаке, Шахрихана, Оша, Пайтуга и других их богатства, обложили его повторными налогами. После многомесячной борьбы им удалось захватить Маргилан и двинуться на Коканд.

В этих районах многие селения были охвачены пожарами, поля вытоптаны, погибло большое число невинных людей[227]. В ряде районов восстал народ. Интересен рассказ автора «Таснифи Гариб» о народном движении в Маргилане до взятия его кипчаками.

Здесь произошло крупное народное волнение против посланника Худояра Мирзы Ахмада-кушбеги, назначенного на должность командующего войсками. Прибыв в Маргилан, Мирза Ахмад послал отдельные мелкие отряды для вылазок против такого сильного врага, как Алимкул. В степи Мааз бин Джабилия за городскими воротами, носившими это же название, мазар Мааза бин Джабилия был превращен в сильно укрепленный пункт, на крышах которого Мирза Ахмад установил даже артиллерию. Артиллерия была установлена и у городских ворот Киргил. Напротив этих двух ворот происходили бои между противниками. Мирза Ахмад занял выжидательную тактику. Кипчаки лишили город воды и провианта. Началась дороговизна. Продукты и корм для многочисленных сарбазов и их лошадей приобретались по весьма дорогой для того времени цене (так, например, 4 снопа клевера за 1 теньга, одна чекса риса за 4 теньга, одна чекса муки за 2—$2^1/_2$ теньга и т. д.). Положение народных масс, испытывавших нужду, стало тяжелым. В этой обстановке население города послало шейхулислама города к Мирзе Ахмаду и предъявило следующее требование: «Пусть Мирза Ахмад-кушбеги выходит на бой с врагом, если он не справится с этим, то пусть освободит город. Тогда как войско с артиллерией и пушками, сарбазами и конями здесь бездействует и кормится, вследствие чего наступила дороговизна, население находится в тяжелейшем положении. Мы ждем до утра завтрашнего дня, [если он не примет наших условий], то нападем раньше всего на него самого, откроем ворота перед кипчаками и проводим их. Если улемы не будут оказывать помощь и поддержку народным массам, нападем и на них». Шейхулислам перед всей городской знатью обещал народу выполнить его требования. На следующий день, сразу после утренней молитвы, плача собрались все подданные: «до бесприютных и бедных сирот и слабых вдов». Их вопли и шум «достигли небесной сферы». Они двинулись против шейхулислама, находившегося в квартале Казы-гузар. В этот момент в квартале Казы-гузар появился кушбеги со всеми своими сарбазами и артиллерией. Увидев угрожающее настроение восставших, которые заполняли все улицы и дома, он обещал выполнить требование народа, поспешно снял войска и ушел в Коканд. Войска кушбеги настолько были напуганы народным гневом, что держали все в боевой готовности[228].

Это событие нашло отражение и в донесениях сибирского командования военному министру России, согласно которым в движении кипчаков против Худояра принимали участие почти все кочевые племена ханства. В начале 1863 г. предводитель рода джаныс Мумин-бек Чуйбаков захватил Чимкент. В результате прервано было сообщение Аулие-Аты и Мерке с Ташкентом и Кокандом. Некоторые киргизские роды напали на 300 аулов киргизского же рода (сору), из которого происходила мать Худояра. Торговые сношения ряда киргизских родов и казахов Большой Орды с Кокандским ханством «совершенно прекратились, караваны перестали ходить»[229].

Кокандское ханство было настолько ослаблено этими беспрерывными войнами и охвачено народным гневом, что хан был вынужден обратиться за помощью к бухарскому эмиру. Эмир Музаффар, вступив в Ходжент, направил в Коканд двадцатитысячное войско[230]. Но и этой помощи оказалось недостаточно. Музаффар сам вынужден был прийти в столицу Кокандского ханства и совместно с Худояром воевать против мятежников, которые заняли оборону в горах Кувы. По сообщению Муллы Нияз Мухаммада и Муллы Мирза Алима, а также

автора «Миротул-фтух», мятежники отступили, отойдя к Узгенду, добрались до гор и укрепили проход Кара-Гульча.

Прибывшие сюда кокандский хан и бухарский эмир, убедившись в невозможности применить силу против прочно укрепившихся мятежников, стремились добиться победы путем мирных переговоров[231]. Началась длительная переписка, в результате которой мятежникам удалось поссорить правителей двух ханств и разъединить их силы; Худояр отступил с ферганскими войсками в Ходжент. Мятежники предъявили бухарскому эмиру ультиматум о немедленном уходе из Кокандского ханства. В этих событиях большую роль играли некоторые военачальники Худояра, активно действовавшие в интересах мятежников.

Прибытие бухарского эмира в Фергану, хотя официально и считалось актом оказания помощи Худояру, несомненно, имело и другие цели, предусматривающие интересы Бухарского ханства. Подозревая эти скрытые стремления, кокандский хан питал определенное недоверие к своему союзнику, но крайняя слабость правительства как в материальном, так и военном отношениях заставила его прибегнуть к помощи ненадежного бухарского союзника.

В Коканде бухарский эмир начал действовать как верховный правитель, назначая даже людей на ведущие должности. Так, на должность андижанского правителя он выдвинул ходжикалона. Ферганские мятежники вели переговоры не с Худояром, а с бухарским эмиром. Худояр фактически перестал действовать как суверенный хан[232]. По сведениям В. Наливкина, народу было объявлено о присоединении Кокандского ханства к Бухаре[233].

В начале 1280/1863 г. Музаффар, выполняя ультиматум восставших, вместе с Худояром без боя ушел в Бухару, назначив ханом 13- или 14-летнего Шахмурада[234] и насильно переселив из Коканда представителей знатного духовенства, видных ремесленников и людей искусства, а также проживавших в Коканде торговцев — выходцев из Бухары[235]. Кроме того, бухарцы увезли из Коканда оставшееся там снаряжение и имущество казны Кокандского ханства.

Все это, а вместе с тем и расходы, связанные с пребыванием бухарских войск в Фергане, пополняемые за счет и без того разоренного населения, вызвали острейшее недовольство народа. Жители Коканда и его окрестностей начали нападать на бухарские отряды. Усилилась угроза всеобщего народного восстания против бухарского эмира[236]. Шахмурад вскоре был казнен кипчаками.

Таким образом, в результате двухлетней беспрерывной борьбы, основательно разорившей край, власть в ханстве вновь в основном перешла в руки кипчакской и киргизской феодальной знати. «Боролись не на жизнь, а на смерть две партии. Резня была страшная. Анархия достигла поражающих размеров. Претендентами на ханство явились различные потомки прежних кокандских ханов, утратившие давно всякие права на владение Кокандом»[237],— писал Л. Соболев.

В донесении сибирского командования военному министру царского правительства от 4 мая 1864 г. о положении Кокандского ханства и его народа говорилось: «....Состояние военной администрации чрезвычайно дурно, войска мало и те вооружены и одеты дурно; продовольствие вовсе не заготовлено, и нет хлеба на рынках в продаже, денег обращается чрезвычайно мало, казна совершенно истощена, а источников для пополнения ее почти не существует... Вообще хотя в ханстве и водворился порядок, но вследствие бывшей анархии в народе существует чрезвычайная бедность, торговля в упадке и сверх того

во всем ханстве был значительный падеж скота, в том числе лошадей»[238].

Недовольство мирного населения феодальными войнами дошло до пределов. Ему были ненавистны как киргизско-кипчакская знать, боровшаяся за власть, так и Худояр-хан с его союзником бухарским эмиром.

В конце концов выступления народных масс перешли в открытые столкновения с отрядами бухарских войск, что вынудило бухарского эмира покинуть долину. Приведенные в источниках только отдельные факты отражают настроение народных масс, не находивших однако правильных путей организованной борьбы против ненавистных им угнетателей.

ПРАВЛЕНИЕ СУЛТАНА САИДА (1280/1863 — 1282/1865)

Избрав в июле 1863 г. Султана Саида ханом в Маргилане (на акте избрания поставили печати все маргиланское высшее духовенство и Алимкул), Алимкул взял власть целиком в свои руки и стал называться «амирул умаро» (эмир эмиров)[239]. Видимо, договор, составленный в Маргилане, предусматривал интересы борющихся за власть феодальних группировок[240], но Алимкул, придя к власти, самовольно отстранил многих людей в интересах кипчаков. В донесении командующего сибирским корпусом генерала Дюгамеля военному министру от 4 января 1864 г. отмечалось: «С прекращением беспорядков в Кокандском ханстве влияние кипчаков постепенно усиливается. Бывшие правители из сартов замещаются исподволь кипчаками и... киргизами»[241]. Правитель Ташкента — киргиз ходжинского рода 67-летний Шадман-ходжа — был убит Алимкулом, а правителем туда был назначен Нормухаммад, в Кироучи — Якуб-бек, в Туркестан — кокандец Мирза Давлат (таджик) — «человек средних лет и жестокого нрава».

Конкуренция на среднеазиатских рынках между многими товарами русского и английского производства изо дня в день росла, русские и английские мануфактурные изделия в конце 50-х годов (с 1858 г.) XIX в., несмотря на трудности их перевозки, настолько заполнили эти рынки, что стоимость их равнялась стоимости тех же товаров на русских ярмарках и мешхедском базаре, откуда английские изделия шли в среднеазиатские ханства. Только металлы — железо, чугун, сталь — и изделия из них, привозимые из России, ввиду отсутствия соперничества сбывались легко[242].

Русские промышленники и купцы стремились к коренному подъему русско-среднеазиатских торговых отношений и господству в них, что и явилось одним из факторов, ускоряющих завоевание Средней Азии. Они прямо ставили вопрос о захвате Ташкента, причем «немедленно, во избежание распространения влияния англичан».

В 1281/1864 г. царские войска с боем заняли крепость Мерке, подвластную ташкентскому бекству. Крепость была немедленно снесена. Через несколько дней после трехдневных боев в их руках оказалась и Аулие-Ата (правитель города покинул его), которая не получила ожидаемой помощи со стороны Коканда[243].

Другая группа царских войск, двигаясь со стороны Ак-мечети, захватила г. Туркестан. Определенные круги населения, имевшие связи с Россией, сдали город без боя и не пропустили в него правителя —

наместника кокандского хана Мирзу Давлата, которым горожане и особенно окрестное кочевое население были крайне недовольны[244].

Приближение царских войск к Чимкенту и Ташкенту заставило Алимкула направиться с кокандскими войсками при участии видных представителей духовенства в Ташкент, а оттуда в Чимкент[245]. Следует отметить, что участие в военном походе духовных лиц практиковалось всегда, но в походах против «неверных» оно имело особое значение — в пропаганде не идеи защиты края, а идеи борьбы за веру.

На «военном совете», состоявшемся в Чимкенте, один из видных военачальников кокандского хана Ата-бек дадха говорил о необходимости ведения артиллерийского боя с таким сильным противником, как царские войска. Он предлагал расположить войска в крепостях[246]. В такой тактике Алимкул, видимо, видел предательские намерения, так как Ата-бек немедленно был выслан в Кетмен-тепе; поддерживавшие его Байзак-дадха и Ниязали-бий были расстреляны из пушки, а Якуб-бек спасся бегством[247]. Все это достаточно ярко характеризует моральное состояние кокандских войск.

По сведениям автора «Тарихи джахан-намаи», сражение между царскими и кокандскими войсками произошло в местности Сасык, на расстоянии полуфарсаха от Чимкента. Видимо, кокандцам временно удалось приостановить дальнейшее движение царских войск. Был составлен договор, по которому одна сторона (неизвестно какая, очевидно, кокандцы) должна была уступить г. Туркестан и выдать контрибуцию в 200 тыс. тилля[248].

Однако 22 сафара 1281 г. (27 июля 1864 г.) царские войска, идущие со стороны Аулие-Ата, начали штурм Чимкента. Первая попытка овладеть городом была отражена кокандскими войсками под командованием Алимкула[249]. Царские войска потеряли значительные силы и отступили в направлении Туркестана и Аулие-Ата[250]. Кокандские войска некоторое время преследовали их.

Алимкул оставил в Чимкенте Мирзу Ахмада с гарнизоном, а сам с основными силами возвратился сначала в Ташкент, а затем в Коканд. После чимкентских событий было наказано много воинов, обвиненных в предательстве[251].

Вскоре царские войска возобновили наступление на Чимкент. По сведениям Нияз Мухаммада, эта операция велась со стороны Туркестана и Аулие-Ата. Алимкул вступил в бой с отрядами, прибывшими из Туркестана, в местности Ак-Арык. После тяжелых боев обе стороны, заключив мир, разошлись[252]. Но шедший на Чимкент со стороны Аулие-Ата отряд царских войск напал на кокандцев вблизи местности Иски-Чимкент (на севере современного города) и вынудил последних отступить.

Сопротивление крепости и использование кокандской артиллерии против русской артиллерии[253] не дали положительных результатов. Мирза Ахмад, пытавшийся отразить новое наступление царских войск со стороны Аулие-Ата, был разбит и, оставив Чимкент, в начале месяца джимадиул авваля 1281 г. (сентябрь 1864 г.) отступил в Ташкент[254].

Отряды царских войск, безостановочно продвигаясь вперед, окружили Ташкент, но в связи с рекогносцировкой несколько отступили. 14 джимадиул авваля 1281 г. (15 октября 1864 г) Алимкул вступил в Ташкент. В разгаре зимы под начальством Алимкула было послано против царских войск в направлении Туркестана 12-тысячное войско. Уже по дороге часть плохо обеспеченного отряда потеряла боеспособность. Однако он напал на царский гарнизон только что построенного укрепления в местности Чальпак, находившейся на большой дороге[255].

Кокандский отряд дошел до крепости Икан и взял в плен 100 человек. По сообщению Муллы Мирзы Алима, здесь происходили рукопашные бои. Отряд царских войск отступил, а кокандцы преследовали его до Туркестана[256]. Ополченцев в этих боях привлекла добыча[257].

Султан Саид-хан из Ташкента возвратился в Коканд и в течение почти шести месяцев вел упорную подготовку к новому выступлению на север[258]. 12 зульхиджи 1281 г. (8 мая 1965 г.) в Коканде было получено известие о приближении к Ташкенту царских войск, 19 — о взятии крепости Нияз-бек. Султан Саид с войском направился к Ташкенту. Кокандские войска под командованием Алимкула, «храброго и предприимчивого кипчака»[259], дали первое сражение в местности Шуртепе. Видимо, на второй день боев, 26 зульхиджи 1281 г., Алимкул был тяжело ранен, и поэтому кокандские войска оставили поле боя. Киргизы и кипчаки, еще до ранения Алимкула не принимавшие участие в боях, ушли сначала в Кураму, а затем далее — в Фергану.

Смерть Алимкула вызвала растерянность у самого хана. Враждебное отношение некоторых слоев ташкентского населения к кокандским правящим кругам имело свои последствия. Мулла Нияз Мухаммад писал, что они хотели передать Ташкент русским[260]. Саид-хан был отправлен в Бухару, войска оставлены на произол судьбы и охвачены паникой.

Создалось невероятно тяжелое положение. Царские войска 4 сафара 1282 г. (29 июня 1865 г.) через Камаланские ворота вступили в город. Кокандские отряды в количестве 6—7 тыс. человек, бросив поле боя, спаслись бегством. Ташкентцы два дня вели бои на улицах города, после чего царские войска заняли его центр — Баланд-мечеть. Обращение ташкентцев к бухарскому эмиру и кипчакам за помощью не дало результатов. На основании состоявшегося перемирия Ташкент перешел под власть царского правительства[261].

Оставившие поле боя кипчаки и киргизы, придя в местность Сарай, на берегу Сырдарьи, избрали ханом двенадцатилетнего Худай-кули, потомка Шади-бека, «из числа людей высокого происхождения и потомков старых беков», и заняли столицу. На должность мингбаши был назначен бек Мухаммад-кипчак. По сведениям Мирзы Алима, в этих событиях приняли участие, кроме кипчаков, и некоторые кокандские эмиры. В тяжелой для ханства обстановке совершение подобного акта вызвало естественное негодование. Автор с иронией писал: «Вступая в Коканд, создав гнездо в цитадели, [они] устроили свои лавки»[262].

Постоянное недовольство кипчакской властью и особенно бегство кипчаков с поля боя обострили отношения их с жителями Коканда. Против кипчакской власти вновь поднимаются народные массы. Правящие круги вместе с новым ханом, испуганные размахом движения, покинули столицу после 14-дневного пребывания в ней и остановились в окрестностях города, в селении Гамоили (на расстоянии одного фарсаха от него).

Население напало на ханскую урду и ограбило ее. Возможно, что одной из основных причин этого народного движения явился военный налог в размере 100 тыс. тилля, которым обложили население ханства по указу нового незаконного и непризнанного хана. Взимание налога производилось под предлогом организации сопротивления продвижению царских войск[263].

О тяжелейшем состоянии ханства, разоренности страны и ее народных масс, печальном состоянии государственной военной мощи, опустошенности казны в этот период писал Мулла Нияз Мухаммад[264].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ТРЕТЬЕ ПРАВЛЕНИЕ ХУДОЯР-ХАНА (1282/1865 — 1292/1875)

Пользуясь создавшейся обстановкой, Худояр-хан, находившийся в это время в Бухарском ханстве, в третий раз решил прийти к власти. Он обратился к бухарскому эмиру за помощью[265], за что обещал ему четвертую часть своих доходов[266]. Музаффар прибыл в Джизак и оттуда с Худояром направился в Ходжент, а затем Худояр по указанию Музаффара двинул свои войска в Коканд, который занял без боя. Кипчаки вынуждены были уйти в Маргилан. 20 сафара 1282 (15 июля 1865) г. и сам Музаффар вступил в Коканд. По сведениям автора «Тарихи джахан-намаи», «подонки общества» в это время ограбили г. Коканд[267]. Возможно, речь здесь идет о нападении киргизских и кипчакских ополченцев.

Посланный Музаффаром против киргизов и кипчаков отряд с боями дошел до крепости Моду и возвратился обратно. Музаффар второй раз послал против них войска во главе с Худояром. Значительная часть киргизов и кипчаков (около 3—4 тыс.) ушла в Кашгар к Якуб-беку, а остальные сдались Худояру[268]. По словам русских авторов, Худояр и на этот раз «вырезал всех кипчаков, принимавших участие в волнениях»[269].

Попытка Музаффара овладеть Ферганой не удалась[270]. Передав ферганский престол Худояру, он уезжает в Бухару, увозя военное имущество Кокандского ханства и другие ценные вещи, а также насильно отнятые у кокандцев около 400 дочерей и жен. По сведениям источника, он ничего не оставил из ценностей[271]. «Кровавая катастрофа», неоднократно совершаемая бухарским эмиром, долго сохранялась в памяти людей. Она явилась одной из причин непопулярности Худояра в народе.

Борьба кипчакских и киргизских феодалов за власть не прекращалась. Об этом свидетельствует тот факт, что небольшая их группа, оказавшаяся в районе Оша, пыталась избрать ханом угодного им правителя Маргилана и Оша — родного брата Худояра, находившегося в это время в Оше с целью сбора налогов, — но безуспешно[272]. Отдельные кипчакские группы перешли на сторону русских. По сведениям автора «Тарихи джахан-нами», положение в Кокандском ханстве было крайне тяжелым. Тянувшаяся в течение 27 лет внутренняя вражда из года в год усиливалась. Вследствие этого и неоднократных походов против близких соседей, а также на Ак-мечеть, Алма-Ату, Мерке, Пишпек и Чулак-курган против царских войск были многочисленные потери в людской силе.

Критическое положение ханства заставило Худояра снова обратиться к Музаффару с предложением о совместных действиях против продвижения царских войск к Сырдарье, в направлении Джизака и Ходжента. К нему было послано в 1282/1865 г. посольство во главе с Бахадур-ханом тюрой (из Касана) с девятикратными подарками[273], одновременно сам Худояр выступил из Коканда. Музаффар, считавший Худояра своим кокандским наместником и требовавший беспрекословного подчинения, дал ему указание прибыть в район Джизака с войском. «В эту минуту положение Кокандского ханства было в высшей степени щекотливо: с одной стороны, настойчивые требования эмира и желание кокандского народа (значительной его части. — *Р. Н.*) вызывали его (Худояра. — *Р. Н.*) на войну; с другой — убежденность в силе русских и боязнь лишиться своих владений удерживали его от решительного шага»[274]. Сперва хан занимал выжидательную позицию, но неодно-

кратные требования эмира о немедленном выступлении и посылка им 10 000 войска заставили Худояра принять окончательное решение. Мирза Хаким, кокандский посланник в Петербурге, убедил хана в «невозможности борьбы с русскими»[275], поэтому Худояр отказался от своего первоначального намерения выступить против царских войск.

После этого «по отношению к русским он решил следовать политике полных уступок»[276],— писал обозреватель кокандских событий. В одном своем письме на имя генерал-майора Романовского Худояр-хан даже писал, что «душевное мое желание есть одно только, быть белому царю искренним другом»[277]. Вместе с тем в связи с торжественным прибытием в Туркестан генерала Кауфмана и образованием Туркестанского генерал-губернаторства он не послал к нему никого и даже вел кое-какую подготовку к войне[278]. Однако, по признанию самих русских источников, он исполнял все требования политики, проводимой царским правительством в Туркестане[279]. Таким образом, Худояр в дипломатической форме отклонил требования, предъявленные эмиром.

После первого серьезного поражения бухарской армии, нанесенного русскими войсками в месяце мухаррам 1283 г. (весной 1866 г.) между Джизаком и Сырдарьей, царские войска, оставив в стороне Ура-тюбе и Джизак, двинулись на Ходжент. Часть ходжентской знати имела договоренность с царским командованием о передаче города[280]. Посланный Худояром небольшой отряд (немногим более 100 человек) прорвался в окруженный город и совместно с жителями отбил первую атаку противника. Но с другого конца города 23 махаррама 1283 г. (7 июня 1866 г.) сторонники русской ориентации впустили наступающие войска в город. Произошли уличные бои между населением и царскими войсками. Согласно сведениям автора «Тарихи джахан-намаи», с обеих сторон погибло значительное число воинов; 2600 человек из числа городского населения и 1200 из числа царских войск были убиты[281]. Обращение городской знати к Худояру за помощью не принесло результатов.

После ожесточенных боев, подчинив Ходжент вначале джамадиул авваля 1283 г. (в середине сентября 1866 г.), царские войска завоевали Ходжент и Ура-тюбе. По сообщению вышеназванного автора, потери с обеих сторон были значительными и при взятии Ура-тюбе[282]. Переход Ходжента и Ура-тюбе под власть царского правительства создал преграду между двумя почти постоянно враждовавшими ханствами. Затем царскими войсками был взят Джизак [283]. Царские войска во главе с Кауфманом начали двигаться к Самарканду.

Худояр-хан, несмотря, на то, что пришел к власти в третий раз с помощью бухарского эмира, как мы отмечали выше, не воевал на его стороне против наступающих царских войск. После взятия Ходжента царскими войсками он послал к генералу Романовскому человека «с поздравлениями и дружественным письмом»[284].

Политику царского правительства по отношению к Кокандскому ханству хорошо выразил оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, желавший, по словам Макшеева, «войны, а не мира» и предлагавший Романовскому «принять относительно Коканда тон высокий, третировать Худояр-хана как человека, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст предлог покончить с ним»[285].

Однако, как известно, Худояр-хан без возражения принял предложенные Кауфманом условия, в том числе и торговый договор[286]. На 6 месяцев раньше заключения договора между Бухарским ханством и Россией был подписан договор между Кауфманом и Худояр-ханом, ви-

димо, в конце 1867 г., способствовавший «прекращению вражды и кровопролития» в ханстве, созданию относительно спокойной обстановки, развитию торговли и т. д.[287] Однако острые внутренние события в Фергане не прекращались. В частности, отдельные группы киргизов выступали против Худояра и даже пытались обращаться к Музаффару с просьбой о выдаче Султана Саида, но в сложившейся ситуации в первые годы после договора, заключенного с Россией, это не имело большого значения для Худояра, уже добившегося покровительства царской России. Следует отметить, что феодальная верхушка Средней Азии уже тогда, в первые годы утверждения царской власти в Туркестане, начала понимать преимущества государственного строя России. Например, представители правящих кругов Шахрисабза—Баба-бек, Джура-бек и другие, оказавшиеся после поражения в Фергане, на предложение Худояра уйти в Кашгар заявили: «Мы должны поехать к Туркестанскому главнокомандующему Кауфману и капитулировать, наша правота в этом заключается, ибо русское государство великое, в его законах и порядках нет казни пленных и капитулировавших»[288].

Таким образом, тяжелое экономическое и политическое положение Кокандского ханства, серьезно осложняемое внутренними потрясениями 40—50-х годов, еще более ухудшилось в связи с развернувшимися многолетними событиями, связанными с наступлением на его территорию царской армии. Царские войска, далеко превосходившие войска среднеазиатских ханств своей организацией и дисциплиной, обученностью и техникой, материальным обеспечением, подготовленными на уровне передовых армий того периода офицерскими кадрами, наступали с двух сторон обширной казахской степи. Против такой силы ни одно ханство, даже объединение ханств, естественно, устоять не могло. Главные причины заключались прежде всего в самой отсталости господствовавшего в стране социально-экономического строя и соответственно низкой организации войска, а также в нищете народных масс.

Продолжавшаяся десятилетиями междоусобная борьба постоянно истощала экономические ресурсы Кокандского ханства. С начала 40-х годов для ханства наступил тяжелый период. Беспрерывные разорительные войны с Бухарским ханством, почти десятилетние кипчакские события, представляющие собой один из подлинно трагических актов в истории узбекского народа, губительно отражались на экономическом состоянии края, особенно Ферганской долины. Стоит ли доказывать трагизм этих событий, когда они касались самой основы жизни народа — земельно-водных отношений, когда в процессе этой борьбы, спровоцированной феодальными кругами, истреблялись десятки тысяч людей в малонаселенной, по сравнению с нынешней, Фергане.

Только прекратились потрясающие всех, как внутри страны, так и за ее пределами, жестокие расправы над кипчаками, еще перед глазами народа свежа была картина вчерашних ужасов, а разоренный народ должен был нести снова все тяжести более чем пятнадцатилетних бесплодных войн Кокандского ханства против наступающей царской армии, хотя присоединение территории Кокандского ханства к России имело огромное прогрессивное значение в дальнейшей его судьбе.

В Кокандском ханстве не было сплошных охраняемых пограничных линий, не было и дувального ограждения отдельных плодородных оазисов — Ферганской, Чирчико-Ахангаранской долины, важных районов Семиречья и т. д.; кстати, в новых условиях все это не имело значения. Но внутри ханства и в его пограничных районах,

на главных путях большой караванной торговли построено было довольно большое количество крепостей. Представляя собой разной величины, разной обороноспособности укрепления, они призваны были держать в повиновении раздираемые феодальным господством народные массы, особенно насильно подчиненных иноплеменных закятоплательщиков; охранять торговые караваны богатых купцов, служить опорными пунктами в отражении нападений извне. Основными кокандскими крепостями в долинах Чу и Таласа были Туйчибек-курган, Токмак, Пишпек, Ит-кечув, Ак-су, Мерке, Аулие-Ата, Иш-тюбе, Чалдывар, Джумгала, Куртак; в низовьях Сырдарьи — Чолак-курган, Сузак, Кумыш-курган, Джаны-курган, Ак-мечеть, Джулек и др. Крупные северные города ханства Туркестан, Чимкент и Ташкент были укрепленными. В долине Ангрена и Чирчика наиболее мощными были крепости Кироучи, Бука, Той-тепе. В западных пределах ханства самыми известными являлись крепости Ура-тюбе, Ходжент, Махрам и Лолак. Восточные окраины ханства охранялись старейшей крепостью Моду, находившейся на расстоянии одного фарсаха от Ош а. В 1275 (1858—1859) г. строилась или капитально ремонтировалась крепость в местности Лангар. Крепости большого и малого Заамина часто бывали ареной боев между двумя ханствами.

Среди крепостей северо-восточных и северо-западных окраин славились Ак-мечеть на Оренбургской дороге и Пишпек (на месте г. Фрунзе) на главном узле Сибирско-Среднеазиатской и Китайской дороги. Генерал-адъютант Перовский, сообщая военному министру в рапорте от 31 июля 1853 г. о взятии Ак-мечети, писал: «Ак-мечеть, пункт важный в военном, торговом и хозяйственном отношении, считалась твердейшим оплотом кокандского владычества в низовьях Сыра и как крепость, выдержавшая счастливо несколько осад, пользовалась в краю славою непобедимости. Этим объясняется между прочим и последняя отчаянная ее защита»[289]. О Пишпеке в документах, посвященных ходу его завоевания, пишут, что он—«ключ всего востока ханства».

В крепостях постоянно находились гарнизоны, вооруженные огнестрельным и холодным оружием, а на вооружении крупных из них имелись пушки разного калибра, выпускаемые специальными мастерскими Коканда и Ташкента. Количество воинов этих гарнизонов в мирное время определялось от нескольких десятков до нескольких сотен, а в военное время оно резко увеличилось в соответствии с вместимостью крепостей, превышая иногда в наиболее крупных тысячу человек.

Расходы на войско, несмотря на мобилизацию основного контингента из ополчения, которое не содержалось всецело на государственный счет, а существовало и за счет грабежа и добычи вместе с гарнизонами крепостей, были огромны. Они еще более увеличивались при длительных войнах Коканда с царскими войсками в тяжелейших степных условиях. Мобилизация десятков тысяч людей—производительной силы ханства — на войну, немалых материальных ресурсов, взимаемых с народных масс, большого количества транспорта тяжело ложилась на плечи народа. Достаточно указать на такой пример: по сообщению казанского татарина-торговца Исмаила Абдулмежитова, побывавшего по торговым делам в ханстве в правление Малла-хана, последний обязал народ поставить большое количество продовольствия на 40 тыс. верблюдах для отправки на север[290]. «Весь торговый класс обложен был значительным сбором»[291]. Продовольствием на сотнях тысяч арб ежегодно обеспечивался каждый из гарнизонов многочисленных крепостей. Так, в январе 1861 г. доставили продовольствие

в крепость Пишпек на 200 арбах, а в марте того же года в крепость Мерке — также на 200 арбах[292].

В связи с военными кампаниями восстанавливались разрушенные крепости и строились новые, такие, как Дин-курган в восьми верстах от Яны-кургана вверх по р. Сырдарье, крепости в местностях Тувак[293] и Чалдывар, заложенные в 1861 г. в долине р. Чу. На все эти работы мобилизовывалось, наряду с воинами гарнизонов и ополчения, окрестное население, из внутренних районов ханства посылали мардикаров.

Кокандские войска, построенные на сугубо феодальной основе, т. е. состоящие из отдельных частей, мобилизованных из каждой области (удела) во главе со своим военачальником (бахадурбаши), составляли крайне непрочное объединение, лишь номинально подчиняющееся общему командованию[294]. Они не обеспечивались продовольствием и постоянным жалованием, не говоря о регулярной горячей пище, кроме определенной части основного контингента, находящейся в государственном списке (дафтаре) освобожденных от хараджа и существовавшей на выдаваемое по берату зерно и временами на деньги и подарки[295]. В поход с войском отправлялась группа торговцев, у которой кокандские воины покупали для себя самое необходимое. «В походе, — писали очевидцы, — если он неспешен, кокандские полчища сопровождаются огромною толпою торговцев всякого рода: мясниками, хлебниками, продавцами проса и даже красного товара — халатов, ковров и т. д. Но в походах наскоро каждый воин должен иметь на известное число дней свой запас, а если он выйдет прежде достижения места, где можно запас освежить грабежом или иным путем, войско довольствуется самою скудною пищею, нередко же и голодает»[296]. Добыча в снабжении войск играла большую роль. Естественно, торговцы бывали не везде в достаточном количестве и с необходимым продовольствием, поэтому известны многочисленные случаи прекращения военных действий по этой причине.

При такой организации держать в подчинении и повиновении все части войск и отдельных воинов было делом весьма трудным. При любой неудаче, при малейшем разногласии между военачальниками, при любой обиде (допустим, в отношении добычи) какое-нибудь подразделение могло покинуть войско или, что было особенно страшно, поле боя и вернуться в свой вилайят, что неоднократно случалось даже тогда, когда во главе действующих войск на севере стояли такие талантливые и влиятельные кокандские военачальники, как Канаат-шах, Якуб-бек, Алимкул. Часто войско буквально рассыпалось сразу же после смерти военачальника.

На наш взгляд, неверно мнение о том, что кокандское войско было слабо вооружено, поэтому воины в боях вели себя неуверенно и порой трусливо. Что касается вооружения, то оно не могло равняться с относительно передовым вооружением царской армии. В 50-х—начале 60-х годов под ружье могло стать всего до десяти тысяч кокандских воинов, остальные вооружались пиками и саблями. Хан мог собрать в течение семи дней лишь до четырех тысяч воинов[297]. В кокандских войсках имелось около 60 пушек, главным образом медных, которые изготавлялись на кокандском и ташкентском пушечном производстве (оружейных дворах) из привозного сырья. Следует, однако, отметить, что ружьем владели не все. Все вооружение в качественном отношении находилось на низком уровне, и, по словам русского военного специалиста, «кокандцы во всех своих военных действиях рассчитывали больше на малое число и слабость неприятеля, чем на собственные силы и средства[298]. Он же отмечал, что у кокандцев, кроме

больших медных орудий, имеются и малые чугунные или железные пушки различной формы, а также короткие, вроде фальконетов, и длинные, вроде русских крепостных ружей.

В лагере царских войск было всегда ясное представление об уровне боеспособности кокандцев. Он так характеризовался в секретной записке командира сибирского корпуса генерала от инфантерии Дюгамеля от 26 мая 1862 г. военному министру России. «Войска кокандские,— писал он,— стоят на самой низкой степени военного образования: они дурно вооружены, отличаются отсутствием строгой дисциплины и не имеют никакого тактического устройства, а материальная часть их артиллерии находится, можно сказать, в младенческом состоянии»[299].

Война с царской армией крайне затрудняла производство вооружения из-за острого недостатка в сырье. Поэтому хан приказал населению доставить всю домашнюю металлическую утварь, а также медные монеты в пользу войны[300], что, конечно, нелегко было для обнищавшего народа. Несмотря на недостаток оружия, в начале войны кокандские войска не знали особого страха, о чем свидетельствует упорное сопротивление гарнизона Ак-мечети далеко превосходящим силам наступающей царской армии. Покоритель этой крепости генерал Перовский в своем рапорте императору писал: «Неприятель отстаивал пролом (в крепости) с замечательным, достойным уважения упорством»[301].

Отсталость самого социально-экономического строя и безмерная ненависть народных масс к правящей верхушке являлись главными причинами поражения Кокандского ханства в войне с царской Россией.

В ходе войны со стороны правящих кругов Коканда были сделаны определенные попытки по созданию коалиции среднеазиатских ханств, в том числе включая и враждебно настроенного бухарского эмира. Однако ни это, ни попытки привлечения на сторону Коканда отдельных казахских и киргизских племен и родов, ни обращение за помощью к иностранным государствам не дали положительных результатов. Среднеазиатские государства не только не оказали помощи воюющему Коканду, но бухарский эмир не прекратил даже нападений на него. Не оказали какого-нибудь влияния на ход событий и жестокие меры кокандского хана по отношению к тем, кто хотел перейти на сторону русских.

После ряда столкновений с царскими войсками убежденная в негодности ханского войскового строя правящая кокандская верхушка попыталась улучшить его путем приглашения иностранцев. Так, командир сибирского корпуса генерал Госфорд в своем донесении военному министру от 6 июня 1855 г. о прибытии кокандских войск в долину Чу писал: «Бывшие в их лагере наши киргизы уверяют, что между ними есть иностранцы и присланные от турецкого султана начальники и что в войсках этих ими замечено более правильное устройство, чем прежде у них видели»[302].

Это изменение, наблюдавшееся и позже, беспокоило командование действующих царских войск. Через 9—10 лет после приведенного факта генерал Черняев в письме высшему командованию писал: «При рекогносцировке Чимкента мы крайне были удивлены скоростью и меткостью пальбы, произведенной кокандцами настильно, рикошетно разрывными снарядами большого калибра. По полученным мною сведениям в Ташкенте находится европеец..., заведующий отливкой орудий. Дожидаться ли нам, пока посредством европейцев военное искусство в Коканде сравняется с нашим или отнять у них возможность сопротивления теперь, пока еще они не устроились?»[303]

Это высказывание Черняева подтверждается местными источниками. В частности, описывая чимкентские события, Мулла Нияз Мухаммад останавливался на этом факте. «В то время афганец, под именем Джамадар, был помощником начальника крепости. По его команде артиллеристы этой крепости, установив пушки в ряд (по фронту) напротив русской артиллерии, вели огонь. Русские предполагали, что это, быть может, английские артиллеристы, которые использовали пушки на уровне английских порядков. Не выдержав артиллерийского огня, они сейчас же отступали»[304]. А в другом рапорте, от 11 мая 1865 г., после взятия крепости Ниязбек Черняев писал: «Отбитые орудия замечательно хорошего литья. Сделаны они по образцу наших горных единорогов, но значительно большего калибра. Лафеты совершенно одинаковой конструкции с нашими горными лафетами, и притом необыкновенно чистой и хорошей работы. Почти все ружья сделаны по нашему образцу и со штыками»[305].

На первых порах после присоединения северо-западных районов ханства к России прекратились беспрерывные войны между ханствами, что способствовало стабилизации политической власти, государственного строя, привело даже к некоторому экономическому развитию и т. д. Местные источники свидетельствуют о значительных строительных работах в городах, прежде всего в столице ханства, о проведении оросительных работ и связанным с этим развитием земледелия, об упорядочении государственных дел, пополнении государственной казны, налаживании порядка в войсках и т. д.[306] Но упадок ханства, обусловленный социально-экономическими причинами, бесконечным кровопролитием, как внутри самого ханства, так и между ним и Бухарой, тяжелые войны с качественно превосходящими, наступавшими в течение многих лет царскими войсками, наконец, лишение его всей северо-западной обширной и доходной части ханства (Южного Казахстана, Ташкента, одного из важнейших центров Средней Азии, и богатой Ходжентской области) крайне обессилили Кокандское ханство.

В этой обстановке совершаемые ханом и его чиновниками насилия, а также тяжелый налоговый гнет явились причинами новых народных восстаний.

Еще В. Наливкин весьма схематично, без ссылки на какие-либо источники, перечислял новые налоги, которыми Худояр-хан по совету крупного сановника Исы Авлии обложил население Ферганы: «На фруктовые искусственно выращенные деревья; на те дикорастущие сорные травы, которые сжигались в виде топлива; на сено, ввозимое в столицу из окрестностей; на уголь, выжигающийся в горных лесах и т. д.»[307]. Тысячу раз был прав Н. Петровский, когда писал: «Не довольствуясь законными налогами, определенными шариатом и обычаем, Худояр-хан ежегодно открывал новые предметы обложения и раз от разу становился изобретательнее»[308]. Весьма характерен яркий рассказ одного кокандца: «С нас тащат за все — за караул лавок, которые мы сами окарауливаем, за место на базаре, где мы временно останавливаемся со своими возами, за купленную пьявку, за проданный хворост и солому. На ханские работы выгоняются тысячи людей, рабочим не только не дают денег или пищи, но еще с них берут деньги и, избави боже, если кто-нибудь уклонится от работы. Бывали примеры, что таких людей на самом месте работы живыми зарывали в землю»[309]. Говоря о налогах и податях, А. Кун справедливо заметил: «Остался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего»[310]. Все это подтверждается документальными данными. По словам А. И. Брянова, главная причина недовольства народных масс за-

ключалась в том, что, «начиная с самого хана, все заботились не об интересах народа, а лишь об устройстве своего личного благосостояния за счет народа. Поэтому произвол и насилие царили повсюду»[311]. В ханстве отсутствовала правильно установленная судебная и административная власть, на должности часто выдвигались безграмотные люди[312], а «на совести Худояр-хана лежало немало убийств», главными из которых являлись массовые истребления кипчаков и ферганских эмигрантов. Поэтому, писали тогдашние наблюдатели, «опасность, грозящая ежечасно жизни хана, весьма велика»[313].

В ханстве продолжали существовать две враждебные силы. Войсками своими Худояр почти не занимался, полагая, что царские войска поддержат его[314]. Все свое внимание он обратил на увеличение налогов и на приобретение денег. Причем чрезвычайные налоги прогрессировали год от года, становясь все тяжелее[315]. Причинами, вызывающими волнения народа, были злоупотребления, которые позволяли себе хан и его приближенные, устраивались частые казни, большею частью по одному подозрению о существовании какого-то заговора[316].

Все это осуществлялось Худояром под покровительством царской администрации Туркестана. «Русская дружба,—писалось в одной корреспонденции,— которою он намеренно тщеславился для устрашения своего народа, дала ему возможность обобрать этот народ и стать очень богатым человеком»[317]. Это мнение подтверждается многими авторами того периода, в том числе и местными. Однако некоторые из них, отмечая последствия мирных, дружественных взаимоотношений Худояра с царским правительством и поддержку со стороны последнего Худояра, ясно указали на неискренность этой дружбы, которую Худояр терпел, имея в виду лишь личные интересы[318].

В начале 70-х годов в восточных районах ханства вспыхнуло восстание киргизов, которым руководил Мамур из киргизского племени мундуз. Повстанцы напали на сборщиков налогов, убили их и конфисковали собранные ими налоги. Они напали на города Джалал-Абад и Хан-Абад. По-видимому, восстание представляло большую угрозу ханской власти, так как Худояр сам отправился на борьбу с восставшими и дошел до Андижана. Восстание было подавлено посланными им из Андижана войсками. Руководителю восстания Мамуру удалось избежать расправы, которой подверглись все попавшие в руки хана повстанцы[319].

По свидетельству Мирзы Алима, через некоторое время вновь поднялось крупное восстание под руководством того же Мамура в Узгенде[320]. Посланные Худояром шахриханские войска под начальством номинального его правителя[321] Муллы Исы Авлии и отряд, состоявший из племени тюрк, под командованием Халназар-тюрка подавили восстание и захватили город.

Несколько иначе сообщал об этом восстании автор «Таснифи Гариб». По его сведениям, в верховьях мазара Хазрети Аюба вспыхнуло восстание под руководством некоего Мамура. Последний причинил очень много беспокойств Худояру. Хан послал для его подавления войска с артиллерией во главе со своим братом маргиланским беком Султаном Мурадом, однако ханские войска после длительного блуждания в горах возвратились, не достигнув победы. Посланные второй раз войска с артиллерией и большим запасом продуктов, не найдя в горах врага, захватили невинных киргизов и подвергли их жесточайшему наказанию[322].

Таким образом, данные ферганских источников сходятся в одном, что под руководством Мамура дважды происходят в Восточной Фер-

гане крупные народные движения, потрясшие ханство, в подавлении которых хан был бессилен.

Почти одновременно с узгендским движением подняли восстание ошские киргизы, которые дошли до селения Арабан и напали на ошскую цитадель. Правитель города Оша спасся бегством. Восстание было подавлено посланными отрядами под командованием Абдурахмана Афтобачи.

Эти восстания, несомненно, были движениями широких кругов киргизского населения. Описывая первое из них, Мирза Алим отмечал, что его руководитель Мамур собрал вокруг себя «несколько воров», и они прежде всего «захватили сборщиков закята, убили их и конфисковали деньги». Такая оценка не оставляет никакого сомнения в истинной причине восстания и социальном составе его участников. При освещении недовольства, протеста или активных выступлений народных масс против феодального гнета их участники феодальными историками всегда назывались «ворами», «подонками общества» и т. д.

В русской литературе, в том числе и периодической, ясно указывались основные причины восстания киргизов. «Ближайшим поводом к волнению,— писалось в «Санкт-Петербургских ведомостях»,— был увеличенный против обычного размера закятный сбор, предпринятый ханом в прошлом году с обычною жестокостью»[323].

Источники ничего не сообщают о социальной принадлежности руководителя восстания Мамура, указав лишь только на то, что он был из киргизского племени или рода мундуз, проживавшего в Андижанской области[324]. Принадлежность исторических личностей к феодальной верхушке в источниках всегда отражалась, а этого в отношении Мамура сделано не было. К узгендским событиям, видимо, были привлечены некоторые киргизские бии, они также упоминаются и в Ошском движении, но решающего значения бии не имели. Все представители киргизской феодальной знати, попавшие в плен, были помилованы и даже отмечены ханскими подарками[325].

Видимо, киргизская феодальная знать пыталась использовать недовольство народных масс в своих интересах: для получения политической власти в ханстве. Используя это движение, она хотела возвести на престол своего хана — кого-нибудь из потомков кокандских ханов—и вокруг него собрать недовольные народные массы и с помощью их низложить Худояра. Киргизы обратились к Пулат-хану—сыну Мурад-хана, проживавшему тогда в Бухарском ханстве, но тот отказался. Тогда послали людей в Хорезм к сыну Мадали-хана — Музаффару, который также отклонил приглашение, помня печальную участь своего брата[326]. Наконец, по совету ташкентского бая Муллы Абдулмумина, был доставлен из Ташкентской области в Чуст Мулла Исхак, продавец насвая, и объявлен Пулат-ханом. Он был поднят на белом войлоке, т. е. официально провозглашен ханом. Это было третье по счету крупное выступление киргизов за короткий промежуток времени[327].

По прибытии кокандского войска киргизы отступили до Касана, где к ним присоединилась и некоторая часть кипчаков, давно враждовавшая с Худояром. Посланному Худояром Абдурахману Афтобачи и на этот раз удалось нанести поражение киргизам, выступившим на правобережье Сырдарьи. Однако волнения в восточной части ханства не были окончательно ликвидированы, поэтому вскоре Худояр приехал в Андижан.

Для того, чтобы яснее представить себе политическую картину периода правления Худояр-хана, необходимо дать хотя бы краткую

характеристику той господствующей прослойке, которая играла самую активную роль в политической жизни ханства. Все представители господствующего класса, как светские, так и духовные, были собственниками средств производства, многие видные из них владели большим движимым и недвижимым имуществом — землей, водой, кишлаками, стадами, мастерскими, торговыми караванами, лавками, караван-сараями и т. д. Большая часть из них была привилегированной—освобождена частично или от всех податей и называлась тарханами.

В 50—60-х годах в Кокандском ханстве в условиях бурной политической обстановки все более усиливалось влияние духовенства, реакционность которого определялась фанатизмом и корыстолюбием, ему свойственна была ожесточенная борьба против любого прогрессивного изменения в общественной жизни.

В указанное время главой духовенства считался, как и раньше, кокандский казикалон. Но в это время в Коканде оказался более влиятельный и могущественный его представитель, чем казикалон, 85-летний Имам Хазрет, покинувший, по некоторым данным, Бухару якобы из-за предсказания несчастного исхода Ирджарского боя. В Коканде он очень быстро завоевал признание, и дом его был постоянно наполнен толпами почитателей, в числе которых были влиятельные люди и сам казикалон[328]. Крупнейшим представителем духовенства был шейхулислам Сулейман-ходжа.

Реакционность духовенства и сам его образ жизни вызывали ненависть у значительной части населения и особенно у передовых людей. «Что касается народа, — писал один из наблюдателей, — то он не любит мулл как за корыстолюбие, так и за циническое противоречие их жизни с теми правилами, которые они проповедуют»[329]. Но в условиях господства фанатизма отсталая, забитая часть населения шла за духовенством. Люди, «...не имея уважения к мулле, готовы были почти беспрекословно ему повиноваться»[330].

Хан, принявший все условия царской России, признавший ее протекторат, поддерживавший, независимо от искреннего своего желания и желания многочисленных кругов, дружественные отношения с царской администрацией, названный русскими чиновниками «нашим вассалом», в то же время не мог не считаться с влиятельнейшими представителями духовенства. «Сам хан заискивает его (Имам Хазрета.— *Р. Н.*) расположения и дает ему подарки, ценность которых в продолжении года, как говорят, доходит до 2000 червонцев. Благодаря этим ценным приношениям Имам не перечит хану, зная его реальность к миру с русскими»[331]. Некоторые местные авторы также отмечали, что Худояр в последнее свое правление способствовал процветанию шариата и уважал богословов[332].

Другая сильная группа, влиявшая на политическую жизнь страны, названная в русской литературе «партией приверженцев старины», поддерживавшая духовенство с ориентировкой на Бухару и даже на Кашгар, состояла из служилых людей—сипаев. Видным представителем (главой) этой группы в 60-х годах считался 65-летний Шералибий, уроженец деревни Наукат Зачирчикского края, занимавший при дворе хана второе место в «совете» и звание батырбаши (начальника конницы)[333]. Согласно сведениям другого автора, пехотой и артиллерией командовал Ата-бек, а Шерали-бий командовал кавалерией. Ему принадлежало высшее военное звание — мингбаши (начальника тысячи)[334]. За подвиги в сражениях «суеверный народ придает ему сверхъестественную силу и живучесть батыра, считая его заколдованным»[335].

В одной своей работе мы останавливались на все растущей в городах плебейской части населения (некоторых ее представителей называли «дувана»[336]) и на торгово-купеческой прослойке, представляющей в тех условиях прогрессивную часть господствующего класса[337]. Социально-экономическая и политическая обстановка ханства породила нищету и бродяжничество среди значительной части населения, концентрировавшейся в городах и крупнейших селениях. «Толпа выходит из мечети, и зажиточные люди раздают мелкие монеты уродливым нищим, сидящим, прижавшись к стенкам мечети, которые во время молитвы занимались истреблением на своем платье паразитов»[338].

Виднейшие представители торгово-купеческой прослойки были сторонниками проведения реформ, нововведений и ориентировались на Россию. Ярким представителем этой прослойки являлся Мирза Хаким-парваначи, советник хана, названный «совсем русским человеком», бывавший много раз в России, в том числе и Петербурге, построивший в Коканде дом «на европейский манер»[339]. Мы имеем наиболее подробные данные о личности Мирзы Хакима в дневнике русского посольства за 1867—1868 гг. Мирза Хаким был человек большого роста, тогда еще не старый, ежегодно бывал в России, и его знали на всех русских ярмарках—от Семипалатинска до Нижнего. Так, «для представления его императорскому величеству» Оренбургское губернаторство (он ехал через Оренбургские губернии) в 1869 г. позаботилось о его беспрепятственном проезде. Телеграммой он из Орска требовал от оренбургского губернатора заготовки для него по тракту по 18 лошадей на каждую станцию[340]. О другой поездке Мирзы Хакима из Ташкента в Петербург к императору в качестве посланника кокандского хана в сентябре 1868 г. также имеются сведения в Оренбургском архиве[341]. Он считался в Туркестане почтенным купцом. Впоследствии, в середине 70-годов, был в качестве поверенного хана при Туркестанском губернаторстве в Ташкенте, награжден орденами св. Станислава 1 степени и св. Анны 2-й степени с бриллиантами. В Коканде 24 декабря 1867 г. русский посланник — офицер генерального штаба подполковник Шауфус—и его свита были помещены в дом Мирзы Хакима, в котором были большие светлые окна, на полу богатые ковры, мебель была сделана к приезду посольства. В доме была европейская посуда, керосиновые лампы, даже небольшая аптечка, привезенная хозяином из России. Послы не скрывали своего удивления перед увиденным.

Другим ярким представителем торгово-купеческой прослойки в Коканде 60-х годов был Мир Алим, ближайший друг Мирзы Хакима. А. П. Хорошхин сообщал о знакомстве с ними в г. Нижнем и о договоренности там этих двух крупных кокандских купцов поехать в Петербург и даже до Парижа после окончания торговых дел в Нижнем. Оба они говорили по-русски[342].

В Коканде уже в 60-х годах было значительное число торговых людей, знакомых с городами России, которые имели в Коканде дома европейского типа. В этих домах вставлены были большие окна, двери, имелись печи и т. д. В домах встречались зеркала, самовары и другие предметы европейского происхождения[343].

Нельзя не согласиться с мнением одного из исследователей того периода, следующим образом характеризовавшего торгово-купеческую прослойку Туркестана: «Торговый класс людей — самый податливый на нововведения и наиболее развитый практически: деятельность некоторых из представителей этого класса (в Туркестане.— *Р. Н.*) поистине изумительна; торговые и промышленные операции их, простираю-

щиеся иногда на сотни тысяч рублей, способны возбудить удивление»[344].

При общем резком недовольстве народных масс, не говоря уже о таких давних противниках Худояр-хана, как кипчакская и киргизская феодальная знать, хан не имел поддержки даже со стороны землевладельческой знати, как духовной, так и светской. Еще слабая торгово-купеческая прослойка не превратилась в настоящую опору хана, однако хан считался с ней потому, что он был царским сателлитом, а купеческая прослойка стояла за развитие русско-среднеазиатских отношений. Связи между ханом и царским правительством внешне казались прочными; оседлая часть населения, по словам А. П. Федченко, «хорошо сознает необходимость поддержки этих дружественных отношений»[345].

Хан вынужден был считаться с высшим мусульманским духовенством и служилыми людьми. Однако политика, проводимая в отношении России и сторонников последней, создавала неразрешимые противоречия и даже некоторые столкновения с духовенством. «Сам хан, кажется, вовсе не склонен был исполнять все претензии своих мулл»[346]. Он, например, отклонил решение духовенства о необходимости разрушения дома Мирзы Хакима, построенного как бы в нарушение норм шариата[347].

Один из авторов писал, что «хан, сам по себе, по отзывам достоверных людей, доступный прогрессу, испытывает много неприятных столкновений с некоторыми из своих советников»[348].

Борьба между торгово-купеческой прослойкой и реакционными кругами, прежде всего духовенством, была крайне острой. «Можно догадаться,— писал один из наблюдателей,— что должны были перенести хозяева таких домов за свои европейские привычки, и сколько твердости надо было для того, чтобы не уступить невежеству и не расстаться с оцененным комфортом»[349].

В начале 70-х годов созрело серьезное недовольство мусульманского духовенства внутренней политикой Худояра, главной причиной которого являлось издание нового закона о наследстве. По этому закону старые документы были объявлены недействительными. Видимо, проверив документы по наследству, что, несомненно, должно было касаться и средств производства, правительство Худояр-хана определенную часть наследства конфисковало в пользу государства, а вернее в пользу правящей верхушки.

Худояр, кроме Коканда, побывал в Андижане, Балыкчи, Намангане с тем, чтобы сместить с занимаемых должностей недовольных реформой многих представителей духовенства. Духовенство, используя недовольство киргизов, подняло восстание во главе со своим представителем—муллой Мир Таджик-суфи. Восстание было подавлено, а его руководители подвергнуты жестокому наказанию. Действия хана возмутили представителей всех феодальных кругов, в том числе и чиновничество. Когда по приказанию хана один из виднейших представителей духовенства Мулла Аман-бай со своим окружением (аламом и муфтиями) был привлечен к ответственности и жестоко наказан (его прикованного на цепь за шею привязали к пушке и выставили на открытом месте под летним солнцем на несколько дней), везиры и чиновники, вопреки указаниям хана, единогласно отказались от получения его конфискованных средств и имущества, и только сын самого хана Урман-бек все забрал себе[350].

Источники свидетельствуют о недовольстве всех слоев населения Худояром. Мирза Алим утверждает, что когда Пулат-хан находился

в горах, представители кипчакской, киргизской, тюркской и таджикской знати, собравшись на совет, говорили о том, что Худояр-хан занимается незаконными делами, проводит мероприятия, ведущие население к разорению. Далее он пишет, что хан ни с кем не считается, не прислушивается ни к чьим словам; жители окрестных районов не прекращают смуты, погибли многие богатыри, воюя со своим народом. По его словам, собравшиеся решили возвести «другого хана»[351].

Автор «Тарихи Шахрухи» писал о попытке хана обуздать всех тех, кто выступал против него, и заставить упрямых, гордых людей склонить голову[352]. «Государственные сановники, эмиры и образованные люди дела Худояр-хана в грош не ставили»[353], — писал Мирза Алим.

Согласно автору «Хуласатул-ахвал», Худояр-хан не оказывал внимания старым служилым людям[354]. Что касается тяжелого положения народных масс, то это отмечалось не только многочисленными русскими наблюдателями, но и его панигиристами в их хвалебных одах. «Бог раскрыл милости и щедрости [хану], а лишенные помощи проживали с горечью»[355], — писал автор «Джанг-нама-и Худояр-хани». Деспотизм хана и беков не имел никаких границ. Не соблюдались никакие законы и правовые нормы при решении государственных дел и в отношении к подданным. Автор «Хуласатул ахвал», один из видных чиновников, когда подвергался наказанию ташкентским правителем Рустам-беком, последний сам вместе с казием обыскивал его дом[356]. Естественно, если правитель области практиковал по отношению к служилым людям подобное самовольство, то произвол по отношению к простым подданным при решении всех дел, в том числе и судебных, не имел предела.

Таким образом, острейшее недовольство всех слоев населения ханским домом в целом и самим ханом в частности держало хана в постоянном страхе. «...Непостоянство людей его окружавших и горький опыт вселил и в душу Худояр-хана, — писал Алибеков, — такую боязнь к людям, что он каждую минуту опасался за свою жизнь. Единственно кому он вполне доверял — это Атабек-наибу»[357]. Далее он продолжает: «Долго не спит хан — страх быть застигнутым врасплох, подобно отцу и брату; не дает ему уснуть, и только усталость и сон берут свое»[358].

И действительно ненависть разгневанного народа достигла предела, и он был готов ликвидировать окончательно дом Худояра. «Рассказчики рассказывали мне,—писал один из местных авторов.— что во время того кровавого потока (восстание Пулат-хана. — *Р. Н.*) совсем не осталось из младенцев потомков Худояр-хана и Султана Мурад-бека. В почтительном Коканде остался только сын Худояр-хана Мухаммад Амин-бек. Его мать с трудом спаслась в могилах на кладбище»[359].

Все изложенное выше в достаточной мере показывает, что назрело серьезное недовольство не только среди народных масс, но и среди феодальной знати, которая почти повсеместно выступала против власти Худояра. Худояр при первом правлении осуществлял свою политику, в определенном отношении опираясь на бухарского эмира, в последнее же правление он рассчитывал только на помощь и поддержку царской власти. Эта мощная опора сказывалась в его высокомерии и приписывании ему русскими авторами таких характерных черт, как «железная рука», «твердость и опытность». После победы над незначительной частью восставших он высокомерно заявил, что «звезда его еще не угасла». Ненависть народных масс Ферганы к чиновникам царской России, на которых опирался хан, была беспредельна. «Нас почти на

каждому шагу народ бранил в глаза и за глаза в самых непочтительных выражениях»[360], — писал А. П. Хорошхин.

Среди феодальной знати особую опасность для хана представляли такие люди, как Абдурахман Афтобачи. Худояр-хан, зная личность Абдурахмана Афтобачи, вынужден был баловать его и в целях сближения с ним даже жениться на его сестре. Видимо, Худояру надежнее было держать этого человека возле себя. Афтобачи осуждал сближение хана с царской Россией, он «держится при дворе хана независимо и даже гордо»[361], — писал один из авторов. Худояр-хан, конечно, знал, какая сила стоит за спиной Абдурахмана Афтобачи как крупного представителя трагически разгромленного племени кипчаков, главой которого был казненный ханом его отец Мусульманкул. И естественно, что все это не было забыто.

Следует отметить, что избежавшие истребления кипчаки занялись земледелием, чайрикерством[362].

Некоторые данные свидетельствуют о том, что они занимали в окрестностях Коканда обширные земли и насчитывали 10 000 семейств. По сведениям очевидцев, кипчаки в 60-х годах представляли большую опасность. Они составляли «самый страшный элемент волнения в Коканде, элемент всегда грозный и ежеминутно готовый вспыхнуть»[363]. За два десятилетия они значительно восстановили свои силы. В ином случае они не могли бы играть такую роль в политической жизни ханства и выдвигать такие личности, как Алимкул.

Приведем интересный эпизод, раскрывающий характер кипчакских событий. «В те дни,— пишет автор «Таснифи Гариб»,—мы вместе с отцом и еще с дядей со стороны отца поехали в Чимион к родным для покупки шелковичного сырья, поскольку было время коконозаготовок. Когда, совершив утреннюю молитву, мы сидели и завтракали, вдруг поднялся рев скота, ржание лошадей, лай собак. Мы, удивленные, не разобравшись в чем дело, еще сидели. Вдруг на самом верху возвышенности показались бесчисленные войска со знаменами и флагами. Люди прикрывали с криком дороги дерном, скрывали и закапывали свое имущество в горах, во всякого рода сады, рощи; женщины и девушки, окрасив черной мазью свои лица, спрятались, а значительная часть из них перебралась на крышу дома Газы-бека[364], где также спрятались.

Кипчаки разорили до конца селение Чимион. Я посчитал с крыш дома: войска у Алимкула было много, пушек у них было 20»[365].

Киргизы, разбросанные на большой территории, не были так крепко сплочены, как кипчаки. Недовольные Худояр-ханом, они при любом удобном случае выступали против его власти. Киргизы, по словам источника, «принимали участие во всех смутах, кто бы их ни производил, и если они реже брали на себя инициативу восстания, то тем не менее приставали охотно ко всяким беспорядкам»[366].

Афтобачи тайно готовил восстание против Худояр-хана. В начале 70-х годов после получения письма от Абдурахмана Афтобачи о необходимости восстания киргизские бии племени или рода чапкунлик, проживавшие в местности Лалак (Лайлак), пришли в движение[367]. Ханом ими был избран вызванный из Ходжента потомок кокандских ханов Абдулкарим-бек, сын Садык-бека. Однако посланному Худояр-ханом отряду (7 пансатов) удалось подавить этот очаг восстания[368]. Алайские киргизы, избрав своим ханом Назар-бека, сына покойного сводного брата Худояра Суфи-бека, вскоре подняли мятеж, который был также подавлен Худояром.

Против Худояра в районе Узгенда началось также крупное движение, которое возглавили представители киргизской, узбекской и тад-

жикской феодальной верхушки[369]. Недовольство всех слоев населения ханом было настолько сильным, что даже на время была забыта племенная борьба. «Турк, таджик, киргиз, кипчак собрались вместе»[370], — писал автор хроники. В начале этого движения киргизами ханом был избран Пулат-хан, который все чаще находился в горах. В самом Узгенде Абдурахман Афтобачи, Мулла Иса и некоторые другие крупные чиновники уже открыто перешли на сторону восставших[371]. Согласно рассказам автора «Таснифи Гариб», посланный против Пулат-хана Афтобачи и Иса Авлия договорились об измене Худояру, первый определил себя на должность главнокомандующего и великого везира, а второй — везира финансов.

Они попытались объединить восставших киргизов во главе с Пулат-ханом[372] и недовольного сына Худояра Насриддин-бека, которого намечали на престол Коканда, а также пригласили брата Худояра Султан Мурад-бека в дом Афтобачи, где держали его фактически под арестом, а чтобы не привлечь к этому внимания выдали замуж за него одну из дочерей Афтобачи[373].

Худояр не мог справиться с повстанцами. Восставшие двинулись на Андижан, которым правил старший сын хана—Насриддин-бек. В сел. Сары-Тал его избрали вместо Худояра ханом.

Окружавшие Худояра люди стали переходить на сторону Абдурахмана Афтобачи. В числе выступивших против хана были и такие крупные и близкие к нему чиновники, как Зульфикар-бек (каракалпак, личный везир хана), Махмуд-ходжа (начальник большого ханского знамени), Халназар (из племени тюрк — крупный военачальник) и др.[374] «С уверенностью можно сказать, — писал русский обозреватель в 1875 г.,—что ни один человек из окружающих хана не чувствовал к нему истинной преданности». И далее: «Ненависть к хану до такой степени была сильна, что население еще в прошлом году готово было возбудить войну между Кокандом и Россией, чтобы хоть этим средством освободиться от управления Худояра»[375]. Даже царское правительство вынуждено было предупредить Худояра о создавшемся угрожающем положении. Коллежскому советнику Г. Вейнбергу было поручено «передать хану в настоятельных выражениях требование русской власти о более мирном управлении ханством»[376].

Растерявшийся и оставленный почти всеми Худояр вынужден был в 1292/1875 г. (в год свиньи—тунгус йили) поспешно уйти в Ташкент с незначительным количеством людей под прикрытием русского отряда в 30 человек, находившегося в Коканде с определенной миссией. По дороге была ограблена ханская казна[377]. Один из местных авторов следующим образом описывает ход беседы русских с ханом. На вопрос Скобелева: «Будет ли хан воевать против этих своих врагов?»— Худояр ответил: «Если белый царь разрешит и даст войска, возможно, буду воевать». Об этом Скобелев немедленно доложил туркестанскому генерал-губернатору, в ответ на что поступила телеграмма, в которой давалось распоряжение Скобелеву о том, что если хан захочет, то можно привезти его в Ташкент[378]. Эти сведения местных источников о последних днях правления Худояра соответствуют официальным данным, изложенным в русской исторической литературе того периода, Так, Г. Вейнберг и полковник Скобелев, находившиеся с 13 июля 1875 г. в Коканде с дипломатическими заданиями, сообщали, что 17 июля пришло в Коканд известие о переходе на сторону мятежников большого отряда ханского войска, состоявшего из 4000 человек, во главе с Муллой Иса Авлией, Абдурахманом Афтобачи и Сарымсакомушик-агасы. Через два дня стало известно о провозглашении в восточ-

ных пределах ханства старшего сына Худояра Насриддин-бека ханом и о занятии мятежниками Оша, Намангана, Андижана, Ассаке, а 20 июля — о переходе на сторону мятежников брата Худояра маргиланского бека Султана Мурад-бека и о движении его с войском к Коканду. Скоро оставил Худояра его другой сын — Мухаммад Амин-бек с половиной ханского войска, состоявшего из 4 тыс. пехотинцев. «По мере получения тревожных известий волнения в городе [Коканде] росли, базары затворялись, дуваны, и дервиши проповедовали на перекрестках, жители запасались оружием»[379]. В такой обстановке 22 июля Худояр вынужден был оставить ханство. Вот так описан гнев народных масс Коканда, проявленный при уходе из него Худояра: «Войска двигались по середине улицы; по обеим же сторонам стоял шпалерами народ, вооруженный ботиками, палками и с камнями в руках»[380].

Разыгравшиеся острейшие события в Кокандском ханстве, безвыходное положение Худояра были весьма удобным моментом для царского правительства, искавшего только случая для окончательной ликвидации ханства.

Всеобщая ненависть населения и войска к Худояру прослеживалась и во время бегства Худояра под покровительством казачьего отряда Скобелева. Автор «Таснифи Гариб» следующим образом описывает это событие. Неорганизованное население и войска очень хотели разорить хана, однако боялись Скобелева. При сопровождении другого войска даже самого хана растащили бы, разделив его на части. Худояр-хан покидал Коканд со всеми женами и детьми, рабами и рабынями, прислугой, движимым имуществом и конями, взяв золото, серебро, рубины и драгоценные камни, положенные в сундуки, обитые кожей. Хана охранял отряд царских войск, идущих с обнаженными шашками, которых сопровождал сам генерал Скобелев. Все это, по образному выражению очевидца, было похоже «на железную клетку с соловьем». Однако даже при таком положении по слухам часть имущества хана была разграблена как своими людьми, так и ворами. После ухода хана из Коканда была разграблена и ханская урда[381].

В восьми верстах от столицы по дороге на Ходжент хан остановился часа на полтора. В это время у него было 4 тыс. пехотинцев, 2 тыс. конницы, 68 орудий разного калибра. Когда хан снялся с позиции с 500 всадниками, сообщая Вейнбергу о своем намерении поехать к русской границе, его покинули почти все войска, в том числе и артиллеристы, оставив в поле орудия[382]. Вечером того же дня хан был встречен на границе специально посланными русскими войсками. 24 июля он вступил в Ходжент.

Изложенный в этой главе ход политических событий последнего почти 35-летнего периода существования Кокандского ханства убедительно свидетельствует об огромнейшем размахе, чрезмерной разорительности этих событий, основная тяжесть которых легла на плечи народных масс.

После вхождения территории ханства в состав царской державы эти войны прекратились, в известном отношении стабилизировалась политическая обстановка и произошли некоторые сдвиги в экономике страны. Однако острейшие противоречия и отсталость в социально-экономической, общественной и культурной жизни края продолжали существовать.

Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» сказал: «На минуту представим себе картину, которую являли собой к моменту революции национальные окраины нашей страны. Средняя Азия и Казахстан по своему хозяйствен-

ному развитию стояли на уровне, обычном для колониальных стран. Уделом подавляющего большинства населения были нищета, болезни, темнота»[383].

Взаимоотношения между племенами и народностями, постоянно осложняемые эксплуататорскими кругами на территории бывшего ханства, сохраняли свою остроту до самой Октябрьской революции. Национальный вопрос оставался нерешенным. «В России, — говорил в том же докладе Л. И. Брежнев, — в силу ее специфических условий национальный вопрос стоял особенно остро. Эксплуататорские классы царской России намеренно сеяли национальную рознь и вражду, действуя по принципу «разделяй и властвуй», которому во все эпохи следовали угнетатели»[384].

Все эти вопросы нашли свое блестящее решение только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции и ленинской национальной политике Коммунистической партии.

ХАНСКИЙ ДОМ

Изучение политической истории Кокандского ханства свидетельствует, что, начиная с первых десятилетий XIX в., т. е. с периода правления Алим-хана, который отличался своим деспотизмом, усилилась практика недоверия ханов к своим братьям и близким родственникам, многочисленные представители которых подвергались преследованию и истреблению. Один из кокандских царевичей Шерали (Шер Мухаммад-али) принадлежал к числу преследуемых.

В 1842 г. он был возведен на престол. О его правлении мы коротко говорили выше. Шерали-хан имел пять сыновей[385]: Абдурахман-бека (Сарымсак-бек, впоследствии правитель Шаша, убит кипчаками), Малла-бека (правил Кокандским ханством в 1858—1862 гг. и был убит), Худояр-хана (правил трижды, в общей сложности без учета промежутков около 25 лет, почти до ликвидации ханства), Суфи-хана (правил в 50-е годы Андижанским округом[386]) и Султана Мурад-бека (с перерывами он правил Маргиланским бекством почти до конца существования ханства; он был назначен на эту должность после разгрома кипчаков в 1853 г.). Султан Мурад-бек имел, как оставшийся единственный родной брат Худояра, большой вес среди беков[387], был в хороших отношениях с Худояром, что вытекает из хода политической истории и из характера их переписки[388]. У Шерали-хана были дочери — Нарчучук, Афтаб и Махляр.

Худояр-хан имел четырех сыновей и двух дочерей. Старший сын Насриддин-бек, рождения 1850 г., правил с помощью своего аталыка (дядьки из персидских рабов отца) Андижанским вилайятом до самого бегства Худояр-хана из Коканда, после чего на короткое время стал ханом. Другой сын Худояра еще малолетний Насрулла-бек, под прозвищем Урман-бек[389], был назначен правителем Наманганского вилайята. Кроме них, были еще сыновья Мухаммад Амин-бек и Пансурулла-бек. Упоминается в качестве сына Худояра Саид Умар. Не совсем ясно в качестве какого рода владений были отданы сыновьям восточные области ханства. В литературе того периода писалось, например, «Наманганское бекство было отдано в управление младшего сына Худояра Урман-бека», или «Наманган был предназначен Урман-беку»[390]. Следует указать, что среди архивных материалов по Кокандскому ханству, хранящихся в ЦГА УзССР (ф. И-1043, оп. 1), который содержит материалы, кроме Кокандского вилайята, еще и по Маргиланскому вилайяту, включая и Ош, почти нет документов по Андижан-

скому и Наманганскому округам, в том числе выданных правителями этих округов — сыновьями Худояр-хана. Это заставляет задуматься о том, что не были ли эти округа отданы ханом сыновьям в порядке пожалований.

Брат хана Султан Мухаммад Мурад-бек имел тоже много детей. Сыновья его — Саид Мухаммад Мавлан-бек, Акбарали-бек (или Саидали Акбар-бек), Саид Мухаммад Сиддик-бек, Саид Абдулазиз-бек, Саид Ахмад-бек, Саид Мухаммад Салих-бек, Хайдар Мухаммад-бек[391]. Много раз упоминается в архивных документах дочь бека Хасият-хан[392]. Кроме них, упоминаются царевичи Алим-бек, Саид Ашур-бек, Саид Камал-бек, Саид Мухаммад Анвар-бек, а также Муясар Айимча-хан хурд и Айимча-хан калон. Худояр имел сестер, племянников, в числе которых упоминаются Акрам-хан, Агзам-хан и т. д., были и многочисленные родственники ханских жен[393]. Мать Худояра жила почти до конца правления Худояра, пользовалась большим авторитетом не только среди женской половины двора, но и среди высшей правящей знати. Она вмешивалась в государственные дела. Например, по ее настоянию было отменено Худояром его распоряжение о казни Касыма-мингбаши[394]. «Родственные чувства у Худояра были сильно развиты. Мать свою он почитал и повиновался ей во всем. Старуха Джаркун-айим, которую величали «Хоким айим», жила по старой привычке большею частью в киргизской юрте, поставленной для нее в старой урде, где она и умерла, не успев переселиться в новый дворец. Похороны ее были торжественными. Печальное шествие хан сопровождал в слезах»[395]. Сестра Худояра Айжон-айим (Нарчучук-айим, пишут и Айчучук-айим) также была весьма уважаемой ханом. Она умерла в 1287 (1870—1871) г. и была похоронена также с большими почестями[396]. Авторитет матери и сестры был настолько велик, что Мирза Алим ослабление власти Худояра связывает не только со смертью шейхулислама, а также и со смертью матери и сестры хана[397]. Видимо, обе они теснейшим образом были связаны с высшим духовенством. Смерть названных выше двух глав духовенства и их опоры в ханском доме не могла пройти бесследно для государства.

По словам людей той эпохи, изучавших домашнюю жизнь Худояр-хана, последний, страстный охотник до различных удовольствий, имел гарем, в котором, по одним данным, находились 3—4 его законные жены и от 30 до 50 невольниц (чури), а по другим — в гареме хана находилось до 100 человек[398]. Жен Худояра называли айим (ханша), и каждая из них имела свой штат чури, которые приобретались на рынках Хивы и Бухары, куда привозили их из Персии и Шугнана. Но кроме того, постоянно вербовали красивых девушек, которых он, видимо, долго не держал, так как стремился к еженедельному поступлению новых красавиц[399]. Эта трагедия несчастных девушек, становившихся жертвами произвола ханов, беков и других властителей, во всех среднеазиатских ханствах была одним из позорных явлений в придворной жизни.

Обитательницы гарема томились в ханском дворе, женская часть которого представляла собой «целый этаж, разделенный на мелкие отделения решетками», через которые осуществлялся постоянный надзор специальными людьми, самим ханом и его матерью. Кроме них, к гарему была специально приставлена родственница матери Зиядадха — «почтенная, но живая и веселая киргизка», выполнявшая обязанности евнуха, следившая за порядками и оберегавшая гаремную честь хана. Все это создало невыносимую, изолированную от внешнего мира обстановку. «За малейшие провинности чури бил палками сам

хан»[400]. Но и эта обстановка не могла воспрепятствовать проявлению недовольства узниц гарема. Ярким примером тому может служить бегство из него с помощью своего возлюбленного (с которым находился еще арбакеш, увезший затем их из Коканда) невольницы Седбельг (видимо, Сад браг). Однако они были пойманы, молодой человек и арбакеш немедленно казнены. Казнь Садбельг хотя и была отменена благодаря просьбе любимого, еще малолетнего сына Худояра Урманбека, однако эта несчастная невольница целый год должна была ходить в одной рубашке, без смены, и выполнять наиболее черные работы[401].

Хан жил в урде и большую часть времени, особенно летом, проводил в своих загородных садах-дачах, расположенных недалеко от Коканда в Афган-баге (3 км. южнее города) и Ургенджи-баге. Он бывал и на территории своего удельного владения в Ер-мечети и в своих резиденциях в других округах ханства. Очень много времени хан проводил на охоте. В конце своего правления, несомненно, под влиянием царских административных порядков да и порядков при дворе бухарского эмира хан уделял внимание канцелярии и войску. По словам Мирзы Алима, он, «проводя в действие бухарские порядки и обычаи, назначил нескольких махрамов ответственными лицами по заявлениям, принимал их, не задерживая,... назначив Дарвиша Алия во главе вооружения, пушек и артиллерии, собирая тупчиев (артиллеристов) и сарбазов (солдат), каждый день проводил пушечную и ружейную стрельбу. Развивая артиллерию, сарбазов заставил работать. В определенное время, управляя государством, занимался делами страны»[402]. Однако, если даже сведения Мирзы Алима, который, как и другие феодальные историки, естественно, преувеличивал подобные факты, считать достоверными, все же правление ханством оставалось типично деспотическим, феодальным, отсталым.

Худояр-ханом в центре столицы была построена новая урда, в которую он переселился со своим двором. Главным образом здесь принимал он чиновников всех рангов, военачальников, высших представителей духовенства и разбирал прошения населения. На приеме у хана задерживались только высшие чины, располагаясь за приготовленным дастарханом при строгом соблюдении старшинства. Толпа просителей, находясь за стенами урды, добивалась приема их прошений через махрамов, которые по очереди подавали их хану после сигнала старшего махрама, получившего разрешения хана на это. Следует отметить, что решение того или иного вопроса, поднятого в прошениях, или просьбы осуществлялось единолично, часто без какого-либо рассмотрения по дистанциям, деспотично, оно всецело зависело от ханской воли. При положительном решении хан давал распоряжение через тех же махрамов, а при отрицательном тут же разрывал и выбрасывал документ. Прием прошений происходил между завтраком и обедом.

Кроме гражданских и военных чиновников, штат которых был довольно разнообразен, имелся большой аппарат придворных слуг. К ним относились махрамы, комендантская служба в лице сарбазов, бакавуллы, найза-бардоры, бухча-бардоры, афтаба-бардоры, музабардоры, зин-бардоры, водоносы, конюхи, возчики и др. Эти люди были из «среды ремесленников и людей базара, среди которых находились и самаварчи, и аллоф, и наддоф, бафанда и порадуз,... им хан верил, и они, видя в лице хана глупого человека, жили, проявляя льстивость»[403]. Все они обслуживали хана и ханский двор. Несомненно, хан на эти службы подбирал хороших специалистов.

Хан со своим окружением при всей сложности общественно-политической жизни большую часть времени проводил в развлечениях: «угощения и забавы предлагались в изобилии, скачки со сдиранием козла, публичная случка верблюдов, комедианты, клоуны, фокусники, акробаты, танцоры развлекали публику при дворе»[404].

Пользуясь случаем, приглашенные маскарабазы (клоуны) и острословы иногда выступали с остро сатирическими номерами, обличающими отрицательные стороны общественной жизни. Так, порой разоблачались ненасытные казии, торговцы-обманщики, раисы-взяточники. Все это происходило в форме давно развитого в Ферганской долине шуточного острословия, иногда вышучивалась и высшая правящая знать.

Правящая верхушка хотела всячески поднять роль и авторитет ханской урды. Примером может служить порядок проведения месячного поста и других крупных праздников. В месяце рамазана по ее решению на утренней заре специально произведенный выстрел из орудия извещал о начале дневного поста в ханском дворе, что называлось в народе «урда огз-беркитди», а другой вечерний оружейный выстрел — о конце дневного поста — и назывался «урда огз-очти»[405].

Саид Мухаммад Худояр-хан и все его потомки, как и предки, причисляли себя к сословию сеидов, пользующихся привилегированным положением в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. Это было вызвано необходимостью подкрепить свое положение, создать авторитет.

Многие источники, как местные, так и русские, характеризуют хана как неумного, пустого, сурового, алчного, в известном отношении суеверного, не имевшего особого таланта, малоинициативного в государственных и военных делах человека, стремящегося только к увеличению собственности своей и членов своего дома, чего бы оно ни стоило для народных масс.

Академик Мидендорф называл его «человеком ничтожным». Вот несколько интересных высказываний современников хана о его личности. «Этот хан был безрассудным, несообразительным, глупости над ним брали верх»[406], — писал автор «Хуласатул-ахвол». Более подробную характеристику его личности дал Л. Соболев: «По своим наклонностям (Худояр-хан. — *Р. Н.*) — человек пустой, до страсти любит проводить время в различного рода празднествах, иногда целые месяцы занимается изо дня в день устройством публичных удовольствий, заставляя своих приближенных и людей богатых устраивать скачки, базимы (пиры) и другие зрелища. Один год, именно 1871, особенно был обилен увеселениями. Хан восемь месяцев наслаждался ими... зрелища казней так любил устраивать Худояр-хан, когда ничто его не стесняло»[407]. М. Алибеков писал: «С виду набожный Худояр-хан был немного суеверен; сам гадал по бараньей лопатке... Тяжелому на подъем во всех своих начинаниях и неспособному к войне Худояр-хану усмирение ничтожной смуты стоило огромных затруднений, а более серьезные заставляли его поспешно покидать ханство. За тридцать лет правления с непродолжительными перерывами им не сделано никакого улучшения в войсках; неспособный взглянуть далеко вперед, он апатично, сам ничего не предпринимая, лежал на волнах житейского моря, которые кидали его, куда хотели»[408]. «Я видел в Средней Азии, — писал один из авторов,— много лиц, бывших в прежнее время независимыми владетелями, и не знаю ни одного из них, который бы умел или считал возможным для себя занятие торговлей и промышленностью. Буржуазный же Худояр-хан, Людовик-Филипп Кокана, если так можно выразиться, смотрел на это дело иначе: как только неблагосклонная

судьба лишала его поместья — Коканского ханства, он всегда умел пристроиться где-нибудь в Джизаке так, чтобы продолжать, хотя и в меньших размерах, свое любимое занятие — наживу денег»[409].

Однако русская периодическая печать была наполнена противоречиями в оценке личности Худояра. В печати были и весьма лестные отзывы о Худояре. Так, журнал «Нива» в своей корреспонденции отмечал: «Один из самых замечательных государей в Средней Азии настоящего времени есть бесспорно Худояр-хан Коканский»[410].

Сыновей хана, его брата, а также внуков называли беками, дочерей айимча, которые по свидетельству их личных печатей носили титул «мир» (например, «младшая — мир айимча-хан»[411]). Каждый из них в подражение хану имел движимое и недвижимое имущество, конечно, в меньшем размере. Эти царевичи, независимо от возраста, были собственниками земли и воды, хороших садов и дач, больших домов и торговых лавок в городах, они имели каждый в отдельности (по крайней мере многие из них) столовые, чайханы, гостиные, хранилища, склады, амбары, мечети, бани и т. д. В их распоряжении находились зависимые крестьяне, пастухи, садовники, прислуга и др.

Обо всем этом имеются данные в сохранившихся архивных документах. Мы приведем лишь некоторые из них. Так, например, сын маргиланского бека Султана Мурада — Саид Мавлян-бек послал на имя сборщика налога танабаны (поземельный налог с садов и бахчей) Домуллы Ходжи Назара документ (пата), в котором приказывал последнему не взимать танабаны с крестьян, работающих на его новоосвоенном участке (чеке), расположенном в местности Ташлак, ввиду того что этот налог предполагался израсходовать на нужды самого участка[412]. Подобных земельных участков, не только новоосвоенных, но и старых, могло быть у каждого царевича несколько, земельный налог с которых должен был поступать в его казну. Сын хана Саид Урман-бек имел земельный участок в районе между Канибадамом и Кокандом. Его саркар (курукчи) Курбан-сагира являлся ответственным лицом указанного чека, претендовал еще на предметы, производимые на курукных землях районов Навката, Кум-ханы, Сабир-тепе, Фатир-кишлака, Мирза-Абада, Давул-тали («دول طلی») и Джуки. Они, видимо, были пожалованы царевичу[413].

Старший сын хана Саид Насриддин-бек имел земельный участок в районе Балыкчи, что упоминается в связи с кратковременным переселением жителя Какир-кишлака (قفر قشلاق) Эрмухаммада из района сел. Кияли[414]. Упоминается в Кокандском округе сел. Мухаммад Амин-бека под названием Янги-кишлак («ینگی قشلاق محمد امین بیك»).

Не только царевичи, брат хана и его дети имели земельные угодья, владели целыми деревнями, но и дальние родственники и родственники жен были владетелями большого имущества. Например, зять Худояра приказал заложить поселение недалеко от сел. Кара-Калтак, и с согласия хана туда было проведено достаточное количество воды. По приказанию Султана Саида, в его кратковременном правлении (1863—1865) оросительный канал был уничтожен. Ухудшилось водоснабжение сел. Кара-Калтак. Следы прежнего хлебопашества в местности в верстах 4,5 от деревни Кара-Калтак, а также частью повалившейся, частью занесенной песком изгороди видел Мидендорф[415].

В ряде документов речь идет об обеспечении домов царевичей необходимыми товарами, продуктами или же стройматериалами для строительства их новых домов. Например, говорится о строительстве дворца Саиду Умар-беку, о новых домах Саида Сиддик-бека, Саида Мавлян-бека, дочери Султана Мурада Хасият-ханы в Маргилане[416].

После ликвидации ханства в Коканд был назначен русский судья, которого разместили в загородном доме старшего сына хана. «Загородный дом,— писал судья,— был построен в туземном вкусе и был самым лучшим из всех, какие я видел в Азии. Он состоял из центрального здания, около 40 ф. длины и 20 ф. ширины, с окружающими его комнатами и отделенными от него решетчатыми перегородками»[417]. В некоторых случаях эти дома у малолетних царевичей назывались урдой. Например, Саид Мухаммад Сиддик-бек имел сад, урду, баню, новую мечеть и т. д. Мы имеем документы, отражающие конкретные расходы на столовые Саидали Акбар-бека и Саида Мавлян-бека, чайханы Саидали Акбар-бека, амбары Саида Мавлян-бека, фарраш-ханы (двор для прислуг) Саида Насруллы-бека[418] и т. д. На этих объектах использовались за счет казны различные предметы и продукты: замки, большие казахские кошмы («نمد قزاقی کلان»), самовары, фарфоровая посуда, кипчакские ковры («گلیم قپچاقی»), белые и черные цепи («زنجیر سفید و زنجیر سیاه»), белый и черный ганч («گنج سفید و گنج سیاه»), жженый кирпич, камыш, продукты питания, в том числе сахар и приготовленные из него различные виды халвы (наввот, печак, кандалат, пашмак, кандак) ,фрукты и сухофрукты, несколько сортов чая, уголь («انگشت»), свечи, керосин («چراغ»), («مای») вата, для работников хозяйства обувь и одежда (сапоги, рубашка и штаны из простой бумажной материи калами, одеяла, покрывала— фаранджи и т. д.).

Царевичи вели строгие наблюдения за целостностью и сохранностью своей собственности, хозяйственного имущества, стремились к их расширению и увеличению. Ярким примером может служить письмо малолетнего сына Худояр-хана Саида Мухаммада Амин-бека на имя одного из крупных чиновников Маргиланского бекства Бахтияра Мухаммада-курбаши[419] (сокращенно — Бахти-курбаши), в котором царевич приказывал, чтобы тот возвратил ему через подателя письма те вещи, которые принадлежат царевичу; поскольку, писал он, фаянсовая посуда была разбита и поврежден самовар (возможно, при использовании в каком-нибудь пиршестве), то он (царевич) требует, чтобы послал он большой хурджин посуды, две большие штуки из китайского фарфора, самовар и афтаба, отремонтировав их[420]. Отсюда видно, как малолетний царевич заботился о своей даже незначительной собственности.

В ряде документов мы имеем конкретные данные о прислуге («خدمتکاران») царевичей: пастухах («قویچی‌ها»), арбакешах, конюхах, скакунах («پایگه چیان»), садовниках, кухмистрах («بکاولان»), водоносах («مشکابها») и др., которая получала деньги, одежду, постельные принадлежности и т. д. Так, в одном документе, выданном в 1288 (1871—1872) г., приказывалось отпустить шести слугам Саидали Акбар-бека по одной теньга в день, об отпуске в 1287 (1870—1871) г. Султаном Мурад-беком двух рубах и двух пар штанов из простой полосатой хлопчатобумажной материи («قلمی») двум слугам своего сына Саида Мухаммада Сиддик-бека. Еще говорится об отпуске в том же году Султаном Мурад-беком слуге своего сына Саида Абдул Азиз-бека рубах и штанов из той же материи. По распоряжению Саида Мавлян-бека, выдали пастуху его брата Абдул Азиз-бека пару сапог, яктак и штаны[421]. В одном своем заявлении слуга и арбакеш просят подковать тягловых лошадей десяти раисов Саида Мухаммада

Сиддик-бека[422]. Саид Мавлян-бек приказал отпустить своему конюху сапоги и веревки, для содержания скакунов Абдул Азиз-бека 40 теньга; Саид Мухаммадали Акбар-бек велел Бахти Мухаммаду-курбаши послать для него водоноса. Имеются указания об отпуске садовнику и двум слугам Саида Мухаммадали Акбар-бека сапог и рубах[423].

Царевичи имели своих духовников (учителей), живущих за счет дохода данного царевича. Мулла Абдулджалил-мирзабаши отпустил кисею для чалмы духовнику Саида Мавлян-бека Мулле Газы домла[424], духовнику Саида Ахмад-бека — адрасовый халат[425]. Женские представители ханского дома имели тоже своих духовниц (учительниц) — атун-биби.

Приведенные конкретные данные характеризуют порядки ведения феодального хозяйства каждым царевичем в отдельности, независимо от возраста. Видимо, каждое хозяйство царевича возникало с его рождением, даже, может быть, зарождалось оно со времени нахождения последнего в утробе матери и постоянно развивалось. К сожалению, размеры этих хозяйств установить нам пока не удалось.

Итак, хозяйства царевичей имели и земли для посева, и скот и дворы, и лавки, и сады и т. д. В них использовался труд крестьян, пастухов, слуг, в том числе и детей; судя по получаемым ими ежегодно одежде или деньгам на прожиточный минимум, эксплуатация этих зависимых людей происходила в тяжелой форме.

Как местные нарративные источники и документальный материал, так и данные русских очевидцев свидетельствуют о существовании придворного рабства в Кокандском ханстве. Приведем несколько частных фактов из этих источников. Описывая события периода правления Умар-хана, Мулла Нияз Мухаммад сообщал, что рабов, над которыми властители совершали насилия, Алим-хан возвращал хозяевам. Тех из рабов, которые прибыли в эту страну по своей горькой судьбе, хан оставлял при дворе, а тех, которых цари соседних стран посылали в порядке подарка, назначал на разные места в зависимости от их способностей и использовал в государственных делах[426]. Придворные рабы в хозяйствах, как правящей верхушки, так и отдельных феодалов, продолжали существовать до самой ликвидации Кокандского ханства. Во время нахождения А. П. Хорошхина в Коканде в 1875—1876 гг. к нему пришел «казначей хана — молодой человек, недурной наружности, покупной раб»[427]. Видимо, такие особые рабы и рабыни назывались «خاصه گی», например «چوریهای خاصه گی»[428].

Царевичи использовали рабский труд, видимо, для обслуживания своего двора. Например, Султан Мухаммад Мурад-бек приказывал Бахти Мухаммаду-курбаши отпустить два ватных одеяла для рабынь, одну из которых звали Гуль-кыз, приобретенных в Оше и принадлежавших его сыновьям Саиду Абдул Азиз-беку и Саиду Мавлян-беку[429].

Рабы и рабыни в Кокандском ханстве принадлежали и частным лицам. Примером может служить сам автор «Хуласатул-ахвол», обыкновенный чиновник — сборщик закята, писавший о том, как одну его красивую рабыню хотели послать в Чимкент для сражавшегося там с царскими войсками Алимкула[430].

Имеется ряд документов, посвященных перевозу рабынь из Оша в Коканд, отпуску по распоряжениям Муллы Абдулджалила, Султана Мухаммада Мурад-бека и Мирзы Мухаммада Юсуфа материалов для одежды, обуви, постели и т. д.[431]. Одежда и обувь были самыми дешевыми и простыми, о чем свидетельствуют указанные документы. Кроме рабынь, приобретались молодые рабы — мальчики («غلام بچه گان»),

для которых отпускались грубая одежда и обувь. «Для вновь прибывших молодых рабов выдать одну рубаху и штаны из полосатой бумажной материи (пестрядь), еще одну пару сапог-нугаи, еще три пары маленьких галош и еще четыре детских рубах и штанов и пять штук тюбетеек»,—приказал Султан Мурад-бек в 1288 (1871—1872) г.[432] По имеющимся в литературе 70-х годов XIX в. данным, в Фергане имелись рабы, приобретенные в соседних странах[433].

Таким образом, согласно этим довольно скудным данным, рабами владели ханы, беки, царевичи (даже малолетние), купцы, чиновники и, конечно, другие крупные землевладельцы. Покупных рабов в источниках именуют, как земельное и другое недвижимое имущество феодала, под общим названием зархарид. Однако рабство в Кокандском ханстве не было развито в такой форме и в такой степени, как в Бухаре и Хиве. «...В ханстве этом,—писал один из авторов 70-х годов,—вообще говоря, почти не существовало рабства или по крайней мере не было той открытой и беззастенчивой продажи людей на базаре...»[434].

Наряду с рабами и рабынями при дворах и во всем феодальном хозяйстве содержались люди под названием «сирота» («صغیره»). Нам кажется, что большинство их находилось при дворе самого хана, известная часть их называлась «личными, ханскими» («خاصه گی»). Они, по-видимому, относительно лучше обеспечивались[435]. Незначительное количество «сирот» было в хозяйствах маргиланского бека Султана Мурада, сына Худояра Урман-бека, Саида Мавлян-бека, Саида Мухаммада Али-бека, Саида Ахмад-бека, Саида Мухаммада Сиддик-бека, Саида Мухаммада Абдулазиз-бека[436]. Наряду с популярными местными именами, некоторые из них носили такие имена, как Зар-кокил, Хуш-вакт, Ак-юл, которые давались и рабам.

Видимо, в группу придворных сирот попадали главным образом дети, оставшиеся без родителей. Некоторые родители отдавали их из-за безвыходности своего материального положения, подобно тому, как в эпоху феодализма дети отдавались в ремесленные мастерские. В одном из документов, составленном в 1289 (1872—1873) г., приказывалось отпустить одежду «для всех взрослых и маленьких сирот с 10-летнего возраста до 20 лет», что, видимо, характеризовало возраст основного состава этой категории людей[437]. Но и после 20 лет, нося уже прозвище «сагиры», они оставались в хозяйстве хана или членов его дома, выполняя разные работы.

Известная часть «сирот», видимо, отдана была в школу, которая обеспечивалась питанием и хозяйственным имуществом. Их называли «школьные сироты» («صغیرهای مکتب‌خانه»), а эту школу — «школой для детей рабов» («مکتب خانهٔ غلام بچه گان»). Выдача для этой школы таких вещей, как киргизские кошмы, мыло, а также деньги для стирки белья этих детей, напоминает школу-интернат. Уместно здесь вспомнить сообщение нарративных источников о школе, организованной еще Мусульманкулом в ханской урде.

«Сироты» в детском возрасте выполняли в хозяйстве хана и царевичей различные работы в гареме, на складах, конюшнях, в придворных столовых и чайханах, голубятнях, садах, банях, участвовали в охоте, проводимой ханом и беками[438]. Однако этим использование малолетних детей не ограничивалось. Их эксплуатировали непосредственно как в сельском, так и в городском ремесленном производстве. Так, например, Султан Мухаммад Мурад-бек приказал Бахти Мухаммаду-курбаши отпустить пять пар сапог «для пяти сирот-табунщиков»[439]. Мулла

Абдулджалил-мирзабаши поручил саркару мастерских по производству вооружения получить от Бахти Мухаммада-курбаши шесть пар одежды для «сирот»[440]. Очевидно, имеется в виду выдача ежегодной одежды шести работающим в этой мастерской малолетним детям. Мы в этой работе отмечаем участие подручных учеников («شاگرد پیشه») в охоте Мухаммадали-хана, которых он брал вместе с военачальниками и махрамами. Это свидетельствует о том, что старая традиция содержания и эксплуатации в хозяйствах феодальной верхушки малолетних детей, оставшихся сиротами, возможно, в конце существования Кокандского ханства в силу максимальной мобилизации бесплатной рабочей силы, была усилена.

Из числа этих «сирот» некоторые, видимо, способные и преданные владетелю, достигшие совершеннолетия, выдвигались на низшие административные, хозяйственные и военные должности. Так, некий Давлат-сагира находился на должности заведующего ханским амбаром[441]. Он распоряжался на основании указания хана ежедневными частными расходами продуктов[442]. Курбан-сагира был назначен на земельном участке (чеке) сына Худояра Урман-бека в местностях Джуки и Кумханы курукчи[443]. Таш-сагира имел военное звание дахбаши, многие сагиры были рядовыми воинами.

Нам кажется, А. Кун не без основания писал о назначении ханом на должность саркаров людей из бывших своих рабов (на чем мы остановимся ниже). Как бывшие рабы, так и способные сагиры, выросшие при дворе, обучались в специальной школе, видимо, в целях выдвижения на разные должности. Сама эта практика, как известно, продолжалась с давних времен. Примером могут служить должностные лица из числа бывших гулямов в государстве Газневидов.

«Сироты», служившие хану, получали право на небольшие, соответствующие их должностям льготы. Так, в одном документе под названием «Освобожденные земли под дыни воинов господина Урман-бека и его величества хана», наряду с освобождением от потанабного налога на «правах тарханов или владетелей паты»[444] служилых людей (закатчи, казикалона, махрамов, биев, юзбаши), освобождаются от потанабного налога и небольшие клочки земли[445], находящиеся под дынями ряда «сирот» — воинов ханского войска. Абдулкадыр-сагира, воин из части Шерали-ёвара[446], имел в сел. Кува земли под дынями, которые наряду с землями других воинов освобождались от танабаны[447].

Этим привилегированным бывшим «сиротам» выделялись вновь освоенные земли[448], очевидно, в несколько большем размере, т. е. от одного до двух и более танабов[449]. Некий Хуррам-сагира по какой-то причине не попал в список бератдаров, и мирзабаши приказывал Мирзе Алим-саркару выдать его берат в размере 3 чайриков зерном, одну пятую часть которого—пшеницей[450]. Видимо, бывшие сироты, находившиеся на службе, получали продукты по берату. Они пользовались сеном и хворостом пустопорожних государственных земель на разрешенных им участках. Мустафа-кули сагира из Сари-мазара обратился к хану с просьбой выдать документ на имя Садыка-саркара, разрешающий ему убирать сено для скота в местности Аччикул, откуда он получал до этого его ежегодно[451].

Малолетние «сироты» получали полные комплекты простой одежды. Они состояли из рубах, штанов, халатов, вытканных из грубой хлопчатобумажной материи[452], сапог[453] и простых тюбетеек. Только ханские особые «сироты», обслуживающие двор, одевались несколько лучше. Пища, выдаваемая «сиротам», была тоже весьма скромной. Подарки владетелей им по случаю свадьбы были ничтожны. Например, заведую-

щему складом маргиланского бека Давлат-сагиру, оставленному на этой должности ввиду его способностей и преданности хану, в связи с его женитьбой («طويانهٔ دولت صغيره») были сделаны следующие подарки: два куска шелковой материи («يك جوره شاهى») на одно платье, девять гязов материи, именуемой „шалпар", одна пара галош («كفش نوغى»), один марлевый платок, пять гязов ситца под названием „пушти", три одеяла из кокандского ситца, три подушки («سه بالشت يك جهك»), две кошмы, рубаха, штаны, одна пара сапог («يك موزهٔ اوفيكهٔ نوغى»)[454]. Расходы на похороны сирот были мизерны: на похороны одного сироты выдавалось только 12 теньга[455].

От этих детей следует отличать красивых мальчиков, насильно захваченных ханскими чиновниками у родителей и посылаемых к хану и бекам для развлечения, практиковавшегося как позорный обычай главным образом среди феодальных кругов восточного общества.

Сохранившиеся в архиве два письма маргиланского бека[456], проявившего энергичную заботу о дикой прихоти своего родного брата — хана, свидетельствуют о том, что, во-первых, подобный произвол был распространен по всему ханству. Дети бесправного населения всех областей ханства могли быть подвергнуты такому позорному обычаю. Во-вторых, совершенно ясно ожесточенное сопротивление попавших в беду семей, от которой они готовы были спастись, отдавая чиновникам в виде взятки, несомненно, большие деньги, иначе они не решались бы пойти на этот опасный шаг. В-третьих, эти документы свидетельствуют о том, что в ханстве среди чиновничьего сословия было развито взяточничество, охватывавшее все стороны административной жизни, неимоверная тяжесть которого лежала на плечах трудового населения.

Безобразия правящей верхушки доходили до того, что насильственный захват невинных детей происходил даже в то время, когда край был охвачен пламенем внутренней кровопролитной борьбы, угрожающей самому существованию ханской власти, о чем свидетельствует второе письмо, датированное 1290 (1873—1874) г. Разнузданность представителей правящей верхушки проявлялась еще и в том, что в такое опасное для страны время чиновники хана специально командировывали людей с этой целью с одного конца страны в другой[457].

Находившиеся на службе при дворе хана, беков и многочисленных царевичей различные категории прислуги, согласно занимаемому положению, обеспечивались и питанием, и одеждой, и даже земельными участками. Так, некий амин Мулла Бута-бай писал ханскому саркару о том, что хан своим особым махрамам выделил чеки, количество которых равнялось 30. На каждом чеке находилось пять домов, и амин просит у саркара выдать пату для камыша этих чеков[458]. Другой пример. Саид Мухаммадали Акбар-бек, сын Султан Мурад-бека, приказывал Бахти Мухаммаду-курбаши немедленно послать к нему на службу водоноса вместе со своим мешком. Царевич обещал зачислить его в список воинов, удостоенных получения берата, по которому водонос будет получать зерно и одежду[459].

При всем этом положение обслуживающего персонала было тяжелым. Самовольный уход от хозяина строго карался. Имеются списки махрамов, исчезнувших без вести со своими лошадьми[460].

Итак, все члены ханского дома, владея большим имуществом (как движимым, так и недвижимым) и зависимыми людьми, занимали господствующее место в социально-экономической и политической жизни края.

„Несмотря на то, что податями облагался каждый сноп сена, чашка молока, десяток яиц, вынесенные на базары, изобретательному хану все еще было мало: он сделал регалией пляски скоморохов, вождение медведей, игры фокусников, поручив эти занятия своим людям или отдав их в аренду за известную плату".

Н. Петровский

Глава II

ОСНОВНЫЕ ДОХОДЫ ГОСУДАРСТВА ХУДОЯР-ХАНА

В Кокандском ханстве, как и во всех других феодальных владениях, средства производства, прежде всего земля и вода, являлись собственностью класса феодалов. Ввиду отсутствия точного учета выяснение удельного веса той или иной категории земли в среднеазиатских ханствах невозможно ни по одному периоду[1].

Общий объем так называемых амляковых (государственных) земель в Ферганской долине, несомненно, был значительным. Ими, как своей собственностью, распоряжался хан. Такое положение было юридически обосновано, т. е. существовало в соответствии с мусульманским поземельным правом. Широко известно, что ханы и эмиры на всем длительном этапе феодализма производили различные операции на амляковых землях: отдавали их в аренду на разных условиях, жаловали служилым людям, близким, членам государева дома, отчуждали отдельные участки в пользу религиозных учреждений как вакф. В научной литературе известно, что в Бухарском ханстве под определенными предлогами эти земли даже продавали частным лицам. Часть их впоследствии превращалась в обеленные мульки (земли, освобожденные от уплаты ренты-налога государству).

В силу слабой изученности истории Кокандского ханства существовавшие в Ферганской долине формы землевладения, в том числе и его амляковая форма, особенно производимые по ней многочисленные операции, остались неосвещенными. В письменных нарративных источниках по истории Кокандского ханства мы не имеем прямых данных о продаже ханами амляковых земель. Однако В. Наливкину, долго находившемуся в Наманганском уезде, удалось установить продажу Умар-ханом «земли, бывшей в пользовании узбеков Наманганского вилайята». По его словам, эти земли были куплены «в складчину» целыми родами или коленами. Проданные ханом обработанные земли были разделены между членами рода в соответствии с тем паем, который был внесен ими при покупке земли. В. Наливкин считал, что эти участки превратились в частную собственность покупателей. О подобных фактах, характерных для других областей ханства, он не знал[2].

Однако правовые порядки продажи земли и превращения одной категории в другую, чем, к сожалению, не интересовался В. Наливкин, остаются невыясненными. Весьма ценно высказывание Мидендорфа об обеленных землях: по его мнению, большая их часть являлась покупной, в том числе и у государства, и превращалась в такую земельную категорию благодаря возвращению государству части купленной у него земли[3].

В нашем распоряжении имеются некоторые документы, свидетельствующие о продаже, правда, небольших, амляковых участков Худояр-ханом, что является ярким доказательством того факта, что верховный правитель мог распоряжаться амляковыми землями как своей безусловной собственностью.

Приведем пример. До Худояра дошли слухи о том, что население кишлаков Ак-тавук и Кият-кишлак осваивает амляковые земли, превращая их в свои мульки (частновладельческие земли). Хан немедленно послал чиновника для выяснения обстоятельств. Тот, прибыв в селение Ак-тавук, собрал аминов, аксакалов и стариков местностей Дихкантуды, Чарбаги-Турангу, Чимбай, Иштан-салды и обоих селений Ак-тавука. Они показали чиновнику 22 джуфта (джуфт-и гав) государственных земель («زمين مملكه»). Чиновник установил факты присвоения и приобщения к своим землям жителем кишлака Ак-тавук Муллой Маъруфом двух джуфтов земли и уроженцем селения Беш-арык Садыком также двух джуфтов земли, кроме того, превращения в вакф населением одного квартала Кият-кишлака около четырех джуфтов амляковых земель в пользу кишлачной мечети. Посланец хана привел аминов и аксакалов указанных кишлаков к нему в урду и доложил хану о положении дела. Хан заставил чиновника выяснить причины самовольного изъятия населением амляковых земель[4].

По требованию чиновника (второй раз прибывшего на место) виновники, согласно документу, дали следующее разъяснение: «Упомянутые выше Мулла Маъруф и Мухаммад Садык сказали, что находившиеся в наших руках по два, а всего четыре джуфта амляковых земель являлись пустопорожней, засоленной и уже много лет брошенной [землей]. Решили мы не оставлять ее в таком состоянии и сделать пригодной к обработке, почему и пахали ее и постепенно приступили к посеву. Мы, однако, не трогали ее в целях превращения в собственность [мульк]. Земля, как и население, принадлежит Его Величеству. Как он решит [вопрос], это его дело, мы являемся покорными [его] рабами. А также и жители селения Кията сообщили, что, обрабатывая четыре джуфта засоленной земли, они доныне расходовали ее доходы на нужды мечети — приобретение масла для светильника, циновок и подстилок. Однако потрудились они во славу ее благоустройства. Земля принадлежит Его Величеству, ни с какой стороны мы касательства к ней не имеем»[5]. По указанию хана, чиновник, посланный для разбора спорного вопроса, продал эти земли тем лицам, которые их начали обрабатывать. Стоимость амляковых земель, находившихся во владении жителей Ак-тавука, была определена в 50 тилля, а указанных еще четырех джуфтов земли — в 20 тилля. Общая сумма в 70 тилля была внесена в казну хана[6]. Сверх того, чиновник, производивший операцию по продаже этих земель, три тилля получил от покупателей в свою пользу, предварительно попросив разрешения у хана на получение указанной суммы.

В другом донесении говорится, что, кроме восьми джуфтов земли, проданных за 70 тилля, еще 22 джуфта амляковых земель были оценены аксакалами и аминами в 50 тилля, причем вопрос, кому продать их, решал сам хан[7].

Таким образом, если так называемые государственные земли (правда, в данном случае не очень большие участки), представляющие засоленные, брошенные государством, негодные к обработке площади, в интересах благоустройства, а частью для удовлетворения нужд общества обрабатывались населением и превращались в полезные земли, то уведомленный об этом хан, не стесняясь, открыто продавал земли, являвшиеся собственностью государства.

Продажа государственных земель производилась и до правления Худояр-хана, например, его отцом Шерали-ханом. По свидетельству одного источника (донесения), Худояр-хан поручил чиновнику взять документ на мульковые земли у жителей местности Гург-тепе, проданные им Шерали-ханом, и возвратить из казны стоимость этих земель в размере 58 тилля. Эту операцию чиновник провел через кокандского казикалона с целью правильного оформления. Однако хан потребовал через своего чиновника самую старую васику (купчую). На это амины и аксакалы Гург-тепе ответили следующим образом: «Со времени начала основания селения Гург-тепе прошло 120 лет... Мы, бедняки, живя здесь в течение 90 лет, т. е. с периода, когда эта земля еще была мертвой, обрабатывая, засевали ее и в качестве землепашцев 1/3 часть урожая с этой земли мы отдавали прежним царям [правителям]. После этого вот уже 30 лет как мы выкупили землю у покойного отца Его Величества за сумму в размере 58 тилля, добились васики и стали хозяевами ее. Настоящая васика сейчас доставлена высокому престолу, и мы не имели документов от прежних более древних правителей, кроме покровителя [отца] Его Величества. В течение 30 лет, завладев ею, мы отдавали 1/5 часть урожая государству. Однако в течение 30 лет до настоящего времени жители-дехкане продавали ее друг другу, и документы [васики] о передаче из рук в руки у нас имеются»[8].

Судя по этому документу, земли, находившиеся во владении жителей сел. Гург-тепе, освоенные за 120 лет до времени составления документа, т. е. в середине XVIII в., были амляковыми. До основания селения земля была мертвой. Население указанного селения сделало ее годной к земледелию, а ханы получали от крестьян, вложивших огромный труд в процессе превращения мертвой земли в обрабатываемую, независимо от ежегодных сезонных работ, 1/3 часть урожая в виде хараджа или как арендную плату в течение всех первых 90 лет. В период правления Шерали-хана (1842—1845) крестьяне Гург-тепе купили у хана эти амляковые земли за 58 тилля, тем самым превратив их в категорию мульк, что позволило крестьянам покупать часть этой земли и продавать ее друг другу. Крестьяне теперь в течение 30 лет вносили в казну Худояра 1/5 часть урожая в виде хараджа. Купил ли хан эту землю или отнял ее насильственным образом, мы не знаем, ибо и то и другое он мог совершить в условиях, когда шла максимальная концентрация движимого и недвижимого имущества в руках хана в этих районах, на чем мы остановимся ниже.

Эти пока обнаруженные документы свидетельствуют о том, что верховный правитель мог распоряжаться амляковыми землями по своему усмотрению. Если он открыто мог продавать отдельные участки, то любая другая незаконная операция, конечно, также могла быть совершена.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что население без малейшей помощи государства, вложив огромный труд, превращало мертвые земли в продуктивные, после чего хан продавал их тем, кто сделал эти земли производительными. Так, документальные данные отвергают мнение некоторых крупных авторов 60—70-х годов прошлого века—А. К. Гейнса, А. Быковского и А. Ф. Мидендорфа—о том, что «земли ихъяи-алват (оживленные мертвые земли.— *Р. Н.*) принадлежат лицу, сделавшему их продуктивными на праве оживления, и в том, однако, случае, если лежат они от жилья на потерю голоса»[9]. Согласно утверждению А. Быковского, подданные, имевшие соответствующий капитал, могли даром брать подходящую землю и, возделав ее «посредством ирригации, делались через то полными владельцами земли»[10]. Как видно из приведенных данных, в практике Кокандского ханства, по крайней мере в пос-

ледний период его существования, даже небольшие участки негодных целинных, иначе говоря мертвых, земель не могли быть бесплатно освоены населением.

Второй широко распространенной категорией земли являлся мульк— земля, находившаяся во владении частных лиц, т. е. землевладельцев как крупных, так и мелких, количество которых было чрезвычайно большим. Эти земли продавались и покупались свободно владельцами соседних участков, почему они еще назывались зархарид (приобретенные путем покупки). Они подлежали обложению ханом или беком поземельным налогом — хараджем или танабаной, почему носили название мульки хараджи.

Известно, что мульковая земля, несмотря на то, что она покупалась и продавалась, не являлась собственностью владельца в полном смысле этого слова. Здесь заслуживает внимания утверждение одного из русских очевидцев и наблюдателей А. П. Хорошхина, что право собственности в Фергане существовало для народа лишь номинально[11].

Мы пришли к аналогичному выводу, разбирая некоторые документы XVI—XVII вв.[12] Исследователь 70-х годов прошлого века М. Н. Ростиславов справедливо писал, что владельцу «по точному и глубокому смыслу закона принадлежит право не на землю как на предмет, на известную вещь, а только на ее произведения»[13]. Однако с полученного урожая владелец должен был отдать 1/5 часть в пользу правителей в виде хараджа с зерновых культур и танабана с садово-бахчевых. Следует отметить, что 1/5 часть урожая и более взималась с орошаемых земель, а с земель лалми (богарных), находившихся в Маргилане, Андижане, Оше, Сохе, Араване и других округах у предгорий и в горах, вносили, по словам Н. Пантусова, харадж в размере 1/10 части урожая[14].

Харадж и его разновидность танабана, находившиеся в полном распоряжении хана или бека, могли быть пожалованы различным людям. Имеющиеся документальные данные свидетельствуют о довольно широком распространении таких пожалований в последний период существования Кокандского ханства.

Бесконечные поражения кокандских войск в войне с царскими войсками, их слабость, неорганизованность, господство феодального принципа в организации армии, что было одной из главных причин небоеспособности войска, заставили хана задуматься над улучшением организации войск, лучшим материальным обеспечением не только крупных, но и мелких военачальников, а также рядовых воинов. В ханстве было издано положение (к сожалению, нам не удалось установить время его появления), согласно которому хан выдал соответствующие ярлыки, а в бекствах -- паты об освобождении военнослужащих от хараджа или танабаны. Конечно, размеры пожалования были строго определены. О том, что это положение было издано специально для войска, свидетельствуют, кроме конкретных многочисленных примеров, касающихся военнослужащих, особые слова, подчеркнутые в документах. Например «از روی تعامل بدستور هرساله» (согласно обычаю в ежегодном порядке) или еще яснее «بتعامل عسکریه و بدستورهرساله» (по войсковому положению и в ежегодном порядке) и т. д.

Приведем несколько примеров. В изданном в 1285 (1868—1869) г. ханском фирмане на имя брата Худояра Султана Мурад-бека, правителя Маргиланского округа, писалось, что военнослужащие Исматалибатур, Сулейман-мерген и Сиддик-мерген из группы (подразделения «توب») Гайбуллы-юзбаши, а также Нияз, Джума-бай, Худайберды,

Мухаммад Муса, Газы и Хикматулла-мергены из подразделения Қалан-дара-юзбаши имеют в местности Бесарон по мере состояния харадж и танаб. Согласно существующему положению, не следует трогать (требовать) доли их хараджа и танабаны с условием, если принадлежавшие им земли являются наследственными мульками («بشرطیکه ملك میراثی باشد») или купленными ими землями («و یا زرخرید خود باشد»). Кроме того, в документе указывалось, что если по каждому виду зерна харадж превышает 10 чайриков, то с излишков следует взимать[15].

Другой документ представляет собой также фирман Худояр-хана на имя брата Султана Мурад-бека от того же 1285 (1868—1869) г. об освобождении от хараджа и потанабного сбора владельцев мулька, засеянного дынями и клевером, Карим-кули, Мухаммада Иса, Мухаммада Мусо, Мухаммада Қасыма батуров (воинов) из группы (подразделения) Абдурахмана-юзбаши, числившихся в команде («دسته») Нормухаммада-пансата, при условии, если земля состоит из наследственного мулька или приобретенного им самим. Освобождались от хараджа зерновые культуры, урожай с которых не превышал 10 чайриков, а клеверные поля — до четырех танабов[16]; с урожая, получаемого каждым из этих военнослужащих больше указанных в документе размеров, харадж и танабана взимались[17].

В некоторых случаях военнослужащим жаловалась половина потанабного сбора. Примером может служить документ маргиланского бека Саида Султана Мурад-бека своему сыну, одному из подчиненных местных правителей, Саиду Мухаммадали Акбар-беку от 1286 (1869—1870) г. В этом документе указывалось, что Азиз-ходжа есаул, Максуд-ходжа есаул и Абдурахман-ходжа являются сарбазами высокого двора и имеют все они по мере состояния земельные площади по арыку Карбобо. При условии, если они числятся в книге и земли являются их, то согласно существующему положению следует освободить их от половины потанабного сбора[18].

Судя по многочисленным документальным данным, этот вид пожалования площадей назывался тарханное пожалование и широко практиковался по всему ханству, где жили военнослужащие, в том числе и рядовые, как центрального правительства, так и бекств. Для подтверждения нашего мнения мы приведем лишь несколько примеров. Так были освобождены ханским указом от поземельных податей следующие лица при вышеуказанных условиях в разных местностях Маргиланского округа: в 1286 (1869—1870) г. 2 военнослужащих в районе Маргилана, 9 военнослужащих в местности Джулка, 21 военный в местности Кукджар и Джулка, один военный в местности Шахар-тепе, один в местности Кара-Джигда, один из племени канглы, один в местности Волик, один в местности Кува («قبا»), один в местности Кара-тепе, несколько военных в сел. Гулифон («کلیفان»), группа военных в местности Мингтепе, несколько военных в местностях Кува и Аштархана, еще одна группа военных в местностях Буткачи, Бесарон и Рамадон[19].

Таким образом, этими ханскими фирманами, изданными в 1286 г., по Маргиланскому бекству были освобождены военнослужащие, имеющие земельные угодья — наследственные мульки или приобретенные ими (зархарид) земли.

Разумеется, если рядовые воины — мергены и батуры — имели такие привилегии, то льготность положения командного состава была более значительной, однако по этому вопросу, к сожалению, документальных материалов недостаточно. Между тем документы свидетельст-

вуют о том, что, несмотря на многотысячный отряд тарханов, общее процентное отношение пожалованного им хараджа к доходу хана или бека по земельным налогам было не очень велико.

Кроме военных, были и другие крупные и мелкие привилегированные землевладельцы из числа светской и духовной феодальной знати: это прежде всего члены ханского дома, а также правители местностей, чиновники центрального и удельного правительства, придворные чины, управляющие хозяйств ханского дома, крупные представители сельской и городской знати и духовенства.

Среди архивных материалов встречаются документы о пожаловании хараджа отдельным представителям указанных выше прослоек. Некий ишан Мир Абдурахим (халифа) провел арык из р. Сох для орошения своих земель. Умар-хан в 1232 (1816—1817) г. пожаловал ему этот арык и освободил его от государственных налогов (сделал его тарханом). В 1255 (1839—1840) г. Мухаммадали-хан освободил мульковые земли сына ишана Абдурахима Мулла Баба Махмуда, владельца вышеуказанного арыка, от государственных налогов. Далее Малла-хан в 1276 (1859—1860) г. подтвердил освобождение указанного арыка от налогов и утвердил его вакфом ханакаха данного ишана. Арык был превращен в вакф и утвержден несколько раньше одним из ханов, правивших между Мухаммадали-ханом и Малла-ханом, данных о котором пока не обнаружено. Только следует отметить, что в самом конце своего правления, в 1290 (1873—1874) г., Худояр подтвердил вакф и этой ханакаха.

Один из видных представителей духовенства ишан Миян-фазл Ахад, сын Миян Ахмада, купил в 1251 (1835—1836) г. сел. Мирза-Абад у некоего Мирзы Ядгара, сына Мирзы Раджаба, а в 1281/1865 г. Худояр жалует получение натуральных доходов (налогов) в пользу этого ишана. Несомненно, предшествующие правители также освобождали этого ишана от государственных налогов. Мавлоно Мир Абдурахим (возможно, указанное выше лицо) провел арык из Сырдарьи, около сел. Бута-Кара, северо-западнее Андижана и освоил новые земли, затем построил здесь мельницу. Шер Мухаммадали-хан в 1258 (1842—1843) г. превратил мельницу в мульки-халис, а его наследника Мир Мухаммада Амина Махмуда освободил от всех податей. Худояр-хан подтвердил это обеление.

Население кишлака Дарвиш-Абад, расположенного в районе Коканда, благоустроив это селение, возникшее в местности Ак-куль, обратилось с просьбой к Мухаммадали-хану об утверждении трехлетнего хараджа и танаба этого нового кишлака в вакф ханакаха Мавлоно Дарвиша, находящегося в г. Коканде в махалле Утаб-бакаула. Мухаммадали-хан утвердил хараджные и танабные доходы от этого кишлака в постоянный вакф ханаки. Впоследствии Малла-хан и Худояр-хан освободили от хараджа и танаба земли Халифы Азиз-ишана, отданные в вакф медресе Чукур-мечеть в Андижане.

Крупный наманганский шейх Ишан Мехман-хан тура, сын Ишана Ходжи Ишана Мавлави, построил в Намангане медресе и в 60-х годах XIX в. сделал для него вакф. Этому медресе и принадлежавшим ему предприятиям еще раньше, в 1275 (1858—1859) г., сделал вакф Мулла-бай, сын Парби-бая, в 1278 (1861—1862) г.—Мулла-бай, сын Исан-бая, в 1283 (1866—1867) г.— Мулла Мухаммад Расул Халифа, в 1290 (1873—1874) г.— Баба Мухаммад-бай агалык, сын Касыма-агалыка, и Расул-бай, сын Авез-бая. Указанный Ишан Мехман-хан и еще 5 человек в 1290 г. сделали вакф для шилана[20], подготовляемого при махалле Ишана Султан Малик-туры в Намангане. Султан Саид-хан в 1280 (1863—1864) г. и Худояр-хан в 1283 (1866—1867) г. освободили полностью все

эти вакфы от налогов. Следует иметь в виду, что не все вакфы были освобождены от государственных налогов. Освобожденные вакфы назывались «обеленными» («آق وقف»), а неосвобожденные — «черными» («قرا وقف»). В 1290 г. Худояр освободил от налогов мульки Ишана Мехман-хана. Оба хана дали тарханную грамоту на жителей махалли данного ишана.

Правитель Маргиланского округа Султан Мухаммад Мурад-бек в 1290 г. пожаловал Мулле Мухаммад Омару-кари харадж, взимаемый с пшеницы, принадлежавшей жителю местности Лаган («لاغان») Насрулле. Кроме хараджа, жаловался в пользу Муллы Мухаммада-кари и саман[21]. В другом документе (пате) от 1289 (1872—1873) г. Мулла Абдулджалил-мирзабаши указывал амлякдару местности на канале Ханарык на то, что сын некоего Муллы Султан-бая имел 2 чайрика хараджа от пшеницы и чтобы амлякдар не взимал его[22]. Имеется еще один документ, выданный неким Сеидом Азим-турой, в котором он поручал Мухаммаду Алим-инаку (амлякдару) взыскать с некоего Муллы Курбан-бека, имеющего на канале Ингичка 17 фарахов[23], харадж от джугары и отдать его в не в пользу государства, а дателю этого документа Сеиду Азим-туре[24].

Таким образом, эти документы свидетельствуют о том, что собственно харадж, взимаемый с амляковых земель, находящихся во владении отдельных лиц в качестве наследственного мулька или купленного под названием зархарид, жаловался в их же пользу.

Известно, что некоторые крупные представители правящей верхушки до прихода к власти Худояра владели отдельными округами ханства, превращенными почти в самостоятельные феодальные владения, и получая от них все доходы и даже имея крупные суммы вознаграждения от хана. Они за это хану, видимо, временами приносили подарки. Одним из таких лиц был Мухаммад Шариф-аталык, живший в правление Умар-хана и Мухаммадали-хана. «Мухаммад Шариф-аталык,—писал автор «Миратул-фтух»,— видел на протяжении десяти лет правления повелителя правоверных Мухаммада Умара Султана и еще на протяжении двадцати лет числился на должности военачальника (находился во главе армии) и носил титул «ханский дядя». Правление Наманганской областью, вместе с окрестностями и Междуречьем, которая имела около 30 тысяч динаров дохода от хараджа, танаба и закята, [принадлежало ему], к тому же еще он получал в виде награды за услуги 10 тысяч динаров из султанской казны. Жил он полновластным и счастливым. Однако в течение этого времени из числа благотворительных памятников он не построил ни одного медресе, или мечети, или моста, или другого чего-нибудь, поэтому его могущество пало»[25].

Известно, что харадж целых кишлаков жаловался ближайшим родственникам ханов, а также и служилым людям — представителям высшего класса общества, имевшим какие-то «заслуги» перед ханским домом. Так, например, Умар-хан в 1818 г., женившись на дочери Бахадур-ходжи, насильно переселенного вместе с братом Махмуд-ханом ходжой из Ура-тюбе в Коканд, пожаловал своему новому тестю подати с сел. Сарай (недалеко от Чуста) в пожизненное пользование, а Махмуд-хану ходже за устройство этого брака — кишлак Кош-тегерман (около Ходжента)[26].

Из числа наиболее крупных представителей духовенства в самом конце правления Худояра в источниках упоминается Ишан Сахиб-заде (он известен еще под именами Ишан Халифа и Имам Хазрата). Он в 1281 (1864—1865) г. по разрешению эмира Музаффара переехал из

Бухары в Коканд. Его торжественно встретили «все улемы, народные массы и баи». Согласно источнику, после его прибытия в Коканд богатство ханской казны увеличилось в «тысячи раз», так как благодаря покровительству этого «мудрого» ишана хан упорядочил государственные дела, окружил уважением улемов и людей пера — мирз. В 1285/1869 г. Худояр-хан лично присутствовал на похоронах ишана. Опоясав себя снаружи траурным поясом, держа в руках палку, он возглавил процессию, а когда толпа дралась за куски надгробных материй, то сам хан с посохом в руках, «став есаулом», разгонял толпу, завершая похороны[27].

Другие авторы тоже были высокого мнения об этом ишане. Они писали, что ишан имел сыновей и многочисленных мюридов и халифов. «Из-за уважения и учтивости я сделал этого господина [ишана] титулованным, также всех его преемников, сыновей и халифов, потомков, проживавших [всюду] до пределов города Оша»[28],— говорил хан.

Характерен торжественный переход этого крупнейшего представителя духовенства со своими сыновьями и крупными последователями из одного ханства в другое, именно в Коканд, как раз в период покорения царскими войсками Чимкента и Ташкента, т. е. тогда, когда Кокандское ханство теряло одну за другой важнейшие области. Для отвращения острейшего недовольства народных масс, о чем мы будем говорить ниже, хан вынужден был искать такую опору.

Подобные представители, как светской, так и духовной, феодальной знати, несомненно, были крупными собственниками и владельцами большого движимого и недвижимого имущества, в том числе и земельных угодий. Мы пока не располагаем конкретным материалом, характеризующим хозяйство указанного ишана. Однако факт строительства ишаном на третий год пребывания его в Коканде медресе говорит о его экономической мощи.

Другим крупнейшим представителем духовенства считался Халифа Азиз-и Намангани, которого в народе называли Ишаном Мажзубом (вдохновенным). Мусульманкул переселил его из Намангана в Междуречье и создал соответствующие условия. После разгрома кипчаков Худояр-хан переселил Ишана в Коканд и устроил его в местности Каландар-хана. Ему хан пожаловал селение, доходы с которого составляли около тысячи кокандских чайриков, т. е. пятисот бухарских манов[29], или более четырех тысяч пудов сельскохозяйственных продуктов.

Определенная часть земельного фонда Кокандского ханства являлась вакуфными владениями, доходы от которых поступали главным образом в пользу духовенства. В одном только Кокандском округе упоминается в известных нам документах 19 вакуфных кишлаков, которые обязаны были наряду со всеми кишлаками округа послать на хашар людей для работы в удельном владении хана в Ер-мечети, что составляло 6—7% общего количества кишлаков округа. Кроме них, были в округе и освобожденные вакуфные кишлаки и земельные вакуфные участки. Вакфом могли быть и торговые дворы, лавки, бани, мельницы, арыки, прислуга[30] и т. д.

Как амляковые, так и мульковые владения состояли главным образом из мелких хозяйств, парцелльных владений земледельцев, что обеспечивало относительно высокий урожай на базе беспрерывного вложения труда земледельца в течение всего сельскохозяйственного сезона. Мидендорф отмечал, что большинство землевладельцев имеет небольшие земельные участки от 1/3 до 2/3 десятин. По его словам, «собственник одной или двух десятин земли «оби» (орошаемой.— *Р. Н.*) уже богач, а кто имеет 15 десятин, тот почитает себя не беднее самого

хана»[31]. Следует отметить, что в архиве имеется значительный материал — хараджные и танабные дафтары,— убедительно подтверждающий парцеллярность владений большинства крестьянских хозяйств. Таким мелким хозяйствам соответствовало количество содержавшегося в некоторых хозяйствах скота.

Таким образом, значительную часть доходов ханства различными путями присваивала себе феодальная знать. Однако в исследуемый период мы не наблюдаем ни одного крупного землевладельца, равного по богатству Ходже Ахрару или джуйбарским шейхам.

По сведениям автора «Таснифи Гариб», Худояр-хан провел крупные мероприятия, направленные на упорядочение наследства. Это событие основательно задело почти все слои населения Ферганы. В последний период пребывания на троне (видимо, после заключения русско-кокандского договора) хан издал указ, отменявший купчии (васики), составляемые в течение всего его правления, по которым подлинные наследники лишались наследства. Указ обязывал провести оформление новых купчих с утверждением якобы равномерного распределения наследства. Этот акт вызвал бурю протеста, особенно среди духовенства. Высшая его знать, т. е. крупные кокандские, маргиланские, андижанские, ошские и наманганские улемы, хотела обратиться к хану с протестом против этого, по их мнению, противоречащего шариату акта. Однако боясь наказания со стороны Худояра за такую смелость, они, в конце концов, выполнили его указ и получили за составление новых документов денежные сборы в больших размерах. Доходы от этого мероприятия были настолько крупными, что, по словам автора «Таснифи Гариб», составили «отдельную большую казну». Такое поступление крайне заинтересовало хана, поэтому долго не прекращались дела в этой области, они явились основным занятием хана, беков и казиев[32].

Сущность этого мероприятия, отраженного еще и в труде Мирзы Алима, не совсем ясна. Какие обстоятельства заставили хана пойти на такой крупный, весьма опасный шаг в условиях всеобщего недовольства им народных масс и значительной части феодальной верхушки? Что из себя представлял акт равномерного распределения наследства между наследниками, по словам источника, противоречивший догмам шариата? Имелись ли какие-то зачатки новых, относительно передовых порядков в этом мероприятии, проводимом под влиянием России, пока определить трудно. Ясно одно — огромные денежные поступления от этого акта, засвидетельствованные источником, попадали как в карман казиев, так и через них в казну хана и беков, особенно если учесть широчайшее распространение в стране взяточничества. Обновление документов, практиковавшееся и до этого в Кокандском ханстве, всегда преследовало цель выявления объектов, в том числе земельных площадей, оставшихся без прямых наследников, которые могли поступить в государственный, следовательно, ханский фонд.

Что касается конфискации имущества отдельных крупных чиновников и других феодалов Худояр-ханом, то на этот счет имеются прямые факты. Например, в последнее правление Худояра представители крупной феодальной знати Абдулджалил-мирзабаши (на многочисленных документах архивного материала имеется его печать), Ата-кули Бахадур-баши, известный военачальник, и другие враждебные хану люди привлекались к ответственности и подвергались крупнейшим штрафам. Наказанные не в состоянии были собрать назначенный штраф и вынуждены были отдать в пользу хана все имущество, землю и воду, полученные от родителей в наследство. Автор «Таснифи Гариб», приводя эти факты, отмечает, что так обычно обращаются со своими близкими, до-

верными людьми[33], если власть правителя клонится к упадку. Враждебное отношение Худояра попеременно к различным феодальным кругам заставляет предполагать, что подобные акты конфискации имущества совершались довольно часто, что увеличивало богатства хана.

Стремление Худояра пополнить свою казну любыми средствами, особенно в последний период его правления, отмечено как документальными, так и нарративными источниками. «В последний раз, когда Худояр-хан сел на кокандский престол,— писал автор «Таснифи Гариб»,— богатства его изо дня в день становились все больше и больше. Ввиду перехода большинства областей к России доходы его сократились. Поэтому, разыскивая и собирая людей, способных находить богатства и заполнить казну, подобно доброжелателю Мулле Иса Аулии, он обогатил казну. Думал хан, что не будет воевать с Россией, будет давать ей налоги и пошлины. Поэтому будет возможность увеличить деньги, ибо отсутствует враг с других сторон»[34]. В период третьего правления Худояра его богатства возросли «в тысячу раз»[35].

Увеличение посевных площадей, приносящих хану большие доходы, происходило в известной мере путем проведения оросительных работ и строительства новых каналов.

Период существования Кокандского ханства характеризовался как раз значительным развитием ирригационных работ. В первой половине XIX в., когда Кокандское ханство достигло своего расцвета, были построены каналы, способствовавшие освоению новых земель, появлению новых населенных пунктов.

Мы, разумеется, в этой работе не будем подробно освещать специальный и весьма большой вопрос об ирригационных работах кокандских ханов, коснемся его лишь настолько, насколько это необходимо.

Умар-хан, по сведениям автора «Ануджум-ат таварих», провел большой канал из Сырдарьи, начало которого находилось около Узгенда, а конец — между Андижаном и Маргиланом, где было основано сел. Шахрихан[36]. При этом же хане за 3 года был прорыт и затем в течение 10 лет расширялся и углублялся Янги-арык. Он был выведен из р. Нарын и орошал земли Наманганской области. Остатки воды канала временами вливались в Карадарью вблизи Киргиз-кургана в виде крошечного ручейка. Работой по проведению канала руководил наманганец Уста Исан-бай. Янги-арык, по словам В. Наливкина, был прорыт по настоянию крупных землевладельцев, поля которых засевались лишь один раз в пять и более лет из-за недостатка воды. Наманганские каналы Хан и Зарбак, выведенные ниже Янги-арыка также из Нарына, старее последнего и по величине несколько меньше его[37]. Сведения Мидендорфа о проведении этих каналов Рискул-беком в 1803 г. имеют, несомненно, под собой почву. Видимо, наманганская знать тогда еще пыталась осуществить это мероприятие.

Мухаммадали-хан вывел из Сырдарьи в местности Иламиш-мазар более чем 30-километровый (4 фарсаха) канал шириной не менее 12 *м* (8—10 кулач, т. е. маховых саженей), глубина которого местами достигала трех метров. Этим каналом орошалась на левом берегу Сырдарьи определенная земельная площадь, отданная населению (по два танаба) в порядке подсобного владения «نام ارقا» на правах хараджных земель («ملك خراجى»)[38]. При нем оросительные работы проводились и в Голодной степи в районе Дальверзина.

Согласно сведениям Муллы Нияз Мухаммада, Худояр-хан на одиннадцатом году своего правления провел канал Чин-Абад и в конце его основал сел. Бахар-Абад[39]. Кроме арыка Мусульманкула на пути из

Намангана в Андижан, упоминается еще Хан-арык. Мулла Аваз Мухаммад писал: «На пути в Наманган проводил [Мусульманкул] из Сыр-Дарьи огромный канал и хотел построить город, но он не был завершен»[40].

Значительность размеров каналов была отмечена и А. И. Бряновым[41]. «Мосты через Мусульманкул и ханские арыки, (размерами своими похожие на большие хивинские арыки), уничтожены неприятелем на пути нашего отряда к Андижану»[42],— писал один из военных обозревателей. Если такое представление об этих каналах создалось у увидевшего их иностранца, проведшего аналогию с хорезмскими каналами — Палваном, Шах-Абадом, Газаватом,— то некоторые из них действительно были крупными.

Мы имеем в ряде местных источников и у русских авторов интересные сведения об этих каналах, в частности о самом крупном Ферганском канале Улуг-нахре. О нем писали Мулла Нияз Мухаммад, Мулла Аваз Мухаммад, Мулла Мирза Алим, Мухаммад Ризо и др. По словам Муллы Нияз Мухаммада, «превосходный высокоступенный источник изобилия хан (Худояр-хан.— *Р. Н.*) в интересах мусульман и в качестве помощи аристократии и простонародью провел из реки Сыра, известной под именем Сайхун, канал, подобный морю и райскому пруду Кавсар, которым озеленил большое пространство, ...построив города и деревни, благоустроил Фергану — страну Ислама»[43].

Академику Мидендорфу удалось уточнить на основании документов историю строительства Улуг-нахра, названного им «одним из величайших каналов своего времени в Фергане»[44]. Он использовал ценный материал ферганского ирригатора капитана Ивана Устиновича Жилина, которому в 1877 г., через год после захвата Ферганы, еще до назначения его на указанную должность[45], было поручено представить отзыв об Улуг-нахре, после чего на него возлагалась нивелировка соответствующих полос канала. Сам Мидендорф со своими подчиненными видел только что прорытый канал с его ответвлениями и был свидетелем процесса освоения новых земель.

По словам Мидендорфа, правитель Маргиланского округа, Устам-бай из Файз-Абада[46], провел в 1853 г. канал до Дувана-рабата[47] и поселил там 300 семейств. Однако через три года Устам-бай умер. Пользуясь этим, файзабадцы (видимо, его родственники и близкие) направили воду к себе, а оставшиеся без воды переселенцы покинули эту песчаную местность. Таким образом, орошение сел. Алты-арыка и его района в начале века и проведение канала в середине века явно свидетельствуют о значительных усилиях по орошению южных границ обширной пустыни Центральной Ферганы. Однако самый грандиозный план орошения юго-восточной части этой пустыни задуман был в конце 60-х годов XIX в. в последнее правление Худояра. Этому способствовало покровительство Худояру царской России и временное затишье на политическом горизонте. План состоял в том, чтобы провести большой канал из Сырдарьи (Карадарьи) выше слияния ее с Нарыном, улучшить водоснабжение Андижанской области, особенно ханских земель, находившихся в этом округе, и оросить северо-западные пустынные районы Маргилана.

Академик Мидендорф следующим образом характеризует этот план: «В 1868 г. Худояр-хан приказал оросить пустынную полосу к северу от Ясявана (Яз-Явана) и Кара-тепе, ограниченную на востоке (северо-востоке.— *Р. Н.*) Балыкчи и Шахрихана — и притом так, чтобы лежащие далеко к западу и юго-западу Алтын-булак и Дувана-рабат, равно как и площадь Шай-Мардан (на севере от Караул-тепе), были

сделаны пригодными для культуры. План состоял в следующем: провести канал в южную половину солончаковой и песчаной пустыни и оросить им поверхность более чем в 600 кв. верст, ибо хотя 100 кв. верст были бы совершенно недоступны для обработки, однако снабжение водою столь же большой полосы лишенной живительной влаги поверхности, тянувшейся по Ясявану, Гандым-кану, Кара-Итыку и до Кара-Джиды, послужило бы возмещением, если даже не считать принадлежащих Дуване полей»[48]. Однако, как мы увидим ниже, этот поистине грандиозный для Ферганы того периода план полностью не был осуществлен вследствие недостаточно высокого уровня ирригационных навыков специалистов. Тем не менее это предприятие вызвало восторг у тогдашних крупнейших европейских ученых. «Замечательно то, что задались отважною мыслью,— продолжал Мидендорф,— провести воды из глубоко врезавшегося места долины на столь большое расстояние, хотя и понятия не имели о неизбежных предварительных исследованиях»[49].

На предполагаемой трассе канала работа началась в августе 1868 г. На участок деревни Мир-Абад, к северу от Андижана, были мобилизованы «из всей Ферганы» на 3 года 4000 тыс. мардикаров, каждый из которых должен был отработать два месяца. Этими силами в первый год работы канал был доведен до Шахрихана на расстояние 30 верст, на второй год канал достиг местности, находящейся в трех верстах восточнее деревни Курген-ташмет, расположенной в двух километрах юго-западнее селения Кара-тепе (т. е. канал был доведен до местности, находящейся в 25 верстах северо-восточнее Маргилана). На третий год пущенная в новый канал вода не пошла дальше деревни Джуги. Пришлось изменить плановое направление: русло канала направили в сторону Кара-тепе, но и этот вариант оказался неудачным. Таким образом, при общей длине проведенного русла в 55 верст на 46 из них вода прошла.

Неудачна была и дальнейшая попытка провести воду более мелким каналом с юга после подмывания дамб и прорыва дороги Маргилан—Наманган около площади Куюк. «Работа на этом остановилась, хотя проект был выполнен едва наполовину»[50]. Улуг-нахр тогда же был разветвлен и прежде всего обеспечивал земли самого хана. На участке вновь орошенной земли между Андижаном, Маргиланом и Наманганом появился ряд селений, названных именами членов ханского дома и видных чиновников. Туда насильственно переселяли сотни и даже тысячи семейств, на чем остановимся ниже.

За последние годы в некоторых работах, посвященных истории ирригации Ферганской долины[51], в известном отношении суммируются некоторые данные (правда, использованы далеко не все сведения местных источников), особенно собранные молодыми авторами устные сведения от населения тех местностей, где пролегала трасса канала. Они представляют определенную ценность. Однако позволим себе не согласиться с попыткой некоторых авторов приписать плановую основу разрозненным мероприятиям правящей ферганской верхушки, осуществляемым почти в течение 70 лет, и искусственно преувеличивать значение отдельных, правда, весьма важных объектов. Например, в одной из статей читаем: «Создание канала (Улуг-нахра) по существу было продолжением комплекса мероприятий по орошению новых земель в южной и восточной частях Ферганской долины, которые были начаты еще в начале XIX в.»[52]. При острейшей социально-политической обстановке в ханстве, характеризующейся беспрерывной враждой между представителями феодальной верхушки, которые зачастую сознательно уничто-

жали все, сделанное своими предшественниками, такой «комплекс мероприятий», рассчитанный почти на целое столетие, не мог появиться. Не следует искусственно преувеличивать размах ирригационных мероприятий ханов, хотя на востоке долины он был значителен. Еще А. Кун писал: «Все сельское хозяйство держится горными реками. Из реки Сырдарьи весьма немного селений пользуются водой для своих пашней и более те, которые лежат в верховьях реки»[53].

Как известно, на Востоке, в том числе и в Средней Азии, продуктивность земли зависела от искусственного орошения и «права на владение землей» обусловливались «владением оросительною водою», что было отмечено русскими авторами[54].

Поскольку каналы проводились ханами в целях увеличения посевных площадей главным образом за счет освоения новых амляковых земель, то они являлись собственностью не общества, а феодального государства, в котором верховным собственником был хан. В мероприятиях ханов, в том числе и Худояра, в области орошения, которое способствовало увеличению доходов ханства, был заинтересован прежде всего сам хан и его феодальная опора. «В видах увеличения доходов с ханства,— писал Л. Соболев,— Худояр предпринял некоторые серьезные работы по сооружению значительных каналов для орошения тех мест, которые до того времени не были орошены и оставались невозделанными»[55]. О распространении собственности и владений отдельных лиц на оросительные сети в Кокандском ханстве имеются прямые данные. Например, по свидетельству А. К. Гейнса, аулие-атинский казий, занимавший эту должность 40 лет, имел документ на арык, который достался ему по наследству от отца[56]. Старший аксакал имел также свой арык, орошавший земли в размере 15 кошей. Арык был построен аксакалом лет за 13 до прибытия сюда в 1866 г. А. К. Гейнса, т. е. в 1853 г. Этот арык использовался аксакалом «беспрепятственно». Он же в 1866 г. совместно с закятчи провел еще один арык.

Если факты свидетельствуют о явной принадлежности арыков отдельным землевладельцам, которые отдавали их в аренду крестьянам (крестьяне в таком случае воду покупали), или об использовании оросительной воды полностью для нужд хозяйства самого владельца, то о принадлежности больших каналов крупным феодалам, какими были ханы, беки, везиры и другие, если особенно они строились по их инициативе для орошения целинных земель, сомнения нет.

Таким образом, путем орошения пустынных земель посевные площади в ханстве увеличивались, если не считать земель, покрывавшихся наступающими песками, что наблюдалось в тот период на западе от столицы, в районе сел. Дехкан-туды. Между тем в результате постоянных внутренних войн, почти не прекращавшихся в Фергане в последнее десятилетие существования Кокандского ханства, т. е. и после заключения договора с царской Россией, разрушались оросительные системы, выгаптывались возделываемые поля, восстановление которых вызывало потребность в дополнительном труде народных масс. Однако проведение новых оросительных работ значительно увеличивало доход хана и его дома.

Среди архивных материалов, относящихся к Фергане, имеются документы, свидетельствующие о нахождении во владении или собственности отдельных членов ханского дома недавно освоенных земельных участков, для благоустройства которых расходовались взимаемые с сидевших на них крестьян поземельные налоги. Так, Сеид Мавлян-бек дал письменное распоряжение сборщику налогов Домулле Назару о невзимании потанабного сбора с сидевших на его Мавлян-бека новоосвоен-

ном земельном участке (чеке) в местности Ташлак крестьян, который должен был расходоваться для благоустройства самого чека[57].

Речь в данном случае не идет об освобождении от танабного налога новых земель, принадлежавших царевичам, а об использовании его для благоустройства самих этих участков. Может быть, только в первые годы освоения совершенно пустых земель владетели были вынуждены давать известные льготы переселенцам, которые всегда разорялись. В этом отношении заслуживает внимания мнение Мидендорфа о том, что «ханы облагали лишь половиной сбора виноградники и люцерновые поля только в год заложения их, ибо в первый год они не давали никакого дохода»[58].

Необходимо отметить, что все значительные работы, выполненные населением края, осуществленные примитивным первобытным способом, не говорят о каком-то решении проблемы освоения крупных целинных массивов, каким, например, являлась Центральная Фергана. «...Остается много пустой, невозделанной земли, составляющей еще не тронутое богатство края»[59],— писал русский обозреватель.

Кокандское ханство состояло из ряда округов — вилайятов, которые управлялись беками, назначенными ханом. В правление Худояра после потери большой территории (Ташкентского бекства, Ура-тюбинского и Ходжентского вилайятов), видимо, проведено было новое административное деление с учетом интересов ханского дома. А. Кун, бегло останавливавшийся на этих вопросах, писал: «Современное подразделение страны произошло во время правления Худояр-хана. Оно сложилось из родственных связей хана»[60]. Однако далее мы видим при этом, что экономические интересы самого хана занимали первостепенное значение. Ханство было разделено на бекства и саркарства. А. Кун в своей работе называет следующие 15 бекств (областей): г. Коканд с его областью, управляемый самим ханом, Маргиланское, Шахриханское, Андижанское, Наманганское, Сохское, Махрамское, Булак-башинское, Араванское, Балыкчинское, Чартакское, Наукатское, Касанское, Чустское и Баба-дарханское[61]. Кроме них, в литературе упоминаются следующие 6 саркарств: Ассакинское, Маргиланское, Балыкчинское, Ошское, Сохское, Касанское[62] и в качестве самостоятельной единицы — Узгенд[63].

По словам А. Куна, первые семь (кроме Кокандского) самых крупных бекств были отданы ханом в управление своим сыновьям и родственникам. Остальные образовались позже и были выделены из главных. Правители областей в свою очередь выделяли часть своих владений детям. Примером может служить отдача маргиланским беком Султаном Мурадом сел. Арабан с несколькими близлежащими к нему поселками своему сыну, который впоследствии стал управлять ими самостоятельно[64].

Судя по тому, что некоторые административные единицы назывались одновременно бекствами и саркарствами (Маргиланское, Сохское и др.), нам кажется, что в этих бекствах были специальные участки, охватывающие, возможно, ряд селений и называемые саркарства, на которые не распространялась власть бека. Все эти шесть саркарств, возможно, и Узгенд, где по имеющимся данным хранилась казна хана, наряду с Кокандским вилайятом находились в прямом пользовании хана. А. Кун следующим образом характеризовал эти саркарства: «Независимо от поименованных бекств,— писал он,— в ханстве находилось несколько больших селений, которые, не будучи подчинены бекам, соответственно управлялись самостоятельно, поставленными ханом сборщи-

ками податей — саркарами, назначавшимися преимущественно из бывших рабов»[65].

Вассальное отношение беков к хану заключалось в том, что беки обязаны были обеспечивать всем необходимым хана во время его проезда по бекству, преподносить ему подарки, выступать со своими войсками во время войны, выполнять все приказы хана, обеспечивать все его требования, поступающие непосредственно и через чиновников и т. д. Во внутренних делах бекства они были самостоятельными, за исключением права смертной казни.

Несомненно, одной из основных статей доходов хана и его наместников — беков, в большинстве из числа членов ханского дома, являлись харадж (взимаемый с зерновых культур) и танабана или просто танаб (взимаемый с земель, находящихся под бахчевыми и огородными культурами).

Еще в литературе 70-х годов прошлого века было отмечено, что налоги в ханстве взимались не везде одинаковым способом. В некоторых местах их получали сборщики, поставленные ханом или беком, а в других — весь сбор отдавался в аренду. Второй способ предпочитался первому[66].

В ханстве широко была распространена продолжавшаяся на всем протяжении эпохи феодализма в Средней Азии, временами крайне разорявшая народные массы откупная система в области экономической и хозяйственной жизни[67]. Эта по своему характеру весьма разорительная для трудящихся система охватывала многие доходные статьи поступлений — как с сельских местностей, так и с городов ханства. Аренда («اجاره») начиналась с отдачи в обработку мелких земельных участков или с мелких лавок до отдельных налогов целых областей или доходов крупных базаров в больших городах. Любой собственник или владетель, воспользовавшись этим методом, мог получать положенное ему, а арендатор ни на минуту не забывал о своих интересах. «...Между сартами есть такие,— писал один из наблюдателей,— что берутся распахивать известное число кунлюков (кунлюк — 2 танаба) из-за 3 или 4 части урожая или за деньги»[68].

Здесь мы видим, что мелкие земельные участки отдавались владельцами для обработки крестьянам, которые получали, согласно договоренности, 1/3 или 1/4 часть урожая или расплачивались с хозяином деньгами. Пункты арендного договора, несомненно, зависели от условий земледелия — обеспеченности водой, качества почвы и т. д. Ведь и в Фергане земли (почва) в качественном отношении делились, в основном на четыре группы. По сведениям автора «Таснифи Гариб», после ликвидации Кокандского ханства по поручению военного губернатора были мобилизованы мусульманские землемеры (танабчи) для обмеривания земель и составления книги по Ферганской долине, которые определяли земли по четырем категориям — аъло (самая лучшая), авсат (средняя), адна (низкая) и кайрак-ер[69]. Естественно, мусульманские землемеры исходили из существовавшей практики.

К сожалению, нам трудно установить по документам общий доход хана по всему ханству, поступающий от земельного налога, ибо не сохранились ни арендные договоры, ни другие документы, характеризующие эти налоги по всем округам ханства. В нашем распоряжении имеются документы лишь по некоторым местностям, относящиеся к последним годам существования ханства. Рассмотрим их.

1. По договору, заключенному с Зикрией-саркаром об аренде налогов с зерновых продуктов Ошской области (саркарства) в 1289/1872 г., в пользу хана должны были взиматься налоги в следующем размере[70]:

Название зерна	*Количество зерна, в чайриках*	*На какую сумму, в теньга*
Пшеница	10 000	129 500
Шала (неочищенный рис)	1 000	10 000
Простое зерно (джугара, просо, и др.) — «أغلة»[71]	12 000	72 000
Масличный лен (зигир)	1 000	21 000
Итого	24 000	232 500

Фактически же этот налог взимался указанным арендатором в больших размерах (на 2 тыс. чайриков зерна получено больше, чем указано в договоре)[72]:

Название зерна	*Количество зерна, в чайриках*
Пшеница	11 000 (с каждого чайрика пшеницы было получено по одной теньга в качестве саман-пули, т. е. 11 тыс. теньга)
Масличный лен	1 000
Шала	1 000
Простое зерно (черное)	13 000
Итого	26 000

В русской литературе середины XIX в. (1849 г.) говорится, что г. Ош со своим округом дал хану за год следующий доход (харадж): пшеницы 1000 чайриков, ячменя 1000 чайриков и джугары 10 000 чайриков, всего 12 000 чайриков зерновых продуктов[73]. Мы не видим здесь выращивания таких культур, как шала, от которой в 70-е годы получено было по Ошу 1000 чайриков хараджа, и льна (зигир), который давал почти такой же урожай. В 10—11 раз повысился урожай пшеницы по сравнению с данными середины века. Остался приблизительно на том же уровне урожай от простых зерновых культур (джугары, ячменя), идущий главным образом на нужды бедного населения. Объем всего полученного хараджа с этого крайнего пункта ханства более чем удвоился. Можно предположить усиление налогового обложения в ханстве, однако рост посева зерновых культур за счет наиболее дорогостоящих очевиден. Трудно, конечно, сказать, что это развитие происходило в связи с расширением оросительных работ, или за счет организации специального саркарства хана, или же за счет сокращения других, например, бахчевых культур, в связи с необходимостью увеличения зерна после потери ханством северо-западной территории.

2. Харадж селений Лаган, Аввал, Супан, Валик, Тамаша определялся в размере 20 930 чайриков зерновых продуктов, на общую сумму 138 500 теньга и был отдан в аренду Мухаммаду Фазылу-саркару.

3. Харадж местностей с богарными землями Туя-Сар, Ходжа-арык, Кук-Джар, Тахтак определялся в 1465 чайриков зерновых продуктов на сумму 403 тилля. Он был отдан в аренду Тилла-баю саркару.

4. Часть хараджа сел. Арабан в размере 5000 чайриков зерновых продуктов на сумму 1460 тилля была отдана в аренду Мирзе Касыму-саркару.

5. Другие части хараджа того же сел. Арабан, определенные в целом в 21 950 чайриков зерновых продуктов, на общую сумму 6200 тилля были отданы в аренду 5 амлякдарам[74].

6. Третья часть хараджа того же селения, т. е. харадж только с богарных земель, подчинявшихся сел. Арабан, определенный в 1750 тилля[75], была передана в аренду Мулле Мухаммаду Шакиру-саркару.

7. Харадж с селений Шиман, Мунка-тай, определенный в 2550 чайриков зерновых продуктов, на сумму 593 тилля был отдан в аренду Якубали-саркару.

8. Харадж сел. Тепа-кургана в размере 4400 чайриков зерновых продуктов на сумму 836 тилля был отдан в аренду Сарымсаку-саркару

9. Харадж сел. Қара-курган в 7000 чайриков зерна на сумму 1570 тилля арендовал Мухаммад Рахим-саркар.

10. Харадж сел. Кубы (Қувы) в размере 11 500 чайриков зерна на сумму 70 640 теньга был отдан в аренду Мулле Мухаммаду-саркару[76].

11. Кроме того, приводится харадж собственно города («غلات شهر»). Видимо, это был харадж, взимаемый с земельных участков самого города, в размере 40 000 чайриков зерновых продуктов на общую сумму 236 440 теньга, отданный в аренду Мулле Алиму-саркару[77].

12. Аренда хараджа сел. Минг-тепе определялась в 5000 чайриков зерном, 1/5 часть которого должна быть пшеница (арендатор Мирза Абдулкадыр-амлякдар).

13. Аренда хараджа селений Хуканд-кишлак и Джукан в размере 12 000 чайриков зерна, из них 1/5 частью — пшеница (арендатор Баба-рахим-саркар).

14. Аренда хараджа селений Уч-курган, Қата-тепе, Гулифон, Науканд, Яильма, Қараван, Туя-буюн, Джулка, Қавзир («كوطر»), Наукат, Найман зерном в размере 16 800 чайриков (арендатор Фазыл-саркар).

15. Аренда хараджа богарных земель, отданная Сахибу-саркару в размере 5000 чайриков зерна.

16. Аренда хараджа Джуй-Аштарханы и Қара-аксакала зерном в размере 1000 чайриков (арендатор Бахадур-баши).

17. Аренда хараджа Джуй Яз-Явана зерном в размере 1400 чайриков (арендатор Наиб-бай и 12 джизакских тюра).

18. Аренда хараджа сел. Файз-Абад зерном в размере 2500 чайриков (арендатор Саид Мавлан-бек из ханского дома).

19. Аренда хараджа Джуй-Лангара зерном в размере 500 чайриков (арендатор Саид-хан тюра худайчи).

20. Аренда хараджа Джуй-Арсифа зерном в размере 400 чайриков (арендатор Ишан-тюра Аскбади).

21. Аренда хараджа Джуй-кучкарчи зерном в размере 300 чайриков (арендатор Ишан-ходжа).

22. Аренда хараджа Джуй-Буткачи («جوی بوتقچی») и . . . («ازل کستان») зерном в размере 880 чайриков (арендаторы одиннадцать человек во главе с мирзабаши).

23. Аренда хараджа Джуи-Палмана зерном в размере 500 чайриков (арендаторы — семь человек).

24. Аренда хараджа Джуи-Айрибаза зерном в размере 400 чайриков (арендатор шейхулислам).

25. Аренда хараджа Джуи Кара-тиканчи («جوی قرانیکنچی») зерном в размере 400 чариков (арендаторы Саранджи-пансадбаши и еще три человека).

26. Аренда хараджа сел. Буза-хур зерном в размере 300 чайриков (арендатор Мирза-и хурди-саркар).

27. Аренда хараджа Джуи-кошчи зерном в размере 2500 чайриков (арендатор Шах-мирза эшик-агаси вместе с военным отрядом).

28. Аренда хараджа сел. Бури зерном в размере 2000 чайриков (арендатор Мулла Умар Узак-дадха вместе со своим военным отрядом).

29. Аренда хараджа Наукат-Поён зерном в размере 2500 чайриков (арендаторы Абдурахман-эшик-агаси и Джаббар-кули вместе со своими военными отрядами).

30. Аренда хараджа Джуи Кунгурада и Джуи Алты-бая зерном в размере 500 чайриков (арендатор Убайдулла-бек дадха вместе с военным отрядом)[78].

Таким образом, харадж Оша и некоторых юго-восточных районов долины состоял из 196 675 чайриков зерновых продуктов, или если чайрик считать за 5 пудов[79], то — из 983 375 пудов хлеба, общая сумма которого составляла около 2 млн. теньга, что ежегодно взималось с указанных сел[80]. Кроме того, харадж с таких редких культур, как мак и хлопок, производимых в районах Маргилана и Арабана в размере 3313 чайриков, равнялся в общей сложности 49 100 теньга[81].

Следует отметить, что арендные условия были строгими, казна получала точные отчеты от арендаторов, подсчитывались все статьи расходов, произведенных по разрешению правителей арендаторами, определялась сумма недоимок. Так, один из арендаторов Оша Зикрия-саркар из общего количества арендованного хараджа 24 000 чайриков зерновых продуктов стоимостью в 232 500 теньга отпустил 26 войсковым частям и подразделениям 21 825 чайриков хараджного дохода на общую сумму 115 970 теньга — по бератам. Он же отпустил или израсходовал без документа (без паты) на разные нужды хана (поездка в Ош, жертвоприношения мазарам, чтецам Корана, расходы на различные подарки и т. д.) 37 500 теньга. В целом Зикрия-саркар отчитывался перед ханом за 218 500 теньга из общей арендной суммы хараджа 232 500 теньга, а за ним оставалось 14 000 теньга[82].

Следовательно, документы подтверждают мнение Мирзы Алима, высказанное им в связи с восстанием под предводительством Пулат-хана, о том, что последний, собирая писцов, расследовал и проверял оставшиеся у населения недоимки по хараджным и танабным сборам, по гуза-пули, ковун-пули и др.[83] Подобные ревизии проводились часто, особенно в конце года, всеми правителями, в том числе и Худояр-ханом и его наместниками.

В литературе указывалось, что широко распространенный в Ферганской долине харадж определялся в 1/5 часть всего урожая. Но вместе с тем имелись факты взимания правительством хараджа в размере 1/3 части урожая и даже до половины[84]. Таким образом, если условно считать, что средний размер составлял 1/4 часть урожая, то общий вес всего урожая зерновых по указанным районам равнялся ориентировочно от 800 тыс. до 1 млн. чайриков.

Крестьяне разорялись арендаторами и их сборщиками. Во-первых, арендатор, имея только общепринятое условие по хараджу, мог свободно действовать, употребляя все коварные методы разорения крестьян, добиваясь максимально возможного получения продукта в свою пользу. «Подати с зерна сдавались в аренду частным лицам, которые не стеснялись делать лишние поборы, а жаловаться обиженная сторона не всегда смела, так как инстанция между ханом и жалобщиком подкупалась»[85],— писал один из авторов XIX в. Но и в том случае, когда до хана доходили жалобы недовольных, он едва ли решал вопрос в пользу крестьян. Во-вторых, имеются прямые данные, свидетельствующие о том, что арендатор, получая харадж с населения сверх установленного в арендном договоре размера, часть разницы выделял в пользу ханской казны, тем самым доказывая преданность хану. Так, например, уже названный выше арендатор Зикрия-саркар взимал вместо 24 тыс. 26 тыс. чайриков хараджа на сумму 10 250 тилля. Эта сумма на 1025 тилля была больше,

чем сумма договора. Значит, 1025 тилля или в натуре 2000 чайриков зерна были взысканы арендатором с подарендных крестьян сверх установленной цифры. Бóльшую часть значительных излишков (10 000 теньга) он обещал внести в казну правителя наличными[86].

Харадж, этот основной поземельный налог, шел главным образом на содержание бездарного многочисленного ханского войска и других бератдаров, а также на покрытие различных расходов хана и его дома. В документах не указаны расходы на пользу общества.

О порядке сбора хараджа и прямом его назначении мы имеем достаточно данных в литературе того периода. В частности, в одном из источников, сообщавших о сборе налогов в г. Туркестане и его районах в правление кокандских ханов, говорится, что харадж вместе с танабаной «находился в непосредственном и независящем от хана распоряжении туркестанского бека». Бек для сбора хараджа назначал саркара с писарем, которые, появляясь на поле «во время уборки хлебов и овощей и определив по каждому хозяйству количество урожая, отделяли [тут же] количество, следующее в подать». Этот список утверждался беком, а сбор он доверял саркару, назначенному из своих любимцев, от которого он требовал правильного поступления исчисленного в списке количества продуктов. Собранный харадж «расходовался на содержание находящихся сарбазов (солдат) и рассыльных людей, состоящих при беке, а также на содержание двора бека. Оставшееся количество бек имел право продавать и вырученные деньги употреблять в пользу своей особы»[87]. Таким же образом описывал порядок сбора хараджа А. К. Гейнс. Диванбаши в присутствии всех выяснял количество собранного хлеба каждым крестьянином и определял цифру хараджа. После этого каждый земледелец оплачивал через саркара 20% натурой[88].

Расход хараджа на содержание войск и выдача известной его части чиновникам и другим имеющим право на это лицам производились следующим образом: хан или бек указывал лицо, которому следовало выдать определенное количество из хараджа. Этот человек направлялся саркаром и диванбеги (бекским чиновником) на указанное поле к земледельцу и получал от него положенный ему хлеб. Султан Мухаммад Мурад-бек, правитель Маргилана, писал одному из своих саркаров: «Пусть будет известно Дадхе-саркару, чьи дела подлежат похвале, что Ваше заявление относительно цены на зерно вместе с лошадью и свертком (бухчой) получено, содержание его понято и было причиной любезности. Цену на пшеницу отсрочьте до момента, когда поручим выдачу зерна воинам, получающим по берату, тогда цену на пшеницу и другие хлеба определим и скажем Вам...»[89].

Описывая порядок сбора хараджа в Ташкенте в правление кокандских ханов, А. К. Гейнс, собравший материал из первых рук, указывал, что сбором хараджа заведует саркар, назначенный беком из числа самых почетных жителей Ташкента. Он нанимал 24 мираба для оказания помощи ему по составлению хараджных списков и сбору хараджа. Ему же были подчинены в известной мере и арык-аксакалы, в ведении которых находились арыки.

Во время весенних работ саркар распределял мирабов по обрабатываемым полям, оставляя одного мираба на участке, находившемся в ведении арык-аксакала. В задачу мирабов входило наблюдение в течение всего лета за ходом сельскохозяйственных работ и определение количества хлеба, посеянного на его участке каждым крестьянином. При наступлении времени молотьбы саркар направлял на участки грамотного человека, который вместе с мирабом и арык-аксакалом состав-

лял харадчный список по данному участку. «Эта комиссия последовательно обходила все подведомственные ей поля и перемеряла обмолот каждого хозяина, причем, как имя хозяина, так и количество вымолоченного им хлеба вносили в список. Уходя с поля, комиссия обязана была пояснить хозяину, сколько хлеба следует внести в счет хараджа».

Получив со всех 24 участков Ташкента харадчные списки, саркар проверял их и подписывал, а затем представлял беку. В течение определенного времени бек заслушивал заявления людей по этому вопросу, затем из харадчных списков вычеркивались те, которых бек по своему усмотрению освобождал от уплаты хараджа. После этого списки подписывались беком. Утвержденный список обязывал земледельца внести харадж в указанном размере. «До уплаты хараджа никто не имел права свозить хлеб с поля и продавать его». Сами хозяева обязаны были отвезти харадж в амбар бека в цитадели и сдать саркару. Вывоз хараджа проверялся чиновниками на местах. «Харадж находился в полном распоряжении бека и по его приказанию раздавался служащим лицам и сарбазам в виде награды. Если бек хотел, чтобы харадж был внесен деньгами, он справлялся о ценах на хлеб и приказывал либо собрать по продаже обмолота не натурою, а деньгами, либо предписывал саркару продать весь харадж уже после того, как он будет внесен зерном». Ташкентский бек ежегодно собирал не менее 20 тыс. батманов[90] зерновых на сумму не менее 180 000 руб. Пшеница и рис занимали основное место[91].

Данные А. Н. Тетеревникова по г. Туркестану относятся к 50-м годам XIX в. Согласно его сведениям, определение и сбор хараджа были несколько проще: он поручался саркару, который от определения количества урожая, выделения доли бека и до поступления в амбар сам находится во главе этой операции. Конечно, такое независимое положение саркара давало ему неограниченную возможность злоупотребления. В Ташкенте, в большом районе, один саркар, несомненно, не мог справиться с определением размера и сбором этого основного поземельного налога, поэтому ему требовался дополнительный аппарат. Но, несомненно, после бека он был единственным человеком, от которого так же, как в Туркестане, зависело все в решении этого серьезнейшего вопроса.

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что в последние годы существования ханства сбор хараджа осложнялся широким распространением арендных актов, чего не наблюдалось в городах Туркестане и Ташкенте на два десятилетия раньше. Отдача на откуп закята и других сборов с городских предприятий широко практиковалась и раньше. Но о сборе хараджа через аренду земли, принадлежавшей целым группам, особенно военщины, мы не располагали столь убедительными данными. Правда, в материалах одного обозревателя конца 40-х годов XIX в. говорится: так как сбор такого огромного количества хлеба (речь идет о периоде максимального масштаба территории ханства) потребовал бы много людей и значительных издержек, то его обыкновенно отдавали в аренду частным лицам, оставляя для казны то количество, в котором она имеет нужду[92]. Видимо, речь идет об оставлении нужного количества зерна в амбаре правителя и о продаже остальных частей хараджа частным лицам.

Приведенные выше данные убеждают в том, что поземельный налог (рента) поступал полностью в кладовые бека. Он же самостоятельно распоряжался им, что и определяло его экономическую самостоятельность, имевшую, несомненно, серьезные последствия в социально-экономической и политической жизни ханства[93]. Однако в последние годы

правления Худояра эти права беков, по крайней мере по некоторым бекствам, были ограничены, поэтому поземельный налог не находился в полном их распоряжении.

При Худояр-хане все подати делились на «хассаги» (ханские) и «беклик» (бекские). В ханскую казну поступали все подати с Коканда[94] и его области, а также с вышеуказанных ханских саркарств. Из других округов ханства харадж и танабана шли в пользование их непосредственных правителей[95]. Однако все остальные налоги с них, как отмечалось в литературе 70-х годов прошлого века, поступали в казну хана: закят, пошлины с переправы, сбор с имения «хассаги», арендные деньги за лавки, сараи, амбары, построенные на средства хана в разных торговых городах ханства, за свадебные обряды, вымороченное имущество[96].

Нам кажется, что документальный материал в основном подтверждает мнение одного из очевидцев жизни ханства накануне его ликвидации А. П. Хорошхина о том, что «все пошлины и налоги без исключения поступают в казну хана (вернее ханского дома. — *Р. Н.*). На них содержится двор, войско, к ним же относятся все вообще расходы»[97].

Согласно А. Н. Тетеревникову и некоторым другим авторам, харадж от зерновых культур поступал натурой. Однако в имеющихся документах, наряду с указанием количества хараджа в чайриках, по определенным районам (местностям, селениям, городам и арыкам), отданным в аренду, указывалась и сумма хараджа. Говоря о харадже в последние годы правления Худояра, один из русских авторов того периода писал: «Хлебный сбор харадж взимается в количестве 1/5 всего урожая, а сбор этот весьма обременителен, поэтому взимается не натурою, а деньгами, но и обыкновенно в неудобное время для земледелия»[98]. Еще в начале 60-х годов, до присоединения Ташкента к России, взимание хараджа натурой или деньгами зависело от прихоти бека, о чем свидетельствуют приведенные выше данные А. К. Гейнса. Усиление денежного обращения, видимо, сопровождалось в конце правления Худояра частичным переходом на оплату деньгами и основного поземельного налога — хараджа, наряду со вторым поземельным налогом — танабаной, взамаемым почти исключительно деньгами.

Рассмотрим потанабные сборы по некоторым районам ханства. Известно, что земельный налог танабана по существу тот же харадж, взимаемый только не с зерновых культур, а с садов, огородов, бахчей, древесных насаждений и т. д.[99]

Как было отмечено выше, современник Худояра А. Кун привел общую сумму танабаны, равную 131 672 тилля, ежегодно взимаемую в правление Худояра с кишлаков Кокандского ханства. Документально подтвердить эту сумму в настоящее время трудно. Сохранились лишь некоторые дафтары по сбору танабаны. Для иллюстрации приведем те, которые сохранились в подытоженном виде по селениям Чаукан, Минг-тепе, Кува, Хуканбай-кишлак (сборщики Джан-мирза туксаба и Мирза Абдукадыр).

Общее количество площадей под урожай, подлежащий взиманию потанабного налога, по указанным селениям составляло 2327,5 танаба (кроме находившихся на этой территории 2 чеков вакуфных земель). Из указанного количества тарханам принадлежало 393,5 танаба. С остальной части, т. е. с 1934 танабов, находившихся под садово-бахчевыми культурами, поступало в казну правителя 19 340 теньга (из этой суммы еще в процессе сбора было выдано по патам на нужды строительства правителям 1100 теньга).

По арыкам Сакон («جوی سکان»), Гандумдан и Базар (сборщики Баба Назар и Муллаумар Узок-мирза) общее количество земли, под-

лежащее потанабному сбору, определялось в 1182 танаба. Доля тарханов из этого количества равнялась 110 танабам. С учетом всех текущих расходов сборщиков в казну поступало 10 650 теньга с 1065 танабов земли.

По арыкам Гулинкон и Алимон (сборщики Мухаммад-ёвар и Мулла Абдулхалил-мирза) площадь под урожай, подлежащий взиманию потанабного налога, была равна 1197 полным танабам («طناب» «پخته»)[100]. Из этого количества тарханам принадлежало 158 танабов, от остального количества (1039 танабов) земли 10 390 теньга поступало в казну. Определенная часть этой суммы отпущена была еще до отчета сборщиков на разные расходы ханского дома по выданным патам.

Общая площадь по местностям от Якка-беда до Яз-Явана (сборщики Ата-бек ёвар и Мулла Шакир-мирза), подлежавшая потанабному сбору, равна была 1373,75 полных танаба, из этого количества доля тарханов — 202,5 танаба. В казну поступало с остальной площади (1171,25 танаба) 11 695 теньга. Здесь также указывались разные расходы, сделанные из этой суммы в пользу ханского дома в процессе урожайного года.

По селениям Кучкарчи, Якта («یکته») Киргиль (сборщики Мухаммадвали-ёвар и Мулла-бай Бухари) земля, подлежавшая взиманию танабаны, составляла 1081 полных танаба, из них доля тарханов — 170,5 танаба. В казну поступал потанабный сбор с 910,5 танаба с учетом отпущенных сборщиками средств по патам — 9105 теньга.

Земельная площадь селений Рабат, Кара-джикда и Кара-калтак (сборщики Сарымсак-ёвар и Мулла Мухаммад-мирза), облагаемая потанабным сбором, равнялась 978,5 полных танаба, доля тарханов на этой площади — 147 танабов. В казну вместе с произведенными расходами поступало с 831,5 танаба 8315 теньга.

В сел. Арабан и его области (сборщики Мирза-юзбаши и Мулла Мухаммад Наби-мирза) земельная площадь, подлежащая потанабному сбору, определялась в 1150 полных танаба, доля тарханов — 297,75 танаба. В казну поступало с 852,5 танаба 8522,5 теньга. В счет этой суммы вошли расходы хана на сражение в местности Кебак («كبك») 74 теньга, на питание танабчи — 100 теньга, кроме того указаны некоторые мелкие военные расходы и расходы на чиновников.

По селениям Аввал, Лаган, Уч-курган и Наукат (сборщики Шады-ёвар и Муллаэшкули-мирза) всего земли, обложенной потанабным сбором, было 1750 танабов, из них тараханной — 405,5 танаба, в казну поступало с 1344,5 танаба 13 445 теньга.

Дополнительные потанабные сборы по Маргилану и его области «جمع دفتر بازیافت مرغینان مع مضافات» (сборщики Мухаммад Касым-мирахур и Мулла Халикназар-мирза)[101] с земельной площади в 728 полных танабов составляли 7280 теньга. Кроме того, 138,5 танаба — доля тарханов. В указанную сумму входили некоторые мелкие расходы, выданные по чекам военнослужащим[102].

Приведем данные одного документа архива об аренде танабаны с сельскохозяйственных культур по Маргилану за 1292/1875 г.

1. Мак с Маргилана и его области — 73 чайрика на сумму 2700 теньга.

2. Хлопок с Маргилана и его области — 3040 чайриков на сумму 72 000 теньга. Из этого количества 612 чайриков принадлежали тарханам. В казну поступал сбор с 2428 чайриков на сумму 47 614 теньга.

3. Хлопок с сел. Арабан[103] — 200 чайриков на сумму 230 тилля.

4. Все собранные потанабные сборы Маргилана, кроме сел. Арабан, с 13 320 округленных танаба составляли 133 200 теньга (сюда входили пожалованные танабаны по тарханным и другим грамотам)[104]. Если подсчитать все количество танабаны, собранной по Маргилану, то получится, что с 14 167,5 танаба подлежало взыскать 141 875 теньга.

5. Потанабные сборы (с площадей под огурцами, дынями и другими бахчевыми культурами) г. Оша и его окрестностей составляли 49 350 теньга с 9426 танабов. Из этого числа 1000,5 танаба принадлежали тарханам.

6. Мак с Оша давал 20 тиля[105].

Таким образом, налог танабана с перечисленных местностей составлял 301 500 теньга, полученных с 34 651 в значительной своей части округленного танаба земли. Из общего количества земли 21 331 танаб подлежал потанабному сбору по всем указанным местностям (кроме Маргилана, по которому нет полных данных), 3029 танабов находились во владении тарханов, от которых были возможны потанабные сборы в сумме 30 290 теньга. Вся остальная сумма — 183 020 теньга, взысканных с 18 302 танабов земли, шла в казну правителей (В эту сумму входили различные расходы, произведенные сборщиками, по распоряжению хана, бека или других членов ханского дома через выданные ими пата).

Из приведенных документальных данных можно сделать определенные выводы.

Во-первых, основная сумма земельного налога танабаны (почти 80%) поступала в казну правителя. Согласно Н. Пантусову, «все танабные сборы полностью поступали в ханское казначейство. (Имеется в виду последнее время правления Худояра.— *Р. Н.*)»[106]. Лишь более 20% земли по танабному сбору отчуждалось в пользу привилегированных тарханов. Следовательно, эксплуатация населения в основном осуществлялась правящей верхушкой, иначе говоря ханским домом, если учесть то обстоятельство, что в рассматриваемое время в крупных бекствах управляли братья, сыновья и родственники Худояр-хана.

Во-вторых, независимо от местности, размер танабаны в среднем равнялся 10 теньга с каждого танаба, что составляет 40 теньга с гектара земли[107]. Это была довольно значительная сумма, которая выплачивалась 40 рабочим (мардикарам). Если потанабный налог вносился натурой, например, дынями, то с гектара земледельцам следовало доставлять 11—12 арб дынь[108].

Из данных, приведенных в литературе 60-х и 70-х годов XIX в. ясно, что танабана все более и более охватывал новые земли. Если при Гейнсе в середине 60-х годов сбор с садов не зафиксирован, то в конце 60-х годов уже производился, а при ликвидации ханства он уже был распространен на земли, занятые нефруктовыми деревьями.

Известно, что танабану с площади под садово-бахчевыми культурами крестьянин был обязан внести деньгами, так как эти быстро портящиеся продукты в натуре не принимали. Крестьянин вынужден был продукты отвезти на базар, продать (а продажа проходила не всегда удачно), т. е. превратить в деньги, и внести деньги в казну. Все это требовало от крестьянина времени, дополнительных затрат сил и средств.

В-третьих, неясно, указанные в документах сборщики потанабного сбора были арендаторами, или чиновниками правителя, собиравшими потанабный сбор с арендаторов или от владельцев, или же от непосредственных производителей через аминов и аксакалов. Ясно одно, что во

всех девяти группах местностей этого значительного района сборщики состояли из двух человек — военного и писаря (мирзы). Нахождение в каждой группе одного военачальника (туксабы, ёвара, юзбаши, мирахура) со своим отрядом свидетельствовало о трудности сбора этого налога, сопротивлении крестьян, что, конечно, подавлялось этими военными отрядами. Та же картина наблюдалась и при сборе хараджа. Среди арендаторов мы находим саркаров, мирзабаши, шейхулисламов, амлякдаров, представителей ханского дома, ишанов, аминов и военачальников (бухадурбаши, пансадбаши, эшик-агаси, дадхи) со своими воинами («مع جوانانش»). Иногда харадж арендовала группа людей из семи и даже двенадцати человек. Такой метод сбора налогов приводил к диким злоупотреблениям[109].

Определение танаба носило произвольный характер. «Для определения танаба саркар с муфтием ездят по бахчам, полям клевера и виноградникам; при этом первый определяет количество танабов, а второй оценивает сбор. Саркар говорил, что танаб он собирает по урожаю, принимая два, три и более танаба за один. Так как танабный сбор постоянный, то такой произвол равносилен взяточничеству»[110].

Одним из важнейших источников ханского дохода был закят, который взимался с имущества населения[111], со скота, поэтому для скотоводческих районов являлся основным налогом, собираемым в размере 2,5%, т. е. 1/40 части имущества, однако варварскими методами.

Для того, чтобы представить значение этой статьи дохода хана, достаточно привести некоторые примеры. Так, до потери Ташкентского бекства Ташкент вносил в казну кокандского хана ежегодно от 60 до 80 тыс. тилля[112]. По сообщению Вельяминова-Зернова, ташкентский бек Нормухаммад-кушбеги в 1850 г. внес в казну хана 40 тыс. червонцев[113]. В последний период правления Мусульманкула, т. е. в начале 50-х годов, согласно сведениям автора «Миротул-фтух», Мулла Кулбобо рисолачи привез из Ташкента 30 004 динара[114]. Если считать, что земельные налоги харадж и танабана тогда в большинстве своем находились в распоряжении беков, то сумма, идущая в казну верховного правителя, составляла в основном закятные сборы.

Город Туркестан с районом поставляли ежегодно по закяту до 35 тыс. баранов[115]. Основная часть этого количества собиралась с кочевого населения, ибо оседлое население данного района вносило всего 5 тыс. голов скота в качестве закята[116].

В русской литературе середины 70-х годов давалась следующая картина поступления закята по округам и некоторым крупным пунктам Кокандского ханства в последние годы его существования (в руб.): Коканд — 109 800; Маргилан и Ош — 19 000; Андижан — 15 000; Наманган — 17 000; Чартак — 380; Чуст — 760; Касан — 380; Булак-баши — 15 000; Арабан — 19 000; Чимион — 1900; Махрам — 1140; Баба-дархан — 1200; Лайлак — 1140; Сох — 4000; Балыкчи — 3000; Шахрихан и Узгенд — 4000; Науканд и Янги-курган — 600. Всего по ханству закята поступало в этот период на сумму 197 500 руб.[117]

Однако, нам кажется, что Н. Пантусову не удалось установить точные данные. Они составлены сразу же после ликвидации ханства поспешно — в течение месяца или двух. Свидетельство этому — приведенные ниже данные по закятному дафтару только Ошского вилайята лишь за один год, в котором сумма значительно больше, чем указанные выше данные. Ош, ханское саркарство, был в отношении закята доходным местом, так как с вывозимых отсюда в Кашгар товаров взималось с каждой лошади (судя по товару) от 10 до 20 теньга в

пользу хана[118]. Кроме того, пограничные пункты, в том числе Ош, были выгодной статьей дохода еще и в том отношении, что при вывозе за границу зерна при недостаточно высоком его урожае в соседней стране на него накладывалась специальная пошлина, без которой вывоз запрещался. Так, с каждой арбы зерновых взималось от 10 до 13 теньга.

Приведем данные, хранящиеся в архивных документов, по сбору закята в Оше с его областью за 1292/1875 г.

1. Закят с населения, т. е. кочевников Оша «زكوت ايلاتية اوش», собранный и привезенный в казну Ишан-турой пансадбаши и Муллой Абдулджалилом мирзабаши, равен 64 500 теньга.

2. Закят с племен найман («جماعة نيمن»), буйга («بيغه») ургу («اورغو»), уйгур, тейит («طيت»), хожака («خوجوكه») (сборщики ясаулбаши и Мулла Абдулвали-мирза) составлял 29 700 теньга[119].

3. Закят с племен тойос («تويس») и канглы[120] (сборщик Мулла Исмаил-пансадбаши) — 11 700 теньга.

4. Закят с кочевников местности Арабан («زكوة ايلاتية عربان») (сборщик Ишан-тура пансадбаши) —1000 тилля.

5. Закят военачальников («زكوة سركردهها») — 630 тилля[121].

6. Закят мелочный, т. е. разный «زكوة چكنة» (сборщик Саранджи-пансадбаши)—26 075 теньга.

7. Закят со вскормленных животных («زكوة بورداقى») (сборщик Мулла Абдулвали)—22 000 теньга.

Таким образом, только с Оша и его области хан за один год получил вместе с закятом военачальников 153 975 теньга плюс 1630 тилля (186 575 теньга) закята[122].

В этом документе мы сталкиваемся с подтверждением того факта, что сборы еще одного из основных налогов полностью поручались крупным военачальникам вплоть до чина пятисотника (пансадбаши), являвшегося вторым военным чином в ханстве после мингбаши.

Установленные размеры закята были в ханстве в 2,5 раза больше, чем у киргизов внешних сибирских округов[123]. Например, по положению надлежало взимать с сорока баранов одного; если закятоплательщик имел сверх 40 лошадей, то с каждой платил по 40 коп., с пяти верблюдов взимался один баран. Закят собирался обычно ранней весной ханским чиновником[124]. Однако мы видим, что это правило нарушалось: закят отдавался на откуп военщине, что было беспредельно разорительно. Правящая верхушка при сборе закята нарушала установленные нормы. Приведем одну очень важную выдержку из рукописи, принадлежавшей перу крупного сборщика закята (закятчи), которая характеризует произвол ташкентского бека Мирзы Ахмада, ставленника Худояра, над населением Южного Казахстана.

«В городе Аулие-Ата я увидел Мирзу Ахмада, преподнося ему одну связку одежды. В то время он назначал чиновников для сбора закята со скотоводов. И меня он включил в состав своих людей для сбора закята с кочующих в районе крепости Мерке. Описать тиранию, совершаемую Мирзой Ахмадом в то время, невозможно. Например, если он слышал, что такой-то предводитель племени в своих табунах имеет какую-нибудь хорошую лошадь, то посылал к нему чиновника, требуя девять таких лошадей для посылки Худояр-хану в качестве подарка, которые, следовательно, должны быть подобраны и направлены сюда[125]. И он (предводитель. — *Р. Н.*), беспомощный, не имел права избавиться, отдав, что было в наличии в его руках, и выразив

в конце свое извинение. Он отдавал свою хорошую лошадь, после чего ходил от одного племени к другому для доставки остальных восьми лошадей. Однако он мог доставить только две—три лошади. И для принесения извинения и восполнения остальных дорогих лошадей преподнес Мирзе Ахмаду несколько девяток других лошадей, и этим только избавился от него.

Если другой человек доносил беку о том, что такой-то бай имеет хорошего верблюда и описывал его, то он тут же посылал баю махассила (сборщика), приказав ему доставить девять подобных верблюдов. И он, подобно вышеуказанному хозяину лошадей, после многократных мучений и страданий расплачивался, отдав, кроме указанного верблюда, еще 100 или 200 тилля.

Или он приказал кочевым племенам, которые, хотя и не имели постоянного местожительства, но их летовки и зимовки с давних времен находились в Аулие-атинской области, перекочевать в Чимкентскую область. По этой причине племя испытало сильное беспокойство, поэтому послало к Мирзе Ахмаду посредников из числа людей и приближенных тирана, дав им разные взятки. А посредники добились согласия Мирзы Ахмада на том условии, чтобы племя находилось на древних своих местах, доставив ему 4 тыс. тилля.

Короче говоря, подобные насилия и жесткость его не поддаются учету. Его поступки, которые не помещаются в рамки статистики, были вне законов и порядков прежних правителей. Например, если во время правления прежних правителей за земледельческий участок казахское и киргизское население вносило 100 тилля, то Мирза Ахмад приказывал им выплатить 250 тилля. В других местах по его приказам в 3 и даже в 4 раза увеличивались [ханские доходы]. В некоторых земледельческих районах население, продав весь урожай и быков, вносило деньги в [казну]. Однако [всего этого] не хватало для покрытия установленной суммы... На следующий год без средств и без быков они уже не могли производить земледельческие работы.

Обложив племя суммой, указанной беком в его дафтаре, Мирза Ахмад взимал ее. Насилия чиновников, наблюдавшиеся во время сбора денег, характеризовались следующим образом: например, приводили главу племени на аулие-атинский базар и говорили ему: твое племя может внести пятьсот тилля, сейчас же доставь эти деньги! Если тот говорил, что внесет эту сумму, собрав с арбабов и аксакалов в своем племени, или принесет ее из своего дома, то чиновник Мирзы Ахмада, не соглашаясь с ним, приказывал доставить [указанную сумму] сейчас же, не сходя с места, в противном случае угрожал тем, что изобьет, опозорит и повесит его там же. Положение было таково, что несчастный вынужден был просить в аренду деньги у лавочника с условием возврата на следующий день. А Мирза Ахмад для этого оставлял пятьсот — шестьсот тилля в руках лавочников вместе с инструкцией, согласно которой лавочники отдавали [просившему] пятьсот тилля с условием выплаты [процентов] в размере пятьсот теньга за сутки, если за двое суток, то тысячу теньга, а если задержится и принесет на третьи сутки, то заплатит уже тысячу пятьсот теньга»[126].

Подобный произвол делал выплату зяката совершенно невыносимой. Тяжесть этого разорительного налога лежала тяжелым бременем на беднейшем населении, приводя его к окончательному разорению.

Безусловно, Мирза Ахмад был одним из жестоких и безжалостных беков, однако протесты и возмущения народных масс свидетельствуют о том, что подобные примеры наблюдались очень часто во всем ханстве. Мы имеем документы с распоряжениями Худояр-хана по составлению

списков хороших лошадей, о мобилизации людей для взятия их на учет[127]. Этот налоговый гнет, сопровождавшийся произволом ханских чиновников, вызывал негодование всех слоев населения, плативших закят. Озлоблены были не только народные массы кочевых племен, но и родо-племенная знать. Это приводило порою к трагическим актам над представителями господствующих кокандских кругов в кочевой степи. Ярким примером может служить случай с пишпекским комендантом Рахматуллой. Манап киргизского рода Султы-Байтик, по сведениям источника, «озлобленный за насилия и поборы пишпекского коменданта Рахматуллы», пригласил его с сарбазами в количестве 60 человек к себе в аулы под предлогом участия в празднике и коварным образом истребил всех, кроме одного сарбаза[128].

Кочевники, совершив этот акт, покинули сильно укрепленную крепость Пишпек, напали на 168 семейств сартов (выходцев из Ташкента и Бухары, но с давних пор находившихся в этом районе), переселенных русскими властями за р. Чу, увели 50 тыс. голов их скота, забрали имущество и т. д.[129].

Как мы уже говорили, в рассматриваемое время собираемое по ханству большое количество закята целиком поступало в казну хана, который использовал его на содержание войска и расходы своего двора[130].

Аулиеатинцы в беседе с А. К. Гейнсом о сборе закята сообщили следующее: «Закятчи собирал закят и передавал его в Ташкент, откуда собранные деньги требовались уже ханом в Коканд. Если там царствовал хан справедливый, то он [должен был] отдавать все бедным ходжам, мечетям, школам, согласно предписанию шариата, но мы этого никогда не видели, — добавляли жители Аулие-Аты, — ханы всегда употребляли закят в свою пользу»[131].

В любом случае задержка сбора или сопротивление подданных *карались посланными отрядами*. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что сборы налогов значительно осложнялись с обострением отношений между населением и правящей верхушкой ханства.

В исследуемый нами период закят целиком и полностью, в отдельных случаях до единой копейки, поступал в казну хана. Так, Малла-хан в свое правление требовал от правителя Ташкента Рустам-бека выдачи 2 тыс. тилля, конфискованных им у закятчи — автора «Хула-сатул-ахвол»[132]. Сборщики налогов, в том числе и закятчи, в любом случае не забывали о своих интересах. Обычно рядовые сборщики, накапливая значительные богатства, превращались в зажиточных людей. «В то время я был обладателем такого имущества, — писал упомянутый выше закятчи, — что мог дать 2 тыс. тилля [правителю], потому что во время моего нахождения на должности закятчи поступило с разных мест много даров [приношений], а я имел имущество, оставшееся и от прежних времен»[133].

Одним из немаловажных доходов хана была ханская подать, которую называли «хан солуги», или «ханлик солуги», или просто «ханлик». Вот что писал о ней А. К. Гейнс: «С оседлых туземцев новозавоеванной Туркестанской области, кроме закята, производился еще другой совершенно произвольный денежный сбор, известный под именем ханской подати, которая взималась не в определенные сроки, а по особым приказаниям хана или бека. Размер этой подати тоже не был определен, а зависел от большей или меньшей нужды в деньгах, испытываемой правительством. Ханская подать взималась с городов и селений аксакалами и их помощниками — тугачами — со всевозможными несправедливостями и притеснениями»[134].

В другом месте своей работы этот автор отмечал, что ханские сборы взимались как с населения Ташкента, так и всех других городов Кокандского ханства[135]. Эта подать собиралась «исключительно деньгами»[136]. Она распределялась по дворам — ежегодно с каждого двора от 4 до 5 коканов (теньга)[137]. Но такой порядок и размер не всегда соблюдались, ибо вышеприведенное мнение А. К. Гейнса подтверждает и другой автор, согласно которому «хан, а за ним бек заранее объявляли сборщикам, какую они ожидают цифру дохода, и саркар, закятчи и другие приноравливались к личному расчету правителей, не забывая, конечно, и о собственной выгоде»[138]. Ханскую подать платило не только городское, но и сельское население. Так, в районе г. Туркестана сарты, являвшиеся главным образом городским населением, платили 300 тилля, а кочевое население района — 700 тилля ежегодно[139]. За податью специально приезжал чиновник от хана, которому аксакалы и бии собирали подать[140]. Следует отметить, что наличие этого налога в конце правления Худояра пока документально не доказано.

Следующим важнейшим доходом правителей являлись различные поступления от аренды рыночных учреждений, составления актов бракосочетания, раздела наследства и т. д. Следует привести несколько примеров.

1. Указанные городские сборы, собираемые только с г. Коканда и его округа, составляли важнейшую статью доходов ханской казны в правление Худояр-хана. Базар земледельческих продуктов и хлебов (галла бозори), базар шелка и коконов, хлопковый базар, базар растительного масла и маслобоен, скотный базар, маиз-базар (сухофруктов), сенный, лесной, дровяной, клеверный, соломенный базары, маклерские доходы, арендная плата за ханские лавки в Коканде, свадебные сборы (никаханы), сборы с наследованного имущества (тарикона) по грубому подсчету из приведенных Пантусовым данных давали ханской казне в общей сумме более 26 700 тилля в год[141].

2. Годичные арендные сборы от оформления актов бракосочетания, распределения наследства, доходы от базарных весов, аренда сараев шелковичных коконов и хлопка, аренда земельных площадей под учреждениями («تك جای») и аренда маклерства бараньего базара г. Оша, сборщиком или арендатором которых был Бахти Мухаммад-курбаши, составляли 113 000 теньга[142].

3. Арендные посгупления в государственную казну от маклерства бараньего базара Ошской области (арендатор Мулла Мир-Абдусаид даллолбаши) — 10 000 теньга.

4. Арендные поступления в государственную казну от маклерства с базаров селений Кубы, Ярмазара, Авваля и Уч-кургана — 1800 теньга.

5. Арендные поступления с базаров шелковых продуктов собственного города (арендаторы Мулла Хамидходжа-бай и Мулла Ахунд) — 1000 тилля[143].

6. Итоги сбора мухраны (печатного сбора) от чиновников — 450 тилля[144].

7. Поступление с мухраны селений Чаукан и Хуканд-кишлака — 100 тилля.

8. Подношения кокономотальщиков — 1700 теньга.

9. Арендная плата с неизвестного сарая вместе с его лавками (получил ишан Амин) — 875 тилля.

10. Арендная плата с мануфактурных лавок и старого крытого базарного ряда — 1300 тилля.

11. Арендная плата, внесенная Латифом-караванбаши — 4000 теньга (за какие объекты неизвестно).

12. Поступления от маклерства с бараньего базара сел. Арабан — 600 теньга[145].

13. Поступления от раздела наследства по г. Ошу — 1200 тилля.

Таким образом, все виды доходов, засвидетельствованные документами по этим местностям, т. е. по Коканду и Ошу и некоторым восточным селениям ханства, несомненно, взимались со всех других городов и сел Кокандского ханства.

Еще в 40-х годах налоги и сборы с городов взимались в зависимости от числа домов, лавок и некоторых товаров, производимых ремесленниками. «Правительство определяло круглое число налога на тот или иной город, а аксакалы распределяли налог по домам. Например, г. Ташкент издавна платил хану с 3000 домов, хотя уже в конце 40-х годов число домов доходило до 20 000. Однако увеличивалась только общая сумма налога с города»[146]. «При Кокандском правительстве подати и повинности были довольно разнообразны. Были подати регулярные в форме хараджа и танаба, были и грабительские в образе разных поборов»[147], — пишет А. К. Гейнс.

Приведем размеры всех сборов и пошлин, указанные Н. Пантусовым. Свадебные — у невесты 10 теньга, у жениха 5 теньга; с наследственного имущества в случае неимения завещания покойного — 1/40 часть имущества. Улав-пули (военный налог) — от 20 коп. до 1 руб. с семьи. Сув-пули (мираб-пули, мирабана), по правилу предназначенный для арык-аксакалов за надзор и разделение воды, кроме получаемых ими по одному пуду зерна с каждого хирмана, фактически поступал в ханскую казну. От маклеров, ведавших операциями продажи земли, домов и т. д., ежегодно поступали в казну хана до 40 000 теньга. Пошлины поступали в ханскую казну и от людей, назначаемых на должности. Например, при назначении имама в мечеть или мударриса в медресе с каждого получали по 24 коп. и выдавали документ о назначении. В ханскую казну поступало не менее 6000 теньга в год от людей искусства — нагарачи, карнайчи, сурнайчи, маскара-боз и т. д. Они вносили эту сумму от выручки, полученной за свое исполнение. Саман-пули получали для ханских лошадей в размере 1/7 части всего земледельческого дохода. Причем по шариату харадж с самана и тому подобного не требовался. Байтал-пули — с каждой кобылы взималось до двух теньга. Кроме того, согласно. Н. Пантусову, была так называемая «крепостная пошлина», т. е. взималась пошлина в размере 5 коп. с каждого тилля.

Одним из тяжелейших налогов для населения Ферганской долины был чуп-пули. Очевидец так писал о нем: «За право рубить дрова, кустарник, камыш, косить сено на плавнях собиралось с народа в городе Коканде и окрестностях до 40 000 теньга. Чуп-пули собирали со всех пространств, озер и рек, считавшихся собственностью хана». Даже сборы фисташек и других диких плодов отдавались ханскими саркарами в аренду, от которой ханская казна имела ежегодно доход до 2000 тилля. Значительны были доходы хана от лесного богатства края, однако ханская администрация, утверждает В. Наливкин, «не была знакома с началами правильного лесного хозяйства». Деятельность ханского правительства в отношении горных лесов ограничивалась только «изобретением и взиманием налогов с тех лиц, которые занимались рубкою леса»[148]. Например, рубку леса в Чустском округе, «явно считавшимся собственностью казны»[149], разрешало только правительство. Человек, получивший разрешение, обязан был внести тут же в лесу налог в 1 теньга (20 коп.) «за лошадь леса»[150]. Видимо, в последний год правления[151] Худояр издал фирман о взимании налога

с привозимых на базар угля и дров, размеры которого зависели от условий округа[152]. Несомненно, доход от леса был значителен, ибо только в лесах Маргиланского уезда в период ликвидации ханства ежегодно выжигалось 17 000 верблюжьих вьюков (более 200 тыс. пудов) леса[153].

Для получения дохода ханское правительство не жалело ничего: истребляя и так скудные лесные богатства, оно не заботилось о будущем края. Кауфман обратился к Худояру с просьбой посодействовать доставке горного леса из Ферганы для строительства моста на Сырдарье возле Ходжента. Худояр решил отправить лес из Наманганского округа и немедленно учредил лесной базар на урочище Джаик по р. Паша-ата. До этого горные леса в районе находились во владении живущих здесь киргизских родов, которые не платили за это налога. Только ореховые рощи, которые отдавались саркарами в аренду, издавна облагались налогом, а деньги с них собирались под наблюдением самих саркаров. На новом же лесном базаре взималась пошлина с привозимых киргизами деревьев для отправки в Ходжент в размере 1/40 стоимости. Базар, несмотря на свое расположение внутри гор, быстро развивался и в конце 60-х — начале 70-х годов интенсивно пополнял казну хана, а лес тем временем оголялся[154].

Кокандское ханство в XIX в. занимало большую территорию — всю Ферганскую долину, долины Чирчика и Ахангарана, Ташкентскую область, Южный Казахстан до Ак-мечети на северо-западе и почти всю территорию современной Киргизской ССР, западная граница ханства проходила через районы Ура-тюбе и Джизака, а южная — через горный район Таджикистана, включая Матчу, Дарбоз и т. д. На этой значительной территории жили многочисленные племена и народности с неодинаковым уровнем хозяйственного развития. В ханстве было много городов, имевших важное торгово-ремесленное значение, среди которых были и крупные торгово-ремесленные центры Средней Азии. Все это способствовало развитию торговых отношений. Кокандское ханство торговало и с другими среднеазиатскими ханствами, а также с восточными соседями и Россией. Русские товары, значительно превосходившие по качеству местные, находили на среднеазиатском рынке много потребителей. По словам Ф. Энгельса, «русские товары проникали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими»[155].

Можно перечислить всевозможные товары иностранного происхождения, упомянутые в источниках, привозимые в ханство и свидетельствующие о развитии его внешнеторговых отношений. Например, из России: шубы из чернобурых лис, горностая, соболей и белки, охотничьи птицы, писчая бумага, арбы, фарфоровые и металлические изделия, обувь, сундуки, орбитские ларчики разного размера, предназначенные для помещения в них подарочных комплектов для женщин (пудра, духи, иглы, туалетное мыло, мастика для жевания, наперсток, фарфоровая посуда и др.), скатерти, кусковой сахар и сахарный песок. Кроме того, кашмирские шали, узорные шелковые ткани из Рума, английские ткани, бархат западного происхождения, драгоценные китайские занавески, китайские фарфоровые изделия, белые кашгарские кошмы, кисея из Стамбула, металлические изделия западного происхождения, несколько сортов чая, гератская слива, краски, различные снадобья, привозимые из Индии и других стран и т. д.

В конце правления Худояра Фергана вывозила через Ташкент, считавшийся центральным перевозным пунктом, хлопок, шелк, хлеб, фрукты, шерсть, шерстяные изделия, армячину, краски и т. д.[156] Тор-

торговля предметами, украшавшими царский двор, дворы беков и царевичей, приносила ханскому дому и его бекам огромные суммы закятного дохода в виде пошлины. Под контролем ханского правительства находилась вся торговля, особено внешняя. Так, говоря о торговле России с Кокандским ханством, ведущейся из Семипалатинской, Петропавловской и Троицкой крепостей, пограничная комиссия Оренбургского генерал-губернаторства в записке от 1 августа 1828 г. писала: «Правительство (Коканда.— *Р. Н.*), будучи извещено заблаговременно через киргизов (имеются в виду казахи.— *Р. Н.*) о приходе каравана, высылает из Кокана чиновника, который встречает оный в 7 верстах от города Ташкента[157] при речке Калис (Келес. — *Р. Н.*), где под присмотром небольшой команды он должен был, непременно, пробыть до очистки товаров пошлиной.

Присланный из Кокана чиновник вместе же с начальником города Ташкента досматривают товары при означенной речке, не требуя объявлений, и оценивают без посредства особых оценщиков или тамошних купцов и не без споров со стороны караванных торговцев. Пошлина взыскивается на месте по сей оценке с магометан по 2 1/2 процента, а с иноверцев по 5 процентов бухарскими червонцами. Чиновники получают при том незначительные подарки»[158].

Лишь после этого разрешалось каравану производить торговлю товарами на территории ханства. Большинство караванов из России, отправляемых в Кокандское ханство, идут в Коканд. Торгующие здесь в каменном караван-сарае платят за лавку по 8 руб., а в старом глиняном — по 5 руб. в месяц. «За тайный перевоз товара виновный подвергается телесному наказанию, и тайно привезенный товар отнимается». Однако «вообще торговля во всем ханстве Коканском пользуется всевозможной свободой. Иноземцы и даже иноверцы живут свободно, сколько желают, подати никакой не платят и торгуют без какого-либо ограничения на равных с тамошними жителями»[159].

В конце 60-х — начале 70-х годов пошлины с караванов, идущих со стороны Бухары, взимались в Ходженте, а со стороны Кашгара—в Оше[160]. Так, с сокращением территории ханства места остановки, проверки и взимания пошлин и подарков изменялись. Однако порядок конца 20-х годов, о котором мы писали, сохранился и в середине века.

С провоза товаров внутри ханства также бралась пошлина. Переброска через реку скота, передвижение на транспорте осуществлялись за плату. Переправа через реку больших караванов сопровождалась, кроме оплаты пошлины, еще и ограблением имущества. Например, племена, кочующие возле урочища Майли-баши, в низовьях Сырдарьи, за переправу на правый берег реки бухарского каравана из 1000 верблюдов взяли с каждого вьючного верблюда по одной мате (куску), помимо этого присвоили себе еще 10 верблюдов, 4 лошади и разного товара на 2 тыс. руб.[161] Пока нам известно наличие в Кокандском ханстве лишь одного моста через Сырдарью, построенного в период правления Шерали-хана (1842—1845) неким Азиз-ходжой ишаном Наманганским[162], находившегося «между Кокандом и Наманганом вблизи того места, где Сыр-Дарья соединяется»[163]. Правда, Мидендорф упоминает еще один мост, построенный частным лицом, местным жителем, на свои средства на Нарыне вблизи Уч-кургана вниз по реке[164]. В остальных местах на больших путях переправа осуществлялась на паромах[165]. Нам известны переправы на паромах на Сырдарье в пределах самой Ферганской долины в Махраме, Чил-майраме, Ак-джаре, Гурум-сарае, Сенге, Гадай-тапмасе, Ахси, Шаханде, Киргиз-кургане, Минг-булаке, Пунгане и Аслан-беке[166]. Имелась переправа в районе

урочища Каракчи-кум, которой заведовал в начале правления Худояра Нармат-дадха, представитель около 300 кибиток кипчаков, владевших большой частью Каракчи-кума. Кроме того, известны переправы в Ходженте (на тракте из Той-тюбе в Ходжент), Игри-джаре (в шести верстах к западу от кишлака Бек-Абад), Шахрухии, Чиназе, Чар-даре и Узун-ате (последние четыре в Ташкентской области), Ух-каюке (вблизи г. Туркестана), Сагазы, Бер-казанская (около Ак-мечети) переправа и другие менее известные. Две переправы имелись на Чирчике.

Согласно сведениям хорунжего Потанина, в 1830 г. перевоз по р. Сырдарье «содержался частными людьми... пошлина в пользу содержателя перевоза собиралась перевозчиками, которых числом до 15 человек»[167].

Однако в последнее правление Худояра все важные переправы на Сырдарье были захвачены ханом, и значительные доходы от них поступали в его казну. Например, Чил-майрамская переправа на пути от Камыш-кургана в Коканд, которая несколькими десятилетиями раньше находилась во владении частных лиц, теперь давала хану ежегодно до 1000 тилля, или около 4000 руб., став его собственностью. «Люди и лодки принадлежат хану...»[168],— писал приехавший в составе посольства туркестанского генерал-губернатора к хану через эту переправу А. П. Хорошхин. От переправы на Ух-каюке хан ежегодно получал 1500 тилля[169]. Переправы отдавались ханом арендаторам, за исключением трех — в Пунгане, Махраме и Ак-джаре, которые состояли в ведении особого ханского саркара[170]. Основные ферганские переправы в 1874 неспокойном году принесли ханской казне 72 508 теньга[171].

Не только переброска тяжелого груза (скота и нагруженных караванов), но и населения, переход реки в районе переправы, находившейся во владении хана, но даже возникшей на средства самого населения, запрещались. Такую практику продолжали царские власти в районах перешедших к ним переправ: «Четыре дарьинские переправы (в Ташкентском уезде) в Шаракия (Шахрухи), Чиназе, Чардаре и Узун-ате отданы в арендное содержание. Жители не имеют права переправляться в этих местах (кроме Чардары) на собственных каюках или камышовых плотах, отчего им приходится делать обход в 65 верст ниже Чиназа, где в Кос-арале переправа не возбраняется»[172]. Для того, чтобы переправиться в удобном месте, надо было заплатить значительную сумму, которую не каждый мог отдать, в ином случае следовало преодолевать десятки километров, затратив на это немало дней. Земельные же владения самого хана находились прежде всего на побережье реки, где бесплатная переправа была запрещена. Взималась плата от перебрасываемой продукции островов, отданных ханом в аренду беднейшим окрестным жителям.

При трудности определения полного налогового дохода правителей по всем статьям и конкретно по всем районам ханства установление доходов отдельных городов и областей приобретает особое значение, ибо характеризует налоговый гнет правителей. Остановимся на рассмотрении регулярных доходов двух крайних городов ханства — Туркестана на северо-западе и Оша на востоке.

Основные налоговые сборы в правление кокандских ханов в г. Туркестане (с районом) за год составляли: поземельный налог харадж — 50 000 пуд. хлеба; поземельный налог танабана («с мелких продуктов и и клевера») — 3000 руб.; закят баранами — 35 000 голов; собственно ханский сбор (ханлик) — 1000 тилля; пошлина с караванов — 1800 тилля; за переправу на Ух-каюке — 1500 тилля; базарный сбор — 400 тилля.

Итого общая сумма, переведенная на русские рубли, составляла 115 000[173].

По городу Ошу по трем основным налогам наблюдается следующая картина: харадж — 260 000 теньга; танабана — 49 350 теньга; закят — 186 575 теньга. Итого 495 925 теньга. Таким образом, на основании неполных данных только по трем основным налогам г. Ош со своим вилайятом (Ошское саркарство) внес в казну хана около полумиллиона теньга.

В литературе конца 40-х годов при максимальной территории Кокандского ханства налоговые поступления в казну за год от главнейших городов с их округами определялись приведенными ниже размерами.

1. Коканд — от 800 000 до 900 000 чайриков разного хлеба, 10 000 тилля танабаны, 100 000 тилля пошлин.

2. Ташкент — 600 000 чайриков разного хлеба, 3000 тилля танабаны и 60 000 тилля пошлин.

3. Курама — 300 000 чайриков сорочинского пшена (риса), 200 000 чайриков пшеницы, 1000 тилля танабаны.

4. Ходжент — 400 000 чайриков разного хлеба, 2000 тилля танабаны, 25 000 тилля пошлин.

5. Наманган (с Тюра-курганом и Тюсом) — 800 000 чайриков разного хлеба, 4000 тилля танабаны, 50 000 тилля пошлин.

6. Ура-тюбе — 200 000 чайриков пшеницы, 2000 тилля танабаны, 2000 тилля пошлин.

7. Ош — 1000 чайриков пшеницы, 1000 чайриков ячменя, 10 000 чайриков джугары[174].

8. Андижан — 25 000 тилля пошлин.

9. Талмазар, Кува и Шегерихан (Шахрихан) — 100 000 чайриков сорочинского пшена, 200 000 чайриков пшеницы, 4000 тилля танабаны.

10. Маргилан и Ярмазар — 200 000 чайриков разного хлеба, 2000 тилля танабаны, 20 000 тилля пошлин.

Так, если данные обозревателя основаны хотя бы на приблизительно достоверных источниках, то ханское правительство в период максимального расширения территории ханства получало только по трем основным видам налога 3 912 000 чайриков разного хлеба в качестве хараджа, 27 000 тилля (102 600 руб.) танабаны и 282 000 тилля (1 071 600 руб.) закята (пошлины). По своему размеру первое место, как мы видим, занимал поземельный налог — харадж, второе — закят, а третье — танабана[175]. Автор обозрения, из которого почерпнуты приведенные выше данные, «приняв за основание средние значения цен на хлеб и полагая тиллю по 12 руб. 80 коп. русской ассигнации», выводит общую сумму по ханству, равную 29 166 900 руб.[176], что, безусловно, неверно.

Во всех источниках и литературе 60—70-х годов кокандская золотая монета определялась в 3 руб. 80 коп. Если с учетом этой более трехкратной разницы подсчитать доход в русских рублях по указанным округам, то получается следующее: Коканд — 1 937 000 руб.; Ташкент — 1 351 000 руб.; Курама — 1 143 264 руб.; Ходжент — 852 100 руб.; Наманган — 1 727 300 руб.; Ура-тюбе — 391 200 руб.; Ош — 11 300 руб.; Андижан — 94 960 руб.; Талмазар, Кува, Шахрихан — 648 200 руб.; Маргилан — 463 350 руб.

Весь доход Кокандского ханства по основным трем налогам при неполных данных составлял около 8620 тыс. руб. В постоянные доходы хана входили незначительные налоги, взимаемые с таких редких и дорогих культур, как масличный лен, хлопок, мак. Называя районы

разведения табака, кроме Кокандского округа, обозреватель упоминает и районы Исфары, Чилгазы и другие[177].

Как известно, в связи с завоеванием значительной части территории царской Россией Кокандское ханство потеряло Ташкентский округ и подчиненную ему большую территорию Южного Казахстана и Киргизии, Кураму, Ура-тюбе, Ходжентский округ, следовательно, и налогового дохода более 3 737 564 руб. из общей указанной выше суммы (8620 тыс. руб.).

Оставшаяся в последнее десятилетие существования Кокандского ханства под владычеством хана Ферганская долина по тогдашнему учету должна была вносить 4882 тыс. руб. Правда, отошли от ханства южные горные районы с таджикским населением и некоторые племена на востоке, поэтому указанная сумма уменьшилась. Нам кажется, что приведенная в 1869 г. сугубо ориентировочная сумма всех доходов Худояр-хана в 3 млн. руб.[178], особенно при большом колебании ежегодного дохода, не далека от истины. Она, может быть, позже несколько увеличивалась в связи с проведением оросительных работ и за счет усиления эксплуатации народных масс. Сумму, близкую к этой, приводил А. Кун, по сведениям которого зерном собиралось 1 515 000 руб. и 876 577 руб. наличными деньгами и некоторые другие налоги на 50 000 руб., всего округленно до 2 441 700 руб.[179] Но серьезное внимание обращает на себя справедливое замечание А. Куна о том, что его данные о валовом доходе основаны лишь на тех фактах, которые утверждены шариатом. На практике же, по показанию чиновников самого Худояра, правительство, обирая свой народ, всеми правдами и неправдами получало втрое более вычисленной выше суммы[180].

Большое место в доходах хана, беков и других членов ханского дома занимали подарки, прочно установленные обычаем. Источники были самыми разнообразными. Хану и членам ханского дома обязаны были преподносить ценные подарки торговцы, купцы, как иностранного, так и местного происхождения, крупные и мелкие чиновники. Подарки приносили во дворец хана и в резиденцию бека; в загородные сады во время отдыха хана и членов его семьи; во время пребывания хана или члена ханского дома в пути; во время нахождения их в городах и селах ханства и на охоте. Их привозили по какому-нибудь случаю (а были они разнообразны и многочисленны) и просто так.

Подарки имели разный характер; предметы, приносимые хану, беку или их членам семьи, должны были быть достойными и по характеру и по качеству. Например, знаменитые кони, породистые верблюды, бараны-производители и другие животные, красочные ковры, наилучшие сорта шелковых тканей и халаты, самые лучшие предметы ювелирного и в целом ремесленного производства, наилучшие товары иностранного происхождения, драгоценные камни, сельскохозяйственные продукты, рабы и рабыни и просто золотая монета.

«Распаковывая ввозимые товары, закятчи достигал еще другой цели, так как при этом он отбирал европейские и лучшие образцы наших мануфактурных изделий в подарок хану и беку»[181], — писал один из русских авторов середины 60-х годов. «О прибытии каждого каравана докладывалось хану, причем все лучшее доставлялось во дворец для его выбора по цене, какую он назначит»[182]. Это практиковалось в отношении всех лучших предметов на всей территории ханства.

Посещение ханом или беком дома того или иного, даже самого богатого человека кончалось в иных случаях падением последнего. «Бек побирается добром с купцов и везет к хану, который в свою очередь побирается со всех беков и сам делает иногда визиты к именитым

торговым людям. Подобные посещения разоряют иной раз чуть не вконец... «Пусть он поправится», — говорит после этого хан или какой-нибудь бек и отмечает кого-либо из поправившихся уже после прошлогоднего визита капиталиста (речь идет о крупном купце.— *Р. Н.*) и снова отправляется сделать ему честь своими посещением, а в сущности за подарками в виде хороших коней со сбруей, ковров, халатов, фруктов и даже без всякой церемонии звонкой монетой. Таков обычай»[183].

Согласно документальному материалу, во время проезда маргиланского бека, брата Худояр-хана, Султана Мухаммада Мурад-бека по своему округу и ханству в целом в 1291 (1874—1875) г. было преподнесено ему в пути одного только мелкого скота (главным образом баранов) в месяцах раби-ул аввал — 19, раби-ул сони — 37, джумади-ул аввал — 17, джимади-ул сони — 31, раджабе — 30, шабане — 15, рамадане—12, шавале—48, зулкаде—35, зулхидже—68 и в двух остальных месяцах мухарраме и сафаре — 27 голов.

Дарили их во время пребывания бека в определенные дни месяца в пути, что, видимо, было вызвано тревожными событиями в Кокандском ханстве, каргизские бии, баи, банщики, сельские, квартальные и ремесленные аксакалы, амины, саркары, ханские джарчибаши, эшикагаси, мирзабаши, казии, имамы, мутваваллии, хатибы, кары, курбаши, каравулбеги, туксабы, юзбаши, бахадурбаши, сыновья шейхулислама и ходжакалона, панджабаши, раисы, туры, мирабы, тарханы, инаки, пансадбаши, мирахуры и многие другие представители знати. Мы не наблюдаем в этом списке ни одного крестьянина и простого ремесленника (только упоминается один киргиз без звания и титула). Добровольные, в данном случае даже незначительные, приношения беку делали главным образом мелкие светские и духовные лица, которые сами существовали за счет трудового народа, ведя паразитический образ жизни.

Количество баранов, подаренных беку отдельным лицом или группой,— от 1 до 22 голов. Правда, 22 барана были подарены лишь один раз в связи с предстоящими поминками умершей дочери бека —айимчаханы. Таким образом, только одному беку в связи с его поездкой по некоторым городам и селениям ханства лишь в течение года только по одной учетной книге мелким скотом принесено было 339 голов (конечно, откормленных) баранов, часть которых на месте же продавалась[184]. Кроме того, сверх внесенных по этой книге 1800 теньга арендной платы от маклерства базаров Кубы и Уч-кургана отмечались денежные подарки беку в размере 2524 теньга.

Если только один бек, имея огромные постоянные доходы, получал только за время поездки такое количество мелкого скота для ежедневного питания, то объем подарков, получаемых беком другими продуктами питания, ценным имуществом, особенно в связи с каким-нибудь пиршеством, был, несомненно, фантастичным. А ханский дом вместе с домом Мурад-бека имел большое количество избалованных капризных представителей, прихоти которых нельзя было ничем ограничить. Каждому из них подарки поступали отдельно и безгранично. На одни поминки айимчаханы поступило в виде пожертвования только баранов 259 голов[185].

Ни хана, ни беков не интересовали источники всех этих регулярных и нерегулярных налогов, какими методами и способами их получали от разоренных масс и доставляли казне. Пополнение казны оправдывало все поступки чиновников, даже если они вызывали открытое возмущение народа[186]. «Обогащение собственной казны интересовало его (Худояр-хана.— *Р. Н.*) больше, чем благосостояние народа. Раз навсегда уста-

новленные доходы должны были поступать ежегодно без недоимок, а как это отражалось на экономической жизни населения — трудно или легко — об этом ни он и никто из его чиновников не заботился»[187], — писал М. Алибеков, изучавший жизнь Худояр-хана.

Изложенный в этой главе материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Система и порядки землевладения в орошаемых районах Кокандского ханства мало чем отличались от господствовавших порядков в земледельческих областях соседнего Бухарского ханства. Основная часть земель под названием «замини мамляка» (амляковые земли) считалась собственностью феодального государства, дающей основной доход хана, беков в форме земельной ренты — хараджа и танабаны. Этими землями безгранично распоряжался хан. Он мог пожаловать определенные их участки или государственные доходы с них в пользу светских и духовных служилых лиц, превратить их в вакф (в пользу религиозных учреждений) и свободно продать. Однако размеры подобных пожалований служилым людям в конце правления кокандских ханов были ограничены: от нескольких танабов для воинов до большого селения для крупного представителя духовенства.

2. Использованные нами документальные данные опровергают мнение ряда дореволюционных авторов о том, что люди свободно могли присвоить себе вновь освоенные ими земли. Эти земли, принадлежавшие государству, после их орошения и обработки хан продавал. Очевидно, и общинные земли не могли беспрепятственно осваиваться отдельными жителями.

3. При Худояре, особенно в последние годы его правления, в Ферганской долине происходила различными путями концентрация земель в руках центрального правительства. В ханстве заметно увеличилось количество орошаемых земель. В интересах крупных землевладельцев, и прежде всего ханского дома, путем проведения значительных оросительных работ, сопровождавшихся освоением новых земель, были выделены новые участки — чеки, эксплуатация которых намного увеличила доходы хана и членов ханского дома.

4. На основе проведенного Худояром в последний период его правления нового административного деления, удовлетворявшего интересы всех членов ханского дома, значительно возросли налоговые поступления в ханскую казну. Это осуществлялось прежде всего за счет основных поземельных налогов, которые поступали в его казну из специально созданных на территории бекств саркарств.

Только в самом крупном в Кокандском ханстве столичном округе, все доходы от которого поступали в ханскую казну, не было создано подобных саркарств, если не считать Ер-мечети. Одно из таких саркарств — Ошское, как известно, приносило ежегодно казне более 25 тыс. чайриков, или 125 000 пудов зерна лишь за счет хараджа. А танабные сборы Оша, согласно документальным данным, определялись почти в 50 тыс. теньга с 9426 танабов, 90% этой суммы поступало в казну хана. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что в конце правления Худояра в юго-восточных районах ханства освобожденные от налогов земли, как частных лиц, так и вакфов, составляли не очень большую долю хараджа и танабаны (до 20%). Таким образом, более 80% земельной ренты-налога по этим районам поступало в казну правителей. Это, несомненно, задевало интересы феодальной знати бекств во главе с беками.

5. Во всех сферах экономической жизни государства, в том числе и в деле взимания земельной ренты, в конце правления кокандских

ханов господствовали аренда и субаренда со всей присущей им разорительностью, чего не наблюдалось в такой степени в более ранние периоды. Нахождение среди арендаторов или сборщиков хараджа и особенно танабаны и закята представителей крупных военных чинов с воинскими отрядами свидетельствует о резком недовольстве крестьян и кочевого населения, плативших налоги.

6. Методы и формы сбора веками существовавшего закята, идущего целиком и полностью в казну самого хана, были крайне разорительны. В последний период правления Худояр-хана, по данным самого ханского закятчи, это привело к обнищанию целых кочевых племен.

7. Увеличивались доходы хана за счет поступлений с городских предприятий, установления особых пошлин в пограничных пунктах, которые повышались в несколько раз в тех случаях, когда возникала острейшая необходимость в том или ином товаре за границей. Ханом контролировались все переправы через Сырдарью, и он запретил населению бесплатный перевоз своего имущества, следствием чего явилось поступление значительного дохода в его казну. Документы свидетельствуют о том, что подобные меры хана создавали безысходное положение для разоренных и задавленных нуждой жителей побережья.

Глава III

ХАНСКИЙ КУРУК

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ, ЛЕСНЫХ И КАМЫШОВЫХ ЗАРОСЛЕЙ КРАЯ

Несмотря на проведение работ в области искусственного орошения на протяжении длительного исторического периода и довольно интенсивное развитие оросительных работ в период господства кокандских ханов, в Ферганской долине много крупных земельных массивов оставалось целинными. Если говорить о соотношении обрабатываемых и необрабатываемых земель в долине, то в исследуемый нами период культурная поверхность занимала площадь в 20 раз меньшую. Большие массивы целинных земель лежали на западе от Ходжента и между Ходжентом и Коканд на левом берегу Сырдарьи, не говоря о массивах Центральной Ферганы (Каракалпакская степь).

В ферганских исторических сочинениях встречаются упоминания о куруках, охватывавших большие массивы[1]. В связи с походами Омар-хана на Ура-тюбе в 1235 (1819—1820) г. и 1236 (1820—1821) г. упоминаются местности Чипар-куруги[2], где был пойман отрядом Омар-хана каракалпак, доставивший сведения о восстании китай-кипчаков в Миян-кале, и Хан-куруги. Последняя представляет собой степной район между Ходжентом и Сараем[3], принадлежавший, видимо, кокандским ханам. Бабур упоминает степь Ха-дарвиш[4], расположенную между Ходжентом и Канибадамом. Крупный курук в этом районе под названием «Куруги Мир-агаджан» («قوروق میر آغاجان») упоминается в связи с походом бухарского хана Абдуллы на Фергану в 991/1583 г. Он, пройдя этот курук, вступает в Исфару[5]. Канибадамский курук известен нам в связи с походом того же Омар-хана на запад[6]. Войско хана, выйдя из Коканда, на третий день останавливаются в этом куруке. В «Ансаб-ас салатин» упоминается «обширный курук» в районе Шахрихана[7]. Бабур отмечал, что правобережье Сырдарьи, т. е. ахсикетская сторона, представляет собой степь. Даже г. Ахсикет стоял несколько изолированно от населенных пунктов. Бабур использует здесь пословицу «دهه کجا درختان کجا» (где деревня, где деревья?). По сведениям Бабура, левобережье Сырдарьи, т. е. андижанская сторона, представляло из себя чангал (заросли колючих кустарников)[8].

В довольно густонаселенной Ферганской долине, кроме обрабатываемых земель, на которых выращивались многие сельскохозяйственные культуры, и где на протяжении тысячелетий существовали десятки замечательных городов, тысячи сел и других населенных пунктов, были покрытые обильной травой луга. «Пастбища Ферганы, — писал один из очевидцев, — славятся по всей Азии: самая изнуренная лошадь, пасясь на них, через две недели крепнет так, что и нельзя узнать»[9].

Мидендорф привел данные Риттера из его книги «Азия», согласно которым на пути из Коканда в Бадахшан было такое место, где вследствие очень пышного и сильного роста богатой травы нельзя было оставлять лошадей на пастьбу более чем на 40 дней во избежание их перекорма[10]. Следует отметить, что такое положение наблюдалось в горных районах долины — там, где хватало для этого влаги, что отмечал еще Бабур[11]. В огромной же котловине на берегах Сырдарьи была иная картина: «Лугов в Коканде мы не видели. Берега Аму и Сырдарьи весьма скудны лугами, только там, где они поднимаются по временам водою, образуется нечто похожее на луга, хотя камыш почти всегда заглушает другие травы»[12],— писал очевидец.

В котловине пастбища были разбросаны мелкими островками. Так, Мидендорф встретил в центральной солончаковой степи Ферганы такие пастбища «на совершенно небольших участках — едва с 1/4 десятины»[13]. Основная часть населения группировалась ближе к подножию гор, а не к берегу реки. Такое расположение А. Кун считал особенностью Ферганы[14]. В. Наливкин, один из ранних исследователей ее, характеризовал общий ландшафт Ферганской долины следующим образом: в летнее время два нижних пояса долины (котловина и предгорье) представлялись наблюдателю «серо-желтым фоном, почти лишенным ныне растительности степей, испещренных зелеными пятнами самой разнообразной величины. Пятна эти культурные (орошаемые оазисы)... Сколько-нибудь сносная некультурная растительность встречается, — писал он, — лишь вдоль Дарьи (главным образом по ее левому берегу), где мы находим остатки обширных когда-то озер и болот, редеющие с каждым годом заросли камыша и кустарников вроде: гребенщика, янтака, чангаля и других и, наконец, местами небольшие рощицы туранги (тополь сизолистый. — *Р. Н.*), целые леса которой всего 100—120 лет тому назад тянулись по берегам Дарьи и зеленели на ее островах. В настоящее время рощи некультурных древесных пород, а равно и пастбища со сколько-нибудь сносной травой мы встречаем в горах»[15].

Однако леса и в горах из-за крайней нехватки топлива беспощадно истреблялись. По словам того же Наливкина, там, где еще только 30—40 лет назад зеленели рощи березы, арчи и ели, встречались или пни, или чаще совершенно обнаженные почвы, на которых даже пни выкорчевывались окрестным населением[16].

Несмотря на нехватку лесоматериала в самой Фергане, лес строевой и подделочный был предметом вывоза из Ферганской долины. С начала лета и до конца осени из присырдарьинских земель Андижанского, Наманганского, Чустского и Кокандского уездов лес сплавлялся для продажи в населенных пунктах низовьев Сырдарьи. Среди лесопродуктов главное место занимал строевой тополевый лес искусственного насаждения[17]. Хотя Наливкин говорит о вывозе лесоматериалов в первые годы установления колониальной власти в Фергане, однако вывоз осуществлялся, несомненно, и в период правления ханов.

Все сорные травы, хворост, продукты необрабатываемых целинных и залежных земель, в том числе и камыш, имели крайне важное значение в экономической жизни края. Это был самый необходимый, особенно в осеннее и зимнее время, корм для скота, без которого скромное скотоводство Ферганы не могло существовать. Кроме того, в условиях Ферганской долины, да и всей Средней Азии, где было мало лесов, это был и основной вид топлива, крайне необходимый для жизни местного населения. «Кокандцы, ташкентцы и туркестанцы,— писал хорунжий Потанин,— по причине малого количества лесов большею частью

для приготовления пищи употребляют вместо дров камыш»[18]. Это, наконец, был и строительный материал, широко используемый в строительстве жилищ.

Академик Мидендорф, пожалуй, больше чем другие авторы обращал внимание на нехватку в Фергане дров, на их ценность и стремление жителей использовать степные растения в качестве дефицитного корма и топлива. «Чужеземца удивляет,— писал он,— что в пустыне взамен обычной, страх наводящей безжизненности и безмолвия, он встречает впереди себя, справа и слева, короче повсюду, куда он ни заглянул бы, искателей «кладов». Они трудятся над тем, чтобы извлечь, вытащить даже самые ничтожные корешки». Только на одном Маргиланском рынке ежегодно продавалось до 30 000 арб кустарников[19].

В связи с этим овладение всеми целинными и залежными, так называемыми пустопорожними землями, придарьинскими камышовыми зарослями, саксаульными кустами, островами, озерами, находящимися в общественном пользовании, имело немаловажное экономическое да и социально-политическое значение. Они давали в тех условиях большие материальные доходы. Обладая этим, хотя и относительным богатством, владетель или собственник заставлял целые скотоводческие племена и роды подчиняться своей воле.

Вследствие проведенных довольно интенсивных оросительных работ на протяжении последних столетий, в частности в XIX в., значительно изменился ландшафт, но, однако, эти местности в большой степени сохранили еще свой средневековый облик.

При наличии отрывочных данных нарративные источники не могут дать материала для освещения вопроса о размерах, принадлежности, формах использования куруков, ни о методах эксплуатации народных масс на них. В трудах русских ученых, прежде всего в известном труде Мидендорфа, указывалось на наличие в долине всех категорий почв и отмечались растительные свойства их, что дает известное представление не только об обрабатываемых землях, но и песчаных, солончаковых и годных для земледелия необрабатываемых землях, пастбищах и т. д. Авторы в некоторых случаях останавливались на вопросе использования ханами продукции с подобных земель. Так, например, Мидендорф приводил данные отчета начальника Чустского уезда от октября 1877 г., согласно которым на правом берегу Сырдарьи, на площади Ходжа-Игони, между деревнями Самгар и Камыш-курган, была расположена обширная, поросшая саксаулом полоса, которая принадлежала ханскому государству (по словам автора «регалия»). Ханский саркар продавал отсюда ежегодно саксаула на 50 тилля[20]. В решение этих вопросов значительную ясность вносят использованные нами и Л. А. Троицкой архивные материалы.

Целинные земли, как и все амляковые, которые называют в некоторых документах и «мамлакаи султони», «замини мамлака»[21], принадлежали феодальному государству в лице хана, а в исследуемое нами время кокандскому хану Худояру, беспредельно распоряжавшемуся куруками, строго контролируя их через своих курукчи. Он отдавал их в аренду, установив налог, и разрешал скотоводам добывать корм для скота в зимний период, отдельные участки целинных земель жаловал на правах владений определенным лицам, а также продавал. Во всех случаях доходы как натурой, так и деньгами поступали с этих земель в пользу ханской казны, ханского хозяйства в целом. Академик Мидендорф отмечал сдачу ханом в аренду суглинистых участков, фисташковых лесов и даже пастбищ. Он имел сведения, например, о сдаче под дыни киргизам суглинистых участков вблизи Яз-Явана с

условием по 1 руб. за танаб. Отданы были в аренду плодовые деревья, а также фисташковые леса предгорий в Андижанском уезде. В Яны-кургане (Наманганская область) были отданы в аренду за 250 руб. пастбища[22]. Хотя Мидендорф приводил данные 1877—1878 гг., однако это, несомненно, продолжалось со времен существования ханской власти.

Самым распространенным основным доходом с этих земель было взимание установленной Худояр-ханом 1/5 части от всего, что рождала целина, камышовые заросли, озера и заболоченные места в Ферганской долине. „Царская доля" («حقی پادشاهی») — „пяндж-як" выделялась в процессе самой уборки находившимися там ханскими курукчи[23].

Еще задолго до созревания растений, по всей вероятности, весной или в начале лета, появлялись на целине ханские курукчи («قوروقچی دار السلطنت»), которые, обойдя за несколько дней, а иногда недель участок целины, определяли размер ханской доли в натуре (количество арб или вязанок дров) или в деньгах (тилля или теньга). После этого курукчи останавливались в одном из близлежащих селений, собирали аминов и аксакалов окрестных сел, для населения которых были необходимы продукты целины, и отдавали им в аренду данный участок, требуя внесения в ханскую казну уже определенной ими суммы или количества в натуре для хозяйства хана. Часто установленный размер ханской доли сохранялся на протяжении ряда лет, если курукчи или другие представители двора не замечали особого обилия поступлений с целины или других обстоятельств, дающих возможность увеличить ханский доход с данного района.

Вот несколько фактов. Мулла Ишмухаммад-курукчи (он же саркарбаши — сын крупнейшего ханского саркара Мухаммада Садыка) собрал в сел. Янги-курган аминов и аксакалов сел и местностей, расположенных между селениями Биби-убайда и Караул-тепе и приказал выходить в степь для покоса трав с тем, чтобы курукчи получили царскую долю. Амины и аксакалы единогласно заявили, что в прошлом году они дали хану 500 арб дров и в этом году могут дать столько же. На этом состоялась «договоренность». Курукчибаши Мулла Ишмухаммад оставил здесь трех курукчи во главе с Мухаммадом Юсуфом, которым дал инструкцию о порядках и надзоре. Последние должны были до осени собрать от аминов каждого села ханскую долю.

Тот же Мулла Ишмухаммад-курукчи обошел целинный район от сел. Караул-тепе до сел. Зийлха и подсчитал плоды этого района. Придя в местность Лаклак, собрал аминов и аксакалов и обязал их выдать хану на 500 арб больше дров, чем в прошлом году (730 арб). Население этих сел было вынуждено принять новое значительно повышенное условие аренды[24].

Третий документ свидетельствует о том, что население местностей Гург-тепе и Терак-кош на протяжении многих лет вносило в казну хана по 80 тилля ежегодно за использование им камыша и сена[25]. Курукчи в своем обращении к хану писал, что он по установившимся порядкам ежегодно собирал с группы островов и тугаев 25 000 теньга за 1/5 часть янтака и вносил эту сумму в казну. Он просил разрешения хана на покос янтака в очередном году[26].

Какие бы тяжелые условия ни предлагали населению ханские чиновники, оно вынуждено было соглашаться с ними, ибо без продукции соседних степных районов люди не могли бы обеспечить свои хозяйства ни дровами, ни кормом для скота. Определение дохода хана и разрешение населению пользоваться урожаями при любых условиях

целиком и полностью являлись компетенцией хана и его чиновников. Например, в своих донесениях хану курукчи местностей (названия не приводятся), где находилось сел. Киргиз-курган, отмечал, что жители указанного селения во главе со своими аксакалами, придя к нему, заявили о том, что ежегодно они в это время косили траву острова данной местности и стремились обеспечить зимой ею свое хозяйство. «Теперь, — заявляли они, — время уходит, и каково будет наше положение». Курукчи, определяя доход хана с острова Киргиз-кургана в 200 тилля и с острова Таш-кургана в 300 тилля, просил хана его согласия[27]. Таким образом, в определении доли хана население не принимало участия.

Получение ханом по установленным правилам 1/5 части курукного дохода (а на практике значительно большей части) от населения в отдельных случаях превращалось в обязательство, которое, независимо от того, пользовалось ли население куруком или нет, выполнялось, т. е. вносилась в казну положенная сумма. Например, с населения сел Бордим-кур и Бурма-тут ханские курукчи взимали ежегодно по 24 тилля за пользование куруком. Когда население этих сел прекратило пользоваться им, то в течение двух лет с него продолжала взиматься ханская доля. Население обратилось к хану с заявлением, он поручил разбор дела старшему курукчи Мухаммаду Садыку. Тот ответил, что туган, находящиеся на берегу Сырдарьи, он продает каждый год за 69 тилля каракалпакским племенам и населению местностей Яман-шу («جماعة يمان شو»)[28]. Ингичка («جماعة انگجكه»), Бордим-кур, Бурма-тут, Шаханд, Мамахан («جماعة ماماخان»). Но он не знает распределения курука между населением этих сел, хотя ему известно, что население указанных двух сел не пользуется куруком[29]. После второго заявления жителей этих сел проверка была поручена тому же Мухаммаду Садыку, который послал на место своего сына Муллу Ишмухаммада-саркара. Тот собрал представителей от трех каракалпакских племен и от населения указанных сел у домуллы (видимо, казия) Муллы Турдыали, где они были допрошены. Представители населения, подавшего заявление, говорили о том, что они на протяжении 5 лет ежегодно вместе с тремя каракалпакскими племенами арендовали камыши островов Ахси и Шурча-куля за 69 тилля. Однако за последние годы в связи с требованием оплаты за перевозку на судах три каракалпакских племени сами решили их арендовать[30], поэтому остальное население отстранилось от аренды, хотя и вынуждено было вносить пяндж-як. Курукчи на месте решил вопрос о совместном использовании курука в дальнейшем, однако о возвращении двухлетней арендной платы в документе ничего не говорится[31].

Из документа ясно, что ханские чиновники интересовались только своевременным поступлением арендной платы. По возникающим спорам слабые и пострадавшие должны были обращаться к хану и его чиновникам. Разбор их дел требовал годы и поручался алчным чиновникам, которые шли на всякие сделки.

Разумеется, не везде и не все население кишлаков могло принимать участие в аренде у хана ежегодной продукции куруков, требующей вложения тяжелого труда в жарких условиях степи. Если хозяйства населения могли обходиться без этой довольно тяжелой аренды, то оно в ней не принимало участия. В этом нас убеждает разное число людей (хозяйств), указанных в документах разных лет, одного и того же селения, вносящих пяндж-як. Так, например, количество людей сел. Тилу-кишлака, плативших пяндж-як, в одном дафтаре равно 19, а в

другом — 34; сел. Қара-мулла-кишлака в первом — 27, во втором — 17 и т. д.[32]

При ежегодном изменении состава арендаторов внутри селений, увеличении или уменьшении количества хозяйств приведенные в конечном счете данные по более ста селениям свидетельствуют о их малолюдности. Из наиболее крупных селений два Қалла-муша (большой и малый) вносили с 91 хозяйства — 345 арб пяндж-яка, Қара-янтак-кишлак с 41 хозяйства — 76 арб и 26 теньга, Қатаган-кишлак с 40 хозяйств — 61 арбу и 11 теньга, а самые малочисленные Унгурт-кишлак с одного хозяйства — 2 арбы, Так-об-кишлак с одного хозяйства — 10 теньга, Янги-кишлак с одного хозяйства — 4 арбы и 8 теньга пяндж-яка и т. д. Очевидно, одному хозяйству доставлять ежегодно пяндж-як только за использование курука от двух до более 5 (по Янги-кишлаку вместе с оплаченными деньгами) арб, состоящих каждая из 50 снопов (меньше не принимали.— *Р. Н.*), было делом довольно тяжелым. Қаждый курукчи (а их было много) ежегодно вносил в казну значительную сумму. Вот некоторые данные.

1. Артук Мухаммад-курукчи с местностей Арал-и Джулка, Урман, Наукат, Чимбай, Қум-ханы, Мирза-Абад, Бузак, Янги-кишлак, Қамыш-андом, Чарбаг-турангу, Унгурт, Ак-мечеть, Қул внес 72 тилля и 2125 теньга[33].

2. Разык-курукчи с местностей Дахана, Пичан, Бури-куль и других внес 38 тилля и 452 теньга[34].

3. Дуст-кули курукчи с местностей Арал-и Шермухаммад-бий, Арал-и Урал-дадхо, Арал-и Ак-джар, Чакар-тугай, Арал-и Пунган, Арал-и Қара-турангу, Арал-и Парман-девана, Арал-и Қирчин («ارل قرچين»), Арал-и Тепа-курган, Арал-и Гурум-сарай внес 103 1/2 тилля и 68 теньга.

4. Атаназар-курукчи за камыш местностей Хабиб-баба и Хилват-куль внес 117 тилля.

5. Қабыл-курукчи и Ишмухаммад-курукчи с местностей Джар-куль Арис-бай, Арал-и Мирза-бий, Арал-и Қазнок («ارل قضناق»), Арал-и Бек-мурад, Арал-и Санг, Арал-и Қенагас, Арал-и Ишмухаммад внес 333 тилля и 16 теньга.

6. Исхак-курукчи с островов (Қизыл-тал, Арал-и Джаниш, Арал-и Янтакли, Хаят-куль, Қакмак-куль, Арал-и кал-кишлак) и района Гург-тепе (Гург-тепе, Ак-кум, Қуш-кишлак, Арал-и Терак-кишлак, Дудук-кишлак, Арал-и Ингичка, Арал-и Яман-шу, Бек-темур, Арал-и Шаханд, Джама-шу, Арал-и Мамахан, Абдул Мумин-суфи, Арал-и Қылган-дарё («قلغان دريا»), Арал-и Эзак («ارل ايزاك»), Арал-и Дуст-бай и Эрназар-бай, Уйрилчи, Мулла Мухаммад Нияз, Шахим-кули, Мазгил («مزگيل»), Бахр-Абад, Аччи) внес 469 1/2 тилля и 633 теньга[35].

7. Сахиб-берды курукчи — 5350 теньга[36].

8. Муса-пахлаван курукчи — 700 теньга.

9. Баба-назар курукчи — 600 теньга.

10. Қабул Хурд Мухаммад-курукчи — 1700 теньга.

11. Ирис-кули курукчи — 3550 теньга.

12. Мулла Ишмухаммад — 6200 теньга.

13. Мулла Мухаммадали — 1600 тенга.

14. Таш Мухаммад — 800 теньга[37].

Таким образом, только 14 ханских курукчи вносили в казну деньгами, взысканными с населения, 1133,5 тилля и 23 794 теньга, или 9066 руб. Курукчи было несколько десятков, а быть может, и сотен,

и все они вносили в казну, а также в хозяйство ханского дома ежегодно большую денежную сумму или продукцию куруков в натуре.

Доход хана от куруков не ограничивался только налогом со скошенных арендаторами хвороста, камыша и других продуктов целины. После покоса на эти земли с разрешения хана пускали за довольно высокую плату кочевые племена, живущие на окружающих долину горах и спускавшиеся в осенний период на зимовку со своими стадами. Это было крайне необходимо, так как вопрос о кормах для скота являлся одним из острейших в экономической жизни страны. В некоторых районах и так немногочисленный скот голодал. Обеспечить его даже минимальным количеством корма было не только крайне трудно, но иногда просто невозможно. Проезжая по западным окраинам столицы ханства, один из очевидцев писал: «Мы встретили на каменной дороге несколько тощих, надобно думать, заблудившихся коров и телят, которые ели буквально целиком конский помет... Говорят, что зимой и осенью тут вообще голодно, а кормить скот клевером или даже соломой, конечно, достает не у всех. Это ясно и по наружности кишлаков, обстроенных по большей части бедно, уныло»[38]. При таком положении с кормами даже для отдельных животных, без которых было невозможно ведение хозяйства оседлого крестьянина, о трудностях обеспечения стад и табунов скота кочевников не приходится говорить.

Так, один из старших сыновей известного начальника ханских саркаров и курукчи Мухаммада Садыка в своем донесении хану писал, что он в прошлом году с его ханского разрешения пустил в курукный район, расположенный между селениями Гург-тепе, Аччи и Чип-баба, кочевое племя («جماعة ايلا تيمر»), за что получил соответствующую дань. Это племя прибыло вновь в следующем году, и курукчи разместил его в районе, занимающем территорию от степей Гург-тепе и Хазрати-шаха до местности Аччи, за что получил 2430 теньга, о чем и докладывал хану[39].

В другом донесении тот же курукчи докладывал хану о том, что он, по разрешению Его Величества, разместил некоторые роды из племен тюрк, кипчаков и киргизов, прибывшие с разных сторон в местности Дам-куль и Аччи, за что с них было получено 1600 теньга, 0,5 чайриков сливочного масла и один кучкар (баран-производитель и сражающийся) для сына хана Урман-бека и еще три животных для пожертвования мазарам Шах-джарира, Биби-убайды и Султана Баяза Бастами[40]. Видимо, аренда зимних пастбищ сопровождалась пожертвованиями, подарками и т. п.

В одном из донесений Мухаммада Садыка-курукчи на имя хана говорилось, что ежегодно в зимнее время кочевники из числа кипчаков, киргизов и племени тюрк спускались к тугаям некоторых островов и находились там три—четыре месяца. Они платили по четыре теньга с каждых ста голов баранов. Эти деньги поступали в казну. В год подачи настоящего донесения 50 человек из племени тюрк со своими 50 отарами баранов[41], а другие племена с 40 отарами баранов были размещены в районе между селениями Гург-тепе, Караул-тепе и Султана Баяза Бастами[42].

Эта подать, взимаемая с кочевников за кормление скота в течение трех-четырех осенне-зимних месяцев очень скудными подножными кормами на ханских куруках, была установлена сверх закята, получаемого с них, и пяндж-яка. То, что стада кочевников пускались на зимовку с разрешения хана и за оплату только после уборки продукции курука, еще раз подтверждается следующим донесением Муллы Ишмухаммада-курукчи: «Я, — писал он, — убрал сено и сорные травы степных тугаев

и островов, начал продавать их. Увидевшие освобожденные из-под трав эти местности некоторые кочевые племена просят размещения». Даже курукчи в свою очередь просил хана дать указание на сей счет[43]. Хан здесь получал по существу за землю как ее собственник в течение года второй доход. Для кочевых племен иного выхода не было: они не могли оставаться на зимний период в опасных горных районах, где содержать скот было невозможно. Использование куруков для скота спустившихся с гор кочевых племен было делом нелегким. Кроме оплаты, надо было добиться разрешения хана и найти общий язык с курукчи. Вот заявление «бедных, нуждающихся кочевников» племени калла-сак («كلەسك»). В нем они писали, что каждый год в это время они спускались с гор и вместе со своим скотом размещались на соленых землях, находящихся на востоке от сел. Чарбаги-турангу. «В настоящее время мы опять пришли, спустившись с гор. Однако, не находя возможности жить здесь без разрешения Его Величества, мы обращаемся с просьбой о таком разрешении»[44].

Группа кочевников в составе 20 хозяйств из племени уяс («اویاس جماعەسی»), перекочевавших из районов Махрама, обращалась к хану со следующим заявлением: «Мы имеем стада баранов и табуны лошадей, соответствующие нашему положению. Мы со своим скотом жили невдалеке от Самгара и платили закят правителю Махрама. В эти дни царские чиновники нас беспокоят. Где бы мы ни жили, правитель Махрама взимает законный закят, а царские чиновники свои налоги. Притесненные этим обстоятельством мы перекочевали в местность Тахти-санг («تحت سنگ»). А эта летовка (یایلاو) падшалычная (ханская. — *Р. Н.*) и имеет своего курукчи. Желая остаться здесь, мы надеемся на милость Его Величества — выдачу грамоты»[45]. Это заявление свидетельствует о невыносимости положения этой группы кочевников-скотоводов. В районе прежнего их расположения, перешедшего к царским властям, с них взимался двойной налог; новый район их перекочевки принадлежал хану, за что при условии положительного решения о допуске их, надо было платить определенную сумму, кроме закята.

Для кормления верблюдов, принадлежавших кокандским торговым караванам, или тех, которые прибывали из соседних государств в Фергану, или проходили через нее, и допуска всех частных животных на курукные земли требовалось владельцу животных разрешение хана. Приведем два примера.

«Наш исконный доброжелатель Мухаммад Садык-курукчи помните и знайте, что держатели грамот Нашего Величества Саид Мурад-караванбаши и Рахим-караванбаши, где бы они ни пасли своих верблюдов, вы не оказывайте сопротивления, считая утвержденным. Не возражайте и не уклоняйтесь. 1287 г.»[46]

В другом документе, выданном, видимо, от имени хана, одним из его чиновников, давалось распоряжение Мухаммаду Садыку и его сыну Мулле Ишмухаммаду о том, что некий Бабаджан-караванбаши в эти дни привез из Бухары товар на 50 верблюдах. Он хочет подняться на Алай, поэтому ему необходимо подкрепить верблюдов. «В целях дружбы мы вам послали письмо. По прибытии его к вам вы дайте письменное разрешение вашим курукчи о допуске верблюдов каравана, чтобы последние свободно паслись благодаря Его Величеству»[47].

Эти два факта убедительно показывают, что никто даже временно, на один-два дня, не мог вступить со своим иногда небольшим количеством животных в пределы ханского курука без разрешения хана. Дело

доходило до того, что зачастую раболепствующий ханский курукчи обращался к хану с просьбой разрешить ему кормить животных самого хана на его же куруке после уборки всего того, что надлежало убирать.

Запрещалась на куруках всякая частная охота. В письме некоего Муллы Шахгулям-бия на имя Мухаммада Садыка-саркара от 1292/1875 г. говорилось, что человек, по имени Пайгамбар-кули, уроженец сел. Кубы (Кувы), охотился в районе Байбуча-кишлака. Слуга ханского саркара, по имени Мулла-кушок, отобрал у него ружье. Автор письма просил курукчи вернуть охотнику его ружье и обещал, что охотник больше не будет здесь охотиться[48].

По существу с ханских куруков никто не мог взять даже былинку. Все, вплоть до придворных чиновников и писарей, при надобности получения чего-либо для нужд ханского двора обращались за разрешением к хану. Перед нами ханский фирман, воочию подтверждающий сказанное. «Старейший и искренний наш доброжелатель Мухаммад Садык-курукчи и прочие, находившиеся на берегу реки Сырдарьи! Будьте осведомлены о следующем и знайте, что владелец грамоты Нашего Величества Уста Мухаммад-шариф, уроженец Туташ-кишлака («توتش قشلاق»), обратился с просьбой взять из побережных [зарослей] тростниковое перо («قلم») для оформления переписок высокого двора. Мы, оказывая [ему] любезность, приказываем, если он хочет брать по мере необходимости с берега реки тростниковое перо, не запрещайте и не сопротивляйтесь, 1287 г.»[49]

В условиях феодального строя часто встречаются факты двукратного или многократного взимания одного и того же налога. В течение одного срока, независимо от того, что трудящиеся оплачивали тяжелую подать или арендную плату одному правителю, ту же сумму требовал другой, соседний или даже лицо, подчиненное первому правителю. Подобные случаи были характерны для периода феодальной раздробленности и войн. Однако встречались они и во время единовластного деспотического правления Худояр-хана. Вот заявление группы кипчаков из рода улмас, живших на побережье Сырдарьи, в котором говорится, что Мулла Ишмухаммад-курукчи, сын Садыка-саркара, на протяжении трех лет охраняя тугаи в районе Кызыл-тала, продавал сорные травы одного небольшого острова за 6 тилля. Сверх того в течение двух лет эту же сумму взимал вторично балыкчинский курбаши. Податели заявления просили решить этот вопрос[50]. Или в одном из вышеприведенных документов, в котором говорилось о ежегодной зимовке кочевников из числа киргизов, кипчаков и племени тюрк на курукных землях хана, расположенных между селениями Караул-тепе, Гург-тепе и Султана Баяза Бастами, писалось, что группа в 50 человек из племени тюрк, которая имела 50 отар овец, уклонялась от ежегодной уплаты налога, ссылаясь на то, что правитель сел. Булаг-баши Халназар-эшик-агаси взимает с них положенную сумму[51].

Эти факты свидетельствуют о том, что в ханстве определенная часть куруков находилась, может быть, издавна или по грамоте хана во владении местных правителей. В отдельных случаях ханские курукчи пытались захватить и эти куруки или часть их, или же, наоборот, местные правители пытались завладеть куском ханского курука при всей строгости охраны и порядков в нем. В некоторых случаях люди хана и его наместников в отдельности насильственно получали определенную сумму дохода с одного объекта. Следовательно, население в некоторых местах вносило двум правителям одинаковые суммы за

йспользование курука. Такая практика продолжалась в течение нескольких лет на отдельных участках и вызывала постоянные споры. О нахождении во владении членов ханского дома и других отдельных частных лиц определенных участков куруков имеются прямые данные. Например, в своем заявлении уже неоднократно упомянутый Садык-саркар докладывал хану о том, что, посылая в прошлом году в хозяйство хана 211 арб янтака из местностей Джуки и Кумханы, поставил его в известность, что Курбан-сагира, ответственное лицо, т. е. курукчи участка (чека) Саида Урман-бека, «протягивал руки» к курукам этих местностей. Через год этот факт повторился; кроме того, Курбан-сагира пытался захватить и район селений Наукат, Сабир-тепе, Фатар-кишлак и Мирза-Абад[52].

Отсюда совершенно ясно, что сын хана Урман-бек, имея свой чек, претендовал на хозяйничание в соседних с его участком куруках. Из-за споров хана со своим сыном о принадлежности какого-нибудь участка курука серьезно страдало население. Перед нами заявление жителей сел. Мирза-Абад (из кокандских сел), в котором говорится, что ежегодно Мухаммад Садык-саркар получал пяндж-як с их янтака в пользу государства. «В этом году наши янтачные заросли (ینطاق زاریمیز) включены в участок Саида Урман-бека. Теперь, с одной стороны, по-прежнему требуют пяндж-як люди Мухаммада Садыка, а с другой — Курбан-сагира от имени нового хозяина Урман-бека»[53].

В своем письме Султан Мурад, маргиланский бек, на имя главного ханского курукчи Мухаммада Садыка довольно резко указывал последнему на то, что тот продал за 40 тилля сорные травы, убранные в окрестности его (бека) курганчи (хозяйственного двора), предназначенные для кормления скота бека[54].

Безусловно, опытный чиновник, начальник ханских саркаров, едва ли без ведома хана мог захватить сорные травы вблизи центра хозяйства единственного брата хана, пожалуй, самого крупного бека ханства, оставляя скот последнего без корма.

Такие споры между ханом и его сыновьями и между братьями, не говоря о спорах между другими собственниками из-за ничтожной суммы или мизерного количества сорных трав, являлись типичными для феодальных правителей.

В правление Худояр-хана практиковалось пожалование отдельных курукных участков служилым людям. В заявлении амина сел. Киргиз-кургана Наманганского округа Хатам-бая говорилось: «В прошлом году вместе с населением Киргиз-кургана я дал Садыку-саркару 59 тилля за урожай с тугая, находившегося под этим селением, и получил его. Теперь стало известно, что данный тугай пожалован (مبارك شده» «بوده است) рабу Его Величества Мулле Турдыали-бахадурбаши, который требует теперь указанную сумму. Однако, несмотря на это, и Садык-саркар по-прежнему требует эту сумму, т. е. 59 тилля»[55]. Другой киргиз-курганский (в подчинении Тюра-кургана) амин Мухаммад Ариф в своем заявлении на имя хана писал, что вот уже семь лет, как правитель Чуста Мухаммад-амин эшик-агаси продал за 80 тилля 30 жителям Киргиз-кургана земли на острове, находящемся на середине большой реки. Несмотря на это, люди Садыка-курукчи стали вмешиваться в эти земли. Хан разбор дела поручил самому Садыку-курукчи, и последний, ознакомившись с ним, следующим образом докладывал хану:

«Действительно, 7 лет тому назад, по приказанию хана, правитель Чуста Мухаммад-амин эшик-агаси продал находящиеся в Киргиз-

кургане два острова за 80 тилля людям, подавшим заявление, оформив купчую (وثيقه) с печатью вашей светлости. Я вот уже четыре года являюсь курукчи благодаря любезности Вашего Величества. В течение этих четырех лет согласно купчей 1/3 часть сорных трав («خسن خاشاك») указанных островов убирало население, 1/4 часть брал покойный Мухаммад Амин-бай и расходовал на нужды своей урды. Я, зная о наличии купчей, соблюдая ханский фирман, считал эти острова принадлежащими местному правителю и не вмешивался в них. Однако вот уже три года в низовьях этого острова напротив Чар-дары появился новый остров ориентировочно на 50 джуфт земли, не входящей в купчую. Я хотел убрать продукцию вот этого нового острова»[56].

Этот весьма важный документ свидетельствует, во-первых, о том, что проданный населению участок курука целиком и полностью не мог быть им использован. Они имели право только на 1/3 часть дохода с этого участка, а 25% дохода шло в пользу местного правителя. Об остальной части, т. е. более 40% дохода, в документе ничего не говорится. Так, население, оплачивая за остров, вместе с тем должно было выделять долю местному правителю, а, возможно, несло и другие расходы.

В письме некоего Сулеймана-ловара на имя курукчи Мухаммада Садыка указывалось на прибытие семи отар баранов, принадлежавших его (Сулейману) родственникам, поэтому он предлагал Садыку не вмешиваться[57]. Это было, видимо, его владение, ибо на чужие владения, тем более на ханские, он, естественно, не мог пустить стада баранов своих родственников.

В заявлении Мухаммада Юсуфа-миршикара курукчи писалось, что амин сел. Янги-курган Абдулхалик имеет грамоты (муборак-наме) на пяндж-як сена и камыша Тунгуз-куля (около Караул-тепе) и Бек-Абада (около Хазрети-шаха). Курукчи просил от хана конкретного указания на этот счет[58].

Амины селений Гург-тепе и Ак-терак Юлдаш-бай и Абдулла платили ханскому чиновнику в качестве утун-пули, камыш-пули и фичан-пули по 80 тилля ежегодно. В один год 40 тилля с населения взыскал некий ханский чиновник Ходжа Нияз, и вместе с тем ежегодную сумму требовал старый чиновник. При этом Ходжа Нияз, получив 40 тилля, обещал населению добиться освобождения от этой подати.

О существовании частновладельческих курукных земель говорят еще и следующие данные. Житель Какир-кишлака, из кишлаков Кияли, Эрмухаммад имел здесь «много наследственных янтачных зарослей», и он вместе с населением Какир-кишлака внес в кладовые хана 8 тыс. снопов янтака за год[59]. В документе, адресованном Мухаммаду Садыку-курукчи, выданном в месяце джумади-ул аввал 1287 г. х.[60], указывалось, что некий Абдул Кадыр-ходжа имел янтак, который он убирал со своей земли. Дается указание о том, чтобы никто из низших должностных лиц и сборщиков налогов не вмешивался в его дела.

Из двух последних документов видно, что определенные участки курукных земель находились во владении частных лиц, может быть, и не связанных со службой. Некоторые из этих земель даже носили наследственный характер. Судя по первому документу, владетель внес определенное количество снопов янтака из общих 8 тыс., видимо, в виде пяндж-яка; в другом же документе—владетель курука был освобожден от этой подати. Что касается предупреждения в документе о невмешательстве чиновников, то это лишний раз свидетельствует о на-

личии на практике такового даже на освобожденных от подати участках.

Однако процентное отношение курукных земель, находившихся во владении, возможно, и в собственности частных лиц, было незначительным в сравнении с государственными куруками (их государственная принадлежность носила номинальный характер), которыми, как мы видели выше, целиком и полностью распоряжался хан. Несмотря на это, были и куруки хана, видимо, на правах собственности. Эти пустопорожние земли, расположенные главным образом на побережье Сырдарьи, отдавались в аренду на тяжелых условиях, т. е. хан получал плату за землю («بیر حقی»، «زمقن حقی») как в условиях обрабатываемых земель. В данном случае, видимо, арендаторы имели право обрабатывать ее и сеять ту культуру, которая им была нужна. Так, три-четыре каракалпака два года подряд брали в аренду пустой остров в этом районе, сеяли там джугару и дыни и ежегодно платили за аренду земли («زر، حقی میه») в размере 30 чайриков зерна и деньгами 15 тилля[61]. Бросается в глаза крайняя тяжесть земельной аренды. Ведь только три-четыре человека обрабатывали эту землю острова и должны были выплатить в качестве арендной платы 30 чайриков зерна и 15 тилля.

Продукция собственных куруков хана (камыш, хворост, сено и другие сорные травы) убиралась путем мобилизации населения окрестных сел в качестве мардикаров на ханский хашар и целиком передавалась в ханское хозяйство или продавалась, а полученная сумма вносилась в казну хана. Например, ханский саркар по установившимся правилам в 1288 г. х. по поручению хана мобилизовал для уборки камыша в Ер-мечети мардикаров из следующих кишлаков: Джилва-кишлак—20 чел., Туркман — 30 чел., Чуминш-бий—40 чел., Арабан-и калан—50 чел., Арабан-и хурд —10[62]. Всего только из пяти кишлаков 150 чел.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что во владении куруками частный сектор был очень незначителен, хан почти полностью присваивал себе доходы куруков. В управлении куруками наблюдались и беспорядки: допускалось двукратное взимание пяндж-яка, ханские управители вмешивались в дела друг друга, наблюдался захват чужого имущества отдельными владельцами, близкими родственниками, даже членами ханского дома, взимались с народных масс разные средства в счет этой подати. Следовательно, притесненные, задавленные все растущими основными и чрезвычайными налогами народные массы должны были не только платить и этот новый налог, не только вносить значительные суммы за зимние пастбища, не только выполнять ежегодный принудительный тяжелый хашар, но и страдать от самой разорительной формы управления куруками.

Кроме курукных владений, хану принадлежали и озера. Он все более прибирал к своим рукам угодья, находившиеся столетиями в пользовании общин. Все растения (камыш, сорные травы), произраставшие по берегам озер, растительный и животный мир самих озер, даже сама вода в озерах были взяты на учет кулбанами (надзирателями озер) хана, и без его или его чиновников разрешения никто не мог пользоваться ими. Приведем заявление группы каракалпаков из Центральной Ферганы: «Покорное заявление подданных и неимущих приблизительно до восьмидесяти семейств от племени каракалпак, живущих в местности Дам-куль,— рабов Его Величества. О покровители рабов! С древнейших времен до настоящего

времени мы поили досыта свой скот водою указанного озера (Дам-куль) и кормили его до сих пор пальчатой (аджириком), растущей по берегу озера. В настоящее время, благодаря любезности Его Величества, раб Его Величества, под именем Мулла Ишмухаммад, сын Садыка-курукчи, оказывается назначен ответственным лицом над этим озером. Указанный Мулла Ишмухаммад все время говорит, что без разрешения Его Величества не могу дать разрешения напоить скот из этого озера, кормить его пальчатой. Поэтому мы растерялись в отношении кормления животных. По этой причине из-за безвыходного положения, прибыв в резиденцию Его Величества и изложив наше положение, надеясь на любезность Вашего Величества, подали прошение. Еще Вы сами господин, защищающий интересы подданных, являетесь себе хозяином»[63].

В письме одного из чиновников Ата-бека дадхи на имя Садыка-курукчи указывалось, что некий бедный человек под именем Ишмухаммад раньше поднимал «шовар» («شاور» —сорт камыша) из озера, а теперь ему запретили это. Дадха обращался к курукчи, чтобы он разрешил бедняку брать по-прежнему «шовар» для себя. Если имеются причины, не разрешающие это, то следует осведомить его[64].

Этих двух фактов достаточно для иллюстрации мнения о захвате ханом озер со всем их содержимым.

Следует отметить, что ни один курукчи, даже самый опытный и преданный хану или другим владетелям, не мог самовольно приступить к покосу на куруке и продаже его продукции. Обязательно требовалось разрешение владетеля. Курукчи, сообщая в своем донесении о созревании диких растений на его участке, просил у владетеля разрешения начать покос. Приведем несколько примеров.

Мухаммад Садык-кулбан сообщал в донесении хану о том, что в местности Тукай-мазар сено перестоялось, листья стали падать, и просил разрешения на косьбу[65]. Один из ханских писцов Мухаммад-мирза сообщал Мухаммаду Садыку-мирахуру (курукчи), что его заявление о разрешении хана на продажу камыша и сорных трав тугая Кирчин-кургана доложено Его Величеству, и последний, считая время подходящим для продажи тугая, дал согласие. Далее автор записки просил курукчи отпустить 5—6 арб дров для нужд его дома, намекая при этом на жадность ханского курукчи[66].

Племя урганджи («جماعهٔ اورگنجی») проявляло желание купить камыш, годный для бердана (больших грубых камышовых циновок), и хотело своевременно убрать его с поля. Когда настало время продажи камыша, сена и сорных трав на островах, находящихся на реке, курукчибаши Мулла Ишмухаммад, сообщая об этом, просил хана дать соответствующие указания на продажу[67].

Курукчи Мухаммад Юсуф-миршикар просил хана разрешить покосить сбереженные им дрова, янтак и сено. Хан в ответ указал на необходимость получения совета старшего саркара Мухаммада Садыка[68].

Амины и аксакалы сел. Калла-муш в своем прошении писали, что на косьбу янтака с государственных земель и взимание пяндж-яка уже было разрешение Его Величества. Они просили Садыка-курукчи выделить человека для получения царской доли во время косьбы. А Садык-курукчи не дал человека, ссылаясь на то, что не может сделать этого без разрешения Его Величества, «почему и амины, и аксакалы приходят к высокому порогу за получением этого разрешения»[69].

Приведенные данные убедительно подтверждают факт о выдаче разрешений на уборку урожая на любых участках хозяйства только самим владельцем. Никто иной не мог начать эту работу без его ведома. Это и заставляло и мелких чиновников, и широкие народные массы обращаться непосредственно к самому владельцу — хану, что, несомненно, усиливало их зависимость от него. Такое положение представляло большие трудности для потребителей, так как хлопоты о получении разрешения самого хана были делом не легким. Первый из приведенных документов свидетельствует о том, что в отдельных случаях, когда падают уже листья сухого растения куруков, качество и вес которого при этом снижаются, даже наиболее преданный и старый, добившийся расположения государя ханский управитель Мухаммад Садык-саркар не мог самостоятельно приступить к уборке.

При определении времени уборки владетель подходил всесторонне. Во-первых, он не допускал преждевременной уборки, чтобы не снизилось качество продукции. Во-вторых, несомненно, искал хороших потребителей прежде всего для своевременного сбыта и освобождения курука из-под трав, что отмечалось в одном из документов. Последнее необходимо было для того, чтобы вовремя допустить кочевые племена на зимовку, что также приносило немалый доход.

Как уже отмечалось, все управители куруков (курукчи) и начальник ханских курукчи (курукчибаши) назначались непосредственно ханом, несомненно, из числа преданных, проверенных, бдительных и алчных людей, могущих соблюдать и отстаивать интересы своего владетеля. Во многих случаях ими становились сыновья курукчи при жизни или после смерти отцов. Естественно, они уже имели достаточный опыт в управлении куруками (сын Садыка-курукчи Мулла Ишмухаммад, сын Пахлавана-курукчи Мухаммад Исхак и др).

Мы имеем документы о назначении ханом курукчи в ряде местностей, которые, видимо, в силу необходимости могли по назначению хана переходить с одного участка на другой. Например, хан назначил следующих курукчи:

1) по местностям Кызыл-тал и Яман-шу («يمان شو») —Исхака-курукчи и его помощником — Мухаммада Карима-курукчи;

2) по Дам-кулю — Мухаммада Муса-курукчи и в качестве помощника — Абдукарима-курукчи;

3) по Аччи-кулю — Ирис-кули курукчи, его помощником — Мухаммадали-курукчи;

4) по Мамахану — Мухаммада Садыка-курукчи;

5) по Арал-и сангу и Джар-кулю — Мирза-бия и Ишмухаммада, в качестве помощника — Мухаммада Кабила-курукчи;

6) по Калла-мушу (район) —Азима-курукчи;

7) по Чарбаг-турангу (подчинен Навкату) — Артука-курукчи;

8) по тугаю Ишан-кишлака — Рузи Мухаммада-курукчи, в качестве помощника — Мухаммада Разика-курукчи[70].

Видимо, в этих местностях для управления курукным участком одного курукчи было недостаточно, в результате чего возникла необходимость в назначении дополнительных лиц в качестве заместителей или помощников курукчи. В документе пишется « در یانش » (около него).

Когда речь идет о подборе курукчи, даже мелких, нельзя не обратить внимания на следующий факт: Мухаммад Юсуф-туксаба был ответственным лицом за коров хана[71], которые находились, видимо, при хане во время его охоты в Наманганской области. Он как верный слу-

житель был назначен во время охоты хана[72] курукчи на участке Аман-тугай-тепе, входящем в состав сел. Минг-булак.

Назначая курукчи на определенный участок, хан строго предупреждал его самого, всех чиновников и население о необходимости ведения строгой охраны объекта, о задачах и ответственности курукчи, о необходимости соблюдения населением порядков на куруке и т. д.

«В настоящее время, — писал хан в своем указе, — все местные правители, управители, должностные лица, слуги высокопоставленных лиц, безусловные собственники и простые подданные, будьте осведомленными, сведущими и знайте, что мы, оказывая любезность в отношении старого нашего слуги Артука Мухаммада, назначили его курукчи старого пунканского тугая. Следует всему привилегированному и простому народу той местности и другим считать его курукчи и должностным лицом на указанном тугае; не допускать в этот тугай даже одного из числа своего скота и не брать отсюда дров, щепок и камыша. Указанный курукчи, сберегая дрова и хворост настоящего тугая, обязан следить за тугаем от начала до конца, чтобы без разрешения Нашего Величества дрова и хворост этого тугая не отпускал никому, не терял и сберегал. Поэтому, считая это утвержденным, не выходите из приказа Нашего Величества и не сопротивляйтесь. В месяце джумади-ул-соии 1284 г.»[73].

В свете этого фирмана хана, свидетельствующего о полном присвоении курука ханом, странно выглядит мнение Мидендорфа якобы о заботе Худояра сохранить и умножить растительность степи. Его сотрудник Смирнов как будто слышал от людей (возможно, от людей самого хана), что хан якобы «издал запрещение выкапывать сапами (вид кирки.—*Р. Н.*) для добычи топлива степные травы и степные кустарники раньше того, чем они высыпят свои семена», и якобы население было благодарно хану, а степного топлива стало больше, и оно подешевело[74]. Это распоряжение хана пока не обнаружено, хан, конечно, мог издать такое запрещение, но только в своих личных интересах. Его «забота» о населении не подтверждается самим характером изложенного нами документального материала и другими источниками.

Уже указывалось, что временами соседствующие курукчи требовали у населения одну и ту же подать. Часто между ними возникали споры о принадлежности отдельных участков пустынных земель, находившихся под надзором того или иного управителя, от этого страдали прежде всего народные массы.

В одном из вышеприведенных документов описан следующий факт. Вновь назначенный ханом некий Бектемир-курукчи, выходец из среды ферганских каракалпаков, поставив своего караульщика на охрану камыша и сорных трав в местностях Джуки и Кызыл-тал, получил с них 15 тыс. снопов сена. Ханский курукчи Мухаммад Садык со своей стороны продал из окрестностей курганчи этого участка камыш за 41 тилля. Однако Бектемир-курукчи, не отпустив камыша, требовал возвращения указанной суммы. Мухаммад Садык, обращаясь к хану, просил разрешения вопроса в его пользу, иначе подрывался бы его авторитет, т. е. авторитет начальника ханских курукчи[75].

Сын Мухаммада Садыка Мулла Ишмухаммад по поручению хана обходил район указанного выше сел. Кызыл-тал и заметил отсутствие старого (прошлогоднего) камыша и хвороста, которые видел хан, проезжая на охоту. Собранные им в связи с этим амины и аксакалы рассказали ему, что после окончания царской охоты Бектемир-курукчи, собрав население обоих берегов Сырдарьи, в течение месяца продал им весь камыш и хворост. Мулла Ишмухаммад опросил об этом сына

Бектемира-курукчи, тот ответил: «Его Величество назначил моего отца курукчи для того, чтобы он питался и одевался. Хан не говорил, чтобы он собирал деньги. Поэтому продавали и выручку расходовали на свои нужды... Если Его Величество потребует от нас достать то, что уже израсходовано, то доставим в Коканд, сколько бы ни стоило денег...»[76].

Мы видим, что, несмотря на строгости, установленные ханом в отношении продукции куруков, курукчи порою вели себя довольно вольно. Отсюда ясно, что в отношении имущества народных масс они позволяли себе многое.

Курукчи временами обходили большие массивы амляковых земель с целью определения их категории и годности к земледелию. Например, по приказанию хана один из курукчи обошел амляковые земли приблизительно в тридцатидневном размере около селений Дангара-кишлак и Алти-кош[77]. Часть их в десятидневном размере была занята под дынями и джугарой, а остальная была целиной[78].

Согласно распоряжению хана, старшие саркары и курукчи, собрав аминов, аксакалов и определенный круг населения сельских местностей, выясняли и уточняли причины возникших различных хозяйственных споров между группами населения, а также населением и государственными чиновниками, о чем докладывали хану. В случае возникновения сомнения у хана о деятельности отдельных курукчи проверка поручалась более доверенному лицу и опытному курукчи. Это подтверждается многочисленными документами. Например, амины и аксакалы местностей из группы селения Кызыл-тал сообщили о том, что они приобрели у Бектемира-курукчи камыш и сорные травы за 52 1/2 тилля. Проверку правильности действий Бектемира-курукчи хан поручил известному главе саркаров и курукчи Садыку-саркару. Последний, прибыв на место, собрал население местности Кызыл-тал и еще 7 селений на левом берегу Сырдарьи и опросил его относительно покупки продукции целины у Бектемира. Было уточнено, что население указанных 8 селений купило у курукчи Бектемира 98 арб камыша для корзин, 119 арб солончаковых растений, 212 арб дров, 84 арбы осоки, 122 арбы гребенщика и дало курукчи, кроме положенной за них суммы, еще 15 теньга.

Таким же способом Садык-саркар уточнил доходы Бектемира-курукчи с правого берега Сырдарьи. Выяснилось, что курукчи продал там 189 арб камыша, 56 арб куга (сорт камыша), 139 арб дров, еще других вещей за 16 тилля[79]. Сверх этого курукчи взял у населения 3 тилля и ковер в счет будущего дохода — еще не созревшего камыша какого-то острова[80], а также допустил стада баранов некоего Бегим-кулибия из племени тюрк на ханский курук сроком на два месяца, за что получил 3 тилля. Таким образом, выяснилось, что Бектемир-курукчи продал 1019 арб камыша и разных трав и получил еще 22 тилля, 15 теньга и один ковер. Все это было доложено хану, которому было известно только поступление от пяндж-яка—52 1/2 тилля[81].

Согласно другому документу, расследователь (имя не приводится) писал, что «мне было поручено расследование прошлогодних приходов от курукчи ханскому дому и наметки их на текущий год. Я прибыл в селение Чарбаг-турангу, тщательно проверил Алима и Шерали-курукчи. Они за этот срок получили 240 арб дров, 150 теньга деньгами и одного козла. Потом я прибыл в Ишан-кишлак, где, собрав население и двух курукчи—Рахман-кули и Хамра-кули, уточнил их доходы. Они получили от населения [как пяндж-як] 470 арб дров, 304 теньга и одного козла». А от населения района Калла-муш-кишлака Мирза и Юл-

даш курукчи получили 508 арб и 76 теньга. Население Таргоба-кишлака внесло двум курукчи — Абдурасулу и Хакиму—256 арб дров и 194 теньга[82].

Для ясности вопроса приведем еще один факт. Когда спросили у Мухаммада Исхака-курукчи, сына покойного Пахлавана-курукчи, ответственного за тугай Минг-булак, о доходе с этого тугая, он ответил расследователю Мулла Али-кули: «Твои предки были доброжелателями, и ты сам им являешься, знай: он (видимо, речь идет о каком-то владетеле или высокопоставленном чиновнике) взял в качестве штрафа[83] 400 тилля, после этого Минг-бай дадха взял 100 тилля, покойный кипчак Мухаммад Аюб взял в качестве штрафа тоже 100 тилля. Я остался лишенным всего имущества. А Его Величество хан, оказывая мне любезность, назначил меня курукчи в местности Минг-булак. Я от души стремился к наведению порядков в этом куруке. В силу разоренности и нужды на домашние расходы продавал временами одну или две арбы сена, которые в любое время могли бы пропасть под копытами животных. Если бы я продавал много, то я обязательно бы доложил хану. Даже при таком положении я сожалею о совершенном и раскаиваюсь. Дальше я буду осмотрительнее»[84]. Все это было доложено хану в письменной форме.

Таким образом, первый из этих документов свидетельствует о том, что владельца интересовала не только сумма 52 1/2 тилля, поступившая в руки курукчи, о которой ему было известно, но и конкретные данные о количестве камыша, дров, осоки, гребенщика и других сорных трав. По второму документу расследователь, несомненно, из числа тех же курукчи определил заприходованные курукчи селений Чарбаг-турангу, Ишан-кишлак, Калла-муш и Таргоба дрова и деньги (всего 1478 арб и 724 теньга). Далее указывалось, что из этого количества 508 арб дров переданы в руки муллы Хушвакт-мирзы[85]. Третий факт убедительно говорит о том, что до назначения на данный участок курукчи платил за какие-то свои грехи довольно крупную сумму в 600 тилля в качестве штрафа. Очевидно, он был разорен, поэтому после назначения на новый участок без разрешения хана самовольно присвоил известную часть дохода со своего участка на нужды собственного хозяйства. При проверке это раскрылось, и курукчи, раскаиваясь, приносит извинения владетелю.

Все это свидетельствует о строгости хана в отношении всех поступлений в его пользу от курукных участков. Однако при всем этом курукчи не забывали о своих интересах, особенно если была возможность ограбления народных масс, т. е. взимания с них сверх поступающих доходов в пользу владетеля. Взятки с разоренного населения, подкупы курукчи были, несомненно, обычным явлением. В прошении бедных жителей сел. Амир-Абад писалось: «Мы, рабы Его Величества, Мухаммаду Садыку пожелали выдать две-три тилля в качестве оплаты за заслуги в виде чай-пули. Раб Его Величества ответил, что без разрешения Его Величества за взятие одной мелкой монеты боится потерять голову». И они просили у хана на это разрешения[86]. Мухаммад Садык, преданный хану, боялся, видимо, что подобная откровенная взятка может стать известной хану, и вполне возможно, что, доведя до хана свой отказ от этой незначительной взятки, хотел добиться его бо́льшего доверия. В других случаях он едва ли мог отказаться от того, к чему стремился.

Таким образом, в хозяйстве хана практиковалось нечто вроде ревизий. Проводились ли эти ревизии ежегодно в определенное время осенью, или практиковались они по мере необходимости, сказать труд-

но. Но курукчи обязаны были докладывать обо всем, что происходило на их участках. Характерно в этом отношении следующее донесение Муллы Ишмухаммада-курукчи, организовавшего перевозку дров для обжига кирпича. По дороге он остановился на мазаре Ходжи Тураба, где ненадолго уснул. Во сне он сажал хана на белого верблюда и даже об этом письменно сообщал хану[87].

Несмотря на установление строгого контроля за куруками в защиту интересов ханского дома, обездоленное население, в связи с крайней нуждой в этом в большинстве случаев в период политических неурядиц, а также когда хан покидал страну, пыталось пользоваться продукцией отдельных участков ханского курука. Обратимся к фактам.

1. В заявлении Мухаммада Садыка-курукчи говорилось, что вся западная сторона земли Дангара-кишлака до берегов Сырдарьи принадлежит хану, восточная же — населению. Земли, находящиеся в середине, тоже были ханскими. Когда хан уехал в Джизак[88], население Дангары захватило эти ханские земли, разбив их на чеки. Жители сел. Алти-кош захватили одну половину тугая этого района, другую же — люди Амир-Абада[89].

2. В одном ханском указе от 1275 (1858—1859) г. говорилось о наличии сведений у хана о том, что население окрестных сел Тукай-диваны берет дрова из этого тугая. Хан предупреждал о том, что ни один человек не должен прикасаться к дровам этой местности. Он назначил курукчи этой местности Казак-бая и Мухаммада Садыка[90].

3. Мулла Ишмухаммад-курукчи сообщал хану, что население Гург-тепе без какого-либо разрешения взяло камыш в местности Дам-куль. Курукчи просил разрешения хана на взимание с него соответствующей суммы за увезенный в прошлом году камыш[91].

Люди из того же кишлака Гург-тепе самовольно освоили по одному или двум джуфтам амляковых земель и стали производить на них земледельческие работы, а также, захватив приблизительно 40—50 джуфтов мертвых земель, пользовались их дровами. Видимо, это произошло в результате крайне тяжелого положения населения данного кишлака, ибо хан вынужден был пойти на незначительную уступку — разрешить населению убирать дрова и сено только с окрестностей — обводных площадей земельных участков. Однако все равно был составлен список виновных и собрано 40 тилля и 5 теньга в качестве штрафа. Кроме того, аксакалы и амины района Гург-тепе, население которого было «повинно», были приведены в урду, чтобы держать ответ перед ханом[92].

4. Пять или шесть человек из населения кишлака Ак-тавук пытались продать 22 джуфта амляковых земель, не имеющих владетеля, находящихся между селениями Ак-тавук, Чимбай и Иштан-салды (زمين مملكة» «بلامالك), за одну тысячу теньга. Однако, боясь последствий, не осуществили продажу[93].

Все эти факты свидетельствуют о том, что тяжелая нужда, разоренность, неимение возможности хотя бы минимально обеспечить свои хозяйства самым необходимым, безземелье и малоземелье заставляли людей использовать хотя бы временно, на один-два года, отдельные мелкие земельные участки, лежавшие рядом на протяжении веков пустопорожними и не принадлежавшие никакому частному лицу. Подобные случаи быстро обнаруживались зоркими ханскими курукчи, и «виновные» подвергались наказанию.

Ханские чиновники не только охраняли движимое, недвижимое имущество хана, не только предотвращали какие-либо проявления

посягательства даже на совершенно незначительную часть ханского имущества, но и стремились к увеличению богатств хана, к расширению его владений за счет тех мелких пустопорожних земельных участков, которые находились в общественном пользовании.

Вот заявление населения Гадай-топмаса: «Покорное заявление подданных и неимущих рабов Его Величества кишлака Гадай-топмас, находящегося на берегу реки. О! Отзывающиеся на заявления, покровители рабов! В указанной местности, на берегу реки, был тальник, несколько похожий на тугай, заготавливая каждый год из этого тугая дрова и хворост, мы существовали. Вот уже год как раб Вашего Величества Мухаммад Садык-саркар охраняет указанный тальник. Насчет дров и хвороста мы крайне устали[94]. Поэтому, придя к высокому двору, подали мы прошение о нашем нищенстве. Если будет любезность со стороны Вашего Величества, мы выплатим высокой ценой стоимость этого тальника с землей и, как в прежние годы, успокоившись, заготовим дрова и хворост и будем молиться за Ваше Величество. О, боже, да будут они здоровыми»[95].

Некий Мустафа-кули сагира из Сари-мазара заготавливал в летнее время сено для своего скота в местности Аччи-куль. «Теперь,— писал он,— оказывается без разрешения Вашего Величества нельзя брать сено из этой местности». Он просил хана, чтобы он дал на имя Садыка-саркара грамоту[96].

Один из каракалпаков, по имени Мухаммад Кабил, из местности Хаузак купил здесь отрезок камышовых зарослей у некоего Худояра за 8 тилля. Ханские курукчи, находившиеся под начальством Садыка-курукчи, выгнали его, по его словам, с «собственной земли» (ملك زرخريد) сказав, что земля принадлежит к категории «падшахлик», и не возвратили ему денег[97].

Приведенных фактов вполне достаточно для иллюстрации отмеченного нами положения о продолжавшейся концентрации земель, в том числе и курукных, в руках верховного собственника земли, которая вела к обнищанию сельского населения. Хан все больше присваивал отдельные отрезки курукных земель, находящиеся в общественном пользовании, лишая беднейшую часть населения и этих источников ее существования. Население, не надеясь на возвращение относительно лучшего былого положения, стремилось вернуть потерянное даже за любую сумму.

В эпоху феодализма, когда господствовали социальное неравенство, гнет, беспредельный произвол и издевательства кучки имущих над массой неимущих, во время стихийных бедствий очень страдали народные массы, не получая никакой помощи. Различные эпидемии, наводнения, (вследствие которых разрушались дамбы, плотины, вода охватывала большие посевные площади, нанося огромный урон народному хозяйству), сыпучие пески, довольно часто беспокоившие некоторые западные районы Ферганы, были спутниками тогдашнего общества.

Растительность на поверхности земли в значительной степени предотвращала ужасное явление природы -- наступление передвижного песка, а население этих районов — от неизбежного бедствия. Искать другие средства, предотвращающие это явление, население в тех условиях не могло, поэтому оно всячески стремилось сохранить во что бы то ни стало растительность, боролось против ее уборки и истребления. А пески временами наступали и на курукные земли, и на земледельческие районы, опустошая целые кишлаки. По словам А. П. Хорошхина, летучие пески заваливали ирригационные каналы, плантации и выгоняли насе-

ление из деревень. Он слышал из уст местных жителей о том, что соседствующие кишлаки Улуг Дехкан-туда и Кичик Дехкан-туда пять лет тому назад (т. е. на грани 60-х—70-х годов прошлого века) составляли один кишлак, который был разделен песчаным ураганом, выгнавшим их обитателей. Площадь, охваченную ураганом, Хорошхин ориентировочно определял в 200 квадратных верст[98]. Федченко писал о погребении полузасохших деревни и сада[99]. Мидендорф читал в трудах поверочной комиссии факт о процессе погребения деревни Эки-терак в Кокандском уезде, где было отмечено, что «в недалеком будущем она окажется засыпанной песком». Он же отмечал, что деревня Харфа, подходящая к самому сел. Патару, уже была захвачена песком до его приезда[100].

Со степных мест, за дрова которых население полностью оплачивало налог пяндж-як под названием «утин-пули», не могла убираться полностью вся растительность. Несмотря на это, ханский курукчи после уборки населения обходил поля, а затем путем хашара убиралась вся оставшаяся трава и доставлялась в хозяйство хана. Приведем в качестве примера донесение Муллы Ишмухаммада-курукчи: «...О, защитники рабов! Я еще в пору осени подсчитал и взял с населения, живущего в окрестности селения Беш-банги, утин-пули и передал казне. Однако в степных местах указанного селения имеется еще известное количество дров. Надеюсь на получение от моего господина высокой грамоты. Если соизволите, то соберу на хашар тамошних пеших людей, без повозок, с помощью которых уберу с поля дрова, и собрав людей, имеющих повозки на хашар, думаю доставить дрова на указанные хишт-ханы (кирпичные заводы.—*Р. Н.*)...»[101].

Имеются, правда, немногочисленные данные, свидетельствующие о возмущении населения таким поведением ханских чиновников в тех условиях, когда народные массы вели борьбу против стихии. Вот заявление[102] бедных людей Фатар (Патар)-кишлака, расположенного в низовьях р. Исфары, невдалеке от г. Канибадама. В этом документе говорится, что в западной части этого селения росли мелкие, подходящие для бердана камыши[103]. Мулла Ишмухаммад, прибыв сюда, продал камыш для бердана за 35 тилля и хотел продать также мелкий камыш. «Если,—говорится в документе,—скосится этот камыш, то Фатар-кишлак окажется засыпанным песком». Поэтому население кишлака, придя к ханскому двору, изложило положение дел и просило хана помочь. Хан проверку истребления камыша поручил одному из своих махрамов Рузи Мухаммаду. Последний, расследуя на месте, собрал население кишлака, которое сообщило, что Садык-саркар, назначив на это место курукчи, вот уже 3 года охранял камыши[104].

Этот документ свидетельствует о бесчеловечности ханского лакея Мулла Ишмухаммада, для которого ровно ничего не значило наступление песков на населенные кишлаки, гибель земледельческих культур, страдания и уход людей из этих районов. Его интересовали только, пусть даже незначительные, доходы, поступавшие в казну его владетеля от продажи мелких камышей и сорных трав.

Изложим содержание еще двух документов по этому вопросу. «Покорное заявление подданных и аксакалов селений Тюрки-калон, Чимбай-кишлака и Караягач-кишлака, молящихся за Его Величество. О! Отзывающиеся на заявления!

Его Величеству было известно, что наши посевные земли были засыпаны песками, стали неплодородными и превратились в колючковые и топливные заросли». Далее отмечалось, что в связи с этим значительная часть населения уходит отсюда. Несмотря на это, хан приказывал, чтобы оставшееся население платило с этих зарослей пяндж-як[105]. Удив-

ляет бездушие этого приказа. Плодородные земли остались под песками, часть разоренного населения вынуждена была покинуть насиженные места, остальная же даже при создавшемся тяжелом положении вынуждена была оставаться на месте, но она была без крова. Вместо того, чтобы оказать мало-мальскую помощь обездоленному населению, хан требовал налог со степной продукции, которая произрастала на прежних посевных площадях. Порою внести пяндж-як было некому (долго ханского саркара не бывало на местах), а до взимания пяндж-яка, как отмечалось выше, жители не имели права отвезти свои доли. Население отдельных пострадавших кишлаков, перешедших во владение хана, для возвращения на старые места, как было отмечено во введении, вынуждено было платить значительную сумму[106].

Интересен еще один яркий факт, приведенный В. Наливкиным. Сырдарья размыла собственные возделанные земли жителей кишлака Катаган, находящиеся в 20 верстах юго-западнее Намангана, на правом берегу реки. В рассматриваемое время ввиду уклонения реки влево на месте размыва на правом берегу образовалась снова отмель и постепенно превратилась в место, годное для хлебопашества. Казалось бы, жителям Катагана была возвращена потерянная в силу стихийного бедствия земля. Однако в ханской урде считали, что «почва эта совершенно неожиданно возникла, по велению божию, почему и может принадлежать лишь богу же, или земному представителю его хану». Даже нашли в шариате ривоят, который , однако, не был подписан наманганским казикалоном Домуллой Турсуном Мухаммадом[107].

Так, правящая феодальная верхушка пыталась обогатиться за счет подданных даже тогда, когда они разорялись из-за гибельных стихийных явлений. Кстати, она использовала свои «права» в деле накопления богатства, если подобные явления происходили в соседних странах. В 1877 г., уже при царизме, ввиду наступления стихии на западные, соседние с Ферганой страны, значительно увеличился объем вывоза зерна через крепость Махрам. Такое же явление наблюдалось в правление Султана Саида (1863—1865). В самой Фергане при данной ситуации возникли серьезные затруднения и дороговизна. Худояр через несколько лет запретил нормальный вывоз при подобных условиях[108]: он немедленно повысил пошлину.

В 1872 г. Персия пережила страшный голод, унесший полтора миллиона людей. Бедствие это потрясло оказавшихся там европейских авторов, по словам которых, на пути их следования почти не было детей, так как они стали жертвой голода. Подобное бедствие в соседней стране привело к росту пошлины на вывозимые из Средней Азии различные товары и продукты питания.

Вся продукция целинных земель (дрова, хворост, камыш и сорные травы), получаемая в виде пяндж-яка и собираемая путем мобилизации людей на хашар или маркидар, поступала главным образом в ведение ханского правительства. Деньги, полученные курукчи от потребителя за пяндж-як или просто покупателей уже убранной продукции целины, передавались в ханскую казну. Большая часть собранной продукции использовалась в хозяйстве ханского дома. Судя по одному донесению Мухаммада Садыка хану, было отпущено только янтака: для тоя брата хана Султана Мурад-бека 58 тыс. вязанок, для ханского кирпичного завода («خشت خانه») в руки Буты-амина — 4150 вязанок и в руки Ташмухаммада-джарчибаши[109] (янтак вместе с сеном)—4500 вязанок[110].

Мы приведем данные о поступлении с местности Ишан-куль дров на кирпичный завод хана, доставленных аминами 11 сел. (табл. 1).

Как видим, сразу с полей местности Ишан-куль дрова доставлялись на предприятия хана аминами 11 сел в количестве 20 тыс. вязанок, оцененных почти в 2 000 теньга.

Мулла Ишмухаммад-курукчи в своем донесении хану писал, что он принес 10 500 теньга, продав покос окрестных тугаев и островов. Еще за год до этого, собрав 25 000 теньга «ежегодного пяндж-яка» от янтака, поступающего с окрестных сел, он по распоряжению хана отдал на ханский кирпичный завод из этой суммы 21 800 теньга, а остальные 3140 теньга отдал за доставку дров на той старшего сына хана Насриддинбека. Далее курукчи просил хана, чтобы в текущем году ему было разрешено доставить целиком сумму от пяндж-яка в ханскую казну с тем, чтобы расходы осуществлялись казной[111].

Топливо отдельных участков предназначалось на расходы определенных предприятий хана. В письме Мухаммад-амин бия Мулле Ишмухаммаду-ахунду (курукчи) говорилось, что «мои слуги, возглавлявшие ханский арсенал («قورخانهٔ پادشاهی»), ввиду того, что дров с острова[112] не хватало на потребности арсенала, вчера ввиду безвыходного положения перешли реку Сырдарью и там заготовили немного топлива. Теперь

Таблица 1

Название кишлака	Амины	Кол-во дров, в вязанках	Стоимость дров, в теньга
Кулал-кишлак	Шахназар	1 000	100
Тилу-кишлак	Рахимназар	3 000	300
Тал-кишлак	Мухаммад Ибрахим	1 000	100
Курка-кишлак	Бердияр	1 000	100
Ала-байтал	Асрор-кули	1 500	100
Кара-янтак	Мухаммад-кули	2 000	200
Хафалак-кишлак	Хатам-кули	2 000	200
Макиян-кишлак	Кулимухаммад	1 500	150
Катаган-кишлак	Мухаммад-бай	2 000	200
Янги-курган	Рустам-кули	3 000	300
Кара-мулла (там находится чек)	Мухаммад	2 000	200

хотят перевезти его и расходовать в арсенале». Он просил курукчи не вмешиваться в это, ибо как дрова, так и арсенал принадлежат хану[113].

Обеспечение ханских предприятий всем необходимым, в том числе и дровами, осуществлялось по его личному указанию. Если кому-либо из государственных чиновников приходилось отпускать незначительное количество дров, то об этом докладывалось хану. Даже такие люди, как Мухаммад Садык-саркар, не могли самостоятельно выделить дрова на нужды предприятий хана. «Сегодня,— писал он в своем донесении,— раб Вашего Величества Бойбута-амин, придя, потребовал от покорного слуги выдачи янтака на расходы кирпичного завода. Покорный слуга, непросвещенный раб, боясь за свою голову, без разрешения моего господина, прибежища мира, не находя возможным дать что-либо, обращаюсь к вам как ваш раб, я действовал, зная ваше конкретное указание»[114].

Так, дрова, поступавшие в натуре, расходовались на нужды ханского двора, дворов многочисленных членов ханского дома, на больших ханских пиршествах и пиршествах царевичей (беков), ханш (айимов) и других родственников ханского дома, а также ханских предприятий. Незначительная часть дров отдавалась с разрешения хана отдельным чи-

новникам, как военным, так и гражданским. Кроме того, часть пянджяка взималась деньгами, а часть натуральных поступлений продавалась.

В одном дафтаре приводятся данные о выдаче ханом топлива военным. Около 90 юзбаши, панджабаши, караулбеги, тупчибаши, ясаулов, милтыкбаши, нишан-бардаров, служивших в 15 воинских подразделениях, получили 395 арб топлива, причем каждый от 1 до 31 арбы[115].

Таким образом, доходы от концентрированных в руках хана целинных земель всех островов и озер, всех зарослей и тугаев, горных лесных массивов, в каком бы виде они ни поступали в казну, шли в пользу ханского дома и чиновничьего сословия, обеспечивающего интересы этого дома. Как оседлым и полуоседлым земледельцам, так и кочевым скотоводам Ферганской долины, как видно из приведенных фактов, все более и более труднее становилось обеспечивать свои хозяйства минимумом необходимого с курукных земель. Расположение ханских куруков рядом с населенными пунктами, лишение населения права использовать находившиеся возле их жилищ мелкий хворост или янтак, запрещение пасти скот на уже очищенных от растений полях, в ряде случаев двукратная выплата арендной платы, все хищнические формы отдачи в аренду, алчность, беспощадность, насилие управителей куруков вызывали огромное недовольство народных масс. Оно, естественно, не могло найти отражения во всей своей полноте в документах имеющейся пока части архива кокандского хана. Однако наличие даже единичных данных этого архива говорит об острейшем недовольстве населения.

В письме престарелый начальник ханских саркаров Садык-саркар в 1288 (1871—1872) г. своему сыну Мулле Ишмухаммаду, назначенному саркаром еще при жизни отца, писал: «Еще то, что вы делаете, делайте все со всей осторожностью, не слушая слова некоторых глупых людей. Не считайте обязательными советы людей, в этом отношении не проявляйте снисходительности, что я вам скажу, считайте необходимым к исполнению»[116]. Этот опытный лакей Его Величества требовал от еще молодого сына, чтобы он докладывал обо всем. Этот документ ценен тем, что под «глупыми людьми»(«آدمهای بی معنی») подразумеваются недовольные существующим порядком люди, пытающиеся воздействовать на ханского курукчи. Старик-саркар, очень хорошо зная положение дел в хозяйстве хана, самым строгим образом предупреждал сына, чтобы предотвратить потенциально растущие нежелательные для него явления.

Ханские управители всячески издевались над беззащитными, ни в чем неповинными людьми, применяя порой физическую силу. «Покорное заявление подданного, живущего в Хабиб-баба мазаре Исламкула, молящегося за Его Величество.

О, отзывающиеся на заявления, покровители рабов! Я шел на свою обрабатываемую землю для земледельческой работы. Некий Абдуназаркурукчи, подойдя ко мне, избил меня и причинил покорному слуге страдание без законной причины. Из-за своей беспомощности, приходя к удовлетворяющему желания великому порогу (урде) и надеясь на посылку мулазима (придворного слуги.—*Р. Н.*), подал заявление с тем, чтобы он, прибыв на место и выяснив истину об этом случае, защитил мою честь, согласно шариату. Воля Ваша. О боже, да будут Они здоровыми»[117].

Данный документальный факт, подтверждающий сообщения нарративных источников о жестоком обращении управителей с беззащитными людьми, не требует толкования. Лишь следует отметить, что при

нанесении незначительных телесных повреждений едва ли пострадавший, безграмотный бедняк искал бы грамотного человека, умеющего написать заявление самому хану и потратил бы на это деньги, а также отправился в столицу для вручения заявления. Однако о принятии мер ханом мы ничего не находим среди архивных материалов.

В последние годы существования Кокандского ханства все растущее недовольство народных масс против феодального гнета и ханского произвола вылилось в массовые выступления. Характерно, что такие выступления произошли и в районах курукных земель хана. «О прибежище мира! Покорный слуга Мулла Ишмухаммад, сын Садыка-курукчи, раб Его Величества, согласно высочайшему распоряжению, уехал для продажи сена [селения] Гург-тепе. Жителями Гург-тепе было расхищено сено тугая на Джияли-куле. Я спросил гург-тепинских аминов, почему они это позволили им. Амины ответили, что «жители не послушались нас, не повиновались», и амины передали мне составленный ими список в количестве 66 человек черни из Гург-тепе. В момент, когда я хотел доложить Вашему Величеству об этом событии, произошло еще следующее: один сарбаз из подразделения Юлдаша-ёвара, гургтепинец, по имени Мирза-бай, и еще один человек — все трое сообща задержали в степи дамкульского курукчи, по имени Абдулкарим, сняв с него одежду, взяв его лошадь, оружие и 3 1/2 тилля денег, привязав его [руки и ноги], ушли, бросив его в песках. Я, узнав об этом случае, поймал гургтепинца Мирза-бая и задержал остальных. Взяв у этого сарбаза халат и вооружение, привел всех трех указанных разбойников к высокому дворцу. Я, как раб, извещая [об этом], подаю это донесение. О боже! Да будут Они всегда здоровыми»[118].

Этот факт — лишь один из многочисленных эпизодов борьбы дехкан против произвола хана и его бездушных управителей. Мы видим, что население одного из больших кишлаков Гург-тепе разорило запасы сена, принадлежавшие хану. Интересен социальный состав восставших и их количество. Судя по количеству (66 человек), все восставшие были, очевидно, взрослыми мужчинами одного кишлака, являлись они «подонками общества», «чернью». Восставшие, связав курукчи, выбросили его среди песков. В этом акте проявилась та жгучая ненависть беднейшей части населения ферганских сел, которую испытывало оно в отношении ханских саркаров. Нахождение среди восставших сарбаза, призванного защищать интересы хана, говорит о том, что в войске, особенно среди рядовых военнослужащих, наблюдалось недовольство существующими порядками.

Боясь, что недовольства могут вылиться в открытое выступление, ханские управители, находясь на участках среди населения, были вооружены; и это в стране, где дорогостоящего оружия было мало. Курукчи все чаще и чаще требовали у хана оружия. Так, сам Мулла Ишмухаммад обращался к хану с просьбой о выделении ему оружия, необходимого в условиях целины[119]. Правда, это оружие не всегда помогало, о чем свидетельствует приведенный выше факт избиения восставшими вооруженного ханского управителя.

ОХОТНИЧЬИ ЗАПОВЕДНИКИ ХАНА И ЦАРСКАЯ ОХОТА

Бабур в кратком, но весьма ценном описании Ферганской долины, в своем знаменитом произведении «Бабур-наме» говорил об обилии птиц в Андижанской области, о ее жирных упитанных фазанах. Он рассказывал, что четыре человека не могли съесть мясо одного андижанского фазана. Бабур хвалил также птиц Маргилана, белых оленей,

встречающихся недалеко от города. Он высоко ценил охотничий заповедник («آولاغی و قوشلاغی») Ходжента, в котором были в обилии белые олени, олени-маралы («بوغومرل»), фазаны и кролики. По словам Бабура, по правой стороне Сырдарьи, т. е. Ахсикетской, степной, было много белых оленей, а в Андижанской, левой стороне, в зарослях колючих кустарников обильно водились упитанные олени-маралы, фазаны и кролики[120].

Жители Средней Азии, в том числе Ферганы, издревле любили охоту. Это отмечено и авторами исследуемого периода. «Кокандцы,— писал один из них,— страстно любят охоту, содержат у себя много борзых собак, несколько отличных от известных в Европе. В горах, наполняющих Коканию, есть много орлов и разных пород ястребов. Жители воспитывают их для охоты, но вообще предпочитают птиц, получаемых из Киргизской степи и ближайших мест Сибири»[121].

Как известно, правители проводили свое время в различных увеселительных поездках, играх, развлечениях. Это особенно широко было принято у кокандских ханов и всех членов их дома. Длительная летняя и зимняя охоты[122], увлечения зрелищами сражающихся или играющих животных, поющими птицами были обычным явлением. Эти развлечения обслуживал целый штат людей, на них тратились большие суммы. Известно, что охота имела еще цель военных учений.

Во всех округах ханства специальные луга охранялись как заповедники ханов, беков и царевичей, куда население не имело доступа[123]. Еще Хаким-хан тюра, посвятивший специальные страницы своего замечательного труда «Мунтахаб-ат таварих» охоте Амира Омар-хана в районах Маргилана и Андижана, состоявшейся в 1234 (1818—1819) г., ярко описал ханскую охоту. По его словам, кокандские ханы по установившемуся обычаю ежегодно два раза отправлялись на охоту: когда солнце достигает угла Сунбула, происходит охота на фазанов и перепелов; когда оно достигает угла Джадда — охота на львов, оленей и фазанов.

Осенью 1234 г. х. Умар-хан отправился на охоту «с большой пышностью и почтенным гаремом», остановился на три дня в центре Маргиланского округа—в Ярмазаре. На четвертый день приказал о сборе верхом или пешком всего населения Андижана и Маргилана. Собралось около 40 тыс. человек. Для охоты было около 3 тыс. соколов и ястребов, из которых около трехсот являлись особыми ханскими ловчими птицами («خاصه») [124]. В распоряжении описавшего этот эпизод Хаким-хана, племянника хана, было 40 птиц.

Выйдя из Маргилана, охотившиеся, минуя четыре фарсаха, вступили в обширные кувинские заросли («بەنیستان قوبا و ارد گردید»). Фазаны там, по словам очевидцев, при полете «покрывали небо». Вдруг из гущи камышовых зарослей появился большой лев с двумя львятами. Охотники хана, окружив его, начали стрелять. В течение одного часа лев убил трех людей, четырех ранил, а также убил шесть лошадей. Умар-хан приказал никому не стрелять по льву и зажечь огонь. Скоро огонь охватил льва, хан, находившийся в засаде, точно, меж глаз поразил страшную дичь своим ружьем под названием «малое английское» («کچکنه فرنگ»).

Поохотившись в этом заповеднике, хан после однодневного отдыха выступил в Шахриханский заповедник. По свидетельству автора, эти заросли были обширны и богаты всякой дичью («آن بیشه بود در غایت وسعت و از هر نو شکار موجود»), здесь были и обрабатываемые земли. За день здесь было убито около 40 тыс. фазанов. Отсюда он на-

правился в Андижан и после трехдневного пребывания там опять десять дней занимался охотой. Согласно сведениям Хаким-хана, у них бывали «каждый день новые места и безграничная дичь, днем охота, ночью пышное угощение». Прекратив охоту на птиц, он приступил к охоте на оленей. Хан вступил в местность... Кум («كم ... »), представляющую собой обширную безлюдную пустыню в окружности семидневного пути[125]. Хаким-хан писал об удачной охоте, об истреблении 20 оленей в течение одного дня только самим ханом. Это, несомненно, свидетельствовало о том, что в степи водилось большое количество оленей, что подтверждают сведения Бабура, писавшего об этом более трехсот лет назад.

Таким образом, после почти месячной охоты хан возвратился в Ярмазар через Яз-Яван, а через неделю после приема и раздачи богатых подарков и пышных угощений вернулся в столицу[126].

Верность сведений Хаким-хана тюры подтверждается объективными данными Филиппа Назарова, прибывшего в Коканд на несколько лет раньше указанной охоты, в 1813—1814 гг., в правление Умар-хана и наблюдавший приготовления к другой охоте. «...Ко мне был прислан чиновник,— писал он,— приглашая нас ехать на охоту в город Маргиланд, отстоящий около 250-ти верст от Коканта, где владетель имеет свои луга и где в продолжение месяца со свитою занимается птичьей охотою и травлею барсов и тигров»[127]. Остановившись на два дня в Андижане, Филипп Назаров и его спутники отправились затем в Наманган. «По дороге,—писал он,—видели луга, принадлежавшие кокантскому владетелю, обнесенные выкопанными широкими канавами и камышом, при коих содержатся караулы, охраняющие птиц и зверей. Сюда приезжает владетель с большою свитою на охоту»[128].

Большая часть прибрежья Сырдарьи, ограниченная линией Кызылрабат, Чартак, Тюра-курган, представляла собой несколько раньше болота. Во время проведения Янги-арыка (в правление Умар-хана) на юго-восточной окраине Намангана водились тигры, о которых через 70—80 лет, во время пребывания здесь Наливкина, остались только смутные воспоминания[129]. Имеется предание, согласно которому, когда в начале XVIII в. Шахрух-бий ходил походом на Наманган, он остановился, переправившись через Сырдарью, ниже Балыкчи, где еще был густой тугай, и занялся со своей большой свитой охотой. Он наткнулся на тигра и в единоборстве победил его[130]. Конечно, сам характер рассказа о единоборстве Шахрух-бия с тигром похож на легенду. Но нахождение тигра в предгорном густом и большом тугае, коллективная охота на этих грозных животных, многократно упоминаемых в источниках, имеет реальную основу. Е. Смирнов в конце 70-х годов слышал от местных охотников, что ими был расстрелян в верховьях Чирчика громадный тигр, чучело которого находилось в передней дома главного начальника края. Другой случай: тигр зашел в сел. Хумсан, разорвал женщину, и население кишлака убило тигра, чучело которого находилось на даче военного губернатора области[131]. В Ферганской долине водились кабаны, которые также появлялись в кишлаках. Охота на них усилилась после присоединения края. Например, на побережье Сырдарьи, в верстах 8—10 от сел. Бувайды, кабаны встречались стадами в 15—20 штук, на них охотились русские офицеры при участии местных охотников[132].

Ханские охотничьи заповедники были и в самом Кокандском округе, в них часто охотились, что засвидетельствовано рядом материалов из архива кокандского хана.

Проведение ханами длительной пышной охоты подтверждается другим автором. «Брал он (Мадали-хан. — *Р. Н.*) с собой по списку тысяч шесть военачальников, махрамов, шагирд-пешей... Птиц ловчих у хана более тысячи»[133]. Эти ловчие птицы доставлялись из наиболее лучших ферганских пород. Однако более ценными считались дорогостоящие казахские и сибирские птицы. «Хан нарочно посылал на (сибирскую.— *Р. Н.*) линию покупать их. Цены, какие платятся в Кокании за обученных соколов и ястребов, доходят до безрассудства»[134].

В правление Худояра вся феодальная знать даже в самые критические, напряженнные для государства моменты не обходилась без развлечений, в том числе и многомесячной охоты. «Хан любил соколиную охоту и часто предпринимает увеселительные поездки в разные местности владения»[135],—писал о Худояре один из очевидцев.

По словам М. Алибекова, Худояр охотился почти по всей левобережной Фергане с «огромным охотничьим поездом», в состав которого входили жены, чури, всадники, обоз и т. д. Он перечислял весь его маршрут до самого восточного предела Оша, он ездил и по самым предгорьям Алая и по южному побережью Дарьи[136]. Один из чиновников хана Мулла Мухаммад Карим-мирза писал о своем нахождении в свите хана на охоте в 1291 г. х. ровно 90 дней[137].

Имеющиеся материалы свидетельствуют о проведении Худояром охоты на различных птиц — фазанов, кекликов, перепелок, журавлей и т. д. Среди дичи упоминаются и крупные звери, например, медведи, которых держали для развлечения царевичей[138].

Об охоте и развлечениях Худояра подробно писал автор «Таснифи Гариб». Приведем его данные: «Много времени [хан] был занят охотой, особенно охотой на кабанов. Некоторые рассказчики в свое время рассказывали, что, охотившись на кабанов, хан приказывал резать их и кровь закапывать в землю в больших хумах. Когда спрашивали [друг у друга], зачем он делает это и для чего расходует [кровь кабана], то отвечали, что они не знают, возможно, есть в этом какая-нибудь мудрость. Он возвращался [с охоты] только по наступлении осени. За ханом следовали 40—50 человек женщин и детей, арбакешей, ответственных за походы людей, прислуги и охраны из войска. Все они беспрекословно выполняли волю хана. И Худояр-хан, переступив порог своей большой урды, увлекался игрой... («بقلداق») и любил эту игру. Вместе с ним увлекался этой игрой и его великий везир. Никто не знает, какая имеется в этой игре мудрость, так рассказывали старые чиновники из Ярмазара... Он при прежнем правлении и господстве сам непосредственно собирал больших собак, возя их на арбах, стравливал и имел к этому пристрастие. Организовывал он много раз бой одногорбных верблюдов»[139].

Проведение всеми членами ханского дома длительной пышной охоты, которая серьезно беспокоила население всех областей, а местами и разоряло его, заставляло держать целый штат бездельников — миршикаров, баздаров — «میرشکاران و بازداران» (укротителей охотничьих животных) во главе с главным миршикаром («میرشکارباشی») . Они доставали охотничьих животных, ловчих птиц, занимались их кормлением, обучением, ездили с различными поручениями ханов и беков по стране, находясь на полном содержании государства, вернее, жили за счет труда народных масс.

Мы в качестве иллюстрации приведем примеры. В выданной в 1291 (1874—1875) г. пате маргиланский бек, брат хана, командировал в Минг-тепе Алмаса-ходжи аксакала для доставки ловчих птиц и прика-

зал саркарам сел. Минг-тепе Мулле Мухаммаду Ризо и Абдулкадыру принести тому всех имеющихся боевых куропаток («كبكى جنگى»). Или Мулла Абдуджалил-мирзабаши поручил через пату, выданную им в 1288 (1871—1872) г., Бахти Мухаммаду-курбаши доставку 18 ловчих птиц. Тот же мирзабаши поручил Бахти Мухаммаду-курбаши назначить 19 чиговулов (придворная прислуга) для 19 охотничьих птиц[140]. Саид Мавлан-бек, сын Султана Мурад-бека, распорядился государственными средствами за доставленного сокола, которого он передал специалисту по обучению соколов[141].

Ханы и беки не только привлекали к участию в охоте многих, но требовали от саркаров и обеспечения их всем необходимым. Так, в 1289 (1872—1873) г. маргиланский бек сообщал своему саркару Мулле Мухаммаду Алиму о том, что он посылает Мирзу Ходжу-ишана на птичью охоту в район Маргилана и обязывает саркара обеспечить его питанием и его животных фуражом и кормом[142].

Охота на отдельных животных, видимо, отдавалась правителями определенным людям в порядке дарения. Например, один из охотников на лысух (кашкалдок) в своем донесении писал хану, что он с давних времен по любезности Его Величества ловил рыбу и лысух в озерах Чиб-баба («جيب بابا») и питался вместе с племенем ургенджи. На днях пришел к нему некий Худайназар, сын покойного Урал-дадхи, и сказал, что у него имеется грамота (васика), а прежний охотник должен прекратить охоту в этих озерах[143]. Охотники хана и беков освобождались от податей и имели другие льготы. «Храбрых охотников,— писал один из очевидцев,— освобождали от податей и назначали субсидию»[144].

Ни тяжелое экономическое состояние страны, ни напряженная политическая ситуация, ни периодически свирепствующий голод не препятствовали правящей феодальной верхушке месяцами развлекаться на охоте. Худояр в 1291 (1874—1875) г. находился на охоте в течение трех месяцев[145], а время для ханства было угрожающе трагичным. В период пребывания Омар-хана на месячной охоте свирепствовал голод. «В то время,— писал Хаким-хан,— среди населения случился голод, ничего не могли найти, а если находили, то приобретали один на сто»[146]. В подобных условиях расходовали довольно внушительное количество зерна для кормления дичи, рассыпая его в заповедниках. «В некоторых местностях,— писал тот же Алибеков,—по приказанию хана рассыпали зерно для кормления фазанов. В одном Аимском районе расход зерна доходил до 1000 пудов»[147].

1. В последний период правления кокандских ханов вопрос об обеспечении кормами животных, топливом и строительным материалом особенно обостряется. Лишение ханства северо-западных скотоводческих областей принудило к усиленному разведению скота на имеющейся незначительной кормовой базе. Беспрерывное истребление и без того скудных лесов и саксаула, отсутствие разработок подземного топлива, ввоз в Фергану топлива, кормов и стройматериалов из других стран создали крайне тяжелое положение и привели к тому, что эти продукты стали весьма дефицитными. Естественно, при таком положении правящая верхушка приобретала большие выгоды от этих источников.

2. Попытка обложить пяндж-яком все деревья приусадебных участков, в том числе и неплодовые, наблюдалась еще во время кратковременного правления бухарского эмира в 1842 г. Однако этот порядок, видимо, не практиковавшийся до этого в Фергане, перестал существо-

вать после падения правления эмира. Продукция необрабатываемых государственных и общинных земель—всякие кормовые растения и растения, используемые в качестве топлива, а может быть, и некоторые камышовые заросли, горные леса, не входившие в охотничьи заповедники, ханские и бекские земли, — до правления Худояра использовалась бесплатно населением. А заповедные земли правящей верхушки, в том числе охотничьи, были разбросаны в основном в разных районах ханства островками, тщательно охранялись и пользоваться ими никто не мог.

Худояр запретил населению пользоваться бесплатно этими жизненно необходимыми источниками (вплоть до озерных вод), обложил все целинные земли ханства налогом «пяндж-як», который формально взимался в размере 1/5 части всего дохода, а фактически доходил до его половины. В некоторых местах доля жителей составляла только 1/3 часть дохода.

Для охраны куруков, организации уборки, отдачи в аренду, полного взимания ханской доли дохода и отправки или реализации на рынке продукции был распределен по участкам целый штат курукчи. Особо охранялись более доходные участки — камышовые и янтачные заросли, озера и т. д. Без разрешения владетеля никто не мог использовать с куруков даже травинку, тем более пустить животное в курук, даже после покоса и получения налога. Ни один человек не мог войти в курук с целью охоты или использования воды находящихся там озер. Так подобные участки по всему ханству были превращены в «заповедники» хана.

3. Ханский доход под названием «пяндж-як» определялся самим владетелем или ханскими чиновниками. При этом определение всего дохода с данного участка совершалось не после покоса, что делалось в интересах владетеля. После определения дохода участок сдавался в аренду заинтересованным жителям одного селения или группы сел, или же кочевому роду. Они обязывались подготовить прежде всего долю владетеля, за этим вел наблюдение курукчи. Нам кажется, что на ханских землях, т. е. его удельных владениях и владениях членов ханского дома, наряду с арендой, существовала практика сбора всей продукции курука в пользу владетеля путем хашара.

Так Худояр сконцентрировал в своих руках все необрабатываемые земли—пустопорожние, острова, озера, заросли, тугаи, горные леса, считавшиеся государственными и находившиеся в пользовании жителей, которые до того ничего не вносили в казну. При этом он, несомненно, узурпировал и общинные земли, обложив их также налогом. Вообще после захвата их ханом в Фергане не осталось общинных земель, кроме горных пастбищ. Это подтверждается прежде всего тем, что ни одно кочевое хозяйство не могло вступить ни на один участок подобных земель даже после покоса и взимания налога. На зимовку требовалось разрешение хана и дополнительная оплата (4 теньга со 100 баранов) сверх тяжелого закята.

4. Концентрация курукных земель создавала беспрерывные споры между владетелями, в том числе членами ханского дома. От этих споров страдало население, которое вынуждено было в отдельных случаях выплачивать налог одновременно двум спорящим владетелям, ибо отдельные участки курукных земель, хотя и составляющие небольшой процент, находились во владении членов ханского дома и местных правителей. Среди этих участков были и пожалованные.

5. Курукчи (саркар на целине) назначались из проверенных, преданных хану, хозяйственных людей, обязанных соблюдать и защищать

интересы владетеля. Дела их по доходам и расходам скрупулезно проверялись владетелем, вникавшим путем ревизии во все детали. Однако и в такой обстановке курукчи не забывал и своих интересов. Здесь было широко распространено взяточничество.

6. Создавшееся тяжелое положение с топливом и кормом для скота, этими жизненно необходимыми продуктами в хозяйстве населения Ферганы, в некоторых случаях приводило к тому, что жители отдельных сел пытались «незаконно» вторгнуться в ханский курук с целью использования части его продукции. Свидетельством тому могут служить действия населения Дангары, Алты-куша, Тукай-дивоны, Гургтепе и т. д. Эти попытки немедленно пресекались, а виновники подвергались наказанию.

7. Тяжело было населению во время стихийных бедствий. Оно лишалось крова и имущества не только вследствие самого бедствия, но и потому, что вместо оказания помощи в предотвращении бедствия и его последствий, ханское правительство разоряло до конца пострадавших.

8. Почти вся продукция ханских куруков поступала в пользу ханского дома. Часть взималась натурой в качестве топлива, корма, стройматериалов на расходы в хозяйстве хана и членов его дома, а часть деньгами, или продукция продавалась как на месте, так и на рынке, а выручка поступала в казну. Это явное свидетельство усиления товарных отношений в ханском хозяйстве на фоне господствовавшего все еще натурального характера хозяйства. Незначительной частью дохода от куруков пользовалось и служилое сословие.

9. Вследствие создавшегося невыносимого положения среди населения, особенно беднейшей его части, тирании ханских курукчи происходили прямые народные восстания. Примером может служить восстание всего беднейшего населения Гург-тепе. Восставшие захватили продукцию курука, принадлежавшего хану, напали на ханских курукчи, которым стало невозможно охранять ханский курук без огнестрельного оружия.

10. Из-за ханской охоты уничтожались материальные ресурсы страны и народные массы лишались продуктов обширнейших районов, которые находились в руках правящей верхушки, как строго охраняемые заповедники. При этом, как мы видели на примере охоты Омархана, сотни, тысячи и десятки тысяч людей насильно выгонялись из ряда областей на царскую охоту.

Глава IV

ЛИЧНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВЛАДЕНИЯ ХУДОЯР-ХАНА

УДЕЛЬНЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ХУДОЯРА

Государственные земли, как обрабатываемые, так и целинные, именуемые в документах «мамлакаи-султани» или просто «мамлака», как уже было отмечено, находилось в полном распоряжении хана. Он вместе со своими вассалами взимал с непосредственных владельцев, обрабатывающих амляковые земли, ренту-налог в форме хараджа—пяндж-яка и танабаны. С целинных земель в последнее десятилетие существования ханства он также получал нечто вроде хараджа под тем же названием пяндж-як. Только хан мог дать разрешение на постоянное или временное жительство на амляковых землях любой группы людей, на пастьбу скота или получение продуктов с этих земель. Он самостоятельно, без участия предствителей каких-либо социальных групп, мог распорядиться, если в этом была необходимость для ханского дома, о проведении через амляковые земли дорог, оросительных каналов, строительстве на них зданий и т. д. Только хан имел право жаловать отдельные участки амляковых земель военным и гражданским служилым людям, отчуждать их в форме вакфа в пользу религиозных и других учреждений, превращать в заповедники, наконец, как мы уже отмечали, он как верховный, непосредственный собственник продавал отдельные участки земли, считавшиеся государственными. Поскольку государственная власть принадлежала ханскому дому, и она переходила по наследству (за исключением редких случаев), права собственности над этой основной категорией земли фактически также переходили из рук одного хана в руки другого.

Кроме того, хан и члены ханского дома имели свои удельные земельные владения, принадлежавшие только им в форме безусловной собственности.

В документах (прошениях, донесениях и т. д.) различают подобные земли, употребляя наряду с названием «мамлакаи султани» («مملکهٔ سلطانی»), «хасса», «хассаги» («خاصه گی»، «خاصه»), «мири» («میری») или «чек» («چیك») и даже называют просто «земли Его Величества» («از ان حضرتم»). Однако слово «хасса» употреблялось не только в отношении ханских земель. Все ханские владения (земля, вода, городские предприятия), а также телохранители, прислуга, рабы, одежда («موزهٔ خاصه گی») — словом все, что принадлежало хану, называлось этим словом. Как мы уже отмечали, термин «чек» в значении участка имел широкое применение. Ханская земля называлась и термином «زمین پادشاهی» (царская земля).

Ханские удельные земли засевались различными сельскохозяйственными культурами, на них размещались сады, различные промышленные и ремесленно-торговые предприятия и т. д. Эти земли находились в ряде округов, в том числе и в самом Кокандском округе.

Кокандские ханы принадлежали к племени минг — одному из крупных узбекских племен. В Фергану, как и в другие земледельческие области Средней Азии, еще с отдаленных времен в разные периоды проникали кочевые тюркские племена, которые переходили к оседлому образу жизни и земледелию. Этот процесс в различных районах Ферганской долины проходил неодинаково интенсивно. Однако сложившиеся социально-экономические отношения среди коренного земледельческого населения и природные условия долины способствовали ускорению этого процесса по сравнению с другими, относительно отсталыми районами Средней Азии.

Оседлый уклад жизни бывших кочевых узбеков, обитавших в районе Коканда, виден из свидетельства Муллы Нияз Мухаммада, приводившегося им в связи с изложением легендарного события Алтунбешика. По его рассказам, узбекское население пяти-шести селений (Джаникента, Пилла-хана, Сарая, Таргавы, Туралгира), расположенных по обоим берегам Сайи-Хуканда, было разделено на три группы, одна из которых пользовалась каналом Найманча (Сайи-Найманча), а две другие каналом Кал-об (Сайи-Кал-об). Эти три группы совместно выходили в поле для проведения воды[1].

Одним из ранее перешедших к оседлому образу жизни узбекских племен в средней полосе Ферганы, видимо, было племя минг. Видный исследователь истории и этнографии Ферганской долины в прошлом веке В. Наливкин отмечал, что «в то время, как одни (например, значительная часть рода минг), принимая всецело земледельческий и ремесленный культ таджика (и оседлого узбека.— *Р. Н.*) и вплоне отрешаясь от дальнейшего ведения не только кочевого, но даже и полукочевого образа жизни, оседали, образуя целые селения, другие (кипчаки, каракалпаки) заводили у себя культурные поля и, отнюдь не воспринимая никаких ремесел, переменяли кочевой образ жизни на полукочевой...»[2].

Район Кокандской низменности, видимо, начиная с XVII в., стал интенсивно орошаться, что, несомненно, связано было с процессом оседания кочевого населения. Один из авторов времени ликвидации Кокандского ханства, ссылаясь на пока неизвестный нам исторический источник писал: «В «Афзал-ат таварих» написано, что к западу от города Коканда Тангриёр-султан, по поручению своего почтенного отца Алтунбешик-хана, пригласив инженеров и знающих дело людей, приступил к прорытию большого канала. За четыре года строительство его было закончено. Он стал называться каналом Алтунбешика. Этот канал в наше время известен под названием Найманча»[3].

Насколько проведение канала было связано с интенсивным переходом кочевого населения этого района к земледелию, видно из продолжения приведенного сообщения указанного автора: «Земли, находящиеся по обеим сторонам реки, оживленные водою этой реки, равным образом распределил он между безземельными людьми и кочевыми племенами того района и местности, остатки которых обитали все еще в шатрах и палатках [юртах], и приказал произвести земледельческие работы: посадить деревья, разбить плодоносные сады. В течение десяти лет от истока до устья реки появился ряд мелких селений и местечек. Устье этой реки достигало реки Сейхуна, которую называют теперь Сырдарья»[4]. Этот автор сообщает о строительстве якобы Тангриёр-ханом после смерти отца еще одного канала. «В период своего царство-

вания и владычества, приводя с разных сторон крестьян и ремесленников, воодушевляя и поощряя их, он развил сельскохозяйственное дело и промышленность. В местности Таргава, благодаря его усилиям и стараниям, проведен был большой канал, стороны которого были распределены между безземельными людьми и кочевниками. Бесплодная долина и безводная пустыня превратились в цветущий сад и цветущий край. В настоящий век люди сей эпохи называют эту реку Катта-саем, которая протекает внутри города Коканда»[5].

Хотя личности Алтунбешика и Тангриёр-султана не могут быть установлены в силу легендарности самого предания, однако проведение оросительных работ в связи со все более усиливаюшимся переходом кочевых племен к оседлому образу жизни в XVII, а быть может, и в XVIII в., не вызывает сомнения. Это соответствует также самому характеру социально-экономического развития края.

Реальные события могли быть связаны авторами того периода с весьма распространенными преданиями легендарного характера с тем, чтобы обосновать законное происхождение господствующей династии. По словам автора «Ануджум-ат таварих», один из первых кокандских правителей Абдурахим-хан из династии Минг, сын основателя ее Шахрух-бия, по возвращении из победоносного самаркандского похода, провел в Ферганской долине большие оросительные работы[6]. Кокандский хан Эрдана (1750—1774) через год после похода на Ура-тюбе провел канал из р. Сох, который доходил до песчаного берега Сырдарьи, благодаря чему здесь возникло много селений[7]. Видимо, речь идет о расширении канала, построенного Тангриёр-ханом. Согласно сведениям цитируемого выше автора, Нарбатур-хан (Нарбута-хан, 1774—1799) тоже проводил каналы из р. Сох и «Хушёр», по течению которых возникли новые селения и местности[8]. Далее он писал о проведении Алимханом шести каналов и возникновении сел. Алты-ярык, являвшегося при жизни автора самым крупным селением Ферганы. По его словам, Алим-хан переселил людей из других районов и обеспечил их сельскохозяйственным имуществом за счет казны[9]. Проведение оросительных работ в районе Алты-арыка в начале XIX в. подтверждается данными капитана В. А. Парфентьева. Он приводит рассказ 106-летнего старика Уста-кули Аширбакиева, согласно которому Алты-арык раньше пользовался только ключевой водой, идущей из квартала Лянгар сел. Чимион. За 80 лет до этой беседы речная вода сюда не доходила. Тогда однажды все алтыарыкцы пришли в село Вуадиль на раздел воды, приведя с собой знатную женщину, и объявили маргиланцам, что если им не будет установлена очередь, то эта женщина будет зарезана на арыке, по которому им можно провести воду. Маргиланцы вынуждены были дать им из своей восьмидесятидневной очереди 2 часа воды, эта цифра постепенно доросла до десяти суток[10]. Из р. Сох был проведен канал и Мухаммадали-ханом. По его поручению был составлен чертеж этого канала, оросившего мертвые земли; здесь со временем появилось много селений[11].

Автор «Мунтахаб-ат таварих» утверждает, что центром местопребывания племени минг был район сел. Дехкан-туды, находившегося на расстоянии трех фарсахов восточнее г. Коканда и опустевшего в первой половине XIX в.[12]

У автора «Тарихи Шахрухи» находим тоже ценные сведения. В районе Коканда, еще до оформления его как города, по обеим сторонам канала, получившего несколько позже название Сай-и Хуканд, располагались селения Таргава, Джамиш-бий, Джаникент, Пилла-хана, Тукай-тепе, Пиртак, Тепе-курган, Кайнар, Сарай, Туралгир и дру-

гие, в которых жило племя минг, управлялись они тогда (до перехода власти в руки феодальной знати племени минг) чадакскими ходжами[13].

Таким образом, знать этого племени уже на рубеже XVII—XVIII вв. владела в указанном районе Ферганы значительными земельными фондами с находившейся здесь ирригационной сетью, хотя мы до сих пор не располагаем точными данными, характеризующими размеры их земельных владений и формы управления ими в тот период.

На наш взгляд, стремление племенной знати минг к захвату политической власти в Фергане было обусловлено отчасти значительным развитием у них феодального хозяйства на базе сравнительно высокого уровня земледелия и усиления эксплуатации рядовых членов родов.

В начале XIX в. кокандские ханы имели крупный массив собственной земли в районе Ер-мечети, сады и земельные участки и в других частях окрестностей Коканда. Об этом свидетельствуют следующие данные Мухаммада Хаким-хана: «Амир Омар-хан прибыл для проведения охоты в Ер-мечеть. Эта местность, находящаяся на западе от Хуканда, на расстоянии одного фарсаха[14], чрезвычайно красива, изящна и составляет около четырех тысяч танабов земли—камышовых зарослей, озер и рисовых полей. По краю этого охотничьего заповедника хукандские цари построили дворец, очень высокий и пышный, с разрисованными комнатами. На одной стороне [массива] находится Чарбаг [сад], достигший своего расцвета, где распускались разноцветные розы, росли бесчисленные деревья разных сортов, со всех сторон [сада] протекает приятная вода. В этом охотничьем заповеднике имеются разные птицы, вроде гусей и уток. В продолжении (в конце) этой заросли, известной под названием Чарбаг-дивана, [доходящей до берегов Сайхуна], имеются бесчисленные степные птицы. Хукандские ханы настолько строго охраняют этот заповедник, что ни один человек не может устроить охоту, не имеет права поехать туда и остановиться там. Амир Омар-хан, приехав в это обиталище в период охотничьего сезона со своим почтенным гаремом и луноподобными служанками и совершая охоту, предавался наслаждениям»[15]. Конечно, подобные массивы, принадлежавшие кокандским правителям, были не единичными, они встречались во всех округах ханства. Это подтверждают данные Филиппа Назарова о заповедниках кокандских ханов в районе Маргилана, а также в местностях между Андижаном и Наманганом[16].

У Худояр-хана в последнее его правление были крупные земельные угодья (во многих случаях как хассаги) в ряде округов ханства. Выше уже говорилось о шести (без Узгенда) саркарствах хана, которые не подчинялись бекам и находились во владении самого хана. Одним из этих саркарств был г. Ош с его окрестностями, расположенными на крайнем востоке ханства, являвшийся важнейшим пунктом на караванном пути в Китай. Торговые пошлины, как отмечалось нами, являлись важной статьей ханского дохода. Это саркарство давало хану по арендному договору ежегодно одних только зерновых культур 24 000 чайриков (более 100 000 пудов) на 232 500 теньга, а арендатор (ханский саркар Зикрия) взимал 26 000 чайриков зерна[17]. Нам уже известно, что на орошение Оша был выдан ханский ярлык, что, несомненно, было сделано в интересах ханского саркарства.

Балыкчинское ханское саркарство отличалось своими размерами (на чем остановимся несколько ниже): оно занимало 12 верст в длину и 4 в ширину.

На основании многочисленных источников нам удалось установить наличие саркарства хана в районе Ассаке и представить его во многих чертах. В последнее правление Худояр-хан задумал и в известной мере

осуществил довольно крупные мероприятия по освоению значительных земельных массивов юго-восточной части солончаковой пустыни Центральной Ферганы. Проведение грандиозного Улуг-нахра с его ответвлением и другие оросительные работы помогли ему начать освоение большой территории от Ассаке на востоке до сел. Кара-тепе на западе и Кызыл-тала (до Сырдарьи) на севере.

Все это было сделано прежде всего в личных интересах хана, его дома, видных чиновников, но и для выхода из острых социально-экономических противоречий.

О проведенных Худояром в Ассаке оросительных и строительных работах первые сведения оставил А. Кун, побывавший там в первые дни вступления в Фергану царских войск. При нем г. Шахрихан, значительный торговый центр, начал приходить в упадок, причиной чему, по мнению старожилов, было развитие и благоустройство Худояром около Шахрихана сел. Ассаке, лежавшего у подошвы горного кряжа, в 8 верстах южнее Шахрихана. Большая часть воды горной речки, обеспечивающей Шахрихан, была отведена Худояром в Ассаке. Все работы в районе Шахрихана и Ассаке были поручены ханом своему фавориту Исе Авлии.

В одном живописном месте Ассаке, на склоне горы, Худояр разбил сад, внутри которого, в верхней части склона, на небольшой площадке, построил дворец в азиатском стиле с такой же внутренней отделкой, однако он имел европейские окна с цветными стеклами. У подножия горы между густой зеленью садов находились небольшие домики жителей. Место, где был разбит ханский сад и дворец, настолько было красиво, что поразило А. Куна. «Одна из главных и самых больших терас дворца,—писал он,— находящаяся на северной стороне его и не заслоненная зеленью, открывает один из роскошных видов, когда-либо встречавшихся мне в Средней Азии и долине Ферганы, взору представляется необъятное море яркой зелени садов, прорезываемое посреди широкою серою полосою речки Сыра». Сад орошался посредством большого водоподъемного колеса диаметром в три сажени. По словам А. Куна, эта местность привлекала хана только своими прекрасными климатическими условиями. Он превратил Ассаке в любимую летнюю резиденцию, где скрывался в самые жаркие месяцы лета, уделяя много времени охоте в окрестных горах. Ассаке имела внешнюю укрепленную стену[18].

Автор «Таснифи Гариб» сообщает весьма важные, доселе неизвестные сведения о мероприятиях хана в Ассаке, свидетельствующие о его серьезных планах по освоению этой местности: «Худояр-хан, когда проводил Улуг-нахр, тогда же, т. е. одновременно, для подъема воды построил в районе Ассаке водоподъемное колесо. Проводя арыки по краям холмистых степей, он хотел сделать Ассаке городом, построить в нем урду, расширить базар и площадь. В этих целях заставил он разрушить кладбище и приказал каждой общине перенести похороненные здесь останки на другие кладбища. Для этих работ он обложил многочисленные районы повинностью маркидар и обязал их работать, в результате чего погибли многие мусульмане»[19].

Эти весьма ценные сообщения автора говорят о том, что оросительные работы и другие мероприятия должны были способствовать расширению Ассаке, созданию там крупного земельного владения и торгового центра, из которых хан надеялся извлекать большие богатства. Строительные работы осуществлялись путем принудительной мобилизации большого количества населения городов и сел Ферганской долины в широко распространенной форме мардикар, о жестокости кото-

рой мы будем говорить позже. Уничтожение имущества населения, что имело широкое распространение при ханском строительстве, а также разрушение кладбищ, таких неприкосновенных, высокочтимых мест, не могли не вызывать негодования народа.

Об оросительных работах и попытках Худояра благоустроить Ассаке свидетельствовал и Мулла Нияз Мухаммад: «Его Величество хан, могущественный султан, хотел построить урду на земле Ассаке и, стремясь превратить эту раеподобную местность в сказочный сад, прорыл канал»[20]. Этот автор приводит стихи на узбекском языке, содержание которых имеет весьма важное значение для выяснения некоторых вопросов. Мы даем их подстрочный перевод. «Проводил теперешний хан через горы длинную реку; вкус ее воды подобен вкусу райского источника Салсабиль. Ассакинская долина понравилась благодушному хану, прорытый им канал был подобен реке Нилу. Был он знатоком проведения каналов, вода в которых шла беспрепятственно, и отрезал на протяжении русла на несколько миль скалы. Не говорите, что это [маленький] канал, он большой канал в райском саду, который провел на поверхность земли Его Величество хан. Выдав воду по группам работавшего на канале народу и возложив повинность на плечи населения, он закончил прекрасный канал. Заставляя работать свой народ, а за воду получая плату, и раньше он провел весьма тяжелый для народа канал»[21].

Из этого стихотворения, принадлежавшего, может быть, перу самого историка Нияза Мухаммада, видно, что канал Улуг-нахр проводился с достаточным знанием подобных работ. Особенно обращает на себя внимание маршрут русла довольно длинного канала, по которому вода шла беспрепятственно. Естественно, нелегко было в тех условиях провести русло большого канала по твердому грунту, даже по скалистой местности. Особое значение имеют последние строки, в которых говорится, что стрительство Улуг-нахра осуществлялось путем мобилизации трудящегося населения по всему ханству на этот принудительный тяжелый труд. Далее мы увидим, что последствия такой мобилизации в ряде случаев были трагичны. Очень важен еще и следующий момент, отмеченный в этом стихотворении: хан, заставляя народ проводить каналы, затем отдавал воду по группам (кишлакам) и за нее получал плату, т. е. продавал ее тому же народу, на костях и крови которого был прорыт этот канал.

Утверждая, что канал был проведен в интересах правоверных и в помощь знатным и простым людям, Нияз Мухаммад сам себе явно противоречит.

Документальные данные по этому вопросу полностью подтверждают сведения нарративных источников и дополняют их. Худояр-хан в 1263 (1846—1847) г. продал в районе Ассаке участок земли и новый канал 21 человеку, в числе которых был крупный чиновник Халмухаммад-дадха, сын Мухаммад Назара-кушбеги[22]. Через четыре года, т. е. в 1267 (1850—1851) г., все люди, купившие землю и канал у хана, перепродали их Халмухаммаду-дадхе. Построенное здесь ханом медресе было наделено им вакфами. Так, ханские земли в Ассаке были объектами купли-продажи и пожалования.

В районе Ассаке были и земли, принадлежавшие старым крупным землевладельцам. Например, нам известно, что земли, орошаемые каналом Йабу («جوی یابو») в районе Ассаке, находились значительное время во владении сыновей Ходжи Ишана (ходжикалона) Мухаммад Аман-хана тюры и Мухаммад Риза-хана тюры. Йабу в 1256 (1840—1841) г. был пожалован им Мухаммадали-ханом. В 1259/1843 г. это

было утверждено неизвестным лицом (время правления Шерали-хана). Через год в 1260 (1844—1845) г. Шерали-хан выдал грамоту этим владельцам о принадлежности им канала. В 1279 (1862—1863) г., в разгар политической борьбы, поднятый на белой кошме кипчаками в районе Ассаке Шахрухан, по свидетельству источника, сын мастера глинобитных стен, успел специальной грамотой утвердить указанный канал за владевшими им знатными землевладельцами. В 1281 (1864—1865) г. жалованную грамоту на этот канал указанным землевладельцам выдал Султан Саид-хан. Наконец, в 1284 (1867—1868) г. Худояр-хан выдал грамоту на освобождение доходов с земель, орошаемых этим арыком, находящимся во владении названных выше феодалов.

Академик Мидендорф в прибавлениях (приложениях) к своей монографии приводит следующие данные о ханских землях[23].

1. В Андижанском округе — местность Афган-бек, находящаяся между дорогами, ведущими в Ассаке и Шахрихан. Земли ее в размере 205 танабов (34 десятин) «уже превосходно обработаны» и находились до завоевания «в частном владении хана», а затем причислены «русскими властями к государственным имуществам».

2. Местность, лежащая от Афган-бека на расстоянии 9 верст, на Караган-арыке, вблизи деревни Бута-кара, в размере «2000 танабов плодородной земли, прежде принадлежавшей хану».

3. Большой участок ханской земли, на 12 верст в длину и на 4 версты в ширину, находился на севере массива (указанного в пункте 2) в четырех верстах от Балыкчи на юго-западе, вправо от дороги в Маргилан, и подходил к Сырдарье. «Он называется Кызыл-тал, тоже прежде принадлежал хану. На этом участке было несколько незначительных озерков и обширные тростниковые заросли, оживляемые водяною птицею и дикими свиньями»[24].

Мидендорф приводит весьма важные данные о ханском селе Янгичек (новая деревня), полученные им от сопровождавшего его купца. Это селение вызвало у Мидендорфа интерес, так как, когда он проезжал мимо него, оно было покинуто населением. Отправляясь из Яз-Явана в направлении Шахрихана, он проехал селение Кара-тепе и далее следовал по казавшейся ему большой, простиравшейся до самой Сырдарьи солончаковой пустыне. «Я,—писал он,— был удивлен, встретив на этом пути чрезвычайно большое село, постройки его, по-видимому, тянулись без конца, но они были пусты и заброшены. Дворов нельзя было и перечесть, но лишь отдельные маленькие полоски люцерны зеленели среди пустынной солончаковой поверхности, прорезанной большими и маленькими, но всегда сухими арыками. Засохшие остатки посаженных юных деревьев местами пытались отстоять свое жалкое существование». Мидендорф увидел в числе сохранившегося имущества хана только огромную мельницу с 4 поставами, расположенную на благоприятной оросительной артерии среди орошенных полей. Вся система ирригации в этой местности — десятифутовые (трехметровые) канавы, расположенная высоко дорога и само село Янги-чек в 600 дворов были заложены, по свидетельству купца, Худояр-ханом в последнее его правление в одно и то же время со строительством канала Улуг-нахр. «В селе,— писал Мидендорф,— жили пригнанные поселенцы около 5 лет». Но после захвата Ферганы царскими войсками, пользуясь создавшейся ситуацией, андижанцы отводят воду Улуг-нахра силою в 70 мельничных единиц, и этот огромный массив земель хана с крупнейшим селением немедленно приходит к захирению[25].

В этом районе, между Тешик-ташем и Кара-тепе, после проведения Улуг-нахра образовалось много поселений, из которых отмеча-

ются наиболее крупные — Афтобачи (Афтобачи-чек на карте) с 350 дворами, Киек-бай с 200 дворами, Насриддин-бек с 200 дворами, Сали Мухаммад с 200 дворами, Султан Мурад-бек с 80 дворами, Урман-бек с 50 дворами, Ханназар-парваначи с 30 дворами и др.[26] Следует обратить внимание на весьма важное указание Мидендорфа о том, что канал Улуг-нахр был проведен ханом «собственно для нового поселения Янги-чек»[27] и орошения в целом этого района. Орошение и освоение этого большого массива в интересах правящей верхушки опровергает попытки некоторых авторов доказать какую-то заботу Худояра в отношении людей, переживавших процесс перехода к оседлой жизни. Не это было главным во внутренней политике Худояра, хотя в известном отношении и привело объективно к таким последствиям. Наше мнение подтверждается тем, что из всех отмеченных Мидендорфом и его сотрудником Смирновым населенных пунктов, которые орошались водою Улуг-нахра, подавляющее большинство принадлежало самому хану, его сыновьям и брату. В этих селениях разместились 1130 дворов из 1710 насильственно переселенных в указанный район.

Однако факты свидетельствуют о возникновении в правление Худояра до проведения Улуг-нахра ряда селений на северо-восточной окраине этой территории. Так, Смирнов уточнял в 1878 г. появление следующих 6 поселений вблизи Балыкчи: Сарай (за 30 лет до него, значит в 1848 г.), Бустон (за 16 лет до него—в 1862 г.), Тис-Абад Насриддин-Абад, Саидали-хан (за 15 лет до него — в 1863 г.) и Куйган-куприк (за 9 лет до него—в 1869 г.)[28]. Вполне возможно, что Насриддин-Абад и Саидали-хан, носящие имена членов ханского дома, вместе с окружающими землями принадлежали хану и членам ханского дома. Упоминание на карте этой местности поселений Шерали-чек, Алим-бек и других еще раз подтверждает значительность владений дома Шерали-хана в этом районе. Нам известно, что в ряде местностей Ферганы Худояр-хан имел свои резиденции. Одна такая резиденция хана была в сел. Аим[29], находящемся в головной части канала Улуг-нахр. Нет сомнения, что вокруг таких ханских дворцов были десятки и сотни танабов земли, принадлежавших лично хану.

Худояр и в этом районе пытался оросить новые земли. Мидендорф видел в районе р. Акбура, между деревнями Кулья и Аим, цепь предгорий, тянувшуюся приблизительно с востока на запад, покрытую сплошным лесом и возвышающуюся над долиною на несколько сот футов. В левую сторону этого предгорья, по его словам, врезывался неудавшийся Худоярский канал[30]. В другом месте своей работы этот автор писал, что он следовал по недостроенному Худоярскому каналу от Ассаке до Кули[31].

Хан и члены ханского дома выделяли, как уже отмечено, многочисленные вакфы различным религиозно-культовым учреждениям. Значительная часть этих вакфов составляла часть собственного имущества хана, в том числе вновь приобретенного.

Мидендорф, говоря о землях, доходы с которых шли в пользу ханской казны, писал в одном случае о «частном владении хана», в другом — «о принадлежности хану» и в третьем — «о принадлежности государству». Земли Наманганского уезда в размере 97 тыс. десятин, на которых стояли 103 деревни ориентировочно с 16 тыс. дворов, или 112 тыс. жителей[32] при хане в основном считались государственными, в число их входили, видимо, и удельные владения хана. Сейчас мы не имеем возможности документально установить характер тех земель, которые он называл ханскими. Но здесь же на правом плоском уступе Нарына, вблизи Уч-кургана, Мидендорф пересек сеть каналов, которая

была проведена лет десять назад Худояром (в 1868 г.). Однако вода по каналам не пошла.

Таким образом, если считать земли, отданные Худояром после проведения Улуг-нахра членам его дома, находящиеся между двумя ханскими участками на Афган-беке и Кызыл-тале, и большого ханского массива Янги-чека, то получится, что все земли, начиная от Ассаке на юге и до берегов Сырдарьи на севере, принадлежали в основном хану и его дому.

Вернемся к Кокандскому району, где ханы имели земельные угодья и о котором мы имеем больше данных. Что из себя представляли районы окрестности столицы? Судить о территории западных районов Коканда можно по наблюдениям очевидцев. Так, в 1830 г. хорунжий Потанин, переправившись через реку на Чил-майраме, преодолел пешком расстояние в 8 верст, представлявшее собой плоские возвышенности, совершенно бесплодные места. Затем, «перейдя,— писал он,— деревню Караполясы (правильно Каракуйли), мы шли беспрестанно встречающимися кишлаками (хуторами) до самого Кокана»[33]. Еще один автор, описавший дорогу на запад от Коканда, оставил следующие данные: после переправы у Чил-майрама дорога «направляется прямо к Кокану, по мере приближения к которому местность резко изменяется, переходя из бесплодной степи к возделанным и орошенным полям, расположенным на прекрасной почве из глинистого чернозема»[34].

Пространство от Чил-майрамской переправы в сторону Коканда с левой стороны дороги, прямо и непосредственно по левому берегу Сырдарьи, выделялось в виде степной полосы. «От переправы,— писал один из очевидцев,— до следующего ночлега нашего, кишлака Байбуты, считают четыре таша (32 версты), транспорт был на арбах, и на мою долю выпала колесная дорога степью... Миновав кишлаки Дихкан-туда, мы вышли на голую каменистую высокую степь и шли окраиной ее верст десять. Вправо, т. е. на западе[35], в виду нашем, на всем протяжении степи к ней примкнули кишлаки, плантации и множество дорог; влево пропадала в пространство выпуклая, сплошь покрытая крупными голышами степь». Из Байбуты до Коканда 8 верст. Он ездил по дороге, окруженной кишлаками. После кишлака Найманчи, состоявшего из 100 дворов, перед его глазами открылась голая равнина версты на полторы, и он увидел городские ворота «Газавлык» или Чил-майрам и стены[36].

Сады, виноградники, густонаселенность окрестностей Коканда делали их для глаз впервые оказавшегося здесь иностранца неотличимыми от самого города, не лишенного земельных участков, как некоторые другие среднеазиатские города. «С Запада и Востока,— писал один из обозревателей,—прилегают к городу обширные предместья, наполненные садами и виноградниками, так что нелегко определить, где кончается собственный город и где начинаются окрестные селения»[37]. Другой очевидец, побывавший в Коканде в 70-х годах XIX в., писал: «Окрестности [Кокана] на большое расстояние полны арыками, плантациями и лесом, который в некоторых местах подходит к самой стене»[38].

По имеющимся данным, почти около одной трети всех кишлаков Ферганской долины было сосредоточено в период существования ханства в районе Коканда. По услышанным, вероятно, от местной кокандской администрации, сведениям, тот же автор указывал, что если ко всем городам долины (кроме Ходжентской области) причислялось 1214 кишлаков, то 360 из них относились к Коканду[39].

О качестве почвы Кокандского округа был у специалистов 70-х годов XIX в. самый лестный отзыв. «Превосходная почва,— писал Миден-

дорф,— в Кокандском уезде, отличающаяся черною краскою, совершенно необычайною в той лёссовой области, очевидно, образовалась... столетней культурой на окраине солончаковой пустыни Ха-дарвиш... Во время моего приезда из Яны-кургана в Кокан, мне бросилось в глаза, что здесь на окраине песчаной пустыни, несмотря на обильную примесь песка, стояли особенно роскошные пшеничные поля и люцерновые участки»[40].

Об основных отраслях сельского хозяйства Кокандского района имеются данные в литературе того периода. Еще в 30-х годах XIX в. жители этого района занимались довольно интенсивно садоводством, разведением шелковичных червей, хлопчатника и хлебопашеством, а также кустарничеством и торговлей. Поля в окрестностях Коканда засевались, по его словам, разным хлебом. Ввиду использования большей части земельных площадей под пашни скота содержалось немного[41]. По словам Куна, Коканд славился самыми нежными фруктами, отличным шелком, хлебом и хлопком[42]. Однако своим хлебом Кокандский район не мог обеспечить население и получал «значительную часть хлебных продуктов с правого берега Сырдарьи—Намангана»[43]. Культура хлопка, несомненно, в 70-х годах развивалась интенсивнее в сравнении, например, с 50-ми годами. «В ханстве возделывается немного хлопчатника: его сеют преимущественно в г. Кокане и в местах, близких к столице»[44],—писал в 50-е годы Вильяминов-Зернов. В это же время русские пленные начали посадку картофеля[45].

Здесь, в Кокандском округе, правящая верхушка имела земли, красивые сады, которые служили ей не только для отдыха и развлечений, но и для получения с них значительного дохода. Худояр-хан следил за развитием в этом районе своего хозяйства. Мы уже говорили выше о принадлежности кокандским ханам ер-мечетских земель в размере четырех тысяч танабов. Ер-мечеть являлась не только одной из резиденций кокандских ханов, не только местом убежища ханов при столкновении с внутренними и внешними врагами, а также во время народных движений, как это мы наблюдали, например, в правление Мухаммадали-хана[46], не только местом для занятий воинов-артиллеристов, например в правление Малла-хана[47], но она была одним из доходнейших владений хана. Ер-мечеть, расположенная в низменности, отличалась сыростью, что позволяло в большом количестве сеять рис и джугару[48].

Ханы владели в порядке личной собственности удельной землей, представляющей собой массивы и участки обработанных земель, сады, виноградники, дачные усадьбы и т. д. Например, об одном таком участке, принадлежавшем некогда Мухаммадали-хану, свидетельствует донесение неизвестного чиновника Худояру. Согласно этому документу покойный хан имел рядом с тогда существовавшим мульком Султана Мурад-бека в Ак-мечети следующие земли: приусадебную («تام ارقه داشتند»), виноградника 4 танаба, гранатную и инжирную плантации и под другими деревьями с бассейном 6 танабов, тополевую аллею в 1 танаб и землю, размер которой определялся в семь-десять дней. После казни Мухаммадали-хана, вероятно, во время кратковременного правления бухарского эмира, в 1842 г. эта его собственность была конфискована, и впоследствии некий Рисолачи-кипчак продал ее за 50 тилля (в период снижения стоимости земли) шейхулисламу, убежавшему в Бухару. В период правления Худояра этот все еще прекрасный сад находился в его владении, и автор донесения, докладывая хану об этом, намекал на необходимость захвата данного участка, как принадлежавшего прежним ханам[49].

Проведение правителями в районе Коканда до ликвидации самого ханства оросительных работ, несомненно, расширило удельный вес обрабатываемых земель в этом районе.

Судя по документам, земли в некоторых районах Коканда, в частности сел. Гумайли, Дангара, Кызыл-муш, Сари-Асия, Киркдар и Амир-Абад, являлись ханскими и засевались рисом («زمین شالی کاری پادشاهی»)[50], наиболее любимой культурой в Фергане, хотя не являвшейся «народной пищей»[51]. Сел. Мамахан со своими землями тоже являлось удельным владением хана, ибо о принадлежности хану находившихся там имуществ имеется прямое указание в документах[52]. Янги-кишлак, состоявший из пяти участков, также был удельным владением хана, о чем свидетельствует привлечение сюда на работу людей по указанию хана[53]. Документы, отражающие отпуск семян и других необходимых продуктов и вещей из казны хана для посевов злаковых культур, свидетельствуют о распространении ханских владений на земли селений Кара-тепе, Хан-Абад, Тегирман-баши, Амир-Абад, Араб-куль, Ишан-баба, Чек, Арабан, Минглар, Найманча, Мир-баки, Барзанги, Кашгар-кишлак, Алти-кош, Арал (?), Ду-джар, Арал-и Кызыл-тал, Мангыт-кишлак, Кальбай-кишлак, Шукран, Ак-мечеть, Ганджираван, Кальбай, Кайнар, Афган, Курбан-мерген, Аим-кишлак[54].

Для посева на старых ханских удельных плантациях в Ер-мечети выдавалось 75—80 чайриков семян риса, что составляло более трехсот пудов[55]. Однако эта цифра может быть только частью семян, а площади удельных земель хана под другими культурами в Ер-мечети в известном отношении ориентировочно определяются по дафтару выдачи джугары, хлопка и маша следующим образом: всем приведенным в дафтаре 46 арендаторам ханских земель было отпущено владельцем семян джугары на 117 джуфт земли[56], хлопка (сорт гуза) — на 73 джуфта, маша — на 1,5 джуфта. Всего по этому дафтару под тремя культурами находилось 191,3 джуфта плодородных земель[57].

Но как мы отмечали выше, удельные земли хана постоянно увеличивались не только за счет возвращения земельных угодий, предшествующих правителей, переходивших в руки других владельцев, но и путем орошения и освоения новых земель. Так, об освоении новых земель, ставших удельным владением хана, свидетельствует район сел. Шуртепе, куда выдано было из ханского амбара 23 чайрика (около 100 пудов) семян риса. В недатированном донесении неизвестного лица указывалось, что земля была освоена в том году, в котором написано было донесение[58]. Ханские саркары не стеснялись захватывать общинные или хараджные земли, находившиеся во владении крестьян. Имеется факт, свидетельствующий о попытке курукчи захватить земли Кылгандарья-кишлака в размере одного джуфта, находящегося, вероятно, в общинном владении населения Мамахан-кишлака, которое и опротестовывала этот акт[59].

Хан, видимо, собрал земли в Ер-мечети и путем покупки отдельных земельных участков, находившихся в частной собственности. В одном дафтаре, названном «Запись земель, имеющих купчии в местности Ер-мечети»[60], от 1282 (1865—1866) г. перечислялись 16 участков земли, находившихся в собственности 18 человек (приводятся имена этих собственников). Они имели купчии (« وثیقه »), в которых указывалась в подытоженном виде общая сумма стоимости этих земель — 3216,75 тилля[61]. В 1282 г. Худояр вернулся из Бухары и пришел в третий раз к власти в Коканде. Видимо, сразу по возвращении был составлен список частных владений, находившихся в районе имения хана, определе-

на стоимость земель, которые хан или приобрел, или пытался приобрести. Иначе незачем было проводить такую работу, и не находился бы этот материал в архиве хана. Едва ли, проведя новые оросительные работы в Ер-мечети, хан думал о продаже своих земель указанным лицам в этом важнейшем районе концентрации его земель, хотя подобные факты наблюдались в отдаленных округах.

В другом документе (дафтаре) мы встречаем запись: «В день восьмого числа месяца раби-ул авваль, в год свиньи, за пятьсот тилля, [стоимость] земли Кызыл-муша, выдано зерно»[62]. Или еще в одном документе (ариза) приводится следующее: в качестве оплаты за землю жителям Гумаили-кишлака и Дангара-кишлака выдано 100 тилля после продажи джугары за 52 тилля, пшеницы за 40 тилля и прибавя еще 8 тилля из наличных денег. Жителям сел. Амир-Абад выдано 70 тилля — сумма проданной за 48 тилля шалы и за 22 тилля сена. Жителям сел. Тегирман-баши выдано 70 тилля после продажи на 44 тилля шалы и на 20 тилля сена и прибавя еще 6 тилля из наличных денег[63]. Во всех случаях мы видим, что ханские чиновники производили расчет с населением этих кишлаков за приобретение ханом их земель. Если в документе № 532 говорится: «500 тилля, [выделенные] для земли (جهت پانصد «طلای زمین»), то в документе № 540, л. 6 написано «оплата производится за землю (جهت پل زمین»).

На удельных землях хана сеялись рис, джугара, хлопок, в незначительном количестве маш, клевер, дыни и все существовавшие тогда бахчевые культуры. Известная площадь была занята под строительным лесом, крайне необходимым для больших строительных работ хана и членов его дома. О последнем, например, свидетельствует перевозка в 1290 г. 85 арб жердей («خاده») из Ер-мечети в казармы сарбазов («سر باز خانه») и ханские сады, находившиеся в селениях Муи-Мубарак и Урганджи-баг, и дворец царевича Саида Умар-бека для использования на строительных объектах[64]. По свидетельству другого дафтара, из Ер-мечети привезено на указанные объекты еще 155 арб жердей, а также еще 200 штук[65]. Нам кажется, что этот дефицитный в тогдашних условиях Средней Азии, в частности Ферганы, стройматериал был выращен именно в самой Ер-мечети.

При отсутствии в Ферганской долине лесных массивов определенные земельные участки находились под искусственным древесным насаждением, которое давало весьма дорогой строительный материал. Вот названия нескольких селений, откуда на строительство ханского дома поступал материал (всякие балки и перекладины): Капа-сарой, Джуркин («جور کین»), Елтир-кишлак («یالتر قشلاق»), Тахия-так (« تاخیتق »), Алти-уртак, Тумар-кишлак, Байбуча-кишлак, Беш-кал, Акджар-кишлак, Шайх-кишлак, Кияли-кишлак, Какир, Чанкат («جنکات »), Кара-мулла, Янги-кишлак[66] и др.

Производство хлопка в удельных владениях хана подтверждается записями в тех же дафтарах. Вот одна из них: «эмирский хлопок в Ер-мечети» («آنچه غوزه میری تابع یر مسجد»)[67]. Общий объем хлопка, получаемого ханом даже с ер-мечетского хозяйства, нам неизвестен. Однако мы знаем, что только с местностей Ер-мечети — Алти-куш, Сари-Асия, Амир-Абад, Чека —от 44 ханских издольщиков земли получено было в 1288 (1871—1872) г. 40 чайриков и 346 чекса хлопка (гуза). Через два года в 1290 (1873—1874) г. эта цифра почти не изменилась. Если к ней прибавить еще 31 чайрик кызыл-мушского хлопка[68], то в амбар хана в общей сложности поступало с северных предместий Ко-

канда только 71 чайрик и 346 чекса хлопка (гуза). В целом по одному дафтару, охватывающему поступление зерна с Ер-мечети в ханский амбар в 1291 (1874—1875) г., мы имели следующие цифры: риса (шалы) — 500 чайриков, джугары—510 чайриков, пшеницы —46 чайриков, хлопка—73 чайрика, маша—6 чайриков, дынь на 20 тилля 164 теньга. Всего 1062 чайрика зерна, 73 чайрика хлопка[69]. Разумеется, все эти данные полностью не охватывают ханского дохода с Ер-мечети.

Однако доходы с Ер-мечети покрывали совершенно незначительную часть расходов хана. Так, в том же 1291 г. во время десятидневной остановки в Ер-мечети отдано было только лошадям 130 чайриков джугары, чтецам Корана в медресе в честь хана в течение двух лет было отпущено из доходов Ер-мечети 90 чайриков риса.

Сельскохозяйственные продукты, получаемые с Ер-мечети в необходимом количестве, сохранялись в ханском амбаре саркарами, аминами, аксакалами и даже отдельными издольщиками, которые были обязаны строго беречь ханские продукты, временами довольно долго—на протяжении нескольких месяцев, а зерновые продукты и сено — годами, что было, конечно, делом нелегким. Так, например, некий Низамаддин-ходжа, ханский издольщик («كارنده») в Ер-мечети, по приказанию хана, хранил с урожая 500 дынь и весной с наступлением теплой погоды обратился в письменной форме к хану за приказанием, что делать с дынями[70].

Ежегодно, помимо потребления в ханском хозяйстве, известная часть продуктов продавалась саркарами в очень выгодное для владельца время, и вырученная сумма вносилась в казну хана. Например, Мухаммад Садык-саркар продал (согласно одной ведомости) следующие продукты, принадлежавшие хану, и внес сумму в казну: за хлопок 83 тилля, джугару 125,5 тилля, клевер 75 тилля, пшеницу 30 тилля, урюк из ер-мечетского сада 5 тилля 8 теньга, за продукты (пшеница и джугара) с ханских мельниц в сел. Алти-куш—29 тилля, Мир-Абад—11 тилля 1 теньга, кроме того, за дыни 45 тилля, за рис 133 тилля. Всего ханским саркаром было продано продуктов на 536 тилля, которые были внесены в казну хана[71]. Несомненно, хана интересовала, прежде всего, рыночная цена продуктов. В одном донесении тот же Мухаммад Садык-саркар[72] писал, что все зерновые злаки, т. е. указанные выше, находящиеся в его руках, оценены в 536 тилля. Он продал все новое и старое зерно двухлетней давности, кроме шалы, которую держал в амбаре. Шала была оценена в 133 тилля. В эти дни, взвесив рис, он отдал его баям по тогдашним базарным ценам. Получилось на 76 тилля больше прежней цены (прибыль), а 536 тилля (в том числе и 76 тилля) были переданы мехтару[73]. Характерно, что рис оценивался в 133 тилля, но продать его сразу было нельзя из-за низкой цены на рынке. От продажи в то время за него выручили бы всего 57 тилля, т. е. меньше на 75 тилля предполагаемой цены. И вот ханский саркар, дождавшись подорожания риса, а может быть, и способствуя этому, продал рис баям. Цена на продукты, принадлежавшие хану или беку, определялась самим владельцем, и продукты продавались по его разрешению. Об этом в нашем распоряжении имеются многочисленные данные[74].

Фергана всегда славилась своими замечательными садами; она в XIX в. не уступала другим известным в этом отношении районам Средней Азии. «В отношении садоводства,—писал один из тогдашних наблюдателей,— как по количеству, так и по качеству фруктов Кокан может смело соперничать с Бухарой. Обширные сады занимают огромные пространства внутри и в окрестностях городов и, производя в изобилии

нежные, чрезвычайно вкусные плоды, представляют вид настоящих лесов. В этих садах, кроме плодовых деревьев — груш, слив, яблок, вишен, винограда, персиков, тутовых, ореховых и миндальных деревьев, растут еще дубы, чинары, вязы, высокие тополя и прочее...»[75].

Среди замечальных садов, окружавших города, особо выделялись сады, принадлежавшие хану, членам его дома и всей феодальной знати. В Фергане, особенно в окрестностях Коканда, в руках ханов находились хорошие, довольно известные сады. Еще при Алим-хане и Омар-хане в районе сел. Рощдана (ныне Риштана) упоминалась местность под названием Чар-Чаман (четырехполый цветник), свидетельствующим о ее красоте[76]. Алим-хан построил здесь царский дворец и проводил в нем ежегодный месячный военный праздник[77]. Несколько позже, при описании сражения 1842 г. Шерали-хана с эмиром Насруллой, упоминался в местности Кара-тепе, где произошло сражение, Чар-баг Омар-хана под названием Шах-чаман[78]. К югу от Коканда размещался в начале века дворец Алим-хана, а на расстоянии двух километров от него находился сад Масум-хана тюры—зятя Алим-хана и Омар-хана (отца автора «Мунтахаб-ат таварих» Мухаммада Хакима)[79]. К югу от столицы, на расстоянии трех километров от города, находился, пожалуй, самый крупный и самый известный сад Худояра—Афган-баг. Вполне возможно, что это тот самый сад, в котором размещался упомянутый дворец Алим-хана. В этом саду была большая виноградная плантация, из винограда которой специалисты этого дела готовили шинни (виноградную патоку)[80]. Все русские, прибывавшие в Коканд, очень высоко отзывались от Афган-баге: «...За городской стеной есть прелестное здоровое местечко, бывшая летняя ханская резиденция—Афган-баг»[81],— писал один из обозревателей.

Приехавший в целях путешествия в 1878 г. через два года после ликвидации Кокандского ханства в Коканд проф. Н. Сорокин был устроен на ночлег в этом саду. «Разместили нас,—писал он,—в летнем помещении хана[82]. Мне пришлось провести ночь в хивинской зеленой клетке, под тенью столетнего тутового дерева. Несмотря на усталость, я приходил в восторг от красоты южной природы и лунной ночи»[83].

Разумеется, наличие столетних деревьев напоминает о возрасте самого сада, ибо едва ли, построенный на основе старой традиции садово-парковой планировки, он мог сохранить случайно находившиеся на месте деревья. Это еще раз подтверждает, что именно здесь находился летний дворец Алим-хана лет 70—75 назад до рассматриваемого времени. Наличие «хивинской зеленой клетки» напоминает и о возможности наличия других, например, бухарских, кашгарских залов.

Селение под тем же названием (Афган-кишлак[84]), что и сад, находившееся там же, было, несомненно, относительно благоустроенным. Мечеть этого кишлака обладала значительным вакуфным имуществом.

Худояр имел в окрестностях Коканда, видимо, в его северной части, другой известный сад — Урганджи-баг. Разведение садов для членов ханского дома продолжалось до конца существования ханства. Так, сад с дворцом был заложен для сына хана Саида Урман-бека в сел. Муи-Мубарак. Известна приблизительная дата основания сада и дворца в селении, носившем имя деда Худояра Хаджи-бека (отца Шерали-хана), на рубеже XVIII и XIX вв. Встречающиеся в исторических трудах того периода даты восстановления и характеристика этого сада с дворцом говорят о значительности этого объекта, ибо в источниках не встречаются описания некоторых других менее значительных объектов.

В архивных документах имеются данные о выдаче посуды для гостей, помещенных в Янги-баге (или Боги-нау)[85]. Вполне возможно, что

здесь имеются в виду и два разных сада. Упоминается также сад в сел. Эм-кишлак[86].

В 1286 г. х. был заложен великолепный сад вокруг возведенного в этом же году дворца Худояр-хана в самом городе[87]. Приведенные в «Тарихи Шахрухи» стихи на узбекском языке, посвященные этому саду, дают некоторое представление о нем. «При изготовлении чертежа чертежники разбили сад на восемь равных цветников, а в каждом из этих цветников было еще по тысяче розариев»[88]. «Сад был украшен аллеями, рядами, приукрашенными цветами и цветниками»[89]. Он был обеспечен проточной водой, в нем были все виды фруктов. Ведение предварительной чертежной работы с разбивкой предполагаемого сада на цветники, аллеи, декоративные ряды, фруктовые деревья, система орошения, несомненно, свидетельствуют о продолжении в этом деле в определенной степени богатых традиций садово-паркового строительства прежних веков.

Хан и члены ханского дома, а также вельможи имели замечательные сады и в других округах. Например, в Маргиланском округе в документе, датированном 1291 (1874—1875) г., упоминаются Ярмазарский сад[90] и Баги-дилкишо, по имени знаменитого сада Тимура в Самарканде, который встречается в документе, датированном 1287 (1870—1871) г.[91] Может быть, Баги-дилкишо — тот самый сад, в котором после присоединения Ферганы к России размещалась царская администрация Маргилана[92]. Упоминаются Ассакинский ханский сад, сад с летней резиденцией хана в Алты-арыке[93]. Ханская урда с садом находилась в Наманганском округе — в Янги-кургане[94]. В ханских садах содержались различные птицы — лебеди, утки, гуси, голуби и т. д. Только в одном Кокандском городском саду было до 12 тыс. голубей разной окраски и пород.

Все эти сады, занимавшие десятки сотен гектаров наилучших земель, созданы были исключительно в интересах правящей феодальной верхушки трудом эксплуатируемого населения. Хан и члены его дома проводили время в этих великолепных садах. «Иные дни,— писал один из авторов,— хан проводил в своих загородных садах «Афгани-баг» и «Урганджи-баг», куда сопровождал его целый рой махрамов и сарбазов, а также гарем»[95]. Эти сады служили резиденциями для высоких послов дружественных стран. Послов же враждебных стран размещали в садах отдельных чиновников.

Поскольку об удельном владении хана в Ер-мечети имеются более подробные данные, остановимся на них. Кроме обрабатываемых земель, все водные бассейны, озера, находившиеся на территории Ер-мечети, являлись ханскими владениями, продукция которых поступала в ханские кладовые. «О, покровители рабов! — писалось в одном донесении,— рыбы, уловленные вчера в озере Ер-мечети, находятся пока там. Без разрешения Его Величества я не привез их, о чем сообщаю. Каково будет указание нашего господина — его воля. Да будут Они здоровыми»[96].

Видимо, население, живущее на ханской земле в районе Ер-мечети, вынуждено было платить в какой-то форме за местожительство. В архиве имеется один весьма важный документ — заявление жителей сел. Амир-Абада хану. Приведем его здесь полностью: «Покорнейшее заявление рабов Его Величества, бедных и неимущих жителей Амир-Абада, находящегося около Ер-мечети. О, отзывающиеся на заявления и покровители рабов! Мы не имеем опоры, кроме господа бога, а после него Его Величества. Дай бог, на счастье нас—бедняков, чтобы они находились с нашими царевичами прочно у власти, на государственном троне

долгие годы и многие столетия. Мы молимся день и ночь за долголетие Вашей власти и поражение неверных. Мы являемся непросвещенными и заблудившимися людьми за свои глупости, и тысячи, и тысячи раз раскаиваемся. Вы царь щедрый, под Вашим покровительством в целях нелишения пристанища («بیوطن نشده») и сердечного моления мы, принеся двести пятьдесят тилля деньгами в виде подарка, надеясь на Ваше милосердие, обращаемся к Вам. Еще Ваша светлость, сами являетесь царем, покровительствующим подданным, своевластным. Да будут Они здоровыми»[97]. Здесь слово «بیوطن نشده», т. е. в целях нелишения пристанища, постоянного местожительства, за что было внесено в казну хана 250 тилля, раскрывает всю сущность документа. Форма оплаты не имеет в данном случае значения. Это по существу аренда земли, находящейся под строениями населения данного селения, принадлежавшего хану, лицемерно взимаемая ханом в форме приношения («هدیه»), без чего население лишалось бы, конечно, местожительства[98].

В Ер-мечети находились ханские мельницы («نیگرمان سلطانی» «آسیای سلطانی») с работающими на них мельниками[99], хозяйственные базы, амбары хана, размещалась там часть войска, содержался ханский скот. Так, по одному расходному дафтару в течение 6 суток отпущено ханским лошадям и лошадям приближенных хана 55 чайриков (более 240 пудов) джугары, 6 чайриков (27 пудов) ячменя[100].

Видимо, в районе Ер-мечети, кроме удельного владения хана, были и амляковые земли, являвшиеся лишь номинально государственными. Мы имеем копии с ханского указа об отдаче хараджа населения Ер-мечети и его района («یرمسجد مع توابعش») за год курицы (1290 г.) в аренду амлякдару Мухаммаду Гафур-баю в размере 600 чайриков или 2700 пудов зерна (100 чайриков пшеницы, 365 чайриков джугары, 90 чайриков сар — чистая джугара, 43 чайрика моркови и 2 чайрика маша). Далее население предупреждается о необходимости признания Гафур-бая амлякдаром, уважения его и отдачи ему своего хараджа, не скрывая ни зернышка, о необходимости подчинения амлякдару во всех земледельческих делах[101]. Это, естественно, не могли быть частные земли хана, на которых возделывалась в основном рисовая культура, чего в этом документе нет, и взимался только харадж, и нет оплаты за землю (замин-хакки). Назначенный ханом в качестве амлякдара Ер-мечети Мухаммад Гафур далее в документах именовался «ер-мечетский амлякдар Мухаммад Гафур»[102].

Мечеть сел. Ер-мечети наделена была многочисленными вакфами со стороны отдельных граждан. Эта мечеть получила новые вакуфные владения в 1275 (1858—1859), 1279 (1862—1863) и 1283 (1867—1869) гг., т. е. в правление Худояра.

Мы выше уже отмечали прогрессирующее расширение в районе Коканда земледелия в связи с ростом оросительных работ. Тем не менее продолжала сказываться острая нехватка воды в этом районе, особенно на крестьянских хозяйствах, хозяйствах издольщиков в периоды максимального потребления воды. Об увеличении расхода воды здесь и проведении постоянных оросительных работ отчасти говорилось уже в литературе еще середины XIX в. «Две небольшие речки Кокана,— писали тогда,— впадали прежде в Сыр-Дарью, но ныне совершенно истощаются каналами, отведенными из них для орошения полей»[103]. В других источниках также находим отдельные сведения о проведении каналов в районе Коканда и орошении пустынных земель[104].

Худояр-хан сразу же после разгрома кипчаков во главе с Мусульманкулом вернул себе бывшие ханские земли, в частности в окрестностях Коканда. В период нападения эмира Насруллы и кратковременного правления его наместника в Фергане — Ибрагима-хаяла и кипчакских событий, длившихся более 10 лет, т. е. в период социально-политических потрясений в Кокандском ханстве, был нанесен удар и по удельным владениям кокандских ханов. Что было сделано Шерали-ханом и Малла-ханом в деле собирания этих владений, пока неизвестно. По-видимому, первый серьезный шаг в этом направлении был предпринят Худояром. В архиве сохранился его фирман от 1269 (1852—1853) г. следующего содержания:

«Верным нам всем аксакалам селения Арабан, селения Минглар, селений Найманча, селения Мирбаки, селения Барзанги и селения Кашгар-кишлака! Знайте и осведомляйтесь, что территория местности Ер-мечети по прежнему положению стала в числе эмирских и принадлежит августейшему превосходительству. Следует Вам, согласно законной купчей и прежним правилам, пустить наряду с водою Кайнарсая одну третью часть воды родника, находящегося в селении Кайнар-Ахунда. Поэтому, считая установленным, не выходите из благородного содержания настоящего распоряжения его августейшего. Считайте утвержденным и строгим 1269 г.»[105].

Несомненно, это один из первых актов Худояр-хана по возвращению в свои руки территории Ер-мечети сразу после разгрома кипчаков и казни Мусульманкула, являвшейся ранее одним из участков эмирских земель[106], и обеспечению ее водой. Слово «امیری» (эмирских), конечно, отличает категорию этих земель от других категорий, в частности от амляка, которым тоже беспрепятственно распоряжался хан.

Нам кажется, что Мидендорф, использовавший пояснительные записки к Проекту положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства, так же, как Хорошхин, Арендаренко, Скайлер и др., путает в известном отношении категории земель и степень принадлежности их. Он был неправ, когда писал: «Пустошная, т. е. непригодная для земледелия, не принадлежащая никому—ни корпорациям, ни государству, земля была предметом общего пользования (как пастбище) или служила для собирания топлива строительного, удобрительного материала и т. д.»[107]. Далее мы видим, что документальный материал полностью опровергает это мнение. Он был неправ, когда писал, что «казенная государственная земля носит название мири»[108]. Словом «мири» обозначались не амляковые, а чаще удельные владения правителя.

Следует ли сомневаться в постоянной заботе хана о максимальном и бесперебойном обеспечении своих удельных земель водой, об издании в случае необходимости указов, за невыполнение которых люди несли бы тяжелые наказания. Исследователи того периода, в частности, отдельные члены организационной комиссии, созданной сразу же после ликвидации ханства при генерал-губернаторе, и академик Мидендорф отмечали, что при ферганских климатических условиях различия в почве не имеют существенного влияния на ее производительность[109]. Например, если обеспечить водой Кокандский округ, то можно получить там с разных почв одинаковый урожай. Конечно, на такой большой территории, как Ферганская долина, качественное различие почв, удобрения, севооборот и т. д. имели, несомненно, значение, однако нельзя не согласиться с ними: «сущность (прежде всего.—*Р. Н.*) заключается в воде»[110], названной ими жидким золотом[111]. Одно из распоря-

жений хана гласило: «Преданным нам всем мирабам, административным лицам, аксакалам и людям, имеющим отношение к водоснабжению, селения Кара-Курпа! Знайте и осведомляйтесь, что мы, оказывая любезность, приказываем, чтобы по-прежнему в каждой очереди и кроме нее, каким образом население и территория Ер-мечети с древнейших времен получали воду и осуществляли земледелие, в таком же старом порядке пустить воду в канал Ер-мечеть, чтобы земледелию населения на территории Ер-мечети не принести безводия и также в старом порядке пустить воду вне очереди чекам[112].

Это считайте утвержденным и не противодействуйте. В месяце зулкады, 1282 г.»[113].

Документ издан Худояром после кратковременного правления Султана Саида, в период завоевания Ташкента царским правительством, когда Худояр третий раз пришел к власти с помощью бухарского эмира. Очевидно, господствовавший порядок был нарушен в период ташкентских событий. Население, пользуясь создавшимся положением, не дало воду в ханское владение в положенном ранее объеме, что заставило Худояра издать это распоряжение. Последнее подтверждается следующим документом.

В своем донесении хану начальник ханских саркаров Мухаммад Садык-саркар писал, что с древних времен родниковая вода, вытекающая из источника, находящегося в сел. Курбан-мерген, распределялась на три части. Одна часть, в объеме одной трубы, шла в Ер-мечеть, другая — в сел. Арабан, третья—в сел. Кашгар-кишлак. Каждый год в период маловодья последние селения в течение 12 дней передавали свою долю для рисовых полей Ер-мечети в виде «отброса воды» («آب پرتا گویان»)[114].

После ухода Худояра в Бухару перестала существовать рисовая плантация в Ер-мечети и прекратился обычай «отброса воды». Когда же вернулся Худояр, о прекращении прежнего обычая было доложено хану. «По приказанию Его Величества, — писал далее саркар, — собрал я по два аксакала из следующих селений: Кайнар, Афган, Курбан-мерген, Айим-кишлак, Мир-баки, Найманча, Янги-кишлак, Дангара, Дуджар, — которые подтвердили вышесказанное, т. е. они сказали, что «мы знаем и помним, что с древних времен в период маловодья упомянутые Арабан-кишлак и Кашгар-кишлак отдавали для орошения рисовых полей в Ер-мечети свои доли воды в течение 12 дней в порядке «отброса воды»[115]. Я привел всех этих аксакалов к Его Величеству»![116].

Трудно пока установить, входили ли селения Арабан и Кашгар-кишлак в середине 60-х годов в число населенных пунктов удельных владений хана[117]. Если входили, то оросительная вода в самый необходимый период полива перебрасывалась из одних кишлаков в другие внутри хозяйства самого хана. Хан обеспечивал водой свои рисовые плантации, требующие обильного орошения. Конечно, от этого не могли не пострадать арендаторы да и издольщики, обрабатывавшие ханские земли в кишлаках Арабан и Кашгар-кишлак. Если Арабан и Кашгар-кишлак в данное время не принадлежали хану, то ясно, что он в особенно нужный период насильно брал воду для орошения своих полей, полностью лишив тем самым крестьян этих селений оросительной воды, что отражалось гибельно на их посевах. Так, по-видимому, и было, ибо если бы эта регулировка использования воды происходила внутри хозяйства самого хана, то едва ли потребовалось бы восстановление прав путем сборов и опросов сельских старшин ряда селений. К этому принуждало, несомненно, недовольство крестьян. Характерно, что при появлении какой-либо возможности, крестьяне сбрасывали со своих плеч эти тя-

желые обязательства перед ханом. Так обстояло дело и на этот раз: когда Худояр вынужден был покинуть ханство, сократился посев риса в Ер-мечети.

Из документа ясно, что двенадцатидневный «отброс воды» был далеко не добровольным, поэтому хан и его чиновники стремились доказать недовольному народу законность этого акта.

В стране, где существовала частная собственность на воду, хан неограниченно распоряжался и водными ресурсами. О распространении частной собственности на воду в Ферганской долине свидетельствует следующий факт: «Покорное заявление рабов Его Величества—людей племени ёв-кесак, живущих ниже Хуканд-кишлака. Надеемся на прием следующего заявления: Его Величество, опора подданных, из-за нашего нахождения в самой нижней части арыка и крайней жажды для нашего существования оказывали любезность, решив, что подданные, живущие на северной стороне арыка, внесли плату за землю («حق الارض») сюда [хану], а плату за воду («حق الشرب») —Адаму Авлию. Благодаря этой любезности Его Величества, подданные, живущие на южной стороне арыка, тоже, питаясь водой, заняты были подданническими делами и чтением молитв. Однако недавно Адам Авлия сказал нам: «Вы так же сначала платите за воду, а потом получайте ее, иначе не отдам»,— и закрыл наш арык. По этой причине наступила безграничная жажда и разруха, из-за крайне безвыходного положения мы пошли к Адаму Авлию с просьбой, тот написал письмо Его Величеству. Вопрос заслуживал его внимания. Его Величество любезно сказал: чтобы подданные из-за безводья ни в коем случае не разорялись, пусть пользуются водой, в каком бы виде ни было. Мы молимся за эту милость Его Величества и, уже ожидая два-три дня, мы надеемся, что окажете милость насчет какой-нибудь грамоты («مرحمت نامه»), чтобы мы, неся плату за землю в Хуканд-кишлак, а плату за воду Адаму Авлию, каким-либо образом существовали в стране и молились за ваше долголетие и господство, чтобы мы не подвергались окончательному разорению. Да еще воля Вашего Величества, да будьте здоровыми»[118]. На обороте этого документа имеется, по-видимому, первый незаконченный, черновой вариант этого заявления, т. е. «покорнейшее заявление беспомощных, разоренных подданных» («عرض بنده گی فقرایان خرابهٔ ناتوان»), в котором написано яснее: «В прошлом году Адам Авлия домулла, проявляя сочувствие к нашим несчастьям—разорительности и жажде, отдал воду в степени необходимости и стал причиной существования этих рабов. А в этом году, не давая воду, говорит, что «если будешь платить харадж за воду, то буду давать воду, если нет, то не отдам»[119], и подданные просят дать документ на получение воды из большой реки для орошения засохших посевов[120].

Этот факт не оставляет никакого сомнения в существовании собственности не только на землю, но и на оросительную воду. Крестьяне, у которых земля находилась на арыке, принадлежавшем в порядке собственности или владения крупному землевладельцу, не внося хараджа за воду, не могли ее получить, что приводило к засухе и неизменному разорению.

Так, если частные владетели земли и воды могли лишить крестьян оросительной воды на целый год, т. е. довести их посевы до полной гибели, то, разумеется, верховный правитель там, где это было надо для его хозяйства, тем более мог совершить подобный акт беспрепятственно. Об этом свидетельствует следующий факт. В одной из предыдущих глав настоящей работы был приведен факт о переводе Мусуль-

манкулом одного из виднейших наманганских шейхов Халифа Азиза Намангани (Ишан Махзуба) в Междуречье, основной район поселения кипчаков, и далее о переводе его оттуда в сел. Каландар-хана, в окрестности Коканда, и пожаловании ему Худояр-ханом целого селения, которое давало ежегодно урожай в размере 1000 кокандских чайриков. Этот крупнейший шейх в известном отношении считался наставником Худояра[121]. Автор «Хуласатул ахвол» искал повод для того, чтобы поссорить шейха с ханом. Когда мюриды перевозили заболевшего шейха на носилках и остановились по дороге под тенью дерева, то здесь произошла встреча шейха с автором «Хуласатул ахвол». Когда шейх, увидев, что нет воды в арыке Каландар-ханы, т. е. подаренного ему селения, спросил автора «Хуласатул ахвол» о причине, то последний ответил: «Худояр-хан направил всю воду из всех кварталов в большой сай в порядке шутки, чтобы наводнить новое строение своего саркара, построенное на берегу сая. Все жители кварталов из-за безводья попали в стесненное положение и находятся в печальном состоянии». По этой причине внезапно появилась обида на лице его светлости, и сказал он: «Если [Худояр-хан] не дает воду нам, то и мы покинем его», действительно обстоятельства у Худояр-хана в тот день были таковые»[122]. Вскоре ишан вынужден был покинуть доходное селение и переехать в Андижан[123].

Здесь автор этого ценного источника, возможно, ища повод для ссоры Худояра с влиятельным шейхом, использовал действительный факт. Ведь было жаркое летнее время, поэтому ишан в тот день вынужден был отдыхать в тени деревьев. Хан лишил воды не только жителей городских и, видимо, окрестных кварталов, но и своего наставника — влиятельного ишана, крупного землевладельца. Это был, конечно, не частный, временный случай, иначе бы ишан не пожелал оставить большое селение с годовым доходом более четырех тысяч пудов зерна и расстаться с должностью ханского наставника.

Подобная узурпация подданных была характерным явлением, и даже отдельные влиятельные представители феодальной знати, каким был ишан, не могли ей противостоять.

На фоне этих данных выявляется несостоятельность мнения некоторых даже серьезных исследователей Ферганы того периода, подобных Мидендорфу, о том, что якобы «во времена Худояр-хана соблюдалась правильная очередь» в обеспечении водой, и население было довольно этим распределением[124].

Конечно, очередь на использование воды рек, особенно в таких областях, как Коканд, обеспечиваемых водами горных рек Соха и Исфары-сая[125], была установлена (например, 8 дней для окрестных деревень, расположенных выше города, и столько же для самого города)[126]. Но на практике в условиях господства деспотической власти хана и всей правящей верхушки подобные правила нарушались, как только затрагивались интересы крупных землевладельцев. Вообще, академик Мидендорф, далекий от понимания классовых отношений, несомненно, преувеличивал роль общины и демократических принципов в земельно-водных отношениях. Он в качестве частной собственности признавал только ключевые воды, которые, по его же словам, являлись «подспорьем и шли на питье и омовения во время прекращения воды в каналах»[127]. Однако реальное положение дел привело его к неизбежным противоречиям.

Распространение пожалований земли и воды ханами, наличие во многих местностях Ферганы ханских документов, «которыми им были предоставлены особые привилегии», по мнению Мидендорфа, были ре-

зультатом сделок, осуществляемых в условиях произвола и алчности ханов. В другом месте он писал: «Многие привилегии на воду, предоставленные в прежнее время ханами отдельным городам, местечкам или лицам за деньги или за услуги», ханами продавались[128]. Это он еще раз подтвердил следующими словами: «Отчасти сам хан, кажется, поторопился в последнюю недозволительную минуту увеличить свои средства раздачею подобных привилегий»[129]. Он в качестве примера приводит наличие ханской грамоты на Ош, согласно которой жители города имели право употреблять всю воду р. Ак-бура в период маловодия, в связи с чем, по словам автора, «нижележащие (от города) села бедствовали»[130]. О получении ханом налога с воды горных рек писал и А. Кун: «В последнее время, когда уже нечего было более облагать, говорят, установлен был налог на право пользования водой, проведенной в каналы из горных речек»[131].

Имеются данные о том, что хан владел каналом в поряде ханской собственности. В одном документе о продаже в 1273 (1856—1857) г. участка земли в местности Наубахор, принадлежавшей Кокандскому округу (за городской стеной), при определении границ этого участка отмечается, что на юге его находился «царский канал, лично принадлежавший хану» («جنوباً تماً پیوسته بشاه جوی خاص»)[132].

В другом документе также о продаже участка земли в той же местности Наубахор в 1285 (1868—1869) г. указывается наличие на востоке этого участка «канала, принадлежавшего населению» («شرقاً تماً پیوسته بجوی عامه»). Следовательно, каналы Коканда были разделены на каналы массового использования и на принадлежавшие частным лицам, в том числе хану[133].

Каким способом обрабатывались ханские земли? Имеющийся в архиве незначительный, но весьма ценный материал по этому вопросу, относящийся к Ер-мечети, разбор которого довольно труден из-за нечеткости изложения в нем данных, дает некоторое представление о способе обработки ханских вемель.

Обрабатываемые ханские земли, расположенные в районе Ер-мечети, отличает близость к столице, густонаселенность, а также качественность и максимальная обеспеченность водой. Они управлялись непосредственно ханскими саркарами и разделены были на чеки (мелкие земельные участки). Эти земли заранее, до отдачи издольщикам, распределялись, видимо, саркарами, о чем свидетельствует наличие свободных, никем еще не занятых чеков[134]. В двух дафтарах приводятся чеки, расположенные по обеим сторонам большой дороги («راه کلان»), проходившей по самой середине ханских земель в Ер-мечети, и имена арендаторов-издольщиков. На северной стороне этой дороги находились 95 чеков, отданных в аренду, и 22 свободных участка, а на южной стороне 104 чека были отданы издольщикам, 21 был свободным[135]. Таким образом, по обеим сторонам этой большой дороги, идущей из Коканда в направлении Сырдарьи, находились 242 чека.

В одном архивном документе[136], называемом «Запись чекчиев, работающих кетменем» («آنجه چیك چیبان کلندار»), приведен перечень, дающий возможность представить характер работы арендаторов-издольщиков обрабатываемых ханских земель (см. прилож. 3 б).

На каждом из перечисленных в документе 30 чеков работали кетменем от двух до шести человек издольщиков. Общее число их составляло 133 человека. К каждому чеку, кроме одного, была прикреплена пара волов, причем для ремесленников (их было 17) инвентарь не показан. Если исходить из этой средней цифры, то на 242 чеках хан-

ской земли, находившихся по обеим сторонам большой дороги, были использованы 1072 издольщика-арендатора. Из приведенного списка ясно, что ханские издольщики прибывали из разных районов страны, в том числе и из отдаленных. Так, из далеких Ахсикета и Кувы прибывали издольщики в Ер-мечеть. Среди издольщиков южной стороны указанной дороги приводятся имена Саида Мирза-бия таджика, Хаит-бая Ахсиги Бадал-бая Кубаги и др.[137], а также имена арендаторов Мухаммада Мусы Музадуза, Мухаммада Фазыла-саркара, Бай-баба аксакала, Абдулкахара-юзбаши, Муллы Мухаммада-баба домуллы и др.[138]. Основная часть этих арендаторов была из крестьян, однако среди них были и ремесленники, которые, конечно, могли оставить на время или вообще свою ремесленную деятельность и перейти на сельскохозяйственные работы. Но в списке встречаются и представители низшей администрации, быть может, к тому времени уже не бывшие ими. Эти люди, арендуя чеки и имея в своей группе 3—5 человек издольщиков или мардикаров, безусловно, эксплуатировали их. Значительная масса издольщиков была насильно мобилизована, о чем свидетельствует нежелание населения арендовать ханские земли вследствие тяжести условий труда. О последнем можно судить хотя бы из того, что по обеим сторонам большой дороги среди 242 чеков после раздачи инвентаря оставались без людей 43 чека. И это происходило даже в условиях малоземелья, когда земледельцы не могли в ряде районов и областей ввиду маловодья регулярно получать урожай. Например, известен факт, когда в первой половине XIX в. в Наманганской области на 90 тыс. человек приходилось 500 000 танабов культурной земли, а в среднем на одного человека —5,5 танаба[139]. Ввиду этого, несомненно, значительная часть крестьян этой области искала арендные земли в других местностях края. Обработка орошаемых земель была весьма тяжелой, о чем писал один из очевидцев: «С недоверием слушаешь заверения поселян, что иногда под джугару или табак пахали до 15 раз; а между тем это так. Каждый хороший землевладелец пахал 10 раз и не только под джугару, но, и где нужно, под озимые, а также паровое поле. Даже под рис весною плуг пускали до 8 раз... точно так же удобрение, после заделки его наитеснейше смешивали с землею посредством 2, 3 и 5-кратной пахоты[140]. Менее 5 раз вообще пахали редко»[141]. Вполне возможно, что автор мог допустить преувеличение. Однако практика тщательной, многократной обработки нечерноземной почвы, да еще в условиях жаркого климата и искусственного орошения не подлежит сомнению. Если Мидендорф говорил в целом о Фергане, то, разумеется, во владениях хана и членов его дома на единицу земли, несомненно, затрачивалось гораздо больше труда.

Вполне возможно, что некоторые чеки, управляемые самими ханскими саркарами, обрабатывались мардикарами (хашарчи), мобилизованными из разных сел ханства. Так, только на весенние земледельческие работы в Ер-мечетское владение хана ежегодно мобилизовывалось до 10 тыс. населения и около 1,5 тыс. повозок из более 300 кишлаков Кокандского округа. Возможно, некоторые чеки обрабатывались мардикарами-поденщиками.

Судя по приведенному выше документу, из 29 чеков в 20 работали по 4 издольщика. Им землевладелец выделял по 3 кетменя и по одной паре волов. Всего 116 издольщикам, работающим на 29 чеках, выдавалось 88 кетменей и 28 пар волов. Свободного человека в таких чеках не было. В одном случае шести чекчиям было выдано 3 кетменя и одна пара волов, в другом 5 чекчиям—3 кетменя и одна пара волов.

Очевидно, человек, не наделенный орудием труда, являлся надзирающим, свободным от постоянного труда арендатором.

Из документов довольно трудно определить условия издольной аренды на ханских землях. Однако совершенно ясно, что семена, сельскохозяйственный инвентарь, по крайней мере волы, мотыги, выдавались издольщикам землевладельцем-ханом. Транспортные средства для перевозки удобрений и полученных урожаев или доставались путем принудительной мобилизации на хашар или нанимались землевладельцем. За издольщиком в таком случае оставалась подготовка к севу и выращивание урожая, возможно, с использованием труда мобилизованных на хашар людей. Окончательный урожай зерновых культур здесь определялся, видимо, после сбора на хирмане. В одном своем донесении Мухаммад Садык-саркар[142] писал хану: «О защитники рабов! Ваш слуга вместе с Муллой Турдыали-ахундом был на землях Ермечети. Мулла Турды-ахунд записал (взял в дафтар) весь хлеб, оставил его на ответственность крестьян, а дафтар взял с собой. Теперь наступило ежегодное время продажи хлеба. Извещая об этом Его Величеству, подаю настоящее донесение»[143]. Так, собранный урожай, определенный ханским саркаром, оставлялся на ответственность крестьян до тех пор, пока не наступало выгодное время для его продажи.

Совершенно четко отмечено в документах получение владельцем-ханом с его земель платы за земельную аренду под названием «زمین تنی» «یر تنی»، «زمین حقی» «یر حقی»، «تن زمین»، или просто «تنی»، «پل زمین»، «حق دو لتخوانه». Так, например, в год собаки Сахиб Бердысаркар получил в качестве земельной аренды с острова Мамахан от 75 человек 191 фарах джугары[144], 36 чайриков джагары-сар и незначительное количество проса, хлопка, имелось также поступление деньгами с бахчевых культур[145]. Мулла Ишмухаммад-саркар из поступившего с острова Кызыл-тал арендного дохода продал шалы на 9 тилля, джугары на 2 тилля, а за аренду острова Мамахан джугары на 12 тилля, дынь на 10 тилля, которые в общей сумме 33 тилля поступили в казну[146]. Арендная плата взималась с зерновых культур в основном натурой, причем наилучшим зерном. Так, рис взимался наилучшим сортом — девзира, что часто отмечалось в документах. Видимо, он расходовался на ханском дворе.

Размеры и процентное отношение арендной платы к общему доходу, доля издольщика, работающего на ханских землях, и вообще в Ферганской долине до сих пор документально не выяснены. Некоторые данные по Ташкентской области мы встречаем в литературе 60-х годов: «Если у владельца есть волы, но нет рабочих, то последние нанимаются за четверть и больше. Такие рабочие называются «чайрикарами». Рабочие на хлопок и сады нанимаются за половину чистого барыша, потому что работа тут труднее. Они называются «коранда»[147]. Об арендных условиях в Фергане Мидендорф писал следующее: «Величина доли арендатора (арендной платы) обусловлена была величиной инвентаря, количеством потребного труда, родом растений и поясом долины». Он приводил в качестве примера Наманганский уезд. «Если в северной части этого уезда она определялась в размере 1/10, в среднем поясе составляла 1/4, то в южном поясе уезда доходила до половины»[148]. Он отмечал, что при выдаче землевладельцем всего необходимого для земледельческого процесса, по вычитании государственной подати, издольщик получал от 1/5 до 1/4 всего сбора[149]. Кокандские земли, о которых идет речь, несомненно, соответствовали землям южной полосы Наманганского уезда и были наиболее качественными. Да и

данные Мидендорфа относились к первым годам господства царской власти, когда могло быть известное повышение доли издольщика. Обращает внимание мнение С. Сагатова о том, что, согласно договору, в Ферганской долине крестьянин-издольщик получал 1/4 часть урожая (чарак), 1/8 часть (хашт-як) и даже 1/10 часть (дах-як)[150]. Он не называет источника, основываясь, видимо, на устных данных. Нам кажется, что на удельных землях хана условия для издольщиков были тяжелее. В нашем распоряжении имеются два документа (дафтар)—Записи поступления неочищенного риса (шалы) от издольщиков-арендаторов за 1290 г. по Ер-мечети. Судя по данным одного из них, с 31 чека, по нашим подсчетам, поступило 464 чайрика, из которых, по данным, указанным на обороте этого документа, 425 чайриков оказались в амбаре хана как доля земельной аренды («زمین‌حقی»), а 39 чайриков определялись как доля коранда. 75 чайриков неочищенного риса из ханской доли были оставлены на семена[151].

Во втором документе общее количество урожая шалы с 32 чекчиев равно 505 чайрикам. Из него 404 чайрика, доля земельной аренды («زمین حقی»), поступали в амбар владетеля, 36 чайриков выделялись под названием «дехканского хараджа» («سی شش جاریك خراج دهقانان») и 65 чайриков как «царский харадж» («خراج پادشاهی»). Дехканам оставлено за счет ханской доли для семян на будущий год 43 чайрика и 14 чекса шалы, 33 чайрика получено было от крестьян в погашение прошлогодней ссуды, оставленной крестьянами[152].

Если эти дафтары не повторяют друг друга, то в 1290 (1873—1874) г. из ханских удельных владений в Ер-мечети с 63 рисосеющих чеков (их было намного больше) было получено более 969 чайриков (около пяти тысяч пудов) неочищенного риса. Из этого количества 829 чайриков поступали как плата за землю в амбар землевладельца (по первому документу сюда входил, видимо, и государственный харадж), 75 чайриков составляли «дехканский харадж», видимо, долю коранды. В одном из документов упоминаются еще 65 чайриков—«царский харадж» («харадж-и подшахи»). 118 чайриков и 14 чекса оставлялись за счет владетеля на семена в качестве ссуды на будущий год.

О том, что на ер-мечетских землях хана издольщики вносили плату за землю («زمین تنی») и харадж, мы имеем еще и такое свидетельство. В 1286 (1869—1870) г. издольщик из сел. Дангары Адурахман-бай (речь идет об издольщике, работавшем у арендатора Абдурахман-бая) внес 50 чайриков «тани» и 18 1/2 чайрика хараджа из урожая шалы. В сел. Гумаили издольщики через Мирсалиха-ходжи внесли 21½ чайрика «тани» и 8 чайриков хараджа. В сел. Сари-Асия издольщики через Мухаммада-амина и Нормухаммада внесли 4 чайрика и 9 чекса «замин тани» и 1 чайрик и 12 чекса хараджа. В таком порядке приводятся в этом документе (дафтаре) земельная аренда и харадж издольщиков, внесенные, видимо, от имени всех 12 издольщиков по селениям Кирклар, Дангара, Гумаили, Сари-Асия, Кызыл-муш, Амир-Абад[153]. Так, по 6 указанным селениям в 1286 г. с издольщиков взималось только риса 206 чайриков в качестве арендной платы и 72,5 чайрика харадж[154]. Так, с хирмана риса, находящегося на ханской земле, вносилась владетелю плата за землю, а формально государству—харадж, поступающий в данном случае в амбар того же владетеля, по существу в несколько раз меньше первого. Харадж с ханских земель поступал не везде в одинаковом размере.

Судя по этим документам, издольщикам из урожая оставляли лишь «дехканский харадж». Таким образом, из всего вышесказанного

вытекает, что на рисовых плантациях хана, на которых издольщик обеспечивался собственником земли водой, всем или почти всем инвентарем, средствами для перевозок, а также, возможно, местом жительства и ничтожным наделом земли, ему оставалась, если подсчитать, исходя из дехканской доли приблизительно около 1/13 части урожая. Конечно, издольщик не ограничивался только рисом, он выращивал и другие культуры, от которых получал известную долю урожая. Однако как бы то ни было, получение непосредственным производителем 1/13 части урожая даже при максимально выгодных условиях, которые создавались на ханских землях, говорит о наивысшей степени эксплуатации крестьян и подтверждает высказанное в литературе мнение о существовании на практике «дах-яка» (1/10 части урожая).

Следует отметить, что эта аренда по своей сущности коренным образом отличалась от аренды на амляковых землях. Там феодальное государство в лице хана отдавало в аренду харадж, а земля находилась во владении населения, в том числе и крупных землевладельцев. Последние использовали издольщиков, прислугу («يتم») и другие категории трудящегося населения. Доля издольщиков, обрабатывавших землю в амляковых владениях и собственных землях феодалов в Ферганской долине в рассматриваемое время, пока еще не изучена. Конечно, и там издольщикам оставалась незначительная доля урожая, однако документальный разбор этого весьма важного вопроса — дело будущего. На рисосеющих ханских землях хан, отдавая необходимые для земледелия средства, как это было отмечено выше, взимал, кроме хараджа (доли государства), плату за землю, превосходившую по своему размеру в несколько раз харадж и составлявшую более 70% урожая.

Издольщик и прислуга, работавшие в хозяйствах отдельных землевладельцев, судя по имеющимся отрывочным данным, могли в некоторых случаях бросить хозяйство феодала даже в период уборки урожая. Вот что писал об этом закятчи, автор «Хуласатул-ахвол»: «...На большой дороге..., которая проходила где-то около моей земли, которую я определил на продажу, моя прислуга была занята земледелием..., когда я прибыл на хирман, там не оказалось моей прислуги и чайрикаров»[155]. О возвращении этих людей в источнике не говорится. Зависимость же крестьян-коранда на ханских землях была гораздо сильнее, о чем свидетельствует имеющийся пока единственный документ. Это секретное донесение ханского саркара, в котором он писал, что хан поручил ему благоустройство и земледельческие работы в Ер-мечети. Он выехал туда, поставил свой шатер и, находясь днем и ночью во главе подчиненных ему работников, проявлял хлопоты и поиски. Ханский чиновник Турсун Мухаммад-инак также приезжал на поле, но еще до первой вечерней молитвы возвращался в город и ночевал в своем доме. Каждый день он приходил в середине дня, поручая дело своим мирзам, возвращался домой. Его люди, считая себя свободными, не выдержав солнечных лучей, не выходили из своих черных шатров.(«آدمانش آزاده گی نموده باآفتاب برداشت نکرده از کفه سیاه نمیبرایند»)[156].

Здесь обращают на себя внимание слова о том, что люди Турсуна Мухаммада «считают себя свободными», поэтому в самое жаркое время дня укрываются от солнца в своих палатках. Доносчик-саркар, постоянно наблюдал за работой людей на ханских землях, заставлял работать без передышки, даже в самые жаркие дни года.

Мы выше привели письмо одного из близких чиновников хана Мухаммаду Садыку-саркару и Мулле Ишмухаммаду-саркару, в котором чинов-

ник предупреждал их о том, что ему известно о совершенных ими насилиях над множеством людей. В числе потерпевших была «группа жителей селения Мамахана, которую [хан] купил согласно шариату божьему и его пророку». Чиновник требует, чтобы саркары не вызывали гнева народных масс[157]. Может быть, речь идет о приобретении ханом самого сел. Мамахана, но и в таком случае население покупалось вместе с самим населенным пунктом.

В архиве содержится один весьма важный документ следующего содержания: «Рабское заявление молельщика за Ваше Величество, жителя Ер-мечети Иш-Алия, господину его августейшему Величеству, да будет оно принято. О, защитники молельщиков! Покорный слуга имел сына, и этот мой сын страдал падучей болезнью. Утром в упомянутой местности с божьего позволения у него был приступ болезни. Он упал и умер. Поэтому, доложив Вам об этом, надеюсь на Ваше разрешение на то, чтобы увезти [его труп] и похоронить на кладбище правоверных. Да еще Вы сами господин являетесь властителем»[158].

Мулла Абдуджалил-мирзабаши разрешил выделить одного омывателя покойного и отпустить из казны бека «для погребения ярмазарского крестьянина» пять теньга денег[159]. Султан Мухаммад Мурад-бек отпустил своего арбакеша Мухаммада Қасыма на проведение однодневных поминок («خدایی») по умершему его отцу, для чего были сделаны только самые необходимые расходы[160]. Нам известны данные относительно отпуска из казны средств для похорон приезжих людей, не имеющих близких[161]. Эти находившиеся на чужбине люди хоронились обществом, и, очевидно, некоторую помощь оказывало и государство. Но вышеприведенный факт относится к погребению местного жителя. Для этого потребовалось, во-первых, письменное донесение владетелю о случившемся и специальное разрешение его о похоронах простого крестьянина, во-вторых, выдача ничтожного пособия по похоронам, т. е. похороны за счет владетеля. Нет сомнения, что речь идет о человеке, зависимом от владетеля, находящемся на положении крепостного крестьянина. Видимо, в рассматриваемое нами время крепостная форма зависимости продолжала существовать в виде пережитков. В одном из документов архива, нам кажется, имеется намек на принятие мер относительно бежавших со своих мест беднейших крестьян в силу тяжести гнета. «Да станет известным Уразу-амину и Кабул-баю о том, что по причине государственных сборов убежали из селения Хан-Абада пять семейств. Следует Вам действовать в соответствии с прежними порядками. Принимая это во внимание, не окажите противодействия»[162].

Речь идет о тяжелом положении крестьян, вынужденных бежать от непосильного, налогового гнета, поэтому необходимо было принять меры, очевидно, о возвращении беглых, как это делалось с давних времен.

О СКОТОВОДЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ХУДОЯРА

Выше мы отмечали, что при наличии в Кокандском ханстве дальних высокогорных пастбищ в самой котловине Ферганской долины их почти не было, поэтому она не могла обеспечить себя в достаточном количестве скотом для удовлетворения потребностей населения долины. Это положение не изменилось и спустя более двух десятилетий после ликвидации ханства — на грани XIX—XX вв. «Потребности населения в мясе не могут быть удовлетворены приплодом от местного скота, а потому ежегодно пригоняется в Фергану из соседних областей и из бу-

харских владений значительное количество скота, главным образом баранов»[163],— писал один из обозревателей. В 1902 г. в Ферганскую область было пригнано 1 075 700 голов скота на сумму 14 520 000 руб.[164] Привоз огромного количества скота происходил не только при царской власти, но и при ханах. Например, в середине 60-х годов XIX в. только из северных районов Казахстана Фергана получала за год полмиллиона баранов[165].

Обмен Ферганы с южноказахскими и северокиргизскими районами непосредственно через горы Чаткала был довольно оживленным. Из Алма-Аты, Токмака и Аулие-Аты пригонялись в Наманган овцы, лошади, рогатый скот, привозились шерстяные мешки, арканы, кожа и кошмы[166].

В 1879 г., когда было пригнано наименьшее количество скота, оно по официальным данным только в Наманганском уезде составляло 57 959 голов баранов[167]. Как видим, эта цифра довольно внушительная и говорит о том, что значительная часть потребностей долины в скоте покрывалась за счет пригоняемого скота. В связи с отсутствием или крайней недостаточностью кормов во многих районах долины населению трудно было содержать скот. Академик Мидендорф встречал даже у самого богатого землевладельца не более одной лошади (максимум двух), одну или две пары волов, 3 или 4 коровы, включая и молодой скот[168].

При такой неприглядной картине сам хан и члены его дома имели значительное количество скота, следовательно, были крупными скотовладельцами.

В Средней Азии, в том числе и Ферганской долине, содержание в домах скота, особенно баранов, на откорме (бурдаки) широко практиковалось и приносило несомненную прибыль. По свидетельству Мидендорфа, горожане, покупая овец у кочевников, откармливали их не хуже английского фермера. Откармливание продолжалось до тех пор, пока животные не тучнели. Так, животное, купленное за 2,5 руб., продавалось за 10, 12 и даже 20 руб.[169]

Мы располагаем сведениями о том, что сотни голов скота, принадлежавшего хану или членам его дома, находились на откорме у отдельных людей. В одном донесении неизвестного служителя хана на имя последнего указано, что он, продав находившихся под его ответственностью откормленных баранов хана за 34 700 теньга, передал деньги в руки «раба Его Величества» Джарчи-баши[170]. На обороте одного дафтара ханского архива имеется запись, в которой говорится, что откормленные бараны хана были проданы в год собаки (1289 г. х.) за 34 672 теньга, и вырученная сумма передана в руки Джарчи-баши[171]. Здесь же имеется другая запись от 1291 г. х., в которой говорится, что 18 числа месяца раби-ул сони 360 откормленных ханских баранов были проданы, и сумма передана в руки того же Джарчи-баши[172]. Документ от 1290 г. х., относившийся к Ер-мечети, свидетельствует о наличии 550 откормленных ханских баранов[173]. Один из ханских саркаров Мулла Ишмухаммад свидетельствовал о нахождении 360 откормленных ханских баранов у его отца и еще о нахождении в сел. Дуджар-кишлак на откорме 10 баранов, преподнесенных хану аминами во время пребывания хана на охоте[174].

В нашем распоряжении имеются еще данные о нахождении на откорме ханского скота у аминов и аксакалов различных деревень и сел. Например, в 1291 (1874—1875) г. на ответственности 23 аминов и аксакалов в 23 кишлаках находились 292 барана под названием «гунон», баранов «шиш-як» 246 и 9 коз — всего 547 голов. Для этих лет ха-

рактерны экономические затруднения. В связи с крайней нехваткой мяса цены на весьма откормленных баранов (а ханские другими не могли быть) стояли высокие — от 46 до 70 теньга каждый[175]. Стоимость баранов хана, находившихся под наблюдением только этих аминов и аксакалов, определялась в 30 082 теньга[176].

Мы не располагаем конкретным, достаточно ясным материалом, свидетельствующим о содержании крупных стад скота, исчисляющихся тысячами или десятками тысяч голов, как это наблюдалось в хозяйствах таких феодальных магнатов, как Ходжа Ахрар, Ходжа Сада и др. Однако в архиве имеется дафтар, в котором производились интересные в этом плане записи[177] (табл. 2).

Таблица 2

Название населенного пункта, где находился скот	Кол-во лиц, содержавших скот	К-во баранов	К-во быков	К-во лошадей
Яз-Яван	9	485	—	—
Хан-Абад	3	103	—	—
Кум-арык	30	1 092	28	1
Арал . . . (ارل...)	7	394	3	—
Кара-тепе	3	180	—	—
Буткачи	1	66	—	—
Ахшак	27	1 121	2	—
Зарканд	12	425	—	—
Рамадан	20	782	—	—
Кар-баба	12	760	—	—
Хан-арык	12	786	4	—
Араб-мазар	10	323	—	—
Варзак	12	556	—	—
Найза-Караягач	2	37	—	—
Янги-сай	7	220	—	—
Хатун-качар	2	88	—	—
На р. Какира	6	276	—	—
Пунган	24	1 091	—	—
Якка-бед	6	347	—	—
Курганча	7	220	—	—
Шахар-тепе	8	311	—	—
Шах-Мирза	2	146	—	—
На р. Лангар	5	157	2	—
Кара-Калтак	3	106	—	—
Дурманча	2	33	—	—
Кара-джигида	5	76	—	—
Хиштманд	6	171	—	—
Кара-Кушчи	6	124	—	—
Укчи, Джун-базар, Балта-ку, Ак-буре, Ак-тепе, Ингичка и Тук-бай	18	869	—	—
Куба	1	192	—	—
Итого	268 чел.	11 537	39	1

Этот важный дафтар не имеет ни начала, ни конца, поэтому не очень ясно, кому принадлежал этот скот. Нам кажется, что этот скот также принадлежал хану, но вполне возможно не весь он содержался на откорме. Видимо, стада баранов, состоящие из нескольких десятков голов, находились в руках ханских пастухов, количество которых по этому дафтару достигает 268 человек. Здесь еще следует учесть то обстоятельство, что на каждого пастуха в среднем приходилось по 42

барана, пастьба которых одним человеком на подножном корме вполне осуществима.

В нашем распоряжении имеется еще один дафтар, в котором против каждого из 56 человек, имена которых приводятся, написаны определенные суммы—всего 1691 теньга. Напротив 18 человек, перечисленных в дафтаре, написано для каждого отдельно по несколько сот или тысяч голов — всего 23700 баранов. Видимо, мы имеем здесь продажу ханских баранов оптовым способом[178]. Если предполагать, что это поступления закята, то и в данном случае весь скот принадлежал хану.

Под надзором саркаров, в их руках и в руках других чиновников— аминов, аксакалов, а также людей, не принадлежавших к ханской администрации, находилось по нескольку и даже по нескольку десятков коров, быков, кобыл и верблюдов хана и членов его дома, которые содержались в кишлаках как рабочий скот, в целях обеспечения мясо-молочными продуктами ханского дома, для размножения, откорма и продажи. Последнее занимало наиболее важное место.

В своем донесении Мухаммад Садык-саркар писал, что он в период дешевизны купил 20 чайриков жмыха и по поручению хана кормил 34 больших быка и 21 голову молодняка, по окончании этого корма он просит дальнейшего указания хана[179]. Сидевший на Аман-тукайском ханском куруке Мухаммад Юсуф-туксаба в своем донесении хану писал, что он содержит ханских коров и думает кормить их на тугае после уборки проданных сорных трав, на что просит разрешения хана[180]. Один из членов ханской прислуги, проживавший в Ер-мечети, Давлат-сагира обратился к хану с заявлением о том, что находящиеся под его надзором дойные коровы размножились, а коровники («آغولخانها») старые и не вмещают теперь скот. Собранные сливки в связи с отсутствием условий хранения скоро портятся[181].

Документы также свидетельствуют о том, что у Мухаммада Артука-курукчи на кормлении были 33 кобылы и 16 жеребят, с гор поступили 42 кобылы и т. д.[182]

Из документов, достаточно ясно, что мелкий и крупный рогатый скот, а также рабочий скот, кроме находившегося вдали на пастбищном корме, содержался двумя способами.

Видимо, большая часть, главным образом бараны, распределялась по участкам саркаров с дальнейшим распределением между селами под ответственность сельских аминов и аксакалов, у которых он находился на откорме до момента продажи или убоя для нужд ханского дома. Несомненно, этих откормленных ханских баранов было достаточно много, и, видимо, они составляли одну из немаловажных статей ханского дохода. Мы не обнаружили материалов, говорящих о выделении помещения и корма для находящихся на откорме баранов. Видимо, отданных в руки аминов и аксакалов сельских местностей по несколько или несколько десятков ханских баранов («گوسفند میری») население кишлаков обязано было обеспечить всем необходимым. Это было весьма обременительно для трудового крестьянства. Если представить тяжесть добывания даже незначительного количества корма, крайнее обнищание народных масс, то легко понять, что сулила народу подобная практика, не имевшая никаких юридических оснований.

Не только хан, но и члены его дома: беки, стоящие у власти на местах, многочисленные царевичи— все они наряду с земельно-водными угодьями имели скот, который содержался в том же порядке, как у самого хана. Так, в пате, выданной в 1289 г. сыном маргиланского бека Саид Мавлян-беком на имя Камбарали-саркара, Мавлян-бек при-

казывал отпустить корм для баранов своего малолетнего брата Саида Абдулазиз-бека[183].

Известная часть мелкого скота, а также крупный рогатый и рабочий скот содержались в хозяйстве самого хана и членов его дома. Ханским скотом, в частности организацией его кормления, очевидно, был занят не один человек. Это видно из заявления Мухаммада Садыка-саркара хану, в котором он писал, что требовал от инаков зерновой корм («يـيم») для ханского крупного рогатого скота, находящегося под его наблюдением, а инаки отвечали, что ведение подобных ежедневных расходов перешло от них к Давлат-сагиру, а последний без разрешения хана ничего не дает[184]. Все вопросы решались самим владетелем — ханом. Неизвестный слуга после наступления весны сообщал хану о том, что бараны, находившиеся в его руках для откорма, уже откормлены до предела и теперь, чувствуя запах зеленой травы, мало едят сухую траву, поэтому он просил указания хана на этот счет[185].

Хан и все члены его дома в своих хозяйствах имели многочисленные помещения для содержания скота. Эти помещения ремонтировались, строились новые, для чего отпускались материалы[186], все они обеспечивались необходимым имуществом. Так, в пате от 1290 г.х. приказывалось выдать хум для кумыса[187].

Рабочий скот (быки, верблюды, лошади), коровы и бараны обслуживались специально назначенными людьми — прислугой владетеля. Они назывались пастухами («پـــادە بـــان»)[188], погонщиками верблюдов («داروغەهای شتر پروا میکردگی»)[189] и т. д. и находились на содержании владетеля. Бедна была их одежда, скудно питание и неприглядна незначительная утварь, отпускаемая на средства казны. В выданной в 1288 г. х. пате маргиланский бек Мухаммад Мурад своему казначею Бахти Мухаммаду-курбаши приказывал отпустить 6 чекса льняного масла, для каждого верблюда старую кошму за 2 теньга и для ежедневного питания погонщиков верблюдов пищи на 2 1/2 теньга[190], а также 16 чекса жмыха, один котел и один кетмень[191]. Мухаммаду Садыку-саркару один из ханских чиновников выдал в 1284 г. х. пату об отпуске им ханскому пастуху Халназару по 2 снопа клевера в день для лошади и по сто пайсы зернового корма и дров для кипячения молока[192].

Особое место в ханском хозяйстве занимало коневодство. Кроме обеспечения конницей армии и хозяйства рабочими лошадьми, в конюшнях хана, беков и других членов ханского дома содержались и самые лучшие, породистые кони, предназначенные для парадной езды хана и членов его дома, для скачек и дрессировки и т. д.[193] Среди ханских коней были и прославленные, носившие определенные клички, например, «Бам-баш кук». В их честь организовывались специальные скачки, чему свидетельствуют, например, такие выражения в документе, как «از وجه پـایـگـهٔ بـامـبـاش کـوك» («для скачки Бам-баш кука»)[194]. Эти особо известные кони считались отборными, лично принадлежавшими хану («اســب خـاصـه گـی»), они приносили большие доходы. Известен факт, что лошадь кара-баирской породы даже обыкновенного чиновника — волостного старшины Янги-кургана (Наманганский округ) — на одних скачках принесла хозяину главный приз, состоявший из 100 тилля золотом, 10 лошадей и 50 овец[195]. Обращение с патой к различным чиновникам — Мулле Мухаммаду Алиму-саркару, Бахти Мухаммаду-курбаши, Мулле Салихджану-мирзе и другим —об отпуске кормов для отборных ханских лошадей говорит о том, что эти

кони содержались не в одном месте. Видимо, такое размещение было связано с кормовой базой. «Да будет известным добронравному Мулле Мухаммаду Алиму-саркару, что тобчии Его Величества (« تابچیان حضرت عالی») вместе с конями-скакунами [хана] послали в местность Якка-тут наших коней, там дается отдых коням на 3—4 дня. Поэтому вместе с ними послали туда и Эрмухаммада-махрама, следует, чтобы вы назначили питание для тобчиев и клевер для лошадей за счет яккатутского амлякдара, а зерновой корм для лошадей — ячмень — доставить из амбара, пока он там. Так утверждено»[196]. Этот документ, выданный в 1289 г. х. братом хана, правителем Маргиланского округа Султаном Мухаммадом Мурад-беком, подтверждает высказанное нами мнение. Об обеспечении отборных лошадей кормами, сбруей и другими необходимыми вещами свидетельствует ряд документов из сохранившейся части архива кокандских правителей[197].

Содержались специальные лошади для праздничных кавалерийских состязаний, возможно, и для представлений циркового характера. Один из царевичей на выданной им в 1289 г. на имя Саид-шаха саркара пате, требуя отпуска вещей для прибывающего сюда хана, просит еще и полный комплект седла и узды для играющих лошадей («جهت اسب باز نیگران زین ولجام مکمل»)[198]. При ханском дворе содержался целый штат, связанный с конным хозяйством хана: мирахур (старший конюх или начальник конюшен, подобный шталмейстеру в царской России), раис и простые конюхи. Как мы увидим ниже, при необходимости к этому делу привлекались чиновники как центрального аппарата, так и из областей ханства.

Ханские конюхи, которым выдавались одежда и питание, были зависимыми от владетеля. Кони, особенно отборные, обеспечивались всем необходимым. За обеспечением наиболее ценных коней не только сбруей, но и повседневным кормом следил сам хан. Так, конюх хана Худайберды письменно обращался к хану, прося разъяснения его указания о выдаче большим скачечным коням «باسیهای کلان پایگه‌چی» — зернового корма по две чашки в день. Он спрашивал у хана, давать ли эту пищу в один прием или в два. Все эти детали, несомненно, свидетельствуют о строжайшем порядке ведения хозяйства, в том числе и в области содержания скота.

Хан постоянно пополнял свое хозяйство лучшими конями (кроме нужд войска). Все хорошие кони в стране, независимо от социальной принадлежности их хозяев, были на учете у хана. Если хан посылал за лошадью, то хозяин обязан был ее выдать. Хорошие кони фактически изымались у хозяев как по линии закята, как это мы видели выше, так и путем покупки. Это, безусловно, вызывало недовольство у их хозяев.

Нам пока неизвестен указ хана о насильственном приобретении подобных лошадей. Но такой указ, судя по документам, несомненно, был. Так, один из видных ханских саркаров Мулла Ишмухаммад писал в своем донесении: «Оказывая любезности и покровительство в отношении этого покорного раба, поручали нам, если имеются откормленные, красивые кони, то, разыскивая и находя их, сообщать Вашему августейшему. По высокому приказанию нашего господина, нашли семнадцать голов стройных коней и привели их вместе с владельцами ко двору, удовлетворяющему желание, о чем сообщаю. Я, самоотверженный раб Вашего Величества. Воля ваша»[199].

Приведем еще один заслуживающий внимания факт. Тот же саркар Мулла Ишмухаммад послал письмо одному из военных чиновников Бахадуру-баши, требуя у него уже известного хану коня: «Добро-

нравный, щедрый Бахадур-баши, извещаем Вас о том, что Ваш конь в числе коней других людей был известен Его Величеству — хану. Сейчас прибыл слуга от Его Величества для получения этих лошадей. Поэтому для получения Вашей лошади я послал своего человека. Следует Вам встретиться с прибывшим слугой и выдать ему коня. Мы всесторонне посмотрим, если [Ваш конь] будет удостоен высокого двора, то мы оплатим по достойной цене, а если не будет принят, то мы откроем ему счастливый путь, а Вам самому предоставим свободу выбора, хотите продайте, хотите сами будете ездить, во всяком случае Вы освободитесь от смущения. Большой привет»[200]. Из этого документа видно, что кони, находившиеся на ханском учете, не могли быть проданными и даже использованными для езды до просмотра ханскими людьми. Только после «предоставления свободного выбора владетелю» он мог распоряжаться своим собственным имуществом (خود شمارا مخیر میکنم که» «خواه فروشید خواه خود تان سوار شوید).

О ведении ханом учета ценных коней и возвращении после просмотра некоторых из них свидетельствует еще следующий документ, датированный 1292 г. х. Неизвестный ханский чиновник (возможно, вышеуказанный ханский саркарбаши Мулла Ишмухаммад) послал письмо некоему Худайчи-туре. По приказанию хана он послал всюду во все местности, во все селения, во все стороны людей для получения сведений о хороших лошадях. Привели 2—3 коня, осмотрели их, они оказались не такими хорошими, как описывали, поэтому их вернули обратно. «Они не оказались, например, такими, как «синий конь» (« كوك آت ») Бердия из Кызыл-кия или как Джиран-кашка (« جرن قشقه ») Муллы Нияз Мухаммада из Султан-кишлака»[201].

Так как отборные кони должны были принадлежать ханскому хозяйству, то, разумеется, их владетели вынуждены были продавать их за любую установленную ханскими людьми цену. В противном случае достойный конь, очевидно, без каких-либо оговорок мог быть насильно взят у владетеля. Поэтому по получении извещения кони посылались в назначенное место к указанному лицу.

Приведенных данных достаточно, чтобы представить конское хозяйство хана, в котором были сконцентрированы наиболее ценные породы коней страны.

Сотни людей использовались для приобретения коней, ухода за ними и в качестве наездников.

1. Кроме государственных земель, которыми беспредельно распоряжался верховный собственник — феодальное государство в лице хана, хан и члены ханского дома имели свои удельные владения. Эти владения состояли как из обрабатываемых посевных земель, так и целинных, часть их находилась под зарослями, садами, различными строениями. Удельные владения были расположены во многих округах Ферганы, но прежде всего в столичном округе.

2. Узбекское племя минг, из среды которого вышла династия кокандских ханов, кочевавшее в районе впоследствии возникшего на месте небольшого селения города Коканда, в течение XVII—XVIII вв. интенсивно переходило к оседлости, что сопровождалось развитием орошения, возникновением многочисленных кишлаков, ростом самого Коканда, чему способствовали и оживленные торговые отношения. Верхушка этого племени на рубеже XVII—XVIII вв. захватила значительную часть земель указанного района, что явилось необходимой базой к захвату в начале XVIII в. и политической власти.

3. На основании данных русских авторов (современников Худояра) и местных источников установлен ориентировочный объем ханских земель в центральных и восточных областях ханства, принадлежность хану шести саркарств, вскрыт сам характер владения Худояром Ассакинским саркарством, в котором он вел земельные операции и пытался усилить его торговое значение. Большой массив ханских земель находился между Андижаном и Маргиланом, на нем возникли многие крупные селения с насильственно переселенными людьми в связи с проведением канала Улуг-нахр, принадлежавшие хану, членам ханского дома и некоторым чиновникам. Все это характеризует масштабы оросительных работ, степень освоения новых земель и концентрацию их в руках ханского дома. Объем насильственной мобилизации населения на принудительные работы и разорение его в процессе освоения ханом новых мест были безграничны.

4. В Кокандском округе, все налоги с которого поступали в казну хана и который управлялся самим ханом, Худояр имел свои владения — земли в Ер-мечети, сады в окрестностях города, перешедшие к нему от прежних ханов. Помимо этого, он намного расширил свои владения путем освоения новых земель, покупки, прямого захвата их и приобретения всевозможными способами. В ханском удельном владении Ер-мечети находились мельницы, хозяйственные базы — амбары, конюшни, воловни и т. д.

5. В этом удельном владении хана выращивались главным образом рис, джугара, клевер и в незначительном объеме пшеница, хлопок, маш, дыни и другие бахчевые культуры, а также разводился лес. Продукты с ханских земель и садов под Кокандом поступали на нужды ханского двора и рынок. Цену и срок продажи определял сам владетель с учетом максимальной выгоды. До реализации продуктов они хранились в ханских амбарах и у саркаров, а иногда у отдельных издольщиков на их строгой ответственности. Ер-мечетский удел далеко не покрывал расходов ханского двора.

6. Ханские земли обеспечивались водой, находящейся в распоряжении хана, а часть ее принадлежала ему в порядке «хасса» (« شاهجوی خاص»). На основании источников установлены наличие частной собственности на воду, водного налога («حق الشرب»), продажи воды. Для максимального обеспечения водой своих посевов в удельном владении хан в любое время, в том числе и в период маловодья, забирал воду, лишая ее крестьян. Имеются факты прямого захвата воды даже у знатных лиц. Существовала установившаяся практика передачи населением воды группы кишлаков на ханские земли сроком на 12 дней под безобидным названием «отброса воды» («آب پرتاب»). Все это чрезвычайно пагубно сказывалось на хозяйствах крестьян, посевы которых в подобных случаях зачастую гибли от засухи.

7. Ханские удельные обрабатываемые земли разбивались на мелкие участки (чеки) и раздавались издольщикам-арендаторам (чекчиям), число которых, по известным данным, в каждом чеке определялось от 2 до 6 человек, а в основном—по 4 человека. Количество таких чеков в Ер-мечети, по имеющимся пока материалам, равнялось 242, на которых по средним подсчетам постоянно работало более тысячи человек, кроме огромного количества людей, насильственно мобилизованных на хашар. Все они обеспечивались сельскохозяйственным инвентарем (кетменями, упряжками волов), семенами, средствами доставки удобрения, урожая и т. д. Издольщики, главным образом из крестьянской среды, но иногда и из числа ремесленников и других прослоек,

прибывали в большинстве случаев по принуждению из разных районов ханства. Однако некоторые чеки, находившиеся под непосредственным правлением самого саркара, видимо, обрабатывались проживавшими здесь же крестьянами, наемными мардикарами и хашарчи.

8. Работавшие на ханских землях крестьяне-издольщики вносили владельцу ренту, т. е. плату за землю под названием «ер-хаки», и ренту-налог—государственный харадж. Хотя этот вопрос требует более глубокого изучения, однако имеющиеся единичные данные свидетельствуют о высокой степени эксплуатации крестьян в ханских удельных владениях. Нам кажется, что при обычных для Ферганы условиях издольщик получал около 1/5 части урожая на рисовых полях, внося остальное в амбар хана в виде оплаты за землю и хараджа. При максимально хороших условиях — лучшее качество земли, обеспеченность водой, полное обеспечение владельцем сельхозинвентарем, средствами транспортировки, использование в необходимых случаях хашарчи—доля издольщика, сидевшего на ханской земле, доходила до минимума — до 1/13, 1/14 части урожая, что даже при выделении небольшого надела («تـام ارقـه») являлось крайне тяжелым для крестьянина-издольщика. В данном случае государственный харадж определялся, видимо, в размере 1/10 части урожая, а земельная рента составляла более 70% всего урожая.

9. Издольщики неохотно шли на работу в удельные владения хана, чему свидетельствуют 43 чека из 242, оставшиеся пустыми уже после распределения инвентаря в начале сельскохозяйственного года. Зависимость крестьян, очевидно, была крайне сильной, хотя об этом пока мы имеем только единичные факты.

10. Ферганская долина из-за слабой кормовой базы не могла обеспечить себя скотом, поэтому его привозили ежегодно сотнями тысяч голов из Казахстана и Северной Киргизии.

Несмотря на это, хан и члены его дома владели значительным количеством скота (баранов, крупного рогатого скота, лошадей и т. д.). Скот содержался двумя способами. Мелкий скот, предназначенный на откорм, распределялся по участкам саркаров и затем по селениям и откармливался жителями, под ответственность аминов и аксакалов. Каждому кишлаку приходилось кормить несколько, а иногда и несколько десятков ханских баранов—«мири» («گوسنفد میری»), что являлось тяжелым бременем для кишлачного населения. Крупный рогатый и рабочий скот, в том числе и лошади, в основном содержался в хозяйстве самого владетеля. В обоих случаях все до мелочей регламентировалось им самим или членами его дома. Скот здесь обслуживался целым штатом пастухов, погонщиков верблюдов, мирахуров, раисов и конюхов, находившихся на содержании владетеля. В хозяйстве хана наряду с большим количеством рабочих лошадей имелись породистые кони, среди которых были и такие, которые славились далеко за пределами Кокандского ханства. При появлении такого коня хан независимо от воли его хозяина приобретал его. До осмотра ханом коней никто не мог распоряжаться своим имуществом. Таким путем сосредоточивались в руках хана наиболее дорогие кони.

11. Продукция удельных владений, в том числе и скот (откормленные бараны, дорогие кони), употреблялась не только в ханском хозяйстве и хозяйствах царевичей, но в значительной степени, а в отдельных случаях в больших размерах, продавалась.

Глава V

ГОРОДСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ХАНСКОГО ДОМА

ТОРГОВЫЕ И РЕМЕСЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Несмотря на то, что в Кокандском ханстве основную роль играло сельское хозяйство, в XVIII—XIX вв. здесь произошло значительное оживление городской жизни. Это особенно сказалось на таких крупных городах, как Ташкент, Коканд, Чимкент, Туркестан. Города Андижан, Маргилан, Наманган, Ош, Узгенд, Ходжент, Ура-тюбе стали значительными торгово-ремесленными центрами долины. В этот период приобретают значение даже некоторые крупные села со своей торгово-ремесленной деятельностью. Ряд крепостей, построенных на больших караванных путях, идущих через казахские и киргизские степи в Оренбург, Сибирь и Китай, имели, кроме военного, и торговое значение.

В последние годы существования Кокандского ханства происходит интенсивное развитие торгово-рыночных отношений. Этому, несомненно, способствовали не только внутренние торговые связи, но и торговые отношения Кокандского ханства с соседними государствами, еще более усилившиеся после присоединения Ташкента к России.

Еще задолго до присоединения Ташкента к России Коканд являлся крупным пунктом обмена товаров, привозимых из Индии, Тибета, Бухары, Афганистана и России[1]. На рубеже XVII—XVIII вв. побывавшие в Ташкенте Поспелов и Бурнашев свидетельствовали о еще слабом разделении труда, недостаточной развитости обмена между такими владениями, как Ташкентское и Ферганское. «Между ними и не может торговля войти в большое действие, ибо все изделия собственно в каждом владении находятся; а ежели иногда и бывает, то единственно для получения таких вещей, каких из своих произведений не имеют»[2]. Далее они говорили, что денег в Ташкенте «весьма недостаточно»[3]. Это высказывание подтверждается местными источниками. «Во время правления [первых] кокандских ханов,— писал автор «Таснифи Гариб»,— среди населения Ферганы денег было мало, цены на товары были недорогие. После того, когда в среднее правление Худояр-хана (имеются в виду 1862—1863 гг.—*Р. Н.*) происходила в стране большая дороговизна, люди стали постепенно алчными в приобретении собственности, цены на рынках не держались на одном уровне. Изо дня в день усиливалась... потеря любви и любезности, уважения, почестей и сочувствия человека к человеку. Пренебрежительно относились к своим улемам, шейхам, даже это дошло по книгам и бумагам, начали проявлять чувства зависти и ревности друг к другу, перестали даже сочувствовать не только сын отцу и отец сыну, но даже появились настроения подстрекательства, ненависти друг против друга»[4].

В нашу задачу в данной работе не входит освещение всех вопросов развития торгово-рыночных отношений, ремесленного производства, вообще городской жизни в Ферганской долине. Мы коснемся лишь тех сторон этой обширной проблемы, которые связаны с задачами, поставленными в этом труде: осветить роль и место ханского дома в торговле исследуемого нами периода.

Среднеазиатские ханы, как известно, принимали деятельное участие на протяжении длительного периода как во внешней, так и во внутренней торговле. Караванную торговлю вели и кокандские ханы. Об этом свидетельствует, например, снаряжение каравана из трехсот верблюдов для отправки в Россию еще Алим-ханом в начале XIX в. Этот караван, несомненно, был сформирован в самом Коканде. А в пределах всего ханства, например, в Ташкенте, формировалось ежегодно по несколько караванов иногда с участием бухарских купцов для отправки в соседнюю Россию. Среди них встречаются весьма большие караваны.

Известно, что среднеазиатские ханства имели давние довольно оживленные торговые связи с Россией. Торговля России с Кокандским ханством, в частности с Ташкентом и Ходжентом, значительно усиливается с последней четверти XVIII в. Приведем несколько примеров торговых связей Кокандского ханства с Россией в период правления Худояра. В рапорте пограничной комиссии от 17 июня 1850 г. оренбургскому военному губернатору указывалось о проследовании 15 мая в г. Троицк кокандского каравана на 1000 верблюдов со следующими товарами: изюмом, урюком, сарацинским пшеном, коврами, выбайкой (холщевая ткань с вытесненным одновцветным рисунком), бязью, халатами, шелковыми материями, платками, разными бумажными тканями, китайскими чайными чашками и проч.[5] Из Коканда наряду с другими товарами вывозился хлопок-сырец[6]. В том же году 13 мая из Ташкента прибыл на Троицкий меновой двор караван на 1523 верблюдах[7]. В вышедшем из Ташкента в начале 1850 г. караване было около 2000 верблюдов[8].

Через Кокандское ханство проходила торговля с Восточным Туркестаном. Еще в 1825 г. в записке «О торговых учреждениях в Китайском Туркестане» писалось: «Караваны в сию область идут большею частью из Бухары и Кукана, и сим путем она получает российские товары, которые китайцы через Кульджу не пропускают. Ежегодно осенью обыкновенно приходит сюда караван, состоящий из 500—600 верблюдов, зимует в Кашгаре и весною возвращается»[9].

В китайских владениях широкую популярность получило слово «андижанцы», как «бухарцы» или «ташкентцы» в России и казахских степях. В записке «О торговых учреждениях в занятой китайцами Зюнгарии» написано, что «с караваном только пропускают андижанцев, каковым именем называют китайцы не только жителей города Андижана в ханстве Кукандском, но, как видно, всех живущих вне Китая магометан и киргизов... Под именем андижанцев пропускают даже русских в азиатской одежде»[10].

Установить место, которое занимала торговля самого Худояр-хана с соседними странами, нам не удалось (хотя оно, очевидно, было значительным) в связи с недостатком источников. Однако место хана во внутренней торговле довольно ясно вырисовывается на основании имеющихся сведений.

Прежде всего следует отметить, что Коканд, столица ханства, чуть более чем за полтораста лет вырос как крупный в условиях того времени ремесленный и торговый центр. Вот несколько данных: в Ко-

канде еще в 1830 г. имелось 6 базаров[11] со специальными рядами. В документе о продаже одной лавки в 1271 (1854—1855) г. упоминался, например, ряд по продаже красок, принадлежавший «базар-и поён» (нижнему базару)[12], а в конце правления кокандских ханов в городе находилось 10 караван-сараев, один сарай специально для хлопка и закят-сарай, в котором помещались поверенные русских купцов[13].

В последнее правление Худояра им крайне усиленно осуществлялось строительство базаров, базарных рядов, лавок, сараев разного назначения.

Еще в 1273 (1856—1857) г. Худояр-хан построил в Коканде караван-сарай и торговый ряд для продажи текстильных изделий, носивший название «султанский» («دکاکین بزازئی سلطانیه»). «По приказанию Худояр-хана, Карим-кули мехтар (мехтар столицы) построил караван-сарай и ряд лавок по продаже ситца для Его Величества[14]. Ряды лавок продавцов ситца были крупными. В 1287 г. в месяце раби-улсони, в четверг (1870 г. в июле) рано утром, возникший пожар в рядах базара текстильных изделий в течение двух часов от рассвета до утра охватил 240 лавок, которые сгорели до основания, вместе со всем имуществом сгорел и находившийся там малый сарай. Спасено было только имущество 5—6 лавок[15].

Причины возникновения такого огромного пожара, охватившего лавки, принадлежавшие хану и отданные в аренду торговцам, до сих пор остаются неизвестными. Острейшее недовольство среди почти всех слоев населения ханской узурпацией могло привести к такому акту. Мулла Нияз Мухаммад, называя этот пожар «удивительным огнем», как будто намекает на искусственность его возникновения[16]. И Мулла Нияз Мухаммад и Мулла Аваз Мухаммад писали, что из рядов базара продавцов ситца сгорело 240 лавок. Можно предполагать, что общее количество лавок в рядах этого базара было еще большее.

Мулла Аваз Мухаммад останавливается и на строительстве хана в Коканде в 1284 (1867—1868) г. «Это было в тысяча двести восемьдесят четвертом году, —писал он, —когда после успокоения и во время досуга Его Величество, достигший счастия эпохи Худояр-хан, построив базарные ряды, большой сарай, сарай для покупок и продажи хлопка и хлебный ряд, упорядочил [базарное дело]»[17].

Мулла Нияз Мухаммад подобные вещи передает в чрезмерно хвалебном духе, приписывая хану особые качества, отличающие его от предшественников. Однако в стихотворных строках, посвященных строительству торговых объектов, безусловно, есть большая доля истины, ибо нет сомнения в том, что никогда строительство подобного рода в Коканде не принимало такие размеры, как в этот период.

«Ты украшением базара поднял эту страну до ступени небосвода. Базар до этого был, как конюшня, твоя милость превратила торговые ряды в цветник. Вечно украшенные торговые ряды расцвели подобно весенним розам. Еще внутри малого сарая имеются соответствующие и прочно построенные кельи. Удивительно еще то, что в большом сарае комнаты подобно казне заполнены товарами. Сзади этого сарая построен также сарай для хлопка и хлебный ряд, сходный с площадью. В помыслах этого владетеля нет ничего другого, кроме благоустройства страны. Добрая слава этого города определяется украшенными сараями и лавками. В таком порядке святой царь украшал все города. Одно из необычайных его чудес то, что он смолоду обладает ясным умом. Все эти получившие поддержку здания за полгода стали известными. Все эти появившиеся на свет дела являются памятниками госу-

дарства хана. Если прежние ханы строили дворец или базар, то они не достигали совершенства»[18].

Строительство торговых объектов в Коканде, завершенное в 1284 г. х., было поручено Мулле Исе Авлии, о чем свидетельствует Мирза Алим. Он же рассказывает о строительстве Худояром базаров и лавок и в других городах ханства. «Худояр-хан, назначив ответственным Муллу Ису Авлию, приказал ему построить на базаре сарай и лавки. Он царствовал, построив новые лавки на всех базарах страны»[19]. Например, из 2246 лавок Маргилана 489 считались государственными, 686 вакуфными и 1071 частной[20]. Сведения Мирзы Алима подтверждаются данными русских авторов, которые писали о строительстве Худояром караван-сараев во всех значительных городах ханства[21]. Строительство ханом торговых объектов осуществлялось не только в крупных городах, но и в больших населенных пунктах. Ярким примером тому служит стремление хана поднять торговое значение Ассаке. «И еще Худояр-хан в последний период своего правления прибыл в Ассаке, благоустроил ее и украсил базар, построив там медресе. Он отдал в вакф этому медресе земли и лавки. В настоящее время медресе благоустроено и служит соборной мечетью людей базара [купцов]»[22]. Данные этого автора подтверждаются документальным материалом. В частности, в одном из дафтаров дается перечень вещей, привезенных в связи с новыми стройками хана в Ассаке[23]. Другим примером строительства такого характера является сел. Ташлак, в которое для строившихся в 1289 (1872—1873) г. лавок по приказанию брата хана были отпущены кетмени и носилки[24].

Не только хан, но и члены его дома, правители округов расширяли строительство торговых объектов за счет казны. Мы имеем в архиве некоторые документы об отпуске материала для строительства лавок. Так, Султан Мухаммад Мурад-бек выдал в 1289 г. х. пату Мулле Мухаммаду Алиму-саркару на получение «для строительства лавок на базаре» (видимо, на маргиланском базаре) десяти арб самана. Тому же саркару об отпуске еще 10 арб самана «для новой лавки» выдает пату Мулла Абдуджалил-мирзабаши. Подобного рода данные имеются о кирпиче, инструментах[25] и т. д.

Строительная деятельность Худояра в городах (в основном в целях максимального получения рыночного дохода) отмечена и русскими авторами того периода, что полностью соответствует данным местных авторов. Один из обозревателей конца 60-х годов писал: «К чести его [Худояра] можно отнести также и то, что не все государственные доходы поступают на удовлетворение его прихотей; так, недавно он выстроил за свой счет прекрасный базар в Кокане, а в прошлом году, как слышно, значительно увеличил его размеры»[26]. Здесь, конечно, речь идет о строительстве 1273 (1856—1857) и 1284 (1867—1868) гг., отраженном в ферганских источниках.

Кокандский базар, как и все базары среднеазиатских городов, состоявший из многочисленных специализированных рядов и сараев, каппонов (хлебных рядов), торговых площадей, был тесный, торговые помещения были скучены[27]. Он был одним из лучших среднеазиатских базаров и самым большим и значительным во всем Кокандском ханстве. «Коканский базар,— писал один из обозревателей в 1869 г.,— по величине, чистоте и хорошему устройству далеко превосходит ташкентский. Он покрыт высокою деревянною крышею, свободно пропускающей воздух, что препятствует распространению зловония и миазмов»[28]. Через 6 лет, т. е. в 1875 г., очевидец А. П. Хорошхин писал: «Коканский базар велик и очень чист, как и ташкентский, он местами крытый, но

ташкентский во всех отношениях не в состоянии выдержать никакого с ним соревнования...»[29]. Некоторые базарные ряды упоминаются в источниках. Например, ряды, где продавалась мануфактура (баззази), ситцы (رستهٔ چیت فروشی), парфюмерно-галантерейные изделия (аттари), кисея (رستهٔ داکه فروشی), бакалейные изделия, чай, фарфоровые изделия[30], краски и т. д. Согласно сведениям некоторых авторов, кокандский базар по своей величине превосходил рынки всех городов Туркестанского генерал-губернаторства и являлся вторым в Средней Азии после бухарского базара. Он приобрел такое значение со времени Мухаммадали-хана, который, «покровительствуя торговле и промышленности, увеличил и улучшил кокандский базар», ставший с того времени одним из главных торговых рынков Туркестана. При Худояре, несмотря на бурные социально-экономические события и политическую борьбу, он был расширен и более благоустроен[31]. По словам другого автора-очевидца, кокандский базар по числу лавок в нем[32] представлял тогда самый значительный рынок во всем Кокандском ханстве (до сокращения его территории)[33].

Однако в городе и во всем ханстве наряду с зарождавшейся относительно крупной торговлей главное место занимала мелкая. «Мелкая торговля,—писал Мидендорф,— ведомая сартами в городах Ферганы, возбуждает наше удивление». Он отмечал ничтожность оборотного капитала мелких торговцев. По его словам, мелкого торговца нередко прокармливает тот совершенно незначительный оборот, когда в его лавке товару не более чем на 15—20 руб.[34]

Большая часть лавок и торговых сараев в Коканде принадлежала хану. Один из обозревателей совершенно ясно писал, что «коканский базар построен теперешним ханом (Худояром. — *Р. Н.*), получающим с него доход с отдачи лавок внаймы. Всех лавок в Кокане насчитывается до 420»[35]. Этот же автор число мелких торговцев в Коканде определял до 600 человек[36]. Когда называлась цифра 420, то имелись в виду лавки, находившиеся на базаре и принадлежавшие хану. В последние годы правления Худояра в Коканде он владел уже 575 лавками. А. Кун писал, что большая часть городских кокандских лавок была построена Худояром; этот автор даже упрекал его в том, что хан, «не считая противным своему ханскому достоинству, занимался коммерческими делами для личного своего обогащения»[37]. А другой русский обозреватель писал: «...При своей бесчеловечной системе налогов правитель Кокана успел из властителя сделаться богатым купцом, можно сказать миллионером»[38].

Выше мы приводили данные автора «Тарихи джахан-намаи» о строительстве ханом в 1273 г. х. торговых рядов продавцов ситца: тогда он построил караван-сарай и малый сарай. В 1284 г. х. базар был расширен строительством новых торговых рядов, большого сарая, сарая для хлопка и каппона. Таким образом, все торговые ряды, в том числе ряды продавцов ситца, большой и малый сараи, хлопковый сарай, сарай для продажи дров и каппон принадлежали хану. Вполне возможно, что не о всех сараях хана мы имеем данные. Но если ограничиться только имеющимися сведениями, то из 10 кокандских торговых сараев 5 принадлежали хану. Здесь уместно привести слова такого авторитетного автора, как Н. Пантусов, прибывшего в Коканд в составе царских войск, сказанные им в связи с определением доходов хана: «С ремесленников и промышленных заведений, как-то: караван-сараев, бань и т. д., — закят не взимался, ибо все эти учреждения или составляли собственность ханской казны или записаны были в вакф»[39].

Конечно, в больших городах, в том числе и Коканде, были и другие крупные местные торговцы, производившие торговые операции как внутри города, страны, так и с соседними государствами. Они были собственниками лавок, сараев и других базарных объектов. Например, одним из значительных кокандских купцов был Алимджан-бай ходжа, впоследствии (после ликвидации ханства) имевший торговые связи с другими городами. Об Алимджан-бае упоминал автор «Таснифи Гариб», слышавший рассказ о нем от его сына, тоже крупного бая, муллы Салихджана. «Во всех подчиненных Фергане городах Алимджан-бай имел собственность и также достояние покорных людей—управителей и приказчиков. Он сам постоянно жил в городе Коканде, а теперь умер. Алимджан-бай являлся крупным торговцем и был известен в мире»[40].

Этот же автор упоминал еще одного крупного маргиланского купца Марджан-киз бая, которого в период написания его труда уже не было в живых. Он построил мечеть и медресе в Маргилане. Автор «Таснифи Гариб» также говорит о двух сыновьях Марджан-киз бая, занявших место своего отца[41]. По источникам известно также имя маргиланского купца Муллы Баба-яра Мирзы, сына Салим-бая суфи. Закончив в молодости медресе в Маргилане, он поступил на службу к маргиланскому беку Султану Мураду, у которого первоначально служил мирзой, затем, находясь около маргиланского курбаши[42], принимал активное участие в заготовке необходимых вещей для хана. Он арендовал все весы на большом маргиланском базаре. К моменту завоевания края царизмом он уже имел большое богатство и сумел сохранить за собой аренду весов на базарах всех городов. Мулла Баба-яр мирза также арендовал сроком на 25 лет хлопковый сарай Султана Мурад-бека, находившийся на большом маргиланском базаре и превращенный его владельцем в вакф. Мулла Баба-яр, снеся этот сарай, построил на его месте торговый ряд по продаже мануфактуры, тем самым несколько благоустроил базар[43].

Мелких торговцев в крупных городах были сотни и даже тысячи, зато относительно крупных — единицы. Они, используя широко распространенный тогда в практике торговых отношений кредит, несомненно, имели значительные торговые обороты. «Едва ли,— писал один из обозревателей,— в Коканде есть купец, располагающий капиталом в 10 000 руб., а при таком отсутствии капиталов все делается в кредит: в кредит набирается товар и в долг раздается мелким торгашам рублей на 200»[44]. О весьма широкой практике этой формы обмена, т. е. кредита, между купцами в Кокандском ханстве в 60-е годы писал и другой свидетель. По его словам, деньги взаймы «хорошим купцам» достать было нетрудно. Если кредит был незначительным, то процентов друг у друга они не брали. Проценты при больших кредитах зависели от договоренности, однако больше трех тысяч тилля денег в долг не давали. «Вообще же они, ташкентцы, говорили, что в Ташкенте нет настолько крупных капиталов, чтобы можно было достать более трех тысяч тилля»[45].

Это объясняется тем, что денежные отношения, как мы отмечали выше, только начинали развиваться. Хотя они развивались неуклонно, купец даже при значительном товарообороте не держал еще в руках много денег.

В этих торговых отношениях хан, обладая большим капиталом, огромной собственностью торговых объектов, да еще верховной деспотической властью, играл ведущую роль. Торговые учреждения и объекты (лавки, караван-сараи, каппоны и др.) отдавались в аренду. За пол-

ным обеспечением всех объектов арендаторами в Коканде следил сам хан, а в округах — беки, сыновья и брат хана через своих людей, главным образом старшего маклера («دلال باشی»).

В нашем распоряжении имеется письмо маргиланского бека следующего содержания: «После окончания доброго слова пусть будет известно Хаким-баю даллалбаши, поступки которого подлежат восхвалению, что посланное Вами заявление о незанятости некоторых лавок, расположенных рядом с хлебным базаром и урдой, получено и его содержание о допуске в свободные лавки людей принято. Оказывая любезность, мы приказываем совместно с Бахти Мухаммадом-курбаши, подобрав людей из разных сословий ремесленников, ввести их в пустые лавки, чтобы они не находились пустыми. Только таких людей, которые потом бы не требовали возвращения на свои места. Мы любезно послали Вам почетный халат. Мир над Вами»[46].

Документ этот важен тем, что в нем говорится об обеспечении всех лавок (очевидно, имеются в виду ремесленные мастерские) в особых ремесленных рядах ремесленниками. Кем были эти ремесленники — арендаторами или работавшими в мастерских хана или бека, неизвестно. Вероятнее всего, они были арендаторами. Однако об условиях аренды мы также ничего не знаем. Обращает на себя внимание предупреждение владетеля-бека о том, чтобы люди, допущенные в лавки (в данном случае ремесленники), «не требовали возвращения на свои места». Значит, подобные факты, несомненно, имелись на практике. Видимо, арендаторы, недовольные условиями аренды или доходом от своего ремесленного производства, впоследствии вынуждены были покинуть эти места, что хозяина не устраивало. Во всяком случае ремесленники сами не приходили в лавки — их искали (« از هر کسبه آدم یافته »). Так хан и беки стремились обеспечить свои арендуемые торгово-ремесленные объекты постоянными арендаторами, так как пустующие лавки и сараи, несомненно, наносили ущерб собственнику. Вполне возможно, что речь здесь идет о насильственном использовании ремесленников в ханских или бекских мастерских.

В нашем распоряжении имеются данные, свидетельствующие об отдаче разных объектов в аренду. Так, в казне были заприходованы 1500 теньга, полученные от муллы Мухаммад-амина за лавки[47], также сообщается о 22 лавках в районе Каландарханы, уже отданных, или подготовленных для сдачи в аренду[48]. В аренду отдавались не только лавки, но и сараи, базарные площади, весы, скотные базары, даже места, занимаемые продавцами каких-нибудь продуктов или товаров («تک جای») , и т. д. К сожалению, мы не располагаем материалами, всесторонне характеризующими условия аренды городских предприятий, но можно совершенно определенно сказать, что арендная плата была очень высокой: во-первых, это видно из того, что не совсем охотно брали лавки в аренду, владетели вынуждены были искать арендаторов; во-вторых, об этом свидетельствуют попытки арендаторов расторгнуть арендный договор, и, наконец, имеются данные об арендной плате некоторых объектов. Например, годичная арендная плата сарая для продажи дров (вырезок из виноградных лоз(«تاپله سرای»)в Маргилане равнялась 53 тыс. теньга[49]. Десятимесячные правительственные доходы от весов, торговых мест, бараньего базара, от казийских помещений в том же Маргилане определялись в 50 тыс. теньга и т. д.[50]

Хан назначал маклеров на базарах определенных городов, районов и даже сел по продаже определенного товара, от чего, конечно, имел доход. Автор «Таснифи Гариб» привел копию ценного указа хана:

«Теперь пусть узнают и осведомятся все продавцы и покупатели (потребители) мельничных камней на базаре, находящемся в местности Кабутархана, подчиненной Маргиланской области, что, оказывая царскую любезность в отношении благочестивого муллы мирзы Якуб-бая аксакала, мастера-каменотеса мельничных камней, мы назначили его маклером всех продавцов и покупателей, занимающихся продажей и покупкой камней для мельниц. Следует ему взимать по одной теньга с обеих сторон (при продаже и покупке каждого камня). Месяц шабан, в год 1291»[51].

Этот весьма важный документ лишний раз показывает стремление хана и членов его дома овладеть всеми поступлениями доходов от обмена всех существующих видов продукции и товаров.

Хан и беки контролировали полностью внешнюю и внутреннюю торговлю. Они не только своевременно и полностью взимали торговые пошлины, но, осматривая караваны товаров в соответствующих пунктах, разрешали или запрещали их продажу, а при потребности в определенном товаре, привозимом иностранными караванами, могли целиком приобрести его еще до поступления в открытую продажу. Об этом частично свидетельствует письмо одного из царевичей Дадхаджану-саркару: «Слышал о том, что из Кашгара прибыло много караванов, поэтому вашему благородию послали письмо, после получения его, позаботившись о нас, пришлите через Хамила-муллу подарки с каждого сорта товара без повторения»[52]. Подобное положение наблюдалось не только в отношении иностранных товаров. Так, в распоряжении Муллы Абдуджалила-марзабаши Бахти Мухаммаду-курбаши от 1288 г. х. дается указание о том, чтобы приобрести весь уголь, поступающий на маргиланский базар в течение недели, для людей Его Величества, не разрешая продажу другим лицам ни с одной лошади[53].

Лишение населения возможности приобретать продукты, если они нужны были хану и его двору, даже при крайне острой нужде в них в стране, являлось делом обычным. Мидендорф, ссылаясь на рассказ одного местного жителя, писал, что, Худояр-хан «как монополист накапливал в своих руках продукты, а весной искусственно повышал на них цены»[54].

Все источники и литература, посвященные истории Кокандского ханства, свидетельствуют о широком распространении здесь ростовщичества. «Ростовщичество, — писал А. Н. Тетеревников, — на базарах и фортах развито в сильной степени. Главным образом, им занимаются азиятцы и берут громадные проценты в особенности при некрупных займах»[55]. Размеры процентов, получаемых ростовщиками, колебались от 2 до $2^1/_2$ с ссуды[56] в месяц, а за год это составляло около 25 и более процентов.

Видимо, мелкие кратковременные ссуды были еще разорительнее. Мидендорф приводит такие примеры: один киргиз за каждый занятый им рубль платил 20 коп. в неделю; другой киргиз за меру ярового хлеба, взятую им в ссуду ранним летом, осенью должен был возвратить три меры; индусы за каждые пять золотых получали еженедельно 1 руб., 1 руб. 20 коп.[57]

Эти сведения подтверждались и данными автора «Хуласатул-ахвол». Он писал о чрезмерных процентах, получаемых во время экстренных сборов закята в Аулие-Ата.

Не останавливаясь подробно на этом далеко не узком вопросе, коснемся лишь отношения хана к ростовщическому капиталу. Некоторые данные характеризуют Худояр-хана как купца, лично участвовавшего во всех торговых делах, крайне скупого ростовщика. «В частности, он

(Худояр-хан.— *Р. Н.*),— писал А. И. Брянов,— был человек мелочный и скупой. Он занимался торговлей лично и в компании с купцами, своими подданными, которых всегда обижал в расчетах и давал купцам деньги под проценты»[58].

Эта характеристика подтверждается и данными архивных источников[59]. Находясь в Оренбурге под наблюдением властей более двух лет, несмотря на состояние морального разложения (беспрерывно пьянствовал, принимал опиум), он вел довольно большие торговые операции. Так, например, бий Буртинской волости Илецкого уезда Тургайской области Мухаммад Джангильдин, обвиняемый в организации бегства Худояра из Оренбурга, в показании от 16 мая 1878 г. говорил: «Бывший кокандский хан Худояр в бытность в Оренбурге в прошлое лето поручал мне покупать лошадей на оренбургском меновом дворе, которыми он хотел производить торг, для чего по мере покупки выдавал мне деньги, таким образом, купив их около 400 штук, хан часть продал в разные руки, а часть из них я оставил у себя, уплатив ему должную сумму».

Конечно, эта торговая операция была не единственной. Он за эти два с лишним года имел довольно широкие связи с оренбургским купечеством и вообще знатными кругами. Вполне возможно, что они осуществлялись и значительно раньше, когда еще он был у власти. Тот же Мухаммад Джангильдин говорил: «...Знакомых же у него (Худояра)... в Оренбурге очень много, и трудно остановиться на ком-либо, так как все они большею частью пользовались от хана деньгами, брав взаимообразно для разных оборотов, к которым хан был склонен». В маклерской книге оренбургского нотариуса Сипайлова имеются данные об опротестованных векселях за неплатежи денег Худояром бухарским купцам. По данным канцелярии оренбургского генерал-губернатора, бухарский купец Джура-бай Нигматов, прибывший с товаром из Москвы, в ноябре 1878 г. проехал через Оренбург в Бухару; перед бегством Худояра из Оренбурга получил у него 18 200 руб. в долг. Согласно другим данным этой канцелярии, один из чиновников Худояра, бежавший из Коканда вместе с ним, оказался в столице Турции для взыскания с проживавшего там кокандца Саид-хана пяти тысяч тилля, выданных Худояром в его правление якобы для постройки в Мекке дома для кокандских паломников, но целиком присвоенных Саид-ханом.

Ростовщическая деятельность Худояра подтверждается не одним документом. В частности, в делах Оренбургского архива имеется письмо Ферганского областного управления в военное министерство и в канцелярию оренбургского генерал-губернатора от 7 апреля 1877 г., в котором написано, что Худояр во время своего правления выдал «кокандскому сарту Рустаму Бакалу взаимообразно 1400 тилля для торговых оборотов». После бегства Худояра Насриддин (сын его) хотел использовать эту сумму на нужды войска как казенную и потребовал ее возвращения от Рустама Бакала. Должник представил на суд казиев документ от Худояра в получении последним денег. Документ был признан подложным, и в письме требовалось выяснить этот вопрос у Худояра. Худояр в своем письме на имя Крыжановского ответил, что он 5 лет тому назад выдал Рустаму Бакалу «из собственного своего капитала для торговых оборотов 2400 тилля с условием получить эти деньги при расчете с приращением двух тилля на каждый десяток, т. е. по 20% на 100 руб. в год». Далее Худояр писал, что, хотя он долг и не получил, ни Насриддин-бек, ни его чиновник не имеют к этой сумме никакого отношения. «Рустама Бакала я считаю должником собственно моим,— писал он,— а не ханской казны, средства которой во время правления

моего я никогда не позволял себе употреблять на подобные аферы». Он просил царские власти взыскать с должника указанную сумму с процентами за все годы в его пользу и подтвердил заключение казиев о подложности ханской печати в представленном Рустамом Бакалом документе.

Из третьего документа — письма Ферганского областного управления военному министерству от 31 мая 1879 г. на имя канцелярии оренбургского генерал-губернатора — видно, что дело после ответа Худояра было рассмотрено «на съезде кокандских казиев» и в вынесенном по нему решении говорилось следующее:

«Выданные Рустаму Бакалу взаимообразно из ханской казны деньги по мусульманским законам ни в каком случае не могут считаться собственностью бывшего хана Худояра... в иске Худояр-хана Рустаму Бакалу отказать и взыскать с последнего недоплаченные в казну средства. За представление же на суд подложного документа заключить его под стражу на шесть месяцев».

Из приведенного факта вытекают два вывода. Во-первых, хан открыто занимался ростовщичеством. Им выдавались тысячи и десятки тысяч рублей купцам с условием возврата с процентами в размере $^1/_5$ части, т. е. 20% в год. Подобные операции производились, несомненно, с многочисленными подданными и купцами соседних стран, о чем частично свидетельствуют и другие материалы Оренбургского архива. Во-вторых, как видно, эти средства (2400 тилля) выданы были ханом из государственных сумм, хотя Худояр категорически, но без доказательств возражает против этого. Мы видим, что хан беспредельно распоряжался государственным имуществом, как своим собственным, получая при этом большие проценты.

Ростовщичеством занимались, несомненно, все многочисленные члены ханского дома, все высшие чиновники. Абдурахман Афтобачи, находясь в ссылке в Екатеринославле, обратился к царским властям с просьбой перевести его на местожительство в Оренбург. Необходимость переезда он обосновывал следующим образом: «...Хозяйством и долгами, не взысканными с разных лиц, живущих в Коканде и других местностях того края, он, живя в Екатеринославле, не имеет возможности распоряжаться и привести их в порядок». В Оренбурге он хотел с помощью своего тестя, коллежского секретаря, проживавшего здесь, Шангирея Кальметиева, заняться указанными делами. Просьба Афтобачи, видимо, была отклонена, но факт наличия его должников очевиден.

В руках хана и во владении членов ханского дома находились и ремесленные учреждения, производящие военное оружие, снаряжение (пушки, снаряды, холодное оружие, порох, все необходимое для артиллерии, а также многое другое, нужное для снаряжения войск), предметы украшений, домашнего обихода, одежду, строительные материалы и т. д. Известно, что в среднеазиатских государствах изготовление военного снаряжения имело тысячелетнюю историю, и только общая экономическая отсталость привела к тому, что, хотя здесь и появилось давно огнестрельное оружие, военная техника в своей основе оставалась средневековой, в то время как буржуазные страны Европы достигли в этом отношении колоссальных успехов.

В Кокандском ханстве пушки отливались давно, еще до прихода к власти Худояра. Существовали довольно большие ханские предприятия по литью пушек и снарядов. Такие предприятия в конце правления кокандских ханов, видимо, были и в Маргиланском бекстве, ибо среди архивных документов встречаются документы-паты, выданные маргиланским беком Султаном Мухаммадом Мурад-беком, об отпуске для

нужд пушколитейного цеха («کارخانهٔ توبخانه») и цеха по выпуску пушечных ядер («کارخانهٔ تیر توبریز ان») необходимых материалов. Так, например, по некоторым выданным тем же беком и его сыном Мавлан-беком в 1287, 1288, 1289 и 1290 гг. х. документам отпущены были для нужд пушколитейного цеха и производства снарядов, а также для невоенных предприятий нужные материалы — камышовые циновки, керамическая посуда, большие гвозди, уголь, грубая хлопчатобумажная ткань, цинк, олово, бура, жерди, лошадиные хвосты, краска, железо, черный воск, лазурь, белила и т. д.[60]

Наличие одного из так называемых заводов хана в Маргиланском бекстве подтверждается его посещением в одну из поездок в 1287 г. х. Хазрати Маоза ибн Джабиля, в связи с чем были отпущены необходимые продукты[61]. Видимо, этот «завод» находился рядом со знаменитым мазаром вне города, что подтверждается уходом мастеров в город, «завод» же при этом закрывался на замок[62]. Вполне возможно, что бек, друживший со своим братом-ханом, мог отпускать материалы или продукты для ханского предприятия и финансировать его.

В последние годы существования Кокандского ханства в Андижане инженером-афганцем, воспитывавшемся в Ост-Индии, был построен «механический оружейный завод». Причем, он же построил дворец Насриддин-бека в европейском стиле. Эти два здания являлись, по словам А. Куна, «выдающимися постройками»[63]. Существовали предприятия по изготовлению или ремонту ружей («میلتیق سازی ز ابوت»،«میلتیق خانهٔ»)[64], по изготовлению копий («نیزه گر ان»)[65]. Они, видимо, по тем временам были значительными по размеру, так как в одном документе речь идет о выдаче денег десяти мастерам ружейного цеха. Оружейники, по словам В. Вельяминова-Зернова, не отличались своим искусством[66].

В русской литературе совершенно определенно говорится о наличии «ханского порохового завода в Кокане»[67]. Однако порох изготовляли не только в Коканде, но в случае необходимости и в других местах ханства. Еще В. Вельяминов-Зернов в 50-е годы писал: «[Кокандское] правительство приготовляет порох большей частью в крепостях Уйкуте и Ура-тюбе и в селении Багистане, но не всегда...»[68]. Порох изготовлялся не только на ханских предприятиях, но и частным способом. «Делание пороха в ханстве,— писал тот же автор,— не есть монополия начальства. Частные лица готовят его много в г. Кокане и в кишлаке Чайкете»[69]. Однако в литературе конца 40-х годов, т. е. почти в тот же период, писалось, что «мануфактурных заведений, кроме ханского порохового завода и фабрики писчей бумаги, в Кокане нет»[70]. Здесь прежде всего речь идет о размере предприятий. Видимо, частные пороховые производства были настолько незначительны, что ни в коем случае не могли соперничать с ханскими. В дальнейшем, в последнее правление Худояра, о частных пороховых производствах мы не имеем данных.

В ряде документов архива Худояр-хана имеются данные об отпуске для нужд ханского «завода»[71] разных материалов и выдаче мастерам и рабочим «завода» денег, продуктов и т. д. К сожалению, мы не располагаем данными, четко характеризующими характер этого производства и производственных отношений. Однако, по свидетельству некоторых документов, на ханском заводе большое место занимало чугунолитейное дело («چوین ریزی»), здесь работали мастера-литейщики («استاهای دیکریزی»)[72]. Из металла, кроме чугуна, отпускались из правительственных складов железо. («آهن غوله»، «آهن تخته»، «تونیکه» «آهن سیخ») и сталь, которые обрабатывали кузнецы («آستایان آهنگر»).

Выработка из этих металлов продукции осуществлялась или в разных цехах одного предприятия, или на разных «заводах». В отношении других ханских предприятий рядом со словом «завод» употреблялось слово «كارخانه». Например, писалось: «отпустить для предприятия» и для «завода» следующие вещи[73].

Эти «заводы» имели приусадебные земли и были наделены хозяйством. В выданной в 1290 г. х. Султаном Мурад-беком пате приказывалось саркару Мулле Мухаммаду Алиму выдать один чайрик (4—5 пудов) шалы в качестве семян для посева на земле, находящейся в ведении «завода»[74]. Разумеется, 4 или 5 пудов семян риса для посева на прикрепленных к «заводу» землях, если учесть размеры предприятия того периода, были значительным количеством. Там, несомненно, возделывались и другие зерновые и бахчевые культуры. Эти земли обрабатывались прикрепленными к ним крестьянами («دهقان زابط»)[75]. Около «завода» находилась лавка или лавки («دوكان زابط»), которые содержались на казенный счет[76] и в которых, возможно, продавалась продукция «завода». Такие лавки могли быть и в городах ханства.

Все цеха по производству военного снаряжения и металлических изделий казна обеспечивала сырьем и вспомогательными материалами. Говоря о пороховом производстве хана в разных районах страны, В. Вельяминов-Зернов писал об обеспечении его материалами[77]. Отпуск железа, стали, бронзы, буры, клея, угля, извести, черного воска, щелочи («اشقار»), черного мела («بور سياه»), кувшинов, больших русских котлов, мешков, железных ведер, железных лопат, эмалированных тазов, специальных ложек («آبگردان»), труб, кетменей, носилок, лесных материалов (арчи), кирпичей, гвоздей засвидетельствован документами[78].

На этих предприятиях работали мастера многочисленных профессий и прикрепленные работники. Несколько раньше на пороховом «заводе» хана заставляли работать военнослужащих[79]. Нам не совсем ясен характер оплаты труда этих мастеров и рабочих. Известно, что мастерам выдавались владельцами продукты питания (масло, мясо, хлеб, чай, морковь, лук, дыни), топливо, постельные принадлежности (например, кошмы), мешки для переброски продуктов, иногда же — просто деньги для покупки указанных продуктов и предметов. Например, для покупки дынь и чая выдавалось по одной теньга в день мастерам чугунолитейного дела, моркови и лука — полтеньга в неделю; мастерам-оружейникам — полтеньга в день на дыню и т. д., или просто указывалось на отпуск по одной теньга в день мастерам «завода», видимо, для подобных нужд[80], или отпускалось определенное количество средств без каких-либо указаний. Например, для мастеров-оружейников в 1289 г. х. было отпущено $20^1/_2$ тилля[81]. Видимо, для кормления в течение рабочего дня вьючных животных, привозивших ежедневно мастеров на работу из недалеко расположенных местностей или из города, владетель выдавал сено или клевер. Например, в выданной Юсуфом-мингбаши парваначи пате на имя Курбана Алия-эшик-агаси приказывалось отпускать с 18 мухаррама 1259 г. х. постоянно в день по 30 снопов клевера для животных, привозящих мастеров, изготовляющих копья («باستايان نيزه گران»)[82]. Остается неизвестным, регулярно ли мастера обеспечивались продуктами и всем необходимым. Например, об отпуске такого продукта, как рис, свидетельств нет, хотя известно, что на земельном участке «завода» он засевался.

Мы имеем единственный документ, в котором дается указание о выдаче мастерам «завода» денег за их труд. В нем написано: «Мастерам, работающим на заводе, выдавайте по две теньга ежедневно. В месяце джумади-ул аввал 1287 г.»[83]. Мы уже не раз указывали, что дневная оплата работы мардикара в рассматриваемое время производилась из расчета одной теньга в день. Заводские рабочие, видимо, получали такую же сумму. Мы склонны думать, что по 2 теньга в день платили квалифицированным мастерам, и эта сумма являлась основной дневной заработной платой.

Среди материалов, отражавших расходы хана за год курицы, что соответствовало 1290 г. х., имеются данные о выдаче 900 1/3 тилля и 200 теньга Уста Мухаммад Қариму для расходов на строительство предприятия по производству бархата («جهت صرف عمارت مخمل باف»)[8]. Очевидно, хан начал строить это предприятие за два года до ликвидации ханства. На наш взгляд, в руках хана и беков было сосредоточено ткацкое производство в значительном объеме. Шелкоткацкое производство, основанное на наиболее ценном местном сырье, полуфабрикаты и ткани из которого использовались в роскошной жизни ханского дома, феодальной знати и купечества, для многочисленных подарков и вывоза, не могло не вызывать интереса хана. Думается, Худояр недаром построил специальный большой рынок для продажи тканей. В наших руках пока нет прямых данных о шелкоткацком производстве хана. Однако занятие в хозяйствах хана и беков шелководством явно свидетельствует об этом. Вот несколько фактов.

В пате, выданной сыном маргиланского бека Саидом Мавлан-беком Бахти Мухаммаду-курбаши, поручалось полное обеспечение кормом (тутовыми листьями) шелковичных червей, находившихся под наблюдением садовника в ярмазарском саду бека[85]. Очевидно, в ханских садах в самом Коканде производился шелк. Например, известна пата на выдачу халата садовнику-кокандцу, привозившему во внутренний двор сырец[86]. В отчете маргиланского казначея о расходах за десять месяцев указывалась выдача Мулле Мухаммад Юсуфу-мирзе, видимо, для каких-то надобностей 10 500 теньга, поступивших от продажи коконов[87]. Хан и беки держали в своих хозяйствах значительное количество людей, прежде всего женщин, которые занимались производством шелка. Владетели снабжали их продуктами питания и крайне необходимой одеждой. Мулла Абдулджалил-мирзабаши приказывал «выдать для женщины-кокономотальщицы один кусок ситца, два платка из белой кисеи, две пары ногайских калош (кавуши)»[88]. Разумеется, посторонние не обеспечивались бы такими вещами. Они, несомненно, были феодально зависимыми от владетеля.

Таким образом, в хозяйстве как хана, так и членов его дома производился шелк, и в этой области трудились зависимые от владетеля люди. Полученное сырье частью продавалось, а часть его поступала на шелкоткацкие предприятия хана или бека, на которых изготовлялся и бархат. Видимо, существовало производство и шерстяных тканей, ибо в одном документе говорится об обеспечении мясом и маслом мастеров, производивших шерстяные ткани («استایان شالخانه»)[89].

К сожалению, определить размеры текстильных да и других предприятий хана и членов его дома в настоящее время трудно. В самом конце существования Кокандского ханства русские контрагенты ташкентского интендантства (конечно, для нужд царских войск) открыли «обширную ткацкую мастерскую» в сел. Беш-арык по производству бязи, где находилось до 500 станков. Подобные мастерские были еди-

ничными (а быть может, и единственными), в них не было усовершенствованных орудий труда[90]. Как это отражалось на предприятиях хана, сказать трудно.

Хан и беки имели ювелирные мастерские («زرگرخانه»), в которых работали лучшие мастера страны. Ювелирные предметы, производимые в мастерских правителей были высокого качества и отличались от продукции частных предприятий. Этому способствовали, во-первых, концентрация лучших мастеров и лучшие орудия производства, во-вторых, обеспечение сырьевыми и другими необходимыми материалами. При надобности крупные мастера вызывались для постоянной или временной работы в ювелирных мастерских хана или бека из одного округа в другой. Так, в Маргилане из казны бека был оплачен проезд кокандского мастера-ювелира[91]. Ряд документов свидетельствует об отпуске из казны всех необходимых материалов для производства предметов украшения: слитков серебра («نقرهٔ خام»), цинка (روح), олова (قلعی), свинца (قورغاشیم), меди (میس), бронзы (برنجی), железа, (آهن تخته، آهن سیخ), чугуна (چوین), бус (مرجان), сердолика (عقیق), буры (تناکار), квасцов (اچیق تاش), гипса (کنج), нелощеной бумаги (قاغذ خام), свеч (شم), угля (انگشت), мастики (سقیچ), ремней (قیش), грубой хлопчатобумажной ткани (کرباس), лака (لاك), чая и др.[92] Использование ремней, очевидно, связано с наличием в ювелирных мастерских каких-то машин мануфактурного периода.

Остается неизвестным, ограничивались ли ювелирные предприятия хана или беков производством различных изделий только для ханского дома, или они изготовлялись и для обмена. Исходя из постоянной тенденции хана и членов его дома, мы склонны утверждать последнее.

В Коканде был монетный двор. Доходы хана от этого учреждения были, видимо, значительными, если учесть известное развитие денежных отношений и практику, при которой разрешалось купцам сдавать на монетный двор золотые и серебряные слитки или другое имущество для чеканки монет с тем условием, что в пользу ханского предприятия будет внесено за один ямб 2 тилля, а за золото стоимостью в 1000 тилля — 30 тилля (موزد)[93].

В Коканде (за воротами Муи Мубарак — по арыку того же названия) и в сел. Чарку существовало бумажное производство (оби-джуваз)[94], оно было самым значительным в Средней Азии. Кокандская бумага имела наибольшее распространение и известность. «Кокан,— писал А. Федченко в 1871 г., —я успел осмотреть довольно бегло; подробно я осматривал только писчебумажную фабрику, потому что заведения этого рода составляют в Средней Азии большую редкость, кроме Кокана, они находятся еще только в селении Чарку»[95]. Описывая характер производства, его технологию, к сожалению, А. Федченко не указывал, кому принадлежало это производство. Продукция этих мастерских продавалась на базаре, перевозилась в другие районы Средней Азии. Однако столь необходимый для канцелярии хана и беков материал едва ли приобретался на рынке, даже при его неособенно высокой цене.

В хозяйствах хана и беков были кузнечные мастерские, в которых изготовляли подковы и ковали лошадей («تاقه چیلیك»). Так, приведенный нами однажды факт об обращении арбакешей царевича Саид Мухаммада Сиддик-бека к маргиланскому беку с просьбой подковать принадлежавших Сиддик-беку тягловых лошадей[96], а также наличие

большого количества лошадей в хозяйстве хана и царевичей говорят о несомненном существовании таких мастерских. Несмотря на наличие мастерских, подковы еще заказывались и приобретались на стороне. Так, например, Абдуджалил-мирзабаши от имени маргиланского бека дал распоряжение Бахти Мухаммаду-курбаши оплатить 200 теньга за 305 пар подков, переданных на склад бека мастером-кузнецом Абдуразаком (استا عبدالرزاق تاقه‌چی)[97].

Хан и беки имели и швейные мастерские, в которых шили все, что было необходимо для содержания двора и армии (от простого нижнего белья до дорогого халата и меховой шубы). Так, имеются данные, относящиеся к 1290 г. х. об отпуске ниток для шитья на машине верхней одежды (« جهت ابره دوختن ماشینه »)[98], а также о выдаче 5 тилля для шубы, подготовленной мастерами Абдуллой-тага и Мухаммадом Юсуфом в 1289 г.х.[99]. В Коканде в швейных мастерских хана работали лучшие портные (« چاك چیان »), среди которых были татары (« نوغی ها ») Они временами вызывались и в другие бекства для шитья дорогих одежд. «После доведения слов привета [да будет известным] Бабаяру-кари мирзе, что господин бек, приведя сюда из Коканда портных, а также портных из нугаев, взял у Бахти Мухаммада-курбаши лучший адрас и чистую шелковую материю и выдал мастерам, посадив их на определенное место, дал поручение мастерам шить специальные халаты, отвечающие требованиям. Сейчас они прибыли, следует сегодня непосредственно найти и выдать им сразу 20 пар кусков адраса, в том числе 5 пар кусков только что появившегося оригинального шелка, чтобы 3 пары кусков были одноцветными»[100].

Приведенные данные не оставляют сомнения о наличии швейных мастерских в хозяйствах хана и беков, мобилизации наилучших мастеров, производстве дорогой одежды из лучших, в том числе «только что появившихся оригинальных сортов шелковых и других тканей», об использовании в этих мастерских швейных машин и т. д.

По-видимому, в хозяйстве хана и беков были и мастерские по шитью головных уборов, обуви и т. д.

Были мастерские и по окраске шелка. Младшая Айимча-хан в пате от 1289 г.х. приказывала Бахти Мухаммаду-курбаши выдать для окраски шелка краски всего на 12 теньга: бу джугун (بوجوغون)[101] — на 2 теньга, латунной (« روئین ») — на 2 теньга, квасцов (« اجغ ») — на 3 теньга, исфарака (« اسفرك ») — на 1 теньга, тухумака (« تخمك ») — на 1 теньга[102]. Султан Мухаммад Мурад-бек в пате, выданной им в 1287 г.х., послал шелк, принадлежавший его сыну Ахмад-беку, указанному курбаши для производства разнообразной окраски[103]. В одном документе неизвестное лицо требовало от Бахти Мухаммада-курбаши выдачи денег за полученные неким Худайберды краски и другие материалы, нужные для крашения[104]. Вполне возможно наличие в хозяйствах правителей и красильных цехов, где производились некоторые нужные краски.

Выдавались продукты зеркальным мастерам (« استایان آینه ساز »), каменотесам (« استایان قرکردن حمام »)[105], что заставляет предполагать существование и этих производств.

Хан имел мастерские по производству спичек, возглавляемые саркаром Уста Абдуллой, который ежегодно вносил в казну хана до 100 чайриков спичек, т. е. от 400 до 500 пудов, получая от хана дрова. Со-

гласно донесению одного из ханских курукчи, Уста Абдулла Нурсухи[105] длительное время использовал для производства спичек часть янгака местностей Кара-кишлака, Кара-мулла и Какир-кишлака, за что мастер отдавал в хозяйство хана (в руки Диван-бигджана) ежегодно по 60 чайриков спичек. Ханский курукчи, считая, что получаемый янтак далеко не соответствовал количеству спичек, передаваемых ханскому хозяйству, пытался доказать использование мастером части янтака в свою пользу. Поэтому он сам присутствовал при производстве спичек указанным саркаром и убедился в том, что для производства 4 чексы спичек достаточно 5 снопов янтака. Исходя из этой потребности, курукчи стал отпускать мастеру для изготовления спичек 60 арб янтака. Таким образом, курукчи сэкономил хану 1600 теньга и 10 000 вязанок дров. Однако Диван-бигджан, угрожая курукчи, требовал выдачи мастеру еще 20 арб дров, утверждая, что он от мастера ежегодно получал для ханского двора не 60, а 100 чайриков спичек. Его требование было удовлетворено[107]. Проверка была устроена с разрешения хана, ибо имеется обращение курукчи к хану относительно проверки[108].

Довольно большое строительство, осуществленное в конце правления кокандских ханов,— строительство медресе, мечетей, базаров, лавок, сараев, надгробных сооружений, зданий для государственных и хозяйственных учреждений, загородных садов и дворцов, урды, закятханы, бакаулханы, арабаханы, миршикорханы, фаррашханы, ошханы, чайханы—требовало стройматериалов: лесоматериалов, жженого и сырцового кирпича, гипса, камыша, берданов и др. Так, только для ремонта ханских надгробий было отпущено 113 025 кирпичей, а для ремонта сарая закятханы — 4250 кирпичей[109].

В материалах архива кокандского хана имеются некоторые данные, характеризующие производство жженого кирпича и гипса в ханских хумданах (печи для обжига кирпича и гипса)[110]. Кирпичные хумданы, принадлежавшие ханскому дому, были расположены вблизи многих городов и крупных сел. Кроме Коканда, они упоминаются, например, в Наманганском округе на левом берегу Янги-арыка. После захвата территории царскими войсками они были разрушены[111]. В районе Коканда было несколько больших и малых кирпичных хумданов, производящих каждый до 35 тыс. кирпичей[112]. Они обеспечивались сырьем, топливом и рабочей силой, во главе их стояли саркары и амины. Имеются многочисленные документы (дафтары) о доставке в хумданы дров (янтака, хвороста и др.) с курукных земель хана. Один из ханских курукчи в своем донесении хану писал, что он имел из старого (прошлогоднего) янтака 100 стогов, в каждом из которых было по 1000 снопов, все они (2500 арб) переданы, по указанию хана, в ханскую хиштхану[113]. Гипс производился ежедневно, только в пятничные дни рабочие работали неполный день. Так, по одной записи видно, что в месяце джумади-ул авал (год неизвестен) в течение последних 15 дней месяца изготовлялось ежедневно по одному хумдану гипса — всего 15. В месяце джумади-ул сани за 30 дней — 30 хумданов, в месяце раджаб за 30 дней — 30 хумданов, в месяц барат[114] за 30 дней — 30 хумданов[115]. Таким образом, за три с половиной месяца, по которым имеются данные, изготовлено было 105 хумданов гипса.

Не удалось нам установить, продавались ли производимые в ханском хозяйстве жженый кирпич и гипс, что вполне вероятно. Известно только, что ханские люди, ответственные за это производство, при случае продавали продукцию, присваивая себе деньги. Мулла Ишмухаммад, глава ханских саркаров, через своего человека, посланного им на ханский кирпичный завод, получил сведения о том, что находящиеся во

главе кирпичного завода Бута-амин и Назар-амин тайно продавали населению кирпич, принадлежавший хану. В целях проверки он послал как будто бы для покупки кирпича населением пять арб. Амины продали им тысячу кирпичей за 57 теньга, а деньги получил Назар-амин. Об этом злоупотреблении амина Мулла Ишмухаммад и донес хану[116].

Как мы уже отмечали, подобные факты выявления злоупотреблений, совершаемых в разных областях и на разных участках хозяйств хана, часто проводились по поручению самого владетеля. В подобных проверках заинтересованы были сами чиновники, надеясь, что через вскрытие злоупотреблений они будут пользоваться полным доверием хана и получат повышение в должности и звании.

В этом документе обращает на себя внимание высокая стоимость жженого кирпича — 57 теньга за 1000 штук без перевозки. Так как это был украденный кирпич, то он, несомненно, стоил значительно дешевле, чем при открытой продаже, ибо едва ли кто-нибудь рискнул бы купить по базарной цене этот товар, являвшийся собственностью самого хана. Даже в этом случае для приобретения 1000 кирпичей мардикар должен был работать 57 дней, а искусный мастер около месяца. Таким образом, при явной нехватке строительного материала цена не только лесоматериалов и камыша, но и жженого кирпича и гипса была очень высокой. Примитивный способ производства кирпича удорожал себестоимость готового материала. Так, для обжига сложенных в один большой хумдан 35 тыс. штук сырцового кирпича, кроме стоимости самого кирпича, расходовалось 23 тилля. Потребность же в жженом кирпиче была большая.

Если в начале XIX в. (в 1813—1814 гг.) Филипп Назаров писал только о трех домах на рынках и нескольких памятниках да еще о царской конюшне для аргамаков владетеля, построенных из жженого кирпича среди сплошных глиняных зданий города, то через 56 лет русский обозреватель свидетельствовал о том, что было «много зданий из жженого кирпича в Коканде»[117].

Вопрос о развитии горного дела в Узбекистане в историческом прошлом значительно изучен в советский период прежде всего М. Е. Массоном. Мы остановимся на этом вопросе лишь в связи с освещением хозяйства хана.

Кокандское ханство имело много полезных ископаемых, о чем оставили немало свидетельств русские авторы, побывавшие здесь. «Полезные ископаемые и металлы изобилуют в ханстве. Глина превосходного качества, алебастр, известняк и строевой камень встречаются везде. Золото, железо, медь, свинец, бирюза, сера, селитра, соль и каменный уголь находятся во многих местах. Серебро попадается со свинцом»[118],— писал В. Вельяминов-Зернов. Однако добыча горных богатств находилась на очень низком уровне. «Я слышал,— писал хорунжий Потанин в 1830 г.,— от коканцев, что охотники, отправлявшиеся за добычею в горы, часто находили там самородные слитки золота и серебра, почему должно полагать, что они заключают в недрах своих золото, серебро и, может быть, другие металлы. Но жители не упражняются в рудокопстве, не имея о нем понятия, а получают все потребные для них металлы из России, Китая и Бухары»[119].

В. Вельяминов-Зернов через 25 лет после Потанина отмечал, что «правильной добычи металлов и веществ ископаемых здесь нет вовсе. Верх совершенства, которого туземцы когда-либо достигали в этом отношении, можно видеть в остатках древних горных разработок, находившихся вблизи горы Лял-кан»[120]. Далее он писал, что «в настоящее

время добыча металлов и веществ ископаемых производится самым грубым образом, в очень немногих местах и малом количестве»[121].

Один из обозревателей конца 40-х годов XIX в. писал, что «самый поверхностный взгляд на положение Кокании, изрезанной хребтами высоких гор, уже показывает, что она должна быть богата минералами. К сожалению, низкая ступень образования, на которой находятся жители, не позволяет им вполне воспользоваться сокровищами в недрах их земли. *Коканцы начинают однако же понимать важность этой ветви народного богатства и по мере средств своих делают опыты к ее развитию* (курсив наш)»[122].

Как мы видим, уже с конца 40-х годов прошлого века наблюдается известное оживление в этом отношении. Из имеющейся исторической литературы, преданий, из освещения этого вопроса в русской литературе и из сложившегося мнения русских ученых кокандские ханы знали о богатствах недр Ферганской долины и территории ханства в целом и, по-видимому, стремились разрабатывать их.

В среднеазиатских ханствах с давних пор разрабатывались сера и селитра — сырье для получения пороха. Тот же русский обозреватель конца 40-х годов писал: «Сера и селитра туземного произведения продаются по самым дешевым ценам[123]. Ханский пороховой завод в Кокане потребляет их довольно большое количество и никогда не встречает недостатка в материалах»[124]. Селитру добывали тогда, т. е. до завоевания северо-западных районов ханства царскими войсками, около Чикасу, Ура-тюбе и Ходжента, а сера находилась около Ура-тюбе, Лял-кана[125] и, по словам автора, почти во всех горах[126]. Сера встречалась и в районе Май-булака, в 5 ташах от Намангана[127].

Согласно сведениям русских авторов того времени, люди в Ферганской долине в верховьях Сырдарьи и впадающих в Сырдарью речек, на горах Кашгар-даван находили «золото в виде самородков» и привозили для продажи в Коканд и Маргилан[128]. «Вообще заключить можно,— писал обозреватель,— что золото в Кокании добывается по несколько пудов в год, потому что на базарах Кокана и Маргилана оно является очень часто, хотя и небольшими количествами»[129].

Естественно, кокандские ханы не могли не интересоваться этим немаловажным делом. По свидетельству того же автора, в середине 40-х годов к хану пришли 3 или 4 татарина, бежавших с казенных заводов или частных золотых приисков России, и предложили открыть в горах Ала-тау золотые россыпи и научить местных жителей способам промывки, употребляемым в России. Хан принял это предложение и дал им конвой, а местным правителям предписал оказывать им содействие и выдать нужное пособие. Когда ими сделаны были уже некоторые открытия, их перебил конвой, который желал возвращения домой из тяжелого похода. Хану же доложили о их гибели вследствие несчастных случаев и болезни[130].

Местонахождение золота подтверждалось В. Вельяминовым-Зерновым. Он, дополняя сведения указанного автора, писал, что главный прииск, где промывали золото, находился на речке Касанке. Промывка начиналась в июле частными лицами втайне от правительства. В 1851 г. посланный «коканским саркаром Сафар-баем на речку Касан беглый татарин из Нерчинска, по имени Султан, в одной части долины, на расстоянии одного или $1^1/_2$ ташей от кишлака малого Касана, в течение 10 дней, разрыв площадь в 1,5 кв. сажени и глубиной в $1^1/_2$ аршина, промыл 32 золотника»[131]. Из приведенных данных заметно стремление кокандских ханов, особенно Худояра, использовать золотые богатства

страны. Но потребности ханства в золоте никогда не покрывались даже при разработке кара-тегинского месторождения[132].

Мы имеем в русской литературе того периода данные о нахождении «в изобилии» серебряной руды в горах Ала-тау, расположенных в двухдневном пути к северу от Намангана, где люди добывали серебро в течение трех летних месяцев. Другой прииск серебряно-свинцовых руд находился по дороге от Намангана к укреплению Кетмен-тепе, на расстоянии 4 дней пути от первого. Посланные туда в 1839 г. ханом рабочие добыли 1000 чайриков руды[133]. Но ввиду плохого климата в этой высокой части Ала-тау (холодные ветры, недостаток воды) и тяжелых условий труда посланные ханом рабочие вскоре возвратились больными[134]. Кокандские ханы добывали эту смешанную руду («серебристый свинец») в горах близ г. Андижана в летнее время в течение 1,5 месяцев, т. е. в период, когда снег не мог тому препятствовать[135].

В горах Кара-тау, лежащих в 60 верстах от г. Туркестана, в нескольких свинцовых рудниках местное население еще задолго до прихода царских войск добывало белую свинцовую руду. Полученный из этой руды свинец использовался главным образом для снабжения кокандских войск. В 1864 г. Кокандское ханство лишилось этой территории[136]. Свинец без примеси серебра добывали и в самой Ферганской долине, в горах близ Андижана. Частным образом люди добывали его около Лял-кана и Ура-тюбе, также на северных отрогах Тянь-Шаня[137].

В конце правления Худояра свинцовые рудники находились в его владении, об этом свидетельствуют некоторые данные о выдаче из казны небольшой суммы «рудокопам свинцового рудника» (كانچيان «قورغاشيم»)[138].

По имеющимся сведениям, в правление Мухаммадали-хана (1822—1842 гг.) в долине Ангрена, против сел. Кара-китай (по левой стороне Ташкентско-Кокандской дороги), положено было начало добыванию меди. Однако добыча меди не могла быть продолжена в силу «неопытности мастеровых», ибо добытая ими здесь медь обходилась куда дороже привозимой из России[139]. Хотя, по сведениям В. Вельяминова-Зернова, в 50-х годах медь не добывалась, другие источники того периода свидетельствовали о добывании в Кокандском ханстве некоторого количества меди, идущей на местные нужды. К сожалению, места добычи меди этими авторами не указывались[140].

Железную руду в Ферганской долине добывали около Лял-кана, в районе горных селений Багистан, Сазак и Накай. Жители этих селений переплавляли железо в маленьких горнах и продавали на месте по 9 теньга за пуд. Железо не имело широкого применения[141].

Широко употреблялась народом «самосадочная соль», собираемая почти повсеместно на территории ханства, а каменная соль вырабатывалась только для хана и местных правителей в горах Кашгар-даван (около г. Оша) и Намангане[142]. В середине 70-х годов упоминаются соляные копи в трех местах: в Сократме и две копи в Камыш-кургане («كان سياه» и «كان سفيد»). В 1291/1874 г. со всех трех копей в ханскую казну поступили сборы в сумме 9000 теньга[143].

В Кокандском ханстве в незначительном количестве добывали бирюзу. «По тракту на Кокант,— писал Филипп Назаров,— мы прошли мимо горы Ходжанд, в 15 верстах от горских жителей отстоящей. По дороге находятся обработанные поля, а вокруг горы врыты ямы, где ташкентцы добывают бирюзу»[144]. Добывание бирюзы здесь продолжалось и в более поздний период[145]. Лучшие «сорта» ее добывались около

г. Исфары и в верховьях р. Сох. Эта бирюза была «чистого, голубого цвета, без всякой посторонней примеси», такой бирюзой, по словам автора, «Кокан может похвалиться»[146]. Этим промыслом занимались горные таджики, которые продавали ее на базарах Коканда и Маргилана скупщикам. Последние «соединяют ее в партии, отдают гранить и пускают в торговлю». А «низший сорт ее, несколько зеленовытый, и не такой чистый, гранится по одной форме и определяется в камыш и в четверть длиною для удобства для мелочной распродажи»[147].

В верховьях Исфары, особенно в Лял-кане, кроме бирюзы, якобы добывали изумруды, яхонты и рубин[148]. В 50-х годах на территории Кокандского ханства и в горах Ала-тау находили лазурит, один пуд его стоил в Ташкенте от 25 до 40 тилля[149]. Здесь, по словам обозревателя, находили и сердолик, который очень ценился[150]. О добывании в Кокандском ханстве драгоценных камней более убедительных данных нет. Поэтому, видимо, прав М. Е. Массон, когда пишет о сильной преувеличенности и малодостоверности имеющихся сведений и о привозном характере драгоценных цветных камней[151].

Как известно, нефть в Средней Азии добывали давно, в том числе и в Ферганской долине. До завоевания Ташкента царскими войсками нефть не использовалась как осветительное средство. Местное население, добывая ее, использовало как лекарство от чесотки («болезни, весьма распространенной среди местного населения»), для смазки колес; готовили из нефти так называемый «асфальт», используя его в сапожных мастерских при изготовлении обуви. Однако в связи с присоединением значительной части края к России на захваченной территории остро растет потребность в керосине. Видимо, в данное время в ханстве стали пользоваться и керосиновой лампой. Быстрый рост цен на керосин и нехватка его (если в 1871 г. в Ташкенте пуд керосина стоил 10 руб., то через 2 года, т. е. в 1873 г., стал стоить 32 руб., т. е. в три с лишним раза увеличилась его цена), дороговизна стеариновых свечей — все это способствовало тому, что нефтепродукты стали предметом довольно серьезного внимания. Уже к лету 1876 г. были известны на обоих берегах Сырдарьи 6—7 пунктов выхода нефти на поверхность земли. Условия добычи ее из-за бездорожья и безводья в ряде пунктов были трудными[152]. Одним из известных тогда источников добычи нефти в Ферганской долине был Май-булак (масличный источник)— местность, расположенная в 5 ташах (40 верст) от Намангана, по словам автора того периода, «весьма изобильная нефтяными ключами и колодцами»[153]. В Наманганском округе добыча нефти была отдана специальным ярлыком хана ташкентскому купцу Федорову и некоему Палвану за 1000 руб. в год[154].

Источник Май-булак был известен еще до занятия ханства царскими войсками. По указанию Худояра здесь разрабатывалась нефть. В 1868 г. участок был отдан Худояр-ханом в концессию сначала Хлудову (на 4 года), затем Захо и Громову для разработки нефти и добывания из нее керосина и асфальта[155]. Условия договора были крайне легкими для концессионеров. Они выплачивали $^1/_{10}$ часть цены вывозимого материала, причем никаких других пошлин не взималось. Ввиду неумения правильно организовать дело разработки нефти даже эти самые выгодные условия не давали должных результатов (более 30 вырытых колодцев различной глубины, от 2 до 10 сажен, скоро завалились, и добывали из них незначительное количество нефти). Построенный на нефтяных источниках завод был очень беден, однако находился он в районе Майли, расположенном у речки, которая «изобиловала горным маслом». Масло встречалось и на самом берегу Нарына[156].

Некоторые нефтяные ямы были известны в Андижанской области, в частности на правом берегу Карадарьи, напротив кишлака Айим. Разработкою этих источников занимались ханские люди. Нефть продавалась в ферганских кишлаках и даже перевозилась в Ташкент для продажи. К. Гилев сообщал, что в Кокандском уезде верстах в 10 к югу от Рашдана (Риштана) имеется несколько нефтяных ям. Султан Мурад, получая из этих ям нефть, перегонял из нее керосин в г. Маргилане. К. Гилев даже видел перегонный куб, употреблявшийся для этого[157]. О начале разработки нефтяных источников Ферганы по указанию русских промышленников и о перевозе ферганской нефти в Ташкент писал и журнал «Нива». «Теперь улицы Ташкента освещаются коканским керосином»[158].

В архиве кокандского хана имеется несколько документов, относящихся к 1288—1289 (1871—1873) гг., свидетельствующих о создании ханского предприятия заводского типа по переработке нефтепродуктов («ضابط يـر ياغـى») в Маргиланском бекстве. Этот источник находился между Алты-арыком и сел. Чимион (те ямы, о которых писал К. Гилев)[159]. Подтверждением тому служит поступление добываемой нефти в столицу через сел. Рашдан, находившееся между Маргиланом и Кокандом. В одном документе Мулла Абдуджалил-мирзабаши давал указание о найме арбы для погрузки и переброски нефтепродуктов до сел. Рашдан[160]. В других двух документах тот же мирзабаши приказывал выдать по 8 теньга для оплаты за арбы по перевозке нефтепродуктов из сел. Рашдан[161]. Возможно, в этом большом селении была остановка или база горючего. Маргиланский бек в пате от 1288 г. х. предлагал выдать для «алайского рудника»(«كان الاى») кетмени, кирки, ножные теши, топоры[162].

Это предприятие, так называемый завод как в процессе строительства, так и во время эксплуатации обеспечивалось через казну материалом, орудиями труда, инструментами: кетменями, кирками, топорами, кузнечными молотками («باسقان»), русскими двухпудовыми котлами, ведрами, железными лопатами, медными ковшами («آب گـردان»), черпаками («چـومـچ»), медью, листовым (кровельным) железом, оловом, нашатырем («نوشادل»), бурой, синькой, хумами, большими чашками («تـغـاره»), замками, углем, чаем, зерновыми продуктами, бязью и т. д.[163] Мастерам выдавали также некоторые продукты.

Раньше нефть добывалась местным населением самым примитивным способом. Вот как это описывает И. Краузе: «Нефть (горное масло), просачивающаяся из известняка в виде капель вместе с соленою водою, насыщенная сернистым водородом, падает вместе с водою же в нарочно вырытые для этого канавы (колодцев здесь совсем нет), где нефть собирается на поверхность воды. Вода через сделанные в канаве отверстия стекает в реку, нефть же собирают вениками из горной полыни»[164].

К сожалению, нам пока неизвестно, произошли ли изменения в способе добычи и обработки нефти на этом ханском или бекском «заводе» в условиях существования на территории ханства русской концессии. Появление в некоторых областях названия «завод» вместо старейшего, веками существовавшего названия «ремесленное предприятие» («كار خـانـه») заставляет думать о каких-то изменениях, но решение этого вопроса — дело будущего.

В Ферганской области кое-где добывали совершенно незначительное количество каменного угля. В 1876 г. русским специалистам были

известны в долине четыре его месторождения. Например, добывали уголь в верховьях Нарына на правом берегу Ак-су, на высоте около 2000 футов над уровнем моря. По приказанию Худояр-хана уголь отсюда перевозили в Коканд[165].

По свидетельству Краузе, в Ферганской долине в рассматриваемое время добывали горный воск (озокерит), нафталин, нефтогиль («ساریق مم»)[166].

ХАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В соответствующих разделах мы уже останавливались на значительных строительных работах в области ирригации, торгово-ремесленных предприятий, садов, хозяйственных помещений и т. д. Однако этим не ограничивались строительные мероприятия, осуществляемые членами ханского дома.

В этот период происходит строительство и других крупных объектов. Первым из них была новая урда, о строительстве которой говорится в ряде исторических сочинений. Так, Мухаммад Салих сообщал, что царский двор, т. е. цитадель прежних ханов, находился на территории города, на севере этого двора была соборная мечеть Умар-хана. Между старой цитаделью и соборной мечетью пролегала широкая главная улица («شاه راه عموم خلایق بود») города, по обеим ее сторонам располагались торговые ряды. Худояр-хан снес старую урду и построил на этой улице новую[167]. «Подровняли и расширили красивую площадь, рядом с медресе Его Величества; на восток от площади протекал анхар (река.— *Р. Н.*), с северной стороны был тот же анхар и земельный простор. С четырех сторон урду огородили высокими зубчатыми стенами... с позолоченными помещениями, садами и чарбагами, с аллеями из разных высоких деревьев—самшита и плодовых. Построив все это, Худояр переселился из старой урды в новую»[168].

Согласно сведениям автора «Тарихи джахан-намаи», место урды выбиралось на совете с участием опытных людей перед походом хана на Ташкент. «Мастера, овладевшие искусством Моне[169], придя на помощь, сейчас же приступили к подготовке земли под здание и его украшению». В проекте плана этого здания, отделанного гипсом, наметили место для ворот, арки главного входа, портала, место для тронного зала, место для казны и хранилища сокровищ, помещения для музыкантов, кухни, конюшни и т. д.[170] За особыми стенами, в западной части урды, находилась внутренняя (женская) половина, вокруг урды построены были казармы и расположен был тенистый сад с двумя прудами. Все это окружили высокими стенами[171]. Урду построили в 1286 г. х.[172] Окончание ее строительства было отмечено большим тоем[173].

Ханская урда была наилучшим зданием, построенным в конце правления кокандских ханов, в период известного оживления архитектурного строительства в Средней Азии (после серьезного его упадка в конце XVII—XVIII вв.), однако еще далеко отставшего от наиболее развитого его периода в средние века. Поэтому урда как лучшее создание эпохи в области архитектуры в Фергане так восхвалялась местными авторами. На самом же деле она была относительно скромна. «Возведенная на прежней насыпи постройка эта,— писал один из русских авторов,— сделанная местными мастерами-сартами, имеет обыкновенный вид восточной архитектуры, блещущей яркими красками изразцов, пестрыми рисунками на стенах, стройными минаретами и в то же время внутри сохранившей всю простоту и неказистость глинобитных строений.

Нельзя не заметить, что расчетливость хана ограничивалась украшением только одной стороны, тогда как остальные голы и безобразны. Внутренние покои были малы и неуютны»[174]. Однако приемная половина и главный фасад представляли довольно внушительный вид. Изразцовые плиты и тонкая резьба украшали ханский двор, что привлекало внимание людей и высоко оценивалось в тогдашней русской литературе. «Коканская урда,— писал один из авторов,— построенная Алимкулом (он, видимо, возглавил строительство.— *Р. Н.*), представляет прочное, довольно высокое строение из жженого кирпича, расположенное на небольшом насыпном холме. К главным воротам, отличающимся необыкновенно искусною и красивою резьбою по дереву, ведет пологая каменная лестница. Вся внутренность урды обстроена саклями, занятыми двором хана»[175].

Некоторые комнаты урды были обставлены европейской мебелью, выписанной ханом из России, —зеркалами, столами, креслами и др.[176]

Видимо, все более тревожное положение в стране, крайняя непопулярность Худояр-хана, непрочность его власти, постоянный страх заставили его построить новую урду не только как место пребывания ханского дома, место приема, но и как крепость, охраняющую хана от разоренных и враждебных ему народных масс, а также от внутренних, настроенных против хана феодальных группировок. «Урда,— писал один из авторов,— есть укрепление, построенное отнюдь не для защиты города, а для личной защиты хана, который, опираясь на нее и на преданных сарбазов, может безнаказанно предаваться всем неистовствам деспотизма. Но, несмотря на эти меры, принимаемые азиатскими повелителями, жизнь их далеко не находится в безопасности, что доказывается историей среднеазиатских государств, представляющей непрерывный ряд убийств и заговоров против власти. Ханы понимают это и принимают все меры для ограждения своей особы. У главных ворот урды стоит караул из сарбазов, от которых ночью выставляются часовые, обязанные всю ночь, не переставая ни на одну минуту, наигрывать на свирели. Для обороны особы хана назначается особое лицо из самих приближенных. В настоящее время эту обязанность исполняет начальник пехоты и артиллерии некто Атабек, обязанный несколько раз в течение ночи обойти урду дозором, да и сам хан редкую ночь не исполняет того же самого»[177].

М. Алибеков писал о месте и причинах возведения новой урды следующее: «Грустные воспоминания, угнетающие хана в старой урде, где были зарезаны отец и брат, побудили его выстроить новый дворец на том самом месте, где некогда находилась богатая с золотым куполом урда Мадали-хана, разрушенная до основания бухарским эмиром»[178]. При всем этом нельзя не отметить многих неудобств двора, что отчасти заметили тогдашние авторы. Например, отсутствие во дворце бани, в связи с чем хан ездил мыться в одну из городских бань.

Для ханов и виднейших представителей феодальной верхушки строительство медресе превратилось в традицию, что делалось в целях поднятия их авторитета и популярности среди духовенства, являвшегося вернейшей опорой ханского престола. По словам автора «Таснифи Гариб», из кокандских ханов и членов ханского дома построили медресе Умар-хан, Мухаммадали-хан, Худояр-хан, Султан Мурад-бек, Махлар-айим (Надира), «но Саид Малла-хан, мученик за веру, в свое правление не успел построить в Коканде большого медресе»[179]. Этим автор как бы подчеркивал, что строительство медресе создавало славу ханам и их потомкам.

Строительство Худояр-ханом медресе в районе старой урды началось на девятом году его правления и окончилось через год[180] (однако это, по-видимому, было не так, потому что вакфы назначены были еще в 1267 г. х.). В том же году ремонтировалась (источники пишут о строительстве) Дахмаи-шахан — усыпальница кокандских ханов. Согласно сведениям автора «Тарихи джадидаи Тошканд», Худояр-хан построил медресе из жженого кирпича с изразцовым оформлением, назвав его «Медресеи-олий» (медресе Его Величества). Все строительство осуществлялось по совету Мусульманкула[181]. По данным некоторых русских обозревателей, ссылавшихся на сообщения самих кокандцев, в главной ханской школе (медресе) училось до 1000 человек[182].

Худояр построил в 1286 г. х.[183] в честь своей матери еще одно медресе. Все местные источники утверждают, что строительство было осуществлено ханом по завещанию самой матери — весьма влиятельной Хаким-айим — на восточной стороне соборной мечети. В вакф-наме медресе Султана Мурад-бека указывалось точное место основания медресе: около соборной мечети в середине массового базара столицы[184]. Медресе, очевидно, было непрочным, так как еще тогда, в XIX в., при жизни некоторых авторов, оставивших о нем сведения, появились на его здании трещины. «Потом в Коканде [Худояр-хан] построил медресе,— писал один из авторов,—и назвал его именем своей матери. Ввиду малого израсходования денег здание построенного им медресе сразу дало трещины»[185].

По приказу Худояр-хана в течение двух лет, в 1271—1273 г. х., капитально была отремонтирована соборная мечеть Умар-хана, построенная в 1231 г. При Худояр-хане уже почти был разрушен айван этой мечети, который по приказанию хана был снесен и вместо него построен новый[186]. Согласно сообщению Мирзы Алима, новый айван был лучше старого[187]. Этот же автор свидетельствует о том, что строительные работы осуществлялись на средства двухлетних поступлений от вакфа мечети[188].

При Худояре в 1282 г. х. было осуществлено строительство загородной соборной мечети («مسجد عيد گاه») в сел. Каландархана (речь идет о двукратном расширении помещения, переделке и капитальном ремонте здания двух прежних ханов)[189].

В Коканде в 1291 (1874—1875) г. брат Худояр-хана Султан Мурад-бек, правитель Маргилана, построил медресе. Есть сведения, что еще в 1288 г. х. отпускались разные строительные материалы для возведения этого медресе, они посылались из Маргилана[190]. Медресе было построено против «Медресеи-олия», и вложены были большие средства для возведения фундамента здания[191]. В вакф-наме этого медресе написано, что Султан Мурад-бек построил «в столичном городе напротив медресе покойной и прощенной Хаким-айим, под управлением родного брата [Худояра], новое, крепкое и высокое медресе»[192]. Это двухэтажное медресе было воздвигнуто на месте урды Нарбута-хана[193].

Султан Мурад-бек построил в Коканде, в квартале Кадамжой, около царского склепа (Шерали-хана, т. е. своего отца) карыхану (дом чтецов Корана), размер которой был довольно большой[194].

Из материалов архива видно, что в последнее правление Худояра им и маргиланским беком, кроме указанных объектов, строились еще ханаки, осуществлялось строительство ряда объектов в Чимионе, Ассаке, Водиле, Аввале, были построены урды в селениях Алты-арык, Джуке, крепость и урда в Кара-тепе, стена вокруг Яр-мазара, мечеть в маргиланской урде, бани, мечети и урды царевичей, базары, сараи.

лавки, мастерские, амбары, мельницы, водяные крупорушки и т. д.[195]. Интенсивно занимались строительством в своих интересах и все члены ханского дома. Значительный материал этого архива, в том числе и уже названные документы, выданные для отпуска различного строительного материала (жженого кирпича, разного лесоматериала, камыша, мела, гипса, различных красок, гвоздей, металлических деталей), инструментов и посуды, необходимых в процессе строительства, свидетельствуют о большом размахе строительных работ. Для этой цели мобилизовывалось много людей, а также самые лучшие мастера. Для строительства урды в Водиле сын маргиланского бека Саид Мухаммадали Акбар-бек требовал от Бахти Мухаммада-курбаши прислать 10 «способных каменщиков»[196]. Мобилизация мастеров происходила часто в срочном порядке: мастер был вынужден прервать любую другую работу и отправиться на выполнение ханского задания пусть даже на невыгодных для него условиях[197].

По словам автора, описавшего домашнюю жизнь Худояра, его урды имелись «на всех привалах»[198]. Многие из них находились на ханских землях или вблизи них. Вокруг урд возникали замечательные сады, обработанные земельные угодья. Эти урды служили не только для ночлега во время проезда и охоты хана и членов его дома, как об этом писали авторы, но, по нашему глубокому убеждению, правящая верхушка при необходимости, особенно в период острых ситуаций, появлялась в своих владениях, находящихся на этой территории. Это, несомненно, должно было наводить страх на жестоко эксплуатируемые и разоряемые ханом трудящиеся массы.

На нужды строительства хана и членов его дома отпускались деньги от поступления хараджа и потанабного сбора. О затрате значительных средств на строительство свидетельствует сумма расходов по одному строительному объекту, во главе которого стояли Уста Мухаммад Карим и Мулла Ходжи Фарук. К сожалению, название объекта не приводится, указывается лишь, что это было новое законченное строительство (табл. 3)[199].

Эти около трех тысяч тилля, ушедшие на строительство только одного, быть может, не очень большого здания, отпущены были начальникам строительства ханскими саркарами из казны.

Как отмечено выше, для ведения довольно интенсивных строительных работ было организовано в хозяйствах хана и бека производство строительного материала, особенного такого, как кирпич, гипс, мел, известь, металлические детали, некоторые деревянные изделия и т. д.

В одном из документов (дафтаров) архива кокандского хана даются расходы на производство кирпича в малом хумдане (печи) хана (табл. 4). Хумданы разделялись на три категории: большие, средние и малые. В одном из больших хумданов в один обжиг изготовляли 35 тыс. кирпичей, а в малом — до 9 и 10 тыс.[200]

Несмотря на использование дешевой рабочей силы, изготовление сырцового кирпича обходилось довольно дорого. Это было связано с примитивностью самого производства.

Работа в ханских хумданах организовывалась саркарами не только путем найма мардикаров и мастеров, но и передачей отдельных работ, а иногда всего обжига в руки подрядчиков. Например, в одном документе записано: «Оценивая четыре хумдана, выдали Уста Хайиту 15 тилля»[201]. Кроме того, арендатору Уста Хайиту выдали халат, пару сапог и брюки[202]. Помимо этого, была оплачена стоимость инвентаря: сеток, носилок, кетменей, кувшинов, веревки, грубой хлопчатобумажной ткани (كرباس) и т. д.[203]

Документы убедительно свидетельствуют о том, что изготовленный жженый кирпич отправлялся на ханское строительство, в частности, на строительство внутренней урды, сада, помещения для казны, мечети, лавок, тупханы, дарвазаханы, сарбазханы, конюшен, курханы, голубятни (в урде), амбара и т. д.[204] Кирпич получали ханские начальники: пятидесятник Зикрия Мухаммад, Муса-саркар, Наиб-тура, Исмаил Махмуд, Мирза Алим-бай, Уста Абдурашид и др.

Таблица 3

Материалы и другие показатели	Количество	Сумма
Лесоматериал (потолочные балки, перекладины, арча, жерди, ворота, рамы, материал для настилки)	—	891,25 тилля
Зарплата рабочих (мардикаров)-строителей	7 000 чел.	7 361 теньга
Арбы	—	106 тилля
Гипс	—	99 „
Жженый кирпич	90 880 шт.	204 „
Сырцовый кирпич	—	50 теньга
Зарплата плотников (18 чел.) и их учеников (3 чел.)	21 чел.	280 тилля
Зарплата каменщиков (8 чел.) и их учеников (2 чел.)	10 чел.	280 „
Зарплата мастеров по изготовлению окон (3 чел.) и решеток (5 чел.)	8 чел.	92 „
Зарплата мастеров (наккашов), разрисовывающих помещения	—	80 „
Другие мелкие расходы (на питание мастеров и рабочих, на берданы, циновки, цепи, кетмени и носилки)	—	544 „
Всего	—	2576,25 тилля 7 366 теньга

Строительство всевозможных объектов снабжалось различными красками для разноцветной их отделки. Например, в одной пате, выданной в 1282 г. х. маргиланским беком на имя распределителя его имущества Бахти Мухаммада-курбаши, приказывалось отпустить для строительства внутреннего двора одиннадцать разноцветных красок: шафран (زعفر), зеленую (سبز), ляпис-лазурь (لاجورد), желто-зеленую (زنگار), белила (اوفا), киноварь (شنگرف), позолоту (حل), красноватую (جوشه) и др.[205]

Видимо, в Коканде, практиковалась ганчевая отделка (резьба) на зеркале, ибо в одном из документов приказывалось отпустить гипс «для зеркального дома»[206]. Быть может, речь идет о домах со стеклянными окнами.

Здания религиозно-культового назначения имели вакуфные имущества. Так, например, в вакф-наме медресе Султан Мурад-бека говорилось, что Худояр, построив медресе Хаким-айим, проявил заботу о передаче ряда местностей в вакф[207]. Согласно сведениям Мирзы Алима, Худояр-хан «провел канал из Сырдарьи, выше Шахрихана, и отдал его харадж в вакф в пользу медресе Хаким-айим»[208]. Строительство большого, высокохудожественно оформленного айвана кокандской соборной мечети и в целом его ремонт были осуществлены, как мы уже говорили, за счет двулетних доходов с вакфа этой мечети[209]. Здесь же были построены дахма (склеп) и школа, которым Худояр выделил в 1290 г. х. вакф. То же можно сказать о построенной в последнее прав-

ление Худояра соборной мечети в Ассаке, которая была Худояром обеспечена значительными вакуфными землями и лавками[210].

Нам известно, что в 1267 (1850—1851) г. Худояром были выделены вакфы для ханских медресе в г. Коканде — Медресеи-олий и Баланд-медресе, находящихся рядом. Худояром была построена карыхана над могилой шейхулислама Абдулатифа-ходжи, в махалле Шайхан г. Коканда, и в 1265 (1848—1849) г. выделены им же вакфы. Худояр сделал многочисленные вакфы не только столичным, т. е. кокандским, постройкам, но и отдал в вакфы имущество ряду объектов провинциальных городов и кишлаков. Например, он сделал в 1279 (1862—1863) г. вакф для медресе и ханаки, построенных шейхулисламом Маруфхан-турой в Намангане, в махалле Сардоба. Он сделал вакф в пользу построенного им медресе в Ассаке. Худояром в 1291 (1874—1875) г. было построено медресе в сел. Шах-Абад. Руководил строительством небезызвестный

Таблица 4 *

Показатели	Сумма, в теньга
Очищение хумдана от золы	2
Плата за труд трем мардикарам (видимо, для подготовки печи)	4
Питание для них	1
Саман	1
Переброска 10 тыс. сырцовых кирпичей к хумдану	10
Закладка этих кирпичей в хумдан (3 рабочими в течение нескольких дней)	10
Питание этим рабочим	3
Плата истопникам («آتش انداز ان»)	16
Питание для них	5
Плата мастерам	20
Питание для них	3
Снятие крышки печи («سرپوش گرفتن»)	1
Всего	76 теньга плюс затраты на 75 арбдров

* ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2311.

Иса Авлия. Ханом были выделены земельные угодья в вакфы для этого медресе. В 1280 (1863—1864) г. Султан Саид-хан, сын Малла-хана, в период своего короткого правления сделал вакфы для медресе своего отца. Худояр-хан, разрушив это медресе, на его месте построил базар, а вакф передал мазару Джамаш-бия.

Худояр-ханом было построено медресе с соборной мечетью в г. Чусте. Нет сомнения в том, что медресе было наделено вакфами самим ханом (документов, подтверждающих это, нет). Кроме того, этому медресе в 1291 г. х. группа людей (8 человек) сделала вакф. Через некоторое время в 1301 (1883—1884) г., уже при царизме, сделал вакф этому объекту еще и Мулла Азим-бай, сын Халдар-бая.

Не только сам хан, но и члены его дома, по крайней мере крупные из них, обращали в вакф значительное имущество. Нам известны, например, кроме вакфов двух крупных учреждений Султана Мурад-бека, вакфы Насриддин-бека. Насриддином были построены в Андижане на городской базарной площади карыхана, соборная мечеть и медресе.

Все они наделены были самим Насриддином вакфами. Вакфы карыханы были освобождены Худояром от налогов.

Хан и члены его дома наделяли вакфами не только религиозные учреждения (медресе, соборные мечети, карыханы, тахаратханы, мавзолеи, мазары, мечети и др.), но и отдельных представителей духовенства, постоянных чтецов Корана над могилами своих родных и близких. Так, например, Худояр-хан в 1274 (1857—1858) г. наделил вакфами чтецов Корана (Кары- и Салават-ханов) около дахмы, находящейся на большом кладбище в кокандском городском квартале Нанвоён[211].

Какими большими вакфами владели некоторые из этих учреждений, видно из вакфов медресе и карыханы Султан Мурад-бека. В вакф-наме медресе написано следующее: «В округе, подчиненном Маргилану, с позволения Его Величества проведен один канал в Ошском вилайяте, один канал в селении Минг-тепе [и еще] один канал в местности Факана-чап, на которые были использованы накопления благодаря богу и большие богатства Его Величества. Проведение указанных каналов превратило пустопорожние, бесплодные, трудные для производства зерна местности в годные для земледелия и достойные для хлебопашества. Местностями, принадлежавшими селению Багдад-кишлак, которое относится к числу столичных сел, овладели и прибрали [их] к своим рукам как дар Его Величества прибежища мира. И [сделал вакфом] полностью два сарая, содержащих кельи и находящихся на публичном базаре Маргилана, вместе с принадлежавшими базару деревянными лавками[212], а также лавки в указанной столице, находящиеся с трех сторон данного медресе (т. е. медресе Султан Мурад-бека), построив их на затраченное свое чистое (обеленное) состояние и собственное имущество и которые категорически утвердил в месяце зулкади 1291 г.»[213]

Мутаваллием всех этих вакфов был сам Султан Мурад-бек, которому принадлежала $^1/_{10}$ часть доходов вакфа, половину которых он брал себе.

Судя по земельным участкам, орошаемым указанными каналами, последние были немаленькими. Например, канал, проведенный в Ошском вилайяте, протекал между Ошем и крепостью Моду и орошал пять участков земли («جفت») , считавшихся вакфами медресе. Размер четвертого участка приблизительно определялся в 1000 джуфтов, а пятого — в 800 джуфтов. Земли же, орошаемые водою факана-чапского арыка, отданного беком в вакф медресе и состоящего из двух частей, потребляли 400 чайриков семян для посева зерна. Что касается упомянутого в документе сел. Багдад-кишлак, то этот вакуфный участок охватывал, кроме указанного кишлака, еще селения Беги-шамол и Мирза-Абад. Этот земельный участок находился между селениями Караул-тепе и дорогой под названием «Дорога сетут» — местность, принадлежавшая кокандскому округу. Длина этого вакуфного участка равнялась половине, а ширина — четверти фарсаха.

Видно, какими обширными вакуфными землями и многочисленными вакуфными торговыми объектами обеспечено было медресе. Строительство этих объектов было осуществлено, как указывается в документе, «на затраченное беком свое чистое (обеленное) состояние и собственное имущество»[214]. Это свидетельствует об огромном личном состоянии бека.

Султан Мурад-бек обеспечил вакфом и второе свое значительное учреждение в Коканде — карыхану, построенную им в честь предков около их склепа. Судя по объему здания, в нем находились сотни чтецов Корана. Согласно переутвержденному в 1289 г. х. вакф-наме, дахма имела следующие вакфы:

1) крупный сарай на публичном рынке Коканда с относящимися к нему лавками;

2) ряд участков, как орошаемых, так и богарных, в районе Кувы, в селениях Чаукан и Султан-Абад;

3) земли с двумя садами в Коканде в квартале Идрискули-бека;

4) рисовые поля в Кокандском округе в сел. Курбана-мергена, окружности которых равнялись 1436 гязам, и засевалось здесь 9,5 чайриков семян риса;

5) участки и рисовые плантации в сел. Нау-бахар в Кокандском округе;

6) маленький сарай на Кокандском базаре;

7) многочисленные лавки;

8) отдельные комнаты и т. д.

В вакуфной грамоте указывалась стоимость некоторого недвижимого имущества, приобретенного беком-вакфодателем. Участок земли в Куве приобретен Султаном Мурад-беком в 1284 г. х. за 150 мискалов (кокандских золотников). Другой участок земли в Куве приобретен беком в 1281 г. х. за 116½ тилля 3 теньга (милки зархарид). Еще один участок приобретен беком в 1282 г. х. за 100 мискалов. Один из садов размером около 3 танабов в квартале Ирискули-бий (видимо, тот же квартал Идрискули-бека) приобретен в 1264 г. х. за 40 тилля. Участок земли в кокандском сел. Нау-бахар приобретен в 1288 г. х. за 30 тилля. Другой участок земли в том же селении приобретен в 1280 г. х. за 28 тилля. Малый сарай на кокандском базаре и ряд лавок были приобретены беком в 1288 г. х. за 108 тилля. Три комнаты (худжры) приобретены беком в 1287 г. х. за 200 тилля. Три лавки, находящиеся около закятхана в Коканде, приобретены в 1287 г. х. за 140 тилля.

Кроме того, в документе упоминаются две лавки в парфюмерно-галантерейном ряду и 20 лавок в ряду торговцев тарелками («دربازار طبق فروشی»)[215].

Таким образом, в течение 7—8 лет братом хана маргиланским беком было приобретено для отдачи в вакф только одного небольшого объекта — дахмы с карыханой — недвижимое имущество (земли, сараи, лавки) за 250 золотников и более 662 тилля, кроме стоимости 22 лавок и некоторых других объектов, стоимость которых не указывается.

В вакуфной грамоте подчеркивалось, что эти объекты являлись до перехода в вакф собственностью самого вакфодателя. Это подчеркивается в документе следующими словами: «Указанные почтенные объекты он законно и окончательно купил поразделью от их собственников, превратив их в свою собственность, и признал их вакфом для чтецов Корана — обитателей келей склепа над могилой покойного Саидмухаммада Шерали Бахадура»[216].

Около этой дахмы Султан Мурад-бек построил указанную карыхану и отдал в ее вакф следующее собственное имущество, оставшееся от матери: сарай с окружающими его лавками, ряд участков земли в местности Ганджи-раван, принадлежавшей Кокандскому округу.

Приведенные данные характеризуют вакуфное хозяйство крупного учреждения, управление которым оставалось в руках самого вакфодателя-бека.

1. В связи с развитием товарно-денежных отношений, ростом внутренней и караванной торговли с соседними странами на территории Кокандского ханства наблюдается оживление городской жизни. Исторические источники свидетельствуют о том, что степень развития товарно-денежных отношений в 60—70-е годы была значительно выше,

чем в начале XIX в. В крупных ферганских городах появились тысячи лавок и караван-сараев. Кокандский базар во всех отношениях занимал второе место в Средней Азии после бухарского. Города Маргилан, Андижан, Наманган в конце правления Худояр-хана славились относительно высоким уровнем торговли. В Маргилане насчитывалось 2246 одних только лавок.

2. Худояр-хан и члены его дома концентрировали в своих руках бóльшую часть внешней и внутренней торговли, имели множество торговых учреждений — тысячи лавок, десятки караван-сараев; они построили в городах и крупных селениях различные торговые объекты — торговые ряды, многочисленные лавки, караван-сараи и т. д. О размахе строительства хана в этой области свидетельствует построенный в 1856—1857 гг. в Коканде торговый ряд по продаже ситца, состоявший из 250 лавок. В Коканде хан имел около 600 лавок и половину всех караван-сараев, а в Маргилане около 500 лавок считались государственными, что свидетельствует о степени концентрации торговых учреждений.

3. Торговые учреждения хана отдавались в аренду мелким купцам и ремесленникам. Условия аренды, особенно для ремесленников, были тяжелыми. По-видимому, невыгодность аренды и заставляла ханских чиновников искать арендаторов, могущих обеспечить постоянные арендные условия. Нам кажется, что дело доходило в отдельных случаях до насильственного заселения ремесленных лавок мастерами. В аренду отдавались весы, скотные базары и базарные площади, вплоть до определенных мест, занимаемых на базаре продавцами, за что взимался «так джой».

Ханский дом использовал все пути возможного получения доходов. Его представители полностью контролировали внешнюю и внутреннюю торговлю, поэтому имели возможность приобретать любые продукты и нравившиеся им товары, перепродавая их затем по повышенной цене.

4. В условиях значительного развития ростовщичества в ханстве Худояр и члены его дома занимались им наряду с личным участием во всех других торговых обменах. Хан отдавал значительные суммы, в том числе государственные (для него не существовало разницы между государственным и собственным), купцам и получал большие проценты (в среднем 20%).

5. Худояр-хан и члены его дома владели ремесленными предприятиями: производством всех существовавших видов военного снаряжения, пороха, предприятиями по изготовлению предметов украшения, домашнего обихода, одежды, строительных материалов и т. д. Производство военных и других материалов было расчленено на отдельные предприятия (кар-ханы), некоторые из них в последние годы существования ханства начали называться словом «завод». Известны пушколитейные мастерские, мастерские по изготовлению пушечных ядер, копей, по ремонту ружей, по чугунолитейному, а также кузнечному делу, мастерские по производству бархата, шелковых, суконных и хлопчатобумажных тканей, ювелирных изделий, швейные, красильные, обувные, каменотесные мастерские, мастерские по изготовлению зеркал или стекла, спичек, бумаги, предприятия по производству стройматериалов, в частности кирпича, гипса, мела и т. д. В ведении хана находился монетный двор.

Ханские промышленные предприятия имели приусадебные участки. Строительство предприятий и производство товаров полностью обеспечивалось материалами, сырьем, инструментами. Рабочим и мастерам во время работы отпускались продукты питания, животные обеспечива-

лись фуражом. Все это, видимо, в счет получаемого жалования в размере одной теньга квалифицированным рабочим и две теньга знатным мастерам, занятым в военном производстве, а может быть, на других предприятиях. Лучшие мастера страны работали на предприятиях хана и беков. Некоторые ханские предприятия, в частности ткацкие, производили продукцию не только для обеспечения двора и армии, но и для рынка.

6. В руках хана были сконцентрированы незначительные разработки горных богатств: серы и селитры, из которых изготовлялся на ханском «заводе» порох; хан пытался добывать золото, серебряные руды, свинец, залегающие в северных и восточных районах ханства.

В 70-х годах в связи с появлением в хозяйствах керосиновых ламп растет значение нефти, которая была необходима как для самой Ферганы, так и для вывоза в Ташкент. Это усилило интерес хана к добыче этого ценного продукта, прежде всего в целях получения большого дохода. В середине 70-х годов в Ферганской долине стало известно 6—7 пунктов, в которых на поверхности земли появилась нефть. Нефть добывали на Май-булаке, на правом берегу Карадарьи, напротив сел. Айим, в районе сел. Чимион. Добыча нефти и ее обработка были монополией хана. Некоторые источники были отданы русским промышленникам в концессию.

Кроме указанных, в Ферганской долине добывались в незначительном количестве и другие полезные ископаемые.

7. Ханом и членами ханского дома в рассматриваемое время в Коканде и других городах и селах ханства осуществлялось строительство большого количества крупных объектов — ирригационных, торгово-ремесленных учреждений, садов, дворцов и многочисленных помещений хозяйственного назначения; строились в Коканде новая урда, медресе (Медресеи-олий, Баланд-медресе, медресе Хаким Ойима, Султан Мурад-бека). Производились капитальный ремонт Дахмаи-шахана, соборной мечети, строилась загородная соборная мечеть, карыханы, ханаки и т. д. Все эти многочисленные объекты обеспечивались стройматериалами, инструментами, рабочей силой. На это мобилизованы были десятки тысяч мардикаров и хашарчи, тысячи повозок, самые лучшие мастера страны. Довольно широкий размах строительства осуществлялся в 60—70-х годах на небольшой территории (Центральной и Восточной Ферганы) некогда относительно сильного государства трудом разоренных, обнищавших народных масс.

В архитектурно-художественном и техническом отношениях построенные здания, даже наилучшие из них, не могли выдержать конкуренции не только с величественными объектами средних веков, но даже со зданиями Хивы и Бухары той эпохи. Однако они имели свои некоторые местные специфические черты. В здания, построенные в последние годы правления Худояр-хана, проникают элементы европейской архитектуры, появляются в них и предметы европейской мебели.

Религиозно-культовые здания, построенные ханом и членами его дома, были наделены в отдельных случаях большими вакфами. О размерах и видах этих вакфов свидетельствуют вакфы медресе Султан Мурад-бека.

Глава VI

УПРАВЛЕНИЕ ХАНСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

В исторической литературе известно, что в эпоху феодализма в Средней Азии имелась определенная система управления крупными земельными угодьями и торгово-ремесленными предприятиями. Земельные владения крупных феодалов, находясь в различных областях и районах страны, управлялись лицами, подотчетными земельному собственнику или владельцу. Во главе городских предприятий стояли в большинстве случаев наиболее преданные хозяину мастера, хорошо владевшие своей профессией. На больших участках эти управители имели подчиненных.

Для примера можно привести структуру хозяйства одного из наиболее крупных феодалов средневековой Средней Азии — Ходжи Насриддина Убайдуллы, широко известного под именем Ходжа Ахрар (1403—1491)[1]. Каждый из 1300 земельных участков этого магната, дающих от 10 до 40 тыс. манов зерна, управлялся одним саркаром, в распоряжении которого в зависимости от размера участка были рядовые саркары и другие надзиратели. Так, земельные угодья Ходжи в районах Карши, Джизака и сел. Шираз управлялись назначенными землевладельцем отдельными лицами. Такое же управление наблюдалось и на ремесленных и торговых предприятиях Ходжи, в частности, на предприятиях по производству бумаги. «У того Хазрата всесвятого был один мастер по бумаге,— читаем в источнике,— по имени Имамаддин, от коего зависели все саркары по производству бумаги»[2].

Таким образом, «владения Ходжи Ахрара управлялись на основании определенного порядка: все земли делились на отдельные участки, каждым из которых заведовал назначенный Ходжой Ахраром человек, облеченный полным доверием хозяина и имевший право применять меры воздействия для подавления острых вспышек недовольства среди народа, в особенности дехканства. Человек этот представлял отчеты о полученных доходах. В случае, если он не мог вести дело, как следует, его смещали с должности. Эти управляющие были настоящими палачами и грабителями, обиравшими дехкан»[3].

Такая система управления крупными, многоотраслевыми феодальными хозяйствами, вероятно, господствовала на протяжении всего средневековья и в своей основе сохранилась и в рассматриваемый нами период.

Институт саркарства как феодальный институт широко был распространен и в Кокандском ханстве. Фигура саркара здесь играла ведущую роль как в аграрных, так и в промышленно-торговых отношениях

в исследуемое нами время. Саркары выступали в качестве крупных арендаторов, возглавляли сбор налогов, управление ремесленными предприятиями и крупными феодальными земельными угодьями, ведение феодалами скотоводства, строительные мероприятия правящей феодальной верхушки, мобилизацию населения и его материальных ресурсов на различные феодальные принудительные повинности. Они являлись одним из главных непосредственных высших звеньев в осуществлении производственных отношений между крупными феодалами, в том числе и правящими владетелями, и непосредственными производителями материальных благ. Презираемые трудовым населением страны саркары, аксакалы и амины кишлаков, городских кварталов и ремесленных предприятий, осуществлявшие жестокую эксплуатацию народных масс, безжалостно обиравшие и разорявшие трудящихся в пользу владетеля и не забывавшие ни на минуту о своей выгоде, довольно колоритно обрисованы в документальных и нарративных источниках.

Русские авторы середины XIX в. при изложении того или иного вопроса касались в известной степени и места саркаров в социально-экономической жизни общества. Однако они не могли дать исчерпывающей оценки всеохватывающей их роли.

Более всех о саркарах северных областей ханства, т. е. Ташкентской и Туркестанской, писал побывавший здесь в середине 60-х годов А. К. Гейнс. Он оставил следующие сведения о саркаре: «Сбором хараджа в Ташкенте заведует саркар, назначенный при Кокандском владычестве беком из числа самых почетных жителей Ташкента»[4]. 24 мираба и 24 арык-аксакала были в разной степени подчинены городскому саркару, который наблюдал за сбором хараджа от составления списков до его полного поступления в амбары бека.

Другой автор того периода писал о месте саркара в сборе хараджа в г. Туркестане. «Для сбора хараджа назначался беком саркар, которому помогал писарь. Эти лица во время снятия хлебов и огородных овощей записывали хозяев, количество снятого хлеба и овощей и отделяли количества, следующие в подать. Затем списки хозяев представлялись беку, и последний, доверяя, безусловно, саркару (назначенному преимущественно из любимцев бека), ограничивался распоряжением, чтобы исчисленный в списке сбор был свезен хозяином в хлебный амбар бека. При принятии и проверке хлеба присутствовал тот же саркар»[5].

Автор «Миротул-фтух» писал, что Азиз-парваначи в Ташкенте полностью захватил власть в свои руки над казахско-киргизскими племенами, городским населением и войском и ни грамма, ни фельса от хараджа, закята и других податей не давал местным правителям, саркарам и другим чиновникам[6]. Этот факт еще раз подчеркивает место саркара в сборе податей.

Саркар по распоряжению бека продавал на рынке в округах излишки хлебных и других запасов[7]. В Чимкенте и во всех шести его окрестных городах диванбеги, следившие «за сбором земледельческих продуктов, с которых полагалась подать», назначались саркаром и подчинялись ему. Во главе базара в Чимкенте стоял по существу тот же саркар, только называвшийся караванбаши или базарбаши[8]. Примером здесь могут служить уже использованные нами в данной работе сведения автора «Таснифи Гариб», который сообщал о взятии в аренду весов на всех больших базарах и ответственности за это саркаров с секретарями.

«Кроме сбора податей,— писал А. К. Гейнс,— саркар заведует в Чимкенте спорными делами по арыкам, как этого города, так и всех

окрестных шести городов. Таким образом, если между городскими жителями возникают поземельные споры (т. е. споры о земле и воде), он должен разобрать их. Точно также он обязан разбирать жалобы на арык-аксакала, если последнего будут обвинять в неправильном распределении воды. Если жители, спорящие о земле или воде, будут, впрочем, недовольны решением саркара, они имеют право обращаться к казы»[9]. В Чимкенте даже жребии, раздаваемые владельцам воловых кошей для получения городских земель, составлялись арык-аксакалами в присутствии городского аксакала и саркара[10].

Саркары назначались наряду с хакимами (городскими правителями) и в городах Ферганской долины. По свидетельству автора «Таснифи Гариб», Ибрагим-хаял, временный наместник Ферганы, ставленник бухарского эмира Насруллы, назначил в города только что ликвидированного Кокандского ханства (в 1842 г.) правителей и «искусных саркаров»[11]. Столичный город Коканд тоже имел своего саркара. Как отмечено было выше, один из очередных саркаров Сафар-бай послал в 1851 г. людей для добычи золота в долину р. Касан. Должность крупных придворных городских саркаров считалась одной из высших должностей в ханстве. Господствовавшие в определенные периоды в государстве феодальные круги и группы захватывали «высшие должности — ата-бека, саркара» и др.[12]

В ярлыках и других документах хан часто обращался к саркарам. Например, Худояр-хан в предписании об оказании всяческой помощи во время путешествия по Кокандскому ханству в 1871 г. А. П. Федченко писал: «Правителям, аминам, саркарам и другим начальствующим лицам округов»...[13] Саркары в бекствах играли немалую роль: они являлись ближайшими советниками беков и выполняли зачастую важные поручения. Так, ташкентский мирзабаши, отправленный в Коканд на суд как человек, замешанный в заговоре против кипчаков, донес главе кипчаков Мусульманкулу о том, что ташкентский кушбеги и два саркара принимали от него тартуг (подарок) в казну и утаили значительную часть в свою пользу[14]. Когда русские пленные Милюшин и Батарышкин бежали из Коканда и были пойманы в Аулие-Ате и привезены в Ташкент, то на приеме у кушбеги один саркар, присутствовавший при этом, советовал их убить[15].

Ханы и беки в целях правительственного надзора за своевременным и полным поступлением податей держали в кишлаках и в различных местностях наряду с аминами и аксакалами саркаров. Имеются данные о поступлении одного барана в виде подарка правителю «от яр-мазарского саркара и имама»[16], выдаче кисеи саркару селения Кубы (Кувы) Бабаджан-баю саркару[17]. Сведения автора «Таснифи Гариб» о первых мероприятиях царских властей в Новом Маргилане также свидетельствуют о содержании ханами саркаров в кишлаках. Он писал: «После своего прихода [к власти] генерал Абрамов построил город Новый Маргилан. Прежде всего, стремясь благоустроить город, он разбил его на чеки и отдал русским и мусульманам. Однако начальник этого уезда Бекчурин, раньше всего разыскав списки (дафтары) времени Султан Мурад-бека, а также собрав мирз и саркаров, служивших тогда людей, послал землемеров (танабкашов), которые законно отмеривали земли и вносили в тетрадь. В каждый кишлак послал он также и саркара, назначив его на эту должность, каждому из которых дал по одному мирзе, которые собирали пятину — харадж.... А потом, харадж пересчитав на фунты, издал приказ о собирании его деньгами... [Однако] через некоторое время распустил этих чиновников»[18].

Отсюда ясно, что царские власти, сохранив на первых порах после завоевания старые ханские порядки, использовали в кишлаках и саркаров.

На ремесленные предприятия хана и беков назначались саркары из числа наиболее известных и опытных мастеров той профессии, которая была представлена в данной мастерской. Эти незаурядные мастера из числа зажиточных ремесленников, стоя во главе производства, были непосредственно ответственными лицами перед владетелями предприятия или мастерской. О двух таких мастерах-саркарах, долго возглавлявших два предприятия хана, имеются сведения в «Таварихи Манзума». Один из них — Уста Баба-калон Худжанди, мастер серебряных дел, стоял во главе кокандского меняльного двора (умер в 1244 г. от чумы)[19]. О другом мастере-саркаре этот автор писал следующее: «Датой смерти Муллы Худояра Аструшаны — золотых дел мастера, который был превосходным в этом искусстве ремесла и бесподобным в профессии серебряных дел, жившего в городе Коканде, являющемся столицей Ферганского царства, и привязанного к нему, так как в период царства мученически погибшего Алим-хана, обитателя рая Омара Султана, до времени правления Мухаммадали-хана был он авторитетным саркаром — считается 1245 г.»[20]

На строительные объекты ханов и беков назначались саркары, которые возглавляли все строительные работы в качестве начальников строительства определенного объекта. Как было отмечено выше, в 1286 (1869—1870) г. Худояр, согласно завещанию матери, приказал построить медресе в ее честь на востоке от соборной мечети, саркаром при этом был назначен Мулла Турдыали-мирза. Говоря о ремонте и реставрации соборной мечети, Мирза Алим писал о передаче этого дела в руки сообразительного саркара[21]

Таким образом, Худояр-хан, как и его предшественники, а также беки в округах управляли своими земельными владениями, ремесленно-торговыми предприятиями, строительством оросительных объектов, торгово-ремесленных учреждений (предприятий, мастерских, лавок, сараев и др.), садово-парковых объектов, дворцов, различных служебных помещений, скотных дворов, религиозно-культовых учреждений (медресе, мечети, надгробные сооружения, мазары и др.), торговыми операциями, арендными делами непосредственно через саркаров. Институт саркарства был той дистанцией и той силой, посредством которой осуществлялась эксплуатация крестьян, ремесленников и других представителей городских и сельских низов. Саркар в хозяйстве хана и бека играл большую роль в решении всех вопросов.

Такую же роль играли саркары в хозяйствах других светских и духовных феодалов. Автор «Миротул-фтух» оставил нам следующие сведения о саркарах одного из известных потомков Ходжи Убайдуллы (Ходжи Ахрара) Султан-хана тюры Ахрари, жившего при дворе кокандских ханов в первой половине XIX в. и являвшегося, по словам этого автора, одной из крупных фигур эпохи и знатных людей века: «В отношении издержек и расходов, великодушия и щедрости жил он так просторно, что, кроме многочисленных поступлений от жалования и доходов от вознаграждения со стороны султанских саркаров и финансистов дивана по меньшей мере в сумму сто тысяч серебряных теньга, его саркары ежегодно оставались должниками в размере двух—трех десятков тысяч динаров от доходов наследственных ходжаахрарских вакфов и докладывали ему о положении дел»[22].

Изучение материалов, прежде всего архивных, относящихся как к собственным владениям хана и многочисленных членов ханского дома,

так и номинально считающихся государственными, показывает, что земли в виде больших участков и массивов, охватывающие ряд селений и местностей, в том числе сады, виноградники, площади под фруктовыми деревьями, бахчевыми культурами и целинные земли, управлялись непосредственно назначаемыми владельцем крупными саркарами, названными в ряде случаев саркарбаши (дословно — глава саркаров), т. е. старший саркар, или начальник саркаров. Эти участки были довольно большими, поэтому можно условно назвать их саркарствами.

В последний период правления Худояра при его дворе находились два инака. По словам русского очевидца, они занимались хараджными сборами в ханских кишлаках (хаслик кишлаков). В распоряжении каждого из них было от 40 до 50 крупных (с наличием базара) и мелких (безбазарных) кишлаков. Эти инаки заведовали продовольствием и содержали двор, ханский конвой с войском, в их ведении находились доходы с подведомственных кишлаков[23].

В самом конце правления Худояр-хана должности этих инаков занимали Ходжали-инак и Турсун Мухаммад-инак.

Во главе саркарств на службе у хана и беков, по свидетельству источников, находились наиболее опытные, жестокие, алчные, всецело преданные владельцу люди. Такими были, например, в правление Шерали-хана, Малла-хана, Худояра — Мухаммад Садык-саркар, после его смерти в конце правления Худояра — его сын Мулла Ишмухаммад-саркар, управлявшие удельными землями хана (в том числе и курука-ми) в Ер-мечети в Кокандском округе, которые, видимо, подчинялись одному из указанных инаков. Виднейшим представителем финансового и материального ведомства в Маргиланском бекстве был Бахти Мухаммад-курбаши, иногда называемый саркаром[24], который выполнял и обязанности старшего саркара. Он занимал в масштабе бекства такое же положение, как оба инака при хане[25]. Ввиду нахождения на территории, управляемой саркарами, различных видов земель саркары назывались населением по-разному. Например, Мухаммада Садыка-саркара также называли Мухаммад Садык-курукчибаши, Мухаммад Садык-кулбан и т. д.[26] В документах, обращенных к Мухаммаду Садыку-саркару, Худояр употреблял в отношении его такие слова: «Наш старый и искренний доброжелатель»[27]. Сын Садыка-саркара, обращаясь к нему, называл его «ценителем богатства столицы»[28]. Мухаммад Садык, кроме титула и должности саркара, имел еще звания мирахура и туксабы, видимо, присвоенные ему еще до назначения на должность ханского саркара столичной области. Преданность Мухаммада Садыка-саркара хану, доверие последнего к нему были настолько велики, что когда он был уже в преклонном возрасте и из-за болезни ног не мог двигаться, а тем более ездить на лошади, хан не освободил его от занимаемой должности, а саркар свои обязанности возложил на своего сына — Муллу Ишмухаммада, который возглавлял земледельческие дела[29]. Мухаммад Садык, как глава ханских саркаров в столичной области, в случае надобности периодически посещал хана. После болезни, не надеясь на выздоровление, он просил хана о назначении сына на его место. Несомненно, большинство саркаров назначалось из среды господствующего класса — землевладельцев, военных лиц, богатых ремесленников, купцов и т. д., т. е. «из людей влиятельных и богатых»[30]. В документах в отношении последнего саркара столицы, сына Мухаммада Садыка, употребляются слова «мулла» и даже в отдельных документах «ахунд»[31], что свидетельствует о принадлежности его к духовенству.

Главы саркаров были связаны непосредственно с владетелями (в Кокандском округе и в других саркарствах хана с ханом, а в остальных

ных округах с беками). Они и все другие крупные саркары, находившиеся в их подчинении, назначались самим ханом, а в округах еще и беками. Эти саркары имели свои печати[32]. Хан, беки и другие члены ханского дома по мере надобности по всем хозяйственным вопросам советовались с саркарами, направляли людей к ним на консультации для решения различных вопросов. А саркары, в том числе их главы, как правило, не имели права осуществлять какие-либо дела, даже мелкие, не доложив о них владельцу и не получив согласия последнего. Самовольные действия саркаров карались.

Крупные саркары были арендаторами основного дохода ханов и беков, поземельного налога-хараджа, в том числе и с ханских земель и кишлаков. «Инаки отдавали обыкновенно сборы в подведомственных им кишлаках от себя в аренду разным лицам и своим саркарам»[33]. Крупные районы хараджного сбора как в городских, так и в сельских местностях отдавались в аренду преимущественно постоянным арендаторам, среди которых в большинстве были саркары. Видимо, это практиковалось на территории Кокандского ханства издавна. Так, автор «Таснифи Гариб» писал: «В эпоху Мухаммадали-хана (1822—1842) он отдавал в аренду доходы каждого города саркарам»[34].

Мы выше уже называли имена саркаров, арендовавших хараджные сборы в ханстве в последний период его существования. Почти половина хараджных участков юго-восточных районов ханства арендовалась саркарами, а остальные — чиновниками, носившими другие титулы, но в то же время выполнявшими обязанности саркара.

В нашем распоряжении имеется документ (дафтар), содержащий фамилии 28 саркаров, ответственных за выращивание хлопка (гуза) в ряде селений и местностей ханства (прилож. 3*б*)[35].

В нем мы встречаем дважды имена — Мухаммад Юсуф-саркар и Мухаммад Халик-саркар. Поскольку они были саркарами разных селений, и каждый отдельно записан в дафтар, предполагаем, что они были разными людьми.

Остается неясным, отвечали ли эти саркары только за выращивание хлопка в указанных местностях, или же в их ведении находился также сбор хараджа. Можно полагать, что пока еще небольшие посевы хлопка принадлежали хану, и ответственность за них была возложена на специально назначенных саркаров. Возможен и такой вариант: поскольку с хлопковых посевов взимали танабану, как это мы видели выше, то сбор ее был поручен саркарам этих местностей, которые были заняты получением хараджа.

Доходы ханов и беков по хараджу, как отмечено было выше, определялись ими же и ими же назначались арендаторы-саркары. Владетель, назначая саркара в то или иное место, в своей грамоте предупреждал креетьян о беспрекословном подчинении саркарам-арендаторам, о том, чтобы без разрешения и в отсутствие саркара они ничего не брали из урожая. Приведем здесь один из характерных документов по Маргиланскому бекству — грамоту султана Мухаммада Мурад-бека о назначении саркара — арендатора хараджа ряда селений: «Да будет известным и понятным верным нам массам обитателей и всем жителям, аксакалам и подданным селений Лаган, Тамаша, Суппан, Валик, что, исходя из компетентности и способности Муллы Мухаммада Азима, мы его назначили Вам саркаром, и продукты — зерно (харадж.—*Р. Н.*) указанных местностей [в размере]: 1800 чайриков пшеницы, 250 чайриков шалы, 50 чайриков льна, 10 чайриков маша, 300 чайриков ячменя, 100 чайриков сар (джугары), 50 чайриков моркови и 1150 чайриков джугары — всего 3710 чайриков [хараджа] зерном определили в аренду

и отдали ему. Указанное лицо следует Вам признать своим саркаром, достойно уважать и почитать его, ничего — ни малейшего зерна не поднимать с земли без его внимания и не выходить из приказа, всех постановлений, заключающих в себе законные и исходящие из целесообразности для государства Его Величества требования. В месяце рабби-ул сани 1288 г.»[36]

Саркары, стоящие непосредственно во главе участка, как и саркары-арендаторы, наблюдали за ходом выращивания урожая на всех его этапах и особенно за периодом его сбора: без их указания никто, в том числе вырастивший урожай крестьянин, ни грамма зерна с поля не мог снять. После полного выделения саркаром доли владетеля только с его разрешения крестьянин, как уже писалось выше, мог использовать урожай для своих нужд. В период правления ханов, писал очевидец, «если вы занимались земледелием, [то в период сбора урожая] во главе хирмана оказывался сам [ханский] саркар и, обмеривая и подсчитывая, брал положенное»[37].

Ханские и бекские саркары, получив в аренду значительное количество продуктов в качестве хараджа, имели право сдать сбор его в аренду другим лицам целиком или по частям. Так, харадж сел. Авваль Маргиланского бекства за 1288 г. х. был отдан беком в аренду известному саркару Бахти Мухаммаду-курбаши следующими продуктами: пшеницы 1250 чайриков, шалы 200 чайриков, джугары 850 чайриков, моркови 150 чайриков, джугары-сар 220 чайриков, масличного льна 40 чайриков, маша 10 чайриков — всего 2720 чайриков. Приведя все эти конкретные цифры, бек в документе писал далее: «Это мы дали вам в аренду и требуем с Вас согласно арендному договору. Вы сами назначайте амлякдаром Ахун-бека амина, от которого и получайте требуемое. Решив в таком порядке, на Вас возложили. Считайте это непременным и решенным. 1288 г.»[38].

Здесь налицо форма передачи арендатором сборов хараджа в размере более 12 тыс. пудов зерна другому лицу — амлякдару. Вполне возможно, что первый арендатор отдает сбор хараджа второму лицу, состоящему также на службе и рекомендованному беком, назначив при этом более повышенные цифры.

Такой метод двукратной передачи земельного налога, т. е. от арендатора, непосредственно взявшего харадж в аренду из рук владетеля, к арендатору, непосредственно взимавшему харадж с крестьян, сидевших на хараджных землях, яснее представлен в следующих документах по Ер-мечети. Ходжа Али-мирахур саркар, ответственное лицо по хараджным поступлениям с Ер-мечети и ее окрестностей (кроме удельных владений хана), отдает харадж с этих мест за год «курицы» Мухаммаду Гафур-баю амлякдару, а за год «вафодор» (собаки) — Мулле Ишмухаммаду-амлякдару в аренду. Приведем содержание этих двух документов.

«Да будет известным аминам и аксакалам местности Ер-мечеть вместе с ее окрестностями, что продукты (харадж) ваших кишлаков со сдачи года «курицы» [в размере] 100 чайриков пшеницы, 365 чайриков джугары, 90 чайриков джугары-сар, 43 чайриков моркови и 2 чайриков маша — всего 600 чайриков зерна [39] выдали Мухаммаду Гафур-баю амлякдару в аренду. Теперь необходимо, считая его своим амлякдаром, достойно уважая и почитая его, не прикрыв и не спрятав малейшего зерна от своего хараджа, согласно действующему решению, сдавать его указанному амлякдару и в отношении земледельческих работ не выходить за пределы указания амлякдара, считая это решенным»[40].

Другой документ гласил: «Да будет известным аминам, аксакалам, дехканам и подданным местности Ер-мечеть вместе с ее окрестностями, что продукты (харадж) ваших кишлаков со сдачи года «вафодор» [в размере] 100 чайриков пшеницы, 300 чайриков джугары, 2 чайриков маша, 30 чайриков сар, 18 чайриков моркови — всего 450 чайриков зерна выдали Мулле Ишмухаммаду амлякдару в аренду. Теперь необходимо, считая его своим амлякдаром, достойно уважая и почитая его, не прикрывая и не пряча малейшего зерна из хараджа своего кишлака, согласно действующему решению, сдавать его указанному лицу. А также в отношении земледельческих работ, чистки арыка, проведения воды, не допуская уловок и снисходительности, подчиняйтесь словам и приказам амлякдара и не допускайте нарушения [приказа], считая это решенным»[41].

Можно предположить, что харадж одних и тех же кишлаков в 1290 г. х. был отдан в аренду одному лицу, а на следующий 1291 г. х.— другому, ибо названия кишлаков не указаны. Однако внимательное изучение этих двух документов приводит к выводу, что саркаром в аренду был сдан харадж разных кишлаков. В пользу этого говорят размеры хараджных продуктов, которые в течение одного года не могли сократиться на 150 чайриков зерна, т. е. на одну четвертую часть хараджного поступления.

Кроме того, во втором документе ясно написано «محصولات خراج قشلاق خودرا» («хараджный продукт своего кишлака»), чего нет в первом документе. Значит, в каждом случае речь идет об отдаче в аренду саркаром хараджа определенных кишлаков района Ер-мечеть.

Отдача хараджа разных кишлаков Ер-мечети в аренду подтверждается и третьим документом, в котором неизвестное лицо обращается к хану с просьбой передать ему в аренду харадж, ожидаемый с крестьян кишлаков Кызыл-муша, Сари-Асии, Ишан-баба, Киркларa, Ак-мечети и Амир-Абада, подчиняемых Ер-мечети, выдаваемый в размере 593 чайриков ханским чиновником Ходжи-инаком. Причем арендатор обещает, что если будет больше дохода, то он отдаст его в пользу государства[42].

Ясно, конечно, этот незначительный харадж не был взыскан со всех земель относительно благоустроенных столичных кишлаков, земля в которых была достаточно обработана. Основная масса земель здесь, как мы видели выше, принадлежала хану, как его удельное владение. Но в этом районе были, видимо, в незначительном размере и амляковые земли.

Эти данные убедительно доказывают, что более крупные саркары согласно их «компетентности и способности» («از روی صلاحیت و قابلیت»), получив в аренду уже определенный владетелем размер хараджа на амляковых землях или земельную ренту, а также харадж с ханских владений, при желании могли сами же передать его в целом или по частям в аренду другим лицам: мелким саркарам, аминам и другим чиновникам. Крестьяне обязаны были подчиняться не только старшим арендаторам-саркарам, но и непосредственным, они обязаны были выполнять все их распоряжения, приказы, поручения. Непосредственный арендатор строго наблюдал за ходом земледельческих работ, максимально мобилизуя производителя на получение лучшего урожая. Он руководил делами очистки каналов, проведением на поля мелких оросительных каналов и т. д. За малейшее возражение, проявление халатности крестьянин специально предупреждался.

Разорительность системы аренды-откупа очевидна, от нее максимальную выгоду получали саркары-арендаторы, по-своему осуществлявшие сельскохозяйственные дела, максимально используя крестьянский труд. Хан и беки получали без каких-либо хлопот уже заранее определенный размер хараджа. Первый арендатор, во многих случаях отдавая по частям харадж второму, получал полагавшуюся ему сумму, а непосредственный арендатор все, что мог, выжимал с крестьянина. Все действия непосредственного арендатора поддерживались во всех дистанциях вплоть до самого хана. Гнет этих саркаров доходил до того, что в отдельных случаях представители самой феодальной знати вынуждены были умерять ретивость саркаров. Так Саид Азим-тура обратился к ошскому старшему саркару хана Зикрии со следующим письмом: «Да будет засвидетельствовано в памяти знатного происхождения, проявляющий веру, выполняющий необходимые дела, почитаемый, уважаемый, благородный Зикрия-саркарбаши — Ваша милость! В местности Игри-бел есть булыжные земли с грудой камней вокруг, в этой местности никто, ни один человек не появлялся с древнейших времен до настоящего времени. Наша цель заключается в том, чтобы во время саркарства вашего благородного дехкане подняли хирманы при душевном покое, сами по себе. Ибо [в таком случае] исполнятся бесконечные радости. И еще от вас — уверенного и осведомленного человека, нет незнакомых дел и их не может быть. С приветом»[43]. В этой каменистой местности Игри-бел было 8 хирманов, что отмечено на оборотной стороне документа. Крестьяне, собиравшие эти хирманы в тяжелейших условиях каменистой местности, несомненно, разорялись, ибо в ином случае не было необходимости в таком, правда, вежливом предупреждении их обирателя — ошского саркара.

Непосредственный арендатор-саркар, стоявший, по существу, во главе сельскохозяйственного производства определенных кишлаков или группы кишлаков, кроме своевременного сбора в полном объеме хараджа, выполнял различные поручения и приказы правящей верхушки: частные посылки необходимых сельхозпродуктов, по необходимости — мобилизацию людей, откармливание на своих участках животных, принадлежавших правящей верхушке, и содержание отдельных людей по приказу владетеля или старшего чиновника. Так, Мухаммад Алим-саркар, старший саркар маргиланского бека, в своем письме Мирзе Абдурахману просил его об отправке писаря, по имени Мулла Мухаммад Шакир Учкургани, к какому-нибудь амлякдару, чтобы там он нашел себе пропитание[44]. Здесь речь идет не об устройстве на работу мирзы, а о посылке его к амлякдару с тем, чтобы крайне бедный Шакир-мирза, «подбирая колосок», нашел себе питание. Саркары обеспечивали всем необходимым владельца, членов его дома, его родственников и близких людей во время поездок, охоты и т. д. через его территории. Так, маргиланский бек приказывал в конце выданного им одного документа на имя своего саркара обеспечить питанием некоего мирзу Ходжу-ишана и его людей, если он соберется на охоту[45].

Саркары вместе с аминами и аксакалами кишлаков по заданию хана мобилизовывали людей, рабочий скот, повозки на хашар, собирали мардикаров.

Выполняя приказания своих владетелей (ханов, беков, царевичей и других крупных светских и духовных феодалов), саркары вели различные хозяйственные и финансовые операции. Они производили покупку для нужд хозяйства инвентаря, рабочего скота, стройматериалов, продуктов питания, одежды и обмундирования, реализовывали лишнее имущество, товары и продукты. Они разыскивали и подби-

рали породистых лошадей для своих владетелей и т. д. Так, Султан Мурад-бек в выданной в 1291 г. х. пате приказывал Мулле Мухаммаду Алиму-саркару купить пару быков для рисовых посевов бека в местности Рамадан-куль, во главе которой стоял Мирза Якуб-саркар[46]. Он же в выданном в 1290 г. х. документе приказывал тому же Мирзе Мухаммаду Алиму-саркару найти мастера-строителя утау (юрт), заказать ему утау среднего размера и прислать беку. Там же поручалась присылка беку большого медного подсвечника[47]. Владетелю (видимо, тому же беку) понадобилось мумиё, он приказал в письме, датированном 1287 г. х., саркару найти его, купить у торговцев парфюмерно-галантерейными изделиями серебряную штукатулку и, положив в ней мумиё, немедленно послать беку. Последний указывал на возможность наличия мумиё у некоего Байдада-бека ходжи[48].

Саркары, служившие ханскому дому, удовлетворяли разнообразные потребности всех его членов. Так, царевичу нужен был иностранный товар, поступивший из Восточного Туркестана, и он тут же обратился с письмом к Дадхаджан-саркару в связи с прибытием большого каравана из Кашгара, требуя послать ему в виде подарка через Хамила Муллу разного товара, не повторяя одних и тех же сортов[49]. Выше приводились факты участия ханских саркаров, в частности Муллы Ишмухаммада, в подборе наилучших лошадей для ханского дома[50].

Саркары, во всяком случае старшие саркары, были связаны с довольно расчлененным рынком[51]. Мухаммад Садык-саркар в одном своем донесении хану писал, что, он, согласно указанию хана, принес на базар образцы джугары, пшеницы и неочищенного риса (шалы). На джугарном базаре аксакал и лабазник оценили по базарным ценам джугару по одной теньга за 3,5 чексы, на пшеничном базаре аксакалы и лабазники, согласно базарным ценам, оценили 2 чексы пшеницы в одну теньга, а на рисовом базаре аксакал и лабазник оценили шалу по одной теньге за 3 чексы, согласно базарной цене на рис. О всех этих ценах на предназначенные для продажи запасные продукты хана саркар докладывал владетелю и просил последнего дать соответствующие указания[52]. Обращает на себя внимание тот факт, что каким бы доверием, уважением и авторитетом ни пользовался даже старейший саркар, однако без разрешения владетеля, в данном случае хана, он не мог самостоятельно осуществить даже частную продажу продуктов владетеля из ежегодно получаемых урожаев.

Приведем еще один пример, характеризующий роль саркара в организации выгодной для владетеля реализации его товаров на рынке. Согласно письму маргиланского бека Султана Мурада Мухаммаду Алиму-саркару, аксакалы сообщили беку о повышении цен на пшеницу до 11 теньга (видимо, за чайрик). Бек, не отвечая им, ждал еще большего вздорожания зерна на рынке. Когда настал благоприятный момент для продажи запасов пшеницы, он обратился с этим письмом к саркару, чтобы последний, собрав у себя аксакалов и пригласив некоего Муллу Мухаммадали-амина, конкретно определил цену на пшеницу[53].

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что на окружавших владетеля служилых людей возлагалась обязанность выгодной реализации на рынках лишних продуктов, получаемых как от поступления хараджа, так и с его имений. Среди служилых людей фигура саркара являлась основной и очень близко стоящей к владетелю.

Денежные операции, т. е. отпуск средств для нужд ханского дома, строительства объектов, во многих случаях осуществлялись саркаром непосредственно за счет доходов с его участка, затем саркар в годовом

отчете своему владетелю представлял документ на покрытие подобных расходов[54].

Хан и бек в случае необходимости еще до сбора хараджа или урожая с собственных земель требовали от саркаров определенные суммы для различных расходов или погашения долгов. Так, маргиланский бек Султан Мурад по выданным им патам в 1288 г. х. Саибу-саркару требовал 80 тилля для изготовления шатра и кошмы, 188 тилля за счет богарной пшеницы для оплаты остатков строительных расходов в гареме и мастерам, выдачи в руки ганчибаши 1500 теньга за счет саман-пули, а от Дахди-саркара — 30 000 теньга для расходов на строительстве медресе[55]. Далее тот же бек по выданным им в 1289 г. х. только трем патам получил от Муллы Мухаммада Алима-саркара следующую сумму[56]: за счет хараджа от пшеницы 8000 теньга для расходов казны, за счет «черного зерна» (از بالای غلهٔ سیاه) 1000 тилля, за счет оцененного аминами и аксакалами зерна 3000 тилля[57]. В следующем 1290 г. от того же саркара он потребовал для обмундирования воинов 2000 тилля за счет еще не собранного хараджа, еще 2000 тилля за счет «черного зерна» для погашения долгов, взятых через Муллу Мухаммад-али-амина, 450 тилля за счет саман-пули («از پلی کاه»), еще 150 тилля для расходов кирпичного завода. Да еще бек требовал выдачи для двора (видимо, ханского) в руки Мухаммада-махрама 1000 тилля[58].

Получая от саркара нужную сумму, владетель предлагал ему погасить ее за счет сбора с крестьян. Саркары, пользуясь этим и зная, что над ними не осуществляется контроль, взимали с крестьян по своему усмотрению и в желаемое время. Однако в некоторых документах владетель указывал, что погашение полученной суммы нужно произвести за счет постепенного взимания с крестьян хараджа до сбора урожая. Например, в одном из документов Султан Мурад-бек, требуя 4000 тилля с Ошского саркара Зикрии, писал: «Если желаете, погашайте постепенно в счет хараджа с дехкан»[59]. То же самое он писал и Мухаммаду Фазылу-саркару, требуя 1000 тилля, Мухаммаду Алиму-саркару, требуя 2000 тилля[60], и т. д.

Таким образом, во всех этих документах речь идет о взимании требуемой суммы за счет хараджа до сбора урожая.

О преждевременном сборе денег за счет хараджа для нужд правителя-феодала через саркаров-арендаторов свидетельствует ряд документов. Пата, выданная Султаном Мурад-беком Дадхе-саркару, наиболее ценна для нас по своему содержанию: «Да будет известно уверенно осведомляющему Дадхе-саркару, что мы приказываем вам выдать 30 000 теньга для расходов на строительство медресе. Следует собрать [эту сумму], взимая деньги, согласно существующей цене за счет хараджа с дехкан, прибывших со всех сторон и обрабатывающих богарные земли, и передать ее через прибывшего слугу. Считайте это установленным, 1288 г.»[61]. Этот документ важен тем, что показывает, какие трудности приходилось преодолевать дехканину, только что переселившемуся на новые целинные земли. Он должен был в условиях безводья на богарной земле не только наладить свое хозяйство без какой-либо помощи, но и платить тяжелый харадж при существующем разорительном методе его взимания, да еще в процессе сельскохозяйственного производства, т. е. до сбора урожая. Саркар стоял на стороне владетеля и, выполняя указания последнего, совершал бесчеловечные насилия над угнетенными, беззащитными крестьянами.

По приказанию владетеля любой саркар или курукчи был обязан отпустить указанный в пате материал, продукты, животных и все

прочее для дома владетеля и служилых людей, о чем в конце года представлял отчет, подтвержденный документами. Худояр-хан, например, специальным верховным указом, датированным 10 шавалля 1288 г. х., приказывал Мухаммаду Садыку-курукчи отпустить Мухаммаду Камалу пожалованные ему 20 арб камыша[62]. Видимо, ханские и бекские саркары изредка с позволения владетеля отпускали в небольших размерах необходимые продукты и проч., в частности, дрова из ханских куруков или других угодий отдельным служилым людям, крупным представителям духовенства и т. д.

Так, материальную и финансовую часть хозяйства хана, бека царевичей и других феодалов возглавлял и контролировал всесильный, всемогущий аппарат саркаров. «Закят и тортуг (подарок) хаким возит сам или отсылает с пансад-баши и юз-баши. В обоих случаях и то и другое вручается двум саркарам (хранителям ханской казны)»[63], — писал А. Макшеев со слов пленных сибирских казаков.

Таким образом, саркар в довольно сложном хозяйстве кокандских феодалов был тем важнейшим звеном, через которое осуществлялись управление хозяйством феодала, поступление доходов, материальный обмен и финансовые операции, в том числе на рынке, а также в больших масштабах и в тяжелой форме феодальная эксплуатация, как в сельском, так и в городском хозяйствах феодала. Изучение всех имеющихся данных о феодальном хозяйстве 50—70 годов в Кокандском ханстве, да и отрывочных данных предшествующего периода по этому вопросу позволяет исследователю полностью выявить роль саркара в ведении феодального хозяйства: она была всеобъемлющей — от организации какого-либо крупного мероприятия, например, мобилизации на массовые принудительные работы до обеспечения владетеля вином, дичью и т. д. Так, когда маргиланскому беку захотелось получить 1000 перепелов, он приказал известному Мирзе Мухаммаду Алиму-саркару достать их без задержки[64].

Как мы отмечали выше, всем членам ханского дома, независимо от возраста, выделялось особое хозяйство со всеми необходимыми средствами производства, материальными ресурсами и работниками. Хозяйства царевичей также возглавлялись саркаром. Например, некий Худай Назар был саркаром царевича Саида Акбар-бека[65]. В документе об одном саркаре говорится, что он «из числа саркаров царевича»[66], что свидетельствует о наличии в хозяйстве этого царевича не одного, а нескольких саркаров.

В документах встречаются упоминания о курганче — специальном дворе в усадьбе феодала или на его куруках[67], в котором располагались чиновники феодала, в том числе саркары, а также базировались частично сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот и другое имущество владетеля[68]. Курганчи, несомненно, охранялись стражей. В литературе упоминаются такие курганчи. Так, В. Наливкин писал с просторных кипчакских курганчах, построенных на возделанных землях, в которых зимовали люди со своим скотом[69]. Упоминал и Хорошхин об одной такой курганче (иначе «постоялом дворе») по пути из Ташкента в Коканд между переправой Чил-майрам и Кокандом[70]. Маргиланский бек назначает на свою курганчу находившегося в местности Калла Чикти («كله چقتی») некоего Муллу Рузимухаммад-мирзу и поручает саркару Мирзе Мухаммаду Алиму немедленно достать ему две пары волов, две арбы тополевых саженцев, две арбы тутовых саженцев[71]. В другом документе от имени бека приказывается ханскому саркару Мухаммаду Садыку доставить десять арб камыша для нужд

его курганчи, находящейся в местности Сары-мазар[72]. Одна из крупных курганчей находилась в сел. Мамахана в распоряжении главного ханского саркара Мухаммада Садыка. В ней содержался ханский скот и другое имущество[73].

Так, документы свидетельствуют о том, что в распоряжении саркара, ответственного за курганчу, находился рабочий скот, значительное количество различных саженцев, нужных для владения феодала, камыша, видимо, необходимого для ремонта построек или нового строительства. В его же ведении хранилась сельскохозяйственная продукция, принадлежавшая владетелю, в некоторых случаях годами. При этом иногда продукты портились, и это при острейшей нехватке их в стране. «Из всего количества двухлетней люцерны пять тысяч снопов стояло в стоге. В настоящее время эта люцерна разложилась и начинает пропадать. Извещая Вас об этом в качестве Вашего раба и доброжелателя, ожидаю Вашего указания с тем, чтобы принять меры. Мой господин, еще Вы сами властитель»[74],— докладывал, очевидно, хану или маргиланскому беку один из чиновников. Подобные явления отмечались в хозяйствах хана, беков, царевичей и всех других светских и духовных феодалов.

Саркары, в том числе курукчи, по мере надобности назначались и на другие должности. Мы имеем документ о назначении еще в 1276 г. х. Малла-ханом воина Мирза-бая батура, служившего курукчи у известного Мухаммада Садыка-саркара, на должность ер-мечетского мираба, в котором приказывается выдать мирабу плату за службу[75]. На два года раньше, в 1274 г. на должности мирабов Ер-мечети были назначены два человека из числа курукчи, указывалось на необходимость внесения ими мирабаны. Причем, два мираба назначались вместо бывшего одного. Такая необходимость была вызвана развитием орошения в этом районе[76].

Городским и крупным сельским саркарам в хозяйственном и финансовом вопросе подчинялись амины и аксакалы. В административном отношении ханство в последние годы существования, согласно сведениям В. Наливкина, делилось на вилайяты, во главе которых стояли в основном братья и сыновья хана (беки или хакимы); видимо, крупные вилайяты были разделены на бекства с чиновником (беком) во главе. А бекства в свою очередь делились на аминства и аксакальства, управлявшиеся аминами и аксакалами. Последние состояли или из части большого селения, или одного среднего, или нескольких мелких сел[77].

Как известно, во главе отдельных частей города также стояли аксакалы, аксакалы возглавляли и отдельные группы ремесленников. Так, в документах встречаются аксакалы пекарей (آقسقالان نانوایان), аксакалы шелкомотальщиков (آقسقالان پله کشان), аксакалы кузнецов (آقسقالان آهنگران), аксакалы ремесленников, производящих платки (آقسقالان رویمال باف)[78], аксакалы мастеров, изготовляющих арбы (آقسقالان عرابه سازان), аксакалы поваров (آقسقالان اهل کسبهٔ کفگیر دست)[79] и др.

Все крупные селения имели своего аксакала и амина, а в некоторых их даже было несколько, в мелких, видимо, был или тот, или другой. Например аксакалы сел. Караул-тепе (آقسقالان قراول‌تپه), аксакалы сел. Аштархан (آقسقالان اشترخان), аксакалы сел. Мазари-шариф (آقسقالان مزارشریف), аксакал сел. Кучкарчи (اقسقال قوچقارچی)

аксакал сел Яз-Яван (آقسقال یازیبان), аксакал сел Кум-арык (آقسقال قم اریق), аксакал сел. Ахшак (آقسقال اخشك), аксакал сел Хан-Абад (آقسقال خان آباد), аксакал сел Кара-тепе в районе Чаукана (آقسقال قرا تپهٔ جوکان)[80].

Известные данные об этой низшей сельской администрации имеются и в нарративных источниках. Так, по сообщению автора «Тарихи Шахрухи», Алим-хан, покорив долину Ангрена и Чирчика — Кураму, выдал иноят-наме аксакалам и биям селений Курамы о том, что они остаются на своих местах[81].

В больших селениях, кроме аксакалов и аминов, имелись, как это было отмечено выше, и саркары. Например, ярмазарский саркар («سر کار یارمزار»)[82].

Саркарам подчинены были арык-аксакалы. По словам А. К. Гейнса, в областях Кокандского ханства старшие арык-аксакалы назначались беками, младшие выбирались населением, по докладу саркара бек утверждал их[83].

Очень много о низшей администрации писали русские авторы: «Народом управляли амины, арбабы (старшины.— *Р. Н.*), а временами — казии»[84], «в селениях начальствуют аксакалы или старшины, избираемые правителями областей..., а в городах аскакалов определяет сам хан, на звание свое они получают от него (хана) грамоты»[85]. Об обязанностях городских аксакалов последний автор писал, что «они составляют кокандский муниципалитет, примиряют распри, возникающие между торговцами, ремесленниками и другими гражданами, и вообще заведуют делами, относящимся до городских сословий»[86].

Останавливаясь на функциях, выполняемых аминами, А. Гребенкин писал: «Каждая сада или дага (даха) (селение или группа селений.— *Р. Н.*) имела одного амина, старшего аксакала, который был главным лицом в аминстве: амины заведовали арыками, разбирали распри между деревнями или раздоры жителей одной деревни, если они были значительными, приказывали арбабам собирать подати с жителей своих деревень и представлять им, а они в свою очередь передавали их сборщикам от бека. На их обязанности лежало снабжать всем необходимым людей бека, когда они проезжали через аминство, а также делать известными все приказания бека, предоставлять последнему требуемых им людей и т. п.; сборщиков податей амин, по обычаю, встречал на границе своего аминства с угощением. За сборы хараджа сборщики, по своему усмотрению, давали амину от 20 до 24 батманов пшеницы и около 10 руб. деньгами»[87].

Эти сведения автора относятся к горным районам, которые в административном устройстве имели свои особенности. Там, например, функции сельских кишлачных аксакалов выполняли арбабы, имевшиеся в каждой деревне; арбабы разбирали ссоры, незначительные проступки и «исполняли приказания амина». За сборы податей со своей деревни арбабы получали от саркаров от 6 до 12 батманов в зависимости от величины представленной ими суммы[88].

Так, в горных районах арбаб был подчинен амину, в аминстве могли находиться несколько арбабов и получали они от саркара за сборы податей в два, три раза меньше, чем амин.

В сохранившейся части документов архива последних кокандских ханов, которые в значительной степени характеризуют деятельность низовой администрации, об арбабах ничего не говорится. Здесь, в условиях равнины, речь идет об аксакалах и аминах. Положение аминов в

горных районах было более высоким. Материалы указанного архива свидетельствуют о том, что аксакалы и амины обязаны были выполнять любое приказание хана, бека и любого высшего чиновника, в том числе саркара. Через их посредство собирались все тяжелые налоги и подати, осуществлялись все виды не менее тяжелых принудительных работ — мобилизация подчиненного населения на оросительные работы, строительство различных зданий ханов, беков, царевичей и других феодалов, религиозно-культовых учреждений, работа по обработке земли феодалов, сбор их урожаев, тяжелая работа на куруках, в камышовых зарослях, на освоенных новых землях феодала и т. п. Причем они занимались мобилизацией не только людей, но и животных, арб и другого имущества разоренного населения. Они должны были контролировать, как население деревень кормит скот ханов и беков, отдаваемый десятками в каждое селение, через них проводилась мобилизация населения в ополчение. «Главою и руководителем защиты Андижана был Абдурахман Афтобачи, которому помогали аксакалы и амины (с населением своих кварталов и кишлаков.— *Р. Н.*), некоторые добровольно, другие по принуждению и под угрозою смерти»[89],— писал один из наблюдателей.

О подчиненности аксакалов, в том числе и арык-аксакалов, непосредственно саркарам свидетельствует и следующее сообщение А. К. Гейнса: при недовольстве населения действиями арык-аксакалов «оно жаловалось саркару, если оно и тут не находило удовлетворения, жалоба выносилась на благоусмотрение бека»[90].

Чиновники, в том числе саркары, за службу феодалу освобождались от налогов и повинностей, в частности, от основного налога — хараджа. Подтверждают это приведенные ниже три документа.

Первый из них — пата, выданная правителем области (беком) об освобождении чиновника от хараджа. «Пусть станет известным амлякдару сел. Карашах, что один из числа прислуги доброжелателя Муллы Ислама-саркарбаши Мулла Саттар-кули мирза там имеет харадж. Из-за полноты великодушия и любезности мы полностью освободили долю его от хараджа. Не вмешивайтесь и считайте установленным. И еще имел он десять чайриков хараджа пшеницы, который вы взыскали. Мы, оказав милосердие, приказываем, чтобы вы вернули их из [очередного] урожая, 1290 г.»[91].

В другой пате, выданной каким-то царевичем в том же 1290 г. на имя саркара того же сел. Карашах, освобождается от хараджа в размере 12 чайриков, взимаемого от шалы, тот же Мулла Саттар-кули мирза «как постоянный и искренний слуга его дома»[92].

Третья пата, временно выданная Бек-кули баем бахадурбаши бин Ахмед-беком, об освобождении саркара от хараджа. «Да будет засвидетельствована память Бай-Баба амина о том, что Мулла Мухаммад Алим-саркар имеет харадж от хлопка (гузы) на канале Янги-сай в размере полтора чайрика. Вы не прикасайтесь, ибо [он] является слугой. После будет учтено господином в его счет, что считайте установленным. 1292 г.»[93].

Все эти документы свидетельствуют об освобождении в одном случае самого саркара, в других — ему подчиненных людей от хараджа, взимаемого с зерновых (пшеницы и шалы) и с технической (хлопка) культуры. В случае ошибочного взимания кем-нибудь из государственных чиновников освобожденного хараджа требовалось возвращение его. Имеются данные об освобождении от танабаны с бахчевых культур ошского саркара Зикрии в размере 7 клочков моркови и 1,25

танаба лука. По документу он был освобожден от танабаны вместе с другими мелкими чиновниками в порядке тарханства (بطريقة» «طرخانان)[94].

Не только сами служилые люди, в числе которых были и саркары, но и их дети, быть может, в отдельных случаях освобождались от хараджа. Свидетельством тому является пата, выданная Абдуллатифом-дадхой бин Халмурад-бием на имя Юлдаша Мухаммада-туксабы и Муллы Бабаджана, в которой указывалось, что последним следует возвратить, если что-либо взято из хараджа Мухаммада Ризы, сына Курбанали-саркара, поскольку земля является его принадлежностью[95].

Саркара или других чиновников мог освободить от хараджа не только хан, но и бек — непосредственный владетель. Даже отдельные царевичи выдавали паты, освобождая от хараджа чиновников, находившихся в ведении членов царского дома. Саид Мухаммад Мавлан-бек, сын маргиланского бека, выдав пату на имя Назар Мухаммада-саркара в 1290 г. х., освободил от хараджа с джугары (сар) в размере 2 чайриков и 4 чексы Мухаммад-аксакала, являвшегося одним из чиновников его брата Саида Акбарали-бека[96]. Чиновники, сидевшие на землях частного владетеля и имевшие харадж, в некоторых случаях освобождались от него самим феодалом. В этом отношении — характерна пата, выданная в 1288 г. х. главой канцелярии Абдуджалилом-мирзабаши на имя Муллы Мухаммада Алима-саркара об освобождении от хараджа чиновника Муллы Таш-мирзы. «Да будет известным милостивому Мулле Мухаммаду Алиму-саркару о том, что на канале Пунгана Мулла Таш-мирза имеет 15 фарахов хараджа с пшеницы. Вам самому известно, что его земля принадлежит мне. Поэтому дали знак на Ваше имя с тем, чтобы вы выдали пату своему амлякдару, чтобы он не прикасался и не сопротивлялся. 1288 г.»[97]

Наряду с освобождением от налога, размеры которого, несомненно, были разными, чиновники, в том числе саркары и курукчи, получали от владетеля разные подарки, прежде всего комплект одежды (сару-по). Но иногда владетели лишали их этого подарка. Такие случаи участились в конце правления Худояра. Ярким примером может служить письмо старейшего ханского саркара Мухаммада Садыка на имя главного ханского писаря. «...Ежегодно во время [выдачи] ханского сару-по три человека из числа курукчи, приходя [к царскому двору], одевали сару-по и возвращались осчастливленными высочайшим чертогом. А мы, продав их [поступившие средства], распределяли по мере достатка на десять и пятнадцать курукчи и получали от них благословение в адрес Его Величества. Поэтому в интересах единодушия и доверия к вам, оказав великодушие, сочинил дружественное письмо. Надеюсь, оказав милости и внимание, введете в действие ежегодный обычай потому, что высокий дом есть место, на которое надеется прислуга. Если вы, сочувствуя, учтете мою седину, то достигнется радость и соответствующая удовлетворенность. С большим приветом. 1292 г.»[98]. Престарелый главный ханский саркар столичного округа Мухаммад Садык, добившись назначения на свое место сына Муллы Ишмухаммада, обратился с просьбой к главному ханскому писарю о необходимости восстановления порядков поощрения служилых людей, в частности курукчи, ежегодно осуществляемых ханом, и почему-то прерванных в 1292 г. х.

В. Наливкин, описывая «отъявленные мошенничества» Худояра и его советчика Исы Авлии, привел следующий пример: ими вынесено было решение давать вместо одного прежнего даяния два, вместо преж-

него дорогого халата дешевый, прибавив некоторую сумму денег. Однако с тем расчетом, чтобы в итоге общая сумма была как можно меньше стоимости прежнего дорогостоящего халата[99].

Одежды, выдаваемой ханом, удостаивались не все саркары и курукчи, а, видимо, лишь наиболее заслуженные из них — одна третья или одна пятая часть. Но ханские подарки, как видно, в отдельных случаях продавались главным саркарам, и деньги распределялись между всеми саркарами и курукчи. Саркарам обычно давали не очень дорогой адрасовый халат. Например, один из царевичей приказал Саидшаху-саркару подготовить для приношения писарям (мирзам), ярмазарскому мулле, клоунам-акробатам, также для самого Саидшаха-саркара, ошского саркара Зикрии, саркара хлебного базара Баки Мухаммада адрасовые и бекасабовые халаты и др.[100] Саркарам выдавали халаты в разных случаях: в связи с выполнением каких-либо дел или какого-нибудь поручения. Так, царевич, приказав саркару взять для него товары из прибывшего иностранного каравана, посылает ему дорогой халат[101]. Среди саркаров были богатые владельцы. Имеются факты, когда некоторые из них выделяли значительное имущество для вакфа.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что после смерти саркара феодальный владетель платил его долги. «...Покойный Бадалбай-саркар из Андижана имеет долг в сумме пятьдесят тилля. Чтобы постепенно расплатиться, нужно взять сумму, находившуюся в распоряжении Мухаммада Раджаба. Если не повинуется, то, согласно благородному закону шариата, возлагайте на мастера безаппеляционно, чтобы осиротевшие дети саркара остались спокойными. С приветом»[102].

Один из обозревателей событий в Кокандском ханстве, говоря о низовой администрации, в частности, об аксакалах, писал, что «власть их весьма ограничена, и каждый гражданин, недовольный решением аксакала, свободно подает на него жалобу»[103].

Мы не разделяем этого мнения, так как аксакалы, амины и более всего саркары были ограничены в правах фактически лишь в отношении высшей правящей верхушки — своего господина. Что касается народных масс, то над ними беспрепятственно совершались насилия и издевательства. Даже в том случае, когда два ханских саркара враждовали из-за куска земли или хозяйственного имущества, виновными и наказанными оказывались подчиненные. Приведем заявление уже известного нам ханского саркара Муллы Ишмухаммада хану: «Покорнейшее обращение Муллы Ишмухаммада, сына Садыка-курукчи, Вашего раба, находящегося в Ер-мечети, к моему милосердному господину заключается в том, что Вашего покорного раба по приказанию Вашего Величества мой отец послал вместе с семьей в [селение] Мамахан-кишлак, подвластное [селению] Гург-тепе. На острове, находившемся в подчинении указанного Мамахан-кишлака, имеется восемь клочков султанской джугары («جوارى سلطانى»), на которые ни один амлякдар не имеет права. Когда Ваш покорный раб, преданный Вам всей душой, послав человека, взял один сноп указанной джугары, то Ташмухаммад-саркар из Янги-кургана избил моего человека почти до смерти, арестовал на одну ночь и взял девять теньга его денег. Считая себя рабом-доброжелателем, я считал [этот поступок] постыдным и известил [Вас об этом]. Какая любезность будет оказана нашим покровителем, он сам полновластный»[104].

В конечном счете, оба саркара требовали от населения хараджа — Мулла Ишмухаммад как саркар собственной ханской земли, а Ташму-

хаммад-саркар в качестве амлякдара. Оказавшись в безвыходном положении, жители этой местности обратились к хану с прошением: «Покорнейшее обращение рабов Его Величества — аминов, аксакалов и подданных селения Мамахан, находящегося на берегу реки, нашему господину — убежищу правосудия! Да будет оно принято. Оно заключается в том, что эти вынужденные подавать заявление жители каждый год в данной местности внутри острова по мере возможности осуществляли посевные работы, а харадж, принадлежавший царю, взимал всегда Мулла Ишмухаммад, сын Садыка-саркара. В этом году амлякдар, взяв сам в аренду и получив урожай, оставил царскую долю на ответственность крестьян. Ныне упомянутый Мулла Ишмухаммад, придя, потребовал оставленную на нашу ответственность царскую долю, а упомянутый амлякдар требовал ее с другой стороны. Поэтому из-за безвыходного положения подали прошение, надеясь на любезность Его Величества решить вопрос, кому внести [харадж]. Да будет вам благополучие»[105].

Выше мы останавливались на фактах двукратного требования податей со стороны соседствующих чиновников, возникновения скандальных дел, которые сопровождались резким недовольством народных масс данной местности. Приведенные выше документы подчеркивают остроту конфликта между двумя ханскими чиновниками-саркарами. Саркар самовольно мог забить до смерти человека, подчиненного другому саркару, его противнику, конфисковать имевшиеся у него деньги, даже арестовать его. В этом факте между собственностью государства и категорией «мульки-султани», или «хассаги» нет разграничения. Полноправный хан мог решать вопрос по своему усмотрению. Естественно, саркар удельных владений мог легко протянуть руку к государственным землям, превращая некоторые участки в личную собственность хана, но амлякдар едва ли мог захватить кусочек земли, принадлежавший самому деспоту. Однако подобные споры осложняли положение непосредственных производителей, задерживая использование ими выращенного урожая. Запутавшись в бесконечных волокитах, производители вынуждены были уступить долю своего труда чиновникам, чтобы прекратить их претензии.

Подобные споры, не рассматривались ханом, он поручал решение их одному из влиятельных саркаров. Так, спор между Садыком-саркаром и Курбаном-сагирой относительно взимания пятины с янтака местностей Мирза-Абада, Кумханы, Даул-тали («دول طلی»), Джука-хан поручил решить одному из заинтересованных лиц Садыку-саркару, стоявшему во главе его удельных владений[106]. Решением этого вопроса в интересах хана не были удовлетворены не только местные жители, но и чиновники. В одном из донесений Мухаммад Садык доложил хану о недовольстве им чиновников и придворных людей. «О прибежище мира! Покорное обращение вашего самоотверженного раба... Не имею очевидного воспитателя и опоры, кроме прежде всего бога, потом Его Величества — моего господина, нет для меня занятий, кроме исполнения днем и ночью доброжелательства, нет без них удовлетворенности. В отношении любого дела, сначала доложив его Вашему Величеству, выполнял его согласно указанию государя, не передавал народу царскую долю, также не переводя народную долю в царскую, организуя молитву вдов и низших в честь Его Величества, в силу возможности осуществляю доброжелательства. Однако, когда время от времени я прихожу в урду, то там некоторые люди посылают в адрес этого ничтожного слуги горькие слова. Поэтому в целях осведомления Вас

подал покорное прошение. Еще мой господин — владыка, сам воспитатель рабов, полновластный. Да будет вам благополучие»[107].

Документ свидетельствует о том, что этого наиболее преданного ханского чиновника ненавидели в ханском окружении.

Ханские чиновники враждовали между собой, беспрерывно строчили жалобы и секретные доносы хану друг на друга. Вот секретное донесение саркара Ер-мечети на ханского чиновника Турсуна Мухаммада-инака:

«О защитники подданных! Его Величество поручило мне Ер-мечеть для ведения там земледельческих работ и благоустройства. Мы как слуга и доброжелатель, приходя на поле, поставив шалаш, днем и ночью, постоянно и непосредственно находясь около своих подчиненных, пригодных к работе, чрезмерно заботились о них и находили лучшие способы. О, защитники рабов! Ваш раб Турсун Мухаммад-инак также выходит на поле [однако] до вечерней молитвы возвращаясь в город, ночует в своем доме. Каждый день приходит из города в середине дня. Возлагая дела на своего писаря, уходит в город. Люди его, избегая солнца, своевольно не выходят из своих шатров. О прибежище мира! Ваш ничтожный раб видит, что нет человека, который бы довел до сведения святейшего, благороднейшего господина о служении, поисках и заботах этого ничтожного раба. Поэтому в целях доведения до Вашего Величества своей преданности я подаю прошение. О защитник милосердия! Ночью во время молитвы два неизвестных человека привели для Турсуна Мухаммад-инака замечательную серую лошадь вместе с золотой сбруей, передали и письмо, содержание которого мне неизвестно. Упомянутый инак, подарив этим двум людям комплект одежды, сверток и скот, проводил их. Я не мог узнать, откуда привели, в каком направлении идут. Я как доброжелатель извещаю вас о совершении вредительства в отношении царских прав. Еще Вы, мой господин, самый царь полновластный»[108].

Алчность чиновников тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся. «Произвол администрации,— писал один из очевидцев,— от последнего аксакала до бека (и самого хана. — *Р. Н.*) не имеет границ»[109]. Они обирали народ по всякому поводу, например, за подачу воды населению приходилось платить большие суммы. «Подобные сборы, — писал А. К. Гейнс, — составляют предмет ежегодного большого дохода для аксакалов, саркара и других высших лиц местной администрации. При малейшей порче ирригационной системы или задержке воды они собирают с города совершенно произвольные суммы, которые платятся из опасения потерять сады и посевы»[110].

Ярким примером открытого недовольства дехканства насилиями саркара служит восстание жителей Резак-кишлака. Согласно докладу аксакала Мамахан-кишлака Гаиб-бая ханскому чиновнику, за 19 дней до доклада выше Резак-кишлака на берегу Сырдарьи появилась группа людей из числа мятежников («يـك بيراق آدم مفسدان»). Амин сел. Мамахан вынужден был спрятать ханское имущество, опасаясь, что восставшие массы разорят его[111].

Это восстание в районе Мамахан-кишлака было вызвано произволом ханского саркара Мухаммада Садыка. Народный гнев достиг такой степени, что один из приближенных хана вынужден был в резкой форме осудить действия саркаров, предупредив их о возможных последствиях. «Влияющие [своей] верой и знаменем правдивости Мухаммад Садык-курукчи и Ишмухаммад извещаются о том, что Его Величество дало вам власть над многочисленными людьми, считая вас крайне убежденными мусульманами. Очень много раз достоверно слушалось, что вы

совершаете насилия над рабами божьими. Нет необходимости в доказательстве, что это вы совершаете. Однако народ из-за своего страха и тревоги, а также стремясь показать свою верность, не может говорить об этом. Если суть вашего дела подробно дойдет до слуха Его Величества, то есть надежда на то, что будут приняты меры. Из числа недовольных одна группа подданных селения Мамахана, которую покупали, согласно закону божьему. Вы любым способом их удовлетворите и обрадуйте, получая их благословения в адрес Его Величества. Если Вы не сделаете, мы обратимся к вам лишь один раз: примите — хорошо, если отклоните, то тогда бог знает, что может случиться. Мы попытались [все это] согласовать с вами. Воля ваша. Пришлите ответ. С приветом. 1288 г.»[112].

Другой документ такого же характера — письмо чиновника из окружения хана Рахматуллы-туксабы, посланное на имя того же курукчи, свидетельствует о серьезнейшем народном недовольстве в районе сел. Гург-тепе, вызванном насилием того же главного ханского саркара. «Мухаммаду Садыку-туксабе... да станет доказанным возникшее событие в последние недобрые секунды, заключающееся в том, что Ваше благородство в отношении оплаты камыша и тугая подвергло притеснению жителей [селения] Гург-тепе. Какие бы штрафы ни заслужили обитатели указанного селения, простите их из-за уважения к нашей персоне, не беспокойте несчастных бедных людей, потому что мы и вы от души являемся доброжелателями Его Величества. В данное время из-за каких-нибудь ста-двухсот тилля обидеть страну, удостоится плохому пожеланию народа нехорошо»[113].

Так, население двух больших кишлаков, расположенных недалеко от столицы во владениях хана, доведенное до отчаяния жестокостью и бездушием саркаров, готово было к восстанию. Чиновника, предупредившего саркара, беспокоит, по существу, не положение народа, а то, что произвол совершается в момент, когда вся страна охвачена народным гневом, и подобные местные восстания обездоленных могли серьезно осложнить положение.

Таким образом, отдельные участки удельных владений ханов, беков, царевичей управлялись саркарами (куруки возглавлялись курукчи). Во главе саркаров и курукчи стояли главные управители — саркарбаши и курукчибаши, в подчинении саркаров находились также амины и аксакалы сел и все арендаторы этих земель. Саркарами возглавлялись еще ремесленные предприятия и строительные объекты. Саркары выступали в качестве арендаторов. Один из обозревателей, говоря о ханских доходах, писал, что часть доходов страны «поступает в распоряжение саркара и инака, хранителя ханских запасов. Этот чиновник снабжает продовольствием двор и многочисленных телохранителей и прислужников хана, а остающееся за расходом продается»[114].

Так, все хозяйственные дела, торговые и финансовые операции в хозяйстве хана и членов его дома осуществлялись главным образом саркарами и подчиненным им чиновничеством. В саркарствах саркары наблюдали не только за землями или куруками, тугаями, озерами и реками, но и за содержавшимся на данном участке скотом. Полученные продукты в хозяйствах владетеля передавались ими в его кладовые, или продавались, или же по мере надобности двора обменивались на базаре на необходимые вещи. Ханские саркарства, представлявшие собой комплексные хозяйства, управлялись большим количеством саркаров и курукчи.

Глава VII

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ХАНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

На востоке, в том числе и в Средней Азии, на протяжении веков широко были распространены тяжелые трудовые повинности, выполнявшиеся населением в пользу феодалов и феодального государства. Принудительный труд зависимого населения сельских районов и городов применялся в широком масштабе в различных областях хозяйственной жизни страны. Условия искусственного орошения вызывали необходимость, мобилизации массы крестьян и населения городов на большие сроки. Последствия такого длительного отрыва от хозяйства как бедного населения деревни, так и городов были разорительными, а порой трагическими.

Эта принудительная мобилизация населения на выполнение различных работ (строительство объектов, сезонные работы в хозяйствах правящей феодальной верхушки, работа в общественных ведомствах) происходила в рассматриваемое время в Ферганской долине в форме хашара и мардикара. Под словом «мардикар» понимался не только поденный наемный труд, но и хашар. Мардикарами называли и людей, привлеченных на эти работы. Слово «хашар» имело весьма емкое содержание, оно на протяжении веков отражало и выполнение коллективно полезных общественных работ, и работ в частном хозяйстве трудового человека, отдельных сезонных работ, которые не могли быть выполнены силами членов семьи. В условиях господства феодальных отношений оно означало прежде всего принудительную работу трудовой массы на феодала, в том числе зачастую на землях и предприятиях феодального государства. Хашар в виде принудительного труда осуществлялся в тяжелой массовой форме в виде узаконенной барщины. Все крупные землевладельцы Ферганы, все кокандские ханы мобилизовывали массу населения на выполнение тяжелых работ. В. Наливкин приводит факт мобилизации населения Наманганской области на работы по проведению канала Янги-арык (начат он был в 1235/1819 г. под руководством знатного мастера-строителя наманганца уста Исанбая). Умар-хан обязывал население области дать по одному человеку от каждой семьи на 15 дней со своим питанием и кетменями[1]. Неизвестно, однако, была ли это 15-дневная бесплатная работа ежегодной или разовой на протяжении всей 13-летней работы по проведению и в дальнейшем по расширению и углублению канала.

Проведение канала было сопряжено с техническими и организационными трудностями. Непродуманные действия организаторов работ часто приводили к тому, что силы людей растрачивались впустую. Это

и сама тяжесть работы вызывали острейшее недовольство мобилизованных мардикаров. Руководителю работ Исан-баю с трудом удавалось спасаться от их гнева.

Огромная работа трудящегося населения области выполнялась в интересах крупных землевладельцев и феодального государства. По словам того же В. Наливкина, часть вновь орошенной земли принадлежала частным лицам и часть казне. Хан вначале ограничивался получением хараджа в размере 1/5 части урожая со всех земель, орошаемых этим каналом, но вскоре «началась продажа ханом участков казенной земли и права орошать эти участки водою вновь проведенного арыка». Таким образом, оросительные работы, освоение новых, веками не обрабатывавшихся земель, несомненно, способствовали хозяйственному развитию края, однако крестьянин, своим трудом проводивший этот канал, не извлекал для себя какой-либо прямой пользы. Он выплачивал земельную ренту, взимаемую как всегда с исконно орошенных земель.

В некоторых уже опубликованных работах мы кратко останавливались на росте принудительного труда в Кокандском ханстве в правление Мадали-хана в связи с проведением оросительных систем, строительством дворцов, медресе, мечетей, военно-оборонительных сооружений и т. д., основываясь на данных Мухаммада Салиха и Абу Убайдуллы Мухаммада[2]. Но мы не располагали материалом, характеризующим применение массового принудительного труда населения городов и деревень в сельскохозяйственном производстве и на предприятиях феодала, хотя факт этот не вызывал сомнения.

На строительство государственных объектов, подобных оборонительным стенам, крепостям, мобилизовывалось также большое количество людей, о чем свидетельствует строительство Шерали-ханом городских стен вокруг столицы Кокандского ханства в 1842 г. Окружность собственно города Коканда русские авторы определяли в 20 верст. Глинобитная стена была довольно высокая с валгангом (дорожка на верху крепостного вала) и полукруглыми башнями, предназначавшимися для фланкирования глубокого переднего рва[3].

Приведем сообщения некоторых местных авторов о мобилизации населения на это строительство. Данные автора «Миротул-фтух» гласят: «Всем городам, селам и областям Ферганы послали составленные грамоты и привели из каждого города и подчиненных ему [местностей] тысячи, две тысячи мардикаров, распределили между ними крепостную стену и поставили [во главе каждой группы] зорких людей, знатных строителей и, таким образом, в течение пятнадцати дней построили мощную крепость, каменное, [т. е. прочное], и высокое укрепление, [однако] с дрожащим основанием. Также вырыли под крепостной стеной глубокий и широкий ров»[4].

Мирза Алим сообщал еще подробнее: «Эмиры, ученые и уважаемые люди края собрались в урде и решили укрепить город. Был человек, по имени Карим-кули халифа, оставшийся от Мухаммадали-хана, его назначили ответственным лицом. Худайназар-амин, Азиз-амин, продавец чая Рахим-кули и 12 братьев — все вместе измерили копьем окружность [предполагаемой] стены и работу распределили по махаллям, соответственно их положению. [Копку] рва отдали сельскому населению, а также окрестным военачальникам согласно их положению»[5].

По этим двум отрывкам можно судить о порядке организации подобных работ, назначении ответственного за все строительство, а также лиц, ответственных за каждый участок. Ферганские города

вместе с окрестными селами вынуждены были посылать тысячи людей (мардикаров) в порядке хашара, на которых возлагалось окончание строительства стены, рва и других работ в течение 40 дней[6]. Однако ход политических событий — новое наступление Насруллы — не позволили нормально закончить строительство, оно было ускорено и при этом городская стена с восточной стороны осталась незавершенной[7]. Поэтому, видимо, речь в некоторых источниках идет о пятнадцатидневной работе.

Для сооружения крепостей, военных объектов, проведения оросительных работ пригоняли тысячи босых людей в рваной одежде за сотни километров. Так, по просьбе правителя Чимкента из Ташкента в 1264 г. были мобилизованы тысячи таких мардикаров для расширения рва крепости Чимкент в связи с наступлением царских войск. «Из Ташкентского вилайята [в Чимкент] привез тысячи мардикаров для рытья рва крепости Чимкента и несколько дней этих несчастных заставлял работать. До того, пока он еще не отпустил бедных мардикаров,... появились русские [войска]»[8]. Часть из них погибла во время наступления царских войск[9].

В источниках имеются сведения о том, что оросительные работы, в том числе проведение каналов, осуществлялись в основном путем принудительной мобилизации населения. Таким способом был проведен наиболее крупный в то время канал, задуманный Худояром, — Улуг-нахр. Мардикар — это была тяжелая повинность, весьма обременительно лежавшая на плечах трудового населения Ферганы. «Обложив налогом мардикар все города, силами населения в течение нескольких лет с трудом Худояр-хан провел Улуг-нахр и закончил его в ...году»[10],— писал автор «Таснифи Гариб».

Этот же автор, говоря об оросительных работах в районе Ассаке в период проведения Улуг-нахра, писал об обложении Худояром населения многих областей налогом «мардикар» и об осуществлении благодаря ему своих намерений[11].

В. Наливкину удалось путем опросов участников и очевидцев крупных мероприятий, проведенных в XIX в., установить некоторые данные о характере мобилизации населения для проведения канала Янги-арык.

Далее В. Наливкин указывал на то, что в правления Умар-хана, Мадали-хана и Худояр-хана натуральная повинность могла переводиться в денежную. «Для этого по общему числу рабочих дней и существующим ценам за труд исчислялась сумма, подлежащая уплате данным вилайятом, раскладывалась и взималась с каждого двора вилайята, после чего администрация сама уже нанимала на работу обыкновенных поденщиков»[12].

Следует отметить, что такой способ мобилизации, несомненно, существовал в ханстве. Об этом говорит и автор «Таснифи Гариб». Однако, на наш взгляд, В. Наливкин неправильно подошел к этому вопросу, распространяя его одинаково на все области довольно обширного государства. Взимание средств вместо обязательного выделения мардикаров осуществлялось, по всей вероятности, с домов, в которых отсутствовали трудоспособные, или жили богатые и, наконец, с областей, расположенных далеко от объекта работы. Да и при выполнении такой огромной работы, как проведение канала Улуг-нахр, едва ли возможно было обойтись одними поденщиками. Несомненно, наряду с наймом поденщиков[13] из городов и сельских местностей мобилизовывались на эти работы массы населения. Безусловно, прав В. Наливкин, утверждая, что «проведение Янги-арыка (можно сказать и о других

арыках. — *Р. Н.*) не стоило хану ни гроша»[14]. Однако хан не только получал значительную часть урожая с вновь орошенных земель в виде хараджа, но и превратил определенные участки в удельные владения свои и членов своего дома.

Во многих случаях, как уже говорилось, огромный труд тысяч людей оказывался бесполезным, случались катастрофы вследствие необдуманного планирования при проведении каналов и ирригационных сетей, порой из-за нехватки знаний даже у опытных, инициативных руководителей работы. Неудача при строительстве второй нижней половины Улуг-нахра, огромные дополнительные и тоже неудачные работы на нем, ирригационные сети, оставшиеся сухими на правом побережье Нарына и левом побережье Карадарьи, о которых свидетельствует Мидендорф, являются убедительным доказательством этого.

Мобилизация населения на оросительные работы оставалась тяжелой повинностью и после ликвидации Кокандского ханства. «Существующая же в Ферганской области весьма сложная система искусственного орошения, — писал один из авторов, — составляет особенно тяжелую повинность для населения, избежать которой, впрочем, нет никакой возможности... Особенно тяжелым бременем ложится на население отбывание натуральной повинности в верховьях реки Кара-Дарья по регулированию притока воды в Шахрихан-сай и Андижан-сай, которыми орошаются земли, входящие в район города Андижана и шести волостей Андижанского уезда, семи волостей Маргиланского уезда и двух волостей Ошского уезда»[15].

Оплата мардикара-поденщика при осуществлении мероприятий хана, видимо, в основном производилась из расчета одной теньга, но на таких больших массовых работах, как строительство оросительных объектов, она была значительно ниже. Видимо, Мидендорф, указывавший сумму оплаты от 5 до 15 коп. в день, был прав[16].

Документы сохранившейся части архива Худояр-хана свидетельствуют о широком использовании труда мардикаров-поденщиков и на других сельскохозяйственных работах, и на городских предприятиях правящей феодальной верхушки. Так, мардикаров, мобилизованных только для строительства стен вокруг царского мавзолея в течение полных четырех месяцев, насчитывалось 5523, им было выплачено 6205 теньга[17].

Однако слово «мардикар», как мы уже отмечали, не всегда означало поденный наемный труд; широко практиковалось привлечение людей на выполнение каких-либо работ под названием «мардикар», но в виде хашара[18].

Хан, беки и царевичи широко использовали принудительный труд в своих удельных владениях на всех процессах сельскохозяйственного производства в форме хашара. Мобилизовывалось население сотен кишлаков, прежде всего находящихся в районе владения правителя, начиная с периода первой весенней обработки почвы и посадки саженцев в феврале и марте, и до уборки последнего камыша и хвороста поздней осенью. На хашар вызывали людей и повозки на основании ханского фирмана или распоряжения бека, сельской администрации хана, или начальника строительства, чиновника (саркара, туксабы, дадхи, мирзы). Так, в 1285 г. х. для посадки саженцев в одном из ханских садов в Ер-мечети Ходжаали-мирахур саркар потребовал от аксакалов сел. Мир-Абад 20 мардикаров с кетменями[19]. Путем хашара выполнялись различные работы: уборка камыша, янтака, земледельческих продук-

тов, их перевозка, обработка земли, сезонные работы в садах (закапывание и открытие виноградников, обрезание листьев на них и т. д.)[20].

Мы познакомились с двумя ханскими фирманами от 1284 г. х. о мобилизации жителей ряда селений на хашар. В одном из них хан приказывал аксакалам и всем жителям 11 селений, т. е. Гумаили, Дангара, Алти-куш, Тилиминг, Мир-Абад, Киркlар, Кызыл-муш, Ишан-баба, Арабан, Давучи и Янги-кишлака, убрать «в порядке хашара» («حشر گویان») камыш в ер-мечетском тугае[21]. В другом фирмане он требовал от одного из старых преданных чиновников Абдулназара-эшик-агасы организовать сбор янтака и подготовить его к зиме («از برای حشر کردن ینطاق») силами населения местностей (селений) Калла-муш-кишлак, Ишан-кишлак и других кишлаков путем хашара[22].

Имеются и другие документы, выданные чиновниками на основании ханских указов, о мобилизации населения на выполнение ежегодной тяжелой повинности по уборке ер-мечетского камыша[23].

Мобилизованным на хашар владетель выдавал скудное питание[24], а также недостающий инвентарь[25]. Широко использовалась эта форма принудительного труда на городских предприятиях хана и членов его дома, в том числе на так называемых заводах и на заводских участках[26].

В домах хана, беков и царевичей многие работы выполнялись путем хашара. Организовывались специальные «женские хашары» («حشر زنان») для выполнения определенных работ. Приведем документ, выданный в 1287 г. х. известным Саидом Мавлан-беком, который предлагал казначею своего отца отпустить для женского хашара, разумеется, в своем доме некоторые продукты. «Сведущее [наше] доверие Бахти Мухаммаду-курбаши! Да будет известным, что для женского хашара на швейной работе выдайте в руки передавшего письмо один кусок зеленого чая и один кусок чая ак-куйрук, что установлено в 1284 г.»[27].

В хозяйствах хана и бека, где производился, видимо, шелк-сырец, изготовлялись и текстильные изделия. В этих мастерских использовался, несомненно, женский труд, часть работ в них выполнялась женщинами в форме хашара.

На хашар мобилизовывались не только люди, но и широко привлекался рабочий скот с сельскохозяйственным инвентарем и средствами транспорта. Мы имеем документальные данные о мобилизации населения с кошами (парными волами), повозками (лошади с арбами) и другим инвентарем. Так, в одном документе приказывалось аминам, аксакалам сел. Янги-курган и других подчиненных им местностей послать на хашар для обработки рисовых полей в Ер-мечети: 40 джуфт (пара волов — по-тадж.) из Янги-кургана; 5 кошей (пара волов — по-узб.) из Бардан-кишлака и 5 кошей из Чикат-пухта-кишлака — всего 50 джуфт со всем инвентарем сроком на 3 дня[28].

Имеется дафтар о мобилизации крестьян (под названием «мардикар») из 368 кишлаков[29], видимо, только Кокандского округа для выполнения работ в собственном владении хана под Кокандом (в Ер-мечети) в виде трехдневного хашара за весенний сезон 1291 г. х.[30] (прилож. 3а).

Мобилизации населения предшествовали следующие письма (паты) саркара: «Да будет известным аминам и аксакалам указанных селений, что, согласно распоряжению Его Величества, для возделывания земель Ер-мечети мы приказываем Вам [послать] мардикаров на три дня в виде хашара. Следует Вам прибыть сюда вместе с людьми,

имеющими повозки [лошадей с арбами], и другими усердными людьми выполнять трехдневную работу»[31]. Или другой группе кишлаков саркар приказывает: «Всего от Вас требуем 268 [мардикаров] и 37 самосвалов [повозок] в качестве ежегодного трехдневного хашара. Следует, чтобы амины каждого кишлака, взяв сюда с собой повозки-самосвалы и усердных мардикаров, заставили их работать три дня в числе всех мардикаров. Таково приказание Его Величества»[32]. Хашарчи должны были прибыть со своими кетменями[33].

О мобилизации жителей кишлаков извещали не только паты, но и специальные чиновники, возможно, с отрядами, так как выполнение этого приказа было делом нелегким. Видимо, за неимением повозок некоторые кишлаки вынуждены были посылать вместо них коши. Такой случай упоминается всего один раз в этом дафтаре.

Изучение дафтара показывает, что по приказанию владетеля в течение трех весенних месяцев население мобилизовывалось на земледельческие работы только на одном ер-мечетском владении хана в восьмиразовые сроки. Было призвано 8986 человек на трехдневный хашар, 20 — на двухдневный и 132 человека на однодневный, что составило 26 958 рабочих дней, однако не прибыли на работу 1165 человек. Кроме того, было использовано 1417 арб в трехдневном хашаре, 20 в двухдневном и 17 арб в однодневном. Всего на работу в Ер-мечеть за указанный период прибыло 1454 повозки (арбы — «عرابهٔ آغدارمه»). Помимо этого, только из 20 кишлаков прибыло 246 кошей из назначенных 307 кошей по разверстке[34].

Естественно, арбы и коши мобилизовывались вместе с людьми. Количество мобилизованных на трехдневный хашар для весенних земледельческих работ и только в одном владении хана по этому дафтару доходило почти до 10 тыс. человек.

Мобилизация на три дня не включала ни подготовку к ней, ни время на преодоление пути. Ведь мобилизованный должен был подготовить кетмень, или лошадь с арбой, или свой кош, пищу на дорогу и на время хашара, фураж для животных, халат, постель, а также порой пройти десятки или сотни верст до Ер-мечети и обратно пешком или на ослах. Для населения дальних кишлаков трехдневный хашар в действительности занимал до десяти и пятнадцати дней. В 1291 г. весенние земледельческие работы в Ер-мечети завершились 18 раби-ул сони (4 июня 1874 г.)[35].

Настоящий дафтар явно свидетельствует о том, что далеко не все кишлаки могли предоставить требуемое ханом количество людей и повозок. Полностью, согласно распределению, послали людей лишь 95 кишлаков из 368, а 13 не могли послать ни одного человека и ни одной повозки. Эти данные говорят о том, что требуемое количество было чрезмерно высоким для бедных кишлаков.

Документ свидетельствует и о том, что благодаря заслугам отдельных жителей тот или иной кишлак пользовался частичными льготами. Так, кишлак Чункат-пухта освобождался от пяти кошей из уважения к Ходжаали-инаку[36]. Единственный кишлак Хан-Келди не был обложен хашаром, очевидно, имелась веская причина. Видимо, от населения некоторых кишлаков взимали и известную сумму для дневных расходов чиновников в дни хашара. Так мы читаем в дафтаре следующий текст: «Всего получено 168 теньга за службы, [которые] израсходовали обслуживающие. Имеется еще в наличии 47 теньга»[37].

В заявлении крестьян селений Гумаили, Дангара, Кызыл-муш, Сари-Асия, Кирклар и Амир-Абада говорилось: «Мы, ничтожные рабы,

в течение двух лет обрабатываем сухие и рисовые падшахлыкские [царские] земли. В эти дни наши лошади с арбами и наши коши используются на обработке [только] сухих земель. [Ввиду этого] из-за беспомощности [не можем] пустить кош на рисовые поля, чем мы ошеломлены. В течение этих двух лет раб Его Величества инак, мобилизовав со всех сторон коши на хашар, обрабатывал [землю] для посева. Поэтому, приходя к высокому порогу, подали прошение, надеясь на [эту] ежегодную любезность Его Величества»[38].

Из документа ясно, что крестьяне, работавшие на землях хана, обязаны были выполнить всю работу как на сухих (пустопорожних), так и на культурных землях. У них не хватало рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Крестьяне прилежащих селений, обязанные работать на ханских землях, вынуждены были обратиться к хану за «помощью» в обработке его же земель. Хан пополнял эту нехватку путем мобилизации на хашар новых людей с их кошами.

В разгар земледельческих работ при острейшей нехватке рабочей силы для выполнения самых важных, неотложных дел, например, обработки таких культур, как хлопок, владетели иной раз вынуждены были нанимать мардикаров-поденщиков за более высокую оплату. Так, маргиланский бек приказывал аксакалам нанять 60 мардикаров на однодневную работу — окучку хлопка, выращенного на землях сел. Курган-тепе — с оплатой каждому почти по две теньга[39]. Срочная мобилизация на работу с относительно высокой наличной оплатой была исключительно редким явлением. Землевладелец шел на такой шаг только при крайней необходимости, когда не было иного способа для выполнения кратковременных, неотложных процессов при выращивании такой капризной культуры, какой был хлопок.

Перевозка всего необходимого, особенно дров (янтак, хворост и т. д.), сена, камыша, осуществлялась также путем мобилизации на хашар. Перед нами фирман хана, гласящий: «В настоящее время, да будет ясным и известным аксакалам, старшинам сел и подданным, для перевозки дров на кирпичное производство в порядке хашара любезно приказываем, чтобы из селений Кара-курпа, Кара-ягач, Турт-айгир, Турк-калон, Тумар-кишлак, Алты-уртак, Кияли, Какир, Чигирли, Сарай, Капа [с окрестностями], Калла-кесар, Беш-капа, Ак-джар, Пишкиран люди, имеющие повозки, зажиточные, сытые люди, выходили один раз для погрузки указанных дров на свои повозки и доставления на кирпичное производство. Людей бедных, не имеющих повозок, не облагайте, и не превращайте его в налог, сделав его обязательным [для всех]. Доставьте дрова только в виде хашара, считая его постановленным в таком порядке, не возражайте и не уклоняйтесь. 1284 г.»[40]. Кроме перечисленных в фирмане хана селений, в документе, относящемся к следующему 1285 г., называются еще селения, откуда мобилизовывались повозки для перевозки дров на кирпичное производство: Джамиш, Джилва-кишлак, Таргаба и Туркман[41].

В 1284 г. х. по приказанию хана были мобилизованы для перевозки «дров эмирских» («هیزیم میری») в ханскую урду из 41 селения местности Ходжи-Абутураба 249 арб[42].

По другим данным, из 24 кишлаков мобилизованы были 292 арбы[43]. (Редко по одной арбе из самых мелких поселений, до 30 арб из наиболее крупных). Так, только по 65 селам, указанным в документах, мобилизовывалась на ежегодный хашар для перевозки дров и камыша для нужд ханского двора и так называемого кирпичного завода 541 арба. Здесь, конечно, не отражены все населенные пункты, обложенные этой

повинностью. Кроме того, не учтены и села, пославшие на ханский хашар для перевозки «эмирских дров» арбы, по которым имеются документы, однако без указания их количества. Во-вторых, речь идет только об урде и о хиштхане, а ведь дровами обеспечивались путем хашара и другие ремесленные предприятия хана, строительные объекты, вакуфные учреждения, отдельные чиновники[44].

В документах говорится об однодневном («بطريقهٔ حشر يكروزه فرموديم») [45] и трехдневном («سه‌روزه كار كرده نوبت خود هارا گذرانيده رويد») [46] ежегодном («بدستور هرساله») [47] хашаре. В некоторых других документах указывается на мобилизацию повозок на однократную перевозку груза: «Следует Вам доставить в назначенное место по одному разу дров» («بايد كه شمايان يك دفعى هيزم آورده رسانيده بدهيد») или «следует каждому подданному, имеющему повозку, один раз доставить дрова ханскому двору («بايد كه هر كدام فقرايان اسب‌عرابه داشته باشد يك دفعه بدربار عالى رسانيده بدهد»). Это, вероятнее всего, не относится к строительным работам, так как сроки выполнения их были большими. Вместе с тем остается неизвестным, в какое время назначались однодневные и трехдневные хашары. Может быть, они осуществлялись в процессе сельскохозяйственного производства и носили сезонный характер. Но даже на эти короткие сроки мобилизованные часто вынуждены были идти всей семьей из одного селения в другое, преодолевая иногда довольно большие расстояния. Для массы пеших это было трудно. Не меньшую трудность представляли такие переходы для крестьян, мобилизованных «со своими кошами и боронами» («قوشهاى خودهارامع سيخ ماله آورده سه‌روز كار كرده نوبت خودهارا گذرانيده رويد»)[48], или «мардикаров с кетменями и повозками» («مردكار مع كلند وعرابه آمده»)[49]. Слово «نوبت» («очередь») явно свидетельствует об обязательности и очередности выполнения хашара. Хашар в ханском хозяйстве не был временным, изредка организуемым мероприятием, он выполнялся в виде ежегодной узаконенной повинности — обязательной отработки крестьянина в хозяйстве феодала. Во время хашара во главе каждого мобилизованного селения стоял аксакал данного села («و ليكين آقسقالان همراه آمده استاده‌كار كنانيده رويده»)[50].

При нынешнем состоянии исторического материала невозможно определить точное количество всех мобилизованных на хашар людей, повозок, кошей. Однако приведенные нами цифры по мобилизации населения на принудительные работы в ханском хозяйстве лишь по некоторым кишлакам и только для некоторых видов работ наглядно свидетельствуют о тяжести этой повинности, лежавшей на плечах трудового народа. Население обязано было выполнять любые работы, на которые его мобилизовывали. Так, кочевые племена должны были доставлять строительный материал из арчи для строительства урды на Сохе[51].

Мобилизация населения на принудительные работы имела огромный размах и была крайне разорительна.

В вышеприведенном фирмане о мобилизации на хашар повозок для перевозки дров хан вновь и вновь лицемерно предупреждает о том, что мобилизации следует подвергать только тех, у кого имеются повозки, и зажиточных людей. Хан указывает, что, обложив беднейших людей, не имеющих повозок, они тем самым превратят хашар во

всеобщую повинность[52]. Во-первых, такое неоднократное повторение предупреждения в одном документе, несомненно, свидетельствует о том, что хашар порою превращался во всеобщую повинность, что в условиях происходивших в то время в стране бурных внутренних социально-политических событий было крайне опасно для самой правящей верхушки. Во-вторых, хан и его первые чиновники могли лицемерно предупреждать, проявляя на бумаге свою «заботу» о народе, на местах же чиновники поступали по своему усмотрению.

В ряде документов подчеркивается необходимость участия призываемого кишлака «в числе всех кишлаков». («سه روز در قطار قشلاقها» «آمده کار کرده روید»), провести свою очередь («نوبت خودها را گذرانیده روید») или работать в числе народа («در قطار مردم کار کنانیده روید»)[53]. что явно свидетельствует о всеобщем для крестьян характере ежегодной трудовой повинности. В ряде документов подчеркивается мобилизация населения кишлаков на хашар „всем домом" («باید که خانه خیز برامده»)[54].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что иногда на хашар вызывали внезапно, в течение одной ночи. Мобилизованный вынужден был срочно собраться сам, подготовить рабочий скот, повозку и на рассвете двигаться в назначенное место. «Да знают аксакалы указанных сел (Арабан, Кашгар-кишлак, Джамиш-бий, Минглар и Барзанги-кишлак), что мы приказываем послать ваши повозки на хашар для строительства урды. По получении паты следует вам подготовить свои повозки ночью и ехать в Ходжи Абу-тураб, погрузить [на них] янтак и доставить [к месту назначения]»[55].

Вследствие мобилизации на тяжелые пахотные работы и из-за недостатка кормов рабочий скот часто выходил из строя, поэтому мобилизованные коши одних селений сменялись кошами других селений. Так, вышеупомянутый ханский чиновник Турсун Мухаммад-инак дал распоряжение (с ведома хана) Мухаммаду Садыку-саркару об отпуске кошей, мобилизованных из сел. Джалаир-и-калон, ввиду их усталости, о чем сообщал аксакал данного селения и обещал выдать пату на мобилизацию кошей из других мест[56]. Далее тот же чиновник тому же саркару давал указание о замене работавших в Афган-баге кошей сел. Джерик-чекда[57] на коши сел. «Мулла Аббаси беш-кепаги»[58], на что выдана была им пата[59].

В заявлении аксакала сел. Дихкан-туды на имя хана говорилось, что он грузит дрова, принадлежащие хану, по пятьдесят стогов на арбу и посылает ко двору Его Величества. В пути некоторые лошади, «теряя силу», не могут довезти до места груз, поэтому, снимая часть груза с уставшей лошади, перекладывают его на другую. Однако во время приема на месте назначения ханские чиновники Имам Мухаммад-пансад и Умар-бек юзбаши, не учитывая перегруженных повозок, насильно взимают по 12 теньга у возчиков, у которых по пути был снят груз[60].

Этот факт говорит, во-первых, о мобилизации на хашар всех лошадей с повозками, независимо от того, в каком состоянии находились эти лошади[61]. Они принадлежали, несомненно, небогатым людям. Едва ли богачи держали в своих хозяйствах слабых лошадей. В письме ханскому саркару Мулле Ишмухаммаду Мулла Мухаммад Каримирза писал, что его кобыла, взятая на хашар, должна сегодня или завтра ожеребиться, поэтому он просит вернуть лошадь[62].

Если чиновник имел возможность писать жалобу и просьбу, то, разумеется, неграмотный крестьянин в случаях подобного беззакония, которых было множество, вынужден был молчать.

Из приведенного выше документа (№ 637) мы можем сделать еще такой вывод, что чиновники использовали любой момент, чтобы извлечь для себя пользу. В организации хашара настолько было распространено взяточничество чиновников, что хан вынужден был, хотя бы для видимости, предупреждать население, чтобы оно не давало ничего чиновникам: «...Еще мы приказываем, — писал хан, — не давать ни фельса, ни дирхема служителям высокого двора и аксакалам указанных кишлаков за их службу»[63].

Следует отметить, что, видимо, в крайнем случае, уже по выполнении сверххашарных работ, принудительно нанимались повозки, которые оплачивались ничтожной суммой — каждой арбе по одной теньга[64].

Отношение хана, беков, ханских чиновников к мобилизованной на выполнение принудительных работ беззащитной массе народа было бесчеловечным.

Мидендорф пишет о том, что ему показывали место, где под обвалом при строительстве канала погибло 180 человек, и, несмотря на это, хан приказал продолжать работу. Когда над работавшими еще раз обвалилась сверху земля и погибло 8 человек, тогда только работа была приостановлена[65]. Мидендорф называет число трагически погибших бедняков-землекопов, а пострадавших было бесчисленное множество.

Мы приведем рассказ автора «Таснифи Гариб» о положении мардикаров, работавших на трассе ханского канала Улуг-нахр. «Один чиновник-ясаул, уроженец Яр-Мазара, рассказывал мне, — писал он, — что Худояр-хан во время проведения Улуг-нахра во главе прибывающих из разных городов и убывающих мардикаров назначил Атакули-бахадурбаши[66].Он назначил меня ясаулом у выхода его большого шатра. Батурбаши (Атакули-бахадурбаши) в такой степени сильно терзал этих мардикаров, когда видел или слышал, что из числа этих мардикаров, главным образом стариков, кто-нибудь отдыхает в силу усталости. Он немедленно ставил его — седовласого — под удары палкой. Случайно ногу одного старого человека [мардикара] задел [другой] мардикар своим кетменем и ранил его. Последний не смог подняться с места и со слезами продолжал сидеть. На него упал взор батурбаши, ехавшего издали: тот, ускоряя конный ход, прибыл на место и, громко ругая [пострадавшего старика], спросил, почему он сидит, почему не на работе. На это старик, плача, показал на раненное место. Тут же он, вызвав [к себе] одну группу мардикаров, приказал уложить [старика] на дне ложбины. Они уложили его, и он [приказал] засыпать его землей. Они завалили землею. После ухода батурбаши все мардикары плакали; не высохли на наших глазах слезы за всю ночь, мы проклинали его»[67].

Поразителен и другой факт проявления ханского произвола, приведенный этим же автором. Для того, чтобы приостановить прорвавшуюся подземную воду на дне Улуг-нахра, глубоко заковывали здесь несколько людей, носивших имя «Тухтасин» (в переводе — пусть остановится)[68].

Таким образом, проведение ханами и беками оросительных работ, строительство немалого количества объектов (медресе, мечетей, мавзолеев, лавок, многочисленных торговых рядов, ремесленных предприятий, «заводов», урды и дворов для царевичей), производство стройматериалов, расширение и развитие городов, происходившие главным образом в последнее правление Худояра, когда он был царским вассалом, осуществлялись путем широчайшего использования принудительного труда населения.

Принудительный труд крестьян и горожан, мобилизуемых с орудиями труда и средствами транспорта (лошадьми, боронами, повозками, кетменями и т. д.)[69], широко использовался как при выполнении дел, считавшихся государственными, так и в собственных владениях хана, беков, царевичей и других членов ханского дома.

Использование принудительного труда в рассматриваемый период носило массовый характер и принимало наиболее тяжелые формы. И в этих невыносимых условиях, используя примитивные орудия производства, народ упорно трудился, чем были удивлены впервые оказавшиеся здесь люди. «Посмотрите,— говорил один из русских ямщиков Мидендорфу, показывая на таких мобилизованных мардикаров, — как усердно работает эта Азия, пригнанная сюда на такие тяжелые работы»[70].

Глава VIII

РАСХОДЫ ХАНСКОЙ КАЗНЫ

Мы не имеем возможности определить конкретные расходы ханской казны по всем статьям прежде всего по той причне, что не располагаем для этого достаточным материалом. Кроме того, этому препятствует сам способ ведения учета натуральных доходов, а также расходов и финансового учета в ханстве. При наличии всего ханского архива, всех тетрадей по доходам и расходам все равно можно было бы составить лишь приблизительную сумму по ним, так как далеко не полный их учет не позволил бы подвести точный итог.

В ханстве во главе финансового ведомства стоял мехтар — «министр финансов»[1], к которому как казначею поступали все денежные суммы, в его распоряжении находились также все драгоценности владетеля[2]. Он же до 1867 г. занимался снабжением войска различными продуктами. В 1866 г. казначей-мехтар из 90 000 тилля годового дохода (от Кокандского округа) представил хану документы только на 60 000 тилля. Если в данном случае 1/3 часть известного дохода исчезла (она была впоследствии восполнена мехтаром путем получения займов у купцов) и мехтар был отстранен от занимаемой должности, то, следовательно, такие факты имели место. Поэтому используя данные, имеющиеся в литературе 70-х годов XIX в., можно остановиться лишь на характере произведенных ханским домом расходов, что значительно освещается и материалами архива.

Наиболее крупные статьи расхода были по содержанию войск. Как известно, войска в Кокандском ханстве в мирное время находились в ведении беков в округах и экономическое обеспечение они получали путем освобождения от налогов, выдачи бератов на получение зерна в счет хараджа и определенной суммы. Войско состояло как бы из двух частей: относительно небольшого числа конных регулярных частей (сипаев) и ополченцев. По словам очевидца, было «конное земское ополчение и большое количество ополченцев, набранных из разных элементов под названием «сарбаз»[3]. Были и тупчи (артиллеристы). «На полное иждивение кушбеги,— писал А. К. Гейнс,— поступают набранные люди (ополчение). Сам хан содержит только войско Кокандского округа... В мирное время ополчение распускается, на службе остаются только сипаи или телохранители при кушбегах, составляющие в одно и то же время и войско, и прислугу, и «чиновников». Ополчение снаряжалось за свой счет»[4].

В последний период царствования Худояр, по всем имеющимся данным, значительно увеличил количество войска и стремился к созда-

нию регулярной обученной армии. По-видимому, это явилось результатом горького опыта бесславной, многолетней борьбы с царской армией и факта реальной угрозы со стороны Восточного Туркестана. Кроме того, внутреннее крайне неспокойное положение самого ханства также требовало усиления войска. Однако в конечном счете эти реформы не помогли хану удержать в своих руках власть.

Один из местных авторов писал, что Худояр-хан очень увеличил число своих солдат, подготовил хорошие пушки, получил из Стамбула хорошие винтовки, нашел хороших мастеров-оружейников и увеличил количество винтовок и пистолетов[5]. В другом месте своего труда этот же автор указывал еще и на то, что Худояр на протяжении длительного времени тратил «безграничную казну», пригласив английских, афганских и стамбулских преподавателей (офицеров) для обучения войска и подготовил 25 тыс. обученных солдат (видимо, цифра преувеличена)[6].

В конце правления Худояр-хан, видимо, не надеясь на подготовленное войско, набранное из разных неимущих слоев городского и сельского населения, придумал создать еще хотя бы отряд из молодых представителей богатых людей кишлаков («بای بچه»), надежную опору власти в армии. Составление списка молодых богачей с их конями в секретном порядке было поручено ханом одному из близких ему чиновников. Мы остановимся на письме этого чиновника (имя его не приводится), ярко характеризующем данное мероприятие хана. «О прибежище мира! Когда в благородном месяце рамадане [Ваше Величество] прибыли для охоты в местность Ишан-кишлак, и Вы, оказывая любезность и покровительство в отношении этого раба, поручили мне скрыто составить список богатых, состоятельных и сытых подданных, а не воинов, в то время я ходил из одного кишлака в другой, выполняя обязанности прислуги, и скрыто составил список [тетрадь] и включил в него двести двенадцать богатых сытых людей и молодых богачей, проживающих в западном направлении от города. Я думал, когда мой господин будет требовать его, я предоставлю взору августейшего. Сейчас раб Его Величества Мумин-пансад, узнав о тетради этого слуги, беспокоит меня, требуя указанную тетрадь через посланных ко мне [своих] людей, говоря, что Его Величество хан отдал мне молодых людей, включенных в список. Я как раб довожу это до Вашего сведения и жду Вашего указания»[7].

Все эти данные местных источников в известном отношении подтверждаются данными русских авторов. Например, Н. Аристов писал, что «Худояр-хан старался образовать значительное, постоянное войско, обучаемое выходцами из разных стран, главным образом из Бухары, на азиатско-европейский манер...»[8].

В военное время военный налог, собираемый в экстренном порядке с населения и, следовательно, тяжело ложившийся на плечи народных масс, представлял значительное пополнение казны. «При Кокандском правительстве, — писал один из авторов 60-х годов, — делались нередко экстренные сборы на военные надобности; цифра подобного сбора доходила до пяти тилля с богатого и до двух с половиною тилля с человека среднего состояния»[9]. Н. Аристов считал этот налог самым обременительным для населения, и, по его словам, он был введен Худояром в государстве, якобы «не знавшем прежде никакой военной повинности, кроме поголовного вооружения в чрезвычайных случаях»[10].

Несомненно, в условиях 60-х — 70-х годов XIX в. в силу указанных причин расходы на содержание войск увеличивались. Если в правление Умар-хана столичное войско, т. е. войско Кокандского округа (войска хана), обеспечивалось зерном, получаемым только из района Шахри-

хана, т. е. из тех местностей, которые орошались водой введенного для этой цели Умар-ханом Шахриханского канала, на котором был им же основан город Шахрихан[11], то в рассматриваемое время войско, несомненно, требовало бóльших натуральных расходов и финансирования. Только в одном Кокандском округе харадж с хлебов 210 кишлаков, значительно большей половины кишлаков столичного округа, отдавался войскам и чиновникам[12].

Один из серьезных исследователей последнего периода Кокандского ханства А. Кун приводил список натуральных и денежных расходов чинов всех иерархических ступеней, всех ведомств в самый последний период существования ханства. Однако он не мог установить все огромные льготы по освобождению чиновников от налогов, определенных государством для этих чинов, поэтому не выяснил, отразились

Таблица 5

Военные чиновники	Число	Кол-во зерна, отпускаемого за год, в батманах	Деньги, выдаваемые за год, в теньга
Аталык	1	2 000	2 000
Кушбеги	4	1 000	1 500
Парваначи	6	800	1 500
Дадха	10	700	1 000
Бий	10	400	700
Эшик-агаси	100	200	500
Тохсаба	200	100	300
Мирахур	300	70	150
Караулбеги	400	50	100
Курчи	200	30	70
Дивачи	500	30	70
Мирзабаши	100	25	60
Чаар-агаси	1 000	25	60
Батыри или так называемые аламаны (воины)	8 000	20	50
Итого	10 831	311 300	744 000

ли эти тарханные привилегии на цифрах по выдаче продуктов зерном, которыми он оперировал. Нам кажется, что эти льготы нашли отражение. Очень жаль, что А. Кун, приводя ценные сведения, четко не показал, из какого источника взято им это очень строгое, четкое распределение доходов феодального государства, были ли отражены эти сведения в каких-то ханских документах, или взяты им прямо из ведомостей (дафтаров), или же они получены им на основании устных сведений людей, связанных с казной. Мы не занимались выяснением этих вопросов, да и сделать это очень трудно. А. Кун разделял всех чиновников на три ведомства по назначению в следующем порядке: духовенство, военные и придворно-административные чины[13]. В табл. 5 представлены данные по расходам на представителей военного ведомства за год[14].

Батман зерна, по сведениям А. Куна, стоил тогда от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. Если взять за среднюю величину 1 руб. 75 коп., то стоимость всего выданного зерна будет равна 532 775 руб., а выданные деньги с пересчетом на русский рубль (из расчета 5 теньга равны 1 руб.) составят сумму, равную 148 800 руб. Таким образом, годичные расходы за счет

отпущенного зерна и деньгами определялись в 681 675 руб. Это составляло более 1/5 трехмиллионного ежегодного дохода хана, который, кстати сказать, на деле, по данным А. Куна, был в два-три раза больше[15]. Ведь об имуществе Худояра, определяемом в 7 млн. руб., когда он уже находился под защитой царского правительства, совершенно ясно писали русские исследователи 70-х годов[16].

Содержание войска обходилось в Кокандском ханстве дорого. По сведению В. Вельяминова-Зернова[17], например, юзбаши в 1251 (1835—1836) г. получал следующее:

Пшеницу	20 чайриков (80 пудов)	6 тилля
Джугару	60 » (240 пудов)	10 тилля
Халат из кимхаба (вид ткани)	1 шт.	
Чалму	1 »	3 тилля
Кушак	1 »	
Сапоги	1 пару	10 теньга
Шаровары	1 шт.	10 теньга
Шубу	1 »	2 тилля
Халат	1 »	10 теньга
Чекмень	1 »	18 теньга
Баранов	2 »	16 теньга
Уголь	—	10 теньга
Чепрак	1	15 теньга
Кирпичный чай	2 пачки	1 тилля 8 теньга
Чай ак-куйрик	1 фунт	4 теньга
Жалование ежемесячно		1 тилля 4 теньга (в год 14 тилля 6 теньга)
Всего		36 тилля 107 теньга

Таким образом, содержание одного среднего военачальника-сотника (юзбаши) в год еще до реформы Худояр-хана обходилось ханству в 36 тилля 107 теньга, или 158 руб. 20 коп., кроме добычи, получаемой во время военных действий. Содержание пятидесятника (панджабаши) обходилось в 2/3 общей суммы, затрачиваемой на сотника, т. е. около 28 тилля, десятника (дахбаши) — на 1/3 меньше общей суммы пятидесятника (более 18 тилля), а рядового — на 1/3 меньше общей суммы десятника (более 12 тилля). Согласно сведению этого автора, при поступлении на службу каждому военному выдавали еще лошадь и золоченую сбрую с чепраком, некоторые получали поместья, в военное время военным платили подъемные: юзбаши — 2 тилля, пятидесятнику — 1,5 тилля, рядовому — 1 тилля. Перед походом выдавали саруло (халат). В случае проявления себя в сражении вознаграждали деньгами и халатом[18]. Данные Вельяминова-Зернова относятся к середине 30-х годов, ко времени наивысшего расцвета ханства, когда постоянного войска в мирное время содержалось немного (самое обширное бекство — Ташкентское — имело всего 700 человек). В условиях, когда было увеличено войско, этот расход, разумеется, значительно возрос.

Созданное ханом многотысячное войско имело льготы при выплате поземельного налога, продолжало получать по бератам зерно и обмундирование. В архиве сохранились значительные данные относительно материального обеспечения войска. Однако для полного определения всех расходов по войску и подтверждения данных А. Куна этого документального материала недостаточно. Для иллюстрации укажем лишь на то, что один из списков определенной группы войск, получавшей все перечисленное в 1290 г. х., назывался «Список воинов-артил-

леристов и пехотинцев, получивших земли и зерно, также обмундирование в год курицы в месяце раджабе»[19].

В нашем распоряжении имеется большое количество материала об освобождении военачальников и рядовых воинов от поземельного налога, на чем мы, хотя и вкратце, остановились выше, но этот вопрос является предметом специального изучения в дальнейшем.

Таблица 6

Чин	Число	Зерно, полученное за год каждым, в батманах	Полученные за год деньги каждым, в теньга
Ходжакалон	1	800	1 200
Накибы	2	500	1 000
Мирасады	5	300	700
Садры	10	200	600
Судуры	50	100	400
Ураки	100	50	200
Всего	168	15 300	52 700

А. П. Хорошхин предполагал, что «полное содержание воинских чинов (в 70-х годах. — *Р. Н.*) стоило хану будто бы около 150 000 червонцев»[20]. Эти сведения сильно расходятся с приведенными нами данными и явно преувеличены. Непонятно, может быть, он считал и все пожалованные им государственные налоги и подати, или же имел в виду 150 000 тилля, что почти соответствует данным Куна.

Таким образом, расходы на войско составляли самую большую статью расходов казны. Но в третье правление Худояра, как уже мы отмечали, многотысячное войско, содержавшееся за счет жестокой варварской эксплуатации трудового населения этого небольшого края,

Таблица 7

Название должности	Число должностных лиц	Полученное каждым за год зерно, в батманах	Полученные каждым за год деньги, в теньга
Инак	3	1 000	1 000
Мехтари закят-хане	1	500	500
Шигаул	1	400	500
Курбаши	1	300	400
Харчибаши	1	200	300
Зин-бардар	1	200	400
Мирзабаши	1	200	300
Мунши (дабир)	1	100	200
Караулбаши	1	100	200
Мирохурбаши	1	100	200
Есаулбаши	2	100	200
Амины	14	50	150
Саркары	1	200	300
Всего	29	6 200	8 800

занималось не охраной своих границ, а в основном подавляло бурные внутренние движения социально-политического характера.

Значительная часть государственных доходов уходила на содержание довольно сложного чиновничьего аппарата. В табл. 6 приведены данные по основным расходам чиновников, являвшихся представителями духовного сословия[21].

Кроме перечисленных, имелся ряд должностей, занимаемых представителями духовенства — улемами. На должность шейхулислама

имел право только представитель сословия ходжей. Все они содержались в основном на доходы с вакфного имущества и общественные сборы, кроме получаемых перед ежегодными празниками богатых подарков от хана в виде ценных халатов, зерна и денег. Перечисляем эти должности: шейхулислам—1, маулави—1, казикалон—1, казиул—1, куззат — 1, казиаскар — 1, казимутлак — 1, казираис — 1, муфтий — 10, аълам — 2, мударрис — 150, имамы (в столице) — 300.

В табл. 7 на основании данных А. Куна представлены сведения по придворно-административным должностям[22].

Вся сумма получаемого содержания служилого и придворно-административного аппарата составляла в год 21 500 батманов зерна (на сумму 37 605 руб.) и 61 500 теньга деньгами (12 300 руб.), а всего — 49 905 руб. в год (кроме земельно-водных пожалований, годичных и периодических подарков и т. д.)[23]. Несмотря на все это, средства, затрачиваемые из казны на содержание этих чинов, были совершенно незначительными по сравнению с официальным доходом хана и составляли примерно 1/60 часть его.

Таким образом, если взять во внимание даже явно превышенную цифру расходов на содержание войска, по сведениям Хорошхина, и прибавить расходы на содержание чиновников, то эта цифра превышает полтора миллиона рублей. Следовательно, почти половина из трехмиллионного ханского дохода (по официальным налогам и поборам) оставалась в распоряжении ханского дома. А как мы говорили выше, вследствие ханского произвола этот доход поступал в двух, а порой и трехкратном размере.

Харадж, в том числе и потанабные сборы, эта основная статья доходов государства, не только расходовался на содержание войска и чиновников, но наряду с другими доходами тратился на содержание ханского двора, дворов беков, царевичей и их хозяйств, многочисленных строительных объектов членов ханского дома, на приобретение хозяйственного имущества, скота. Проводились за счет этих доходов пышные пиршества, различные походы и прогулки, богатые приемы гостей и т. д.

Так, например, в одном дафтаре приводились частичные расходы на строительство канала Улуг-нахр, постройку какого-то склепа (дахмы), амбара, на одежду для подарков, расходы урды и чиновников на общую сумму 13 472 теньга, оплаченных за счет поступлений от танабаны (« از پلی خربزه »)[24]. В другой пате от 1285 г. х. Мулла Абдулджалил-мирзабаши приказывал Мулле Абдусаиду-мирзе (видимо, сборщику танабаны) выдать 82 тилля за лавку, приобретенную ханским чиновником для хана, за счет «танабаны от дынь»[25]. Некоему Тураджану-туре (видимо, саркару местностей, орошаемых Улуг-нахром) приказывали выдать 500 теньга для строительства здания в каком-то чеке, 500 теньга для расхода кара-тепинской урды, 200 теньга для мельницы в сел. Калла-Чикди и 50 тилля военачальнику за счет потанабного сбора, поступающего с массива, орошаемого Улуг-нахром[26]. За счет потанабного сбора отпускались средства на заготовку дров, расходы на мельнице, помещение для скота, покупку жмыха для скота ханского дома и т. д.[27].

Ярким примером для показа характера расходов ханского двора может служить один из значительных дафтаров по расходам, произведенным на различные нужды правящей верхушкой за счет потанабного сбора и закята. Тетрадь, составленная по поручению маргиланского бека в год курицы (1290 г. х.), содержит расходы, произведенные чиновником по имени Мулла Ходжа Назар-мирза.

Наименование объекта или человека, которым отпущены средства	*Сумма*
Расходы, произведенные казначеем Мухаммадом Юсупом-мирзой на андижанское, уч-курганское и ошское войско (жалование воинов с ханскими подарками	
(«مواجب جوانان مع تارتوق جناب عالی»)	54 500 теньга
Расходы на покупку [ценной] одежды для Мухаммада Расул-бая и товары для подарков хана	74 000 теньга
Деньги, выплаченные для домов Саида Мухаммада Садык-бека[28] и казначея Минг-башара	910 тилля
Деньги, выплаченные для домов Мухаммада Риза-бая и казначея Муллы Мухаммада Юсуфа	7 615 теньга
Деньги, выданные Уста Мухаммаду Кариму (саркару) для расходов на мастерские по производству бархата	900,5 тилля
Деньги, выданные Мухамиаду Расул-баю казначеем Муллой Мухаммадом Юсупом и Муллой Мухаммаджан-мирзой для оплаты одежды воинов	2 000 теньга
Плата за одежду людей Саида Мавлян-бека	65 тилля
Плата за одежду воинов, находящихся в саду	400 теньга
Деньги, выданные в 4 раза, в руки Азизлар-ходжи на расходы по строительству большого сада	1 695 теньга
Деньги, выданные Мирзе Умару для оплаты пяти верблюдов с железом	1 463 теньга
Выдано Абдулфайз-баю ходже	100 тилля
Выдано за службу Мулле Маруф-бий наибу	150 тилля
На расходы медресе	60 тилля
На расходы ханского арсенала, имеющего грамоту («جهت شور پلی در بار عالی قور خانهٔ عنایت نامه‌دار»)	40 тилля
Выдано для приобретения Корана	25 тилля
Выдано для строительства Саида Акбарали-бека	100 тилля
Оплата за провоз из Коканда на арбах обитателей внутреннего двора Саида Мухаммада Саддибека	40 теньга
Жалование наиба Туры («جهت خدمتانهٔ نایب توره»)	100 тилля
Выдано за часы	90 тилля
Выдано для оплаты верховых лошадей казначея в руки Али-кули махрама	50 тилля
Выданы в руки Мулле Фахриддину-домулле деньги, полученные от потанабного сбора сел. Файзабад	2 540 теньга
Выдано золотых дел мастеру Камилджану	25 теньга
Выдано для покупки кобылы для Саида Мавлян-бека	8 тилля
Расходы на строительство старшего Бегиджана (одного из царевичей)	1 000 теньга
Выдано Ишану шейхулисламу из дервишского ордена „Кадрии"	400 теньга
Выдано на расходы по постройке Саида Сиддик-бека в руки Мухаммада Мусы-саркара	2 700 теньга
Выдано по приказанию Бегиджана (царевича) для пожертвования в связи с потерей сознания внуком царя (хана) в руки Муллы («در بیخود شدن نبیرهٔ پادشاه صدقه شده بامر بیگیجان بدست داملا»)	500 теньга

Выдана плата за пару волов, приобретенных Юнусом-махрамом	15 тилля
Расходы внутреннего двора Айшмча-хана, переданные по приказу Его Величества через рабыню Ак-юл	4 000 теньга
Плата за лошадей Ата-бека ёвара	21 тилля
Выдано ганчибаши несколько раз	12 тилля и 3 500 теньга
Выдано в порядке командировочных денег домулле Мухаммаду-мирзе на посещение им войска	110 теньга
Выдано для отделки серебром двух ложек хана	10 теньга

В итоге эти 33 вида расходов составили 2 846,5 тилля и 166 598 теньга. Из этой суммы на содержание войска и чиновников было израсходовано 159 871 теньга, а остальные были израсходованы на нужды ханского дома, его хозяйства. Кроме того, в этом дафтаре указывались расходы на походы царевичей, подарки в связи с рождением в их доме ребенка, оплата подарочных халатов и т. д.[29] Следует отметить то обстоятельство, что эти расходы были произведены за счет только некоторых ханских доходов — танабаны и закята. Другие доходы, в частности харадж, также распределялись.

Расходы ханского двора, дворов бека, царевичей были крайне большими и разнообразными. Перед нами дафтар о расходах только мяса и масла в ханском хозяйстве[30].

Распределение продуктов	*Мясо, в пейсах*	*Масло, в пейсах*
Для котла муллы в саду Мухаммада Сиддик-бека	75	—
Для мастеров-оружейников, работающих в правительственных мастерских	75	—
Для серебряных дел мастеров	25	—
Для специалистов-коноводов	50	—
Для бани, находящейся в саду	25	—
Для поездки Саида Мухаммада Сиддик-бека в сад (загородный)	100	50
Для мастеров, работающих в саду Саида Мухаммада Сиддик-бека, мастеров и мардикаров, работающих в большом саду	75	50
Для банщиков и сагиров, находящихся в саду	25	12,5
Для послов Кара-тегина	25	—
Для послов Шугнана	25	—
Еще для поездки Саида Мухаммада Сиддик-бека в сад	150	75
Для котла ополченцев	1,5 чекса	—
Для мастеров, работающих в . . . . («به بادخانه») за 3 дня	150	75
Для мастеров, работающих на производстве шерстяных тканей («باستایان شالخانه»)	50	25
Для пекарей	—	25
Для мастеров, строящих в саду тахаратхану (помещение для омовения)	50	25
Для мастеров зеркального производства (которые упоминаются очень часто) («باستایان آینه ساز»)	18	9
Для мастеров-каменотесов («باستایان قرکرون همام»)	100	50

Для котла ополченцев («جهت آش الامان»)	—	—
Для удойчи (адъютанта) Урман-бека	100	50
Для мастеров нового сада («جهت استایان باغ نو»)	50	25
Для . . . («جهت پلترچی»)	25	—
Для . . . («جهت محافه‌چی»)	12	—
Для биби-атуны (женщины, читающей молитвы, религиозные стихи)	50	25
На арбы . . . («جهت عرابهٔ محافه»)	—	—
Для мастеров, работающих в доме Саида Мухаммада Сиддик-бека	—	—
Для дневного блюда Мухаммада Сиддик-бека	50	31
Для сагиров, прикрепленных к саду («جهت صغیره گان باغ»)	25	12,5
За обрезание виноградника в новом саду	75	12,5
Для мастеров серебряных дел и мастеров по изготовлению пик («استای نیزه ساز»)	50	25
Для коневодов Его Величества	100	50
Для дяди Абдулазиз-бека (со стороны матери)	38	—
Для тестя Саида Мавлян-бека	100	50
Для миршикаров Саида Мухаммада Сиддик-бека и корма охотничьих птиц	38	12,5
За хождение в баню Саиду Абдулазиз-беку	100	50
Для сагиры Урман-бека	25	12,5
Для сагиры и шорников	50	25
Для комика (шута) Нияз Мухаммада («جهت نیاز محمد قزیق»)	25	—
На корм охотничьих птиц Урман-бека	50	—
На корм охотничьих птиц, находящихся под надзором специалиста по обучению орлов («بور گوتچی»)	500	—
Для муллы (учителя) Мухаммад Сиддик-бека	500	—
Для певца Абдуназара	25	12,5
Всего	2981 пейса 1,5 чексы	815,5 пейса

Это частично отраженные в одном неполном дафтаре расходы мяса и жиров, видимо, в течение одного или нескольких дней в ханском дворе. В таком порядке обеспечивались дворы и хозяйственные учреждения хана и всех многочисленных членов его дома и их родственников всем необходимым за счет государственной казны. Для того, чтобы еще лучше представить расходы хана и беков, можно привести следующие данные: расход мяса и жира маргиланского бека по дафтарам одного только ганчабаши за период с 25 сафара 1290 г. х. до 6 сафара 1291 г., т. е. за 11 месяцев 11 дней, составил: мяса бараньего — 2885 чексы *общей стоимостью* 9 500 теньга, *сала* — 1 430 чексы *стоимостью* 9 700 теньга, мяса откормленного крупного рогатого скота — 370 чексы, или 700 теньга. Всего мяса и сала на 19 900 теньга. За это же время расходы бека по мясу и жиру в некоторые его поездки составили: мяса — 814 чексы, масла — 362 чексы. Значит, по неполным данным за год только дневные расходы бекской урды мяса и жира составляли 24 800 теньга[31]. (Это далеко не все годичные расходы мяса и жира в хозяй-

стве бека, расходы крупных тоев, других пиршеств и обрядов не входят). В следующий отчетный год за период времени более года ежедневный расход мяса и жира определялся в 35 470 теньга[32].

Внутренний двор обеспечивался ежегодно выдаваемой одеждой. Например, Султан Мурад-бек в письме приказывал главному мирзе Абдуджалилу, чтобы он отпускал щедро одежду, выдаваемую ежегодно в определенное время для обитателей гарема[33]. Кроме того, выдавались одежда или разные материи ежемесячно («ماهانهٔ درون») В одном из дафтаров записан отпуск для людей гарема шелкового полотна на 30 одежд («جوره») —каждый кусок по два отреза (около 5 *м* каждый), адраса—на 30 одежд, ситца под названием «шал»—10 больших кусков («توب»), ситца «пушти»—15 больших кусков, бекасаба—на 20 одежд, алачи (полосатой бумажной или полушелковой ткани) — на 30 одежд, стамбульской кисеи — 5 штук, кокандской кисеи — 10 штук, ковушей (калошей) — 90 пар (10 хасаги — особых, 50 сагиринских, 30 каиши), для двух айимов большого атласа («اطلاس کلان») — на 9 одежд, «адраси кабира» («ادرس کبیره») — на 9 одежд, шелкового полотна — на 9 одежд, ситца отличного сорта западного происхождения («چیت رومی‌خوب») —2,5 больших куска, полосатой желтой материи «шалфар» — 2 больших куска, кисеи большого размера — 2 штуки, ичиг («خاصه‌گی») — 1 пару[34].

Однако этим не ограничивались подобные расходы внутреннего двора. По требованию кого-нибудь из членов ханского или бекского дома немедленно отпускалось все нужное в любом количестве как для выполнения какого-либо обряда или проведения пиршества, так и без них.

Вход хана в гарем сопровождался соблюдением многих обычаев и большими расходами. Например, для ханского пайандаза[35] отпущены были следующие материи: обыкновенные тряпки («لتهٔ رسمی») 16 гяз, адрас — 1 кура («کوره»), бекасаб — 1 кура, ситец «шал» — 2 больших куска, ситец «пушти» — 2 больших куска, алача — на 20 одежд, кисея кокандская — 1 кура, кисея шашская (ташкентская) — 1,5 куры, баран — 1[36]. Хан входил в гарем с крупными подарками. В их числе были и ирбитские ларцы (например, однажды ханом преподнесены были два ирбитских ларца, в одном из которых имелась пудра, жевательные смолки, наперсток, сурьма, иголки, чернильные орешки («ماضی»), туалетное мыло, 9 штук крупной посуды, 5 штук больших чашек и 7 штук малых чашек («نیم کاسهٔ جایداری»)[37]. В одном из документов приказывалось отпустить в связи со входом хана в гарем посуды в общем количестве 145 штук[38], в другой раз подарки хана состояли из шелкового полотна на 9 одежд, атласа на 9 одежд, ситца на 9 одежд, 3 больших куска английского ситца («سه‌توب چیت فرنگی») 3 больших куска ситца «пушти», 10 штук стамбульской кисеи, 2 больших предмета охотничьей железной утвари[39].

Многочисленные документы свидетельствуют о максимальном обеспечении домов царевичей и самих царевичей. Например: обувью — кавуши (кожаные галоши азиатского образца), махси (ичиги) ташкентского производства (очевидно, оно считалось лучшим) и специальными сапогами («موزهٔ خاصه‌گی»); одеждой и текстильными изделиями—кушаки, большие шерстяные платки, рубашки и штаны или материя для них, белая, красная и желтая шелковая материя, атлас, адрас, шалфар, а также ватой; домашней утварью — кошмы (большие казахские, киргиз-

ские), подсвечники (бронзовые, малые и канделябры), фарфоровая посуда разного размера и разной формы; пердметами дастархана — крупная голова сахара, набат, печак, кандак, руста, нишалда, фисташки, кишмиш, дыни, виноград, сливки, кислое молоко, «тамар-и хинду» («تمر هندو»), гератские сливы («آلوی هراتی»), ароматный чай («چای خوشبوی»), белый, зеленый и ак-куйрукский чай («چای آق قویروق»), для приготовления горячей пищи отпускались все продукты вплоть до лука, моркови и даже соли[40]. Обеспечивались царевичи дровами, углем и мылом; выдавались им потребные деньги — десятки и сотни тилля на каждый раз и каждому, различные вещи, разнообразные халаты для преподнесения членами ханского дома в виде подарков, кому они считали нужным, все необходимое для содержания прислуги, все необходимое для совершения церемоний обрядов, пиршеств в связи с укладыванием младенца в колыбель («بشیك توی»), угощения в связи с чтением Корана («ختم قرآن»), вечернее угощение в месяце рамазан («افطار»), угощение в связи с жертвоприношением («قربانی»), угощение женщин в связи с обрядами «биби сешанба» и «биби чаршанба», угощение в связи с первой стрижкой младенца («موی سر گیران») и т. д.[41]

Для оформления колыбели Саида Мухаммада Салих-бека было отпущено: адраса — 14 джур, атласа — 6 джур, шелкового полотна — 2 джуры, бекасаба — 2 джуры, ситца «гули» — 42 газа, ситца «франги» — 1 туб, ситца «пушти калон» — 1 туб, ситца обыкновенного — 20 гяз, тряпок обыкновенных — 8 гяз, кисеи стамбульской — 1 штука, ваты — 2 чексы, денег — 1 тилля 5 теньга[42]. Колыбели были позолоченные[43]. Это были только первоначальные расходы на сына областного правителя без других расходов и богатых подарков. Для очередной стрижки Саида Ахмад-бека в каком-то мазаре было выдано только деньгами 3 тилля[44], что равнялось сумме, получаемой 63 мардикарами. На поминки одной из Айимча-хана только от одного ханского чиновника («جرچی باشی») получено было 15 баранов и 324 теньга деньгами и еще 22 барана из числа пожертвованных[45].

Так, все многочисленные члены ханского дома постоянно обеспечивались за счет государственной казны, содержание которой целиком и полностью находилось в бесконтрольном распоряжении хана и беков.

Члены ханского дома не только совершали пышные обряды в своих домах, но и временами организовывали их в других местах. Так, Саил Абдул Азиз-бек организовал в 1289 г. х. обряд чтения Корана («ختم قرآن») в мечети своего брата Саида Мухаммада Сиддик-бека[46]. В ответ на письмо сына Мавлян-бека Султан Мурад-бек писал: «Ваше письмо относительно осуществления обычая «биби сешанба», направленное [нам], получено и содержание понято. Оказывая любезность, поручаем вам, взяв у [Бахти Мухаммада]-курбаши откормленного быка («سقوم»), барана, рис, хлеб и тому подобные необходимые блага, провести обычай, приносящий счастье — «биби сешанба», так, чтобы он не имел ни в чем недостатка, с приветом»[47]. Что касается угощения вечером в дни поста ифтар, то оно, видимо, из-за большой пышности проводилось как в урде, так и на местах всеми членами ханского дома в несколько приемов, каждый раз для определенной господствующей прослойки общества. Например, ифтар для баев («افتطاری بایان»), ифтар для мулл («افطار ملایان»), ифтар для туры («افطار توره ها»), ифтар

для ишанов, сидящих на десятидневной молитве («افطار ایشانان در دهه‌نشسته»)[48]. Периодически члены ханского дома в жертву отдавали мясо в сыром виде под названием «хом талоши»[49].

Обеспечивались все хозяйственные учреждения представителей ханского дома (кухня, чайханы и др)., имеющиеся при дворе хана и беков. Им выдавались все продукты, начиная от крупы, хлеба и кончая спичками и солью.

Все учреждения, все торгово-ремесленные предприятия содержались и обеспечивались всем необходимым за счет казны. В документах указываются расходы тягловой базы («عرابه خانه»), канцелярии охотников («میرشکار خانه»), меняльного двора («صراف‌خانه»), дома прислуги («فراشخانه»), придворных столовых («آشخانهٔ اوردہ»), чайханы («چایخانهٔ اوردہ») и дома кухмистеров («بکاول خانه») и т. д. [50].

Не малые расходы производились в связи с бесконечными переездами членов ханского дома не только внутри города или округа, но и из города в другой, из округа в округ. Члены ханского дома, в том числе и женщины, имели свои средства транспорта. В случае недостатка в нем нанимали самые лучшие арбы с конями для переезда на большие расстояния[51]. Не только члены ханского дома перевозились на близкие и дальние расстояния, но и все приглашенные. Если, например, нужно было Саиду Сиддик-беку пригласить для чтения молитвы Отун-биби, он посылал к Бахти Мухаммаду-курбаши доверенное лицо и приказывал привезти ее, обеспечивая все дорожные расходы[52]. Подобные приглашения были очень частыми, так как на всех постоянно проводившихся во дворцах пиршествах присутствовали разные люди. Если приглашались многочисленные высокоуважаемые гости, то приемы их обходились очень дорого. Например, приемы бека при ханском дворе, хана на местах, высших представителей правящей верхушки, в том числе и духовенства, иностранцев и послов, особенно первых из них, требовали больших затрат.

Султан Мухаммад Мурад-бек неоднократно упоминаемому Бахти Мухаммаду давал следующее указание о проводах одной группы гостей, прибывшей в г. Маргилан из Коканда: «Приехавшие из Коканда гости,— писал он,— получили разрешение на возвращение в столицу. Осуществляйте все необходимое для приема гостей, как это вы делали раньше. Однако кроме [обычного] приема, принимайте [их] с лаской и с разными церемониями... Приготовьте и доставьте без задержки [нашей] сестре то, что она сама требует для угощения и проводите, обрадовав ее. [Перед проводами], выдав ей на 9 одежд адраса, шелкового полотна на 9 одежд, шелка на 7 одежд, 5 больших кусков ситца «аркак», «шалпар», «пушти» и «феранги», достойно отметьте уважение к ней. Указанное считайте утвержденным. Сверх этих товаров еще налично выдайте дополнительно одну тысячу теньга. Эти вещи выдайте человеку, который из урды сопровождает ее»[53].

Этот документ служит яркой иллюстрацией крупных расходов государственной казны на прием многочисленных гостей. Ведь только выданные наличными при отправке одной женщины 1000 теньга были равны заработку 1000 мардикаров.

Чиновники независимо от ранга и занимаемого поста регулярного жалования не получали. Они, являясь собственниками и владетелями движимого и недвижимого имущества, в том числе земли, воды и скота, имели льготы, освобождающие их от податей — от хараджа и танабаны. Как отмечено было выше, значительная часть чиновников получала зерно по берату и определенную сумму денег. Правители давали им еще

ежегодно по каким-нибудь случаям подарки в виде халатов, тканей, обуви, продуктов, коней, конских сбруй, топлива, а также денежные вознаграждения. Известно, например, что ханские мирзы за сбор хараджа получали от казны содержание от 6 до 15 тилля в год[54]. Следовательно, как отмечено было выше, определенная часть дохода ханства шла на обеспечение чиновников.

Беспредельными расходами, мобилизацией ресурсов страны сопровождались ханские и бекские пиршества в связи с древними обрядами обрезания, свадеб и т. д., пышность которых не знала границ. В «Тарихи джахан-намаи» подробно описано одно из пиршеств, проведенных Худояром, видимо, по случаю обрезания старшего сына Насриддина.

«В то время,— писал автор,— когда Его Величество эмир хотел устроить той своему родному любимому сыну, то еще летом того года давалось указание на счет проявления заботы и старания и невероятных усилий присутствующим людям и деловитым знатокам о высочайшем тое и подготовке всего необходимого для этого серьезного дела, будь то зерно или бараны, продукты питания и носильные предметы, одежда и напитки в достаточном количестве. [Хан] посылал доверенных людей во все четыре стороны света и на окраины [страны], чтобы привести ремесленников от каждого цеха и приступить к его подготовке. Также поступали высочайшие приказы каждому доброжелательному военачальнику, большинству доверенных сановников, благожелательным профессиональным ремесленникам о том, чтобы каждый из них по своим способностям за несколько месяцев до тоя подготовил оформление и высокое чествование царя, что являлось обычаем ферганской земли. Приводили со всех городов и областей, со всех сел и местностей страны замечательных певцов, ловких исполнителей на бубне, красивых лунообразных нежных танцоров, фокусников, чарующих шутников, смелых волшебствующих фехтовальщиков, беспрерывно идущих метких игроков ножами на щите и всех родов мудрых людей, могущих быть использованными по случаю царских пиршеств. На глазах наблюдавших зрителей, собрав их, приготавливали все к тою.

И когда в осеннее время, являющееся у жителей нашего города обычно временем проведения пиров и увеселений, акраб (зодиакальное созвездие) достиг конца угла своей дуги (октябрь—ноябрь), послали доверенных людей в разные стороны мира для приглашения на пиршество почтенных царей, подобных бухарскому царю—эмиру Насрулле, царям Хорезма, Куляба, Гиссара, Кара-тегина, Дарваза, Кашгара, Яркенда, пожалуй, русского и китайского царей — всех известили. По получении радостной вести каждый из имеющих славу царей начал присылать подходящих, достойных своего государства людей и соответствующие подарки. По прибытии их доброжелательные уполномоченные устраивали каждого в помещении из числа назначенных и приступали к осуществлению гостеприимства, согласно достоинству и рангу. После спокойного отдыха высокое повеление [Его Величество] проникало в город и область, заканчивалось украшение города, завершалась подготовка пиршества. Представляли красоту и изящество дружественным и неприятельским наблюдателям, лавки населения города и базара, ряды текстильных изделий по продаже ситцев, галантерейно-парфюмерных изделий, по продаже кисеи, бакалейных изделий, по продаже чая, фарфоровых изделий и [рядов] девяноста двух видов профессий и ремесел, находящихся на улицах и базарах, обставленных и украшенных многочисленными алыми цветами, подобно разрисованному цветнику, и превращенных в зрелище для зрителей мира и пример для мирян.

В начале тоя, закончившемся благополучным исходом, желая радости, установили в ряд сто, двести и даже больше манчехрских кот-

лов, назначили над ними ответственных энергичных людей и доброжелательных управляющих, поручили искусным мастерам-пекарям, привезя им несколько тысяч харваров пшеничной муки, приготовить для прибывающих на той людей нарбутаханские лепешки, каждая из которых по весу изящного Коканда равна шишеку (около 20 *кг*), что соответствует пянжсеру благородной Бухары; баранов резали тысячами, сняв шкуру, очистив внутренности и приготовив их, ставили перед каждым человеком целого [барана]. Сахар и халву (кандалат, русту) и фисташки, очищенный миндаль и очищенные косточки, разных сортов напитки, свежие и сухие фрукты, которые существуют в мире, расставляли на скатерти. [Таким образом] людям подавали угощения. И каждый день после исполнения дневной молитвы молодые люди, которые чествовали царя и оформляли той, собирались на площади напротив ворот урды[55] группами, и каждый из них, приходя со своей толпой и свитой, показывал бесчисленные и безграничные представления с многотысячными украшениями. Перед каждым из них шествовали группы в двести, триста ловких сборных ружейных стрелков, и за ними шествовали несколько сот проворных есаулов, которые надевали на себя бумажные татарские цветные шапки, после них шествовали волшебные рисовальщики, каждый из которых создавал картины похождений Рустама и его жены; разнообразные черные, желтые, белые, красные дивы, сходные с цветными чудовищами, и украшенные куклы, играющие на свой манер, [изображали] ряд прогуливающихся в пустыне страшных драконов и самоотверженных черных слонов, из пасти которых поднималось огненное пламя. И после них шествовали белотелые нежные юноши, каждый из которых был нежнее, чем тонкий лист... Украсив себя, как девушка в наряде, подобно павлинам и феям, проходили они, соблюдая честь и стыд. Некоторые другие из числа молодых людей бесконечно показывали среди населения разнообразные танцы. Своеобразные скакуны-фокусники, как прибывшие, так и городские, шествовали каждый по-своему, исполняя крайне удивительные игры. А после них — трубачи воскресного дня, дальние и близкие сурнайчи, барабанщики и вечно радостные бубнисты, находившиеся среди присутствующих людей, каждый проходил, исполняя то, что имел в своем репертуаре из мелодий и напевов. Каждая партия из числа тех, кто играл ножом на щите (фехтовальщики), проходила своим строем, показывая фокусы и представления... После отдыха мужественные ловкие люди, стоя рядами друг против друга, одна сторона против другой, много пускали фейерверков. Установив украшенный в тысячи красок и узоров фейерверк, разжигали его. От пламени освещалось большое пространство, и оно блестело разноцветно: желым, белым, красным, черным, синим [индиго], бардовым, зеленым, темно-красным (киноварь) цветами. Искры, ярко сверкая, выпадали на землю, подобно граду и молнии.

...В дневное время военным людям, эмирам и сановникам, жителям городских районов и махалля, проявляя к ним хосровское милосердие, подавали пищу и хлеб, жизненные блага и наслаждения в любом вкусе. И присутствующим на представлении зрителям показывали разные виды канатохождения, игру на подносе, на колесе, сделали эти игры для всех доступными и наглядными[56].

Таким образом, в течение сорока дней, даже более, угощая население всех городов и областей, раздав им подарки, доставляли им удовольствие и радость. И после благополучного проведения окончания пиршества по случаю обрезания родного, дорогого сына, в знак благодарности за выполнение этого великого повеления, знатным людям города и войска, ставшим на путь истины, оказав им милость, повелитель

выдал в подарок богатые одежды (сару-по), чем всех осчастливил и возвеличил»[57].

То, что ханские пиршества проводились крайне пышно, подтверждается другими источниками. В частности, по словам автора «Таснифи Гариб», Худояр-хан «провел пиршество своих сыновей Насриддин-шаха и Урман-бека с большими церемониями и украшениями»[58]. Такие пышные пиршества продолжались в течение нескольких десятидневок, а иногда месяцами. Например, ханский пир в связи с обрезанием сына Худояра Урман-бека, проведенный в конце его правления, продолжался 6 месяцев[59]. Пиршества, проводимые даже отдельными чиновниками, продолжались десятки дней. Еще Потанин оставил следующее описание тоя одного ханского чиновника: «Во время празднества, которое Ходжадатка давал по случаю обрезания сына своего и которое продолжалось с 26 декабря 1829 года по 10 января 1830 года, я был часто приглашен шегаулом по приказанию хана на фейерверк, который был составлен беглым казанским татарином и состоял из ракет, шутих, бураков и колес. На празднество это, кроме жителей Кокана, съезжались еще и из других городов. Угощение обыкновенно состояло в чае, курительном табаке, различных плодах и пилаве. Тут играла музыка, проводились пляски, борьба, беганье и беспрестанное стреляние из ружей. По окончании празднества Ходжа-датка одарил всех знатных гостей халатами, в том числе и меня»[60].

О грандиозности тоев, проводимых членами ханского дома, свидетельствует тот факт, что только для тоя, устроенного маргиланским беком, было перевезено из двух кишлаков (Ишан-кишлака и Таргобакишлака) 676 арб, или около 34 тыс. снопов топлива (янтака)[61].

Пиршества проводились не только в связи со значительными событиями. Ими завершались успешные походы, охота, строительные работы (медресе, мечетей, торгово-ремесленных объектов, крепостей, урд и т. д.). Так, в 1290 г. х. были отпущены продукты для проведения тоя Саида Сиддик-бека по случаю открытия одного из его садов[62].

Правящая верхушка получала в связи с этими пиршествами крупные подарки, а огромные расходы по ним оплачивались из казны.

Как отмечалось выше, производились за счет казны большие расходы на довольно интенсивные строительные работы, осуществляемые ханом, беками и царевичами. Строительство различных объектов (лавок, сараев, торговых рядов), ремесленных учреждений, объектов по выпуску строительных материалов (жженого кирпича, гипса и др.), религиозно-культовых учреждений (медресе, мечетей, карыханы, склепов и др.), садов, ирригационных сетей требовало, несомненно, значительных средств, несмотря на то, что большая часть этих работ выполнялась путем мобилизации населения на хашар.

Строительные работы, проводимые правящей верхушкой в конце существования Кокандского ханства, осуществлялись в ее же интересах, даже сооружение значительных по своему размаху оросительных сетей. Как уже отмечалось, очень часто новопроведенные каналы отдавались в виде вакфа религиозно-культовым учреждениям, многие участки на новоорошенных землях жаловались различным служилым гражданским и военным людям, другие оставались во владении членов ханского дома. Некоторые новоорошенные амляковые земли отдавались в аренду, а рента с них поступала в казну самих правителей. Имеются факты прямой продажи воды каналов.

Так, приведенные статьи расходов убедительно показывают, на что шли все доходы государства — оплаченные народом тяжелые налоги, начиная от земельной ренты, взимаемой в форме хараджа и танабаны

и кончая доходами от переправ, все ханские сборы (ханлык), пошлины (закят), поступающие от торговли и со скотоводов, все доходы от аренды базаров, весов, сараев, лавок, все плоды тяжелейшего труда десятков и сотен тысяч разоренных крестьян, выполняющих трудную повинность в форме мардикара и хашара.

В архиве Худояр-хана среди значительного количества документов, отражающих расходы ханской казны, не обнаружены расходы, связанные с интересами народных масс, имеющие общественное значение, служащие культурному развитию страны. Только в двух-трех документах говорится о выдаче незначительной суммы на похороны зависимых крестьян и приезжих людей. Было отпущено, например, шесть чайриков джугары, один чайрик пшеницы для обеспечения новообращенных в ислам евреев, а также два халата и два комплекта нижнего белья из простого ситца их детям[63]. Этот жест правящей верхушки, напоминающий политику арабских халифов в отношении новообращенных в мусульманство людей в период распространения ислама, в основе которой лежало экономическое давление на немусульманское население страны, представлял собой, несомненно, пропагандистский шаг.

В архиве не содержится указаний на расходы по строительству и ремонту дорог и мостов. Имеется единственная пата маргиланского бека на имя главного управителя Бахти Мухаммада-курбаши, датированная 1289 г. х., об отпуске для ремонта моста на канале Улуг-нахр 30 штук железных гвоздей[64]. Между тем как в соседних ханствах в первой половине XIX в. некоторые дорожные работы все же велись. Примером может служить расширение дороги между Китабом и Самаркандом, через перевал Тахта-карача, бухарским эмиром Насруллой после подчинения им Шахрисабза, т. е. превращение этой дороги в «царскую дорогу»[65].

Проводимая кокандской правящей верхушкой довольно интенсивная работа по строительству ирригационных сооружений, торгово-ремесленных предприятий и объектов в городах и крупных селах, некоторые поиски горных богатств, несомненно, объективно способствовали известному оживлению социально-экономической жизни края. Но осуществлялись они исключительно в интересах господствующей верхушки, прежде всего наиболее могущественного феодального ханского дома. Все эти работы, выполненные путем жесточайшей эксплуатации трудового народа страны, не только не способствовали облегчению и улучшению его непомерно тяжелой жизни, а, наоборот, в несколько раз увеличили объем работ, лежащих на плечах трудящихся масс и осуществляемых самыми бесчеловечными методами и способами.

Приведенные факты о расходах ханской казны в Фергане убедительно подтверждают высказанное К. Марксом мнение на этот счет в отношении расходов налоговых доходов в Индии: «Что же касается расходования собранных налогов, то достаточно сказать, что ни единая доля их не возвращается народу в форме общественно-полезных сооружений, более необходимых в азиатских странах, чем где бы то ни было...»[66].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вследствие того, что в конце почти каждой главы сделаны соответствующие выводы, нет необходимости в большом заключении. Следует отметить лишь следующее: период истории, исследуемый в труде, характеризуется бурными внутренними и внешними событиями.

В это время происходила ожесточенная борьба между феодальными группировками всех народностей, заселяющих тогда Ферганскую долину, в которую были втянуты и народные массы. В основе этой борьбы лежали не только политические, но и глубокие социально-экономические причины.

Одним из наиболее крупных событий было движение кипчаков. В начале 40-х годов XIX в. в Фергане началась активная борьба между уцелевшей от разгрома Насруллы частью старой землевладельческой знати и полукочевой кипчакской аристократией. В нее были втянуты народные массы сначала ферганских сел и городов, а несколько позже и других округов ханства. Основной социально-экономической предпосылкой этой борьбы было стремление к новому распределению земельного фонда страны в пользу кипчаков, что было отмечено еще В. Наливкиным, а на основании его данных Б. Салиевым и П. П. Ивановым.

Однако до конца не была раскрыта сущность борьбы, не показаны место и роль феодальной верхушки в этой борьбе, не создавалось четкого представления о борьбе внутри кипчакской знати, не наблюдалось полноты в данных, приведенных Наливкиным, к тому же без конкретных ссылок на источники, ибо многие источники еще не были использованы.

Эта борьба была ожесточенной, кровопролитной и трагичной. Достаточно указать на приведенный в работе факт об истреблении только за один раз в 1853 г. более 20 тыс. кипчаков. Характерен впервые отмеченный факт о поголовном истреблении кипчаков правителем Балыкчи. Так же жестоко расправлялись и кипчаки во время своего господства с сартами, потерь среди которых было не меньше. Эта борьба длилась до самого конца существования ханства.

В ханстве частыми были и крупные народные восстания, о двух из которых мы уже говорили подробно в опубликованных работах, специально посвященных этим вопросам.

Крайне сложными были отношения Кокандского ханства с непосредственными соседями. Враждебные отношения между Бухарой и Кокандом были почти постоянными, поэтому часто возникали войны; бухарский эмир зачастую вмешивался в кокандские дела. Непризнание им Кокандского ханства, попытка заставить его правителей признать

верховную власть эмира, пограничные конфликты, в то же время сношения части ташкентской и ферганской знати с эмиром значительно осложняли политическую обстановку в стране.

Одним из крупнейших событий данного периода было наступление царизма в Среднюю Азию. Если не считать неудачного похода Перовского в 1839 г. в направлении Средней Азии, то первый удар царской армии принял Коканд. Кокандскому ханству пришлось вести войну с перерывами на протяжении 15 лет. В этой бесплодной для ханства войне оно потеряло низовья Сырдарьи, долины Таласа и Чу, Ташкентскую, Кураминскую, Ура-тюбинскую и Ходжентскую области. В течение последнего десятилетия своего существования ханство территориально ограничивалось только Центральной и Восточной Ферганой, а затем стало вассалом царской России.

Вопрос о присоединении края к России — специальный и очень большой, поэтому в этой работе он освещается частично, лишь в определенном плане и на основании главным образом местных — кокандских источников, которые до сих пор почти не были использованы. Мы попытались показать тяжесть беспрерывных войн Кокандского ханства для народных масс, а также вскрыть внутренние причины падения ханства.

В стране, до предела разоренной, обнищавшей вследствие постоянных внутренних феодальных неурядиц, потрясающих страну социально-экономических событий, длительных войн с соседними государствами, в 60—70-х годах XIX в. довольно быстро происходила концентрация земельных фондов, городских предприятий, путей сообщения в руках хана и в целом ханского дома.

Под непосредственным влиянием капиталистической России происходил заметный рост товарно-денежных отношений, в которых ведущую роль играл ханский дом. По имеющимся материалам четко прослеживаются все более усиливающиеся связи ханского хозяйства с рынком. Результатом чего явилось огромное для тех условий накопление богатств в руках хана, достигавших 7 млн. руб.

Все это сопровождалось большим размахом строительных работ, освоением новых земель, сооружением оросительных сетей, максимальным усилением налогового гнета, резким ростом эксплуатации крестьян и ремесленников, невиданным размахом принудительных работ в пользу ханского дома. В связи с этим в середине 70-х годов XIX в. вспыхнуло крупное восстание народных масс, охватившее многие слои населения Ферганы и в конечном счете разгромившее Худояра и его дом и ставшее одной из главных причин ликвидации самого ханства.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 47.

[2] Хотя отдельные исторические сочинения по истории Кокандского ханства на местных языках были использованы авторами, как до революции, так и в годы Советской власти, все же они оставались не охарактеризованными в большинстве случаев даже вкратце. Мы имеем описание лишь некоторых рукописей: ташкентских экземпляров в «Сборнике восточных рукописей АН УзССР», т. 1, Ташкент, 1952; ленинградских экземпляров в статье Н. Д. Миклухо-Маклая «Некоторые рукописи», Ученые записки ИВ АН СССР, т. XVI, М., 1958. Кроме того, опубликованы были небольшие статьи об отдельных рукописях: Р. Н. Набиев. Уникальный источник по истории Кокандского ханства, «Известия АН УзССР», 1947, № 4; А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, «Известия АН УзССР», 1957, № 3; В. А. Ромодин. Новый источник..., Проблемы востоковедения, 1959; Он же. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства XVI—XIX вв. в рукописных собраниях Ленинграда (доклад), М., 1960, в котором дается характеристика лишь четырем источникам. Половина доклада посвящена «Маджму-ат таварих» Муллы Сайфиддина Ахсиканди (XVI в.), на котором мы не останавливаемся (это не входит в нашу задачу). Памятникам агиографической литературы Ферганы и их значению в освещении социально-экономической жизни была посвящена работа (статья) А. А. Семенова «Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в., напечатанная в двух номерах «Известий УзФАН» за 1940.

В своих статьях А. А. Семенов описывает имевшуюся у него рукопись سراج السالكين ولطايف العارفين («Светильник шествующих [мистическим путем] и остроумные слова познавших [высшую истину]» Убайдуллы Накшбанди Самарканди.

[3] Видимо, дата рождения указана не совсем точно. Возможно, что он родился года на два раньше, так как, находясь в гареме Алим-хана во время последнего трагического для него Ташкентского похода в 1225/1810 г., Хаким-хан считал себя 7-летним. Очевидно, это верно, потому что он помнит многие моменты похода.

[4] Согласно данным автора «Ануджум-ат таварих», он был выслан в связи с совершенными им мятежными действиями. Хан не казнил его ввиду родственных отношений.

[5] Согласно данным автора «Ануджум-ат таварих», труд был написан на «тюркском наречии Ферганы» «حكيم تورەكه تاريخ منتخب بلغت تركى فرغانه تاليف كردۀ اوست» Однако язык таджикского перевода хороший, гладкий, в нем соблюдены все особенности языка оригинала.

[6] Н. Н. Пантусов. Теварихи Шахрухие, «Туркестанские ведомости», 1876, № 30.

[7] Тарихи Шахрухи, Казань, 1885, стр. 217.

[8] Нарбута-хан правил с 1177 (1763—1764) г. до 1213 (1798—1799) г.

[9] Тарихи Шахрухи, стр. 14.

[10] Н. Петровский. Очерки Кокандского ханства, Туркестанский сборник, т. 76, стр. 1—19.

[11] А. Кун. Очерки Коканского ханства, Известия ИРГО, т. XII, 1876, стр. 60.

[12] Тарихи Джахан-намаи — название 2-й книги, а общее название всего труда «Тухфат-ат таварихи-ханн», что отражено в Ленинградском экземпляре (см.: Миклухо-Маклай. Указ. соч.).

[13] «بمدت پانزده سال باهتمام جدجهد سعی کوشیش این عهد رسانیده
بی اعانتی پادشاهای عضام بتردود تمام... باتمام اختتام رسانیده»

Далее он еще раз отмечает это обстоятельство следующими словами:

«من از روی جلال خود نوشتم طمع از دیگران دستم بشستم»

(Ркп. ИВ АН УзССР, № 9455, л. 342 а).

[14] Там же, л. 2б.

[15] Этот труд Мирзы Каландара Мунши-и Йсфараги назывался и «Шах-нама».

[16] «باین مدت معاصر یازده مرد بچشم خود بدیدم سروری کرد»

[17] Более подробно об этом труде см. нашу статью «Уникальный источник по истории Кокандского ханства», «Известия АН УзССР», 1947, № 4, стр. 31—34.

[18] Ркп. ИВ АН УзССР, № 7515 (Далее — Ансаб-ас салатин).

[19] Среди архивных материалов имеется, например, заслуживающее внимания распоряжение некоего Мирзы Мухаммада Юсуфа о выдаче деревянного сундука, белой кошмы, трех гязов ситца «гули» и восьми теньга для перевозки книг в Коканд (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп 1, д. 3331). Речь идет именно о книгах, привозимых для ханской библиотеки, в ином случае записка не попала бы в ханский архив.

[20] «روس تهمت ایلاب منگابی هساب کهسنده قالب ایکان ایللیك کتاب
علاج ایلا یالمای بریب اون کتاب خلاص ایلادی منگا بردی جواب»

(Ансаб-ас салатин, л. 171—172).

[21] «نیچه وقت سلطا نغه بولدوم دبیر» (Там же, л. 166).

[22] Там же, л. 16а.

[23] Он написал следующие строки: «Хвала аллаху, что я включился в число притесненных, ибо страдание приносит сердцу подлинную ясность. Если нет мучения, то страстно желаем все, подобно дракону, а этот мир находится во мраке».

«بحمد اللا بولدوم من اهل جفا جفادین بولور دلغه عینی صفا
جفا بولمسه نفس بولور اژدها بو دنیا ایرور وصفی ماتم صرا»

(Там же, л. 173б).

[24] «روسیه‌لار بای خلقیغه قیلدی شفقت بای خلقی هم انگا بولدی دایم اولفت
دهقان‌خلقی‌اولفانیدین‌تارتی کولغت هلاك بولوب‌زهروزقوم یوتی‌دوستلار»

[25] В 1239 (1823—1824) г. ему исполнилось 18—19 лет. Следовательно, он родился в 1805 или в 1806 г.

[26] Более подробно об этой рукописи см. статью А. Урунбаева «Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства», «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 1957, № 3, стр. 33—38.

[27] Л. Зимин. «Зерцало побед» и его значение для истории Кокандского ханства. Сообщение на заседании Туркестанского кружка любителей археологии от 29 января 1913 г.

[28] «در اخر زمان حکومت والدما جد مسود این اوراق خدا یارخان»

(ркп. ИВАН УзССР, № 11 366, л. 150а).

[29] Это сочинение было написано в 1318 (1900—1901) г. Следует отметить, что старшему сыну Худояра Насриддину было разрешено возвращение в Ташкент в 1881 г. Согласно сведениям Мирзы Алима, он умер в 1299 (1881—1882) г. Если это верно, то он не является автором данного сочинения, так же как в Урман-бек, умерший еще при жизни автора «Ансаб-ас салатин» (Ансаб-ас салатин, л. 161 а).

[30] Ркп. ИВ АН УзССР, № 11 366, л. 4 а.

[31] Там же, л. 78б.

[32] Там же, л. 92 б.

[33] Там же, л. 101б.

[34] Единственный экземпляр хранится в рукописехранилище Института востоковедения АН УзССР под № 11 108.
[35] Там же, стр. 237.
[36] Там же, стр. 355, 356, 416.
[37] Там же, стр. 90, 100 и др.
[38] Там же, стр. 8.
[39] Там же, стр. 325—326.
[40] Там же, стр. 328—330.
[41] *Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества*, т. XXII, 1914, стр. 303—321.
[42] Судя по оставленной В. Наливкиным записи в начале экземпляра «Джангнаме», лично подаренного последним Ташкентской публичной библиотеке и ныне хранящегося в фондах Института востоковедения АН УзССР под № 1762, этот экземпляр был снят с автографа, приобретенного В. Наливкиным в начале 80-х годов прошлого века у самого Муллы Шауки, т. е. автора сочинения. Подлинник был подарен В. Наливкиным проф. Готвальду. Во время нашего кратковременного посещения Казани летом 1959 г. мы познакомились с фондами проф. Готвальда в фундаментальной библиотеке Казанского университета, в которых оказался экземпляр рукописи, переписанный Готвальдом с подлинника, видимо, с целью издания, что, однако, осталось неосуществленным.
[43] Указ. статья А. З. Валидова. Он ссылается на ркп. 837 (Азиат.музея) из собрания Д. М. Граменицкого, Известия АН, 1898, № 8.
[44] Ркп. ИВ АН УзССР, № 10 117.
[45] Мулла Муса ибн Мулла Иса Сайрами. Тарихи амние, Казань, 1904.
[46] Ркп. ИВ АН УзССР, № 597, стр. 163.
[47] Там же, стр. 1.
[48] Р. Н. Набиев. Новые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI—XVII вв., «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 1959, № 3, стр.23—32; Он же. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII вв., там же, 1960, № 3, стр. 25—34.
[49] Р. Н. Набиев. Источники по истории крепостного права в Средней Азии, Археографический ежегодник, М., 1964, стр. 87—105.
[50] П. П. Иванов. Архив хивинских ханов, Записки ИВ АН СССР, т. 7, 1939, стр. 9.
[51] М. Ю. Юлдашев. Новый архивный источник по истории Средней Азии, Краткие сообщения ИВ АН СССР, № 1, 1951, стр. 37.
[52] А. Л. Троицкая. Каталог архива кокандских ханов XIX в., М., 1968. (Далее — Каталог)..
[53] Там же, стр. 4.
[54] Попутно следует отметить, что архивный материал в количестве тысячи дафтаров, о котором писал Н. Н. Пантусов, по всей вероятности, не входил в этот архив (Статью Н. Н. Пантусова см. «Туркестанские ведомости», 1876, № 12).
[55] А. Л. Троицкая. Каталог, стр. 336—337.
[56] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2384.
[57] А. Л. Троицкая. Каталог, стр. 294.
[58] Там же, стр. 457, 470.
[59] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3247, 3576, 3706.
[60] А. Л. Троицкая. Каталог, стр. 562.
[61] Там же, стр. 550.
[62] А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра, Сб. ГПб им. Салтыкова-Щедрина, вып. III, 1955, стр. 138.
[63] Там же, стр. 147.
[64] А. Л. Троицкая. *Материалы по истории Кокандского ханства*, XIX в., М., «Наука», 1969.
[65] А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра, стр. 125.
[66] Там же, стр. 127.
[67] Там же.
[68] Там же, стр. 130.
[69] Там же, стр. 142
[70] Там же, стр. 126.
[71] Там же, стр. 142.
[72] Там же, стр. 143.
[73] Там же, стр. 145.
[74] Там же, стр. 134, 141, 142.
[75] Там же, стр. 156.
[76] А. Л. Троицкая. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в., стр. 30—32.

[77] А. Л. Троицкая, видимо, в целях доказательства своей правоты, слово «خراج دهقانان» в тексте пишет, несколько исказив его, т. е. «خراج دهقانی» (Там, же, стр. 31).

[78] Здесь в документе ошибочно вместо «از دست» напнсано «بدست»

[79] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 534.

[80] «مدت سی سال باز ملك نموده تصرف کرده از محصولات زمین مذکور بپادشاهی پنجیك داده گشته بودیم و لیکین از مدت سی سال تااینجانب از درون خودها بوده‌گی فقرایان دهقانان بایکدیگران فروخته دست بدست کشة‌گی وثیقه‌ها داریم گفتة جواب دادند».

[81] А. Л. Троицкая. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в., стр. 35—36.

[82] А. Л. Троицкая. Каталог, стр. 13.

[83] А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра, стр. 149.

[84] А. Л. Троицкая. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в., стр. 4.

[85] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 209.

[86] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 254.

[87] А. Л. Троицкая. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в., стр. 9.

[88] Там же, стр. 16.

[89] Там же, стр. 85.

[90] Там же, стр. 16.

[91] Там же, стр. 28.

[92] Там же, стр. 14.

[93] «Туркестанские ведомости», 1880, № 11, 13, 15, 18, 19, 21, 24, 25, 27, 28, 29 (по этому вопросу № 24).

[94] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 36.

Глава I

[1] Согласно сведениям Джунайда Муллы Аваза Мухаммада ибн Муллы Рузы Мухаммада-суфи, он правил 79 дней (Тарихи джахан-намаи, ркп. ИВ АН УзССР, № 9455, л. 166. Далее — только название рукописи). Л. Соболев отмечает, что Коканд был захвачен бухарцами летом и потерян ими в октябре (Туркестанский сборник, т. 152).

[2] Миротул-фтух, рукопись проф. А. А. Семенова, стр. 47.

[3] Тарихи джахан-намаи, л. 163 б.

[4] Мухаммад Хаким-хан тюра. Мунтахаб-ат таварих, собственный экз., стр. 47. (Далее—только название рукописи).

[5] «ادت بولدور خانلار چیقسه یامغور یاغر سن نه خان سن یولگه چیقسانك خلق کوزیدن قانلار یاغر».

(Н. Петровский. Очерки Кокандского ханства. Туркестанский сборник, т. 76, стр. 5).

[6] Муротул-фтух, стр. 46.

[7] Там же, стр. 53.

[8] Талас тогда не входил в Кокандское государство (там же, стр. 118).

[9] Согласно «Ануджум-ат таварих», Ходжи-бек, дядя Алим-хана (со стороны отца), вместе с сыновьями Улуг-беком, Шерали-беком, Беккули-беком и другими родственниками был выслан в Талас (л. 96б). Ходжи-бек вскоре умер. Шерали с малолетнего возраста жил там втайне от ханов и беков и женился на девушке из племени сару, несколько позже он женился еще на представительнице племени багиш (Миротул-фтух, стр. 45). По другим данным, он был женат на киргизках Соне (Суна) и Джаркун (Яркин) из рода талаш. Его материально поддерживала киргизская знать и даже некоторые кокандские ханы, в частности Мадали (М. Алибеков. Домашняя жизнь последнего кокандского хана Худояр-хана, Ежегодник Ферганской области, т. II, Новый Маргилан, 1903, стр. 79—80). От Яркин-айим родились Сарымсак, Худояр и Султан Мурад, от Суна-айим — Малла и Суфи-бек (В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 146).

[10] В походе Шерали-бека на Коканд приняли участие, кроме киргизов и кипчаков, сарты, тюрки и таджики. Договорившись о верности друг другу, они вооружались чем угодно (Азиз бин Мухаммад Риза Маргинани. Таснифи Гариб, ркп. ИВ АН УзССР, № 11 108, стр. 233. Далее — только название рукописи).

[11] Шерали был провозглашен ханом на мазаре Сафид-булян. Согласно Мулле Мирзе Алиму, все ферганские племена и народности участвовали в этом акте (Мирза Алим ибн Домулла Мирза Рахим Ташканди. Ансаб-ас салатин ва гаварих-ал хавакин, ркп. ИВ АН УзССР, № 7515, л. 26б. Далее — Ансаб-ас салатин).

[12] Тарихи джахан-намаи, л. 164б.

[13] Мунтахаб-ат таварих, стр. 113.

[14] Ансаб-ас салатин, л 27.

[15] Согласно автору «Ануджум-ат таварих», ров вокруг города был вырыт еще при Мухаммадали-хане перед наступлением Насруллы. Вокруг города была построена также преграда из камней, земли и дерева (Ануджум-ат таварих, л. 146б).

[16] Таснифи Гариб, стр. 254. П. П. Иванов указывает также на выстроенные вокруг Андижана, Намангана и других городов крепостные стены, но без ссылки на источники (Очерки по истории Средней Азии, М., 1958, стр. 209). Однако в источниках, кроме укрепления столицы, по другим городам данные не совсем определенные.

[17] Тарихи джахан-намаи, л. 167а.

[18] Киргизское племя или род, живший в Восточной Фергане на правобережье.

[19] Тарихи джахан-намаи, л. 169а.

[20] Ансаб-ас салатин, л. 30б, 31а.

[21] Там же, л. 28б.

[22] Отступал он степью, расположенной в 2—3 фарсахах к югу от Коканда, называвшейся по-разному: „степь Равия" (دشت رويه), „степь Фариён" (دشت فريان) или „степь Сары-курган" (دشت سرقورغان). Отсюда Насрулла шел на сел. Канибадам.

[23] Мухаммад Салих кори Ташканди. Тарихи джадидаи Ташканд, ркп. ИВ АН УзССР, № 5732, л. 145. (Далее — только название рукописи).

[24] Так обвиняли противников, т. е. в отступничестве от суннитского толка ислама.

[25] Имеется в виду бухарское ополчение из кочевой или полукочевой среды.

[26] Мунтахаб-ат таварих, стр. 252, 253.

[27] Таснифи Гариб, стр. 256.

[28] Тарихи джахан-намаи, л. 175. По другим данным, в Ташкент войско было послано во главе с главнокомандующим (امير لشكر) Абдурахман-беком (старший сын Шерали), Юсуфом-мингбаши киргизом и Мусульманкулом-кипчаком (Миротул-фтух, стр. 62).

[29] Нияз Мухаммад бин Ашур Мухаммад. Тарихи Шахрухи, Казань, 1885, стр. 148 (Далее — только название источника).

[30] По словам источника, крепость Бука имела ров в три ряда.

«از سه قطار خندق گذشته مبارزان اهل لشكر درو دوازهٔ آن قلعهرا زيرو زبرساخته بدرون قلعه درامدن»

(Тарихи джахан-намаи, л. 175б).

[31] Тарихи Шахрухи, стр. 146.

[32] В состав Ташкентского владения входили значительная часть Южного Казахстана и большая часть территории Киргизии. Оно ограничивалось на северо-западе крепостями Ак-мечеть и Рахим, на севере охватывало долины Чу, на северо-востоке доходило до Кар-кары, на юго-востоке охватывало Кураму (долины Чирчика и Ахангарана), на юге ограничивалось Сырдарьей (Тарихи джадидаи Ташканд, л. 153).

[33] Тарихи Шахрухи, стр. 154.

[34] Согласно «Миротул-фтух», аталык, поднявший мятеж, находился в крепости Лолак (لالك), Лайлак—у В. Наливкина.

[35] «موضع يتى كوپروك كه ييلاق قرغيزان اباحت» بود.

(Тарихи джахан-намаи, л. 171а).

[36] Кокандское ханство по новейшим известиям, военный сборник «Три звездочки», год 12, № 7, СПб., 1869, стр. 89.

[37] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., ИВЛ, 1958.

[38] Там же.

[39] «تبين وقايع تغلب و تسلط جماعهٔ قپچاقيه بطايفهٔ شهريه و قرغيزيه

(Миротул-фтух, стр. 69.)

[40] Миротул-фтух, стр. 20, 84.

[41] «میان دوآب که منازل طوایف قپچاق و قرغیز بود» (Тарихи джахан-наман, л. 284б). Полукочевые кипчаки, принадлежавшие к узбекской народности, отличались, однако, многими этническими особенностями.

[42] Гр. Потанин. Показания сибирского казака Максимова о Коканском владении, ВИРГО, ч. 28, СПб., 1860, стр. 73.

[43] Очерки Кокана, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края А. П. Хорошхина, СПб., 1876, стр. 51.

[44] Военные действия против коканцев в 1875—1876 гг. (по официальным донесениям), СПб., 1876, стр. 49.

[45] Там же, стр. 77—78.

[46] Абу Убайдулла Мухаммад. Хуласатул-ахвол, ркп. ИВ АН УзССР, № 2084, л. 157а (Далее — только название рукописи).

[47] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп.1, д. 601.

[48] Мулла Шамси (Мулла Шауки). Джанг-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1762, л. 10—13 (Далее — только название рукописи).

[49] Миротул-фтух, стр. 113.

[50] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 155.

[51] Тарихи джахан-наман, л. 25.

[52] «بجلادت مردانگی و شجاعت فرزانگی مشهور جهان و معروف دوران و بکثرت رخود و اموال دوخرت قوت و احمال معلوم عالمیان میباشند» (Миротул-фтух, стр. 34).

[53] Таснифи Гариб, стр. 274—275.

[54] Три звездочки, стр. 70; Л. Соболев. Краткий обзор положения дел в Кокане, Туркестанский сборник, т. 152.

[55] «آلدیلار شول زمان بولار مضمون مصلحت قیدیلار چیقیب بیرون دیدیلار مملکتغه قول سالسك شیرعلی خاننی ایلکیدین آلساك».

(Джанг-наман Худояр-хани, л. 13).

[56] «امیر کبیر سعادت نشان خواهند که از تخم تخمهٔ آن ناپاکان روی زمین‌را پاك ساخته بدار الامن و الامان بفراغبالی بمسرورسلطنت برقرار باشند» (Тарихи джахан-наман, л. 179).

[57] Миротул-фтух, стр. 76.

[58] Тарихи джахан-наман, л. 180б.

[59] Ансаб-ас салатин, л. 43.

[60] Миротул-фтух, стр. 80.

[61] Тарихи джахан-наман, л. 181а.

[62] Миротул-фтух, стр. 84.

[63] Там же. стр. 88.

[64] Джанг-наман Худояр-хани, л. 15.

[65] Тарихи джахан-наман, л. 186б.

[66] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 163.

[67] Миротул-фтух, стр. 95.

[68] «قرغیزان اوش و الای و کوه و صحرا بوده اجتماع بسیار و جمعیت بیشمار فراهم آورده راهی شده ببالای اوش بموضع مادی نزول فرموده اطراف و جوانب اوش و صحرارا تاخت تاز نمود» (Тарихи джахан-наман, л. 191б). «خبر غلو و شورش قرغیزیه دراطراف اوش تا اوچقورغان و تا سرحدالای ومحاصره نمودن اوش بگوش قپچاقان شهرخان رسید» (Тарихи Шахрухи, стр. 170.)،

[69] «همهٔ بیان قرغیزیه اتفاق نموده»

[70] Миротул-фтух, стр. 100—102.

[71] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 154.

[72] «قرغیزان اباحت که از جانب مادری قرابت کلی‌دا شتند» (Тарихи джахан-наман, л. 192а).

[73] «کیلگاچ اوردانی قلدیلار تاراج هم ینه خلقنی قیلب خراج» (Джанг-наман Худояр-хани, л. 20).

[74] Почти все источники свидетельствуют о всеобщем киргизском движении в это время «دیدیلار قرغیز آطلانب دورمیش بر نچه قریه‌نی آلیب دورمیش» (Джанг-намаи Худояр-хани, л. 18).

[75] Значительная часть городской знати принимала участие в событии на стороне Мурад-хана, поэтому она была казнена впоследствии кипчаками (Джанг - намаи Худояр-хани, л. 22). آقسقال محله خواه ارباب اوشلاب اولدوردیلار قیلیب هرباب

[76] Миротул-фтух, стр. 80.

[77] «بولدیلار اژدهای آدم رنك سالدیلارخان حکومتیغه جنك»

(Джанг-намаи Худояр-хани, л. 25).

[78] Л. Соболев. Краткий обзор положения дел в Кокане, Туркестанский сборник, т. 152.

[79] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 163.

[80] «مسجد مدرسه مزار اولسه گربولار وقف برقرار اولسه
تولیت لیك‌لارین آلیب اول‌حال و قفینی قیلور ایدیلار لال».

(Джанг-наме, л. 29.)

[81] Таснифи Гариб, стр. 259.

[82] Джанг-наме, л. 25—26.

[83] «کیمنی باغیده باش کوتارسه تیره‌ك
دیرایدی کیس ییقت‌بوبز گاکیره‌ك»

(Там же, л. 27)

[84] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 163. Мулла Шауки пишет о том, что в отношении брака они не выдерживали правил шариата (Джанг-наме, л. 27).

[85] «یلگا مینك جفانی ایتی‌لار سونی دهقان ایلیگا ساتتی‌لار».

(Там же, л. 28).

[86] «خلق صحراده قیلسه کشت‌کار انگاهم یتکورور ایدی آزار»

(Там же).

[87] Тарихи джахан-наман, л. 196а.

[88] Наряду с религиозными объектами Мусульманкул открыл в ханской урде и школу для обучения несовершеннолетнего Худояра и назначил учителем своего зятя Муллу Садыка. Вместе с ханом в этой школе обучались и дети кипчакской знати (Ансаб-ас салатин, л. 61а).

[89] Джанг-наме, л. 29.

[90] Миротул-фтух, стр. 108. Борьба происходила за овладение лучшими должностями.

[91] Там же, стр. 109.

[92] Р. Н. Набиев. Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки, Ташкент, Изд-во «Фан», 1966.

[93] Миротул-фтух, стр. 110—111.

[94] Там же, стр. 129.

[95] Ансаб-ас салатин, л. 66а.

[96] Тарихи джахан-наман, л. 204. Автор «Миротул-фтух» пишет о назначении на этот раз на должность мингбаши Утам-бая кушбеги (стр. 136).

[97] Тарихи джахан-наман, л. 203а.

[98] Там же, л. 205б.

[99] А. Макшеев. Показание сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у коканцев с 1849 по 1852 год, ВРГО, 1856, ч. 17, стр. 30.

[100] Миротул-фтух, стр. 137. Это подтверждает Шауки в следующих своих строках: «من مسلمانقل ایشلارین توتمام خان حکومتلارین باسوب اوتمام» (л. 35).

[101] Миротул-фтух, стр. 137.

[102] Там же, стр. 140.

[103] «چون دولت قپچاقان بانحطاط هبوط مایل گردید اول باره اتفاقی بنفاق انجامید و هرکدام قبیلهٔ اولوس بقرابت خودکشیده روز بروز بشغل ویرانی کشیدن گرفت».

(Тарихи джахан-наман, л. 210).

[104] Гр. Потанин. Показания сибирского казака Максимова о Коканском владении, стр. 74.

[105] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 170; Джанг-наме, л. 36.
[106] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 171.
[107] Тарихи джахан-намаи, л. 212б, 213а. Мулла Нияз Мухаммад пишет, что Абдулла-бек замещал хана в столице, когда тот отсутствовал (Тарихи Шахрухи, стр. 187).
[108] Л. Соболев. Краткий обзор положения дел в Кокане, Туркестанский сборник, т. 152.
[109] Тарихи Шахрухи, стр. 187.
[110] М. Алибеков. Домашняя жизнь последнего кокандского хана Худояр-хана, стр. 82.
[111] По словам Шауки, нападение кокандцев и ташкентцев во главе с Маллабеком и Касымом-бахадурбаши началось после окружения Худояра-хана в урде.
[112] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 173.
[113] Истребление кипчакской знати происходило с особой жестокостью. Известна, например, мучительная казнь одного из виднейших кипчакских деятелей Сафар-бая: его били сначала палками, потом выворачивали ему руки и ноги, затем сдавили голову между свинцовых досок, наконец, облили всего кипящим маслом и в заключение зарезали.
[114] Тарихи джахан-намаи, л. 214б.
[115] Ополчение под названием «кара-калтак», или «кил-куйрук».
[116] Тарихи джахан-намаи, л. 214б. В одном из своих донесений в министерство иностранных дел России генерал Перовский на основании полученных им сведений сообщал об истреблении в этом сражении с обеих сторон 10 тыс. человек (ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 14, л. 402). Местность, где произошло сражение, Шауки называет Хайбаром (خيبر). Согласно сведениям Муллы Нияз Мухаммада, Мусульманкула поддерживала военная знать Шахрихана, Андижана и Балыкчи (Тарихи Шахрухи, стр. 190). Битва была настолько беспощадной, что ханское войско, значительно превосходившее противника в количественном отношении, находилось почти на грани разгрома. Крупные военачальники потеряли на поле битвы свои части. Окончательно растерявшегося Худояра спас Малла-бек, который впоследствии нанес решительный удар Мусульманкулу.
[117] «علمالار روایت قیلدیلار کم قپچاق یاغی و مفسددیب حکم قیلدیلار» (Ансаб-ас салатин, л. 78).
[118] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 177.
[119] Там же, стр. 178.
[120] Многие источники датой казни Мусульманкула называют 1268 (1851—1852) г., за исключением «Тарихи Шахрухи» и «Тарихи джадидаи Ташканд», в которых указывается 1273 (1856—1857) г., что неверно.
[121] Гр. Потанин. Показания сибирского казака Максимова о Коканском владении, стр. 74.
[122] Тарихи джахан-наман, л. 219.
[123] Таснифи Гариб, стр. 263.
[124] Л. Соболев. Указ. соч.
[125] А. И. Брянов. На память о Фергане, 1876—1901, Новый Маргилан, 1901, стр. 13.
[126] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 179.
[127] Последние годы ханства Кокандского, Туркестанский сборник, т. 433, стр. 21—27.
[128] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 180.
[129] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 17, л. 26.
[130] Л. Соболев. Указ. соч.
[131] «بشهید منزل که راهنمنگان است نهر عظمی از دریای سیحون کنده آورده بود شهری بنا کند باتمام نرسید» (Тарихи джахан-намаи, л. 218б)
[132] «جوی چین آبادرا او نیز براورد، و در انتهای جوی مذکور موضع بهرآبادرا بنا نمود». (Тарихи Шахрухи, стр. 184).
[133] «الحق مرد مردانه و شیر فرزانه صاحب مصلحت دست بعطا و همت ازبرای تدبیر جهان کشایی و دشمن گذاری سعی بلیغ داشتی... و بضبط مملکت احتیاطکاری پرداختی». (Тарихи джахан-намаи, л. 218б).
[134] Там же.
[135] «نیچه یل میکباشی بولوب ایردی ایل هواسین عجب بیلب ایردی» (Джанг-наме, л. 10).

[136] Таснифи Гариб, стр. 257.

[137] Военные действия против коканцев в 1875—1876 гг. (по официальным данным), СПб., 1876, стр. 3.

[138] Л. Соболев. Указ. соч.

[139] Таснифи Гариб, стр. 258—259.

[140] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 167.

[141] Госархив Оренбургской обл., 1839, ф. 6, оп. 10, д. 4981, л. 1—3.

[142] Там же, д. 6642, л. 40—41.

[143] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 14, л. 511.

[144] Нападение коканцев всегда было внезапным. Вот как писал об этом в своем донесении от 26 апреля 1852 г. за № 1040 командиру отдельного оренбургского корпуса исполняющий должность начальника Аральского укрепления майор Энгман: «Они выезжают на грабежи большею частью на аргамаках и идут сначала тихо, чтобы не изнурить лошадей, приближаясь же к цели, они более ста верст делают в ночь, и от этого набеги их почти всегда бывают неожиданны». (Госархив Оренбургской обл., 1852, ф. 6, оп. 10, д. 6642, л. 37—38).

[145] Там же, л. 3,9—11, 28—33, 37—38, 40—41, 53—54, 58.

[146] Там же, 1853, ф. 6, оп. 10, д. 6972, л. 5—7, 8—9.

[147] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 186.

[148] Имелись бер-казанский приток Дарьи и бер-казанская переправа на расстоянии 28 верст от Ак-мечети.

[149] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 187.

[150] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 463.

[151] Там же.

[152] Тарихи джахан-намаи, л. 226а.

[153] Согласно Мирзе Алиму, коканцы отступили без боя, за что руководителям похода по возвращении в Коканд Худояр приказал надеть женские платья и поставить около каждого по прялке, а затем показать народу. Приказание его было выполнено.

[154] Тарихи джахан-намаи, л. 242а.

[155] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 202. В этом вопросе данные литературы на русском языке в целом не расходятся со сведениями местных источников. По данным русских источников, Худояр после поражения в районе Ак-мечети образует из северных районов ханства «особое наместничество», править которым назначает своего сверстника Мирзу Ахмада. Последний получает приказ хана «грабить и расстреливать всех кочевников, которые состоят во владении русских». Вследствие выполнения этого указания хана «вся северная часть ханства была охвачена восстанием» (Л. Соболев. Указ. соч.).

[156] Тарихи джахан-намаи, л. 242б. Следует указать небольшое расхождение между принятыми датами в русской литературе и местных источниках. Мы приводим данные местных источников, что, несомненно, поможет окончательному решению этого вопроса в дальнейшем.

[157] «اطراف تاشکند و ترکستان و راه مرور آنرا غیراز قزاق کسی‌را مجالی نبودکه برگردد تنگی و مضیقی بران جانب خصوصاً براولیا اتا افتاده کرانی غله بعد افراط رسید» (Тарихи джахан-намаи, л. 242б).

[158] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 203.

[159] Тарихи джахан-намаи, л. 243а.

[160] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, стр. 212. Мнению П. П. Иванова противоречат данные, приведенные в русской литературе XIX в., согласно которым Малла-бек был вынужден простить казахов, даже облегчает налоги, тем самым упрочил свое положение на севере, что в конечном счете дало ему возможность выступить потом против Худояр-хана (Л. Соболев. Указ. соч.).

[161] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 200—201.

[162] Тарихи джахан-намаи, л. 239.

[163] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 185—186.

[164] Тарихи джахан-намаи, л. 239а.

[165] «رونق بازار سپاهیان تند تیزگردید پروای ترخشك نمیکردند میاوردند ازین سبب باهل شهر تنگی و مضیقی روید» (Там же, л. 239б).

[166] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 186.

[167] Тарихи джахан-намаи, л. 242а.

[168] Там же, л. 246б.

[169] «آلمه برازی» (Тарихи джахан-намаи л. 245а); Мухаммад Салих пишет «آلمه فرازی» (Тарихи джадидаи Ташканд, л. 212).

[170] Тарихи джадидан Ташканд, л. 212.
[171] Там же.
[172] Тарихи джахан-намаи, л. 245а.
[173] Там же, л. 245б.
[174] Там же.
[175] Там же, л. 252б. Причиной разрыва между братьями указываются успехи русских войск, в чем Худояр обвинил Малла-бека, как не оказавшего им достаточного сопротивления (Три звездочки, стр. 90).
[176] Тарихи джахан-намаи, л. 247. Автор «Таснифи Гариб» пишет, что Малла-бек, прибыв в Кара-су, Узгенд, Ош, Андижан и другие пункты Восточной Ферганы, мобилизовал киргизов из племен Алим-бека и Кирк-угула. Другие родоначальники киргизских родов (например, Мулла Али-кули, Алим-бек, Шах-мирза, Хидыр, Чутан, Фулад-кушбеги, Саид-бек) послали добровольцев. Присоединилась к Малла-беку и ярмазарская знать (стр. 265). В русской литературе того периода указывается на активную роль кипчаков в деле низложения Худояра и прихода к власти Малла-бека (А. К. Гейнс. Указ. соч., стр. 321).
[177] Ансаб-ас салатин, л. 90а.
[178] Место сражения — местность Саманчи (Л. Соболев. Указ. соч.; Таснифи Гариб, стр. 265). В. Наливкин неизвестно на основании какого источника указывает на кишлак Кашгар (Указ. соч., стр. 188).
[179] Тарихи джахан-намаи, л. 248б.
[180] Тарихи Шахрухи, стр. 214.
[181] Там же, стр. 215.
[182] Там же, стр. 204.
[183] Он угрожал своим дружественным отношением с турецким султаном, посылая Малла-хану копии поздравительной грамоты султана, а Малла-хан резко отклонил религиозную гегемонию Турции (Таснифи Гариб, стр. 268).
[184] Тарихи джахан-наман, л. 260. Этот факт приведен и В. Наливкиным, но без ссылки на источник.
[185] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 26, л. 113.
[186] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 192.
[187] «موضع آقراق بلاق» (Тарихи джахан-наман, л. 263).
[188] «اوروس ازولایتی شمالی و غیره آمده فتح منازل آلمه‌اتی نمود و قلعهٔ محکم و چون سد اسکندر بناساخت بانجا سکونت بساختند» (Там же, л. 255б).
[189] «بعداز تلاقی فریقین فتح نضرت بیارمندی مسلمانان شده و تلخ کامی کافران گشت». (Там же, л. 256а).
[190] Тарихи Шахрухи, стр. 217.
[191] «درعصر ملهخان غیور منخرف مزاج راه طویل سخت سفر مبتلا شدیم آن کل قنا عتیکه امیر لشکر است از شومئ کسافتش همه گدا شدیم» (Там же, стр. 220).
[192] «بجولك قلعه انداخته» в другом месте «جوی‌لك»
[193] «مایان مسلمانیم و از جور ظلم شمایان بکافران اوروس ملحق شده گشتیم» (Тарихи джахан-намаи, л. 264а).
[194] Там же, л. 268а.
[195] Казнь была совершена Алим-бием парваначи (киргиз), Хидыр-бием эшикагаси (киргиз), Шадманом Ходжой-парваначи, Худайназаром-дадхой (из племени тюрк), Дуст-михтаром (из племени юз), Мухаммадом Ибрахимом-мирзабаши Касани и другими знатными людьми (Тарихи джахан-наман, л. 269а). В русской литературе датой казни указывается март (Последние годы ханства Кокандского, Туркестанский сборник, т. 433, стр. 21—27).
[196] Тарихи джахан-наман, л. 269.
[197] Там же, л. 271. Вторым лицом в ханстве после хана был один из умных, одаренных представителей кипчакской верхушки Алимкул. «Кроме этого кипчака, Малла-хан не приближал к себе других лиц» (Л. Соболев. Указ. соч.).
[198] Тарихи джадидан Ташканд, л. 215—216.
[199] Кокандское ханство по новейшим известиям, стр. 90.
[200] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 83—84.
[201] Таснифи Гариб, стр. 266—267.
[202] «کوندین کونغا فرغانه ولایتی دولتی تنزل و تزلزلغه عاید بولدی» (Тарихи амние, стр. 33).

[203] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 189.
[204] Там же.
[205] Там же.
[206] Тарихи джахан-намаи, л. 259б. Видимо, английские и кабульские послы прибывали в период правления Малла-хана не один раз (Тарихи джахан-намаи, л. 268а).
[207] Из донесения начальника Алатауского округа командиру Сибирского корпуса, от 27 марта 1861 г. (ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 25, л. 179).
[208] По словам автора «Таснифи Гариб», «вновь возродившееся кипчакское племя умножалось, из него собралось большое войско» (Таснифи Гариб, стр. 273).
[209] По данным части источников, Шахмурад правил всего около четырех месяцев, а по другим данным, 8 месяцев (М. Алибеков. Указ. соч., стр. 87).
[210] Таснифи Гариб, стр. 232, 273.
[211] Тарихи Шахрухи, стр. 229.
[212] Тарихи джахан-намаи, л. 276а. По сведениям Мирзы Алима, у хана осталось 100 человек, с которыми он был окружен мятежниками (Ансаб-ас салатин, л. 101).
[213] Там же, л. 103.
[214] Даже якобы был случай, когда в 1865 г. на место свергнутого хана посадили красивого юношу (бачу), торговавшего на базаре чалмами, выдав его за сына Сарым-сак-хана (Три звездочки, стр.91).
[215] Ансаб-ас салатин, л. 101—102. Автор «Таснифи Гариб» сам видел этих ополченцев в Маргилане, количество которых он определяет в 5 тыс. человек. Однако, по его словам, Алим-кули, преградив им путь недалеко от Якка-тута, обманным путем истребляет их на широком поле, откуда виднелась холмистая степь. Он слышал от крестьян окрестностей Якка-тута, что оставшихся на поле боя неубранных, непохороненных трупов было настолько много, что при обработке земли их останки встречались на каждом шагу, а на некоторых земельных участках вследствие обилия останков невозможно было производить работы в течение трех лет (стр. 285—286). Мулла Нияз Мухаммад также имеет в виду это ополчение, когда он пишет, что население Коканда и его окрестностей, организовав ополчение («جمهور فقرایان دارلسلطنت مع توابعش قراکلتك شده»), заставило Ишана Сахибзаде возглавить его и выступить против мятежников (Тарихи Шахрухи, стр. 246). В этом движении населения столицы проявились и боязнь кипчакской власти, и недовольство феодальными войнами.
[216] Ансаб-ас салатин, л. 104.
[217] Тарихи джахан-намаи, л. 278а.
[218] Там же, л. 279а.
[219] Тарихи Шахрухи, стр. 233.
[220] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 237—238.
[221] Там же.
[222] Богатство этого дома было довольно велико. В заключение этих событий в руки восставших попало 6000 динаров, среди многочисленных конфискованных вещей было более 70 больших сундуков (Хуласатул-ахвол, л. 199).
[223] Там же, л. 196—199.
[224] Тарихи джахан-намаи, л. 281б.
[225] «کریم قلی قپچاق شوندای نقل قیلادور: او آدم بالاسی بربریغه بی رحم بولور ایکن لیگینی بیلدوم وسونکره قپچاقیه بالاسیگا قوشیلماسدین دهقانچیلیك اشلاریغه رجوع قیلدیم، دیدور». (Таснифи Гариб, стр. 283).
[226] Тарихи джахан-намаи, л. 285а. Цифра явно преувеличена.
[227] Ансаб-ас салатин, л. 103а.
[228] Таснифи Гариб, стр. 292—295.
[229] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 26, л. 74—75.
[230] Цифра, приведенная в «Тарихи джахан-намаи», явно преувеличена. В документах на русском языке речь идет о двух тысячах войска.
[231] Согласно автору «Миротул-фтух», ущелье Кара-Гульча было прегорождено дерном. События здесь продолжались два месяца (стр. 21).
[232] Тарихи Шахрухи, стр. 260—262.
[233] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 200.
[234] Видимо, Шахмурад вторично был посажен на престол.
[235] Тарихи джахан-намаи, л. 299а.
[236] Там же, л. 299б. «امیر داست که چشم فقرایان خوقند از و جه تسخر نشدن قپچاقان و گرفته بردن خدایارخان نا آشنا مینمایدر». (Тарихи Шахрухи, стр. 263).

[237] Л. Соболев. Указ. соч.
[238] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 27, л. 180—181.
[239] Ансаб-ас салатин, л. 106б.
[240] Таснифи Гариб, стр. 298.
[241] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 27, л. 22.
[242] Записка командира Оренбургского корпуса генерала Безака «О средствах для развития нашей (русской) среднеазиатской торговли, от 29 ноября 1861 г.» (ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 25, л. 473).
[243] Среди защитников этого города убитыми оказались 1600 человек (Тарихи джахан-намаи, стр. 308а).
[244] Тарихи Шахрухи, стр. 266.
[245] Вместе с войсками шли в поход все улемы, казии и шейхи (Ансаб-ас салатин, л. 107б).
[246] «برنیچه سپاهلارنی جمع ایلاب مصلحت قیلدیلار بولارنی ایچیده آته بیک دادخوا ایدیکیم قوشوننی قورغانگا تاشلاب بیراق یرده پنهان توریب جنک قلسالار یخشی بولور بول قتیغ یاودور دیب ایردی و بر نیچه‌لاریغه مقبول بولدی». (Ансаб ас-салатин, л. 107—108).
[247] Там же.
[248] Тарихи джахан-намаи, л. 312а. Цифра явно преувеличена.
[249] В тексте единственного пока в Ташкенте экземпляра «Тарихи джахан-намаи» имя кокандского военачальника было стерто и другой рукой написано имя Муллы Алимкула.
[250] Тарихи джахан-намаи, л. 314а.
[251] Там же.
[252] Тарихи Шахрухи, стр. 269.
[253] Там же, стр. 270.
[254] Было установлено, что убито 3176 кокандцев (Тарихи джахан-намаи, л. 315а).
[255] «بموضع چلپك که یکی از منازلگاه مرورمردمان است کافران قلعه‌چه بر آنجا بناساخته و چند نفری نگاه بانی‌راه مقررفرموده است و قریب پنجاه نفری ازان قوم سر بریده» (Тарихи джахан-намаи, л. 316а).
[256] Согласно русским источникам, Алимкул остановил движение сотни есаула Серова, производившего разведку вблизи сел. Икан. Хотя незначительной части отряда удалось прорваться через превосходившие его силы противника, однако в целом отряд был почти уничтожен. Из 114 казаков половина была перебита, остальные ранены и контужены. Невредимыми остались только 8 человек. Все участники этого сражения получили георгиевские кресты. (Последние годы ханства Кокандского, Туркестанский сборник, т. 433, стр. 21—27).
[257] «قرغیز قپچاق مال تلاشتیلار» (Ансаб-ас салатин, л. 109а).
[258] Тарихи джахан-намаи, л. 318а.
[259] Н. Маев. Очерки истории киргизского народа, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1873.
[260] Тарихи Шахрухи, стр. 276.
[261] «لا علاج صلح باکفار نموده از آنجه تاکید شرط شرایط رابجای آورده آرام گرفتند». (Тарихи джахан-намаи, л. 322а).
[262] «خوقندغه کریب اوردغه مکان توزاب دوکان قوردیلار».
[263] Тарихи дажахан-намаи, л. 322б.
[264] Тарихи Шахрухи, стр. 266.
[265] Согласно сведениям Муллы Аваз Мухаммада, бухарский эмир вел в это время переговоры с царским правительством. В Петербург был послан Наджмеддин-ходжа с подарками, среди которых были слон и документы Тимура. «چه قدر وثیقهٔ امیر تیموری بدست وی داده بولالت پتربور بخدمت آق پادشاه اوروس روانه ساخته» (Тарихи джахан-намаи, л. 322б) و ثیقهٔ امیر تیموری можно понимать и в значении «документы подобно тимуровским».
[266] Три звездочки, № 7, стр. 91
[267] Тарихи джахан-намаи, л. 323а.

[268] Там же, л. 324б.
[269] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 322.
[270] «دانست که این مملکت‌را نگاه داشتن ازدائرهٔ امکان بیرون است از روی ناعلاج خدایارخانرا بر تخت سلطنت قرار داده حکومت ملک فرغانه باو تفویض نمود» (Тарихи Шахрухи, стр. 266).
[271] Тарихи джахан-намаи, л. 324а. И в русской литературе того периода отмечаются «страшные грабительство и жестокость» ненавистных бухарских войск в Фергане. При этом русский автор утверждает, что бухарский эмир увез с собой до 2000 женщин и кокандскую артиллерию, состоявшую из 30 орудий (Три звездочки, № 7, стр. 91).
[272] Тарихи джахан-намаи, л. 324б.
[273] Во многих случаях подарки посылались в форме широко распространенного обычая «туккуз» — в количестве девять.
[274] Три звездочки, № 7, стр. 91.
[275] Там же, стр. 92.
[276] Л. Соболев. Краткий обзор положения дел в Коканде, Туркестанский сборник, т. 152.
[277] Там же.
[278] Там же.
[279] Там же.
[280] Тарихи джахан-намаи, л. 333б.
[281] Там же, л. 334а.
[282] Там же, л. 335а.
[283] Общее количество убитых в этих районах определялось источником приблизительно в 15—16 тыс. человек (Там же, стр 335б).
[284] А. Макшеев. Исторический обзор Туркестанского края, СПб., 1890, стр. 246.
[285] Там же, стр. 247.
[286] Там же, стр. 273.
[287] Тарихи джахан-намаи, л. 337а.
[288] Там же, л. 338б.
[289] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 15, л. 315.
[290] Там же, д. 24, л. 242.
[291] Там же, д. 25, л. 141.
[292] Там же.
[293] «نوک» (Тарихи Шахрухи, стр. 227).
[294] Сформированное из ополчения войско во главе с амир лашкаром, как и при монголах, состояло из пяти сотен во главе с пансатами, сотен во главе с юзбаши, пяти десяток во главе с панджабаши и десяток во главе с дахбаши. Причем последние, нося и звание ясаула, частично занимались и хозяйственными вопросами.
[295] По данным военного инженера штабс-капитана Старкова, в начале 60-х годов нижние чины кокандского войска получали от правительства следующее содержание: по два мешка муки в год, от 7 до 10 бухарских батманов ячменя на лошадь и по одной тилля (около 4 руб. серебром) в месяц жалованья. Кроме того, выдавались единовременно весной 4 летних халата, рубашка, сапоги, чалма, тюбетейка и кушак; зимой — теплый халат, дубленая шуба, сапоги, теплая шапка и, наконец, лошадь (ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 24, л. 244).
[296] Там же, д. 14, л. 230.
[297] Там же, л. 229.
[298] Там же, д. 24, л. 244, 245.
[299] Там же, д. 26, л. 198.
[300] Там же, д. 15, л. 230.
[301] Там же, д. 14, л. 307.
[302] Там же, д. 16, л. 91.
[303] Там же, д. 28, л. 178.
[304] Тарихи Шахрухи, стр. 270.
[305] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 29, л. 275.
[306] Ансаб-ас салатин, л. 113а.
[307] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 206.
[308] Н. Петровский. Очерки Коканского ханства, стр. 1—19.
[309] Там же.
[310] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, Туркестанский сборник, т. 117, стр. 170.
[311] А. И. Брянов. На память о Фергане, стр. 14.
[312] Там же, стр. 15.

[313] Три звездочки, № 7, стр. 102, 103.
[314] Л. Соболев. Указ. соч.
[315] Из Кокана, Туркестанский сборник, т. 152, стр. 112.
[316] Л. Соболев. Указ. соч.
[317] Положение дел в Коканском ханстве, Туркестанский сборник, т. 75, стр. 43.
[318] Н. Петровский. Очерки Коканского ханства, стр. 1—19.
[319] Ансаб-ас салатин, л. 115б—116а.
[320] «شورش عظیم باشلادی» (Там же, л. 116а).
[321] Хотя он и занимал это место, но постоянно находился около хана в положении его советника.
[322] Таснифи Гариб, стр. 315.
[323] Туркестанский сборник, т. 75, стр. 47.
[324] В районе Уч-кургана и Избаскента.
[325] Ансаб-ас салатин, л. 116а—116б.
[326] Имеется в виду случай с Каландар-беком — старшим братом Музаффара.
[327] Таснифи Гариб, стр. 315.
[328] Три звездочки, № 7, стр. 97.
[329] Там же, стр. 96.
[330] Там же.
[331] Там же, стр. 97.
[332] Ансаб-ас салатин, л. 113а.
[333] Современники дают его исчерпывающий портрет. «...Широкоплечий, огромного роста мужчина, со зверским лицом; отличный наездник и рубака, он приобрел себе славу знаменитого батыра. О подвигах его свидетельствуют 14 ран... (Три звездочки, № 7, стр. 97).
[334] Очерки Кокана, стр. 52.
[335] Русское посольство, посетившее 29 декабря 1867 г. дом Шерали в Коканде, оставило в своем дневнике следующие заметки: «Шерали-бий живет по-спартански, сурово, в мрачной закопченной и пыльной сакле» (Отрывки из дневника в Кокане в 1867—1868 г., сборник статей А. П. Хорошхина, стр 62).
[336] Следует учесть то обстоятельство, что словом «девона» наряду с бездомными скитальцами называли и людей, имеющих содержание, например, каландаров.
[337] Р. Набиев. Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки, 31—62 стр.
[338] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 341.
[339] Три звездочки, № 7, стр. 97.
[340] Госархив Оренбургской области, 1869, ф. 6, оп. 10, д. 8228, л. 1.
[341] Там же, л. 1, 8.
[342] А. П. Хорошхин. Указ. соч., стр. 54.
[343] Три звездочки, № 7, стр. 74.
[344] М. Н. Ростиславов. Очерки видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, Туркестанский сборник, т. 323, стр. 244.
[345] Сообщение на заседании Отделения географии ИРГО, Известия ИРГО, т. VIII, стр. 6.
[346] Три звездочки, № 7, стр. 97.
[347] Там же.
[348] А. П. Хорошхин. Указ. соч., стр. 48.
[349] Три звездочки, № 7, стр. 74.
[350] Руководитель восстания Мулла Мир Таджик также жестоко был казнен: его водили по улицам города и в каждом месте большого скопления народа отрезали поочередно руки, нос и другие части его тела. Исполнявший должность раиса Ходжа Калан Казы был наказан: с него сняли одежду на глазах народа и выдергивали при помощи щипчиков бороду и усы. Имущество его было конфисковано. Подверглись аресту правитель Соха Мирза Рахим, Бузрук Ходжа и другие представители духовенства и светских феодалов (Ансаб-ас салатин, л. 122а).
[351] Там же, л. 124.
[352] «تلخ زبانان همهٔ بدسخن بست درلب سیاست دهن
حرف لجاجان تکبر مزاج بهر سلام خم شده سر ناعلاج.»
(Тарихи Шахрухи, стр. 323).
[353] «ارکان دولت امرا و فضلالار گا [خدایارخاننك] بول ایشلاری ناپسند ایردی بلکه تمام کلان شونده‌لار توهم‌غه قالدیلار».
(Ансаб-ас салатин, л. 122б).

«کهنه سپاهییان‌که در معرکه‌های مهیب و در جنگهای پر نهیب [354] حاضر بودند و او ضاع و اطوار جنک جدالرا و اقف بودند.. التفات نمیکرد».

(Хуласатул-ахвол, л. 129а).

«تنگری لطف کرمنی فاش ایتی بیوەلار تندایله معاش ایتی». [355]

(Джанг-наме, л. 26).

[356] Хуласатул-ахвол, л. 189б.

[357] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 88. Ата-бек служил еще при Шерали-хане, был умным человеком. Худояр на время своего отсутствия в столице оставлял его вместо себя.

[358] Там же, стр. 92.

[359] Таснифи Гариб, стр. 338.

[360] А. П. Хорошхин. Указ. соч., стр. 38.

[361] Три звездочки, № 7, стр. 99.

[362] Тарихи джахан-наман, л. 219а.

[363] Три звездочки, № 7, стр. 99.

[364] Газы-бек, правитель Чимиона, близкий друг известного предводителя кипчаков Алимкула, принадлежал к узбекской знати, его зять находился среди нападающих кипчаков, поэтому дом Газы-бека остался неприкосновенным.

[365] Таснифи Гариб, стр. 290.

[366] Три звездочки, № 7, стр. 99.

[367] Ансаб-ас салатин, л. 123а.

[368] Киргизы ушли, как всегда, в горы. Абдулкарим возвратился в Ходжент, находившийся под властью туркестанского генерал-губернатора. Однако русские чиновники, по просьбе Худояра, выдали ему Абдулкарима.

[369] Ансаб-ас салатин, л. 124.

[370] «تورك تاجیك قرغیز قپچاق اولدی بهم
بوری قویغه ایت پشکگه آشنا بولدی دریغ». (Там же, л. 129).

[371] «برنیچه ارکان دولت بولدی بو اشغه سبب
فتنه باشی عبدالرحمان اولیا دریغ». (Там же).

«تاغ طرفیداگی صاحب خروجلار کوتارگان خانی فولاد قان [372] بیلان یتوب کیلوب آفتابجی‌غه سلام بردیلار... همه‌گا معلوم بولدی‌که اوشال تاغ طرفیدن خروج قیلگانلار هم شول آفتابچینی امر فرمانی بویونچه خروج قیلگان ایکان». (Таснифи Гариб, стр. 317).

[373] Там же, стр. 316—317.

[374] Ансаб-ас салатин, л. 123—127.

[375] Л. Соболев. Указ. соч., стр. 81.

[376] Из Ташкента, Туркестанский сборник, т. 152, стр. 106.

«عرابه‌لار هر جایده سینغان ایردی برنچه بی اندیشه‌لار تلاب آلیب [377] قاچغان ایردیلار نچه جایدا شول طریقه عرابه‌لاردین اجناس و پل آلیب تاراج قیلیب قایتی‌لار تامحرمغه بارغونچه شول طریقه ایردی».

(Ансаб-ас салатин, л. 127б).

Согласно Мирзе Алиму, туркестанский генерал-губернатор (ярим подшах) назначил Худояру жалованье, а его капитал (казна) был взят в банк, а сам Худояр через некоторое время был отправлен в Оренбург, что, кстати, подтверждается архивными данными (Ансаб-ас салатин, л. 128а, 136а).

[378] Таснифи Гариб, стр. 318—319.

[379] А. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских, СПб., 1890, гл. XIII, стр. 330.

[380] Л. Соболев. Указ. соч., стр. 97.

[381] Таснифи Гариб, стр. 319—320. В русской периодической печати указывалось на нахождение в крепости «Ургента» (Узгента) «секретной казны хана», которая попала, по ее свидетельству, в руки восставших киргизов. («Санк-Петербургские ведомости», 1864, № 268; Туркестанский сборник, т. 75, стр. 47). Наличие такой дополнительной нелегальной казны в тех условиях вполне реально.

[382] Но он не потерял самообладания и стоял «под большим красным знаменем» (Туркестанский сборник, т. 152).

[383] «Правда», 22 декабря 1972 г.

[384] Там же.

[385] Джанг-намаи Худояр-хани, л. 23—24.

[386] Тарихи джахан-намаи, л. 239а.

[387] Об этом свидетельствует и эпизод с уничтожением его печати. Когда во время восстания Пулат-хана восставшие привели к последнему захваченного ими Султана Мурада, Пулат-хан потребовал, чтобы тот разрубил свою печать. Султан Мурад вынужден был выполнить. В этом акте мы видим, что печать бека, казненного Пулат-ханом, представляла собой опасность для других. (Таснифи Гариб, стр. 333).

[388] Худояр свои фирманы на имя брата начинает словами «прибежищу государства и областей, великодушному брату, спутнику обоих миров Султану Мурад-беку», (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 1317). По имеющимся данным, Малла-хан и Суфибек от одной матери, принадлежавшей к племени багиш, а Худояр и Султан Мурад-бек — от другой, из племени сару. Сарымсак-бек якобы был сводным братом. (Таснифи Гариб, стр. 253).

[389] Ансаб-ас салатин, л. 130, 161.

[390] «نمنگان اورمان بیك‌گا نامزد بولوب ایردی».

(Там же, л. 117б).

[391] Двое первых называются сыновьями Султана Мурад-бека, а в отношении пяти последних он употребляет слово «نورچشمی» («свет очей»).

[392] «نور العینیه خاصیت‌خان»

[393] Здесь не упомянуты царевичи, находившиеся за пределами ханства и враждовавшие с домом Худояра.

[394] Хуласатул-ахвол, л. 131б.

[395] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 113.

[396] Ансаб-ас салатин, л. 115а.

[397] Там же.

[398] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 92; Л. Соболев на основании данных, полученных из уст очевидцев, пишет о наличии у хана 36 жен, каждой из них полагалось отпускать в месяц 380 руб. и для каждой был построен отдельный дом. (Из Ходжента, Туркестанский сборник, т. 152).

[399] Таснифи Гариб, стр. 310.

[400] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 110.

[401] Там же, стр. 111.

[402] Тарихи салатин, л. 113а.

[403] Хуласатул-ахвол, л. 121б.

[404] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 94.

[405] А. П. Хорошхин. Указ. соч., стр. 56.

[406] «خان مذکور عقلی و زکاوتی ندا شت و حمق برو غالب بود»

(Хуласатул-ахвол, л. 129а).

[407] Л. Соболев. Указ. соч.

[408] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 88, 89 и 113.

[409] Н. Петровский. Очерки Коканского ханства, стр. 1—19.

[410] Саид Мөгәмет Худояр-хан Коканский, Туркестанский сборник, т. 89, стр. 332—334

[411] «میر آیمچه‌خان خرد» (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2564).

[412] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, л. 1961.

[413] Там же, л. 565.

[414] Там же, л. 1965.

[415] А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, перевод с немецкого В. И. Ковалевского, СПб., 1872, стр. 38.

[416] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 542, 2446, 3774, 3211.

[417] Русская центральная Азия (письмо Генри Ланедалли), Туркестанский сборник, т. 402.

[418] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2317, 3006, 3432, 2961, 2960, 3001, 2989 и 2972.

[419] Бахтияр Мухаммад-курбаши (сокращенно в документах Бахти Мухаммад-курбаши, Бахти-курбаши или Бахти Мухаммад-саркар) возглавлял все финансовые и материальные ведомства Маргиланского бекства. Его имя часто встречается в документах.

[420] ЦГА УзССР, ф. И-1043,оп. 1, д. 2279. Обращает на себя внимание то, что русское слово «самовар» вместе с самим предметом было распространено еще до завоевания Ферганской долины царизмом.

[421] Там же, д. 2857, 2853, 2851, 2852, 2842.

[422] «ده رئس اسبان عرابکش سید محمد صدیق بیکم بی نقه میباشند» (Там же, д. 2563).

[423] Там же, д. 2843, 2833, 2835, 2791, 2801, 2830, 2821, 2811, 2812.

[424] «جهت ملا غازی‌دا ملای سید مولان بیکم یك دانه داکه گرفته بدهید» (Там же, д. 2749).

[425] «جهت داملای سید احمد بیك یگ جامهٔ ادرس چیت استر بدهید» (Там же, д. 3660).

[426] Тарихи Шахрухи, стр. 87.

[427] А. П. Хорошхин. Указ. соч., стр. 63.

[428] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2974.

[429] «بختی محمد قورباشی را نموده آنکه جهت چوریٔ گل‌قیز سید عبدالعزیزبیك و چوریٔ اوش سید مولان بیك بهر دوی آن دوکورفهٔ پخته ناك ازشما فرمودیم برسیدن پته جواب کوید»

печать سلطان محمد مرادبیک بن شیر محمد علی خان —

(Там же, д. 2894). См. также об отпуске Гул-кыз грубого хлопчатобумажного материала для одежды и скромной обуви (Там же, д. 3607).

[430] Хуласатул-ахвол, л. 204—205.

[431] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2894—2899, 3607.

[432] Там же, д. 2898.

[433] «Туркестанские ведомости», 1875, стр. 110 и 1876, № XIX (эти данные даются по Мидендорфу, стр. 334).

[434] Н. Петровский. Очерки Коканского ханства, стр. 7.

[435] «صغیره گان خاصه گی» ,«صغیره گان جناب عالی»

(ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3076).

[436] «صغیره گان جناب اورمان‌بیك» (Там же, д. 1091, 2421, 2861).

[437] Там же, д. 2879.

[438] «صغیره های در آتخانه گشته گی»، «صغیره‌های انبارخانه»، «صغیره گان خزینه»، «صغیرهٔ درون»، «صغیره گان باغ»، «شکر صغیرهٔ کبوترخانه»، «آقیول صغیره باهمر اه مبرشکارباشی بشکارمیرود»، «صغیره‌های مکتب خانه»، «مکتب‌خانهٔ غلام بچه گان».

(ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2421, 2860, 2861, 2869, 2876, 2884, 2886, 2980, 3076, 2893, 2880).

[439] «جهت پنج نفر صغیرهٔ ایلقی بان» (Там же, д. 2871).

[440] Там же, д. 2862.

[441] Там же, д. 2886.

[442] Там же, д. 578.

[443] Там же, д. 565.

[444] «بطریقهٔ طرخانی یا پته‌دار»

[445] «یکه پرچه»، «نیم پرچه»

[446] Употребляется слово «دسته»; ёвар (военное звание).

[447] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 1477.

[448] «زمین نوگشته»

[449] Там же, д. 1091.

[450] Там же, д. 2878 (В документе написано «سی» — 30, что, конечно, сомнительно).

[451] Там же, д. 578.

[452] Из «كرباس», «قلمى», «تك‌الچه» и т. д.

[453] «موزهٔ نوغای قیش»، «موزهٔ قیش» и т. д.

[454] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2911.

[455] «جهت تفکن تجهیزیك نفر صفیرهٔ متوفا دوازده تنگه بدهید» (Там же, д. 2923).

[456] Там же, д. 3715, 3726.

[457] Там же, д. 3716.

[458] Там же, д. 2308.

[459] Там же, д. 2791.

[460] Там же, д. 2029, 2019.

Глава II

[1] В ханстве существовали книги (дафтары) по хараджным, танабным и другим доходам. Они составлялись отдельно по каждой определенной территории или оросительному каналу, но, к сожалению, небрежно, беспорядочно. К тому же в Кокандском ханстве они полностью не сохранились.

[2] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 66.

[3] Мидендорф. Указ. соч., стр. 417. Следует отметить то обстоятельство, что разница в ценах на землю в Ферганской долине была весьма значительной. Она прежде всего зависела от обеспеченности водой. Например, в Андижанской области в Хукад-кишлаке за танаб давали 20 тилля, а рядом в Шахрихане — 2 тилля (Мидендорф. Указ. соч., стр. 441).

[4] «سبب چستکه بزمین مملکه دست انداخته زراعت میکرده اند»

[5] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 565, л. 16.

[6] Там же, л. 14—16.

[7] Там же, л. 17.

[8] Там же, д. 14.

[9] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 441 (автор ссылается на известный восточный юридический трактат «Хидоя»).

[10] А. Быковский. Об улучшении культуры хлопчатника в Туркестанском крае, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, 1874, стр. 427.

[11] А. П. Хорошхин. От Ташкента до Кокана, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 37.

[12] Р. Набиев. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII вв., «Известия АН УзССР», серия общественных наук, 1960, № 3, стр. 29—30.

[13] М. Н. Рославлов. Указ. соч., стр. 245.

[14] Н. Пантусов. О податях и повинностях, существующих в бывшем Кокандском ханстве в последнее время правления Худояр-хана, «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

[15] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 1317, л. 23.

[16] Земельные площади, находящиеся под бахчевыми культурами (например, под дынями) и не превышающие 4-х танабов, тоже освобождались (Там же, л. 9).

[17] «بقدر حصهٔ خراج و طنابانهٔ مومی الیهیم دخل ننمایید بشر طیکه ملك مورثی و زمین زرخرید خودش باشد و نیر فرمودیم که از هرجنس غله تا ده چاریک و از علف تاچهار طناب گذاشته مازادهٔ آنرا گرید» (ЦГА УзССР, Ф. И-1043, оп. 1, д. 1317, л. 22).

[18] «... بشرطیکه دردفتر باشد و زمین ازان خودها باشد از روی تعامل بانصف پته کرده بدهید» (Там же, л. 12).

[19] Там же, л. 1—7, 11, 13, 18—21. Эти документы являются лишь незначительной частью большого документального материала, разработка которого предполагается в другой намечаемой нами работе.

[20] Общественная пища, приготавливаемая при религиозных учреждениях для раздачи людям.

«محمد فاضل سرکاررا نموده آنکه در موضع‌لاغان خراج گندم نصر [21] اللارا بملا محمد عمرقاری مهربانی نموده دادیم بایدکه بخراج آن مع‌کاه او دخل و تعرض ننمایید ۱۱۹۵»

печать سلطان محمد مرادبیك بن شیر محمد غلی خان
(ЦГА УзССР, Ф. И-1043, оп. 1, д. 716).

«املاکداران خان اریغی را آنکه در آنجا ولد سلطان بای میرزا [22] دوجاریک‌خراج کندم قدرحصه داشته بایدکه بدستور هرساله عمل نموده بخراج آن دخلدار نباشید ۱۳۱۹». (Там же, д. 717).

[23] Фарах равняется в настоящее время 16 кг., малый фарах (кичик фарах) — 8—10 кг.
[24] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 717.
[25] Миротул-фтух, стр. 65. 66.
[26] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 109—110.
[27] Ансаб-ас салатин, л. 112—114.

«حضرت صاحب‌زاده ایشان‌ننك... از روی آداب طغرانویس قیلدیم... [28] و اول جناب ننگ تمامی جانشین اوغوللاری و تا اوش شهریده بولغوچی خلیفه‌لاری اولادلاریغه‌چه» (Таснифи Гариб, стр. 392).

[29] Хуласатул-ахвол, л. 155—157.
[30] М. Н. Ротиславов. Указ. соч., стр. 342.
[31] Миндендорф. Указ. соч., стр. 219.
[32] Таснифи Гариб, стр. 314—315.
[33] Там же, л. 346.
[34] Там же, л. 310.

«دولتیغه برکت پیدا بولوب و دولتی قدیمه سیدین مننك درجه [35] زیاده بولدی». (Ансаб-ас салатин, л. 113а).

[36] Ануджум-ат таварих, л. 116б.
[37] В. Наливкин. Очерки землевладения в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 11, 24.
[38] Фонд ИВ АН АН УзССР, инв. № 56. Этот документ подготовлен т. Усмановым к изданию.

«درسال یازدهم ازجلوسی خدایارخان جوی چین آبادرا اونیز براورده [39] درانتهای جوی‌مذکور موضع بهرآبادرا بنانمود...

خان زماننده اول مسلمانقل — سردین اول قازدوب چقاردی اریغ
وصفینی‌من قیلورده تاریخ اوچون — عقلکادی قچان تکالدی اریغ
عقلگامن دیدیم دیدی منگا — برار یغ سودیمای کوبدی اریغ
سببی بولکه کوب اریغ سولار — بول اوچون تاریخ اولدی کل اریغ»

Следует указать, что дата «کل اریغ» соответствует 1261/1845 г., однако она не совпадает с 11 годом правления Худояра. К 11 году его правления Мусульманкул уже давно был казнен. Если последняя дата правильна, то вполне возможно, что канал был намечен Мусульманкулом и начат при нем.

[40] Тарихи джахан-намаи, л. 218б.
[41] А. И. Брянов. На память о Фергане 1876—1901 гг., Новый Маргилан, 1901, стр. 14.
[42] Военные действия против коканцев в 1875—1876 гг., стр. 53.
[43] Тарихи Шахрухи, стр. 312; Тарихи джахан-намаи, л. 341. Даты канала, т. е. годы начала и окончания строительства канала, составленные самим ханом, гласят:

«بیابان اهلیغه شفقت اوجون من — که صحرالارده قازدور دوم نیچه نهر
چقاردیم بر اریغ دریایی سردین — اریغ بلکم دیمای مانند بر نهر

خرد روشن قیلیب طبعیم چراغین دیدی خان زمان افلاك الغ نهر
ایکنجی یل توگانسا انتماسی که البه تته بولور تاریخ بلغ نهر

получается « الغ نهر » — 1286 (1869—1870);
« بلغ نهر » — 1287 (1870—1871).

[44] Мидендорф. Указ. соч., стр. 511.
[45] Капитан корпуса топографов был назначен на эту должность в июле 1878 г. Видимо, впоследствии И. У. Жилин произвел планировку г. Новый Маргилан (Фергана).
[46] Сел. Файз-Абад на Маргилано-Кокандской дороге, недало от Маргилана.
[47] Далее по дороге на Коканд.
[48] Мидендорф. Указ. соч., *прилож.* IV, стр. 511.
[49] Там же, стр. 510.
[50] Там же, стр. 511—512.
[51] К. Пулатов и А. Мустафаев. Из истории борьбы узбекского народа за воду, Ученые записки Андижанского гос. пед. института, 1955, вып. II.
[52] С. Джалилов. Из истории канала Улугнахр, сб. «Из истории Средней Азии», 1965, стр. 38.
[53] А. Кун. Очерки истории Кокандского ханства, Известия ИРГО, 1876. т. XII, стр. 62.
[54] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 439.
[55] Л. Соболев. Краткое обозрение положения дел в Кокане, Туркестанский сборник, т. 152.
[56] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 414.
[57] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 1961.
[58] Мидендорф. Указ. соч., стр. 445.
[59] Три звездочки, № 7, стр. 78.
[60] А. Кун. Очерки истории Кокандского ханства, стр. 64.
[61] Там же, стр. 65.
[62] «Туркестанские ведомости», 1876, № 13.
[63] Там же.
[64] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, Туркестанский сборник, т. 117, стр. 169.
[65] Там же.
[66] А. Кун. Очерки истории Кокандского ханства, стр. 65.
[67] Мы останавливались на этом вопросе и в предыдущих работах (Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг., «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 7, стр. 37—39 и др.).
[68] Сарты, их хозяйство, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 106.
[69] Таснифи Гариб, стр. 355.
[70] Документ называется так «آنچه محصولات غلات ولایت اوش دربارهٔ ذکریا سرکار اجاره کرده دادمشد»

В документе приводятся цены хараджа, внесенного определенным зерном. Пшеница богарная (лалми), один чайрик — 14 теньга. Пшеница с орошенных земель, один чайрик — 12 теньга. Простые зерновые продукты (черное зерно), один чайрик — 6 теньга. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что лучшая пшеница стоила почти в полтора раза дороже шалы. Это говорит о дороговизне самого основного продукта — хлеба.
[71] Известны были многочисленные сорта зерна. В одном Наманганском уезде в 70-х годах В. Наливкин насчитывал до 10 сортов одной только пшеницы, урожайность которых была разной (В. Наливкин. Очерки землевладения в Наманганском уезде).

Мидендорф дает следующее разъяснение терминам « آق غله » (белое зерно) и «قره غله» (черное зерно): ак-галла — более благородное зерно (пшеница и ячмень), кара-галла — просо, масличные и др. (Мидендорф. Указ. соч., стр. 259).

Известно из аграрной истории Ирана XIII—XIV вв., что в Иране употреблялись термины шатави и сейфи в значении зимних и легних посевов, производимых на одних и тех же участках по системе плодосмены (И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., 1960, стр. 139—141). Некоторые авторы объясняют термины «ак» (узбек.) или «сафид», «сафид бари»

(тадж.) — белый как шатави (зимние посевы) и «кок» (узб.) или «сабз», «сабз бари» (тадж.) — зеленый или голубой как сейфи (летние посевы), включая сюда и культуру риса (П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, «Известия АН СССР», отд. общ-х наук, 1935, № 8, стр. 745—755; И. П. Петрушевский. Указ соч., стр. 140). Как мы видим, в документах XIX в. вместо «кок» употребляется узб. «قرا» или тадж. «سیاه», куда не включают рис (шалу), лен (зигир) и т. д. Нам кажется, что в данном случае Мидендорф прав, имея в виду при этом делении значение той или иной культуры.

[72] ЦГА УзССР, ф. И-1043, д. 687.

[73] Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, ЗИРГО, кн. III, СПб, 1849, стр. 215.

[74] По другому документу эти же пять амлякдаров-арендаторов с этой самой местности вносят харадж в размере 22 555 чайриков зерном, в том числе пшеницей 8800, шалой 4200, черным зерном 8950, масличным льном 305 чайриков, и саманпули — 8000 теньга (ЦГА УзССР, Ф. И-1043, оп. 1, д. 653).

[75] Согласно подсчету цен, будет более 6000 чайриков зерна.

[76] Харадж ссл. Кубы (Кувы) в другом документе, следовательно, в другом году остается в том же размере, т. е. 11 500 чайриков зерна. Арендатор тот же Мулла Мухаммад Риза-саркар. (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 653).

С площади под луком и морковью осеннего сбора, засеянных на землях, с которых снят урожай зерновых культур, взимался харадж в размере 1/5 части урожая.

[77] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 687.

В другом документе, видимо, с датой другого года, аренда хараджа по городским арыкам была отдана тому же Мулле Мухаммаду Алиму-саркару и определена той же цифрой, т. е. 40 000 чайриков зерном. (Там же, д. 653).

[78] Там же.

[79] Чайрик в Ферганской долине имеет очень крупный вес и, нам кажется, в течение XIX в. претерпевает большую эволюцию. По данным Потанина, прибывшего в Коканд в 1830 г., он равнялся 2 пудам (ВИРГО, 1956, ч. 18, стр. 278). В конце 40-х годов он уже равнялся 4 пудам (ЗИРГО, кн. III, СПб., 1849, стр. 210) и доходит почти до 6 пудов (5 пудов 13 фунтов) во второй половине прошлого века (В. Хинц. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему; Е. А. Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, стр. 107).

[80] Как было отмечено, цена одного чайрика зерновых продуктов определялась от 6 теньга за «черное зерно» и до 12—14 теньга за пшеницу, поэтому мы взяли среднюю цену — 10 теньга за чайрик.

[81] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 653.

[82] Там же.

[83] «میرزالارنی جمع ایلاب یورت اوستیده قالغان طناب و خراج و غوزه پلی و قاوین پلی و غیره‌نی تفتیش و تحقیق ایلاب...»

(Ансаб-ас салатин, л. 142а).

[84] Р. Набиев. Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг., стр. 38. Местные источники, в том числе документальные, а также русские авторы свидетельствуют о взимании хараджа в размере 1/5 части всего урожая (Коканское ханство по новейшим известиям, стр. 105; М. Алибеков. Домашняя жизнь Худояр-хана, стр. 88; А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи, «Туркестанский сборник», т. 396, стр. 33; А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, стр. 368)

Вместе с тем, в некоторых источниках того периода размер хараджа в Кокандском ханстве, например, в Ташкенте, определяется в 1/3, 1/5, 1/10 часть урожая, в соответствии с местными условиями (А. П. Хорошхин. Очерки Ташкента, стр. 91).

Весьма важным является замечание Мидендорфа о сборе хараджа в размере до 1/2 урожая, «смотря по обстоятельствам» (Указ соч., стр. 420).

[85] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 88.

[86] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 687.

[87] А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи, стр. 31.

[88] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 368.

[89] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 702.

[90] Батман в Ташкенте этот автор определяет в 10,5 пуда.

[91] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 480—483.

[92] Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, стр. 208.

[93] А если бек находился во вражде с центральным правительством, то, разумеется, он распоряжался не только поземельными, но и всеми другими налогами. Так поступал, например, правитель Туркестана Канаат-шах в середине 40-х годов XIX в.

Он присваивал как харадж и закят с населения Южного Казахстана, так и все пошлины, поступавшие от транзитных караванов (Миротул-фтух, стр. 116).

[94] Кокандский округ был самым крупным и доходным. Так, из 803 крупных селений ханства в начале 70-х годов 368 находились на территории Кокандского округа, а из 707 550 батманов хараджа 230 000 батманов и из 131 672 тилля танабаны всего ханства 55 700 тилля выдавал этот округ (А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, Военный сборник, 1876, № 2, стр. 441 (173).

[95] А. Кун. Очерки истории Коканского ханства, стр. 65.

[96] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 440 (172).

[97] А. П. Хорошхин. Очерки Кокана, стр. 45.

[98] Коканское ханство по новейшим известиям, стр. 105.

[99] Танаб законный (танаби шарий) — единица земельной площади, равная 60 × 60 гязов, т. е. 3600 кв. гязов. Для определения гяза, по словам авторов того времени, брали ровную палку, семь раз обхватывали ее кулаком, причем большой палец последнего самого верхнего кулака поднимали высоко. Таким образом, расстояние от нижней части нижнего кулака до вершины поднятого большого пальца седьмого кулака считалось гязом. В последние годы правления кокандских ханов в Фергане земельные площади измерялись муфтиями и ханскими мирзами один раз в три года. На основании нового измерения составлялись дафтары, хранившиеся в ханской канцелярии (казначействе). Сбор потанабного налога производился в самое тяжелое время — весной, в период распускания деревьев и цветения винограда.

[100] Н. Пантусов так объясняет танаби-пухта (который мы условно назвали «полный танаб»). Это сбор в размере 2 руб. Для однообразия в счете приводились к одному знаменателю нормы размера танабной пошлины с разных видов растительности. Например, если в известном селении было 10 танабов клевера (по 1 руб.), 20 танабов чекалак — густых зарослей кустарника (по 50 коп.) и 5 танабов виноградника (по 2 руб.), то танаби-пухта равнялся 5+5+10=20 танабам.

[101] «باز یافت» — взысканные налоги сверх уже полученного определенного налога.

[102] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 1934.

[103] Сел. Арабан входило в состав Маргиланского округа.

[104] По Маргилану доля тарханов не указана, хотя наличие их известно.

[105] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 653.

[106] Н. Пантусов. О податях и повинностях...

[107] По сообщению М. Алибекова, танабана взималась с клевера и бахчей по 1 руб., с сада по 2 руб. за танаб (Указ. соч., стр. 58). Это же подтверждается А. К. Гейнсом, согласно сведениям которого 5 коканов (теньга) собирали с танаба клевера и бахчей; 10 коканов — с танаба винограда. Однако в его время с урюка, яблок и вообще садов сбор не производился (Указ. соч., стр. 368). Н. Пантусов дает следующие цифры:

1. С каждого танаба, засеянного клевером, вносился — 1 руб. (5 теньга)
2. — „ — — „ — фруктовыми садами — 2 руб. (10 теньга)
3. — „ — — „ — тополями, карагачами — 50 коп.
4. — „ — — „ — тутовыми деревьями — 1 руб.
5. С каждого танаба, занятого под виноградом — 2 руб.
6. — „ — — „ — луком, морковью (весеннего сбора) — 1 руб.

(О податях и повинностях).

[108] Для того, чтобы ясно представить тяжесть взимаемых 40 теньга с гектара, мы приведем данные о ценах на некоторые продукты. «В период [правления] кокандских ханов, — писал автор «Таснифи Гариб», — среди населения Ферганы денег было мало, цены были дешевыми. В летний период арба хандалака (скороспелые дыни) стоила от 2.5 до 5 теньга. Одну арбу дынь наш чайрикер — уроженец Ургенча (Хорезма) — продавал за 3,5 теньга, очевидцем чего я был сам. Большая корзина урюка стоила от 3 мири до одной теньга. За одну теньга дают 40 чаки (мелкие медные монеты). Если вы, положив в кошелек эти 40 чаки, идете на базар и будете расходовать их до вечера, вы вернетесь, не израсходовав всего» (Таснифи Гариб, стр. 399).

Правда, этот же автор указывает также на повышение цен и развитие денежных отношений в самом конце господства кокандских ханов, на чем мы остановимся в другом разделе работы. Однако стоимость 1 теньга и в этот период была довольно высока.

[109] В правление кокандских ханов чиновники как центрального правительства, так и округов не получали постоянного жалования, а имели доходы от личной собственности, земельных и иных пожалований, пользовались привилегиями, получали

подарки от хана или бека. Вся тяжесть от содержания этого паразитического чиновничества лежала на плечах народных масс. Хан мог приказать любому беку или хакиму дать определенную сумму тому или иному чиновнику в форме награды. «Часто, желая наградить какого-нибудь чиновника, хан дает ему от себя ярлык и приказывает явиться к правителю такой-то области. По предъявлению этого ярлыка, последний тотчас выдает означенную в нем сумму денег из собственной казны, пополняя ее впоследствии как и чем может». (Обозрение Коканского ханства..., стр. 210).

[110] А. К. Гейнс. Указ. соч., стр. 369.

[111] Закят взимался с торговцев, караванов, чор-базарчи (ездивших с торгом на базары в соседние села) в случае, если капитал их превышал 10 тилля. С иноверцев (в последнее время с евреев и индийцев) — в размере 1/20 имущества. В Коканде закят взимался с товаров в закятхане мирзами под наблюдением ханского чиновника — мехтара. В других городах собирали специальные сборщики закята — закятчи, носившие в отдельных случаях и звания джарчибаши и саркар.

[112] Данные были собраны А. К. Гейнсом непосредственно от самих закятчи ханского времени (А. К. Гейнс. Указ. соч., II, стр. 712).

[113] В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве, ВИРГО, 1856, ч. 18, стр. 114.

[114] Миротул-фтух, стр. 144.

[115] А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи, стр. 33.

[116] Там же, стр. 32.

[117] Н. Пантусов. Сборы и пошлины в бывшем Коканском ханстве, «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

[118] Там же.

[119] Эти племена проживали на юго-востоке Ферганской долины.

[120] Они тоже проживали в Восточной Фергане.

[121] Видимо, имеется в виду закят, пожалованный военачальником.

[122] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2000, л. 653.

[123] Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, стр. 209.

[124] Н. Пантусов. Сборы и пошлины...

[125] Количество девять (туккуз) исстари было принято при вручении крупных подарков.

[126] Хуласатул-ахвол, л. 162—163.

[127] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2284.

[128] Из донесения командира Сибирского корпуса генерала от инфантерии Дюгамеля военному министру от 19 сентября 1862 г. (ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 26, л. 280).

[129] Там же.

[130] А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи, стр. 31.

[131] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 410.

[132] Хуласатул-ахвол, л. 191б.

[133] Там же, л. 175а.

[134] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 712.

[135] Там же, стр. 491.

[136] А. Н. Тетеревников. Указ. соч., стр. 32.

[137] Н. Аристов. Наманганский округ, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1773, стр. 140.

[138] А. Н. Тетеревников. Указ. соч., стр. 32.

[139] Там же.

[140] Там же.

[141] Н. Пантусов. Податные сборы в г. Кокане, «Туркестанские ведомости», 1876, № 13.

[142] «اجارهٔ یکسالهٔ حکومت تن شهر نکاهانه و ترکانه و ترآزوی بازار و پیله و اجارهٔ سرای پخته و تك جای و دللائ بازار گوسفند بهبختی محمد قورباشی»

[143] Город не указан.

«دللائ بازار تن شهر ابریشم واجناس بملا حامد خواجه بای و ملا آخوند»

[144] «جمع مهرانهٔ املداران»

[145] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 653.

[146] Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, стр. 209.

[147] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 368.
[148] В. Наливкин. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве, «Туркестанские ведомости», 1883, № 16.
[149] Мидендорф. Указ. соч., стр. 318.
[150] Там же, прилож. IV.
[151] Прибывший в Коканд в 1878 г. Мидендорф писал об этом фирмане, как изданном за два года до него.
[152] Мидендорф. Указ. соч., прилож. IV.
[153] Там же, стр. 319.
[154] В. Наливкин. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве.
[155] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 12.
[156] А. Кун. Сведения о Ферганской долине, Туркестанский сборник, т. 117, стр. 149—180.
[157] За Кара-сарайскими воротами города.
[158] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 3283, л. 40—44.
[159] Там же.
[160] Там же.
[161] Там же, д. 6080, л. 77, 1849.
[162] Тарихи салатин, л. 54б.
[163] Потанин. Показание сибирского казака Максимова о Коканском владении, ВИРГО, ч. 28. По сведениям этого очевидца, мост состоял из двух частей, одна из которых была перекинута через Билкилламу, другая через Шарихандарью. Одна часть основана была на 12 свинках или срубах, забученных камнем, другая — на 6.
[164] Мидендорф. Указ. соч., стр. 323.
[165] О паромах на переправе через Сырдарью в районе Камыш-кургана мы имеем данные, оставленные Филиппом Назаровым, побывавшим в Коканде в 1813—1814 гг., и Потаниным, посетившим ханство в 1830 г.

Филипп Назаров и его спутники, «останавливаясь против маленького городка Камыш-кургана, ночевали близ ключей и на другой день уже пошли на самую реку Сыр-Дарью, имеющую около 150-ти саженей широты». Далее они сообщают: «Переправа через оную устроена на больших судах наподобие садков, вмещавших в себя до 70-ти верблюдов, за отмелями суда сии не могли подойти близко к берегу, и мы принуждены были вести верблюдов до оных вброд, а потом с помощью людей втаскивали их в суда, лошади же наши переплыли реку вплавь. Для нас довольно странною показалась сия переправа: по воде верблюдов с тюками, кокандцы к каждому судну привязали до пяти взнузданных лошадей за гриву к стене; две из них были по сторонам носа, две по сторонам кормы, а одна привязана была сзади вместо руля Лошади сии пустились вплавь, заменяя гребцов и таща вместе с собою судно, у каждой лошади приставленный человек управлял поводками так, чтобы все они вообще плыли несколько наискосок течения... При сей переправе содержится караул из 20 кокандцев. Так как нас на сей переправе встретил откомандированный от кокандского владельца чиновник, то мы не заплатили за переправу той пошлины, которую обыкновенно берут с проходящих караванов». (Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 гг., СПб., 1821, стр. 42).

А. Потанин сообщает следующее: «Перевоз производится на большом плоскодонном судне следующим образом: вместо весел и руля употребляют трех, а иногда и более лошадей, которых привязывают за гривы веревками к носу судна, и одну из них пускают впереди него, а двух по сторонам. Лошадьми этими управляют люди, на носу судна сидящие. На судно это помещают до 300 баранов, и лошади, несмотря на такую тяжесть, влекомые по довольно быстрой и широкой реке, по-видимому, не чувствуют никакой усталости» (Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, ВИРГО, 1856, ч. 18, стр. 274).

В конце 60-х годов о пароме писалось: «Для переправы употребляются плоскодонные барки или паромы, на которых помещается до 300 баранов или соответствующее число лошадей. Самая переправа производится весьма оригинальным способом: к лодкам привязывают от трех до шести лошадей, которые, переплывая реку, перетаскивают их за собою» (Коканское ханство по новейшим известиям, стр. 67). Мы видим, что за 50 с лишним лет в способе перевозки грузов через реки изменений не произошло.

[166] Н. Пантусов. Податные сборы в г. Кокане.
[167] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 274.
[168] А. П. Хорошхин. От Ташкента до Кокана, стр. 105.
[169] А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи, стр. 33.
[170] Н. Пантусов. Податные сборы в г. Коканде.
[171] Там же.
[172] М. Терентьев. Материалы для статистики (Материалы для статистики Туркестанского края), вып. II, стр. 125.

[173] А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли..., стр. 33. Здесь имеется в виду г. Туркестан с окрестностями, но без Чимкентской области.
[174] Как мы видели выше, доходы с зерна у хана с Оша за четверть века повысились в два раза.
[175] Следует учесть, что по Андижанскому округу обозреватель, видимо, не имел данных, кроме как по закятному сбору.
[176] Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, стр. 215.
[177] Там же.
[178] Коканское ханство по новейшим известиям, стр. 105. Следует отметить то обстоятельство, что все авторы подчеркивают отсутствие каких-либо точных данных о налоговых и других доходах хана.
[179] Чтения А. Л. Куна о Ферганской долине, «Туркестанские ведомости», 1876, № 12.
[180] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, Туркестанский сборник, т. 117, стр. 174.
[181] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 488.
[182] Чтения А. Л. Куна о Ферганской долине.
[183] А. П. Хорошхин. Очерки Кокана, стр. 49.
[184] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2412.
[185] Там же, д. 2418.
[186] В казне хана и беков золотые и серебряные вещи, монеты и драгоценные камни хранились в больших глиняных кувшинах — хумах (Таснифи Гариб, стр. 398).
[187] М. Алибеков. Указ соч., стр. 88.

Глава III

[1] В содержание слова «курук» в исследуемое время входили все целинные и залежные земли. Слово «буз ер» (залежные земли) мало встречается в источниках.
[2] Тарихи джахан-намаи, л. 108б.
[3] «موضع خان قوروغی را محل لشکرگاه ساخت»
(Тарихи джахан-намаи, л. 101а).
[4] «حجند بیله کان بادام آراسیدا بر دشت توشوبتور حا درویش‌قه موسوم دور»
(Бабур-наме, Ташкент, 1948, стр. 20).
[5] Махмуд бин Вали. Бахрул-асрар, ркп. ИВ АН УзССР, № 1375, л. 239—241.
[6] «بقوروق کانبادام» (Тарихи Шахрухи, стр. 100).
[7] «شهرخان اوستیغه بر قوروق و سیع جای بار ایردی»
(Ансаб-ас салатин, л. 40а).
[8] Бабур-наме, стр. 20—21.
[9] Окраина России (Ферганская область), Туркестанский сборник, т. 402.
[10] Мидендорф. Указ. соч., стр. 135.
[11] «فرغانه ولایه‌تنیك گرداگردی تاغلاریده یخشی یایلاقلار بار»
(Бабур-наме, стр. 21).
[12] А. Макшеев. Показания сибирского казака..., ВИРГО, 1856, ч. 17, стр. 25.
[13] Мидендорф. Указ соч., стр. 135 (сноска).
[14] А. Кун. Очерки истории Коканского ханства, стр. 62.
[15] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 2.
[16] Там же.
[17] В. Наливкин. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане, «Туркестанские ведомости», 1883, № 16.
[18] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 278.
[19] Мидендорф. Указ. соч., стр. 46.
[20] Там же, стр. 66. Он предполагал, что саксаул и туранга левобережья были истреблены. На правом же берегу сохранились лишь во владениях хана.
[21] ЦГА УзССР, ф. И-1043, д. 565, л. 3; 564, л. 1.
[22] Мидендорф. Указ. соч., стр. 420.
[23] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 1972. О курукчи смотри соответствующий раздел работы. Управители куруков назывались по-разному — курукчи, курукбон, а если в местности находились озера, то кулбон и т. д.
[24] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 565, л. 1.

[25] Там же, д. 590. Только одно сел. Гург-тепе в течение года (года курицы) выделило надлежащего хану сена 617 арб, что было продано за 617 теньга, а деньги внесены в казну (Там же, д. 594).
[26] Там же, д. 1970.
[27] Там же, д. 593.
[28] Слово «джаома» («جماعه») употребляется не только в значении племени, но и как население определенных сел и деревень.
[29] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 588.
[30] «کیمه وجهی نداده میگذا شتیم امسال کیمه‌چی دخل کرده بود» Речь, видимо, идет о введении ханом оплаты за переправу, которая составляла значительную сумму.
[31] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 587.
[32] Там же, д. 1986, 640.
[33] Всего 3565 теньга. В дафтаре другого года эта сумма значительно больше — 4500 теньга.
[34] Всего 1210 теньга. В дафтаре другого года общая сумма — 3000 теньга.
[35] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 571.
[36] По дафтару другого года — 9000 теньга. Разница в отдельных случаях в два и более раза. Видимо, дафтары в этих случаях охватывают разные местности и селения.
[37] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 586.
[38] От Ташкента до Кокана, стр. 36—37.
[39] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 564, л. 2.
[40] Там же, д. 584.
[41] В документе употребляется слово «хотан» в значении отара.
[42] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 585.
[43] Там же, д. 565, л. 5.
[44] Там же, д. 577.
[45] Там же, д. 576. Селение Тахт-и санг, видимо, теперешний Санг-кишлак на западе Коканда. Печать: Саид Мухаммад Худояр-хан. Печать: Мулла Мерген Мехтар Мирахур.
[46] Там же, д. 573.
[47] Там же, д. 574.
[48] Там же, д. 559.
[49] Там же, д. 553. На обороте документа ханская печать.
[50] Там же, д. 601.
[51] Там же, д. 585.
[52] Там же, д. 565, л. 8, 9, 10.
[53] Там же, л. 7.
[54] Там же, д. 598.
[55] Там же, д. 600.
[56] Там же, д. 494. На обратной стороне документа приводятся имена шести киргиз-курганских аксакалов.
[57] Там же, д. 575. Печать: Сулейман.
[58] Там же, д. 495.
[59] Там же, д. 1965.
[60] Там же, д. 1974. Имя правителя, выдавшего документ, отсутствует.
[61] Там же, д. 596, л. 1.
[62] Там же, д. 608.
[63] Там же, д. 565, л. 19.
[64] Там же, д. 557.
[65] Там же, д. 495, л. 3.
[66] «بسیار پخته هفت‌جوش نشوید» (Там же, д. 597).
[67] Там же, д. 639.
[68] Там же, д. 1964, 1969.
[69] Там же, д. 1972.
[70] Там же, д. 552.
[71] Вполне возможно, что хан, опасаясь принимать молочную продукцию от населения, вынужден был взять в поход и коров со специальными людьми для ухода за ними.
[72] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 547.
[73] Там же, д. 561.
[74] Мидендорф. Указ. соч., стр. 59.
[75] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 585.
[76] Там же, д. 546.

[77] Земельная площадь определялась по-разному. Наиболее точный размер устанавливался танабом. Использовали также такие единицы, как «джуфт-и гав» или просто «джуфт» (по-таджикски) или «кош» (по-узбекски). Также встречается определение размеров площадей «днями», но реже. В данном случае расстояние не может определяться дневным ходом человека поперек, вдоль или же по окружности площади. Мне кажется, здесь речь идет о той площади, которая может быть обмерена в течение дня.

[78] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 496.

[79] На правом берегу Сырдарьи, на ее поймах и немногих островах, также по озерам и болотам Наманганской области росли камыш и куга (В. Наливкин. Очерки землевладения в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 11).

[80] «از بالای کبود قمیش ارل»

[81] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 549.

[82] Там же, д. 495, л. 9.

[83] В документе написано «یرغو کرده گرفته بود» — в значении наказания, пытки, конфискации имущества.

[84] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 495, л. 10.

[85] Там же, л. 9.

[86] Там же, л. 7.

[87] Там же, л. 2.

[88] Видимо, это произошло во время ухода Худояра в Бухару в середине 60-х годов, так как Мухаммад Садык подавал прошение на имя Султана Сеид-хана.

[89] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 493.

[90] Там же, д. 554. Так, Мухаммад Садык был назначен курукчи еще в первом десятилетии самостоятельного правления Худояра.

[91] Там же, д. 548.

[92] Там же, д. 565, 546.

[93] Там же, д. 564, л. 1.

[94] «ازوجه اوتون و چوب بسیار هلاك شدیم»

[95] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 565, л. 22.

[96] Там же, д. 578.

[97] Там же, д. 562.

[98] От Ташкента до Кокана, стр. 36.

[99] А. П. Федченко. Путешествия в Туркестан, 1, 2, 1875, стр. 35.

[100] Мидендорф. Указ. соч., стр. 38, 41.

[101] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 636.

[102] «Ариза» по смыслу текстов можно перевести как заявление, донесение, прошение, челобитие и т. д.

[103] Бардон (бердан) — грубая камышовая циновка, из которой изготовляли большие мешки.

[104] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 565, л. 11, 12.

[105] Там же, д. 1973.

[106] Там же, д. 2384.

[107] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 206—207.

[108] Мидендорф. Указ соч., стр. 266.

[109] Джарчибаши — начальник (дословно глава) ханских глашатаев, а не сборщик закята, как это указано в «Каталоге архива кокандских ханов XIX в.» (стр. 89). Если бы он занимал должность закятчи, то при наличии данного конкретного случая на это указывалось бы.

[110] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 564, л. 3.

[111] Там же, д. 595. Последняя просьба курукчи говорит о том, что распределение собранных им доходов представляло значительную трудность, от чего он хочет избавиться.

[112] Название острова не приводится.

[113] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 556. Печать: Мухаммад-амин бий ибн..., 1283.

[114] Там же, д. 565, л. 6.

[115] Там же, д. 608, л. 1. Далее см. некоторые другие листы этого номера.

[116] Там же, л. 5.

[117] Там же, д. 565, л. 20.

[118] Там же, л. 2.

[119] Там же., д. 496, л. 2.

[120] Бабур-наме, стр. 18—21.

[121] Обозрение Коканского ханства, стр. 189.

[122] Охота в окрестностях Коканда продолжалась почти круглый год (М. Вревский. Охота в окрестностях г. Кокана. Туркестанский сборник, т. 480, стр 187—190).

[123] Обозрение Коканского ханства, стр. 189.

[124] В числе особых ханских птиц были 9 кречетов (شونقار), 40 соколов на крупную дичь (چهل بهرین و شاهین کلان‌گیر) 100 сов (جغد) и др., выпускаемых на оленей. Кроме того, 200 охотничьих собак, 2 породистые собаки, полученные от кавахского хана. Все собаки имели золотые и серебряные ошейники, бархатные попонки.

[125] «در موضع ... قم وارد گردید و آن موضع ریگستان است درغایت وسعت و گرد آن سر زمین قریب هفت روزه راه است از آبادانی دور چون دران بیابان بی پایان دران سرد هوا نزول فرمود»

[126] Мунтахаб-ат таварих, стр. 399—407. Через год после этого похода в 1235 (1819—1820) г. опять состоялась ханская охота по тому же маршруту. Но на этот раз был настоящий военный поход под предлогом охоты.

[127] Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, СПб., 1821, стр. 60.

[128] Там же, стр. 71.

[129] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 24.

[130] Там же, стр. 55—56.

[131] Е. Смирнов. Тигры в Чирчикской долине, «Туркестанские ведомости», 1880, № 30.

[132] М. Вве--ский. Охота в окрестностях г. Кокана, стр. 187—190.

[133] О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шамси Бухари, Казань, 1861, стр. 30.

[134] Обозрение Коканского ханства, стр. 189.

[135] Очерки Кокана, стр. 47.

[136] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 12.

[137] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2296.

[138] Там же, д. 2506, 3323, 3072 и др.

[139] Таснифи Гариб, стр. 313—314.

[140] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2493.

[141] Там же, д. 2503, 2494, 2493.

[142] Там же, д. 3172.

[143] Там же, д. 11.

[144] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 112.

[145] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2296.

[146] «دران وقت درمیان مردم قحطی افتاد چیزی نمییافتند اگر موجود شود یکی بصد میخریدند». (Мунтахаб-ат таварих, стр. 406).

[147] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 112.

Глава IV

[1] «این جماعه سه‌گروه بودند یك گروه آن تابع سای نیمنچه بودند دو گروه آن آبخور سای کلاب بودند و این سه‌گروه باتفاق بجهت بستن آب بدشت برامده در دو طرف سای سیرمیکردند»،

(Тарихи Шахрухи, стр. 15).

[2] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 19.

[3] Ануджум-ат таварих, л. 26б. Дата по абджаду «سال اتمام چوبگفت خرد» نهر خان زمانهما соответствует 1058/1648 г.

[4] Там же.

[5] Там же, л. 27а.

[6] «بهبنای بقعات خیرت علامات و بجاری ساختن نهرهای عظیم بلاد فرغانه‌را آبادی بخشید» (Там же, л. 78б).

[7] «درسال دیگر نهر غظیم از دریای سوخ تاریگستان‌لت دریای سیر رسانیده ازان نهر دهات و قریه های بسیار آبادکرد حالا آن بنهر نیمنچه اشتهار دارد» (Там же, л. 87а).

[8] «بعدل داد و بابادی مملکت کوشیده نهرهای بزرك ازدریای سوخ و حوشیار کندیده و جاری ساخته قرأ و بقعات خیریت علامات بنا نهاد» (Там же, л. 90а).

[9] Там же, л. 101б.

[10] В. А. Парфентьев. Селение Вуадиль, Ежегодник Ферганской области, т. III, Новый Маргилан, 1904, стр. 68—69.

[11] Ануджум-ат таварих, л. 130а.

[12] «تایفهٔ دوازدهم مننگیه... مقرایشان درموضع دهقان توده که حالا در شهر خوقند سه فرسخ درجانب جنوب است و حالا خراب است در آنجا روزغار میگذرا نیدند»،

(Мунтахаб-ат таварих, стр. 78). Мухаммад Хаким указывает на точное месторасположение селения. Оно находилось почти на востоке от города.

[13] Тарихи Шахрухи, стр. 17.

[14] Автор «Тарихи джахан-наман» сообщал, что Ер-мечеть находится на северной стороне Коканда, на расстоянии приблизительно полуфарсаха. Видимо, в его время, лет через 30, границы этой местности расширились в сторону самого города.

[15] Мунтахаб-ат таварих, стр. 432. Несколько в иной редакции текст этой рукописи приводится современником Худояра в «Тарихи джахан-наман» (л. 103). Местность, переходившая в руки ставленника бухарского эмира, по восстановлении Кокандского ханства вновь возраждается как наследственное ханское владение.

[16] Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова в 1813—1814 гг., СПб., 1821, стр. 60.

[17] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 687. (См. подробнее об этом во II главе этой работы).

[18] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 149—188.

[19] Таснифи Гариб, стр. 313.

[20] Тарихи Шахрухи, стр. 302. В печатном издании вместо «عسکه» напечатано «عکه». По словам старожилов, лет 100 тому назад первым поселенцем этой местности был некий Атика (عتکه), от которого город получил свое название.

[21] Там же,

[22] Местное население проведение арыка Чунтал-суви приписывает Халмухаммаду-дадхе.

[23] Мидендорф приводит данные, отраженные в отзывах уездных начальников, о возможности устройства уральских казаков, приговоренных к выселению за оказанное ими упорное сопротивление царскому правительству.

[24] Мидендорф. Указ. соч., прибавл. VI, стр. 530.

[25] Там же, стр. 179—180.

[26] Там же, прибавл. IV, стр. 512.

[27] Там же, стр. 180.

[28] Там же, стр. 344 .

[29] Там же, стр. 553. Мидендорф поместил план ханской урды в Аиме.

[30] Там же, стр. 79.

[31] Там же, стр. 85—86.

[32] Там же, прибавл. IV.

[33] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 274.

[34] Три звездочки, № 7, стр. 77.

[35] Речь идет о юго-востоке. Видимо, для впервые прибывшего в Фергану, даже грамотного русского чиновника, сразу было трудно ориентироваться.

[36] Обозрение Коканского ханства, стр. 212.

[37] От Ташкента до Кокана, стр. 36—38.

[38] Очерки Кокана, стр. 40.

[39] Там же, стр. 42.

[40] Мидендорф. Указ. соч., стр. 152.

[41] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 282.

[42] А. Кун. Очерки Коканского ханства, Известия ИРГО, 1876, т. XII, стр. 61.

[43] Н. Аристов. Наманганский округ Коканского ханства, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1873, стр. 139.

[44] В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве, ВИРГО, 1856, ч. 18, стр. 122.

Следует отметить, что средняя урожайность гузы в Наманганском округе в первые годы царского правления считалась с танаба 50 чексы, что равнялось немногим более 2,5 центнера (10 центнерам с *га*). (В. Наливкин. Очерки землевладения в

Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 18). По всей Фергане урожайность была 39 пудов с десятины, что давало 9,5 пудов чистого хлопка (Миденд о р ф. Указ соч., стр. 432). С 1871 г. начали обращать внимание на преимущества американских сортов (М и д е н д о р ф. Указ. соч., стр. 250).

[45] М и д е н д о р ф. Указ. соч., стр. 121.

[46] Р. Н а б и е в. Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг. XIX в., «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 7.

[47] «[ملهخان] شکست ریخت اسباب توپ و توپخانه و مشق کمان سرباز و کله باتورلارغه ایشتغال ایلاب تردودغه توشوب هرکون یر مسجد طرفیغه باریب توپ مشق قیلدیرور ایردی».
(Ансаб-ас салатин, л. 92а).

[48] Военные действия против Кокандского ханства, стр. 37—40.

[49] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 15, л. 1.

[50] Там же, д. 495, л. 8.

[51] На ханских землях в районе Коканда больше других культур засевался лучший сорт риса «девзира», который и ныне является дорогим и редким. В. Наливкин самым лучшим сортом риса считал в Намангане «палван-грундж» (богатырский рис) — тяжелый, крепкий. «К сожалению, — писал один из исследователей, — рис в Фергане не представляет собой повсеместно распространенную народную пищу... он, вообще говоря, разводится в недостаточном для этого количестве, слишком дорог». Далее он отмечал, что пища бедноты состоит из джугары, которой, однако, также не хватает. (М и д е н д о р ф. Указ. соч., стр. 243). Между тем, рис. давал большие доходы. Если, например, пшеница, джугара и хлопок давали с десятины дохода 40 или 40,5 руб., то от риса получали приблизительно на 1/3 больше. В среднем урожай пшеницы с десятины был 100 пудов, джугары — 138 пудов, риса — 120 пудов. Максимальный урожай риса достигал 170 пудов (М и д е н д о р ф. Указ. соч., стр. 431—432).

[52] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 498.

[53] Там же, д. 501.

[54] Там же, д. 512, 511, 508, 510, л. 1, 2; 532, 646, 532, л. 15; 536, 545, л. 3; 545, л. 4; 642.

[55] Там же, д. 507, 508.

[56] Наиболее высокий урожай джугары в Наманганском уезде доходил до 210 чексы, или 2730 фунтов (более 170 пудов). Стебли джугары складывали на крышу, а обмолоченные кисти (чагалак) обыкновенно зарывали в землю и весной кормили рабочих быков (В. Н а л и в к и н. Очерки землевладения в Наманганском уезде).

[57] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 509.

[58] Там же, д. 507.

[59] Там же.

[60] «انچه زمین های و ثیقه داران موضع یرمسجد».

[61] Там же, д. 516, л. 1.

[62] «در تأریخ هشتم ماه ربیع الاول در سال خوك جهت پانصد طلای زمین قزیل موش غله ذاده شد»
(Там же, д. 532)

[63] Там же, д. 540, л. 6.

[64] Там же, д. 542, л. 6.

[65] Там же, д. 541, л. 6.

[66] Там же, д. 569.

[67] Там же, д. 533.

[68] Там же, д. 533, 543.

[69] Там же, д. 543. Имеются данные о поступлении 5000 снопов клевера, 45 тилля от продажи дынь в Ер-мечети.

[70] Там же, д. 505.

[71] Там же, д. 537.

[72] В документе его имени нет, но оно явно подразумевается.

[73] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 539.

[74] См. распоряжение маргиланского бека (Там же, д. 702).

[75] Три звездочки, № 7, стр 81.

[76] Тарихи джахан-намаи, л. 277б.

[77] Ануджум-ат таварих, л. 104а.

[78] «جانب چهار باغ امیر عمرخان که بشاه چمن اشتهار دارد نیز محاربهٔ بزرگ بوقوع آمد»
(Мунтахаб-ат таварих, стр. 116).

[79] Там же, стр. 152.
[80] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2301.
[81] Восточное обозрение, Туркестанский сборник, т. 397.
[82] Он не указывает названия сада. Очевидно, речь идет об этом саде.
[83] Путешествие в Среднюю Азию и Францию в 1878—1879 годах проф. Н. Сорокина, Туркестанский сборник, т. 383, стр. 89.
[84] По словам Мидендорфа, деревня была населена афганцами. (Указ. соч., стр. 408). В этом саду выращивались «благороднейшие сорта винограда». Зимой 1877—1878 гг. мороз побил деревья сада. (Там же, стр. 263).
[85] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3151, 3166.
[86] «باغبان باغ ایم قشلاق» (Там же, д. 3239).
[87] «یساب قصر سعادت دوریده باغ جهان آرا»
[88] «یساردە طرحینی طراحلار انداق سگیز گلشن
بوگلشن هربریده تاپتی‌لار یوزمننك چمن آرا»
[89] «خیابان رسته‌لاردین باغ تاپتی زیب آرایش
گلستانیغه برگاندیک چمن آرا گل همراه»
[90] «باغ یارمزار» (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3018).
[91] «باغ دلکشا» (Там же, д. 3016).
[92] Таснифи Гариб, стр. 348.
[93] Мидендорф. Указ. соч., стр. 262.
[94] Там же, стр. 199.
[95] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 92.
[96] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 551.
[97] Там же, д. 495, л. 6.
[98] В «Каталоге архива кокандских ханов» А. Л. Троицкой указано, что якобы «бедные» вдовы сел. Амир-Абад «с выражением верноподданнических чувств» внесли сумму (стр. 73). С этим нельзя согласиться. Из документа совершенно четко видно, что подавшие заявление ожидают от хана «оказания милосердия» («از مرحمت عالی امید داشته عرضه نمودیم») В документе нет и намека на какой-нибудь «призыв к единовременному пожертвованию».
[99] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2395.
[100] Там же, д. 541.
[101] Копия ханского указа приведена на обороте одного из дафтаров, поэтому печати нет. Кроме хана, никто не мог по Ер-мечети дать такой документ (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 682).
[102] Там же, д. 623.
[103] Обозрение Коканского ханства, стр. 212.
[104] Туркестанский сборник, т. 383, стр. 90.
[105] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 646.
[106] «اراضی یرمسجد بدستور قدیم از جملهٔ میری گردیده تعلق بجناب همایونی گردید»
[107] Мидендорф. Указ. соч., стр. 415—416.
[108] Там же, стр. 418.
[109] Там же, стр. 442.
[110] Там же.
[111] Там же, стр. 176.
[112] «از وجه چیك آب نیز بدستور قدیمه درغیر نوبت جاری نمایند».
Здесь слово «чек» обозначает все участки ханских земель, обрабатывавшиеся издольщиками (сданные в аренду).
[113] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 644.
[114] Объем воды в Сохской системе был крайне изменчивым.

[115] «مایان میدانیم باخبر میباشیم از قدیم الایام دروقت کم ابی عربان قشلاق و نیز کاشغر قشلاق مذکور در پر مسجد بوده‌گی بشالی‌کاری آب قدرحصهٔ خودهارا تا دوازده روز آب پرتاگویان میدادند»

[116] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 642.
[117] В конце его правления они входили.
[118] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 647.

[119] «پارسال بخرابی و تشنگی این بیچاره‌گان رحم کرده آدم اولیا داملا بقدر کفایه آب داده باعث زندگانی این غلامان شده بود و امسال آب نداده میگوید که اگر خراج حقی آبرا میداده باشی آب میدهم و الا نمیدهم».

[120] «بزراعت خشك شدهٔ خودها از نهر کلان آب داده». Видимо, первоначально эти пострадавшие от насилий водовладельца Адама Аулии хотели просить об отпуске воды из какой-то «большой реки» (نهر کلان), возможно, из большого Сая (سای کلان), но при окончательной редакции характер просьбы изменился.

[121] «از بعضی احوالا تشان عینن روشن گردید که مربی و تربیت کنندهٔ خدایارخان همین کس است.»

[122] Хуласатул-ахвол, л. 158б.
[123] Там же, л. 158—159.
[124] Мидендорф. Указ. соч., стр. 508.
[125] Во главе Исфара-сая была крепость.
[126] Мидендорф. Указ. соч., стр. 173, 505.
[127] Там же, стр. 173.
[128] Там же, стр. 177.
[129] Там же, стр. 117.
[130] Там же, стр. 173.
[131] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 170.
[132] Слово «شاه» написано в тексте «شاح», что неверно.
[133] Эти два документа обнаружены в Коканде аспирантом Института востоковедения АН УзССР Х. Бабабековым.
[134] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 497, 503.
[135] Там же.
[136] Там же, д. 545, л. 5.
[137] Там же, д. 503.
[138] Там же.
[139] В. Наливкин. Очерки землевладения в Наманганском уезде.
[140] Земля, постоянно обрабатываемая, кроме частично используемого севооборота, ежегодно удобрялась. Мидендорф убедился в том, что на одну десятину в среднем вывозилось от 3000 до 4000 пудов навоза (20—30 арб на танаб). — Мидендорф. Указ. соч., стр. 156. Очистка земли от всех трав после уборки еще в большей степени создавала необходимость удобрения.
[141] Там же, стр. 229.
[142] Имя его не написано, но по характеру изложения нетрудно установить его.
[143] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 527.
[144] Чайрик равнялся 4 фарахам (Там же, д. 529).
[145] Там же, д. 542.
[146] Там же, д. 536.
[147] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 442.
[148] Мидендорф. Указ. соч., стр. 353.
[149] Там же, стр. 352.
[150] С. Соатов. Фарғона водисида XIX асрнинг 70—80 йилларда халқ ҳаракатлари, Ученые записки Ферганского госпединститута, т. IV, Фергана, 1961, стр. 10.

[151] «جمع چهارصد بست پنج چاریك شالی زمین حقی باز تن کارنده یکم چهل جاریك شالی خراج بوده هفتاد پنج چاریك جهت تخم».
(ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 534, л. 1). В ряде документов отмечается, что зерно (шала) для семян, оставленное дехканам-издольщикам (بدهقانان کارنده)

в виде займа (قرض گویان), при необходимости изымалось ханскими чиновниками и, видимо, ко времени сева возвращалось вновь (Там же, д. 525, 526). Семена шалы, клевера и других культур для посева на ханских землях и землях беков иногда выдавались из амбара владельцев (Там же, д. 2466, 2461).

[152] Там же, д. 545. В дафтаре приводятся имена 32 чекчиев. Ханская доля, харадж и семена определялись во многих случаях мерой «سبت» (корзинка), вес которой в среднем составлял 1,5 пуда, а итоги определялись чайриками.

[153] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 516.

[154] «از تن دولت خانه دوصد شش چاریك شالی گرفتم و نیز پنج‌یك هفتاد دونیم چاریك خراج گرفتم» «Взял долю царского двора 206 чайриков шалы и как пятину 72,5 чайриков хараджа (Там же, д. 516).

[155] Хуласатул-ахвол, л. 212а.

[156] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 515.

[157] Там же, д. 558.

«ازان جمله یك گروه فقرای ماماخان‌که موافق شریعت خدا و رسول خدا خریده گرفته اند».

[158] Там же, д 2386.

[159] «جهت تکفین دهقان یار مزار یکدانه بهیار و پنج تنگه پل فرمودمشد باید که بدهید ۱۲۸۹» (Там же, д. 2924).

[160] Там же, д. 2928.

[161] Там же, д. 2925.

[162] «اوراض امین و قابل بای را نموده آنکه از وجه جمرغهٔ یورتیه در موضع خان آباد مقدار پنج خانوار فراکنده بوده باید که از روی تعامل قدیمه عمل نما ئید تاکیددا نسته خلاف نورزید» (Там же, д. 2385).

[163] Ферганская область в 1902 г., Ежегодник Ферганской области, т. II, Новый Маргилан, 1903, стр. V.

[164] Там же.

[165] ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 29, л. 322.

[166] В. Наливкин. Очерки землевладения в Наманганском уезде.

[167] В. Наливкин. Пригон баранов в Наманганский уезд, «Туркестанские ведомости», 1880, № 41.

[168] Мидендорф. Указ. соч., стр. 157.

[169] Там же, стр. 158.

[170] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 540.

[171] Там же, д. 530 (за 1290 г.).

[172] Там же (за 1291 г.).

[173] Там же, д. 534.

[174] Там же, д. 581.

[175] Необходимо учесть, что цена обыкновенного барана в те годы колебалась от 2,5 до 3 руб. (12,5 или 15 теньга), во время пригона скота до 7 руб. (35 теньга) за двухлетку в самое дорогое время года — в начале мая (Мидендорф. Указ соч., стр. 285).

[176] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 580.

[177] Там же, д. 1994.

[178] Там же, д. 1995. На обороте документа один из русских исследователей оставил запись: «Запись проданных ханских баранов». Документ был понят правильно.

[179] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 495, л. 5.

[180] Там же, д. 592.

[181] Там же, д. 578, л. 3.

[182] Там же, д. 542, л. 3; 545, 2480.

[183] Там же, д. 2489.

[184] Там же, д. 578.

[185] Там же, д. 579.

[186] Там же, д. 578, л. 3; 2489.

[187] Там же, д. 2481.

[188] Там ж,е д. 2295.

[189] Там же, д. 2468.

[190] «جهت خوراکه هرروزهٔ داروغه‌های شتر پروا میکردگی دونیم تنگه‌گی خوراکی»

[191] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2468.

[192] Видимо, молоко кипятили там, где находился скот, для того, чтобы оно не испортилось до поступления на нужды двора и продажи (Там же, д. 2295).

[193] Мидендорф грубо разделяет основные породы лошадей на следующие группы: горный клейнер (в Фергане называли эту породу «кашгарской», вьючная лошадь), кара-баирская (породистая верховая лошадь, служившая богачам; скакун), возовые (составляли в Фергане главную массу лошадей). Указ. соч., стр. 285.

[194] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2282.

[195] Мидендорф. Указ. соч., стр. 285.

[196] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3082.

[197] Там же, д. 2657, 2709, 2471, 2474, 3079.

[198] Там же, д. 495, л. 11.

[199] Там же, д. 586, л. 2.

[200] Там же, д. 2285.

[201] Там же, д. 2284.

Глава V

[1] Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, ЗРГО, кн. III, СПб., 1849, стр. 213.

[2] Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., ВИРГО, 1851, ч. 1, кн. 1, стр. 38.

[3] Там же, стр. 39.

[4] Таснифи Гариб, стр. 399—400.

[5] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6307, л. 112, 1850.

[6] Там же, д. 8199, л. 1, 1867.

[7] Там же, л. 58.

[8] Там же, л. 29. Состав караванов иногда был довольно внушительным. Например, в составе каравана, с которым отправлялся в Россию в 20-е годы XIX в. Хаким-хан тюра, находилось 500 купцов, 1000 полностью нагруженных верблюдов и 100 воинов из Ташкента (военный отряд сопровождал караван до местности Чу). См. «Мунтахаб-ат таварих», стр. 110. А в составе каравана, идущего из Бухары в Россию и прибывшего на русско-среднеазиатскую границу в мае 1839 г., находилось 1362 верблюда, на 1077 из них был обменный товар (Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 4949).

[9] Там же, д. 3284, л. 30, 1825.

[10] Там же, л. 34, 1834.

[11] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 281.

[12] «در سربازار دارالسلطنت خوقند در بازار پایان در رستهٔ رنگبار فروشان از رستهای بازار مذکور».

[13] А. П. Хорошхин. Очерки Кокана, стр. 41.

[14] Дата строительства 1273 (1856—1857) г. (Тарихи джахан-намаи, л. 240а).

[15] Тарихи Шахрухи, стр. 316.

[16] «رستهٔ بازار نورا آفت ناری بسوخت
این تعجب آتشیگه تابدیوار بسوخت».

[17] «در تأریخ هزار دوصد هشتاد چهار بودکه بعداز آسایش وقت فراغ جناب خدایارخان میمون الزمان رستهای بازار و سرای کلان و سرای پنبه و کپان‌را بنا نموده ترتیب داد». Этот отрывок из «Тарихи Шахрухи» цит. по «Тарихи джахан-намаи», л. 339а.

[18] Тарихи Шахрухи, стр. 281.

[19] «[خدایارخان] ملاعسی اولیانی بازارغه سرای و دوکان قیلماقده متصدی ایلاب فرمایش قیلدیلار و تمام قلمروده گی بازارلارغه دوکان جدیدایلاب پادشاهلیك قیلدیلار» (Ансаб-ас салатин, л. 113а).

[20] Саид Могамед Худояр-хан Коканский, Туркестанский сборник, т. 89, стр. 332—334.

[21] Мидендорф. Указ. соч., прибавл. X, стр. 548.

[22] «و هم خدایارخان آخرگی عصریده عسکه‌غه کیلوب عسکه‌نی آباد قیلدی و هم بازارلارینی آراسته قیلوب عسکه‌غه برکته مدرسهٔ جامع بنا قیلدی و یر دوکانلارنی آنغه وقف قیلدی حالا آباد و اهل بازارننك جامعی دور». (Таснифи Гариб, стр. 270).

[23] Дафтар именуется «جهت فاتحه خانی عمارت درعسکه بوده گی جناب‌عالی» (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3773).

[24] Там же, д. 2434.

[25] Там же, д. 2436, 2435, 2317, 2434.

[26] Три звездочки, № 7, стр. 102.

[27] «اوزگا یرلا ردوکان اولوب رسته بربریغه باریسی پیوسته» (Джанг-наме, л. 86).

[28] Три звездочки, № 7, стр. 74.

[29] Очерки Кокана, стр. 41.

[30] Тарихи джахан-наман, л. 237б.

[31] Н. Энгельгард. Очерки Кокана, «Туркестанские ведомости», 1886, № 4.

[32] Торговые ряды были крытые, а лавки деревянные, оштукатуренные глиной с саманом (А. Кун. Указ. соч., стр. 428—429).

[33] Там же.

[34] Мидендорф. Указ. соч., стр. 472.

[35] Три звездочки, № 7, стр. 74.

[36] Там же, стр. 85.

[37] А. Кун. Указ. соч., стр. 428—429.

[38] «Санкт-Петербургские ведомости», 1864, № 268.

[39] Н. Пантусов. Сборы и пошлины в бывшем Коканском ханстве, «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

[40] Таснифи Гариб, стр. 439—440.

[41] Там же.

[42] Речь идет о Бахтияре Мухаммаде-курбаши.

[43] Таснифи Гариб, стр. 437—438.

[44] Три звездочки, № 7, стр. 85.

[45] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, стр. 519.

[46] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2003.

[47] Там же, д. 2412.

[48] Там же, д. 2004.

[49] Там же, д. 658.

[50] Там же.

[51] Таснифи Гариб, стр. 233. Копия печати «Саида Худояр-хана» от руки.

[52] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3533.

[53] Там же, д. 3031.

[54] Мидендорф. Указ. соч., стр. 440.

[55] А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи, Туркестанский сборник, т. 396, стр. 16.

[56] Там же, стр. 57; А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 519.

[57] Мидендорф. Указ. соч., стр. 463.

[58] А. И. Брянов. На память о Фергане 1876—1901 гг., Новый Маргилан, 1901, стр. 14.

[59] Госархив Оренбургской области, ф. 10, оп. 17, д. 216, 231, 8471.

[60] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2229—2232, 2246, 2251, 2557.

[61] Там же, д. 3056.

[62] Там же, д. 2539.

[63] А. Кун. Указ. соч., стр. 432.

[64] ЦГА УзССР, ф. И-1043, д. 2265, 2605, 2267.

[65] Там же, д. 2293 (пата датирована 1259/1843 г.). Пожалуй, это самый ранний документ архива.

[66] В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве, стр. 123.

[67] Обозрение Коканского ханства, стр. 184.

[68] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 125.

[69] Там же.

[70] Обозрение Коканского ханства, стр. 213. Об этих двух кокандских заводах писал еще в 1830 г. Потанин (ВИРГО, ч. 18, стр. 282).

[71] Слово «завод» как новый, проникший из России термин в документах местного архива пишется по-разному: «ضابوة»، «ضابت»، «زابود»، «زاوت» «زابوت» «ظابت» «زابط»، «ذاوت» и т. д.

[72] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2224, 2267, 2234.

[73] «جهت کارخانه و جهت زابود... فرمودیم» (Там же, д. 3033).

[74] Там же, д. 2462.
[75] Там же, д. 2551.
[76] Там же, д. 2540.
[77] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 125.
[78] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2224, 2317, 2448, 2523, 2530, 2531, 2533, 2536, 2537, 2542, 2543, 3033.
[79] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 125.
[80] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2259, 2264, 2267, 2270, 2271, 2538, 2545, 2546, 2548—2550.
[81] Там же, д. 2265.
[82] Там же, д. 2293.

[83] «جهت استایان در زابوت کار کرده هر روز دوتنگه گی بدهید فی شهر جمادی الاول ۱۲۸۷» (Там же, д. 2547). Кому адресована пата, неизвестно. нет и печати.

[84] Там же, д. 655.
[85] Там же, д. 2566.

[86] «جهت باغبانی خوقندی بدرون فیله آورده گی یک جامهٔ چیت بدهید» (Там же, д. 3660).

[87] «پته شده گی از پل پیله بملا محمد یوسف میرزا ده هزار پانصد تنگه داده...» (Там же, д. 658).

[88] «جهت زنان فیله داشته یک توب چیت دو رویمال داکه دِ کفش نوغای بدهید» (Там же, д. 2799).

[89] Там же, д. 2421.
[90] А. Кун. Указ. соч., стр. 442.
[91] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2698.
[92] Там же, д. 2591—2594, 2598, 2601, 3775. Кроме указанных, в документах приводятся и следующие: «چیز»، «کفراس»

[93] Н. Пантусов.. Сборы и пошлины в бывшем Коканском ханстве.
[94] А. Федченко. Оби-джуваз, писчебумажная фабрика в Кокане, Туркестанский сборник, т. 57, стр. 413—418.
[95] Из Кокана (сведения о путешествии по Коканскому ханству А. П. Федченко в 1871 г.). Ташкент, 1871, стр. 4.
[96] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2563.
[97] Там же, д. 2558.
[98] Там же, д. 2575.
[99] Там же, д. 2565.
[100] Там же, д. 2569, л. 1.
[101] Бужғун имеет два понятия: недоразвитый плод фисташки и один из видов кустарника. Видимо, из него готовили краску .
[102] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2564.
[103] Там же, д, 2567.
[104] Там же, д. 2565.
[105] Там же, д. 2421.
[106] Селение Нурсух расположено на юге от Коканда.
[107] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2321.
[108] Там же, д. 2322.
[109] Там же, д. 2309.

[110] «خشت خانهٔ عالی»، «خمدان عالی»، «بورخانه» Лессовидная глина, залегающая около сел. Турчак (около двух километров от города), являлась ценным материалом для производства жженого кирпича. Большие запасы сырья для

изготовления извести, гипса и другого материала находились в юго-западном направлении, на расстоянии 28—30 *км* от города (Н. В. Смирнова. Город Коканд. Экономгеографическая характеристика, Труды САГУ, вып. XXXVIII, 1953, стр. 36—37).

[111] Миндендорф. Указ. соч., прибавл. IV—XXIX, стр. 513.

[112] Хумданы размещались вблизи столицы, а некоторые находились в селениях Гург-тепе и Бош-банги (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 636).

[113] Там же, д. 2299.

[114] Барат (برات) — 15-й день месяца шабана. В документе речь идет о восьмом месяце мусульманского лунного года — шабане

[115] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2309.

[116] Там же, д. 2319.

[117] Три зведочки, № 7, стр. 73.

[118] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 109.

[119] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 278.

[120] По сведениям Вельяминова-Зернова, один из кокандских курбаши, ездивший туда в 1850 г. для осмотра, нашел внутри горы много проходов, по бокам которых были поставлены подпорки. Над дверями в проходы были надписи на языке, неизвестном курбаши. (Указ. соч., стр. 123).

[121] Там же.

[122] Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, ЗИРГО, кн. III, 1849, стр. 182.

[123] Пуд серы стоил 3 руб. 50 коп., а дурной порох 6,5 фунтов 3 теньга (Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 124).

[124] Обозрение Коканского ханства, стр. 184.

[125] В долине р. Исфары. После заключения договора между царскими властями и Кокандским ханством эта местность остается во владении Худояра.

[126] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 124.

[127] И. Краузе. О нефтяных источниках в Коканском ханстве, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1873, стр. 443.

[128] Обозрение Коканского ханства, стр. 182.

[129] Там же, стр.. 183.

[130] Там же, стр. 182—183.

[131] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 124.

[132] М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 62.

[133] Из этого количества руды получено было 100 чайриков свинца, из которого уже потом отделили один чайрик чистого серебра, ибо серебро и свинец встречались почти везде вместе.

[134] Обозрение Коканского ханства, стр.. 183.

[135] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 124.

[136] В 1864 г. после захвата царскими войсками этих районов царские власти запретили местному населению выплавку свинца и торговлю им объявили контрабандой. Так эти рудники на определенное время прекратили свое действие (А. Иванов. О разработке свинцовых руд в горах Каратау, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1873, стр. 464). О способе выплавки свинцовой руды местным населением А. Иванов оставил подробные сведения. Видимо, этим способом велась плавка во всех свинцовых рудниках Средней Азии.

[137] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 124. Свинец был дешевым. За 10 теньга в Коканде можно было купить 16 пудов, а в Туркестане 16 пудов стоили 1 тилля.

[138] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2395, и 2511.

[139] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 124.

[140] Обозрение Коканского ханства, стр. 183. Этот обозреватель слышал рассказ кокандцев о горной долине, изобилующей медной рудой, где вследствие нездорового воздуха (смрадного запаха, затрудняющего дыхание) рабочие долго не могли работать.

[141] Там же, стр. 183; В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 124.

[142] В. Вельяминов-Зернов. Указ соч., стр. 125; Обозрение Коканского ханства, стр. 184. Пуд самосадочной соли стоил 25 коп., а пуд соляной ломки — 50 коп.

[143] Н. Пантусов. Податные сборы в г. Коканде, «Туркестанские ведомости», 1876, № 13.

[144] Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова в 1813—1814 гг., СПб., 1821, стр. 41.

[145] Обозрение Коканского ханства, стр. 184.

[146] За годы Советской власти геологи определили, что бирюза имеется в достаточном количестве и в Узбекистане. Экспедиция Главгеологии в Кызыл-кумы провела ревизионную оценку 20 старых месторождений, которые действовали в период от неолита до нового времени (XVIII в.). Самое значительное месторождение бирюзы

в нашей республике Тасгазганское. Бирюза обнаружена и в Кураминских горах («Правда Востока», 12 июля 1963 г.).

[147] Обозрение Коканского ханства, стр. 184.

[148] Там же.

[149] В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 125.

[150] Обозрение Коканского ханства, стр. 184.

[151] М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 65.

[152] К. Гилев.. Нефтяные источники в Ферганской области, «Туркестанские ведомости», 1876, № 35. Он в некоторых случаях ссылается на сообщение И. Краузе, прочитанное в Туркестанском отделе общества любителей естествознания 12 января 1871 г.

[153] И. Краузе.. О нефтяных источниках. в Коканском ханстве, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, 1873, стр. 420.

[154] К. Гилев. Указ. соч.,

[155] Там же.

[156] И. Краузе. Указ. соч., стр. 442.

[157] К. Гилев. Указ. соч.

[158] Саид Могамед Худояр-хан Коканский, стр. 332—334.

[159] Таснифи Гариб, стр. 403—404.

[160] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2519.

[161] Там же, д. 2518 и 2513.

[162] Там же, д. 2507.

[163] Там же, д. 2395, 2508. 2512, 2516, 2520, 2521.

[164] И. Краузе. Указ соч., стр. 445. Таким способом из одного ключа собирали до 60 ведер нефти в сутки, причем в весеннее и осеннее время получали больше. Нефть Май-булакского источника была «буровато-черного цвета с зеленоватым оттенком и с легким запахом».

[165] К. Гилев. Указ. соч.

[166] И. Краузе. Указ. соч., стр. 442. По словам И. Краузе, нафталин был известен только в Галиции, Молдавии и на острове Челекен (в Каспийском море). Нефтогиль на протяжении 40 лет добывался на Май-булаке из глинисто-сланцевой горы. Ввиду ограниченности запасов он был дорогим и употреблялся на изготовление свечей и продукта необходимого при обработке кожи.

[167] По сведениям Мирзы Алима, урда Мухаммадали-хана уже была разрушена, а на ее месте были сады и поля, позже здесь возникла урда Худояра (Ансаб-ат салатин, л. 113а).

[168] Тарихи джадидаи Ташканд, л. 125.

[169] Знаменитый китайский художник.

[170] Тарихи джахан-намаи, л. 304а.

[171] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 89—90.

[172] Дата постройки урды по абджаду «شەنشین کلستانی» или «فیض قصور» 1286 (1869—1870) г.

[173] Очерки Кокана, стр. 42. Русские авторы строительство урды приписывают Алимкулу (Три звездочки, № 7, стр. 73).

[174] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 89.

[175] Три звездочки, № 7, стр. 73.

[176] У хана были экипаж, разные предметы роскоши европейского происхождения, он завел фотографию (Саид Могамед Худояр-хан Коканский, стр. 332—334).

[177] Три звездочки, № 7, стр. 73.

[178] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 89.

[179] Таснифи Гариб, стр. 270. Однако это не совсем верно. По некоторым данным, Малла-ханом было построено медресе, но оно не сохранилось до времени автора «Таснифи Гариб», ибо Худояр, снеся его, построил на его месте базар.

[180] Дата «منظر مزکی باب» 1272 (1855—1856) г. По другим данным, Медресе-олий и склеп кокандских правителей были построены рядом с эски урдой в течение одного года «توسال تأریخ این دوبنا بروتوبجو قرین تاج‌الفلام دلایل‌خیرات» (Тарихи Шахрухи, стр. 315; Тарихи джахан-намаи, л. 341а).

[181] «سید محمد خدایارخان بمباشرت مسلمانقلی‌مینکباشی مدرسهٔ‌سنگین کاشین کاری بنا نموده موسوم باسم مدرسهٔ عالی نهاد» (Тарихи джадидаи Ташканд, л. 40).

[182] Обозрение Коканского ханства, стр. 207.

[183] Дата по абджаду: «مظهر علما» 1286 (1869—1870) г.

(Тарихи Шахрухи, стр. 305; Тарихи джахан-намаи, л. 340).

[184] Копия документа. ЦГА УзССР. спись п/и, № 323, пачка 9.
[185] Таснифи Гариб, стр. 311.
[186] Тарихи джахан-намаи, л. 133б.

[187] «قدیمه دین مننك درجه زیاده راق انما میغه یتدی» (Ансаб-ас салатин, л. 86а).

[188] Там же. Мулла Аваз Мухаммад считает, что деньги на это строительство были израсходованы Саид Мухаммад Худояр-ханом, однако в рукописи это написано другим почерком (Тарихи джахан-намаи, л. 240).

[189] Тарихи Шахрухи, стр. 317; Тарихи джахан-намаи, л. 341б.

[190] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2442, 2443 и др.

[191] Таснифи Гариб, стр. 311.

[192] ЦГА УзССР, опись п/и, № 323, пачка 9. В медресе было 99 келий, в том числе комната для библиотеки. Фундамент и цоколь здания (возможно, и весь первый этаж) были сделаны из жженого кирпича, а кельи второго этажа из каркаса. Одни единственные ворота были украшены резьбой; две угловые башни («گل دسته») украшали здание.

[193] Ануджум-ат таварих, л. 85б.

[194] Основание этого здания было из жженого кирпича. Оно имело 65 келий, дарвоза-хану, муаллим-хану и два книгохранилища (ЦГА УзССР, опись п/и, № 323, пачка 9).

[195] ЦГА УзССР, ф. И-1043, д. 2426, 2429, 3773, 2427, 2431, 2428, 2451, 3004, 2439, 2438, 2437, 2331, 2938, 2317, 2315, 2424, 2425, 3706.

[196] Там же, д. 2424.

[197] Там же, д. 2713.

[198] М. Алибеков. Указ. соч., стр. 111.

[199] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2331. Ведомость названа так:

«جمع الجمع صرف عمارت نو استا محمد کریم و ملا حاجی فاروق میرزا در سراستاده به اتمام رسانیده»

[200] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2314.

[201] «چهار خمدانرا بهاکرده باستا حیت پانزده طلا دادیم» (Там же, д. 2312). Речь идет о четырех малых хумданах, за каждый платили по 75 теньга, т. е. ту же сумму, что была израсходована при изготовлении без аренды. Кирпич и дрова отпускались ханом.

[202] «تعامل استا حیت یك جامه و یك موزه و یك شیم بوده است به بدل او یك طلا دادیم». (Там же).

[203] Там же.

[204] Там же, д. 2312, 2318 и др.

[205] Там же, д. 2938. Упоминаются и другие краски.

[206] «برای عمارت آینه‌کاری دوازده چکسه کج سفید بدهید» (Там же, д. 2938).

[207] «باجرا اوقاف باقیات پردافته» (ЦГА УзССР, опись п/и, № 232, пачка 9).

[208] «بول مدرسهٔ حاکم آیم گا شهرخان اوستیده دریادین اریغ چیقاریب خراجینی وقف ایلادی»

(Ансаб-ас салатин, л. 115а). Приведенная в источниках дата строительства этого канала «الغ نهر» (1286 г. х.) соответствует дате строительства самого большого канала в Фергане — Улуг-нахра. Как мы уже отмечали, дата по абджаду была составлена самим ханом. Вполне возможно, что речь идет о какой-нибудь ветви Улуг-нахра.

[209] «ایکی یللیك وقف حصولی برلان قدیمه‌دین مینك درجه زیادمراق اتما میغه‌یتدی» (Ансаб-ас салатин,, л. 86а).

[210] Таснифи Гариб, стр. 270.

[211] Отдельные лица отдавали имущество или деньги в вакф. Например, имаму какой-нибудь мечети для шейхов, для приготовления шилана (общественная еда) в

мечетях выделялась земля в виде вакфа, а также под вновь создаваемые кладбища, для питания суфиев какой-нибудь ханаки, даже на определенные месяцы года, например, рамадан и т. д.

[212] Один из этих сараев с основанием из жженого кирпича был довольно большой (70×75 гязов) и имел 35 низких комнат. Он был окружен вакуфными лавками указанного медресе. Количество только отмеченных в документе вакуфных лавок, расположенных вокруг этого сарая, равнялось 80.

[213] ЦГА УзССР, опись п/и. № 323. Внешняя площадь медресе Султана Мурад-бека на южной его стороне (11 × 82 гяза) принадлежала ему. На западе медресе помещались вакуфные лавки двух медресе — ханского и Султан Мурада; на северной стороне его 10 из 18 лавок были вакфом медресе Султан Мурада. Вокруг медресе Султан Мурад-бека помещались вакуфные лавки и другие учреждения: Тут-музар, мечети мирзабаши, Муллабечара, Муллы Зухриддин Махдума и Баланд-мечеть. Отсюда ясно, что самые оживленные места столицы были покрыты вакуфными лавками, среди которых явно превалировали вакуфные хозяйства хана и бека.

[214] «بصرف اموال خالصه و املاك مخصوصهٔ خود بنا نموده»

[215] ЦГА УзССР, опись п/и, № 323, пачка 9.

[216] «محدودات مذکورات فی الصدررا متفرقته از مالکین آن بشرأ قطعی خریده مملکهٔ خالصهٔ جنابشان گردانیده از برای قرائسکان حجرات دخمه برسر تربت مزار سید محمد شیر علی بهادر خان مرحومی اقرار بوقفیت نمود»

Глава VI

[1] Р. Н. Набиев. XV асрда Моваруннаҳрнинг сиёсий иқтисодий ҳаётидан (Худжа — Аҳрор ҳақида мулоҳазалар) (Сб. «Улуғ ўзбек шоири», Тошкент, 1948 йил).

[2] «امام‌الدین نام کاغذگر آن حضرت بودکه همهٔ سرکار قاغذگری تعلق باو داشت» (Там же, стр. 37).

[3] Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. (Заметки о Ходжа Ахраре), сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 35—36.

[4] А. К. Гейнс. Указ. соч., стр. 480.

[5] А. Н. Тетеревников. Очерки внутренней торговли Киргизской степи, стр. 33.

[6] Миротул-фтух, стр. 114.

[7] А. К. Гейнс. Указ. соч., стр. 483.

[8] Там же, стр. 363.

[9] Там же, стр. 361—362.

[10] Там же, стр. 366.

[11] Таснифи Гариб, стр. 252. «ابراهیم خیال شهرلارغه حاکم و سرکار آمل قویب توركان ایکان)

[12] Три звездочки, № 7, стр. 94.

[13] Из Кокана. Сведения о путешествии по Коканскому ханству А. П. Федченко в 1871 г., Ташкент, 1871, стр. 4. Порядок перечисления должностных лиц не точен: амины должны следовать после саркара.

[14] А. Макшеев. Показание сибирских казаков..., ВИРГО, 1856, ч. 17, стр. 31.

[15] Показание сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у коканцев с 1849 по 1852 г., Туркестанский сборник, т. 384, стр. 29.

[16] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2412,

«از سرکار و امام یارمزار یک گوسفند»

[17] Там же, д. 2749.

[18] Таснифи Гариб, стр. 352—353.

[19] «استا باباکلان زرگر خجندی که سرکار صرافخاهٔ خوقندکه دارالسلطنت ملک فرغانه است» (Таварих Манзума, л. 12).

[20] Там же, л. 14а.

[21] «صاحب فراسات ایش باشی قویوب»(Ансаб-ас салатин, л. 86а).

[22] Миротул-фтух, л. 37.

[23] Н. Пантусов. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокан-ском ханстве в последнее время правления Худояр-хана, «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

[24] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2426.

[25] Маргиланский бек и царевичи относились к нему с высоким уважением, допуская в своих письмах в отношении его такие лестные слова: «проявляющий убежденность, верность», «с достойным поступком», «всегда ищущий согласия», «достойный уважения», «искренний, старый, сердечный, постоянный доброжелатель» и т. д. (Там же, д. 2425, 3532).

[26] Там же, д. 495, 597, 2303, 2327—2330 и др.

[27] «دولتخواه قدیمی صمیمی محمد صادق» (Там же, д. 553).

[28] «غنیمت پناه دارالسلطنت» (Там же, д. 2384).

[29] Там же, д. 583.

[30] А. К. Гейнс. Указ. соч., стр. 362.

[31] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 574.

[32] Там же, д. 2304.

[33] Н. Пантусов. Указ. соч.

[34] «محمد علی خان عصریده... هر شهرنی هر یلگی حصولانلارینی سرکارلارگا اجاره قیلب برور ایردی». (Таснифи Гариб, стр. 243).

[35] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 709.

[36] Там же, д. 699. На поле документа Султан Мурад-бек небольшой дополнительной записью предупреждает саркара о том, что он, саркар, так должен вести дело, чтобы не отклоняться от указаний шариата, что подлежит непременному исполнению. («سرکار مذکور نیز از فرمودهٔ شرعی شریف تجاوز نکرده کارنماید مؤکداست»)

[37] «خانلار حکومتی دوریده یرلاریکزغه ایکین زراعت قیلسانگیز خرمن تیفه‌سیغه‌کیلتوروب قویگان سرکارینی اوزی حاضر توروب اولچا-یتوب حسابلاب حق آلور ایردی». (Таснифи Гариб, стр. 401).

[38] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 698.

[39] Морковь включали в состав зерна.

[40] Там же, д. 700.

[41] Там же, д. 701.

[42] Там же, д. 704.

[43] Там же, д. 710.

[44] Там же, д. 711.

[45] Там же, д. 2463.

[46] Там же.

[47] Там же, д. 3026.

[48] Там же, д.3650.

[49] Там же, д. 3533.

[50] Там же, д. 586, 2285.

[51] Примером расчленения рынков является, в частности, зерновой базар в Коканде. Он состоял из пшеничного, джугарного, рисового, мучного и других рынков.

[52] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 495, л. 4.

[53] Там же, д. 703.

[54] Там же, д. 655.

[55] Там же, д. 915, 906.

[56] Там же, д. 906, 2010.

[57] Там же, д. 907, 909, 910.

[58] Там же, д. 912, 911, 916—918.

[59] «پیش پیش از خراج دهقانان خواهید شکسته ادا نمودن» (Там же, д. 913).

[60] Там же, д. 914, 912.

[61] Там же, д. 906.

[62] Там же, д. 2307.
[63] А. Макшеев. Показание сибирских казаков..., стр. 26.
[64] «نیزیك هزار عدد بدانه جمع داشته‌ازغیر تأخیر بمحمد مسی سرکار سپارید» (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 703).
[65] «ملازم سید اکبربیك خداینظر بسرکار» (Там же, д. 2412).
[66] «از سرکاران خانزاده» (Там же, д. 2414).
[67] Там же, д. 598.
[68] Кроме того, согласно Н. Пантусову, амбары для хлеба, собранного ханскими инаками, находились в некоторых кишлаках (О податях и повинностях...).
[69] В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 35.
[70] От Ташкента до Коканда, стр. 36.
[71] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2463.
[72] Там же, д. 2433.
[73] («در قورغانچهٔ صادق سرکار بوده‌گی گاوها و چیز چارمها ازان جناب عالی باشد») Там же, д. 498.
[74] Там же, д. 2287.
[75] Там же, д. 652. Обращает на себя внимание синяя бумага документа русского заводского производства, которая поступала из России, очевидно, еще до присоединения края к ней.
[76] Там же, д. 651.
[77] В. Наливкин. Указ. соч., стр. 208.
[78] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2412.
[79] Там же, д. 2383.
[80] Все эти аксакалы приводятся в документах в связи с приношениями и подарками, а также в связи с административно-хозяйственными вопросами.
[81] «بدست آقسقالان و بیان دهای قورمه‌را عنایت‌نامه داد» (Тарихи Шахрухи, стр. 66).
[82] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2412.
[83] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 447.
[84] А. Гребенкин. Заметки о Когистане, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, 1873, стр. 82.
[85] Обозрение Коканского ханства, ЗИРГО, III, 1849, стр. 200.
[86] Там же.
[87] А. Гребенкин. Указ. соч., стр. 82.
[88] Там же, стр. 82.
[89] Военные действия, стр. 64.
[90] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 443.
[91] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 770.
[92] Там же, д. 775.
[93] Там же, д. 771.
[94] Там же, д. 1091, л. 3.
[95] Там же, д. 772.
[96] «نظر محمد سرکاررا نموده آنکه از آدمان جناب سعید اکبر علی بیك محمد اقسقال دو چاریك‌چارچیکسه خراج‌سر داشته است‌دخل ننمایید ۱۲۹۰» (Там же, д. 774).
[97] Там же, д. 773.
[98] Там же, д. 555.
[99] В. Наливкин. Краткая история..., стр. 206.
[100] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3240, 3241. О подобных подарках в архиве имеется довольно большой материал.
[101] Там же, д. 3533.
[102] Там же. Видимо, Мухаммад Раджаб и мастер — одно лицо, служившее правителям, которого царевич обязывает выплатить долги покойного саркара.
[103] Обозрение Коканского ханства, стр. 200.
[104] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 712.
[105] Там же, д. 713.
[106] Там же, д. 565, л. 9.
[107] Там же, д. 2340.
[108] Там же, д. 545.

[109] От Ташкента до Кокана, стр. 37.
[110] А. К. Гейнс. Указ. соч., стр. 452.
[111] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 498.
[112] Там же, д. 558.
[113] Там же, д. 560
[114] Обозрение Кокандского ханства, стр. 208.

Глава VII

[1] В. Наливкин. Очерки землевладения в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 24.
[2] «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 7, стр. 40; Ташкентское восстание 1847 г., Ташкент, 1966, стр. 25—27.
[3] Н. Энгельгард. Очерки Кокана, «Туркестанские ведомости», 1886, № 4, Он приводит названия всех 12 ворот этой стены — Ходжентские, Газы (видимо, Газиян), Кудуклик, Сары-Мазарские, Наманганские, Чимионские, Сохские, Маргиланские, Риштанские, Муй-Мубаракские, Каталонские, Исфаринские.
[4] Миротул-фтух, стр. 55.
[5] Ансаб-ас салатин, л. 32.
[6] Таснифи Гариб, стр. 254.
[7] Миротул-фтух, стр. 55.
[8] Хуласатул-ахвол, л. 221а.
[9] Там же, л. 224б.
[10] «همه شهرلارغه مردکار سالیغ سالوب فقراقوتی بیلان الغ نهرنی خدایارخان... تاریخنده قازوب نچه یللارده زورغه بتوردی».

(Таснифи Гариб, стр. 311).
[11] «کوب یورت یورتلارغه مردکار سالوب اشلاتوب» (Там же, стр. 313).
[12] В. Наливкин. Краткая история..., стр. 29.
[13] Они приходили в Фергану из соседних горных областей — Каратегина, Дарваза, Гисара, Бадахшана, а также из Бухары и Кашгара.
[14] В. Наливкин. Краткая история..., стр. 29.
[15] Ферганская область в 1902 году, Ежегодник Ферганской области, т. II, Новый Маргилан, 1903, стр. XIII.
[16] Мидендорф. Указ. соч., стр. 351.
[17] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2333.
[18] Там же, д. 545.
[19] Там же, д. 517.
[20] Там же, д. 2469, 2421, 2553.
[21] Там же, д. 605.
[22] Там же, д. 607.
[23] Там же, д. 603, 604.
[24] Там же, д. 2552.
[25] Там же.
[26] Там же, д. 2552, 2553.
[27] Там же, д. 2590.
[28] Там же, д. 520. На обратной стороне документа указывается о мобилизации еще 18 человек и 7 повозок из сел. Шамкар-кишлак («شمقار قشلاق») В ферганских документах наряду с кошем приводится и таджикский эквивалент джуфти-гав или просто джуфт.
[29] В дафтаре некоторые кишлаки упоминаются от 2 до 7 раз. Их всего более 40 названий, кроме кишлаков, делившихся на верхние, нижние или большие и малые. Так, например, Янги-кишлак упоминается 7 раз, Шур-кишлак — 6 раз, Кашгар-кишлак — 5 раз, причем первые два названия наводят на мысль о недавнем освоении их районов. Однако внимательное изучение дафтара убедительно показывает, что они в большинстве своем являются разными. Во-первых, совершенно разные цифровые данные — количество людей (хашарчи) по разверстке и фактическое число прибывших мардикаров. Во-вторых, рядом с названием некоторых кишлаков указаны имена определенных людей (Янги-кишлак — Мухаммад Алим-бек, Уч хатун — вакф Хаккули и т. д.), которые не совпадают в одинаковых названиях кишлаков. В-третьих, некоторые выделяются по таким признакам, как Шур-кишлак лаби дарьё, Шур-кишлак вакф и т. д.

21 кишлак, население которого 11 сафара (30 марта) было мобилизовано на трехдневную работу, в одном и том же дафтаре повторяется в одинаковом порядке два раза. На первый взгляд, кажется, что это повторный список. Однако и здесь приведенные цифровые данные по 8 параллельным кишлакам не совпадает. Видимо, и здесь во многих случаях имеют место разные кишлаки под одним названием. Так, названные в дафтаре более трехсот кишлаков, мобилизованных на ханский хашар, были самостоятельными.

Отдельные кишлаки (Рашдан, Захидан, Кушкун-кишлак и др.) указываются с окрестностями, куда входили все малые селения.

[30] В дафтаре в одном случае упоминается 1219 г., что является ошибкой писаря, ибо явно речь идет только об одном весеннем сезоне.

[31] «امینان و آقسقالان قشلاقهای مذکورون را آنکه از روی فرمایش عالی جهت دهقانی زمین یرمسجد بطریقهٔ حشر گویان سه‌روزه مردکار از شمایان فرمودیم باید که اسب عرابه‌دار و آدمان کاریهارا همراه خود آورده تا سه روز کار کرده روید»

[32] «جمع دوصد دوکم هفتاد نفرسی هفت آغدارمه میباشد بطریقهٔ حشر گویان هرساله سه روزه از شمایان فرمودیم باید که عرابهٔ آغدارمه مردکار کارآی امینان هرکدام قشلاقها همراه خودتان آورده سه روز در قطار مردم کار کنانیده روید فرمایش عالی همن است».

[33] «برسیدن پته مردکار مع کلند و عرابه آمده کار کرده نوبت خودهارا گذرانیده روید»

[34] Итоговые цифры, приведенные в дафтаре составителем, немного не соответствуют подытоженным нами цифрам.

[35] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 545.

[36] «پنج قوش از روی خاطر خواجه علی عناق گذشته شد»

[37] «جمع یکصد دوکم هفتاد تنگه پل خدمت گرفته ملازمان خورده شده باز چهل هفت تنگه حاضر استاده»

[38] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 495, л. 8.
[39] Там же, д. 2467.
[40] Там же, д. 635.
[41] Там же, д. 627.
[42] Там же, д. 630—632, 624, 626.
[43] Там же, д. 625, 629, 633.
[44] Там же, д. 634.
[45] Там же, д. 602, 624.
[46] Там же, д. 520.
[47] Там же, д. 603.
[48] Там же, д. 520.
[49] Там же, д. 545.
[50] Там же, д. 602.
[51] Миндендорф. Указ. соч., прибавл. VI.
[52] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 627.
[53] Там же, д. 602, 604.
[54] Там же, д. 545.
[55] Там же, д. 626.
[56] Там же, д. 518.

[57] Селение в документе пишется «جریك جکده».

[58] Вполне возможно, речь идет о кошах бешкапинского аксакала Муллы Аббаса (О нем см.: ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 519).

[59] Там же.

[60] Там же, д. 637.

[61] При этом следует учесть справедливое замечание В. Наливкина. «У нас, — писал он, — обыкновенно принято называть лошадь усталой, если она идет, вяло пере-

ступая, вытягивая шею и проч. Туземец все это считает совершенно нормальным и *«чарчаб қолди»* (*устала*) *скажет тогда только, когда несчастная лошаденка станет* и более не двигается с места. (Очерки землевладения в Наманганском уезде).

[62] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 582.

[63] «و نیز فرمودیم که از وجه خدمتانه بملازمان دربار عالی و باقسقالان قشلاقهای مذکورات فلوسی و درهمی‌را ندهید». (Там же, д. 605).

[64] Там же, д. 623.

[65] Мидендорф. Указ. соч., стр. 185.

[66] Начальник сартских войск Худояра (Таснифи Гариб, стр. 317).

[67] Там же, стр. 311—313.

[68] Таснифи Гариб, стр. 313.

[69] Мардикары и хашарчи на работе феодала использовали даже свою одежду: «...Вынутую землю сносят в полах халатов», — писал академик Мидендорф (Указ. соч., стр. 182).

[70] Там же, стр. 192.

Глава VIII

[1] Очерки Кокана, стр. 48.

[2] Обозрение Коканского ханства, стр. 208. По словам этого автора, «эта должность весьма важная, составляющая большую силу при дворе, но вместе с тем и опасная».

[3] Три звездочки, № 7, стр. 107—108.

[4] А. К. Гейнс. Указ. соч., т. II, стр. 296.

[5] Таснифи Гариб, стр. 311.

[6] Там же, стр. 317.

[7] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2014.

[8] Н. Аристов. Наманганский округ, Материалы для статистики, вып. II, стр. 140.

[9] А. К. Гейнс.. Указ. соч., т. II, стр. 296.

[10] Н. Аристов. Указ. соч., стр. 140.

[11] «عمرخان دریادین سو چیقاریب انده توجه بیلان شهرخان دیگان شهر چقاردی سهل کونده آباد بولدی غله‌سی خوقد عسکریغه کفایت قیلب ینه زیاده‌سی انبار بولور ایردی». (Ансаб-ас салатин, л. 21а).

[12] Н. Пантусов. *О податях...*, «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

[13] На торжественных приемах в ханскую свиту входили представители всех этих групп (шейхулислам, казикалон, ходжакалон, накиб и муллы, аталык, кушбеги, парваначи, дадхи, бий, эшик-агасы, инаки, шигаулы, тохсабы, мирахуры и караулбеги). См. А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, Туркестанский сборник, т. 117, стр. 149—180.

[14] Любому из воинов, согласно А. Куну, мог быть присвоен чин. А. Кун привел расходы по должностям, которые занимали военные с соответствующими званиями: мингбаши, пансат, юзбаши, панджабаши, дахбаши, тупчибаши, зенбурчи и др.

[15] А. Кун. Указ. соч.

[16] Мидендорф. Указ. соч., стр. 422.

[17] В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве, ВИРГО, 1856, ч. 18, стр. 117—118.

[18] Там же, стр. 118.

[19] «دفتر جویداروغله گیرلباس ونیمه نچه‌پوشیدهٔ جوانان توپچی و عسکر در سال مرغ در ماه رجب المرجب». (ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2061).

Об обмундировании кокандских войск очевидец А. И. Брянов замечает следующее. Эти люди в одном пятитысячном отряде были «в ярких красных и синих халатах, в желтых чембарах и белых чалмах, с развевающимися яркоцветными значками, казались, на взгляд туземцев, могучими» (А. И. Брянов. На память о Фергане 1876—1901 гг., Новый Маргилан, 1901, стр. 28).

[20] Очерки Кокана, стр. 52.

[21] На эти должности назначались лица из привилегированных сословий — сеидов и ходжей.

[22] А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 149—180.

[23] Следует учесть то обстоятельство, что здесь учтены не все придворные чины. Так; например, махрамы и многочисленные «бардар-бардары» пропущены.
[24] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 1950.
[25] Там же, д. 1958.
[26] Там же, д. 1055, 1957, 1953, 1954.
[27] Там же, д. 1951.
[28] Этот маленький сын Мурад-бека имел несколько домов («جهت پلی حولیهای سید محمد صدیق بیکم»)
[29] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 655.
[30] Там же, д. 2421. Дафтар неполный, не имеет начала и конца.
Когда речь идет о блюдах, то в документах упоминаются следующие: манты, шурпа, оши хассаги, оши суюк, оши софи (вид плова), бедана кебаб, танур кебаб, кулчатай, шула, халваи-тар, чучвара, бугурсак, самбуса, самбусаи-кабуд и т. д.
[31] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2417.
[32] Там же, д. 2418.
[33] Там же, д. 2785.
[34] Там же, д. 3617.
[35] Пайандаз — ковер или дорожка, подостланная под ноги в знак высокого уважения.
[36] Животное выдавалось, видимо, в связи с каким-нибудь обрядом.
[37] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3576.
[38] Там же, д. 3040.
[39] Там же, д. 3067.
[40] Для ханского дастархана отпускались: голова сахара, крупная и малая («سرقند کلان»، «سرقند خرد»), наббат, печак, кандалат, лафз, кандак, пашмак нишалда, варенье, компот («کمپوت»), миндаль, кишмиш, фисташки, гранаты яблоки, груши, айва, виноград, инжир, персики, дыни, арбузы (Там же, д. 3062, 3057). Это, конечно, неполный перечень продуктов ханского дастархана. В один из будничных дней — 14 числа джимадиул-сани 1289 г. х. — на ханский дастархан было отпущено только сладостей и фруктов: 2 головы сахара — 20-фунтовая и 15-фунтовая, 20 штук малых голов сахара, 20 ящиков наббата, печака — 3 чексы, миндального кандалата — 3 чексы, обыкновенного кандалата — 1 шишек (более пуда), компота — ним (половина) шишек, халвы «лафз» — 100 пайсы, халвы «пашмак» — ним шишек, фисташек — 1 шишек, кандака — 8 чексы, кишмиша — 8 чексы, винограда — 2 носилки, персиков — 4 корзинки, инжира — 1 корзинка (д. 3062). Скатерти шились из дорогих тканей, например, из бархата.
[41] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3232, 3422, 3431, 3433, 3441—3443, 3447, 3456, 3468, 3484, 3486. 3499, 3501, 3502, 3516, 3520, 3529, 3534, 3535, 3537, 3600, 3661, 3674, 3791, 3656.
[42] Там же, д. 3660.
[43] «جهت دو کهوارهٔ طلا میشه‌گی هشت تنگه باقسقال بدهید» (Там же, д. 3662).
[44] Там же, д. 3694.
[45] Там же, д. 2412.
[46] Там же, д. 3758.
[47] Там же, д. 3797.
[48] Там же, д. 3781, 3779, 3785, 3790. Этим ишанам выдавали для проведения ифтара продукты и деньги.
[49] Там же, д. 3052.
[50] Там же, д. 2382, 2651, 2808, 2804, 2970, 2967, 2945; Ансаб-ас салатин, л. 119а.
[51] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2611, 2606, 2680, 2684, 3209.
[52] Там же, д. 2687, 2692, 2886.
[53] Там же, д. 3210.
[54] Н. Паптусов. О податях и повинностях, «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.
[55] Согласно сведениям Мухаммада Салиха, все игры и танцы происходили между воротами урды и рекой (Тарихи джадидаи Ташканд, л. 200).
[56] Распространенность этих игр подтверждается и другими нарративными источниками, а также и документальным материалом (Тарихи джадидаи Ташканд, стр. 200; ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 3722, 3727). В одном из этих документов по Маргиланскому бекству дается указание о постепенной доставке 5 чайриков (более 20 пудов) специально размельченного чугуна в мастерскую по изготовлению фейерверка («مشك خانه»), одного чайрика селитры («شور») и целой арбы старых тряпок

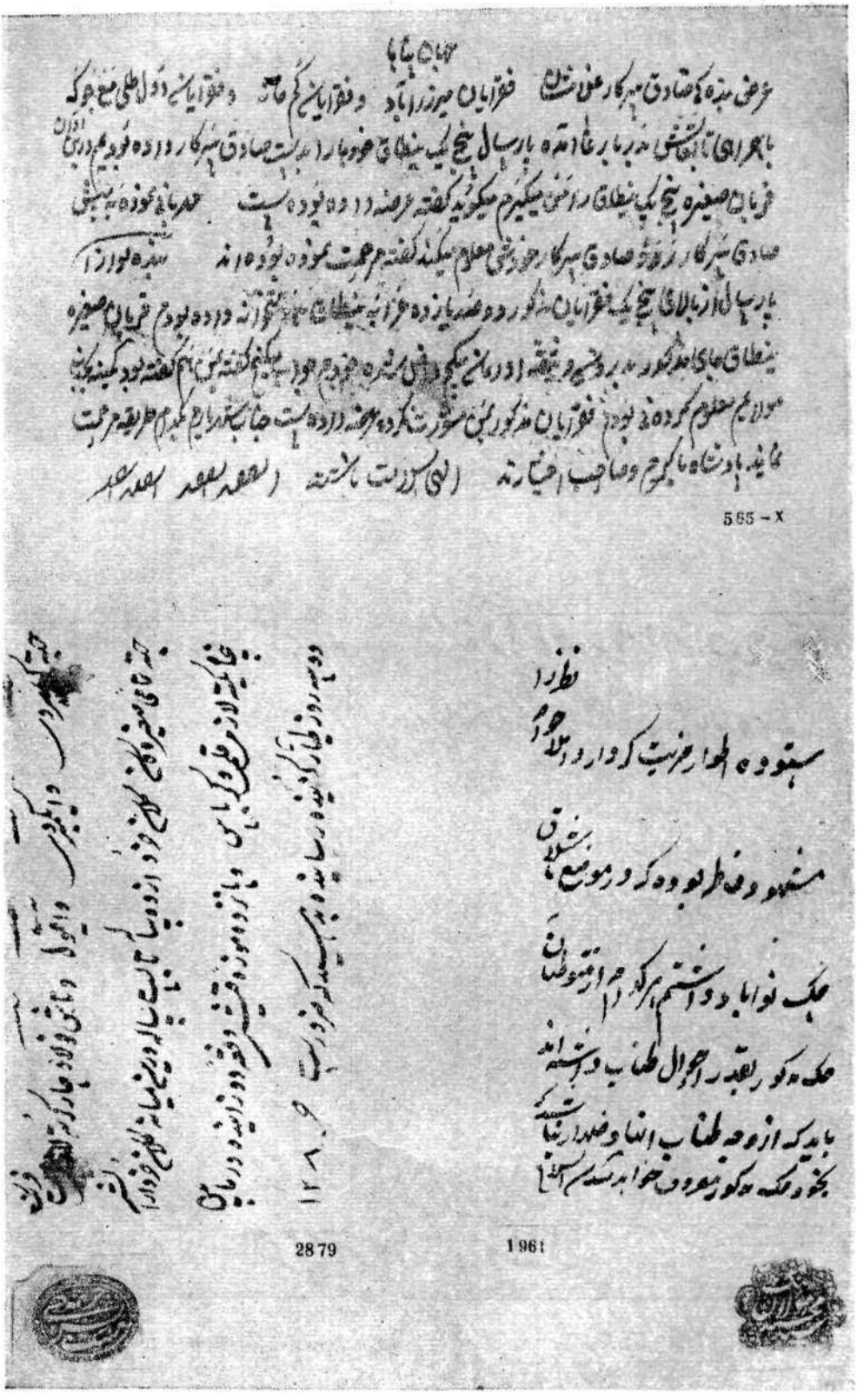
(д. 3722). Выдается еще 2 чайрика мелкого чугуна в мастерскую для украшения фейерверка («برای گلریزی») (д. 3716).

[57] Тарихи джахан-намаи, л. 237—238.
[58] Таснифи Гариб, стр. 310.
[59] Тарихи Шахрухи, стр. 324.
[60] Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина, стр. 282.
[61] ЦГА УзССР, ф. И-1043, оп. 1, д. 2298.
[62] Там же, д. 3710. «جهت طوی باغ سید محمد صدیق بیکم»
[63] Там же, д. 2890, 2891.
[64] Там же, д. 2450.
[65] «تأریخ بنای شاه راه کردن امیر نصرالله پادشاه بخارا پس از فتح بلاد کیش عقبهٔ وارد گشته میانهٔ کوهیکه میان سمرقند وکتاب واقع است ظهور یافته».
[66] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 531—532.

ПРИЛОЖЕНИЯ

جهان پناها

عرض بنده که صادق سرکار غلامشان فقرایان میرزا آباد و فقرایان کم خانه و فقرایان دول طلی مع جوکه
با همراهی تابعانش بدربار عالی آمده پارسال پنج یک نیطاق خود را بدست صادق سرکار داده بودیم در این اوان
قربان صغیره پنج یک نیطاق را من میگیرم میگوید گفته عرضه داده بوده است مهربانی نموده به پیش
صادق سرکار رود صادق سرکار خودش معلوم میکند گفته مرحمت نموده بوده اند بنده نوازا
پارسال از بالای پنج یک فقرایان مذکور دو صد یازده عرابه نیطاق [illegible] داده بودم قربان صغیره
نیطاق جای مذکور [illegible] ادرمان [illegible] گفته بود [illegible]
مولایم معلوم کرده بودم فقرایان مذکور بمن مشورت کرده عرضه داده است جناب شهریارم بکدام طریقه مرحمت
نمایند پادشاه ما کرم و صاحب اختیارند الهی سلامت باشند [illegible]

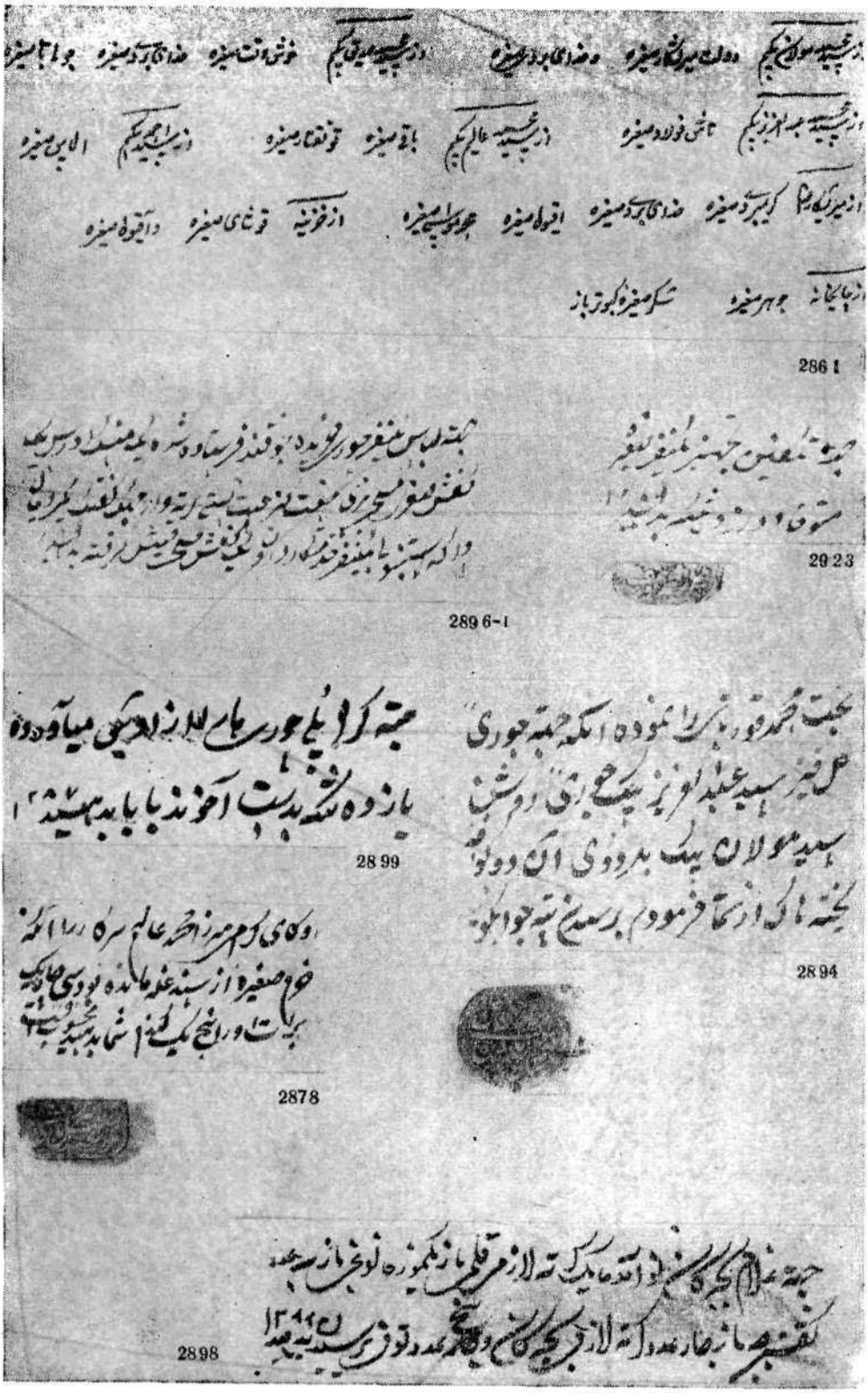


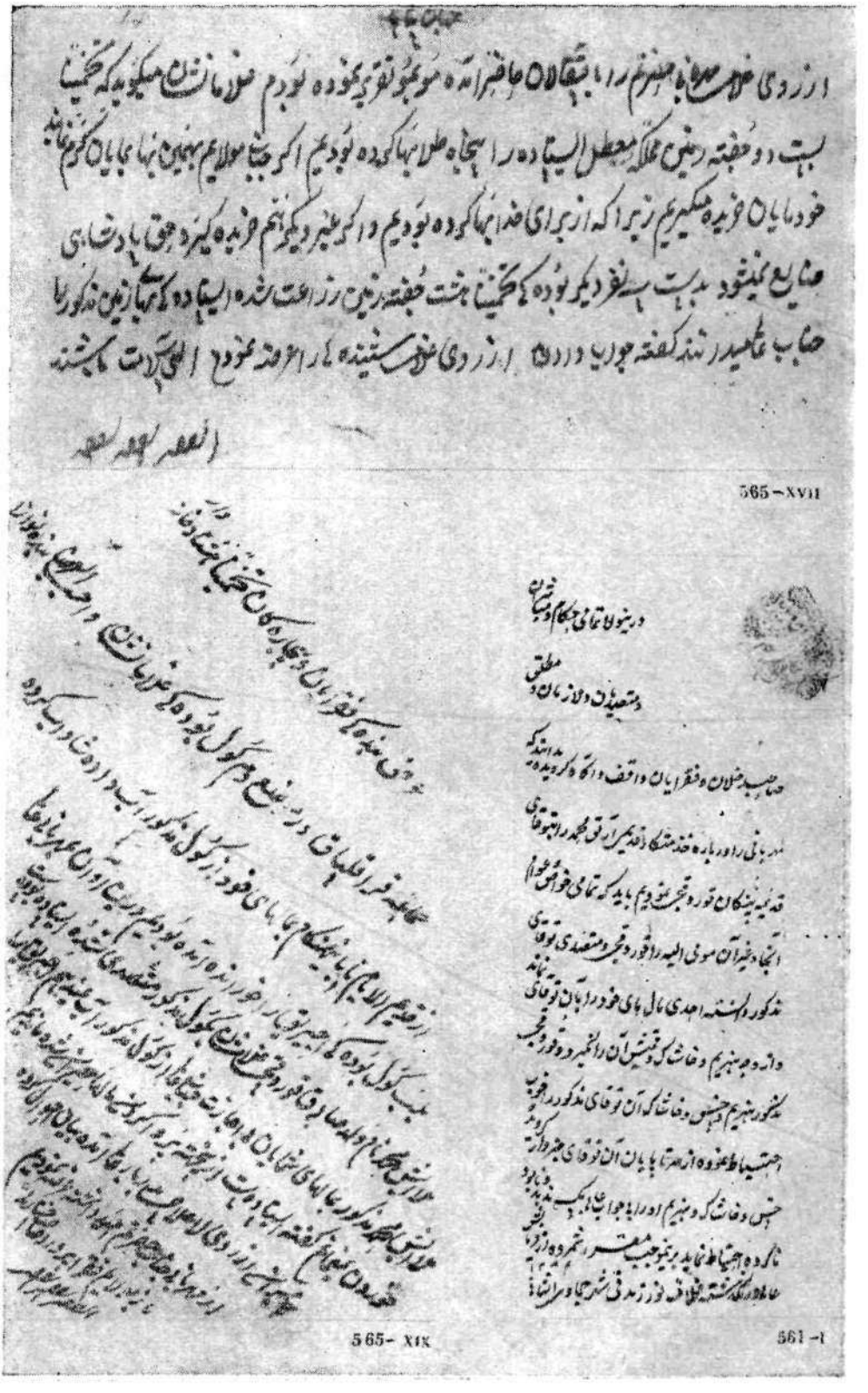
565 – X

نظر را
ستوده اطوار خیریت کردار و املاح
مشهود خاطر بوده که در موضع ما شلاق
جک نوا باد داشتم هر کدام از متوطنان
جک مذکور بقدر احوال طناب داشته اند
باید که از وجه طناب انها و ضد ارنباشد که
بخود جک مذکور مصروف خواهد شد [illegible]

جته [illegible] و ایکبرسی و ایقول و تاش و لاد چار کرته [illegible]
جته تامی صغیره کلان کلان خرد از دو پیاله تا بیست پیاله در این میانه کلان خرد را
پنجایکته لازم قلمی و کرباس و پانزده موزه قیشر و فقه دوزانیده و در پایان
دو هزار روز [illegible] رسانیده بدهید که ضرورت ۱۲۸۶

2879 1961

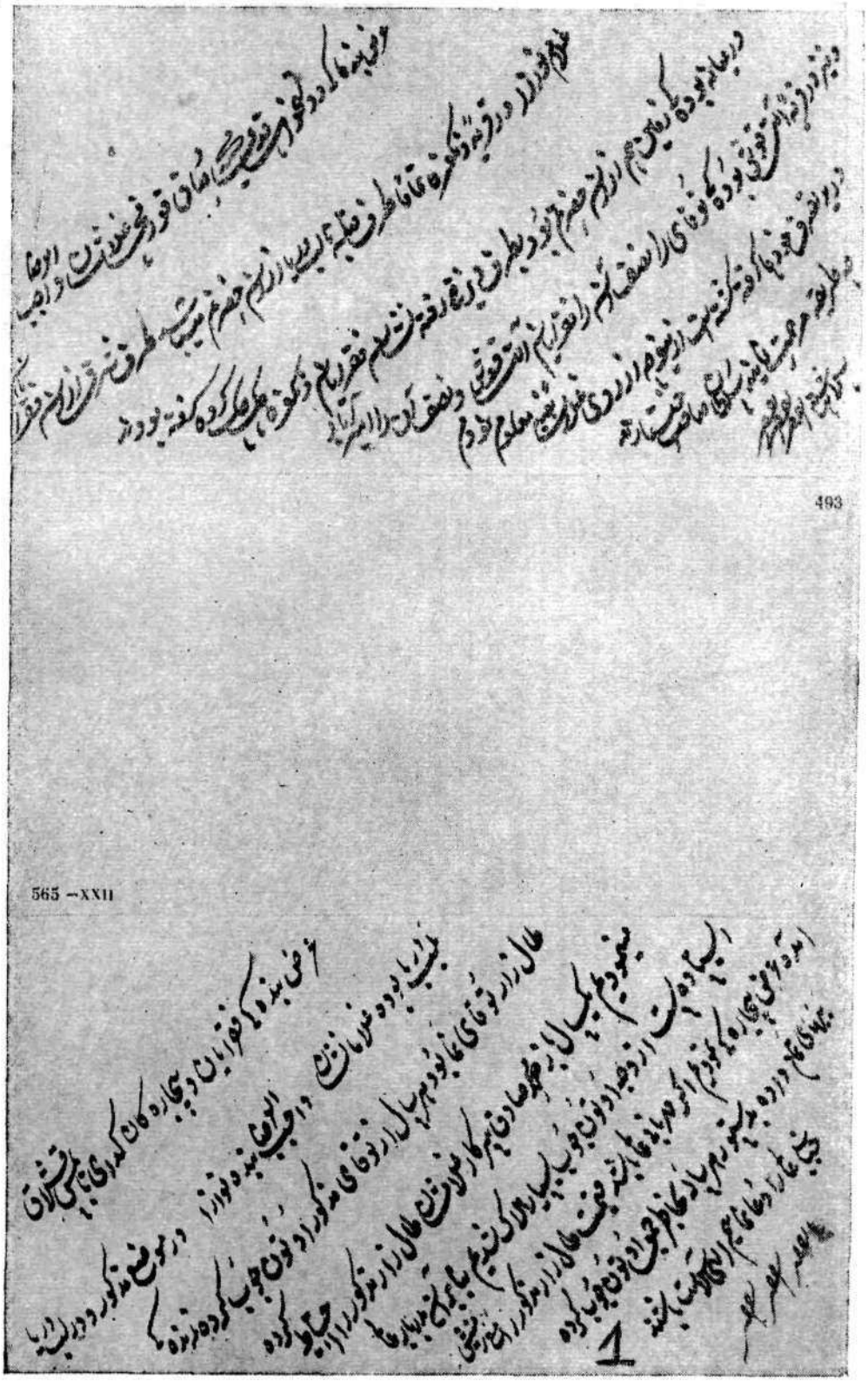




565-XVII

565-XIX

561-I



493

565 — XXII

565—XII

23 84

عرض بنده که ملا بشی محمد ولد صادق بیرکار رفته واجب العرضا مهربانها بوده دریا کرکه تپه در موضع

بشی بنکا بوده که خشت خانه را جهت ریم رسانده بدیه کفته مرحمت کرده بوده اند بنده نوازی

در اطراف موضع بشی بنکا بوده که از فقرایان در وقت تبره ما اولوتن پارا جهت کرده کرفته بوده تقاضا

اورده شیاریده بودم بعجرای آنموضع مذکور کم بشی جهت ریم میباشد از جناب مولایم مبارکمانه غلام تمکین

اکر مهربانها در انجا بوده که فقرایان پیاده وه عرابه را جهت کرده جهت ریم های البحر ابوده ارسال دارند

فقرایان عرابه کشته که رد بخشم کفته جهت ریم ها از خشت خانه مذکور رسانده دون (illegible)

(illegible)

بنده نواز

636 — 1

رز دوی فرمایش عالی دمین اقتفالان ماماخان قشلاق را حاضر اورده بجناب عالی معلوم کرده بودم

مولایم مهربانها نموده در ماماخان در قورغانجه بوده که جهت جاره ها از زجه سبب کرفته رفته باشد

بسبب اورا پرسیده معلوم نمای کفته مرحمت کرده بودند که بنده غلام بجهت باغ شهر یارم جهت ده ۲

اسپار یشن عالی حضرتم را باقتفال ماماخان قشلاق تقریر نموده پرسیدم غایب بای نماج

اقتفالان ماماخان قشلاق میکویند که مدتی نزده روز شد که جهت یایلاق رفته زیرا قشلاق بلیدیر یا یک

جهت اغ اوی از مفید این نمودار شد و از فقرایان زیرا قشلاق ماماخان کرکیته اند

در قورغانجه صادق بیرکار بوده که کاه و جهت جاره ها از آنجا جناب عالی امپاشدن مهربان

باشیم احتیاط لازم مبادا لطافت نکشیم کفته در قورغانجه بوده که ده عدد جهت زه کاه

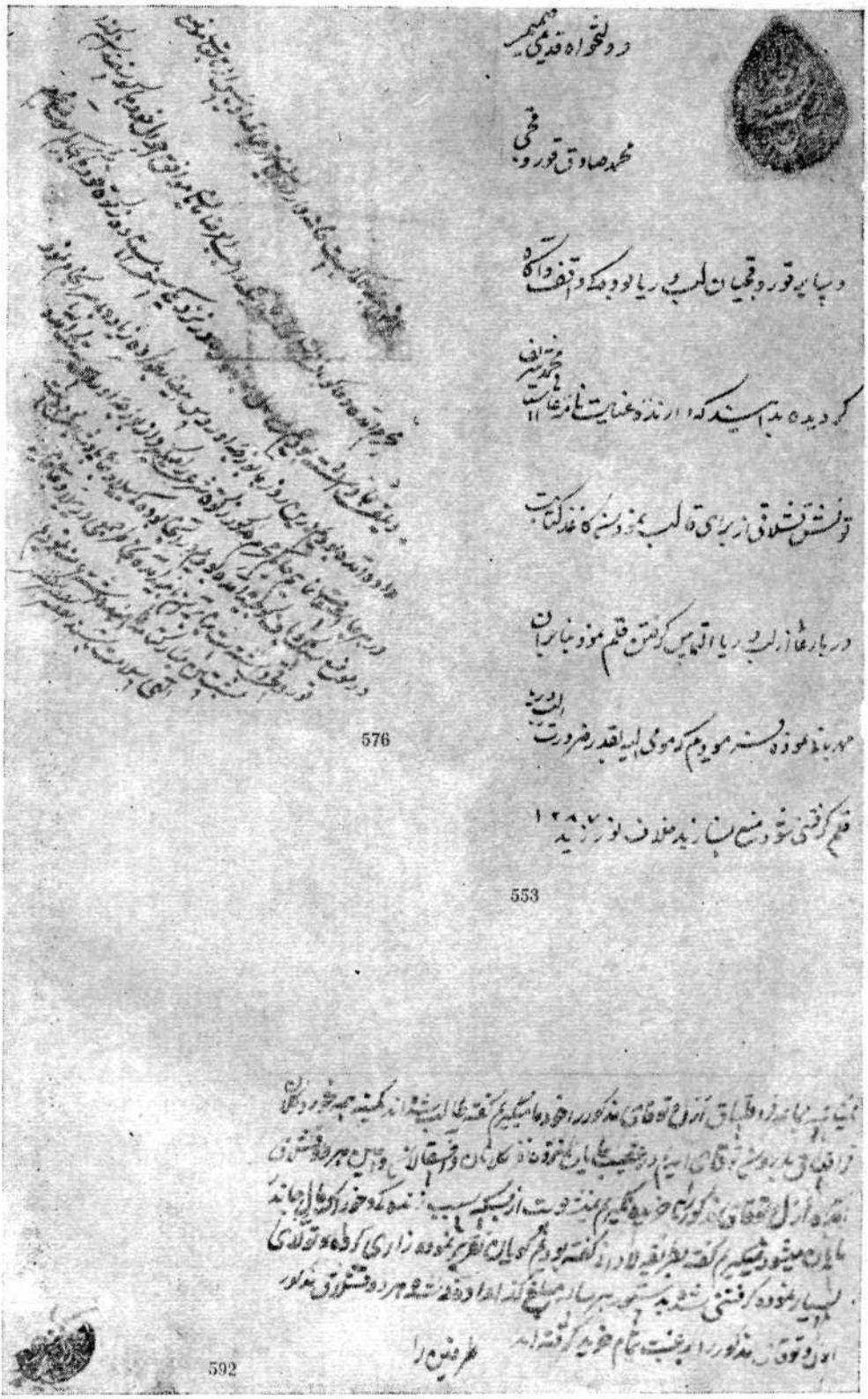
و بیت جاریک جوری و شصت عدد جهت ریم جوالم جهت ده احتیاط کرده مانده بعد از یک

باز جهت ریم جهت زه کاه و جوری و بیده را بقورغانجه مذکور اورده مانده که میباشم

کفته جواب ادبانه بر این صورت حادثه را از روی غلام بجناب عالی مولایم کرده فرمان عالی

565 -11

564



موضع قزلجه تابع ایلچی قوروچی بیگ کریم قوروچی دو نفر معتمدی تعین کرده آمدم

بعده دم کول تابع بیگلر مغول قوروچی بازجی کریم قوروچی را معتمدی تعین کرده آمدم

اجی کول تابع ارسقلان قوروچی بیگ طاقوروچی را معتمدی تعین کرده آمدم

آل ساعخان آل قراشهر قتاجاقیه بیگ جایسق قوروچی معتمدی تعین کرده آمدم

آل اسپک آل میرزا بیدجر کول تابع ایلیش بیگ قوروچی و بیگ جابل قوروچی معتمدی تعین کرده آمدم

تابع کاشغر مطیع قوروچی چهار یاغ قوراقنوکت تابع آرتیق قوروچی تعین کرده آمدم معتمدی خود

توقی ایشان قیشلاق را روز بیگ قوروچی بیگ یارانق قوروچی را بهر ایشان تعین کرده آمدم

جمیع دوازده نفر کمینه غلام یکجا مه بیکجا مه بدربار عالم ابد مدت معلوم نمودم الحمد لله همیشه مسلم باشند

العفو العفو العفو

کمینه کلانتر شیخ محمد و الله صادق سرکار خلافت پناه باطراف جوانب بوده کاهش خانگی را ادا

و توقای را تبلیغ ده هزار بالغ نکه فرموده بودند مبلغ مذکور را بنظر انور رسانیده عرض نمودم

بنده نواز (؟) هر یکه را مبلغ سیصد پنجاه یکصد پنجاه تومان طرف نموده بهر یکه مبلغ پنج

هزار نکه جمع نموده از مبلغ مذکور بسیصد یکهزار هشت صد نکه را بطریق مذکور بخشیده

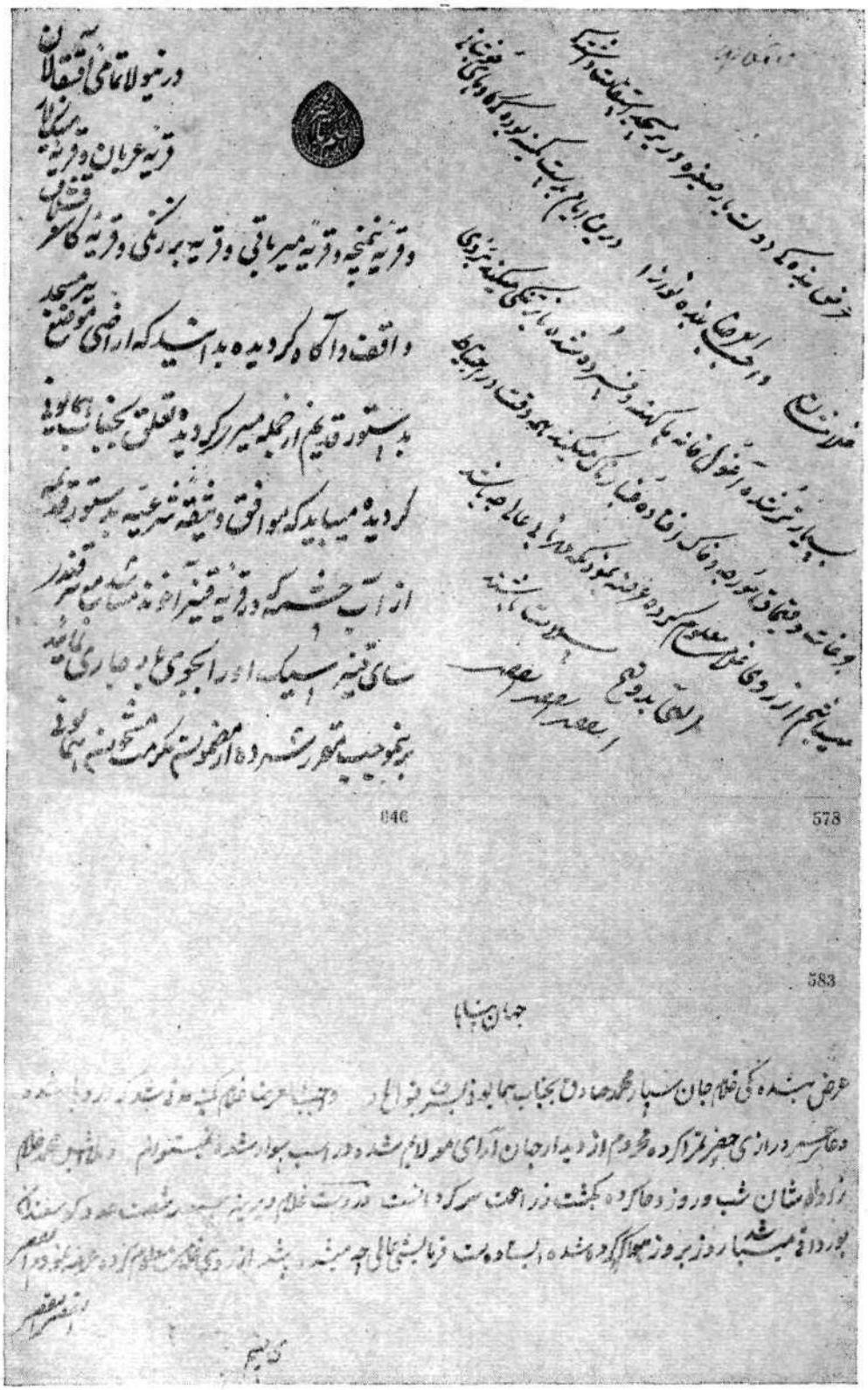
باقیمانده سه هزار یکصد چهل نکه را بطوری سپرده خزانه عامره حکم نمودند که از

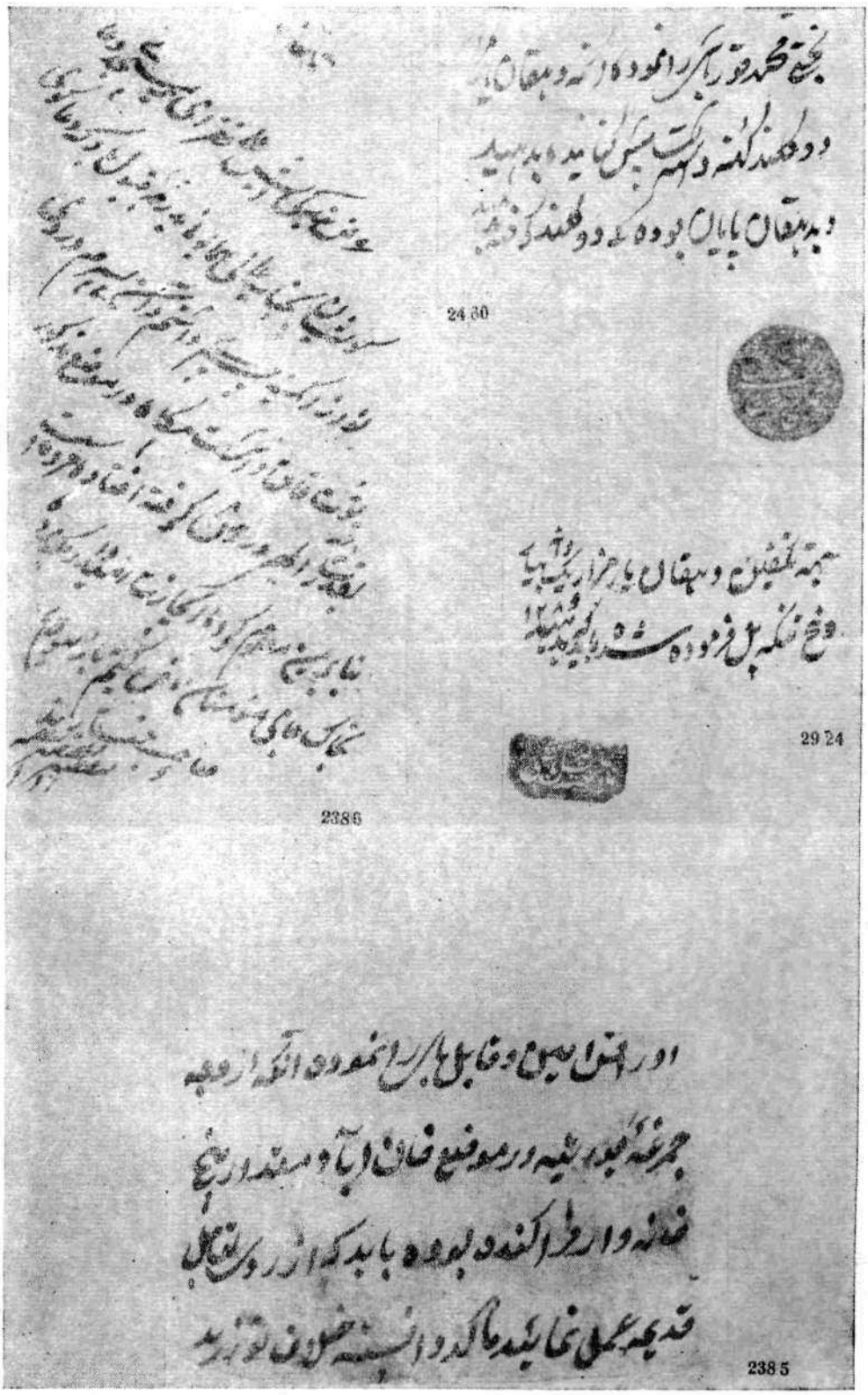
داده بودم از مهربانی جناب شهریاری امید آنکه بنظر یکه پایه یکهزاری سرافراز

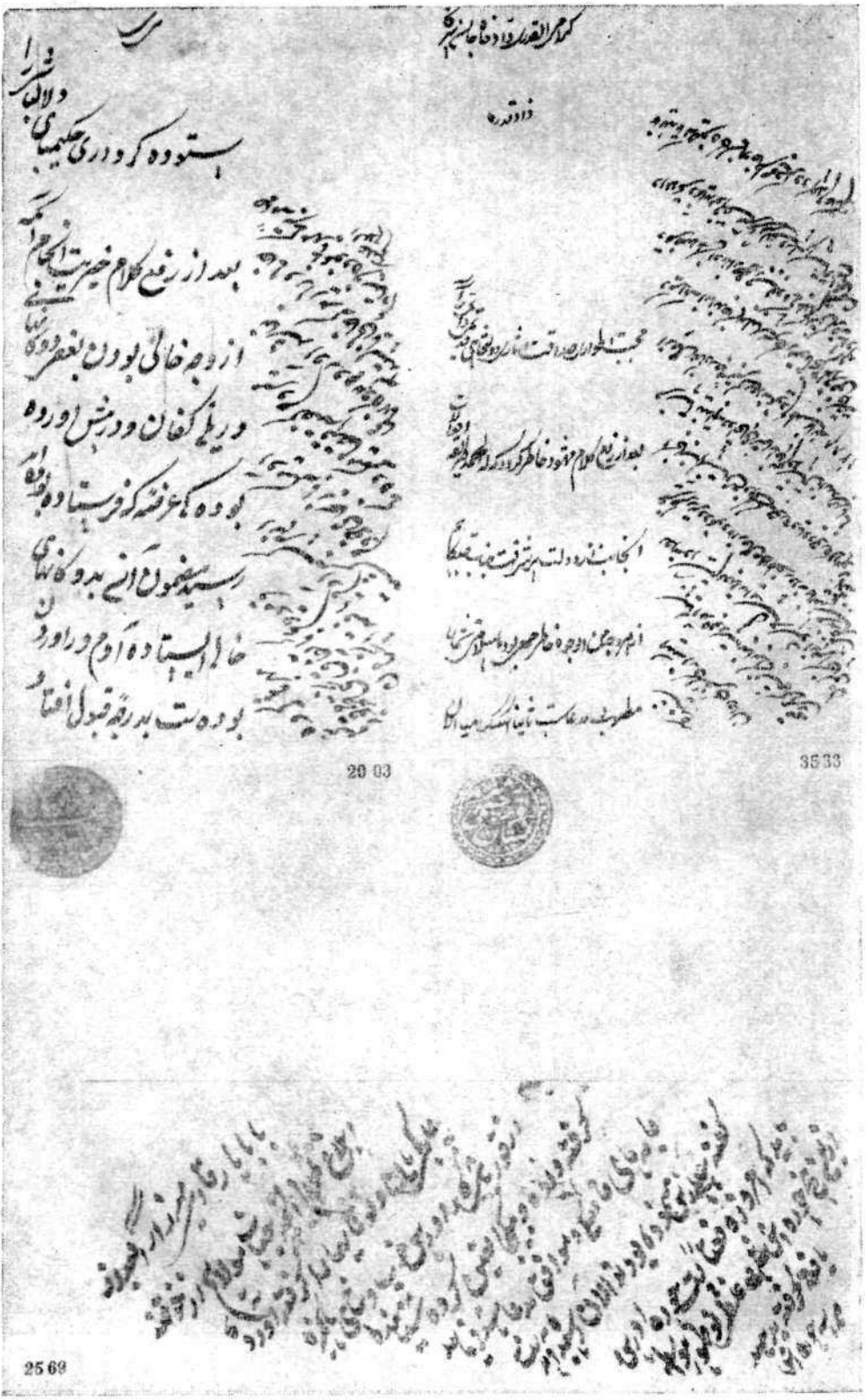
سپاریده معلوم عالم از برای صرف دو تومان کار بانده از دو تومان از مبلغ مذکور

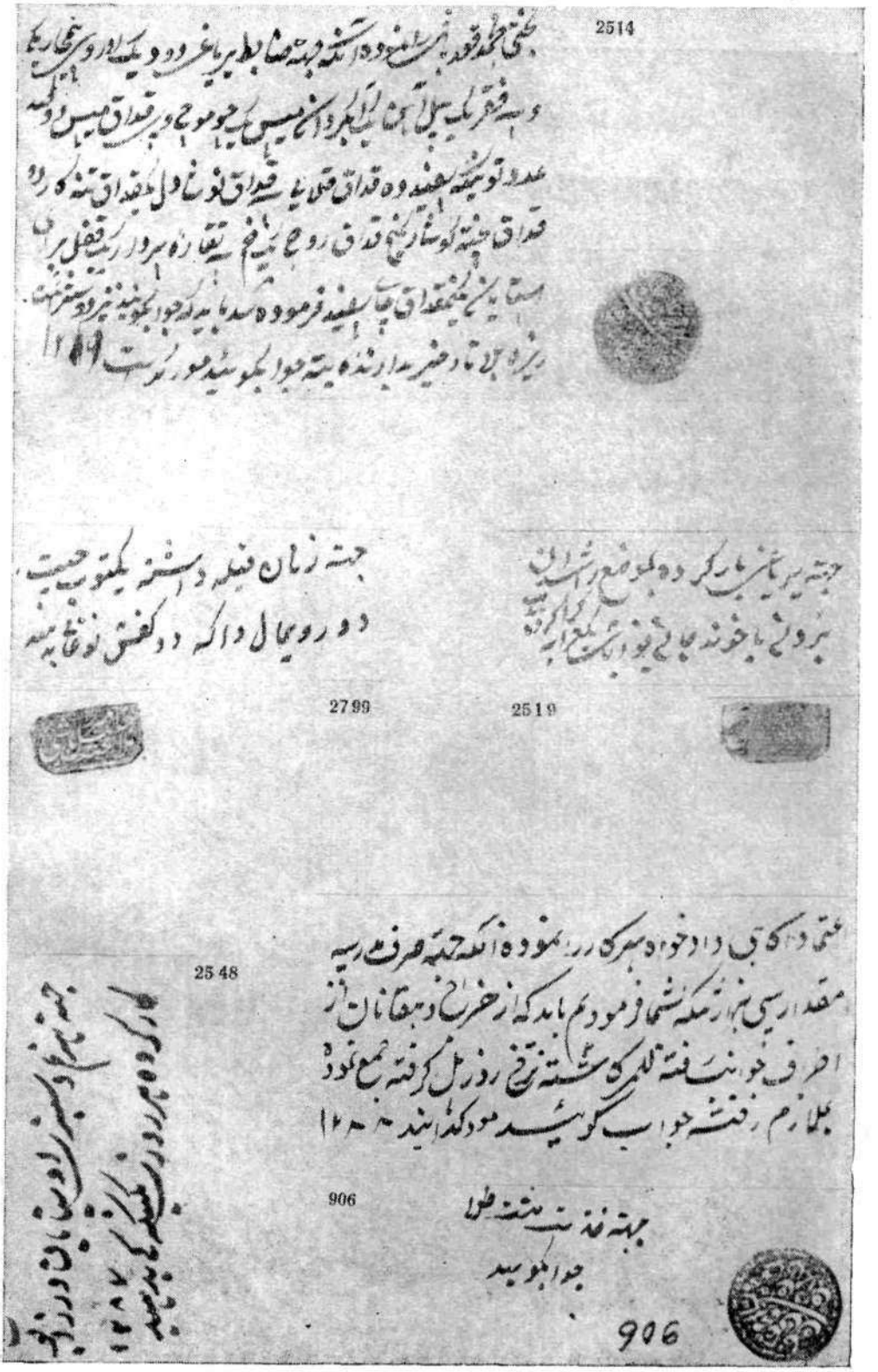
صرف لوازمات کنند بنابر آنچه از زبان گوهر بار بنده ای تومان الی آخر باشند

العفو العفو العفو









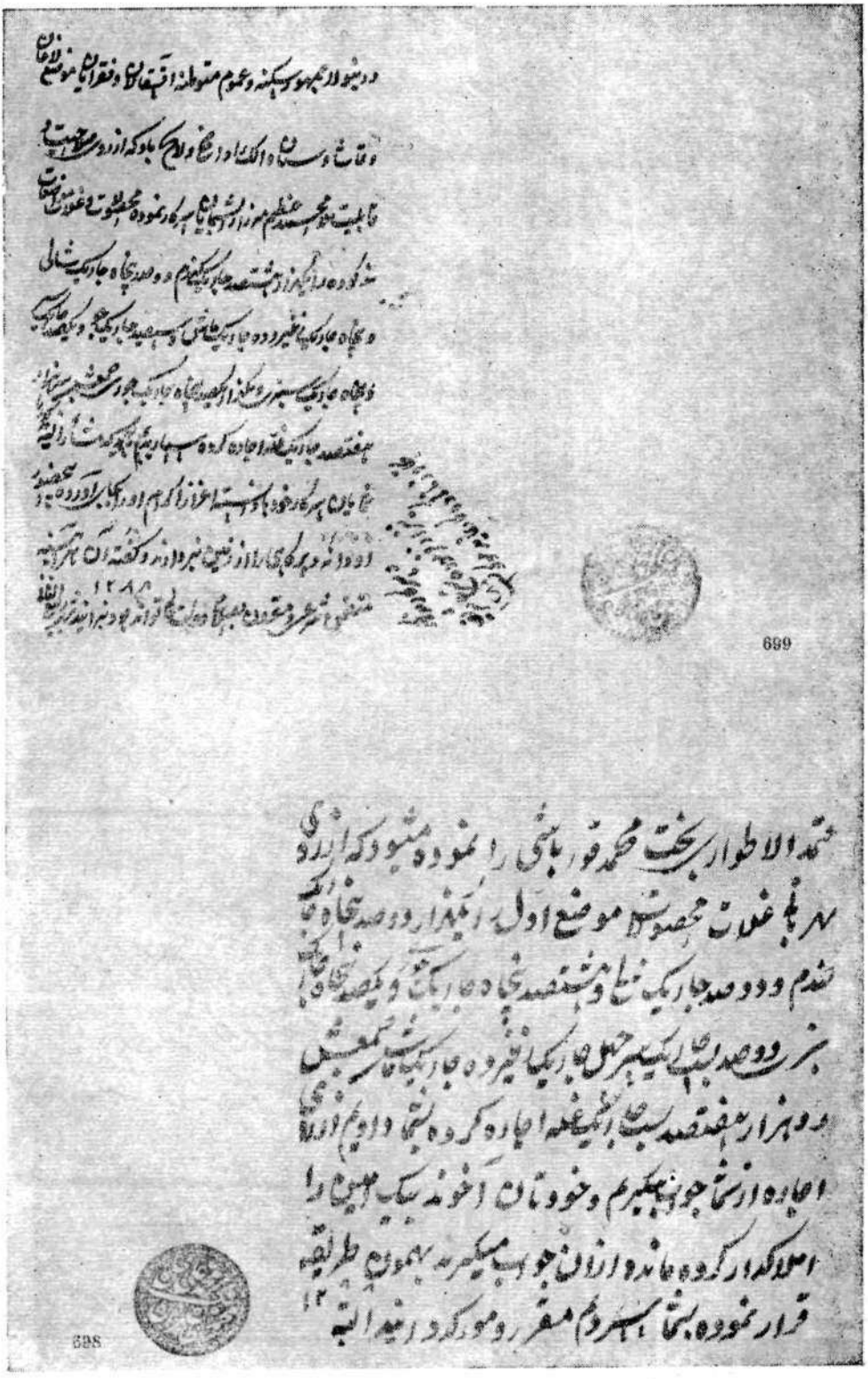
2514

2519

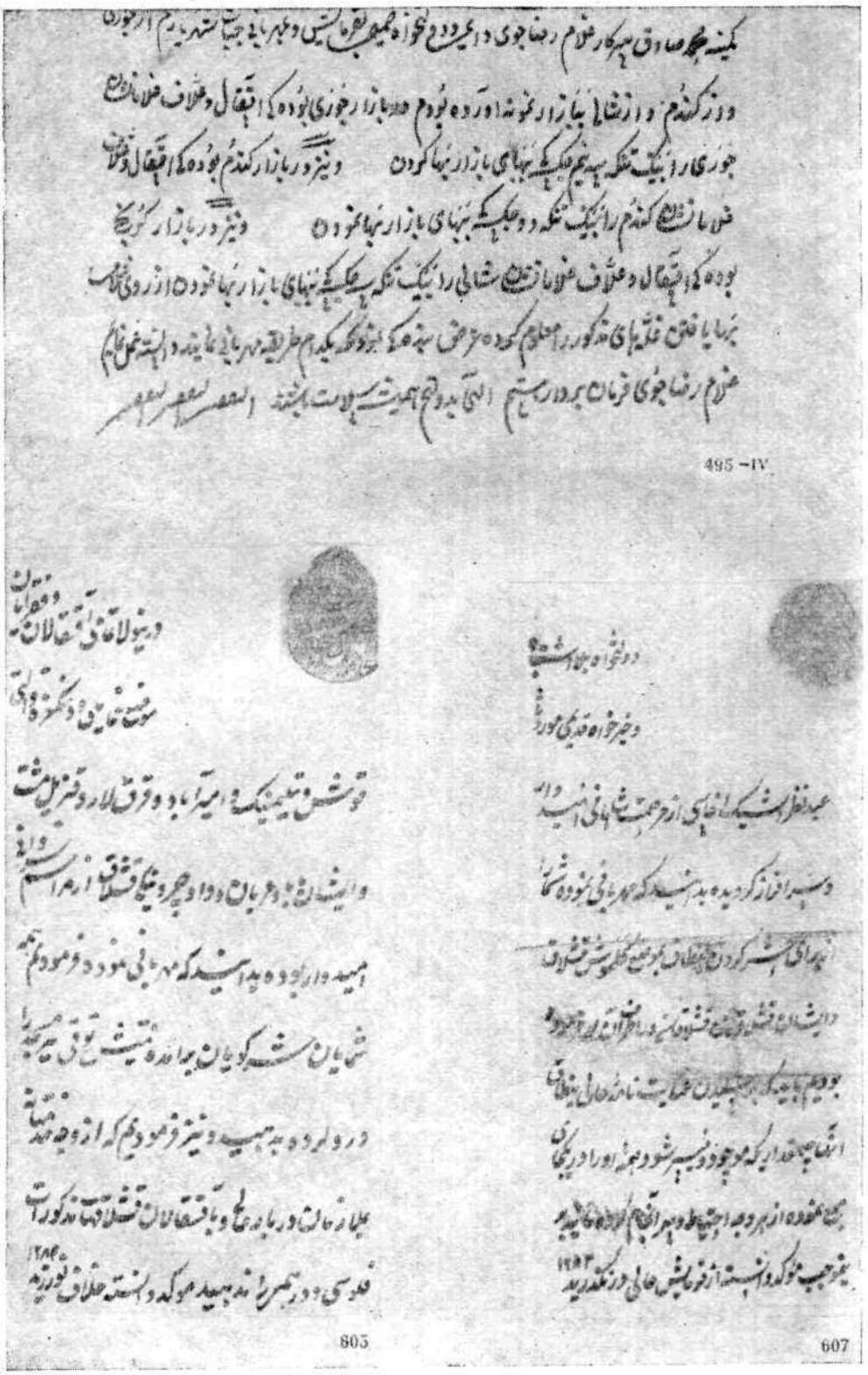
2799

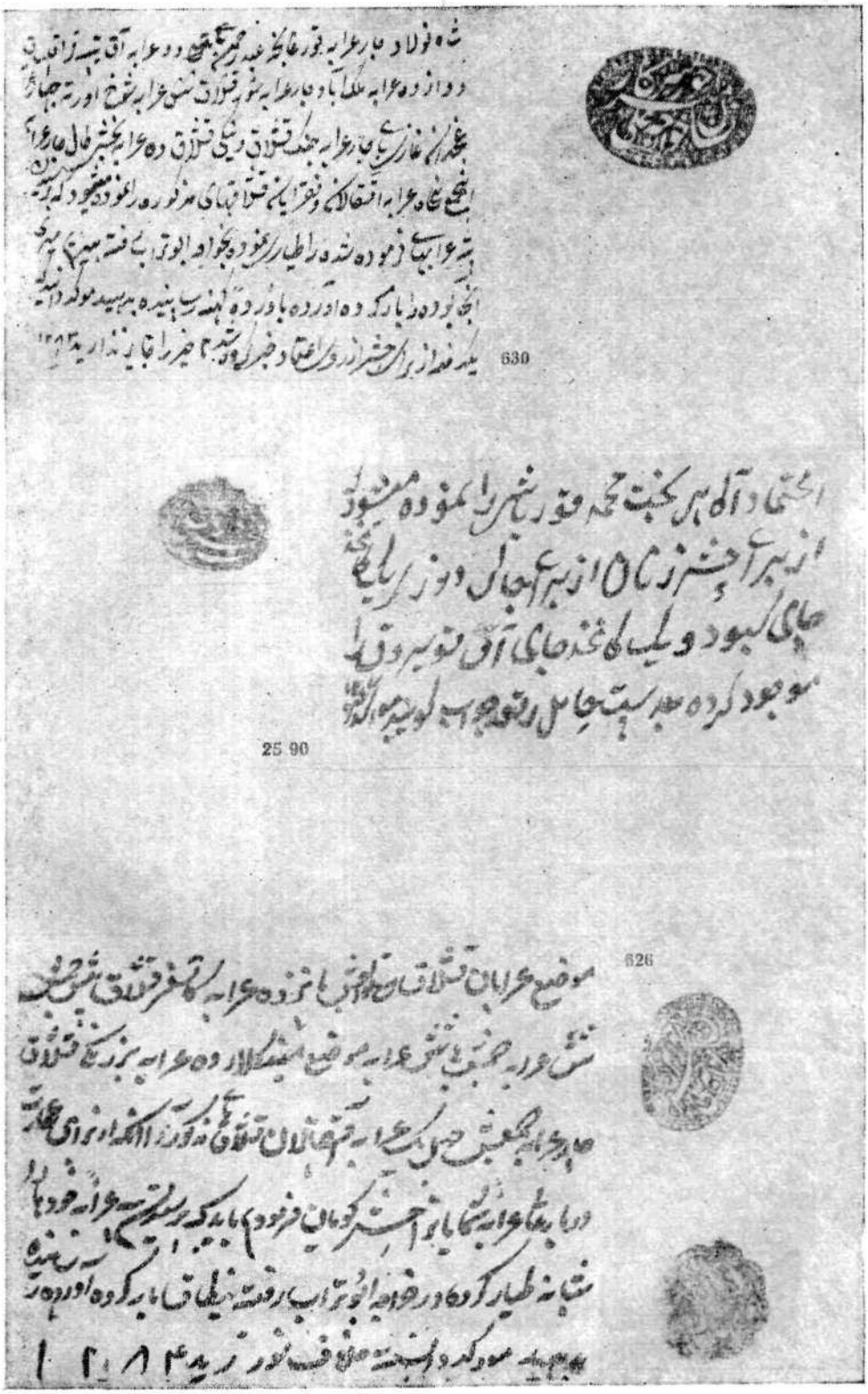
2548

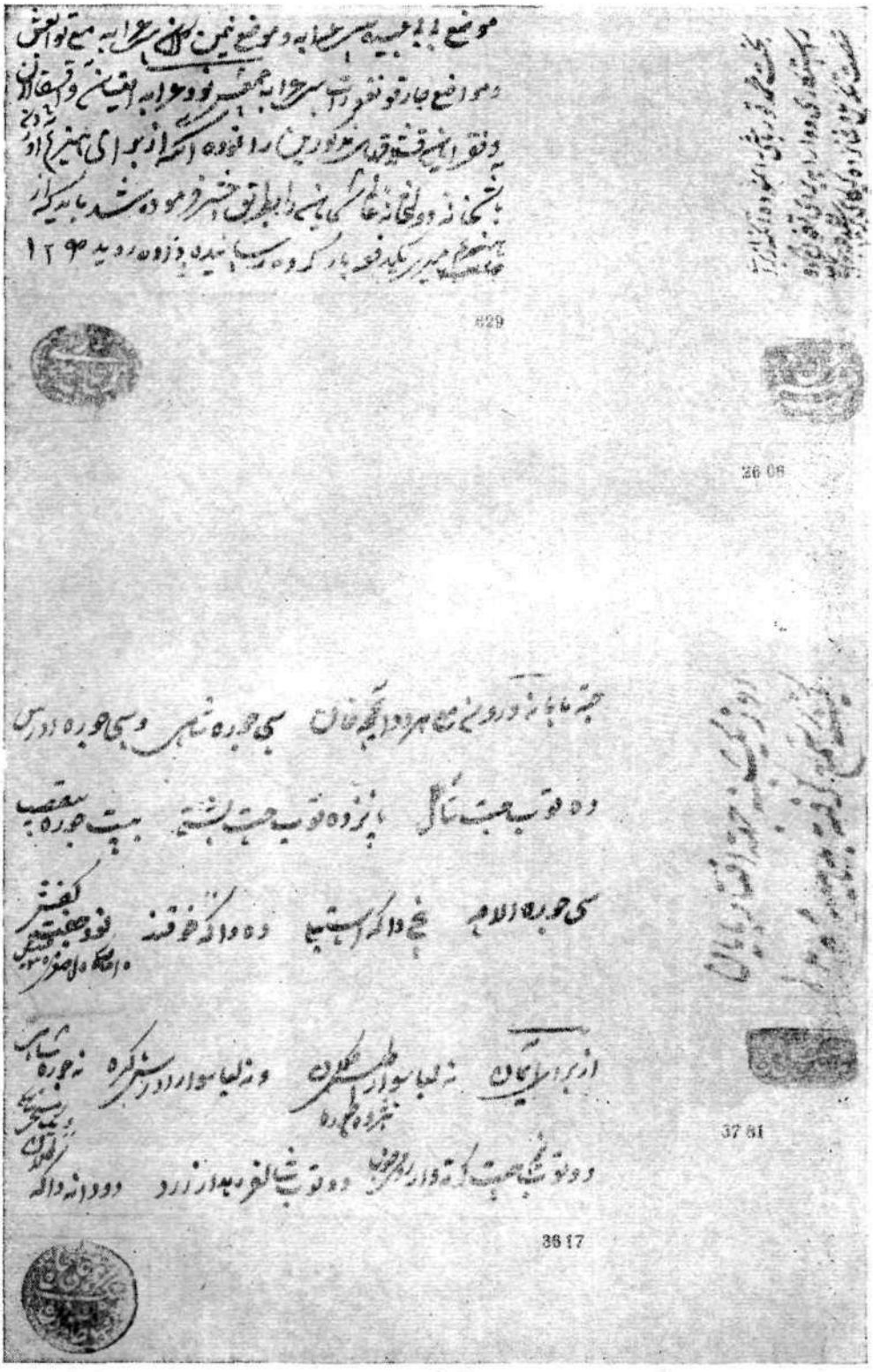
906

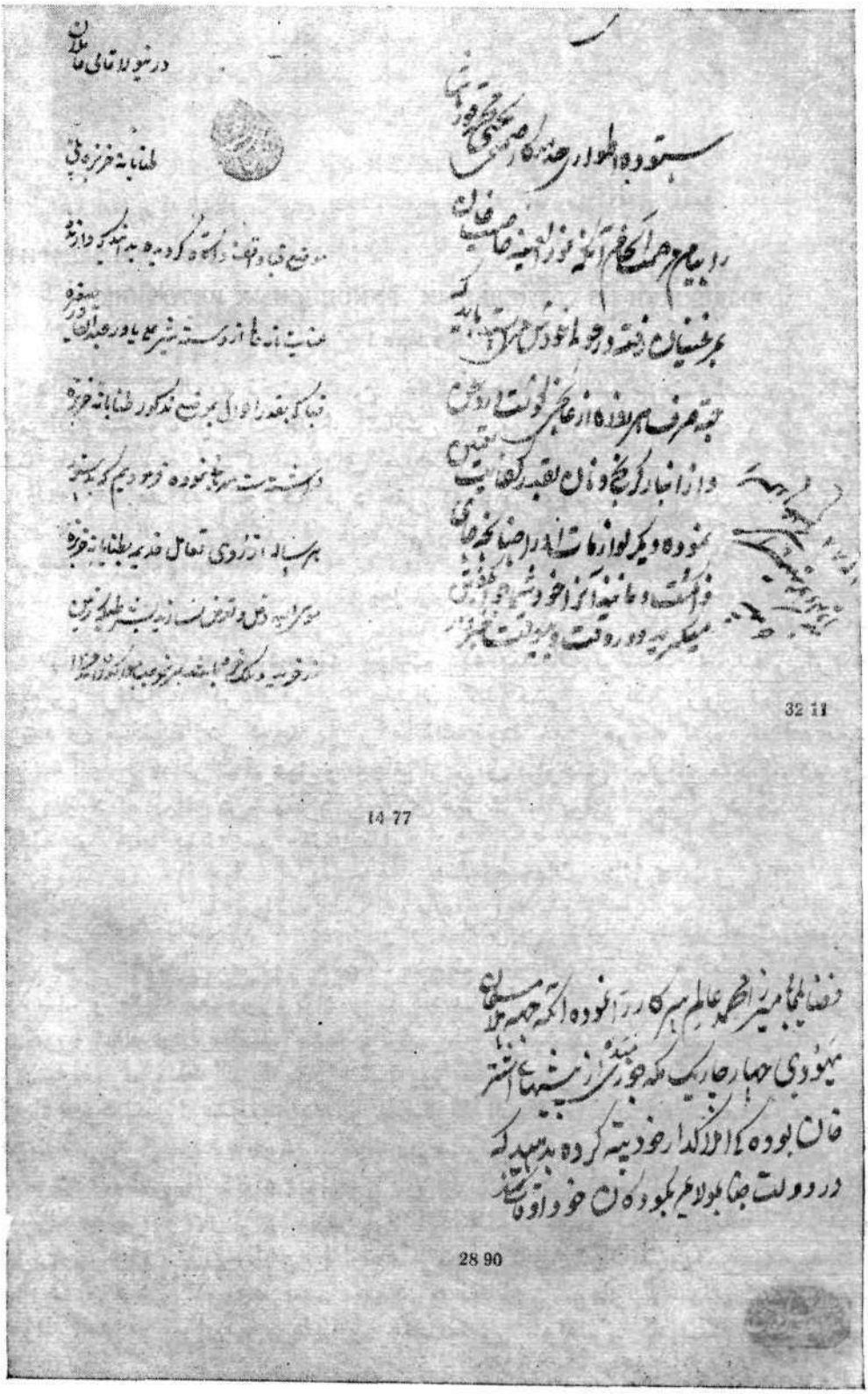


699









ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ

К главе 1

«ابراهیم خیال به تخت نشین خانان بچهار بالش عزت نشسته برواج حکمرانی مشغول گردید بعد از آسایش کار بهر کاری دست زده و در همه اشیاء طمع نموده باید که آسیاهای مردمانرا پادشاهی کند و از هر درخت سربلند خواهد که پنج یک گرد حتی که ازبرای خوراکی اندک گشنیز هاکه در حوالی میکارند از آنها هم چهار پلی و پنج پلی گرفته تعدی مردمان مینمود»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۱۶۳

«تا مدت یك هفته دوهفته نوبت به بندیان نرسید که بدفتر گرفته محبوس زندان گردانند و چندان کشاکشی دران روز نمودند که مرده‌های منغتان در کوچه بازار مانند تودهٔ خار بهرجاه انبوه افتاده بود وزندهٔ آنهارا بهادران قرغیز و قپچاق ازبرای فروختن ببازار میبراوردندی کس نبود که بیك درم بخرد از روی غیرت ترا بیك درم نخرد چکار کنم گفته در آنجا کشته میر فتند»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۱٦٤

«در دهه‌ٔ کان‌بادام که بهترین و آبادترین دهات خوقنداست تخمیناً پنج هزار خانوار مردم هستند دست غوغای جنود حوادث بتاراج مال بالا شد و ملك معموررا بباد یغما دادند و آن بی رحمان بسر آهوچشمان و حوروشان در ریختند حلیه و لباس از برایشان کشیدند و تمام فرش و بساط و مال اموال را بربردند زیور مع گوش بینی میگرفتند و موزه‌ٔ ازپای و دستار از سرمیبردند و آن سر بازان غلامان بی پر شیعه مذهب بر فاقت سر بازان خدا نا ترس... خاك بی مروتی در دیدهٔ مردمی پاشیده بدترین خصلت انسانی است که بظهور آورده آنچه در نفس امار و باطن ناپاك ایشان مضمر بود ازبی باکه درباره‌ٔ آن مظلومان بی گناهان ظاهر کردند و پری چهره‌های گل پیراهن را اولجه کرده بر کفل اسپان سروپا برهنه میبردند و زن مرد در کوچه‌ها بسم سمند اوزبکان و سربازان سینه شکافی بخاك خون آغشته خوابیده بودند و چند کس گواهی دادند که بچشم خود

.دیدیم چند زن سینه چاك بخون غلطیده مردهٔ خوابیده‌است طفل شیر خوارهٔ ایشان میخواست که از پستان مادر شیر خورد چزی نمی یافت پرتافته از ره کنارهٔ میشد باز گرسنه‌گی غلبه میکرد بار دیگر رفته به پستان مادر می جسفید چند دفعه حال بدینمنوال بود»

«منتخب التواریخ» صحیفه ۵۲ ــ ۵۳

«از برای استحکام کلام مواعدت انجام خویش بخان عالـی‌شان و امرأ سرتیه قسم و ایمان و کلام مجید ملك ودیان بمیان آورده بعدازان تقسیم ولایت و نسب سردار و سرکار مشغولی نموده چنان لایق و مناسب دیدند که مین بعد این قپچاق و این سرت گفتن را بر زبان نیاورده هر کدام از ولایت را لایق سرداری و مناسب آدم بینند منصوب نمایند»

«مرات الفتوح» صحیفه ۱۱۹ ــ ۱۲۰

«مدتی از محاصره و مجادله درگذشت و سرداران قپچاقیه و ایلاتیه و امرأ سرتیه دیدند که انتظام امور سرداری و اهتمام کار سپهداری بیوجود مسلمانقلی قشبیگی سرانجام پذیرنیست و مهام رعیت نوازی و چاره سازی عامهٔ برایا و مملکت مداری صواب نمای مشارالیه آرام گرنباشد بنابرین مقدمات جمیع اهالی و موالی اتفاق نموده مسلمانقل قشبیگی را از بند بیرون آورده بمسند سرداری سپهسالاری نشانیده کمر خدمتکاری بسته امر و نواهی اورا مطلع و منقاد گشتند»

«مرات الفتوح» صحیفه ۱۲۹

«این حادثه فاجعه چشم زخمی بود بر شاهد دولت قپچاقیه وبا وسموی بود برکشت زار امید این طایفه و بعدارین واقعه عظمی کبری رشته موافقت کساد شده و قواعد بنأ اتفاق و اتحاد رو با نهدام آورد درمیان ایشان صداقت و محبت بعداوت نفع شد و فرزندان و اقربا ایشان همیشه در کمین کین و فرصت میبودند و آفتاب دولت قپچاقیه رو بزوال و تنزل نهاد آخرالامر درسنهٔ مذکور افعال و اطوار مسلمانقلی نیز همداستان این معنی شد».

«مرات الفتوح» صحیفه ۱۴۰

«در ضمن این امر چندانی جبر برآن قوم نموده بهر جایی و بهر ولایتی کشتن که حد عدد آنها بحساب شماره در نیاید خصوصا عبدالقهار داد خواه حاکم بلیغچی چندانی کشته بدریا بر تافته که شمارهٔ یك شبهٔ آنرا هزار پانصد زیاده بقیاس می‌آوردند باقی مانده که بودن بهر کنجی خزیده بکوه غار فرو رفته و بسیاری از گشنه و تشنه‌گی مرده بدینمنوال سختی و بحال گرفتی میگذرانیدندی فرزندان و عیالان آنها در بدر کوچه بکوچه میگشتن حد آرای آدمی نبود که بران بیچاره‌گان راه پناه بد هد»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۲۱۹

«مسلمانقلی مرور و باغی را خدایارخان غیوربقتل فایز گردانید و سلطنت خوقندلطیف بالاستقلال بخدایارخان قرار و آرام یافت خان زاده و توره زاده های ولایت در اطراف و اکناف و نفس ولایت میبودند بنابر استیلا و تسلط مسلمانقلی سردر گریبان اختفا میبودند بخرد سالی و کم تجربه گی خان بمردم شایان و نمایان معلوم گشته از هر گوشهٔ غیرت و همت و بر جبلت هر کدام طاری و جاری گردید.»[1]

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۲۳۹

«در زمان آن روز بروز آثار فتنه و فساد سمت تضاعف و از دیار می‌پذیرفت و میان سلطنت و امارت خواقند لطیف مقرون با اختلال میگشت و از روی تغلب دولت تظلم مابین امراء و وزرا حکومت مملکت بطریق اشتراك بر همه مطلق میبود بدین سبب هرج و مرج موفوربر مناظم امور جمهورراه یافت عنقای فراغت و امنیت بیك باره گی روی بمغرب اختفا و احتجاب نهاده ودست رقوت و اوباش بدامن عرض و نوامیس رعایا و برایا در از گشته خود بیداد از نهاد بلاد و عباد از جفای روزکار میبرامد و از خورد سالی عنان ملك بدست هر کس افتاده کارها بفقرایان میکروند جناب سلطانی ازان بیخبر میبودند»

«تاریخ جهان نمائی» ۲٤٦

«امیر ملهخان... بخدمت عالم‌بی ابن حسن بی ابن شاه میرزا بی قرغیز که پشت به پشت آن عرضهٔ وسعت انتباه جلوه کاه یکران آن سعادت نشان بود رسیدهٔ تفویض خودرا بزمام کفی کفایت مرام آن عالیمقام مستدعی امداد و اسعاد سپارید ... و آن... بقبول آن ملتمس مبادرت نموده مصحوب باطراف جوانب و خویش اقاریب شل سید بیک دادخواه و فولاد دادخواه و چوتن دادخواه ملا مراد دادخواه و قویچی بی و دیوانه دادخواه غیرهم که هر یك سردار چندین اورغ و ایماق قرغیزیه و جوم بغشبیه و قرغیز قپچاقیه بودن روانه ساختن که هر کدامی شمامع اوروغ لشکر خود بموضع قراسو که مکان ملا عالم قلی بهادر است جمع شوند»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۲٤۷

«برات بیك به نخوست ساعات رسید داخل اوراتپه گردید و چند روزی استراحت ورزیده بملاحظهٔ اطراف و اکناف نظر انداخت دید که همهٔ مضافات بند در بند محکم و مستحکم است و باطراف قلعه ها پر از سپاه و عساکر امیر ملهخان است حدی آرای کسی را مجالی نیست که از دروازهٔ اورا تپه قدم جرءت پش نهد که جوانان چابك‌رس همیشه بکمین از روی دست پران میبرند باینمنوال دید که کار قباحت است

---

[1] Подчеркнутые полужирным шрифтом места здесь и в других отрывках написаны другим почерком на старых местах рукописи.

بناءمل ان در فکر دقیق رفته هر چند بنظر خیال می آورد علاج کاررا نمیدانست درین اندیشه موسم بهار وقت کشت‌کار رسید ازینطرف دیبوبهٔ امیر دلاور و ازان طرف خوف حراسی فقرایان شور شرکه شته و ضرب توب و توپخانهٔ امیر بهادررا خورده بودند نظم. رعایای مسکین بتنگ اندرند - ازتنگی بکام نهنك اندرند - نه‌کاریست بیکارخون ریختن - نه کیشت دروکردن بسه بیختن - کلانان اهل شهر و صحرا به نیت بلوی و غوغا بخدمت برات بیك برامده عرض فرمودندکه وقت بهار رسید و آمدن امیر مله بهادرخان قریب شد و مدت هشتاد روز بلکه بشتر در عصر عبدالغفاربیك مایانرا محاصره فرموده چندانی بتهٔ توب تفنك گرفت‌که آواز آن هنوز از گوش، ما نرفته و صدای لرزهٔ ازاز لزلت الارض از دیوار های ما نا‌الوقت تسکین نیافته تیر توب بمشق بمحله و کوچه های ما افتاده خانه و حولی مسلمانانرا ویران ساخته از آنجمله ظاهر است یك تیر توب آن به نمازگاه افتاده حالا حوض چشمه چارده دردهٔ مله‌خانی نام براورده و از صلابت پر مهابت امیر کبیر طا قتهای ما طاق و دلهای مایان پرآب است‌که اگراین دفعه آیند حاجت به بیان نیست عالم‌را خراب و زیرو زبر خواهند ساخت‌اکنون عرض مدعا و کلام مایان این‌که از سه‌کاریکی‌را اختیار باید کردند اول آنکه مایان برای کشت کار برائیم محافظت مایانرا باید کنید دویم باره آنکه اگر سید مله بهادرخان عازم این صوب کردند از عهدهٔ جواب با صواب آن بگردن گرید سیوم آست‌که صلح خیر درمیان انداخته آشتی‌را اختیار ورزید و ازین هرسه قول بکدام آن بمزاق عقل شما چاشنی بخشد بجوابش مبادرت نمائیدکه بیچاره‌کان از کار بارش بی محل نماند»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۲۶۰

«در همین حین عالم بیك قرغیز و قناعت شاه تاجك بیکدیگر دعوای سرداری لشکر نکاه داری نموده مخالفت و مخاصمت آغاز نموده عالم بیک از روی حصومت‌قوشین اندجان و قرغیزیه‌را گرفته خود هارا دریک کناره کشید و معاملات جنك ولوازمات ناموس ننک‌را حوالهٔ قناعت شاه نموده دامن‌بی ناموسی را گرفته دامن ناموسی ننگ مردانگی را از دست داد»

«تاریخ شهر خی» صحیفه ۲۱۷

«ایلچیانیکه از ولایت فرنك و کابل و اطراف مضافات آمده چندین وقت منتظر قدوم خیریت لزوم‌خان صاحب الزمان میبودند هر کدامی بتار توقعای غیر مکررهای فرنگی، و طپانچه های غلطی و دوربین های عجایب نمای از حدمت‌خان گذرانیده بمراتب هرکدامی بسرافرازی رسانیده رخصت انصراف ارزانی بخشیدند»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۲۹۵

«کوز فصلی بلکه توخسن داخل بولگان وقتده میرزا احمد قوشبیگی امیرلشکر بولوب کیلوب شهر ایچیغه قمالوب یاتوب آلدی تا سرطان آیی داخل بولونگان وقتده شهری مرغینان قپچاقیه‌غه فتح نصرت بولوندی تا آنغچه شهر قمالگان قپچاقیه لشکری سونیک شهرغه کیلتورمس دان باشینی باغلاب قویگان و هم شهرغه هرطرفدان غله کیرگوزمایدور (اونیگ) ایچینده کته قوشون و سرباز و (اولارنیگ) آتلاری کوب (ایدی) اوشال قیمتچلیك قتغ کونلارده تورت باغ بیده بر تنگه و بر چکسه گوروج تورت تنگه و هر چکسه اون ایکی تنگه دان تا ایکی یاریم تنگه‌غه‌چه (کوتاریلگان ایدی) فقرا بیوه بیچاره‌لار احواللاری مشکل‌غه (توشوب) قالگان (ایدی) و قوشبیگی نی اوزی چیقیب اوروشمایدور هرکون ملا علی قلی امیر لشکرنی اوزی جنگ‌گا چیقیب آدم یوباردی ایرکك کیشی بارمو دیب میرزا احمد قوشبیگی سربازلارنی و هم تورت بیش عدد پانصدلارنی دشت‌غه چیقاردی و توفچیلارنی بویوردی چاغلاب پیوسته آتوب اوروب تور دیب خیری محمد و جامه‌دارغه امر قیلدی و کیرگیل دروازمسیده‌ن پانصد باشی ملاسلطان دادخواه عظمت نینگ هم بویوردی و مزار ایچلاریده‌گی همه میرگن‌لارنی سرداری ملا عبدالرحیم فنغازلیك هم شول میرگن‌لارنی ایشغه سالب تـوروبدور و قیپچاقیـه طرفیغه ملا علی قل امیرلشکر فرمانی بیلان بر کون ایلکاری نمنگان طرفیدن میننگ بای دادخواه یتوب کیلوب صدکاك دروازمسینی شول‌کون کیلوب قماب اول هم مرغینانغه توف آتوب قیستاب توروبدور. حاصلی اوشه‌ل کونی قتیغ اوروش بولوندی قپچاقیه مردلیغی‌نینگ کورساتیب قویدی شونچه کوب سرباز بادیر بادیر ملطیق‌غه توتوب توروبدور صحرا یوزی آتش بولوب کیتی اولاً شونچه آتوب تورغان سرباز ایچیغه قپچاقیه بر اوزینی اوردیکه سربازلارنی بوینینی آطنی تقیمیگه باسیب آلوب سودراب امیر لشکرنی کوزیغه توغری قیلدی قاچالماسدن قالگان سربازلارنی قولینی ارقه‌سیغه باغلاب تمامیسینی مثل گوسفند سویوب تشلادی بعضی‌لاری مزارنی ایچلاریغه قاچوب کیروب کیتی سونکره امیرلشکر امر قیلدی مزار چیفلاریده یاتکان میرگن‌لارنی پیوسته آتوب تورگان اوقلاریدین قورقماسدین بیك محمد قورجی باشی مزارنینگ ایچلاریغه باسیب کیروب میرگن‌لارنی بعضی‌سی قتل بولوب و بعضی‌لاری چهارباغلارنی ایچیغه قاچوب کیروب کیتی‌لار و اوشال ملا عبدالرحیم حضرت مزارنینگ تیغه‌ـ لاریغه شاتی قویوب چیقیب شاتی سینی تارتوب آلوب اوشال جایدان اوشلاب آلوب توشامیز دیب کیلگان قپچاقیه‌لارنی اوق بیلان نابود قیلدی آخیری اولدورورمیز دیب عهد پیمان قیلوب آلوب توشوب امیر لشکرغه تابشوروب دورلار و بولك پانصدلار بر مونچه اوروشوب آخیری شهر دروازمسیغه یقین کیلوب آلدیلا، اوشال کونی آته‌قل یوزباشی ایدی قپچاقیه‌نینگ شمشیرینی آستونده قالوب کته یرمدار بولوندی ایکی جاییدان ره‌یدی بری یوزی پشانه‌سیدان ینه بری بوینیدان یرمدار بولوندی

قپچاقیه‌غه بندی بولونکان جاییده آنی بهادر یگتلاری حمله قیلوب‌اجراتوب آلوب قاچدیلار... اوشال کونداگی جنگده همه بیلدیلار که قپچاقیه بیلان اوروشوب هیچ کیم آبرو آلالماس ایکان‌لیغینی بیلوب دوباره جنگیغه هیچ کیم چیقمادی و شهر ده قمالوب توروب آتوشتی اما مرغینان اهل‌لاری قیمت‌چیلیك توغریسیدان کوب قینالدیلار غریب بیچاره‌لارنی ناله و زاریسی حددان آشدی آخیری حضرت شیخ الاسلام داملاغه‌کیلوب عرض قیلدیلار که میرزا احمد قوشبیگی چیقیب اوروشسون اگرده اوحده‌سیدین چیقالماسه یورت‌نینگ بوشاتوب قویسون بول قدر کوب قوشون و توف توفخانه و سرباز و آطلار بر جایدا بیکار یاتوب یب یورتنی قیمتچیلیك قیلدی بیچاره فقرالارنی حاللاری جدا مشکل‌ده دور تا ایرته ایرته بیلان غچه قرایلورمیز و الا اوزیغه یوگورامیز و دروازه‌خانه‌نی قپچاقیه‌غه آچوب بیروب باشلاب کیلامیز اگرده علمالار فقرالار گا یارمندلیك برماسه‌لار الار کاهم یوگورامیز دیدیلار شیخ الاسلام بولك قاضی و امین و عملدار و قورباشی همه‌سینی حضورلاریندا وعده قیلدیلار بوگون قوشبیگی بیلان سوزلاشیب ایرته‌غه ایرته بیلان جوابینی سزلارغه ایتامن دیب فی الجمله تسکین تاپوب ایرته‌سی ایرته بیلان نماز بامداددین چیقیب تمام فقرا و غریب غرابا یتم و تول عاجزلارغچه یغلاب داد فریاد و غول و غولغوله‌سی فلك‌کا چیقیب قاضی گذریده شیخ الاسلام غه قراب یوگوروب ایش بی مزه بولادورکان حین ده بیکبارگی قوشبیگی کلاً سرباز عسکر و توف توفخانه‌نینگ اراسیغه اوزینی آلوب حشرقیامت بیلان قاضی گذریغه بیتوب کیلوب قالدی کوچه‌نینگ ایکی اطرافیداگی تمام تاملارغه و هر ایشیك‌غه (آده‌ملار) تولدیلار میرزا احمد قوشبیگی اوز کوزی بیلان کوردیکه فقرالار یخشی نصیحت بیلان توختامایدیلار و بلکه قیسی حایده خدایارخان‌غه تابع عسکر و سپاه کورسنك اوردیب حمله قیلادورگان فعلی بار خوب انیق فهملادی ناعلاج‌لاجرم قپچاقیه بیلان اوروشماقغه چیقیب کیتوب توروب‌من دیب جونات خوقند دروازه‌سیغه قراب جونات قالدی اما همه‌سینی ملطیقی اوقلانگان و شمثری غلافیدان چیقارولگان و نیزمسی قولونده طیار از کمالی فقرالاردان خوفی جدا کوب (بولگانیدین) شول احتیاط محافضت بیلان خوقندغه قراب کیتوب قالدیلار».

«تصنیف غریب» صحیفه ۲۹۲ ــ ۲۹۵

«جون لشکر بخارا از مرغینان در جنك اهل فتنه پای مردی نفشرده و از آمدن ایشان باین ولایات غیراز خراجات و مصروفات چیزی دیگر حاصل نشده بود مع ذالك از علما و اعیان و هنرمندان خوقندی و مرد-مان بخارای الاصل راکه اجداد ایشان به مملکت فرغانه آمده متوطن گردیده بودند باخاندان و عیال به بخارا اخراج شدند ازین وجوه اهالی خوقند برامرا و لشکر بخارا منحرف و مخالف گشته هرروی و مواجهۀ مردمان و لشکریان بخارا در هر جاکه دوچارمیشد زبان طعن و ملامت دراز نموده اگر بخارایان جواب داشت مقابل آن بازدادی خصوصت و

عربده آغاز کرده از طرفین مردم کثیر جمع گشته بجنك جدل غاید شدی چون امراء ووزرای بخارا براوضاع و اطوار نا مناسب رعایا و اهالی خوقند و قرای او واقف گردیده دیدند که از طرف اعداء بدوی بر سداین مردمان کوته‌اندیش بر سرلشکر بخارا تعرض و هجوم خواهند کردن».

«تاءریخ جهان نمائی» ورق ۲۹۹

«ملا علی قلی امیرلشکر خوقند دارالسلطنتیغه مستقلا اوتوردی و جمیعی خواه صارتیه و خواه قیچاقیه و خواهی قرغیزیه و ترکیه هر جماعه و هر قیسی سیننك سردارلاری تمامیسی کیلوب ملازمت قیاوب سلام بروب دعا قیلوب امر فرمانیغه باش قویوب اطاعت قیلدیلار و امیر لشکر هم بولسه هر قنچه خصوماتی بار بولسه تشلادی همه‌سینی مرحمتده برابر کوردی»

«تصنیف غریب» صحیفه ۲۹۸

«قلاء بان ولایت و مفسیدان کثافت بچندین سال قبل ازین شعار وظیفه خوری کافران شده وعده وعیدو بشارت نوید داده ولایت را پش کش کافران کرده بوده اند و دروازهٔ شهررا بروی مسلمانان چون سد سکندر مظبوط ساخته و از چندجای سمت دیوار قلعه‌رخنها انداخته کافران را دراورده‌اند»

«تاءریخ جهان نمائی» ورق ــ ۳۰۸

«دران وقت جامه‌دارنام افغان نایب دارالاماره بود توپچیان دارالا مارهرا بفرمود توپهارا در برابر توپهای کفره در طویله کشیده آنش سردادند کافران گمان بردند که مگر توپچیان این فرنگی بوده که توپرا برابر قاعدهٔ فرنگیان کار فرمای دارد الحال از توپ بتنك آمده بر عقیب بازگشت نمود»

«تاءریخ شهرخی» صحیفه ۲۷۰

«چون مدت قریب شش ماه بپای تخت شاهی نشسته شب روز سعی بلیغ از برای ساختن اسباب نیزه و تیغ چه استایان نادره‌کار ومانی سفتآن روزکار از هر ولایت و دیار جمع آورانده و باندك وجوه مقدار هفتاد و هشتاد توپ جنگی طیار و مهیا ساخته و چند هزار تفنك سلطانی هشت وجب وده وجبی بهم رسانیده و از بابت تیرو یراق و اسباب سپاهی گری باشد عدت وعددش بمحاسبان اهل حساب نخواهد کنجید وباین سلطنت و بفرغبال خاطر و خواهند که بر سرآن مکدران روانه کردند»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۳۱۷

«یکباره خوف و دهشت از فقرا خورده آنچنان اسباب و اوسکنهٔ پادشا- هی را پرتافته قراین یك فرسخ شهر گریخته برامدند و این خبر ببعضی

اوباش بی باش مردم رسیده شباشب رفته درون اورده را تلف و غارت میکردند»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۳۲۲

«که آخر در امد بملك پدر ندید او ز آبادی در ملك اثر
نه اسباب آلات توب تفنك تهی از خزینه نه اسباب جنك
گرسنه شده جمله در پچتاب بگردید ملك رعیه خراب.»

«تاریخ شهرخی» صحیفه ۲٦٦

«باقی که پراکنده بحواشی مملکت مانده بودند در قبیله بسرداران خود چنانچی عبدالرحمن آفتابچی باروغ خود و پسر محمد یار قوشبیگی بقبایل خود و ولد کریمقلی دستورخانچی بایماق خود و تاش قرا بتوابعات خود و سرمساق دادخواه قرغیز بلشکر خود رسیده فرقه فرقه و توپ توپ مع نارتوق و پش کش خود رکاب حضرت را بوسه داده میگذرا نیدندی»

«تاریخ جهان نمائی» ورق ۳۲٤

«خان نینگ دولتیغه برکت پیدا بولوب و دولت قدیمه‌سیدین مینگ درجه زیاده بولدی اطراف و جوانب لارنی نظام کا آلیب شریعت کا رواج بردی علمالارنی اعزازینی بجا کیلتوردی و اهل قلم میرزالارغه رواج بریب الارغه کوب اعتماد قیلدی ایرسه خزینه‌سیغه برکت حاصل بولدی و ینه ملا عسی اولیانی , بازارغه سرای و دوکان قیلماقله متصدی ایلاب فرمایش قیلدیلار و تمام قلمروده گی بازارلارغه دوکان جدید ایلاب بادشاهلیك قیلدی و ینه محمد علی خان شهیدنیك اوردمسی ویران‌بولوب باغ زمین دشت بولوب قالغان ایردی ایرسه انکا ارك و عمارت بیوردی تعامل و رسم بخارانی جاری قیلیب برنیچه محرملارنی عرضه‌غه متصدی قیلدی بیوه و بیچهاره‌لارنی عرضینی معطل قیلمای سورادی اسباب توپ توپخانه‌غه درویش علی نی نایب قیلیب توپچی و سربازلارنی جمع قیلیب هرکون مشق توپ و مشق میلطیق قیلور ایردی توپچی و سربازلارغه رواج بریب اشکا سالدی»

«انساب السلاطین...» ورق ۱۱۳

«ایرسه خان‌نینگ دولتیدین فطور کیتی کوندین کون اطراف و جوانب لاردین فتنه پیدا بولدی انداق کیم اندجان تابعیده موندوز جماعه‌سیدن معمور دیگان قرغیز برنیچه قراقچی‌لارنی همراه ایلاب زکواة کا بارغان ملازملارنی تونوب اولدوروب پللارینی آلیب صرف قیلیب آدم یغیب جماعت بولوپ جلال آباد و خان آباد قشلاقینی چافیب و تاراج قیلغانیده خدایارخان اندجانده توروب اندجان عسکریغه فرمایش قیلدی ایرسه سرعت برله باریب مقابل اوروشوب قرغیزلارنی قاچور دیلار جمعیت‌لاری پریشان بولوب برنیچه‌سی اولوب و بر نیچه‌سی بندی بولوب قولغه توشتی و تنبه و سیاست اوچون برچه‌سینی اولدیردیلار معمور تیریك

قاچیب کیتدی و بر نیچه وقتدین سونك اوغری قرغیزلارنی جمع قیلیب و بر نیچه بی‌لارنی وسوسه قیلیب جماعت بولوب اوزگند قورغانیغه کریب شورش عظیم باشلادی»

«انساب السلاطین» ورق ۱۱۵ـ۱۱۶

«اولاً حضرت ایوب پیغمبر یوقاری طرفلاریدان قرغیزیه‌لار اوز اختیارلاریچه خان کوتاریب و هم معمور دیکان آدم خروج قیلوب خدایار خان‌گه کوب خدیك تشویشلیك سالاویردی خدایارخان اوکاسی مرعینان حاکمی سلطان مرادبیك‌نی کوب عسکر و توف توفخانه‌لار بیلان یوباردی (او) اصلا ظفر و کارنی تمام قیلالماسدین تاغلاز ایچیده کوب سرگردان لار بولوب باز قیتوب کیلدیلار و ینه ایکنچی (مراتبه معمور) کیلوب خدیك بروب بی سرانجام قیلدی (خان) باز عسکر و توف توفخانه و غلات کته اسکنه بیلان یوباردی تاغ لار آراسیده دوشمن‌نینگ تاپالماسدان نا علاج شکست ضررلار کوروب و بیگناه بولك قرغیزلارنی بندی قیلوب کیلوب همه‌سینی کوتلاریغه یغاج قاقوب خون ناحق لار توکولدی اوچونچی سفری همه اطرافغه شهرت تارقاب فولادخان دیکان همه قرغیزیه‌لارغه خان بولوب خروج قیلوب فلان موضع غه کیلوب قالدی دیب شهرت تارقادی»

«تصنیف غریب» صحیفه ۳۱۵

«زمانیکه خدایارخان سعادت نشان بطریقهٔ شکار و هم بطریقهٔ احتساب احوال فقرا و رعیت‌لاردین آگاه بولماق اوچون طرف اندیجانغه روانه ایلاب دولت تمام برله آطلانیب مرغینان باریب برنیچه کون استقامت ایلاب اندین بدولت تمام آطلانیب شهرخان باریب اندین اندیجان باریب بر نیچه کون استقامت قیلیب اطراف و جوانب دین احوال آلیب عرضه سورادیلار انداغ کیم ملا ترسون اعلم خجندی بر روایت جدید نو ظهور قیلیب بریب محروم میراث دیکان و بر نیچه عرضه‌چن محرملار جستجو برلا محروم میراث وثیقهٔ جدید و کهنه‌لارنی تافیب باطل قیلیب حکم ایلادیلار و بعضی علما و قاضی‌لاردین احوال آلیب شعریعت‌کا خلاف ایش قیلغان علمالارنی گناه‌لارین بوینیغه قویوب تنبه قیلدیلار و بعضی سینی عزل قیلدیلار اندیجان نی سرانجام ایلاب اندین بلیقچی باریب شول طریقه سرانجام ایلاب نمنگان باردیلار و بر نیچه کون استقامت ایلاب عرضه سوراب سرانجام ایلاب دولت تمام برله غانیم سالیم (بیلان) داخل‌دارا سلطنت خوقند بولدیلار هرکون عرضه سوراماقا اشتغال ایلادیلار ایرسه محروم میراث شایع بولوب کهنه وثیقه‌لارنی باطل قیلدیلار بول علما و فضلا و امرالارغه آنچه معقول بولمادی و انینگ منعیغه عرض قیلماقغه قادر بولمادیلار لاعلاج صبرایتی‌لار»

«انساب السلاطین» ورق ۱۲۱

«خان نینگ اوزلاری سرعت برله اوزگندگا باریب توشتیلار فولادخان تاغ اراسیده ایکان قپچاق و قرغیز و ترك و تاجیك کلان پشونده‌لاری جماعت

بولوب مصلحت قیلدیلار سوزلاری شول یرگا یتی کیم خدایار خان بی قاعده ایشلارنی برپا قیلدی و نیچه بدعت‌لارنی چیقاریب خلایقه ظلم قیلدی و ینه محروم میرات دیکان روایت نی عمل کا کیلتوروب شایع قیلدی بول و جه‌دین کوب مسلمانلار خانه ویران بولوب کفن گدا بولدیلار بولخان هیچ کمنی پسند ایتمسه و سوزلارینی‌قبول قیلمسه انکا سوز ایتور کا هیچ کیمده زهره بولمسه خلایق اطرافدین فتنه چیقارماغینی قویمسه‌لار اوز گوشتیمیزنی اوزمیز یبب اوز خلقیمیز برله اوروشوب کوب عظمت بهادرلار نابود بولوب کیتی‌لار بول قنداغ غفلت و قنداغ مسخره‌لیك دور دیب اغوای عام بولوب هر طرفدین آواز و غلغله پیدا بولدیکیم بزلار خاندین قایتوك بولك خان قیلورمیز ایمدی بزلارده طاقت قالمدی اگر ملا عیسی بزلارنی اتفاقمیزغه کرسه خوب و اگر کرماسه انی اولدورمیز دیب یکباره خدایارخاندین قایتوك دیب فاتحه اوقودیلار بول اثناده ملاعیسی خان طرفیدین بر نیچه عذر ایدی آنچه معقول بولمدی افتابچی ایدیکیم ای برادر اول بو سوز بزلاردین چیقیب آشکارا بولمسه کرك ایردی ایمدی لیکده خدایارخان مینگ جاندین بر جاننی تریك قویمه‌س اوز جانمیزنی اسرامك کا استوار و برقرار تورورمیز خدایارخانمیزدین مینگ مراتبه یوز اوگوردوك دیب ملاعیسی کا وحشت قیلدی. جان وهمیدین ملاعیسی هم اتفاقلارینکغه قبول قیلدیم کوب اتفاقدین چقماسمن دیدی شول زمان عهد پیمان قیلیب قرآن کوتاردیلار».

«انساب السلاطن» ورق ١٢٤

«... اوشال کونلارده پدریم ایکالامیز و هم عمکیم قریندداشلارنی کوروب فیله وقتی ایدی فیله آلماق اوچون چمیانغه بارغان ایدوق ایرته‌کی نماز بامدادنی اوقوب چای ایچوب توروب ایدوق چمیانلیغنی قرا مالاری بوکوروب و آطلاری کشناب وایت‌لاری حاوو واو ایتوب یغلاب غنیشوب چاقیروب و بو قندای حادثه‌غه دلالت قیلادور دیب حیران بولوب توروب ایدوق بیکبارگی بلند قیرنینگ تیفه‌سیده بی حساب توغ بیراق و الملیك لشکر کورونوب قالدی فقرا خلقی کوچه‌لارغه چق باسیب شاقون (کوتر-دیلار) آدملار مالاریني تاغ باغ راغ چقورلارغه یاشوروب کوموب و خاتونلار و قیزلار بیت‌لاریغه قرا سورتوب و اکثرلاری غازی بیکنینگ ایشیگینی تامیغه چیقیب یاشورونوب برکنیب توردیلار و منهم غازی بیك نینگ تامیغه چیقیب خاتونلارغه ارالاشب کوچه‌غه قراب توردوق دفعهٔ اول برکته قپچاق دادخواه ایکن اوز سپاهلاری بیله‌ن چاپوب کیلوب بو غازی بیك نی ایشکیغه کیلوب توشوب و یگیتلارینی ایشکینی اطرافیغه قراویل قیلوب قویوب اوزی دروازه‌خانه‌سیده توغینی بر کیشی اوشلاب توردی قوش دادخواه‌نی اوزی اطلارینی ایچکاریغه باغلاتوب سفه‌سیده اتوردی کین واقف بولساك بو ایشك‌غه داماد (کویاو) بولکان کته قچاق لاردین بولور ایکن بو ایشیك نی قوشوندان محافظت قیلماق اوچون امیر لشکردان با رخصت کیلکان ایکن اما بو غازی بیك نینگ اوزی کته

اوزبك‌لاردان (چقان) چميان كته‌سى بولور ايكن اما ملاقلى امير لشكر دفعته‌ٔ چميان كته‌لاريغه (قاراب) منگا مخالف (بولوب) خدايارخان نينگ ديدورمو سيزلار ياكه منگا تابيع بولاسيزلارمو اگرده تابع بولسنگيز تحفه هديه آلوب چيقيب منى يورت ايچيدان باشلاب اوتونگيزلار و الا جواب ايتونگيزلار ديب آدم كيرگوزدى چميان‌ليك اوز فقرالارى بولاميز ديب پيشواز تحفه هديه آلوب چيقيب باشلاب يورت ايچيدان آلوب اوتوب اوزاتوب قوندير ديلار باوجودى آچ قپچاقيه و قرغيزيه چميان‌نى تلان تاراج قيلديلار لاكين كوب شتاب‌ليك يوروب اوتوب كتى‌لار نامده سناب اوتوردوم جدا كوب ايكن لشكرى و خوقنددان آلوب چيقان توفلارينى عددى ۲۰ عدد ايكن و يره‌دار كيشى كوب ايكن»

«تصنيف غريب» صحيفه ۲۸۹ ــ ۲۹۰

«اما درپيش خدايارخان چندى از سفلگان خوقند جاى گرفته بودند آنهارا بردار بردار ميگفتند چراكه لقبى بآنـها داده مانـده بودكه يكى نيزه بردار و يكى را بوقچه بردار و ديگريرا آفتابه بردار و يكى ديگريرا موزه بردار ميگفتند سخن اين ها بخدمت خدايارخان مقبول بود همهٔ انيها از اهل حروفه وبازار بودند بعضى سماوارچى و بعضى ديگر علاف و نداف و بافنده و پاره‌دوز خدايارخان‌را احمق دانسته درپيش اوبـوده خوشامد نموده روزگاز ميگذارانيدند»

«خلاصة الاحوال» ورق ۱۲۱

«غلامانيكه از خداوندان بظلم آورده بودند بصاحبان آنها سپاريد بعضى آنهاكه بانقلاب سپهر شعبده باز از تظلم شاهان فقراتاز خيانت ممتاز سرخودهارا گرفته باين ملك آمده سر بيسر خودهارا بدامن دولت ابدمدت اورنك نيشان دارالخلافت پرتافته خدمتهاى لايق المرحمه وجان سپاريهاى لازم الشفقه از سر صدق بجا آورده بودند بر عتبه بوسئ بارگاه فلك اشتباه جا داده سرافرازى بخشيد و بعضى آنهاى‌كه شاهان بطريق تارتوق و هديه بـدارالاماره ارسال نموده بودند آنهارانيز بموافقت قابليت در هر در دروازه نامزد نموده بكارهاى اشغال سلطانى مأمور و مشغول گردانيد»

«تأريخ شهرخى» صحيفه ۸۷

К главе 2

«خدايارخان آخيرگى عصريده اوز غيورليك غيرت و اختيارى بيلان بيكباره‌گى منى تخت موروثيم‌غه اوتوركانيمغه جمعى ٤٠ يل بولوب‌دور شول ٤٠ ييل ايچينده هركيم مهروم ميراث اوز وارثنى قيلوب وثيقه قيلگان بولسه همه‌سينى بيكار قيلدوم وهمه قيلگان وثيقه‌لارى واقرارى بولونكان حكم‌لارينى بوزماقغه و همه وارث برابر تقسيم قيلوب وثيقهٔ جديد قيلوب آلماقغه حكم سلطانى قيلديم ديب جهل مسنديده اوتوروب

آلدی و منه ایمدی عالم‌نینگ بوزولوب غوغا توفلنگ و قیامت صغیرنی قوزغالکانینی کورونگ و کته علماء خوقند و مرغینان و اندجان و اوش و نمنگان همه‌سینی باشی توشکان تفکرده اگرده یغیلوب خانکا عرض بولوب «شریعت بوزولور و ویران بولورلار سونکره عالم و آدم خراب بولور و تخت بختیگز کیتار و همه‌لاریمیز پروردکار عالم قهر غضبی بیلان نظاره قیلسه قباحت بولامیز» دیب نصیحت قیلسه‌لار نهایتی غضبی کیلوب اورنیدان بیکار قیلار ایدی ویاکیم اورور ایدی و یاکه بولك سیاست‌لار قیلور ایدی هر خفته یریم هفته‌دان سونکره خدایم انصاف برسه پشیمان قیلوب قالور ایدی نزدی خدا و مخلوق عزیز مکرم بولوب شوندای صفحه روزغارلارکه تحریر بولونور ایدی و بوندای همت‌نی قلمادیلار قورقوب وثیقه‌لارنی یرتوب و تقسیم قیلوب ینگی وثیقه‌سینی قیلوب مهرانه‌سینی کەتته کەتته طلب قیلوب آلدیلار ولاکین عرض قیلمادیلار خوف حراسده بولدیلار اما بو خلاق شرع و خلاق قاعده ایشلارنی باشلاب قیلگان‌دان سونکره آنلارده‌ن بولونکان درامدلارنی اوزی علیحده کته خزینه بولوندی بو درامدغه قراب خان کوب شروع قیلدی حتی قاضی‌لار هم با دولت بولدیلار و نیچه وقتلارغه‌چه بولتوغریده‌گی ایشلار تمام تاپمادی خان و بیك و قاضی لارنی مشغوللیك لاری شول بولوب توروب ایدی»

«تصنیف غریب» صحیفه ۳۱٤ ــ ۳۱۵

«... وهمت عالی بر آبادی بلاد اشتغال فرموده بخدمتکاران مهندس شعار فرمان بنفاذ رسیدکه نهر بزرک از دریای اوزگند تا صحرای میانه مرغینان و اندجان حفر و جاری کنند در مدت چند سال محرمان بسیار در اتمام آن امر خیر سعی و اهتمام بلیغ بجا آرودندبعنایت آلهی آن مهم عظیم باختمام انجامیده در دامن آن نهر قریاً طرح انداخته شهرخان نامیدندکه الحال معمور و مشهوراست»

«انجم التواریخ» ورق ــ ۱۱٦

«درین اوقات بامرهمایون (امیر عمرخان) ماءموران مهندس شعار از نهر قراسو جوی براورده زمین های بی آب و میته‌را از آب آن جوی آباد و قابل مزرع کردند الحال چندده از آب آن معموراست یکی ازان دهات گوهردان است‌که الحال عوام کاوردان مینامند»

«انجم التواریخ» ورق ــ ۱۲۵

«بعد از اینکه بتاشکند رفتم دیدم‌که میرزا احمد بجانب اولیااتا قوشین کرده برامده بوده است و سه شبانه‌روز در پش اهل و عیال و فرزندان استاده پس ازان من نیز اراده پریافت میرزا احمد گشته عازم راه شدم در موضع اولیااتا مع یك دسته لباس میرزا احمدرا دیدم و دران وقت بزکواة ایلاتیه از قزاقیه و قرغیزیه ملا زمان فرموده ایستاده بود است و مرانیز بجمعی از آدمان خود همراه کرده بزکواة جماعه قزاقیه‌که در بالای قورغان مرکه میگشتند فرمود و لیکین دران زمان

ظلم او بطریقهٔ استدراج بالا رفته بود که انواع ظلم اورا در قید و تحریر آوردن از جملهٔ ممتنعاتست مثلا میشنید که فلان کلان ایلاتیه در درون گلهٔ اسبهای خود باین صورت اسب خوب دارد ملازم میفرستاد بوی که بخدایارخان نه اسب همان صورت از برای هدیه و پیش‌کش لازم شده‌است باید که از همان صورت نه اسب خوب یافته روانه کند و آن بیچاره را قدرت نبود که آنچه موجود بوده گی در دست خودرا بدهد درما باقی عذر خودرا بگوید بلکه آن اسب را داده بعداز آن برای هشت اسب دیگر جماعه بجماعه گشته دو عدد و سه عدد دیگر یافته و بان صنم کرده و از برای عذر نایافت چند توقوز اسبهای دیگر همراه کرده آورده داده خلاص میشد و باز شخص میگفت که فلان بای یك اشتر خوب باین صورت دارد بوی محاصل میفرستاد که بهمان صورت نه اشتر یافته دهد وی نیز همچنین صاحب اسب مذکور تصدیع ها و کاهش‌ها کشیده بهمان اشتر باز صد طلا دو صد طلای او برامده خلاص میشد و یا جماعهٔ قزاقیه راکه از قدیم‌الایام جای نیشتین بودن ییلو و قشلاو انها مضافات اولیااتابود میفرمود که کوچیده بضافات چمکنت رود و ازین سبب آنجماعه بیطاقت شده در میانه آدمها و مقرب های آن ظالم را بپاره و رشوه داده آنها بمیرزا احمد معقول میکر دند که هرچه باشد چهار هزار طلا جمع کرده دهد باز بجای قدیمهٔ خود باشد الحاصل انچنین تعداد ظلم او از عدد بیرون است و ذکر او مضیع اوقاتست این ظلم های اوکه بحد احصی نیاید از نظام و نسق حاکمان پیشینه بیرون بود واما بدرون نظام و نسق حاکمان پیشینه ظلم ها مندرج ساخته بود مثلا در وقت حاکمان پیشینه زراعت کاهی بوده که قزاقیه و یا قرغیزیه بآن زراعتکاه صد طلا میدادند میرزا احمد حکم کرده که دو صد پنجاه طلا دهد و در بعضی جاها حکم او اثلاثهٔ و ارباعهٔ هم مضاعف کشته و در بعضی زراعتکاها قزاقیه کل زراعت روییده‌گی را و برزه گاوهای خودرا فروخته دادگی به پل حکم او نرسیده دختر های ده دوازده ساله خودرا فروخته دادند و درسال آینده بی دستمایه و بی برزه‌گاو زراعت کرده نتوانسته بودند و بجماعه او آن پل مذکور راکه در دفتر حکم او بوده انداخته گرفت و اما در وقت پل گرفتن ازین وجهها ظلم ملازمان او این طریقه بودکه مثلا کلان جماعه‌را در بازار اولیا اتا میاوردکه از جماعهٔ تو پانصد طلا میروید همین زمان زر مذکور را یافته بدهید وی گوید که از جماعهٔ خود از ارباب و آقسقالان گرفته جمع کرده بدهم ویاازخانهٔ خود آورده بدهم ملازم میرزا احمد قبول نکرده میگوید که حالا در همین موضع یافته میدهی و الا درین جا آویخته زده بی آبروی میکنم و حال آنکه چندین او دیگرانرا آویخته زده استاد است آن بیچاره آنرا دیده طاقت نیاورده از دوکاندار ها زر طلب مینماید تا فرده از خانهٔ خود آورده دادن باجاره بدهید و بدست دوکاندارها پانصد طلا و شش صد طلا میرزا احمد داده مانده‌گی برای همین کار و تعلیم نیز داده مانده‌گی

ازروی تعلم او دوکاندار ها پانصد طلارا تافردا آورده دادن به پانصد تنگه میدهد اگر بدو روز ماند. هزار تنگه و اگر به روز تأ خیر شود هزار پانصد تنگه علی هذا القیاس ظلم او بهمین منوال تا مدت پنج سال و شش سال کشید»

«خلاصة الاحوال» ورق ۱۶۱ ــ ۱۶۳

К главе 4

«در افضل التواریخ مسطور است که در غربیٔ شهر خوقند تنگری یار سلطان بمطابق فرمایش پدر بزرگوارش آلتون بیشیک خان مهندسان و مردمان کاردان را دعوت کرده بحفر نهر بزرگی شروع نمود در مدت چهار سال باتمام رسانید موسوم بجوی سلطان آلتون بیشیک گشت که الحال درین زمانه به نهر نیمه‌نچه اشتهار دارد بتأریخ نهر شعرای زمان آلتون بیشیک سلطان قصاید و تأریخ ها برشتهٔ نظم کشیده اند از انجمله به‌یك فرد قناعت نمودیم آن است. سال اتمام جوبگفت خرد نهرخان زمانهٔ ما. حروف مصراع ثانی کلاً مادهٔ تاریخ شده که عدد هزار پنجاه هشت حاصل میشود»

«انجم التواریخ» ورق ــ ۲۶

«زمین هردو طرف جوی (آلتون بیشیک) که از آب آن جوی احیاشده بود درمیان مردمان بی زمین و طوایف بدویهٔ آن اطراف و نواحی که مثل سایر بدویهٔ در خیمه خرگاه اقامت میکردند علی السویه تقسیم کرده بزراعت و دهقنت و غرس اشجار و حرث باغ و اثمار امر فرمود در ده سال از ابتدا تا آخر جوی چند عدت دهات و قصبات خرد تشکیل یافت و انتهای آن نهر بدر یای سیحون میرسد که فی زماننا دریای سرمینامند»

«انجم التواریخ» ورق ــ ۲۶

«در زمان دولت و سلطنتش (سلطنت تنگری یار) دهاقین و هنر مندانرا از هر طرف و جوانب آورده تحریض و تشویق نموده کار خلافت و صناعت رواج یافت در موضع ترغاوه بکوشش و اهتمام او نهر بزرك حفر شده طرفین آن نهر بمردم بی زمین و بدویه تقسیم شده وادی غیرذی زرع و صحرای بی آب باغ بوستان چمن و گلستان گردید درین عصر آن نهر را مردم زمان کاتته سای مینامند که داخل شهر خوقند است.»

«انجم التواریخ» ورق ــ ۲۷

«شش نهر بزرك بحکم آن خان شجاعت و سخاوت پیشه (عالم خان) جاری شده از هر بلده مردم و رعای کثیربان مکان نشانده اسباب و ما یحتاج زراعت ایشانرا از خزینه اعانت فرموده آنجای فی زماننا موصوم بقریهٔ آلتی اریغ است که بزرکترین قصابات فرغانه است»

«انجم التواریخ» ورق ۱۰۱

«بحکم خان معدلت نشان (محمد علی‌خان) از در یای‌سوخ‌خط جوی کشیده شده صحرای بی آب میته‌را احیا و آبادان گردانیده کار خلافت و زراعت را رواج و رونق تازه بخشید بمرور زمان ازبرکات آن قریه‌ٔ کثیر تشکیل یافته است که تعدات و بیانش باعث تطویل است»

«انجم التواریخ» ورق ــ ۱۳۰

«بمقول بعضی اوزبکان با ینطریقه است که شهر خوقند دران وقت ترتیب نیافته بود و خواجکان در موضع جادك استقامت نموده حکومت بعضی بلادکه دران زمان درین اطراف بود مثل ثرغاوه و جمش بی جنکنت و پله‌خان و توقای‌تپه و پرتاك و تپه‌قورغان و قینار و امثال اینها چند کنت های دیگر نیز بودند (در تصرف انها بود)»

«تاریخ شهر خی» صحیفه ۱۷

«دران وقت امیر عمرخان از بهر شکار به یرمسجد برامده بود آن موضعی است یك فرسخ بجانب غربی خوقند درغایت خوبی و نزاکت قریب چهار هزار طناب زمین نیستان و کول و زمین شالی‌کاری افتاده است و برلب آن شکارگاه پادشاهان خوقند قصری بناکرده اند در غایت ارتفاع و بلندی و خانه های منقش ساخته اند ویك جانب چهارباغی است درکمال خوبی و گلهای رنگا رنگ شکفته و از هر جنس اشجار بی‌شمار و آبهای خوشکوار از هر جانب جاری و دران شکارگاه هر جنس شکار موجود و مثل قاز و مرغ آبی و سفل آن نیستان که بچهار باغ دیوانه اشتهار دارد دران جا مرغی دشتی بی حد حساب آن شکارگاه‌را پادشاهان خوقند چنان ضبط میکنند که کسی را هد آرای نمیباشد شکار کردن امکان ندارد و دران جارفتن محل توقف امیر عمرخان در وقت شکار گاهی بحرمهای محترم و کنیزان ماه پیکر دران مسکن کوچده رفته شکار میکرد و بعیش عشرت مشغول میشد»

«منتخب التواریخ» صحیفه ۴۳۲

«امیر عمرخان از بهر شکار به یرمسجد برامده بود و آن موضع است تخمیناً نیم فرسخ بجانب شمالی خوقند است در غایت دلکشا و فرخ افزا و جای شکارگاه است تخمیناً از چهار هزار طناب بلکه زیاده تر وسیع زمین نیستان و کول و شالی‌کاری افتاده و برلب آن شکار گاه قصری بناکرده‌ٔ خانان خوقند است در غایت ارتفاع و بلندی و عمارتهای عالی دارد و یك سمت آن قصر چهار باغ است در کمال خوبی و گلهای رنگا رنگ شکفته و از هر جنس اشجار میوه دارد و آبهای خوشکوار از هر جانبش جاری است قطعه: کل بکابل باده باشیراز رنگین میشود. زلف در ایران کمر در هند پرچین میشود. در خوقند هر جنس کویم بلکه ازوی بیشتر ــ وزتمنا شهر بشهر آشوب پرکین میشود. و دران شکارگاه از هر جنس شکاری موجود مثل قاز و مرغی

دشتی و اوردك و متصل آن نیستان تا بچهار باغ دیوانه‌که عبارت بلب دریای سیحون میرسد و پادشاهان خوقند هر سالی یکبار دو بار در آنجا رفته چند روزی استقامت ورزیده روز شکار شب عیش و عشرت می نمایند»

«تأریخ جهان نمائی» ورق ۱۰۳

«بو الغ نهرنی قازدوروب یوروب و عسکه دیکان موضع‌نینگ‌یوقاریسیغه چرخ فلك قیلوب سو آلیب چقامان دیب و قرلارنی لب لاریدین اریغ قازدوروب کوب یورت یورتلارغه مردکار سالب اشلاتوب و کوب مسلمانلار ضایع بولونوب و گورستانلارنی بوزدوروب هر جماعه اوز استخوانینی تاپوب آلوب بولك گورستانلار گا یبتکوروب کومسون دیب بویوروب اورنینی بازارغه و صحن‌غه قوشامان شهر قیلامان و اورده قیلامان دیب کوب وقیتلارغه‌چه صرف صروفلار قیلوب یوردی»

«تصنیف غریب» صحیفه ۳۱۳

عسکه ملکینده خان حضرت و سلطان بدولت اورده بنا قیلیب اول موضع فردوس‌نیشانینگ ارم مثال یورت قیلماق اوچون متوجه بولوب اریغ چقارغانینگ قصیده تاریخی اداسی دورور

چیقاردی تاغ‌اراخان زمان طویل اریغ
سوییني لذتی انداقکه سلسبیل اریغ
عسکه وادیسی منظورخان دریا دل
بولوب چیقاردی اول انداقکه ایردی نیل اریغ
اریغ یولینی سوییني یورورغه هادی بولوب
مسافتنده کیسیب خاره‌نچه میل اریغ
اریغ دیمانکیم ایرور جنت ایجره بر نهر
چیقاردی یر یوزیکا حضرت جلیل اریغ
اریغینی ایشلاغان ایل توب توبیغه بیردی سویش
وظیفه ایلکا بریب پوتکاریب جمیل اریغ
که مزد اوچون پل آلیب یورتینی هم ایشلاتب
چیقاردی ایلکاریلار ایلکا کوب ثقیل اریغ
کیل ایمدی تاریخی بابنده اوز کا سوز دیماگیل
نیچونکه کیلدی آنینگ بابیده دلیل اریغ
مسموع سمع همایونی بولغایکیم دلیل اریغ ماده‌ٔ تاریخ دورور. سنه ۱۲۸۰»

«تاٴریخ شهرخی» صحیفه ۳۰۲ ــ ۳۰۳

«روزی شخصی طالب علمی‌که همراه بنده در خوردی در مدرسهٔ خشتین در خوقند هم‌درس و هم سبق بود درامده بقوش بنده آمد و اورا و احوال اورا پرسیده ساعتی صحبت کردیم دیدم‌که احوال قوی دارد و از سلوك و طریقت بهره تمام دارد باز تفتیش حال اونمودم گفت‌که در موضع قلندرخانه استقامت دارم درپیش شخصی بزرك‌که نام آن شخص خلیفه

عزیز است علیه الرحمه ازمجذوبان حق است سبحانه و تعالی... روز دیگر هفت تنگه نقره یافته بز یارت آن بزرگوار بقلندرخانه که نزدیك بقوش من بود درامدم... اکنون مشایخان نقشبندیه هم شخصی‌را میبافتم که معمر وسن میبودند دست انابت داده تلقین ذکر ازان بزرگوار میگرفتم پس ازان

ازروی مهربانی شان تلقین ذکری که باین بنده فرموند بآن مشغول میبودم... جنا بشان هم بذکر جهر سلطانیه یسویه اکثر مشغول میبودند و از وجه دست کسی را گرفتن هم بسیارراغب نبودند بسیار کسیکه از برای طلب آمدست رد میکردند... پشتر ازین در ولایت نمنگان که وطن اصلی شان است درآنجا بودند پس ازان مسلمانقلی که سرسردار دولت قپچاقیه بود در خواب خود دیده و یا از صاحب حالی شنیده که مربی وی این بزرگوار است بنابرین این کس‌را مابین دوآب که از جملهٔ مضافات ولایت اندجان است برده و جای باشش خوب دران موضع برپا کرده وظیفه‌های بسیار تعین کرده مانده بوده است و بعد ازان خدایارخان جنابشان را شنیده ملازمان معتمد چرب زبانرا بجنابشان مع هدیه و تحفه روانه نموده و از سبب بسیاری ملازمت خدایارخان توجه خاطر خودرا بجانب خدایارخان متعلق گردانیدند و بعدازان که دولت قپچاقیه بر هم خورد و حکومت و سلطنت بدست او تعلق یافت و جنابشانرا تکلیف کرده آورده در موضع قلندرخانه نشانیده مانده بود قریب هزار جاریك خوقند غله‌میروییده گی قشلاق را که بسنك بخارا پانصد من میباشد داده بود... از بعضی احوالاتشان بمن روشن کردید که مربی تربیت کنندهٔ خدایارخان همین کس است اکنون درپی مراد و مقصود خود تك و پو نمودم که شاید موروی یابم که رای و خاطرشانرا از خدایارخان بر گردانم و ازان سبب مدعای من حاصل گردد و ازین وجه بقلندرخانه بسیار میدرامدم ووقت آنرا می پاییدم بعداز گذشتن چند روز وقت زوال آفتاب بود که بقلندرخانه درامدم دیدم که هیچ کس نیست و در سایهٔ درختی نشسته بودم در همان فرست مریدی از مریدان جناشان را از حرم برداشته براورد زیراکه در اعضای تناسل شان در وقتهای پیش از زوری ریاضت ورمی پیدا شده بود که الحال اورا در عرف این زمان و به میگویند الحاصل آمده بسایهٔ درختی قرار گرفتند و فرمودند که امروز در جوی قلندرخانه آب پیدا نیست بنده گفتم که خدایارخان همه آبهای محله هارا در سای کلان بسته است بطریقهٔ بازی که سرکار

اوکه در لب سای عمارت نوکرده بود است آن عمارترا بآب غرق میکنم همهٔ اهل محله ها هم از بی آبی به تنك آمده ملول شده استادند ازین سبب فی الجمله رنجش خاطر بجنابشان پیدا شده فرمودند که اگر مارا آب ندهد ماهم اورا پرتافته میرویم واقعا احوال خدایارخان درانروز همچنین بود پس ازن مدث مقدار پانزده روز گذشت که عید قوربان رسیده آمد نمازگاه خوقند و مصلی عید او موضع قلندرخانه بود ودران روز بنده هم درامدم که حضرت ایشان مجذوب به بیرون مسجد حجرهٔ راکه یکی

از خلفاشان برپاکرده بود دیوار آنرا برداشته هنوز سقف انرا نپوشیده بود جای نماز انداخته مع جمعی از مریدان حاص نشسته اند و من هم در آنجا درامده در پشت مبارکشان نشسته ام وقتی شدکه خدایارخان آمد آمد گفتند همه در بیرون بوده ها از جای خودهابرخواستند بعضی ضوفیان سبکبارکه در بیرون حدیقه بودند بگوش مبارکشان رسانیدندکه تقصیر خدایارخان آمد دفعهٔ اول دم نزدند و بار دیگر تکرار کرده گفته بودکه فرمودندکه من خدایار خانراچه کارکنم و حال آنکه خدایارخان عادت داشت‌که هر وقتاکه همچنین ببهانهٔ نماز عید و جمعه آمده اول حضرت آیشان مجذوب را زیارت میکرد بعدازان بکار دیگر مشغول میشد درین مورد عادت خودرا ترك کرده اقل حضرت ایشانرا بپرسید و بعد از اتمام نماز نیز بی پروا برامده رفتن گرفت امروز آن سعادت را نیافت و بخت او یاری نداد‌که بان دولت عظمی فایز گردد و ازین سبب رنجش خاطر حضرت ایشان مجذوب نیز زیاده گشته بعداز اندك روز بجانب اندجان برامده رفتند»

«حلاصة الاحوال» ورق ۱۵۵ ــ ۱۵۹

К главе 5

سراین ملك را بپایهٔ چرخ — تو رساندی بزینت بازار
بود بازاریکه سیس خانه — لطف توکرده رستها گلزار
رستهای‌که همه خلد آیین — درشفکت همچوگل بفصل بهار
باز درجوف این سرای صغیر — منظر خجرها همه در بار
این عجب ترکه یك سرای‌کبیر — خانهاچون خزینه است پربار
در پش کرده نیز پنبه سرا — مع کپان مثل و سعت دار
غیر آبادی ولایت نیست — بر ضمیر شه ولایت دار
نیك نامئ این بلاد مراد — از سرای دکاکین گلدار
همهٔ شهر ها باین ترتیب — کرد آراسته شه ابرار
یکی از نادر کرامات این — ای ظریفان بخردی هوشیار
این بناهاکه گشت مستظهر — همه درنیم سال شد اظهار
اثرات ولایت خان است — آمده در وقوع این همه کار
گر بکردی خوانین ماضی — از عمارات قصر یا بازار
نارسیدی بنا بتکمیلش — تا گذشته زسال ماه چهار

«تاریخ شهرخی» ورق ۲۸۱

«یتنچی... ایسکی مرغینان لیك ملا بابا یارمیرزا سلیم بای صوفی اوغلی دور و بوکیشی اوز یاشلیك وقتیده مدرسه‌لارده تحصیل علوم قیلیب یوروب وبالاخیر سلطان مراد بیگم خدمتنده انبارخانه‌غه متصدی میرزا بولوب یوروب آبرو تاپوب و چند سال اورده ایچنده بولوب و اندان صونکرا ایسکی مرغینان قورباشیسی بیلان توروب و اکثر گی پادشالیقغه

در کار در کار بولادورغان نمیرسه‌لارنی طیارلاب بیریب تورورغه و هم همه کته بازارداغی کلاً ترازولارنی اجاره قیلوب آلیب و هر قیسسینی تیفه‌سیغه اوزی سرکار و میرزا قویوب دولتی قوی وسیع بولکان وقتده اوروسیه دولتی کیلیب داخل بولونگان دان کین هم اکثر گی کته ایشلارنی و همه شهرلارنی ترازولارینی بو کیشی پادرت قیلیب آلوب همه‌سینی تیفه‌سیغه سرکار میرزا قویوب یوردی و کوب هر خیل آدملار نفع کوروب دولتمندلیك مرتبه‌سیغه یتتی و بوندان باشقه کوب کته ایش‌لارغه متصدی بولوب و آخر گی مرتبه‌ده بو ایسکی مرغینان کته بازاریداگی سلطان مرابیك وقف لیککا تعین ایتکان پخته سرایینی تا یگرمه بیش یللیك پادرت قیلیب آلکاندان کین مذکور سرایینی بوزوب همه‌سینی بزازلیك رسته‌لار بنا ایتوب بازارنی آباد قیلدی»

«تصنیف غریب» صحیفه ٤٣٧ ــ ٤٣٨

«درینولا تمام بایعان و مشتریان سنك آسیایی تابعات ولایت مرغینان و بموضع کبوترخانه واقع و آگاه گردیده بدانید که مهربانی هما یونی را درباره دیانت آثاری ملا میرزا یعقوب بای آقساقال استایان سنك آسیا میبریده گی ارزانی داشته تمام بایعان و مشتریان سنك آسیا خریدو فروخت میکردگی هارا دللال گردانیدیم باید که یك تنکه یك تنکه از دو طرف میگرد فی شهر شعبان سنه ۱۲۹۱»

«تصنیف غریب» صحیفه ۲۳۳

«ابراموف جاندرال کیلگاندان سونکره ینگی مرغینان شهرینی بنا قیلدیلار اولا اوروسیه‌کا و مسلمانیه‌غه چیك قیلیب بیردیلار آباد قیلماق تردودیغه توشدیلار اما مذکور اویازد حاکیمی بیکچورین اولاً سلطان مرادبیك وقتیده گی دفترلارنینگ یوخلاتوب تاپوب آلوب و هم اوشال‌وقتده خدمت قیلگان میرزا و سرکارلارنینگ یغیب وطنا بکش‌لارنینگ چیقاروب طناب شرعی (بیلان اولچاتوب) دفتر قیلدوروب آلدی و هم سرکارلارنینک هر قیسی قشلاقده سرکار قیلوب و هم آنلارنینگ هر بریغه برته‌دن میرزا تعین قیلوب یوباروب بیشدن بر خراج فرمان کوته‌ردی... سونکره خراجنینگ قداقغه حسابلاب پل آلورغه بویروق چقاردی... بر آزدن کین بولارنی تارقاتوب یوباردی»

«تصنیف غریب» صحیفه ۳۵۲ ــ ۳۵٤

К главе 6

«تأریخ وفات ملا خدایار زرگر استروشنی که در پیشهٔ این صنایع صاحب کمال بود و در حرفهٔ زرگری بی مثال و در بادهٔ خوقند که دارالسطنهٔ ملك فرغانه است تعلق و موطن داشت چنانچه در آوان سلطنت عالم خان شهادت‌نشان و عمرسلطان جنت مکان سرکار صاحب اعتبار

بود تا در ایام دولت محمد علی‌خان بس پری رسیده رخت رحلت از ملك جهانی فانی بدار باقی جنان کشید ۱۳۴۵»

«تواریخ منظومه» ورق ــ ۱٤

«... و ینه شول تاریخده (۱۲۸٦) جناب خدایارخان والدهٔ شریف‌لارینی وصیت‌لاری برله انالارینی ناملاریغه مدرسه سالماق بولوب ملا تردی علی میرزانی ایش باشی قیلیب مسجد جامع‌نینگ شرقیده مدرسهٔ عالی بناسیغه مشغول بولوب سهل وقتده اتمامیغه یتیب مدرسهٔ حاکم آیم نامزد قیلدی... بول مدرسهٔ حاکم آیم‌غه شهرخان اوستیده دریادن اریغ چقاریب خراجینی وقف ایلادی»

«انساب آلسلاطین» ورق ۱۱۵

К главе 7

«امرا و فضلا و یورت یخشیلاری اوردهغه جمع بولوب قورغان قیلماقده مصلحت قیلدیلار کریم قلی خلیفه دیکان محمدعلی خاندان قالغان آدم بار ایردی انی متصدی قیلدیلار خدای نظر امین و عزیز امین و رحیم قلی چایفروش و اون ایکی آغالیقلار جماعت بولوب اطراف قورغان نینگ نیزه برلان اولچهب محله محله‌گا موافق احوال تقسیم قیلیب بیردیلار اورینی قشلاق خلقیگا بردیلار و اطراف سرکرده‌لارگا هم بقدر احوال بیردیلار ایرسه همه از صمیم قلب ایشلاب قورغاننی سهل‌کونده اتمامیغه یتکوردیلار»

«انساب السلاطین» ورق ۳۲

«یار مزارلیك بر سپاه یساول منگا نقل قیلادورکه خدایارخان بو الغ نهرنینگ قازوب تورکان (ده) و هر قایسی شهردان کیلگان مردکار لارنی و قیتب کیتادورغان مردکارنی تیفه‌سیغه آته‌قلی بهادرباشی نی تعین قیلوب قویکان ایدی و اما منی آته قلی بهادر باشی کته سرا پرده‌سینی آغزیغه یساول‌لیك غه تعین قیلوب قویوب ایدی باتور باشی بو مردکارلارغه شول درجه‌ده قتیغ عذاب برادورکه اکثر گی قری موی سفیدلار چرچب دم آلوب تورگانی‌نی کورسه یا ایشیتوب قالسه درحال کلنك کا یاتقوزادور اتفاقاً بر قری کیشینی ایاغیکا بر مردکارنی کیتمنی تیکوب مجروع قیلوب دور اورنیدان تورالماسدان یغلاب اوتوروب قالوب دور اوزاغدان کیلایاتوب باتور باشینی کوزی توشوب آطینی یوکورتوروب کیلوب بلند آواز بیلان حقارت قیلوب نمه وجه‌دان اوتوروب سن ایشلا مایدورسن دیدی آنغه موی سفید کیتمن تیکان جایینی کورساتوب یغلاب توروب دور درحال بر فوج مردکارنی چاقیروب بویوردی سای‌نی تکیغه یاتقوز دیب مردکارلار یاتقوزدیلار اوستیکا تفراق تارتوب کوموب یوبار دیدی باسیب تشلادی‌لار باتور باشی کیتکان‌دان کین شونچه عدد مردکارلار

یغلاب کوز یاشلاریمیز توختامادی و کیچه‌سی بیلان دعای بد قیلیب چقدوق و من کونلکوم غه همیشه کیلتوروب اویلار ایدیم خان بیلان بهادر باشینی احوالی قندای بولور ایکن دیب درواقع آته‌قلی بهادر باشینی فقرا خلقی کوب خار و زار قیلوب چله اولدوروب تشلادیلار و خدایارخان و هم سلطان مرادبیك نی جسدی و اولاد اوروغلاری جسدی کوب خار بولوندی الا٭ خدا یارخان‌نییگ اوزی حج قیلوب کیلوب افغان یورتیداغی خلیفه دارالامان خانقاه‌لاریده فوت تابتی حاصلی کلام مذکور ناقل یساول‌نی سوزیغه قرالکانده الغ نهر آستی دان چقان سوتوختاماکان دان سونکره از برای سو توختاسون دیب نیچه عدد نامی توختاسون دیکان آدملارنی الغ نهر آستیداغی یرلارغه کوموب کوموب تشلاغان ایکن‌لار»

«تصنیف غریب» صحیفه ــ ۳۱۱ ــ ۳۱۳

«... من از ولایت خجند میباشم ولایت ما حدوسط ندارد یعنی کسیکه ملازم پشه‌گی بحاکم و یا امرا و وزیر میکند سبب آن بوی فی الجمله جایی پیدا میشود و یا عملی از اعمال سلطانی میسر میگردد و ازین وجه کسی را از عهده٭ زدن و کوفتن میبرامده باشد و این نو آدم در ولایت ما استقامت کرده میتواند و یا کسی باشدکه همچون سایر جهلا و عوام الناس‌که ازبرای پل محله و مردکار و معدنت آن اسباب کار اشتغال نموده ورزش کرده باشد آن جاهلان چنانچه سایرناس‌را بآن سبب دل سیاه همچون خود میگردانند محاصلان نیز آن جاهلانرا بر سر زده و کوفته همچون‌کاو و خر آنهارا کارمیفرمایند اما کسی باشدکه نه‌ملازم پشه‌گی‌کند و نه بکار پادشاهی و بعمل او آواره شود و یا سایر جهلاکه اولئک کالانعام پل هم اصل صفت ایشان است داخل باشد و هیچ وجه این دو فرقه نباشدکه حدوسط مذکورکه کنایه ازان است دران سرزمین استقامت کرده نمیتواند و همچون من بیچاره‌که هیچ یك ازان دو فرقه نبودم و یا ازلاویت باکشف و کرامتی‌که بقول دل بار اینهارا کشیدن حواوند تعالی باین بیچاره عطانکرده بود همراه والدهٔ بیچاره‌که بکنج خانه٭ خود از تنگی و گرسنه‌گی خزیده بودیم بر بالای آن جهلا ر قوم پل محله و مردکار گویان آمده بدل سیاهی این شکسته مشغل شدند بنابرین خودرا بولایت خوقند رسانیده بدرآن سپاهیان و وزرا٭ مذکور بوسیله٭ خط و نوسنده‌گی خودرا جایگیر کردم انیست حالات غریب و عجایبات احوال من»

از احوال گذاری یکی از محبوسهای دوری محمد علی خان به مؤلف «خلاصة الاحوال»

«خلاصة الاحوال» ورق ۲٤ ــ ۲۳

К главе 8

«جهان پناها

درماه شریف رمضان ازبرای شکار بموضع ایشان قشلاق نزول فرموده

در لب شور کول ایشان قشلاق درباره اینغلام مهربانی بنده نوازی کرده در هر قشلاق مردمان دولتمندو توانا و اشکم سیر یکه فقرا باشد و سپاه نباشد ضمناً روی‌خط نمای گفته مرحمت کرده بودند در آنوقت قشلاق‌بقشلاق گشته بکاری خدمتکاری خود مشغول شده از طرف قبله شهر مقدار دوصد دوازده نفر دولتمندان اشکم سیر وبای بچه هارا ضمناً روی خط کرده داخل دفتر نموده کدام وقتیکه جناب مولایم پرسه نمایند منظور نظر همایونی ام میکنم گفته کشته بودم الحال مومن پانصد غلا مشان از دفتر کمینه غلام خبردار شده خان حضرتم همان داخل دفتر بوده گی بای بچه ها را بمن مهربانی نمودند گفته آدم فرموده دفتر مذکوررا بد هد گفته تشویش داده استادمست از روی (غلامی) معلوم نمودمکه چه مهربانی می نمایند»[1]

[1] ЦГА УзССР, ФИ — 1043, оп. 1, д 2014. На лицевой стороне документа приводятся названия 86 кишлаков, по которым баи были секретно взяты на учет.

ДАФТАР (КНИГА) МАРДИКАРОВ (ХАШАРЧИ) ПО ЕР-МЕЧЕТИ
(«آنجه دفتر مردکاریر مسجد»)

№/№ п/п	Название селения	Требуемое количество мардикаров (хашарчи)	Сколько не прибыло	Количество арб
1	2	3	4	5
	В месяце сафар 11 дня (ماه صفر روز یازدهم)			
1	Минглар مینک‌لار	30	3	—
2	Туркман ترکمه‌ن	20	5	5
3	Турт-айгир تورت ایغیر	20	5	5
4	Янги-кишлак ینگی قشلاق	15	2	—
5	Муса-бек موسی بیک	4	—	—
6	Джилва-кишлак جلوه قشلاق	20	4	4
7	Кашкар-кишлак قشقر قشلاق	35	6	5
8	Джалаир и Санг-кишлак شلایر (جلایر) وصم (سنك) قشلاق	30	4	3
9	Кальбай کلبای	20	3	2
10	Мангит منغیت	20	3	2
11	Йишик-кишлак یشیق قشلاق	30	4	3
12	I, II, III (3 вакуфных кишлака) سه قشلاق وقف	45	7	4
13	Кара-Мулла (Маргизарский) قرا ملا مرغیزار	20	3	2
14	. . . . . خواجه داد خواه ...[1]	18	2	1
15	. . . . . یوسف مینک باشی ...	10	2	1
16	Мулк-Абад ملک آباد	15	10	2
17	Ак-тепа (Мулла-кулиманский) آق تپه ملا قلی مان	25	5	2
18	Ак-тепа (Нурбайский) آق تپه نوربای	15	4	2
19	Сабирджан صابرجان	30	10	3
20	Гиджан (Газибекский) غجدان غازی بیک	20	3	3
21	Мильтикчи ملتقچی	15	3	2
22	Ак-тепа (Мингбайский) آق تپه مینک بای	25	4	4
23	Беш-терак بیش تیرك	50	6	6
24	Бек-бачча (Тупчи-кишлакский) بیک بچه توپچی قشلاق	15	2	2
25	Бахши-тал بخشی تال	15	2	2

[1] Везде, где стоят многоточия, названия кишлаков не прочитаны.

1	2	3	4	5
26	Кара-Янтак قرا ینطاق	20	3	3
27	Султан-Абад سلطان آباد	15	4	2
28	Мирза-ходжа میرزا خواجه	25	3	3
29	Шух-кишлак شوخ قشلاق	15	2	2
30	Гадай-кишлак گدای قشلای	8	1	—
31	Хан-кишлак (Мулла-Ирискулинский) خان قشلاق ملا ایر سقلی	10	2	1
32	Янгн-кишлак ینگی قشلاق	13	2	2
33	Чанг-кишлак چنگ قشلاق	27	5	3
34	Ашур-кази عشور قاضی	15	3	2
35	Хан-ходжа кишлак خان خواجه قشلاق	25	4	4
36	Калта-тай کلته تای	25	4	4
37	Ёкуб-ишан ходжа یابوی (یاقوب) ایشان خواجه؟	20	3	3
38	Кум-арык (Дайду-кишлакский) قم اریق دیدو قشلاق	30	5	5
39	Кобул Мирза-кишлак قشلاق قابل میرزا	8	2	1
40	Кангли-курбаши قنگلی قورباش	15	2	1
41	Айим-кишлак قشلاق عایم	10	2	2
42	Беш-капа (Камчинбафский) вместе с курганчой بیش کپه قمچین باف مع قورغانچه	30	5	5
43	Якка-Мулла یکه ملا	10	6	1
44	Кишлак-Мулланадир (вакуфный) وقف قشلاق ملا ندر	10	—	—
45	Ганчи-кишлак غنچی قشلاق	10	—	—
46	Пиллахан پله خان	40	5	5
47	Карам-кишлак کرم قشلاق	10	1	—
48	Хасан-кара حسن قرا	25	3	3
49	Ач-бахрайн I и II هردو آچ بهر ین	50	6	6
50	Якка-Тут یکه توت	20	2	2
51	Капа-кучкар کپه قوچقار	20	2	2
52	. . . . . حصاری ...	15	—	2
53	Зигир-кишлак (вакуфный) زغیر قشلاق وقف	40	5	5
54	Чункайма (вакуфный) جونکقیمه وقف	25	5	3

1	2	3	4	5
55	Хаким-Тура حکم توره	15	2	2
56	Кум-кишлак قم قشلاق	10	2	1
57	Чахар-Кунгурад[2] چهار قونغر اد	70	8	8
58	Алим-кишлак (вакуфный) عالیم قشلاق وقف	20	3	3
59	Кур-Мангит کورمنغیت	25	3	3
60	. . . . . قشلاق	20	3	3
61	Тепа-курган تپه قورغان	38	5	5
62	Султан-кишлак (Уракчи джалаир سلطان قشلاق اوراقچی جلایر	38	5	5
63	Бай-таман-кишлак بای تمن قشلاق	30	—	4
64	Шахид-кишлак شهید قشلاق	25	—	3
65	Катаган-Мерген قتغن میرگن	20	2	2
66	Дашт-кишлак تشت(دشت)قشلاق	25	4	3
67	Кекиртак-кишлак کیکیرتک قشلاق	10	1	—
68	Куш-тепа хурд (малый) قوش تپه[6] خرد	10	1	—
69	Бек-бачча (айритамский) بیک بچه ایری طام	20	3	2
70	Кангли-халифа قنکلی خلیفه	25	4	3
71	Буйрак-кишлак بویرک قشلاق	30	5	5
72	Тукбай-тепа توقپای تپه	20	4	3
73	. . . . . قشلاق ...	10	2	1
74	Газы-яглик поён (нижний)[3] غازی یاغلیق پایان	25	—	4
75	Арзык-тепа[3] ارزک تپه	20	5	3
76	Найманча (Тангри-кулинский) نیمه‌نچه[6] تنکریقلی	15	—	2
77	Найманча (Рахматуллинский) نیمه‌نچه[6] رحمت الله	15	2	2
78	Мир-баки ишикчи میرباقی ایشکچی	10	3	1
79	Бай-бута بای بوته	25	5	4
80	Барзанги برزنگی	30	5	5
81	Ала-байтал الا بیطل	10	2	1
82	Куш-купрук قوش کوبروك	20	4	3
83	Шухи-кишлак (вакуфный) شوخی‌قشلاق وقف	15	3	2
84	Беш-тентак بش تینتک	10	2	2
85	Бек-Абад (вакуфный) بیک آباد وقف	50	7	8

[2] Вполне возможно, что это 4 селения под названием Кунгурад.
[3] На один день.

1	2	3	4	5
86	Хукандбай خوقند بای	25	4	3
87	Шахим-бек I и II هردو شاهیم بیک	40	7	8
88	Булаг-баши بلاغ باشی	10	2	2
89	Алтидан-бир آلتی دن بر	10	2	2
90	Калдушан کل دشن	30	4	4
91	Кармак Мухаммад Нур Ишан کرمگ محمد نور ایشان	10	2	1
92	Кармак Сулайман-бек کرمک سلیمان بیک	10	3	2
93	Кашгар-кишлак کاشغر قشلاق	10	2	2
94	Тилав-Султан бий تیلو سلطان بی	10	2	2
95	Янги-кишлак (Мухаммадамин-бека) ینگی قشلاق محمد امین بیک	15		1
96	Сагира-кишлак صغیره قشلاق	15	4	1
97	Кушчи-кишлак قوشچی قشلاق	20	4	3
98	Шур-кишлак موضع شور قشلاق	15	3	2
99	Карам-кишлак کرم قشلاق	10	2	1
100	Екуб-калан یاپوی (یاقوب) کلان؟	40	7	5
101	Ак-курган آق قورغان	50	6	6
102	Найман-калан نیمن کلان	60	9	6
103	Биби-убайда بی‌بی عبیده	70	5	10
104	Тилав-тепа تیلو تپه	15	2	2
105	Янги-кишлак ینگی قشلاق	10	2	2
106	Туда-кишлак توده قشلاق	10	2	1
107	Макиён ماکیان	10	2	1
108	Джилва-кортан جلوه کارتان	15	2	2
109	Маслихат مصلحت	20	3	3
110	Джарку-кишлак (Ит-кишлакский) جرکی قشلاق ایت قشلاق	20	3	3
111	Ак-тепа آق تپه	15	3	2
112	Карим-баба کریم بابا	20	—	3
113	Калта-тай کلته تای	25	4	4

* На этом месте документа имеется следующая надпись: «امینان و اقسقالان قشلاقهای مذکورون را آنکه از روی فرمایش عالی جهت دهقانی زمین پرمسجد بطریقهٔ حشر گویان سه‌روزه مردکار از شمایان فرمودیم باید که اسب عرابه‌دار وآدمان کاری هارا همرا خود آروده تاسه روز کار کرده روید»

1	2	3	4	5
114	Екуб-Ишан ходжа? يابوی (ياقوب) ايشان خواجه	20	3	3
115	Кум-арык (Дайду-кишлакский) قم اريق ديدو قشلاق	30	5	5
116	Кабыл Мирза-кишлак قشلاق قابل ميرزا	8	1	1
117	Канглы-курбаши قنكلی قورباشی	15	2	2
118	Казак-Айим кишлак قشلاق قزاق آيم	10	2	2
119	Беш-капа (Камчинбафский) بيش كفه قمچين باف‌قورغانچه	30	5	5
120	Якка-Мулла يكه ملا	10	1	1
121	Кишлак Мулла Надир (вакуфный) وقف قشلاق ملانديز	10	1	—
122	Ганчи-кишлак غنچی قشلاق	10	1	—
123	Пилла-хан پله‌خان	40	5	5
124	Карам-кишлак كرم قشلاق	10	1	—
125	Хасан-кара حسن قرا	25	3	3
126	Ач-бахрайн I и II هردو آج بهرين	50	6	6
127	Якка-тут يكه توت	20	2	2
128	Капа-кучкар كفه قوچقار	20	2	2
129	... . حصاری	15	2	2
130	Зигир-кишлак (вакуфный) زغير قشلاق وقف	40	6	5
131	Чункайма (вакуфный) جونكيمه وقف	25	4	3
132	Хаким-тура حكيم تورہ	15	3	2
133	Кум-кишлак قم قشلاق	10	2	1[5]
	В месяце сафар 8 дня (در تاريخ ماه صفر روز هشتم)			
134	Арабан موضع عربان	30	5	5
135	Калла-муш кишлак كلموش قشلاق	25	3	3
136	Янги-кишлак (Уч-хатунский) ينگی قشلاق اوچ خاتون	10	2	2
137	Чарбаг-Турангу چارباغ تورانغو	30	4	4

[5] Здесь приводятся итоги по группе кишлаков — («دوهزار هشت‌صد شصت مردكار و سه‌صد پنجاه يک عرابه آمد»)

1	3	3	4	5
138	Пахлаван-Таши پهلوان تاشی	40	—	5
139	Шур-кишлак شور قشلاق	20	—	2
140	Бури-кишлак بوری قشلاق	10	—	1
141	Гунча[6] غونچه	10	—	1
142	Дихкан-туда دهقان توده	50	15	6
143	Ак-Тавук I и II هردو آق طاوق	40	4	4
144	Чимбай-кишлак جمبای قشلاق	25	3	3
145	Наукат-кишлак نوکت قشلاق	60	8	8
146	Тавул-кишлак طاول قشلاق	30	4	4
147	Джанджал-кишлак جنجال قشلاق	70	10	10
148	Ходжа-кишлак خواجه قشلاق	15	2	2
149	Шур-кишлак شور قشلاق	10	2	1
150	Кара-джигда قراچکده	20	3	3
151	Кармак کرمک	10	2	1[7]
	В месяце сафар 7 дня (در تاریخ ماه صفر روز هفتم)			
152	Уттиз-замбур اوتتوز ضمبر	15	4	2
153	Бурка-али بورکه علی	10	2	1
154	Унгурт اونکورت	10	2	1
155	Кум-кишлак قم قشلاق	15	2	2
156	Мокиён-кишлак ماکیان قشلاق	10	2	2
157	Катаган-кишлак قتغن قشلاق	10	1	1
158	Хафалак-кишлак خفلک قشلاق	15	13	2
159	Янги-курган I и II هردو ینگی قورغان	20	3	2
160	Ала-байтал I и II هردو الا بیطل	10	1	1
161	Кара-Мулла قرا ملا	15	3	2
162	Кара-Янтак قرا ینطاق	15	2	2

[6] Из селений Пахлаван-баши, Шур-кишлака, Бури-кишл ака и Гунча люди мобилизовывались на один день.

[7] В этом месте документа даются итоги по другой группе кишлаков («پانصد عدد مردکار شصت چار آغدارمه آمد»)

1	2	3	4	5
163	Тилав-кишлак تیلو قشلاق	20	3	2
164	Джар-кишлак جر قشلاق	10	1	1
165	Курка-кишлак کور که قشلاق	15	2	2
166	Кулал کولال	15	2	2
167	Тал-кишлак تال قشلاق	15	3	2
168	Джамбай-кишлак? دمبای قشلاق	30	5	4
169	Каза-курган قضا قورغان	40	5	5
170	Увада-кишлак اوباده قشلاق	10	2	1
171	Шахид-майдан شهید میدان	15	3	2
172	Шахи-бедех кишлак? شاهی بده قشلاق	10	5	1[8]
	В месяце сафар 25 дня در تاریخ ماه صفر روز بست پنجم			
173	Беш-арык بیش اریق	70	7	7
174	Шах-берди شاه بردی	20	3	3
175	Бахмал-кишлак بخمل قشلاق	20	4	3
176	Кият-кишлак قیات قشلاق	25	3	3
177	Сари-тал سری طال	15	2	2
178	Таш-арык تاش اریق	15	2	2
179	Авули-казакон آول قزاخمان؟	10	2	1
180	Ходжи-бек حاجی بیک	15	2	2
181	Узун-кишлак اوزون قشلاق	25	2	2
182	Кара-куйли قرا قویلی	25	5	3
183	Якка-тут یکه توت	50	5	5
184	. . . . . (вакуфный) غلچه قشلاق وقف	25	4	3
185	Беш-капа بیش کپه	20	4	3
186	Карабуюн калан (большой) قرابویون کلان	25	3	3
187	Карабуюн хурд (малый) قرابویون خرد	10	2	1
188	Гальча-кишлак غلچه قشلاق	10	2	1
189	Ак-мечеть آق مسجد	30	5	4
190	Кияли (вакуфный) قیالی وقف	10	2	1
191	Дулат-Али دولت علی	10	1	—

[8] По этой группе кишлаков даются следующие итоги: (سه‌صد ده مرد کارسی سه‌عدد عرابه آمده)

1	2	3	4	5
192	Мирза-Абад میرزا آباد	10	1	—
193	. . . . . سیرک	20	3	3
194	Курама-кишлак قرمه قشلاق	10	2	1
195	Безак-кишлак بزک قشلاق	10	2	1
196	Кияли-калан (большой) قیالی کلان	15	3	2
197	Арык-баши اریق باشی کم خانه قورغانچه عثمان بای	10	1	—
198	Сабир-тепа صابر تپه	40	5	5
199	Андархан اندرخم	15	3	2
200	Фатар-кишлак فتر قشلاق	20	3	3
201	Капа Янги-кишлак (вакуфный) کپه ینگی قشلاق وقف	15	3	2[9]
202	Иштан-салди اشتان سالدی	15	2	2
203	Тиляминг-кишлак موضع تیلیمینک قشلاق	25	4	4
204	Кара-курпа (с окрестностями) قراکورفه مع توا بعش	40	6	6
205	Чункат-кишлак جنکت قشلاق	30	5	5
206	Тумар-кишлак طومار قشلاق	30	4	4
207	Кияли и Какир-кишлак قیالی وققیر قشلاق	50	7	7
208	Турк-Абдулхалик ترک عبدالخالیق برهنه	5	1	—
209	Ала Хамак الا خمک کیمه چیان	6	—	—
210	Ш у р-кишлак (побережный) شور قشلاق لب دریا	30	3	3
211	Ак-кул (Каракалпакский) آق کول جماعهٔ قرا قلپاق	40	4	6
212	Сарай (с прилежащими) سرای مع توا بعش	40	4	6
213	Ак-джар кишлак آق‌جر قشلاق تابعان صوفی امین	20	2	2[10]

[9] Здесь помещена пата: «جمعش ششصد بست نفر مردکار هفتا دیک عرابه از شمایان بطریقهٔ حشر سه روزه فرمودیم باید که برسیدن پته مردکار مع کلند و عرابه آمده کارکرده نوبت خودهارا گذرانیده روید»

[10] В этом месте документа помещена следущая пата: «جمع دوصد دوکم هفتاد نفرسی هفت آغدارمه میباشد بطریقهٔ حشر گویان هرساله سه‌روزه از شمایان فرمودیم باید که عرابهٔ آغدارمه مردکارکارای امینان هر کدام قشلاقها همراه خودها آورده سه‌روز در قطار مردم کارکنانیده روید البته بفرمایش عالی همین است ۱۲۹۰»

1	2	3	4	5
214	Патар-кишлак بتر قشلاق	10	1	1
215	Султан-Абад (верхний) سلطان آباد بالا	40	6	6
216	Султан-Абад (нижний) سلطان آباد پایان	40	6	6
217	Ак-мечеть I и II (Мавлавинская) هردو آق مسجد مولوی	40	6	6
218	Ак-мечеть (большая Халжибекская) آق مسجد حاجی بیگ کلان	30	5	5
219	Уч-билак-кишлак اوج بلاک قشلاق	10	2	1
220	Шур-кишлак (вакуфный) شور قشلاق وقف	15	2	2
221	Янги-кишлак (МухаммадАмин-бека)[11] ینگی قشلاق محمد امین بیک	12	—	2
222	.... قشلاق وقف (вакуфный)	20	2	2
223	هردو..... I и II	—	—	2
224	Ислам-кишлак اسلام قشلاق	35	9	4
225	Так-об кишлак I и II هردو تکاب قشلاق	35	6	4
226	Кайкубад кишлак کیقباد قشلاق	15	2	2
227	Куш-кишлак (вакуфный) کوش قشلاق وقف	15	2	2
228	Какир-китабдар فقیر کتابدار	12	2	2
229	Какир-кишлак (вакуфный) فقیر قشلاق وقف	12	2	2
230	Янги-кишлак (вакуфный Хак-кулинский) ینگی قشلاق وقف حق قلی	12	2	2
	В месяце рабби-ул аввал (در تاریخ ماه ربیع الاول)[12]			
231	Джуги جوگی	20	Не приб.	4
232	Кук-Туппи کوك توفی	15	Не приб.	2
233	Тамаша-кишлак تماشا قشلاق	15	3	2
234	.... قشلاق	10	—	1

[11] На один день.

[12] Рядом с этим названием в дафтаре помещена пата следующего содержания: «جمع سه‌صد پنجاسه نفر مردکار چهل نه عرابه امینان واقسقالان قشلاقهای مذکوررا نموده میشود که جهته دهقانی زمین برمسجد بطریقهٔ حشر گویان ازشمایان مردکار عرابهٔ آغدارمه از روی فرمایش عالی فرمودیم باید که سه روزه در قطار قشلاقها آمده کارکرده روید البته ۱۲۹۱»

1	2	3	4	5
235	. . . . .	25	3	2
236	Кули-баба кишлак قلی بابا قشلاق	10	2	1
237	Хайит-кишлак حیت قشلاق	25	3	3
238	Кызыл-кияк قزیل قیاق	20	3	3
239	Гальча-кишлак غلجه قشلاق	10	2	1
240	Айри-Там кишлак ایری تام قشلاق	15	2	2[13]
241	Шабада-кишлак شباده قشلاق	10	2	1
242	Ардахшан-кишлак اردخشان قشلاق	20	3	3
243	Беш-капа I и II هردو بش کفه قشلاق	30	10	10
244	Кудаш-кишлак قودش قشلاق	30	10	10
245	Дашт-Хурдак (Хасанский) دشت خوردك حسن	20	5	5
246	Дашт-кишлак (Чулпанский) دشت قشلاق چولپان	30	10	10
247	Чач-тепа جاج تپه	25	5	5
248	Джалаир-тепа جلایر تپه	25	5	5
249	Чинар-тепа چنار تپه	25	5	5
250	Шахтура-кишлак شاه توره قشلاق	25	5	5
251	Яйпан-элчи-кишлак ییپان ایلچی قشلاق	20	Не приб.	5
252	Яйпан-гани ییپان غنی	20	Не приб.	5
253	Яйпан-калан (большой) ییپان کلان	30	Не приб.	10
254	Яйпан-кулибек ییپان قلی بیک	15	Не приб.	5
255	Кушкун-кишлак قوشقون قشلاق با تابعات	100	—	20
256	Султан-кишлак سلطان قشلاق	20	—	5[14]
257	Кур-кишлак کور قشلاق	30	—	10
258	Ак-тепа (Какирский) آق تپه[6] قفیر	30	—	10

[13] В этом месте имеется следующая надпись: «در تاریخ ماه ربیع الاول روز یاز دهم یک صد شصت یک مردکار نزده عرابه» — «در تاریخ ماه ربیع الاول روز یازدهم پانصد هزار هشتاد دو (هزار پانصد هشتاد دو) мердкар وشش صدبست سه عرابه بلرون زمین یز مسجد دخل شده»

[14] Здесь даются итоги по группе кишлаков — «جمع سه صد سی نفر هفتاد عـرابه»

1	2	3	4	5
259	Давлат-батур кишлак دولت باتور قشلاق	20	—	—
260	Ак-Язы кишлак آق یازی قشلاق	10	—	—
261	Кара-Язы баба قرا یازی بابا	10	—	—
262	Чек Малла-бек جیک مله بیک	10	—	—
263	Тургил-кишлак[15] ترغیل قشلاق	25	—	5
264	Балтакул-кишлак بالته قل قشلاق	25	—	5
265	Гайри-кишлак غیری قشلاق	30	—	10
266	Кашка-кум кишлак قشقه قم قشلاق	20	—	4[16]
	В месяце рабби-ул аввал 16 дня (понедельник) در تاریخ ماه ربیع‌الاول روز شانزدهم (روز دوشنبه)			
267	Нурсух-кишлак نور سوخ قشلاق	50	—	25
268	Афган-кишлак افغان قشلاق	60	—	30
269	Рабат-кишлак ربات قشلاق	20	—	6
270	Бек-Абад кишлак بیک آباد قشلاق	30	—	10
271	Ингичка-кишлак اینگجکه قشلاق	40	—	20
272	Шумкор شمقار	20	—	7[17]
273	Балга-Али кишлак بالغه علی قشلاق	8	—	1
274	Алим-кишлак عالیم قشلاق	15	—	3
275	Ишан-кишлак ایشان قشلاق	30	—	10
276	Куш-тегирман قوش تیگرمان			
277-а	Кахад قحد			
277-б	Худайчи حدایچی	300	—	40
277-в	Ак-джангал آق جنگل			
277-г	....مع توابعش			
277	Мазар-тал кишлак مزار تال قشلاق	15	—	2

[15] Рядом с этой строкой помещена пата: «پانصد بست پنج نفر (مردکار) بکصد بست پنج عرابه[ع] آغدرمه از شمایان فرمودمشد باید که برسیدن پته مع کلند و عرابه[ع] آغدرمه توانا آورده نوبت خودهارا گذرانیده راوید»

[16] На этом месте даются итоги по группе кишлаков — «جمع یکصد نفر (مردکار) بست عرابه»

[17] Здесь также итоги по группе кишлаков — «جمع دوصد نفر مردکارنود عرابه»

1	2	3	4	5
278	Ходжа-кишлак خواجه قشلاق	40	—	10
279	Самарканд-кишлак سمرقند قشلاق	20	—	5
280	Киркиб-Волди (олди) قرقیب والدی	30	—	10
281	Мухаммадкули-Абад محمد قلی آباد	15	—	2
282	Кангли-Макани I, II, III (с подчиненными) سه‌قنگلی مکانی مع توابعش	100	—	20
283	Бек-бачча I, II, III سه‌بیک بچه	90	—	15
284	Каракчи-тал قراقچی تال	20	—	3
285	Амир-Абад (Рахимкульский) امیر آباد رحیمقلی بیگ	25	—	5[18]
	В месяце рабби-ул аввал 22 дня ماه ربیع الاول بست دویم			
286	Сафар-Махрам кишлак صفر محرم قشلاق	30	—	6
287	Дурманча (Катаган кавачкакский) دورمنچه قتغن کواجکاك	40	—	6
288	Бедарак-кишлак بیدرك قشلاق	15	—	2
289	Майли-бай مایلی بای	30	—	6
290	Шур Ак-ер кишлак شور آق یر قشلاق	40	—	8
291	Кан-зилал کان زلال	40	—	8
292	Буджи-кишлак بوجی قشلاق	30	—	5
293	Бек-Абад (Каримкульский) بیک آباد کریمقلی	45	—	5
294	Арбаф-кишлак (вакуфный) وقف اربافی قشلاق	30	—	5
295	Булаг-баши I,II (Беш-капинские, вакуфные) هردو بلاغباشی بش کفه وقف	110	—	20[19]
296	Акир-кишлак موضع اقیر قشلاق	50	—	10
297	Рашдан (с подчиненными) راشدان مع توابعش	200	—	50
298	Туда-кишлак توده قشلاق	50	—	10
299	Кишлак Аваздая قشلاق عوض بای	20	—	3

[18] Здесь имеется запись: «جمعش شش صد پنجاه پنج نفر مردکار یکصد دوازده عرابه‌ٔ آغدارمه پته‌ٔ سه‌روزه شد»

[19] Запись: «باباخان قزاقبای رفته» «جمع چهار صد ده نفر مردکار هفتاد پنج عرابه پته شده»

1	2	3	3	5
300	Захидан (с подчиненными) موضع زاهدان مع توابعش	200	—	30
301	Джахан-Абад кишлак چهان آباد قشلاق	25	—	4
302	Кирк-кетман кишлак قرق كيتمن قشلاق	70	—	15[20]
303	Джалаир-кишлак جلاير قشلاق	30	—	8
304	Кумбасти-кишлак قم باستى قشلاق	30	—	5
305	Кармак (Нурмухаммад-ишана) كرمك نور محمد ايشان	25	—	5
306	Кармак (Сулайман-бека) كرمك سليمان بيك	25	—	5
307	Кашгар-кишлак كاشغر قشلاق	25	Не приб.	5
308	Урта-курган اورته قورغان	30	—	5
309	Джерик-джигида I,II,III سه جريك جگده	45	—	15
310	Хан-келди خان كيلدى	—	—	—
311	Дунг-кишлак دونک قشلاق	15	—	2
312	Дунг-сарай دونک سراى	20	—	3
313	Теварак-кишлак تيورک قشلاق	20	Не приб.	10
314	Кайнар-ахунд قينر آخوند	20	Не приб.	5
315	Курбан-Мерген قربان ميرگن	20	Не приб.	5
316	Тилав-султан кишлак تيلو سلطان قشلاق	20	Не приб.	5
317	Элаш-кишлак ايلش قشلاق	3	—	1
318	Тавуш طاوش	3	—	1
319	Курбан-мерген قربان ميرگن	3	—	1
	В месяце раби-ул сани 8 дня (در تاريخ ماه ربيع‌الثانى روز هشتم)			
320	Алмурад-кишлак المراد قشلاق	25	—	5
321	Янги-кишлак ينگى قشلاق	25	—	5
322	Кашгар-кишлак (вакуфный) كاشغر قشلاق وقف	20	—	3

[20] Запись: «جمع پانصد چهل پنج نفر مردكار يكصد هفت عرابه»

1	2	3	4	5
323	Кашгар-кишлак (Бердиканский) كاشغر قشلاق برديكه	35	—	4
324	Караул-тепа قراول تپه	25	—	5
325	Бек-Абад (Шах-джалилский) بيك آباد حضرت شاه جليل	50	—	8
326	Таргова ترغاوه	20	Не приб.	5[21]
327	Катта чигит-кишлак كته چيگت قشلاق	30	—	20
328	Юз-балиг кишлак يوز بليغ قشلاق	30	—	20
329	Якка-Карагач (таджикский) يكه قيراغاچ تاجكان	30	—	20
330	Тер-Тер I, II از هردو تير تير	20	—	15
331	Багдад-кишлак (Баги-шамала Марра-абадского кишлака) بغداد قشلاق باغ شمال مررا آباد	50	Не приб.	30[22]
332	Янги-курган موضع ينگى قورغان	150	—	—
333	Бачкир-кишлак بچقر قشلاق	150	—	—
334	Янги-кишлак[23] ينگى قشلاق	20	—	20
335	Кайнар-калан (большой) قينر كلان	30	—	30
336	موضع ..... قشلاق	150	—	—
337	Кенагас-калан (большой) كنگس كلان	50	—	—
338	Нан-емас кишлак نان يمش قشلاق	25	—	—
339	موضع..... قشلاق[42]	80	—	—
340	Кенагас-хурд (Малый) كنگس خرد	25	—	—
341	Куш-тепа хурд (малый) قوش تپه خرد	—	—	5
342	Куш-тепа калан (большой) قوش‌تپه كلان	—	—	15
343	Бек-Абад калан (большой Бек-Абад) بيك آباد كلان	—	—	20[25]

[21] Запись: «جمع دوصد پنج نفر (مردكار) سى پنج عرابه»

[22] Запись: «جمع يكصد پنج عرابه يكصد شصت نفر مردكار»

[23] На два дня.

[24] Ввиду того, что не весь текст можно было разобрать, остались совсем не уточненными названия 18 кишлаков, которые отмечены точками.

[25] Помещена пата: «جمع سه‌صد هشتاد نفر مردكار چهل عرابه آغدارمه از شمايان بطريقه[6] حشر گويان فرموديم بايد كه برسيدن پته تا سه روزه آمده كار كرده روید قوش دادهٔ خودهارا بجاى عرابه شكسته تن گرفتم باز بشمايان مردكار پياده فرموديم آمده نوبت مردكار خودهارا كار كرده روید مؤكد دانسته تا[6] كيد است ماه ربيع الثاني روز چهاردهم باد شمال سياه آمده... جمع الجمع نه‌هزار سى‌نه پياده مردكار آمده ويك‌هزار سه‌صد چهل شش آغدارمه آمده دوصد بست قوش آمد».

Приложение 36

ЗАПИСЬ ЧЕКЧИЕВ, РАБОТАЮЩИХ КЕТМЕНЕМ

(آنچه جگ چییان کلندر)

№/№ п/п	Кишлаки, из которых прибыли арендаторы-издольщики	Количество человек	Количество выданных кетменей	Количество выданных кошей (пар волов)
1	Санам-кишлак	4	3	1
2	Мангит-кишлак	4	3	1
3	Кызыл-муш	4	3	1
4	Таргаба-кишлак	6	3	1
5	Кальбай-кишлак	5	3	1
6	»	4	3	1
7	»	4	3	1
8	Гумайли-кишлак	4	3	1
9	»	4	3	1
10	»	3	3	1
11	»	4	3	1
12	Гумайли, Джар-кишлак, Ак-мечеть, Бек-Абад	4	3	1
13	Гумайли, Ак-мечеть и Чадак	4	3	1
14	Ак-мечеть кишлак	4	3	1
15	»	4	3	1
16	Пишкаран	4	3	1
17	»	4	3	1
18	»	2	2	1
19	Тифаки?	4	3	1
20	Махалла-и Турги Мирзо (محلهٔ ترعی میرزا)	6	5	1
21	Ганджи-раван	5	4	1
22	»	4	3	1
23	»	5	4	1
24	Чадак	4	3	1
25	»	4	3	1
26	Из разных селений	4	3	1
27	Гумайли, Тегирман-баши, Таргаба	4	3	1
28	Якка-мулла	2	1	—
29	Из неизвестных кишлаков	2	3	1
30	Люди из ремесленной среды (کاسب)	17	—	—
		133	88	28

Приложение 3 в:

ДАФТАР, СОДЕРЖАЩИЙ ИМЕНА 28 САРКАРОВ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА ВЫРАЩИВАНИЕ ХЛОПКА В РЯДЕ СЕЛЕНИЙ И МЕСТНОСТЕЙ ХАНСТВА

1. Сахиб — саркар селений Хан-арык и Карбаба.
2. Шермухаммад — саркар селения Рамадан.
3. Дустмухаммад — саркар селения Зарканд.
4. Суфи — саркар селения Ахшак.
5. Нормухаммад — саркар селений Киргил и Янги-сай.
7. Мухаммад Юсуф — саркар селения Араб-мазар.
8. Мухаммад Юсуф — саркар селения Хан-Абад
9. Закир —саркар селений Кум-арык, Кара-тепа.
10. Сулайман — саркар селения Яз-ябан.
11. Ходжа Мухаммад — саркар селений Пункан, Гандумдан, Джуйи-базар.
12. Мухаммад Расул Ходжа — саркар селений Укчи, Кара-кушчи, Кара-калтак.
13. Гаибназар — саркар селения Лангар.
14. Мухиддин Махдум — саркар селения Анхор.
15. Ахмад — саркар селения Чекда.
16. Мухаммад Халик — саркар селения Ак-бурья.
17. Мухаммад Халик — саркар селения Хишман.
18. Мулла Ата-бек — саркар селений Актепа, Ингичка, Джуй-Алиман.
19. Ходжа Джума-бай — саркар селений Сим, Шура, Джаримган.
20. Мулла Агалик — саркар селений Арсиф, Кучкарчи.
21. Тураходжа — саркар селений Супан Валик.
22. Фазил — саркар селений Улагон, Науканди ёйилма, Фатар-муён, Палман, Айри-там.
23. Мулла Мухаммад Шариф — саркар селения Гулифон.
24. Саки — саркар селения Учкурган.
25. Мулла Рустали — саркар селения Хуканд-кишлак.
26. Абдулла-курбаши — саркар селения Куба.
27. Эрмухаммад — саркар селений Чаукан и Кара-тепа.
28. Бабарахим — саркар селения Минг-тепа.

Набиев Р. Н.
Из истории Кокандского ханства. (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Отв. ред. акад. АН УзССР М. Ю. Юлдашев. Т., «Фан», 1973.
388 с. (АН УзССР. Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Беруни).

9(Сб)

Зр.634.